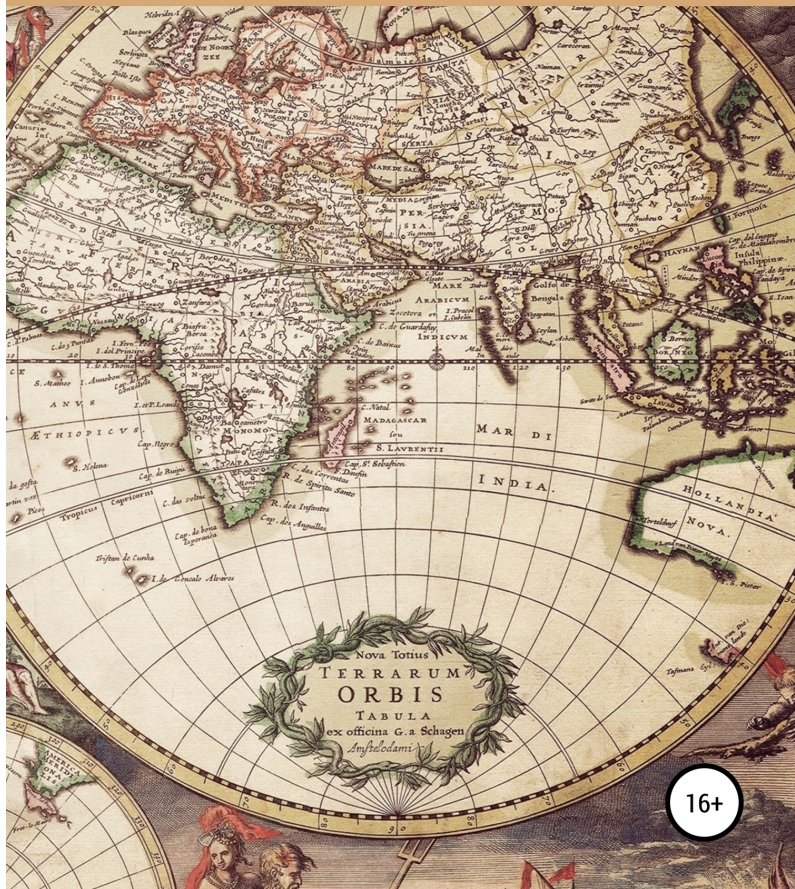

Александр Зарницын
Проданный ветер

16+

Александр Юрьевич Зарницын

Проданный ветер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42610468

SelfPub; 2019

Аннотация

Остросюжетный роман об освоении русскими поселенцами далекой Аляски. О противостоянии секретных служб России и Англии на землях Северной Америки. В книге рассказывается о мужестве солдат, казаков, поселенцев, а также о роли и месте казачества, которое принимало активное участие в защите и освоении удаленных колоний империи. Противостоя племенам индейцев, шпионам, золотоискателям и браконьерам. В романе на основе реальных событий вскрываются причины, побудившие Российскую империю продать столь значительную территорию. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

– Все, Константин Петрович! Дальше пойдете без нас по кромке океана, а мы повернем на Славянку, – устало проговорил полковник, смахивая испарину с лица. – Запомни самое главное, что я бумаге доверять не могу... Если с нами, что-то случится, то доложишь, что инженерных дел мастера подтвердили наличие на Клондайке коренного золота.

Скажешь, что местами золотоносные жилы выходят на поверхность, где их можно разрабатывать в промышленных масштабах. За точку отсчета пусть возьмут лесопилку этого проходимца Саттера, именно она стоит на хребте одной из крупнейших жил. На карте она привязана к местности, ее легко найти. Добейся аудиенции и доложи в картографическом кабинете, об изысканиях нашей экспедиции. Пускай твои убедительные аргументы прозвучат в сих стенах вместе с доводами инженера. Береги его кстати – он свой хлеб честно отработал, да и один он остался в живых, из всех мастеров горных. На теле у него в ремне кожаном описания всех наших изысканий, в цефире к местности привязаны и пробы золота. Думаю, они произведут впечатление на берегах Невы, заставят наконец, задуматься и в Сенате, где почему-то упорно не хотят, на кромке империи рудное дело ставить. Добейся, чтобы об итогах нашей секретной экспедиции узнали и в Академии наук, да и в стенах Русского географического общества.

Пора уже ударить во все колокола и объяснить наконец, что такие как мы, которые муки принимают в изысканиях,

стараются не только для рождения таких трудов как «Атлас Южных морей», но и для того, чтобы империя богатела.

– Все сделаем, – пробормотал, кивнув Орлов. С прищуром глядя на проходивших мимо навьюченных лошадей, ведомых уставшими казаками. – Империи конечно нужны достоверные землеописание земель и различных произведений природы. А нужно ли все это нашим чиновникам?

– Не суди обо всех скверно, Константин Петрович, – со вздохом отозвался полковник. Будущее за людьми умными, коих в империи много, к ним присмотреться получше надобно. Озадачься своим переходом крепко, от него сейчас многое зависит.

– А может все-таки попробуем провести обоз по этому маршруту? – тихо проговорил Орлов. – Идти осталось не много, а по берегам Славянки верст сто будет с гаком, да еще по землям, которые заселяют не аулеты, а кенайцы.

– Нет, поручик, – с горькой усмешкой отозвался тот. С навьюченными лошадьми, да по каменным осыпям нам не пройти. Бывал я в этих краях, потому и знаю, что не пройдем. Это если муку в лабазе оставить, да потом с подмогой вернуться, тогда лошадей по кромке провести можно. Но кенайцы сам знаешь, злодейство быстро учинят, так что выбора у нас нет, а муку в фортах поселенцы ждут.

– Как же вы пойдете по Славянке? Индейцы вооружены получше наших казачков, – покачав головой, проговорил Орлов, поднимая воротник полушубка.

– Согласен, что винтовки Винчестера с подствольным магазином, да продольно-скользящим затвором, оружие серьезное, – отозвался полковник. – Недооценка противника всегда ведет к поражению, потому и отправляю тебя за подмогой к Черемисову, ну а там уж как Господь решит. Доберешься до форта есаула, расскажешь ему, где и как идем. Пусть вышлет навстречу казачков для подмоги, толмача своего пусть тоже отрядит, а уж с толмачом мы всегда договоримся.

– Мне обоз у есаула в форте ждать?

– Ждать нас не надо, ежели у есаула все спокойно, то возьмешь лодку с двумя казачками и двигайте на веслах к Ново – Архангельску. Бумаги, что Неплюев везет уж больно серьезные, цены им нет для империи. Ну, а если, что не так пойдет, бумаги эти уничтожить надобно непременно – это приказ, поручик. В бумагах этих ключ ко всей Аляске, к ее процветанию и развитию. Задачу свою мы выполнили, теперь главное до Максutowa добраться, а уж он смекнет как вас быстрее до Петербурга отправить.

– Кого мне с обоза взять? – спросил Орлов, играя желваками.

– Заберешь всех гражданских, что бы у нас были руки развязаны, у нас помимо кенайцев, впереди есть трудные участки пути.

– Что вы имеете в виду?

– Славянка в этих краях разбивается на несколько рука-

вов, – поморщившись, проговорил полковник, доставая кисет с трубкой. – В некоторых местах придется переправляться, пока даже не знаю как, холодно уже. Спокойнее мне будет без них, сам понимаешь.

– Каторжанина беглого по прибытию в форт, в острог определить?

– Конечно! У вас с Неплюевым другая задача! Заберешь с обоза и кузнеца, думаю, с подковами мы сами управимся, смотрю, занемог он совсем как похолодало.

– Радикулит?

– Да, заедает его поганец, – раскуривая трубку, буркнул полковник, – боюсь как бы ему хуже не стало. Хворь эта сам понимаешь не для таких прогулок.

– Миссионеров значит, мне тоже забирать?

– Конечно! Уж больно идут тихо.

– Ваше превосходительство! – крикнул один из казаков, вытирая лицо лохматой шапкой. – Зорька на заднюю ногу хромит!

– Ударилась, что ли? – уточнил полковник нахмурившись.

– Как по лету на змею наступила, так с тех пор долго идти не может.

– Хорошо делаем привал! Ну, вот и вы заодно соберетесь, – произнес полковник, оглаживая коротко стриженную, седую бороду. – В помощь тебе даю урядника Степанова, он сейчас на вас харчи получит, да рукавички потеплее подберет. Управишься с одним помощником?

– С одним каторжанином я и сам управлюсь.

* * *

Полковник, сунув руки в карманы потертого оленьего полушубка, прищурившись, посмотрел на небо, которое имело у горизонта светло – оранжевый оттенок, переходящий в голубой и тихо проговорил:

– Какая же здесь все-таки дивная природа... Сколько мы здесь странствуем, а все одно глаз не нарадуется. У меня на родине таких сочных красок и не найти, а ковры из цветов какие тут по лету, эти сине-зеленые леса, эти фиолетовые и синие горы. Смотришь на эту красоту, дышишь этим чистейшим, аж до звона воздухом и жить хочется.

– У нас все так плохо? – тихо проговорил Орлов, закури-
вая папиросу.

– Почему?

– Я уже второй год служу под вашим началом и научился читать между слов. Вы меня хотите о чем-то предупредить?

Полковник поправил фуражку, устало посмотрел на подчиненного и тихо проговорил:

– Озаботься в первую очередь, Константин Петрович, не беглым разбойником, а миссионерами, которые с тобой пойдут.

– Сулимой и Ламбертом? – искренне удивился тот. – Но почему?

– Есть у меня на их счет скверные подозрения.

– Зачем мы их вообще с собой брали? – тихо проговорил Орлов, ища среди мелькающих шинелей спешивающихся казаков с алыми лампасами, темно – коричневые одеяния миссионеров. – Пускай сидели бы, у этого проходимца Сетеля, да миссионерством своим бы занимались.

– Не могу пока всего рассказать, Константин Петрович, извини. Одно могу сказать – так надобно было сделать.

– Что даже намекнуть нельзя, чего мне от этих попов ждать? Сами же говорите, что с бумагами важными пойдем.

– Сомнения у меня имеются, что ляхи они, да и насчет миссионерства их тоже вопросы имеются, – вздохнув, отозвался полковник. Ну, сам посуди, тот который молчит все время. Ну, какой с него миссионер?

– Ламберт?

– Он родимый! Помнишь в Россе, в драке с мексиканцами погиб один из наших горных инженеров?

– Помню, конечно, и что?

– Перед гибелью своей, за пару дней как раз, сказывал он мне, что этот самый безграмотный монах, писал палкой на земле цифирь, какую – то. И, что характерно, напишет, глаза закатит и шепчет себе под нос, словно запоминает.

– И спросить не спросишь, – покачав головой, проговорил Орлов.

– Вот, вот! Что с глухонемого возьмешь, – проговорил полковник, выбивая остатки пепла из трубки о приклад вин-

товки. – Я тогда у Сулимы, спросил, что все это значит.

– И, что же тот ответил? – уточнил Орлов, глядя на сидевших поодаль миссионеров в накиннутых на голову капюшонах.

– А Илья Сулима заявил мне, что брат Ламберт молится так усердно, а инженеру нашему, мол, все показалось. И надо же такому случиться – зарезали нашего инженера! Заметь, что и трезвы мексиканцы были, и повод для ссоры плевый был, а не убоялись злодейство учинить.

– Хорошо я учту это, – кивнув, отозвался поручик, озадаченный этим известием. – А что про Сулиму можете сказать?

– Да ничего практически, – развел руками полковник, – они же за неделю до нашей погрузки на парусник появились. Слышал только, как они с нашим Неплюевым постоянно спорили. Иван Иванович сам знаешь, как к служителям культа относится – любит он их, а Сулима от этого аж с ума сходит. Как-то раз в запале спора, Сулема выкрикнул, что монахи из Пруле всегда будут верны папскому престолу.

– Погоди, Павел Яковлевич, – насторожился Орлов. – Уж не значит ли это, что Сулема из этого самого Пруле?

– Очень даже может быть, – кивнув, буркнул полковник.

– Но ведь это тот самый монастырь, где доминиканцам дали привилегию принимать исповедь за пределами их диоцеза.

– Именно так, Константин Петрович. – А самое главное, что монахи эти всегда яростно отстаивали интересы своего

папы, всегда верой и правдой служили его престолу. Имей это в виду.

– Из их школ я знаю, вышло много инквизиторов.

– Все верно, их низший и средний персонал инквизиционных судилищ, всегда гордился своей работой, всегда отличался собачей преданностью папскому престолу.

– Зачем же они здесь объявились? Их орден все знают как нищенствующий и в столь далекое путешествие навряд ли они пустились бы.

– Вот и я говорю про то же, странно, что они объявились в наших краях. А насчет их бедственного положения ты заблуждаешься, Константин Петрович, уверяю тебя. В действительности они обладают огромными богатствами, да и влиянием во всем мире. На миссионерскую деятельность нужны деньги, поэтому папы всегда щедро подкармливали их, имея, разумеется, через них влияние на самые отдаленные части мира.

– Погодите, это, что же получается? – пробормотал Орлов, потирая ладонью лоб. – Они же не только всегда дерзко отстаивают свои учения, но их частенько используют в шпионстве. Вы хотите сказать...

– Я хочу, Константин Петрович, чтобы ты помнил про это когда к Черемисову пойдете. Дойдешь до форта, оставь их там! В дороге присмотришь к ним, попробуй Сулиму на разговор вывести доверительный. А там глядишь и какой клятвой принудишь его послужить на благо империи. Хотя ко-

нечно с такими разговоры вести надобно по-другому, через офицера ведающего сыскными делами.

– Или через пыточных дел мастера, – кивнул Орлов, – у которого и немые говорить начинают. – Хорошо я все понял.

– Ну и ладненько, возьмите с урядником по винтовке да по револьверу, патрон по десять на каждый ствол. Больше выдать не могу, да и не придется вам, я так думаю никаких боев вести. Места здесь пустынные, а уже к вечеру следующему глядишь и на разъезд казачков выйдите. Ну, все собирайся, поручик, а я пойду людей твоих потороплю.

Оставшись наедине Орлов, выбросил окурок и, затоптав его сапогом, стал с остервенением грызть спичку. Его как человека военного всегда выводило из себя, когда он видел превосходство противника в вооружении, а тем более в лице каких-то аборигенов. Которые имели на вооружении не только луки и стрелы, но и добротные винчестеры, револьверы Смита – Вессена и при этом не имели нужды в припасах к ним. Им же приходилось считать в обозе каждый патрон, чуть ли не молиться на десяток современных нарезных винтовок, прикупленных у американцев по случаю. Он с тоскою думал про то, что все это уже было и было совсем недавно в Крыму. Где империя познала горечь поражения, которое душило все русское общество. На всю жизнь он запомнил, как в боях приходило понимание того насколько отстала технически Россия от своих противников. Когда русская пехота была, как и сто лет назад вооружена кремниевы-

ми гладкоствольными ружьями, которые стреляли на три сто шагов. Как французские пули Минье, после нескольких выстрелов не входили в дуло ружей, а ему с солдатами приходилось забивать их шомполами, проклиная весь белый свет, под яростными обстрелами врагов. Которого удавалось сдерживать лишь яростными контратаками, огромными потерями и отчаянными рейдами в неприятельские тылы. Тогда как и сейчас враги не испытывали нужды в припасах и могли спокойно вести прицельный огонь до тысячи двухсот шагов, не испытывая задержек при стрельбе. Что давало им возможность уверенно поражать не только передовые порядки, но и наносить серьезный урон бомбардирам с обозами, находясь при этом в безопасности от гладкоствольных ружей с их ограниченными возможностями. Шло время, но ничего не менялось, хотя всеми признавалось, что круглая пуля получив вращение, проходя по нарезам ствола обладает лучшей меткостью и дальностью.

И вот теперь им противостоят племена окраинных народов, вооруженные винчестерами и скорострельными револьверами Кольта, не знающими нужды в патронах. В то время как в российские войска нарезные винтовки идут с огромными потугами, словно военное ведомство не желает содействовать победе русского солдата.

Откровенно глупые приказы с берегов Невы не давали возможности углубляться далеко от океана, что не давало русским поселенцам ближе соприкоснуться с культурой и

укладом жизни других народов. Которые отличались от дружелюбных аулетов и с которыми были натянутые отношения, то и дело грозящие перерасти в вооруженные конфликты. Вместо общения у костра, дымя трубкой пущенной по кругу, колонистам частенько приходилось старательно целиться в их головы украшенные перьями, видеть их перекошенные в боевой раскраске лица. Орлову была понятна эта агрессивность, ее корни и причины. Больше ста лет назад, на их землю пришли не только миролюбивые открыватели новых земель, но и алчные перекупщики. На их земли ступили царские чиновники различных рангов, имея в основной своей массе единственное желание, как и у американских и английских китобоев – обогатиться любой ценой. Вся эта разношерстная публика, жаждущая наживы, обирала и оттесняла аборигенов с обжитых их предками мест, нарушая многовековой уклад их жизни. Болезни, завезенные в эти места, довершали трагедию коренных племен, которые как могли, пытались противостоять этому нашествию. Орлова, как и многих поселенцев, досаждала какая – то безысходность и захирение в делах колонии, которое могло привести только к одному – разорению. Пушной промысел еще и оставался основой хозяйства колонии, но самых ценных каланов за все эти годы практически извели. За менее ценными лисами, бобрами и котиками приходилось уходить все дальше от океана вглубь материка, вторгаясь все дальше во владения индейских племен. Он простой русский офицер, не имею-

щей ни горного образования, ни купеческой жилки понимал, что только добыча угля и золота может привести колонию к процветанию. Но, как и в истории с нарезным оружием, чиновники были глухи к доводам не только рядовых колонистов, но и к аргументам самого правителя Русской Америки – МаксUTOва.

– Да, только тогда заживет здесь русский люд, – проговорил поручик с горечью, когда горное дело на этой земле твердо встанет. – Тогда не придется таскать муку на лошадях по фортам, тогда сам люд торговый значительных и не очень держав повезет ее сюда. Да и для казны войной разоренной, продажа золота с углем будет ко времени. Ничего осталось потерпеть совсем не много, несколько переходов до Ново – Архангельска, а там дорога до Петербурга. Может, насей раз услышат наши доводы и примут наконец правильное решение в начальствующих кабинетах. Ведь зачем – то два года назад отрядили нашу секретную экспедицию.

– Ваше благородие, – проговорил старый казак, подходя, – собрались мы вроде. Можно и в Родину путь держать.

– Все взяли, что для перехода надобно? – рассеяно, уточнил Орлов, глядя на седую прядь волос, которая выбивалась из-под лохматой шапки казака.

– Все как есть, – кивнув, отозвался тот, – котелки, крупы, чая с сахаром, палатку с нашими рукавичками. Даже два куска мыла у сотника умыкнул, с шурупами винтовыми.

– Шурупы то нам зачем? – улыбнувшись, уточнил пору-

чик.

– Так ведь в Ново – Архангельске их у него не допросишь-ся. Попам только нет вещей теплых, в табеле – то они нашем не значатся.

– Ну, о них есть, кому позаботиться, – отмахнулся Орлов, осматривая стоявших поодаль людей.

– И зачем только мы их с собой потащили, – шепотом проговорил урядник, крестясь при этом.

– Приведем в форт к есаулу, а там пускай сами шагают куда вздумают. А чем они тебе не нравятся?

– Да, скользкие они какие – то, латиняне опять – же, а за нами увязались за православными. Что у Ламберта, что у Сулимы глазки, все время бегают. Прямо как у котов шаловливых. Черные у них душонки, ох черные!

– Хорошо, Степанов, я учту твои соображения, – кивнув, проговорил Орлов. Попрощались с полчанами? Ну и, слава Богу, забирай людей и в путь! Я вас догоню сейчас.

– Есть выступать!

Козырнув двумя пальцами, старый казак перекрестился и, подойдя к стоявшим по одаль произнес:

– Не забывайте, что как и прежде живем по военным артиклям, идем тихо и не приметно. Вопросы есть? Ну, тогда все за мной марш!

Проводив взглядом свой не большой отряд, Орлов медленно подошел к Калязину и тихо сказал:

– Ну, вроде бы все, Павел Яковлевич, тронулись мы.

– Дай я тебя обниму напоследок! – проговорил тот, обнимая поручика. – Дойди обязательно до есаула.

– Все сделаем господин, полковник, – отозвался тот в ответ. – Можете не сомневаться.

– Я и не сомневаюсь, что Господь тебе поможет. Старайся вести людей тихо и скрытно, обходи любые стычки, у тебя с Неплюевым другие задачи стоят. Про ранец, что с минералами урядник несет, не забывай – это тоже важно, как и золото для империи. Доложи правителю нашему, что Саттер платить за участок отказался, а я предупреждал его об этом.

– Но оно ведь и к лучшему! Значит, участок этот все еще под нашим флагом находится!

– Правильно смекаешь, Орлов, – кивнув, проговорил полковник, – теперь донести это до правителя надобно быстрее.

– Все сделаем, Павел Яковлевич, сколько раз за турецкие линии хаживать приходилось, а это ведь у себя дома.

– Тогда война была и каждый из вас, пластунов знал, что если схватят, то янычары отведут душу, сдирая с еще живого кожу, в липких от крови халатах. А здесь мы хоть и на кромке империи, но у себя дома. Вот я и боюсь, чтобы это обстоятельство ни сыграло с тобой злую шутку, ну все договорил своих людей и храни вас Бог.

Со вздохом Орлов окинул взглядом спешившийся отряд казаков, на фоне желто-оранжевого великолепия и с грустью произнес:

– Прощайте, братцы, Бог даст еще послужим вместе царю

и отечеству.

* * *

Простившись с теми с кем, долгие месяцы терпел все тяготы и лишения, давая возможность горным инженерам проводить свои изыскания. Веря, что все принятые муки будут не напрасны и сослужат добрую службу на благо и для развития «земли царевой», Орлов поспешил за своим не большим отрядом. Который уходил все дальше и дальше к побережью океана Великого.

Чем ближе они подходили к прибойной линии, тем сильнее менялся облик растительности вокруг. В результате осенних штормов, устья не больших речушек местами оказались завалены морскими наносами и теперь они отчаянно пробивали себе новые направления к океану, образуя новые устья. Огромную силу штормов, можно было разглядеть уже невооруженным взглядом по большим завалам в черте прибоя, из песка, камней и прибитых к берегу деревьев. Все эти завалы были покрыты большими кучами темно-зеленых водорослей, которые двигались в прибойной волне, словно живые чудовища.

Спускаться по склону к океану, между огромных сосен оказалось задачей не из легких. Из-за бурелома отряду Орлова пришлось потратить на это гораздо больше времени, чем он планировал. Кругом чувствовалось влияние на рас-

тельность северных ветров, накладывавших отпечаток, на весь здешний ландшафт, делая его суровым и неприветливым.

Спустившись, наконец, к подножью, люди тяжело дыша, повалились на каменистую землю, покрытую желтовато-зеленым мхом.

– Все! Не могу более, – хрипя, выпалил конокрад, – сердце из груди выскакивает! Господин, офицер! Ну, снимите с меня железо! Куда я от вас убегу? Нет просто никакой мочи уже, вступитесь хоть за меня! Христом, Богом прошу, пощадите!

Орлов, сидевший на стволе поваленной лиственнице, медленно достал портсигар и, закурив папиросу, проговорил:

– На жизнь свою беспутную жалуешься? Американцы таких конокрадов как ты просто вешают, в назидание другим. На тебе вон и малахай, шикарный какой. И сапоги с телячий кожи вытянуты, и косоворотка дорогая с шапкой. Чего замолчал? В Родине ходил бы в драном зипуне, да в лаптях! Потерпишь, немного осталось идти.

– А я так думаю, – тяжело дыша, проговорил инженер, лежа на спине. – Еже ли мы, Константин Петрович, лучшей частью общества считаемся, то с нас и спрос – почему наш мужик так плохо живет. Вы согласны со мной?

– Опять ты, Иван Иванович, свои речи крамольные заводишь? – поморщившись, проговорил поручик. – Тебе ведь

еще и тридцати нет, а столько желчи в тебе!

– Нет, ну в самом – то деле, – не унимался Неплюев, – лучшие представители должны заботиться о своем народе.

– Ты, инженер, за речи свои крамольные, – буркнул казак, поглаживая седую бороду, – когда-нибудь в острог попадешь.

– Вот, вот, – поддержал Орлов, играя желваками. – Ты, думаешь, что после Крымской компании для меня не ясно, что нужны преобразования в империи? Что только силою реформ можно догнать непременно первостепенные страны?

– Отчего же тогда в начальствующих кабинетах Петербурга, думают иначе? – выпалил инженер.

– Зря ты так, Иван Иваны, – со вздохом отозвался поручик. – Разве манифест Александра, не шаг в этом направлении?

– «О все милостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных Сельских обывателей»? – скрикнувшись, проговорил инженер. – О нем речь ведете?

– Именно о нем, – кивнув, подтвердил офицер, – это только первые шаги, но они сделаны!

– Бог с вами, – сокрушенно вздохнув, проговорил Неплюев вставая. – Сколько еще пройдет время, прежде чем наш крестьянин станет свободным, вольным хлебопашцем? Они ведь так и не получили землю в собственность.

– Ну, раз сам государь самолично начертал, то так тому и быть, – угрюмо прогудел, огромного телосложения куз-

нец, стриженный под горшок. – Вначале научатся жить по «Уставным грамотам», а там и выкупят свои наделы.

– А до этого? Будут платить оброк? – усмехнувшись, буркнул Неплюев. Глядя на неспешно бегущие волны.

– Верно, – подхватил урядник, – а не хочешь платить или не можешь – так отбивай барщину.

– Ты, Иван Иванович, никак главного не ухватишь, – проговорил Орлов вставая.

– И чего же это я никак не ухвачу? – выпалил тот разозлившись.

– Наш русский крестьянин стал другим – он стал свободным.

– А ты чего, Сулима, улыбаешься? – разозлился Неплюев. – Чего это тебе так весело стало?

Круглое лицо миссионера с дряблой серой кожей, мгновенно стало серьезным и он, покачав головой, проговорил:

– Просто я не перестаю удивляться вами... , впрочем, как и американцами. Те радуются как дети, что победили рабство. Вы тем, что освободили своих крестьян и считаете их почти свободными.

– Но ты – то святой отец, имеешь на этот счет другое мнение конечно, – с усмешкой процедил инженер.

– Американцы не хотят видеть, что их общество погрязло в грехе, – проговорил Сулима. Грозя кому – то указательным пальцем. – У них все покупается, все продается, а жизнь человека не стоит и цента, впрочем, как и у вас в империи. В

этих окраинных землях, ни ваш император со своим окружением, ни ваш Синод не хотят видеть очевидного.

– Ну-ка, ну-ка, – буркнул Орлов. – Чего это мы здесь разглядеть не можем?

– Вы столько уже потеряли в этих краях своих подданных! И замете не только из-за коварства местных индейцев, но и из-за того, что вам трудно прокормить ваших колонистов. Скажите еще спасибо Господу, что он наградил эти земли рыбой, зверьем, ягодами да грибами, лишь это и позволяет вашим поселенцам выжить. Вы не можете устроить достойную жизнь своим поселенцам здесь в фортах, а рассуждаете о лучшей доле всех крестьян в империи.

– Ну, что же, Сулима, – проговорил офицер, – есть правда в твоих словах. Наши люди, заброшенные за океан, истосковались по наваристым щам – это правда, мы тоскуем здесь по нашей картошечке-кормилице, да мы терпим нужду в хлебе. Но уверяю, что скоро здесь все изменится!

– Дай то Бог, – усмехнувшись, отозвался тот.

– Степанов! – проговорил Орлов, поднимая ворот полушубка.

– Я, ваше благородие, – отозвался тот подходя.

– Пока все отдыхают, – давай – ка осмотримся вокруг. – Осмотрись, что твориться по ходу движения, вон с той террасы, а я вон с того холма осмотрюсь.

Дав Неплюеву в руки, револьвер и приказав следить за каторжанином, Орлов отправился к соседнему холму, с кото-

рого можно было хорошо осмотреть не только прилегающие окрестности, но и водную гладь бухты, которая щетинилась вспенивающимися гребнями темно-зеленых волн. Не обнаружив в бинокль ничего подозрительного вокруг, поручик принялся изучать прибрежную полосу, на поверхности которой громоздились многочисленные кучи из старых деревьев, песка и валунов.

– Видимо в прошлом, на месте вон той равнины был залив, – проговорил тихо, подошедший Сулима.

Орлов медленно опустил бинокль и, повернув голову, подозрительно посмотрел, на стоящего поодаль миссионера с посохом проговорил:

– Откуда такие познания? В монастыре естественные науки стали преподавать?

– Ну, зачем вы так, офицер? – отозвался тот, опираясь на свой посох. – Я просто предположил это, глядя на эти береговые валы, из-за которых океан видимо и отступил местами.

– Может быть, – буркнул поручик. Изучая дряблое, изъеденное оспинами лицо миссионера. – У нас в Симбирской губернии таких явлений нет...

Внезапно Орлов увидел бегущего урядника, который то и дело оглядывался и по возбужденному виду которого, было понятно, что-то случилось.

– Спрячься, святой отец! – выпалил Орлов, хватаясь за винтовку. – Никак казак кого – то обнаружил.

Подбежавший урядник сообщил, что обнаружил всадни-

ков. Которые, спешившись, стояли на одной из террас, изучая, по всей видимости, местность.

– Какие еще всадники? – с тревогой пробормотал поручик.

– Не могу знать, ваше благородие, – тяжело дыша, прошептал тот. – Иду себе, глядь, а они в седлах сидят, все вооружены вроде.

– Индейцы?

– Кто же их знает, – пожал плечами казак, – далече было.

Подойдя насколько это было возможно, Орлов быстро поднял бинокль и стал внимательно изучать склоны террас. На одной из которых, на высоте нескольких верст действительно стояло несколько всадников. Расстояние не позволяло рассмотреть детали, одно было очевидно – это были не индейцы.

– Ну, что там, ваше благородие? – нетерпеливо уточнил Степанов шепотом. – Не чугучи случаем?

– Да нет, на американцев они похожи, или на англичан, – отозвался Орлов, опуская бинокль.

– Что вы собираетесь делать? – озабоченно пробормотал Сулима.

– Ничего особенного, – отозвался поручик, – обойдем террасу, да пойдем дальше.

– А если они нападут на нас? – прошептал монах.

– Пока на нас никто не нападает, да и в союзниках у нас янки, все возвращаемся.

– А если это англичане или испанцы? – предположил урядник.

– Идемте, нам скрытно двигаться надобно! – отрезал поручик.

* * *

Орлов понимал, что этот маневр хотя и увеличивал путь верст на десять, но в тоже время позволял избежать встречи с вооруженными людьми, которые могли оказаться как союзниками в лице американцев, так и браконьерами в лице англичан или испанцев.

Постепенно они все дальше удалялись от берега вглубь материка, обходя стороной террасу, на которой были обнаружены всадники. Лишь к концу дня им удалось выйти к узкой полоске березняка, отделяющей их от океана.

– Ну вот, – проговорил поручик удовлетворенно, – теперь можно и к океану выходить.

– Ваше благородие! – взмолился конокрад, обливаясь потом. – Ну, сбейте железо! Ведь мочи никакой нет, в нем по бурелому шагать. Я никуда не сбегу, клянусь всеми святыми! Да и куда бежать, когда кругом аборигены шастают? Они же если и не зарежут сразу – так скальп сдерут! Уж лучше я с вами до форта дойду.

– Это верно, – буркнул поручик, – на чугучах креста нет, могут и зарезать. А могут и скальп снять. И достанутся тогда

твои сапоги дорогушие какому-нибудь нехристю, а железо до форта нести будешь – это твой крест. Степанов! Дойди до берега, да осмотришь кругом и если все спокойно знак нам подашь.

– Это я мигом, – кивнув, отозвался тот.

– Всем отдыхать пока урядник в поиск ходит. А ты, Иван, расскажи мне пока, где сапоги такие справил, – прислонившись к сосне, проговорил Орлов.

– Знамо дело где, – прогудел кузнец. Скручивая мозолистыми ручищами самокрутку. – Украл у кого-нибудь!

– Я, кроме лошадей в жизни ничего не брал чужого! – взорвался конокрад. С остервенением вытирая рукавом пот с лица. – У одного янки на виски поменял! У тебя вон у самого – то и сапоги справные и зипун из оленины пошитый!

– А виски где взял? – засмеявшись, уточнил Неплюев.

– Замолчали все, – пробормотал с тревогой поручик, глядя на замершую фигуру урядника. – Что там еще за напасть?

Из укрытия было видно, как остановился Степанов, а постояв несколько минут, стал медленно возвращаться, держа винтовку наготове. По всему было видно, что он увидел какую – то опасность.

– Впереди трое индейцев, – проговорил он тихо, – это чужичи. Идут от океана, наверняка разведчики.

– Их только трое? – уточнил Орлов, лихорадочно думая, что следует предпринять.

– Не знаю, ваше благородие, темнеет уже.

– Что же нам делать? – подавлено выдавил Неплюев, озираясь по сторонам.

– Главное по ничтожным поводам не поддаваться панике! – оборвал его поручик. Чувствуя как застучало в груди сердце. – Их всего трое, подождем, может мимо пройдут.

Но вскоре стало понятно, что индейцы идут прямо на них и тогда Орлов дал команду занять оборону.

– Ишь рожи – то раскрасили, – со злостью прошептал кузнец. Сжимая руками увесистую дубину.

– Самое главное, урядник, не стрелять первыми, – тихо проговорил поручик. Может еще получится уклониться от стрельбы.

– Разрешите мне попробовать договориться с ними? – вдруг тихо и смиренно проговорил, Сулима. Со вздохом, перебирая четки.

– Что это вы еще удумали? – насторожился Орлов. Глядя на бегающие глазки миссионера.

– Хочу отвести от нас беду, – проговорил монах, щелкая четками. – Мои проповеди хоть и коротки, но всегда находят дорогу к сердцу.

– У них, между прочим, штуцера нарезные, – с раздражением прошептал поручик. – И им наверняка не ведомо слово Божье.

– Вот я и обласкаю их этим самым словом, – проговорил монах, снимая капюшон. – Я ведь миссионер, да и потом других предложений я так понимаю, нет.

– Ну а, что, Константин Петрович, – оживился инженер с бледным лицом, – пусть латинянин лихость свою покажет. Вразумит нас, как надобно смертные муки принимать за слово Божье.

– Хорошо, пробуй, святой отец, – кивнув, проговорил Орлов. – Только давай договоримся, если почувствуешь, что разговор не заладился – то падай на землю. – Для нас это знаком будет.

– Помилуйте, господин офицер, – пробормотал улыбнувшись монах. Показав при этом редкие желтые зубы, – они же не разумны и наивны как дети.

– Ну, ну, – мрачно буркнул поручик. – Этих невинных и не разумных с детства учат, как надобно убивать своих врагов и поверте, что они гордятся этим.

Сулима медленно поднял руки с крестом и отчаянно шепча молитвы, двинулся на встречу незванным гостям.

Все с напряжением стали ждать кровавой развязки, видя как Сулима все ближе подходил к остановившимся индейцам.

– Ну, поп и дает! – чертыхнулся инженер. Глядя, как тот стал, что – то горячо говорить, жестикулируя при этом руками. – Глядишь так и договориться, чтобы нас пропустили.

– Тебя, Иван Иванович, это забавляет? – буркнул кузнец крестясь. – Он ведь может на смерть пошел, нас спасая, а ты юродствуешь. Не хорошо это.

– Запомни, Василь, что попы никогда и ничего без выгоды

не делают. Поэтому они и учат любить и своих врагов, и своих угнетателей, для этого они проводят грань в своих проповедях между клиром и мирянином. Поэтому и требуют от нас покорности, да послушания, угрожая всякими страшилками за ересь.

– От речей твоих, инженер, у меня всегда дух перехватывало, – пробормотал каторжник. Выглядывая из-за дерева. – Ты бы хоть сейчас не богохульствовал.

– Побойся Бога, – буркнул кузнец с укором, – человек к нехристям может за смертью пошел. – Ну, какая здесь корысть может быть?

– Не верю я этим прохвостам, – не унимался Неплюев, шепча с жаром. – Все ими делается с умыслом. Для того, чтобы проще было управляться с христовым стадом. Для большего так сказать закрепощения и угнетения народа. Верно, я говорю, Ламберт? Молчишь, латинянин?

– Ну, что ты к человеку пристаешь? – возмущенно зашептал урядник, крестясь при этом.

– Темный ты, Степанов! Через невежество свое и не понимаешь, что через поступки свои всевозможные, они и пытаются внушить нам, что им нужно подчиняться. Причем подчиняться не только господам нашим по плоти но и самому Богу должны, нетолько господам добрым, но и суровым.

– Ибо это угодно Богу? – тихо уточнил конокрад.

– Вот именно! – кивнул инженер.

– Послушай, Иван Иванович, – оборвал его Орлов. С на-

пряжением всматриваясь в фигуру монаха, которого молча, слушали индейцы. – Заканчивай уже свою лекцию. Ведь по возвращению тебя в железо забьют, за крамолу твою несусветную.

– Есть прекратить, – отозвался тот, – только вы ведь все понимаете, что я прав.

– Это, ваше благородие, в нем страх смерти говорит, – со вздохом проговорил урядник. – Душа его университетская, никак под ветрами с Арктике не зачерствеет.

– Никто помирать не хочет, – буркнул Неплюев. – И я не хочу! Мне тридцати годков еще нет! А, что я в своей жизни повидать успел? Родился в семье мелкого чиновника, родители умерли рано, так что детство и юность у меня прошли в страшной нужде и бедности. Это хорошо дядька помог окончить Московский университет. И что? Думал, поработаю на кромке империи, денегат заработаю, хоть будет на что по миру поездить, а тут такое твориться.

– Хватит причитать, – скрипнув зубами, проговорил поручик, опуская винтовку. – Вернешься в Родину с почетом и богатым, чугучи ружья опустили..., вот тебе и поп! – Не убоился и нехристей умиротворил, отчаянный у тебя, Ламберт брат.

* * *

Из-за укрытия было хорошо видно, что индейцы действи-

тельно опустили винтовки и молча, смотрели в след уходящему от них миссионеру.

– Все, мы уходим с миром, – обессилено пробормотал Сулима подходя. – Они к нам претензий не имеют. Они ищут испанцев с торгового парусника, которые подсунули им при обмене на пушнину, вместо соли несколько бочек мела.

– Ай, человек божий! – воскликнул со вздохом облегчения конокрад. Вытирая мокрое от пота лицо. – А я уже грешным делом думал, что отрежут нам нехристи головы.

– Спасибо тебе, Сулима, – проговорил Орлов, – выручил крепко, что и говорить. Что же ты им сказал?

– Я им, офицер, пообещал оставить своего брата Ламберта, который подскажет им, как найти дорогу к Богу.

– А твой брат не против? – уточнил поручик. Глядя на бледное с редкой бородкой, лицо второго монаха.

– Это наши дела, миссионерские, – перекрестившись, отозвался Сулима. – Мой брат знает, что на все воля божья. Идите смело, а я вас догоню.

– А ваши епископы или митрополиты не будут против? – усмехнувшись, уточнил инженер.

– Опять ты за старое? – рыкнул Орлов. – Ну чего ты лезешь в их дела церковные? А тебе, Ламберт, желаю весьма успешно нести огонь крестовый.

Вскоре не большой отряд Орлова, благополучно миновав березняк, вышел к океану.

– Интересно чего это Сулима, наговорил этим аборигенам? – пробормотал Неплюев, шагая рядом с поручиком.

– Угомонись, Иван Иванович! – буркнул тот. – Зачем ты в их дела нос суёшь? И за что ты так не любишь священнослужителей?

– За что же мне любить этих прохвостов? Сколько земли нахапали церковники по всему миру и в нашей империи тоже! А труд церковных крестьян в монастырях? Это же рабы настоящие! И твориться все это в наше время.

– Но ведь многие крестьяне и столуются в монастырях, а многие и живут там же, зная, что находятся под защитой церковных стен, – возразил Орлов, поправляя фуражку.

– Вы смеетесь, Константин Петрович? – буркнул инженер. – Разве доходы церковников можно сравнивать с пропитанием этих несчастных? Эти понятия просто несопоставимы!

– Представляю, что за дух царит в университетах империи, – поморщившись, отозвался поручик.

– А сколько можно смотреть на этих рабовладельцев в рясах? Они и земледелием занимаются, и вино делают, и соль варят, я уж про торговлю разными ремеслами вообще молчу.

– Беда с тобой инженер. Ну, разводят скот, выращивают хлеб, что же в этом плохого?

– Так ведь пусть честно признаются, что давно уже стали купцами или промышленниками, а то ведь все подводят под предлог усовершенствования «христианского стада» – это значит и нас с вами касается.

– Ну и, что? Стремятся снять гнев божий с ныне живущих, чтобы получить в будущем блага всяческие непременно, – проговорил Орлов, осматриваясь по сторонам.

– Ну, разве не смешно слушать всю эту чушь?

– Ну, допустим ты прав, инженер. Только я, что – то не слышал, чтобы крестьяне наши из-за этого роптали.

– Это вы, господин поручик, просто не хотите видеть, как крестьяне ненавидят разжиревших попов, как многие относятся к ним с озлоблением и видят в них бездельников живущих при этом в достатке и роскоши.

– Тогда позволь полюбопытствовать, – проговорил Орлов, поправляя лямки ранца. Тебя не устраивают латиняне или наши православные тоже?

– У меня много вопросов и к нашим церковникам, – пробурчал инженер, отдуваясь. – А латиняне для меня лично вообще жулики, не лучше разбойников с большой дороги, те даже честнее в своих помыслах.

– Понятно с тобой все, Иван Иванович, – кивнув, проговорил Орлов останавливаясь. – Только ты сильно-то не старайся меня со своими думками озадачить. Я русский офи-

цер, присягавший на верность императору, для меня Русская православная церковь, вся ее деятельность и ее отношение с империей, определяется законами, принятыми еще при Петре Великом. Именно поэтому для меня кто бы там чего не говорил, православная вера с греховными по твоему разумению попами – это и есть хребет Российской империи, на котором все и держится. Причем заметь основанный императорской властью, а это значит, что именно император, которому я присягал и является главой нашей церкви. Поэтому в отличие от тебя, все заглавные решения Синода, для меня закон, который исполнять должно прилежно. И для меня, не важно сам ли этот закон подписывал император или его представитель обер-прокурор. И давай закончим на этом.

Орлов все дальше уводил людей от места встречи с индейцами, понимая, что их честное слово нечего не стоит. Но переход по пересеченной местности сильно измотал людей. Поэтому, когда в очередной раз взмолился каторжанин, требуя милосердия, поручик остановился, облизнул сухие обветренные губы и тихо проговорил:

– Кто еще считает, что нужно сделать привал?

– Одежа нательная хоть выжимай, – пробормотал кузнец, отдуваясь, – обсохнуть у костра не помешает. Да и ветер с Арктике тянет злой, не заболеть бы.

– Мы и впрямь все устали, – проговорил хрипло Сулима, – не мешало бы обогреться, да провиант какой принять. Это ведь только в жизни новой, где не будет ни зимы, ни лета,

ни дня и ни ночи, человеку не нужна будет пища и питье. Только там он будет жить без печали и скорби.

– Ну, затянул свою хреновину, – разозлился Неплюев. – Конечно, заночевать надо! Вон сколько верст отмахали! Да и темно ведь уже.

– Хорошо, – кивнув, прошептал Орлов, – всем привал. Найдите место, где не будет видно огня, а мы с тобой инженер вон на ту горку поднимемся и осмотримся. Если задержимся, то нас не ждите, без нас трапезничайте, ну если у нас с инженером что-то не заладится – выстрелом знать дадим. Огонь сразу тушите и уходите.

– Куда же нам идти? – пробормотал кузнец.

– У нас одна дорога, – проговорил урядник, – в форт Черемисова. – Не сумлевайтесь, ваше благородие, все исполним. Мы с понятием, что и помощь для основного отряда отправить надобно и образцы в Петербурге ждут. Дай нам Господи сил пережить все утомления и испытания.

* * *

Уже через сотню шагов Орлов с Неплюевым вновь оказались среди огромных сосен, которые монотонно завывали при каждом порыве ветра.

– Кто тут может быть? – бормотал инженер, то и дело, спотыкаясь о валежник.

– А вот мы сейчас и глянем, есть тут, кто или нет, – ото-

звался поручик. – Не забывай инженер, что по военным артиклям живем, хотя и по своей земле идем. Враг то у нас уж больно хитер и коварен! Ты мне лучше скажи, зачем к монаху цепляешься как репей? Ты не в университете своем, а на кромке империи и выполняешь здесь секретное предписание, да и приказ полковника Калязина никто не отменял. Выжить нам надобно, до Петербурга добраться с материалами наиважнейшими, а ты все собачишься.

– Да не верю я этой божьей овечке в рясе! – взорвался инженер.

– Эта овечка как ты говоришь, от нас туземцев отвел, брата своего им оставил. Зачем над стариком издеваться?

– Уж больно парода их подлая! – выпалил инженер. – Они же ради папы своего, чего хочешь, удумать могут. Вон сколько в их застенках людей томиться мужественных, истинных борцов за свободу своего народа. А сколько такие как Сулима извели людей на кострах? Да за одного Компанеллу, нет им прощения от людей просвещенных!

– Его что же сожгли?

– Вот именно!

– За что?

– По обвинению в ереси! За его вольно-думские рассуждения об утопическом коммунизме, а проще если сказать – так за то, что он предлагал другую модель жития. Что естественно пугает таких как Сулима, тем более он как и Джордано Бруно считал, всех этих церковников торжествующей

стаей зверья, а про их последователей говорил, что они смотрят на мир «чужими глазами».

– Ничего не знаю про господина Компанелло, – признался Орлов, – а вот господину Бруно, можно было и поскромнее разделять взгляды Коперника. Ведь было же понятно всем, что только за учение о множественности миров, которое так сильно ударило по церкви, его никогда не простят.

– Но это..., – начал, инженер и тут, же осекся, налетев на остановившегося вдруг Орлова. – Что – то случилось?

– Посмотри вон туда, – проговорил Орлов. Подозрительно озираясь по сторонам.

– Никак костер кто – то развел? – с ужасом, проговорил Неплюев. – Ну и нюх у тебя, Константин Петрович! Кто же это может быть? А может это разъезд казачков наших заночевал?

– Не должно их здесь еще быть, – это чужие.

– Аборигены?

– Кто же их разберет, – пожав плечами, отозвался тот. Пытаясь рассмотреть в бинокль неизвестных соседей. – В поиск идти надобно.

– Прямо сейчас? – выпалил инженер. – Может, переночуем тихонько? Они же версты за две от нас, в жизни не догадуются, что мы рядом заночевали.

– А ежили они, как и мы оглядеться решат ночью? Или мы с неприятелем утром столкнемся? Не-е-ет, нам рисковать нельзя, надо идти сейчас.

– Может, хоть вернемся к костру, да от пота обсохнем? Почаевничаем малость, а то от голода уже кишки подвело к горлу!

– Хватит причитать, Иван Иванович, нам сейчас всяческих конфузоз избежать надобно, – со вздохом отозвался Орлов. – Помощь к отряду отправить, да самим путь держать далее, а почаевничать мы всегда успеем. Одно меня в смущение вводит..., если это опять разведка чугучей... Чего это они так в прибойной полосе засуетились? Уж не случилось ли чего. Идем инженер на огонек, да глянем, кто это по соседству костер палит.

– Только ты, Константин Петрович, не забывай – воин из меня, да еще ночью никакой.

– Помню я, что мексиканцы твои очки разбили, идем, будешь при мне привратником. Думаю, с ролью связника справишься?

Соблюдая осторожность, им удалось спуститься с холма и скрытно выдвинуться по песчаной отмели к костру, на расстояние с которого можно было понять, кто разбил бивак по соседству. Как оказалось у костра сидело лишь двое неизвестных, по обрывкам разговоров стало понятно, что это испанцы, что они пьют вино, едят вяленое мясо с сухофруктами и ждут когда за ними придет лодка с парусника.

Орлов помнил, что Испания много лет назад, очень болезненно восприняла открытие русскими этих земель. Долго и с большими усилиями стремилась за столбить за собой

хоть какой-то кусок этих земель, что приводило к серьезным конфликтам как с британскими китобоями, так и русскими поселенцами. Выяснения отношений, как правило, заканчивались кровопролитными абордажами на воде и отчаянными перестрелками на берегу. Понимая, что все их усилия в конечном итоге заканчиваются либо гибелью моряков, либо их бегством толкало испанцев на различные авантюры. Которые сводили на нет любые переговоры и договоренности – это касалось и китобойного промысла на воде и браконьерства на суше.

– Что будем делать? – тихо прошептал Неплюев. – Может, просто уйдем? Пусть сидят, их забрать должны скоро с парусника.

– Это не просто гости непрошенные, – отозвался Орлов, скрипнув зубами, – это испанцы. – До каких пор мы их выходы терпеть должны? Да и двое их всего! Не дрейфь, инженер, они же сами лезут на нашу землю. Здесь оставайся, а я схожу с этими господами поздороваюсь, вопрос задам, чего это они здесь делают, а там видно будет. Возможно это те самые испанцы, что туземцам мел вместо соли подсунули.

– А если они палить начнут?

Орлов внимательно посмотрел на бледное, осунувшееся лицо инженера с темными разводами под глазами и твердо сказал:

– Из-за этих испанцев гибнут наши люди, вспомни потопленный ими бот с командой капитана Нестерова! Сколько

еще может погибнуть наших поселенцев из-за их злодейств? Не робей, инженер.

Когда до костра осталось шагов двадцать, Орлов нарочито громко крикнул:

– Мир вашему шалашу, господа!

Испанцы как по команде вскочили, выхватив свои длинноствольные револьверы. И шурясь от дыма костра стали пристально всматриваться в темноту, пытаясь понять, кто к ним пожаловал. В отличие от незваных гостей, поручик хорошо видел их и в случае необходимости мог уверенно применить оружие. В то время как плотного телосложения незнакомцы, не могли рассмотреть его из-за огня.

– Кто здесь? – истерично выкрикнул один из них. Нервно поправляя широкополую шляпу.

– Я, поручик Российской империи, а вот вы, чьих будите?

– А я помощник капитана, с парусника «Филипа Диаса».

– А кто второй?

– Это наш шкипер! Сошли на ваш берег немного размять ноги.

– Может, опустите оружие? – с безразличным видом, проговорил Орлов. Не торопливо подходя к костру. – Я как понимаете здесь не один, а с казаками, которые держат вас на прицеле.

– И что нужно здесь в столь поздний час русскому офицеру? – процедил шкипер, опуская револьвер.

– Да вот какая незадача у нас тут приключилась..., кто-то

одному из племен местных туземцев, вместо соли мел всучил, – проговорил поручик. Подвигая сапогом в костер одну из горящих головешек.

– А вам то, что за печаль? – взорвался с негодованием помощник капитана. Брызгая при этом слюной. – Как будто ваши поселенцы не обманывают аборигенов!

– Вот, вот, – поддержал его шкипер. Поднимая ворот своего черного бушлата. – Наша мена, а значит и наша печаль! Вам-то чего до нее? Зачем к нам, да еще ночью, с расспросными речами приставать.

– От того и пристаю, любезный, что озлобили вы племя этого народа окраинного. Лица они боевой раскраской покрыли, мечутся по лесу вас ищут, народ наш беспокоят. Вернули бы вы соль, да отдали швартовые, а мы бы пожелали вам попутного ветра вашим парусам, когда ляжете на обратный курс.

– Это ультиматум, что ли? – медленно процедил шкипер. Буквально испепеляя взглядом офицера. – А господин, поручик, не боится, что сейчас на берег сойдут наши матросы с парусника? Перестреляют ваших казачков, а офицера в полон возьмут?

– Значит просто и с миром, отбыть на свой борт не желаете? – процедил со злостью Орлов, поправляя фуражку. – Тогда дозвоьте узнать, по какой грамоте здесь находитесь?

– Вы что, офицер, – скривив давно не бритое лицо, процедил помощник капитана, – недавно в здешних краях объяви-

лись? – По какому праву мы должны грамоту показывать? Вы, что воевода пограничный?

– Я на своей земле с казаками, неприметным образом дозоры приумножаю! Потому и прошу предъявить бумагу, или отбыть на свою посудину, пока я казакам знак не подал.

– Ну чего господин, офицер, упорствует? – проговорил шкипер подходя.

Орлов равнодушно посмотрел в лицо бородатого испанца в черном бушлате, из-под которого выбивалась тельняшка, потом на длинный ствол револьвера, направленный прямо в живот. И, пожал плечами проговорив:

– Ну, как знаете.

В следующее мгновение, поручик мощным ударом кулака, выбил оружие из рук подошедшего и уже в падении выстрелил несколько раз в нарушителей.

* * *

Утробно рыкнув, шкипер схватился за прострелянное горло и рухнул как подкошенный, дергаясь при этом в агонии. Пуля же выпущенная в помощника капитана угодила тому в плечо, что не помешало ему довольно проворно налететь на офицера, буквально пригвоздив его к холодной земле. В завязавшейся борьбе, Орлову с большим трудом удалось повернуть ствол своего револьвера в сторону напавшего и сделать смертельный выстрел в бок. Охнув тот мгновенно

обмяк и стал медленно заваливаться на бок. Тяжело дыша и отплевываясь, поручик с трудом оттолкнул от себя грузное тело и, отдышавшись, крикнул:

– Иван Иванович! Ты там живой? Иди уже сюда!

– Живой, Константин Петрович? А я уже думал, застрелили тебя, – бормотал, подбегающий инженер.

– Пули для меня еще не отлили, – буркнул тот вставая. – Где шапку – то потерял?

– Так я это... – шептал тот, с ужасом глядя на трупы испанцев, – смотрю, а ты лежишь после стрельбы! Ну, думаю, убили тебя лиходеи...

– Шапку говорю, где потерял? – повторил вопрос Орлов. Деловито обыскивая тело испанца.

– Так я это..., когда побежал сюда на помощь..., видать веткой сбило...

– Скверно это! Пойдешь сейчас к нашему лагерю, найди обязательно. Видишь, как пар валит, ветер крепчает? Это холод идет с Арктики, а потому, без шапки теперь никак не обойтись. А ежели простынешь, да захвораешь? Лекаря даже в форте у Черемисова нет, так что найди непременно.

Забрав оружие и ремни с патронами у убитых, Орлов замер у костра, с не поддельным интересом рассматривая трофейное оружие в мерцающем свете пламени.

– Вроде по патенту сделаны Роллана Уайта, под такой же металлический патрон, что и Смит – Вессен делает, а ствол какой длинный, чудной.

– Что же нам теперь делать? – прошептал инженер, озираясь по сторонам.

– Что делать? Ты сейчас найдешь свою шапку и быстро вернешься, по кромке океана. Наши, услышав выстрелы, в аккурат пойдут к тебе на встречу, вместе с ними скоренько вернешься сюда. Объясни, что идти надобно ходко, потому как выстрелы и на паруснике испанском услышать могут. Ты все понял?

– Да, да, я все понял, – кивнув, забормотал инженер.

– Держи револьвер испанца, тут полный барабан, Да смотри аккуратно с ним обращайся. В ногу с перепуга себе не пальни.

– А если меня схватят индейцы? – озираясь по сторонам, проговорил тот. – На мне же пояс с золотыми образцами!

Орлов внимательно посмотрел на тщедушную фигуру инженера, его перепуганное лицо, включенные волосы на голове и тихо произнес:

– Хорошо, снимай свое богатство, теперь я за сейф поработаю. И прошу тебя, поспешай, пока испанцы на веслах подмогу не отрядили.

* * *

Отправив инженера, Орлов закинул за спину винтовку и медленно побрел к берегу, где в темноте угадывались контуры лодки. Убедившись, что в ней всем хватит места, он так

же медленно вернулся к костру и, оттащив в сторону убитых, в изнеможении сел на кусок парусины, любуясь трофейным револьвером.

– Боже мой, – пробормотал он, с любовью глядя вороненую сталь. – У нас с таким трудом идет в войска шести – линейное винтовальное ружье, с таким трудом приживается официальное название винтовка. Название, которое было бы понятно для каждого солдата и объясняющая ему главное начало и принцип действия нарезного оружия. А американцы с европейцами уже имеют в своем арсенале модернизированные варианты и винтовок и револьверов. Когда же шедевры наших оружейников будут в войсках? Да такие, чтобы иноземцы завидовали! Где же вы наши умельцы, Давыдовы и Харитоновы, что мешает вашей передовой мысли? Когда же мы увидим новые образцы из «пушкарской избы», Оружейной слободы в Туле? Вразуми, Господи, вельмож наших в военном министерстве!

* * *

Положив ценный трофей рядом, поручик заглянул в корзину из ивовой лозы, где обнаружил кроме вяленого мяса и сухофруктов целую головку душистого сыра. Но самое ценное лежало на дне – это были пшеничные сухари. Открыв зубами пробку одной из бутылок вина, стоящих рядом с корзиной, он стал, с аппетитом есть найденные припасы, запи-

вая прямо из бутылки слабо – кислым вином.

Он уже принял решение, он уже знал как ускорить их продвижение к форту есаула, исключив лишние отклонения от маршрута ради соблюдения скрытности. Решение было принято, как только увидел лодку испанцев, которые повели себя так дерзко и не осмотрительно. Полагая, что у русских колонистов, нет сил, контролировать побережье, да еще ночью. Орлов чувствовал – успех перехода рядом. Теперь они, меняя друг – друга на веслах, быстро дойдут до форта, не дразня при этом недругов на берегу. Единственное, что его сейчас беспокоило – это четверо странных всадников, которых они видели на одной из террас. Не испанцы, которые навряд ли отважатся высадиться на чужой берег ночью, не чугучи которым он бы предъявил трупы обманувших их испанцев, а именно всадники беспокоили его больше всего. Их было четверо, было не понятно, куда они держат путь, а самое главное, было не понятно враги ли они.

Вскоре ход его мыслей прервал появившийся у костра урядник, который доложил, что привел людей и о том, что он арестовал в отсутствие поручика Сулиму.

– За что? – насторожившись, спросил Орлов.

– Арестовал негодяя за саботаж! – тяжело дыша, выпалил казак. Вытерая шапкой потное лицо. – Как только он выстрелы услышал, так значит и объявил, что вы с инженером погибли и идти, мол в форт смысла нету! Сказывал, что мы его теперь должны слушать – так как сила, за ним стоит.

– И что же это за сила? – усмехнувшись, уточнил офицер. Глядя на редкие, взъерошенные пряди седых волос казака.

– Говорит, что за ним сила ордена иезуитского!

– Вот оно, что, – не добро улыбнувшись, проговорил Орлов, – значит, прав был полковник Калязин. Значит, правильно усомнился, разглядев под рясой, да за словами правильными, натуру подлую! Вот значит кто они с Ламбертом! Молодец, братец! Удружил новостью, как есть удружил, держи вина доброго за службу.

– Значит, я все правильно сделал? – со вздохом облегчения, проговорил казак.

– Конечно правильно, садись, подкрепись харчами иноземными. Деятельность этого ордена латинян на землях империи, запретила еще Екатерина Великая, значит, запрет этот распространяется и на Аляску. Ай, да Сулима! Ай, да прохвост! А главное как маскировались с Ламбертом искусно. За ним кто сейчас присматривает?

– Кузнец наш, Василий, – жуя, отозвался казак, – сам вызвался. За шиворот паршивца конвоировать. Как речи крамольны услышал из его уст – думал убьет попа!

Вскоре к костру вышли запыхавшиеся, едва державшиеся на ногах, остальные члены их не большого отряда.

– Все быстро садимся в лодку! – скомандовал Орлов. – Провизию берем с собой, трапезничать будем в лодке. Степанов!

– Я, ваше благородие, – отозвался тот.

– Напомни, какие вам проповеди пел наш святой отец?

– Сказывал, что он знает мол, что погибли вы с инженером! – с жаром выпалил казак. – Говорил, что знает как на корабль, иноземный попасть можно и в какой бухте он якорь отдал. Богом клялся, что за продажу минералов, которые в ранце мы несем, мол, можно прожить безбедно, в любой из держав значимых.

– Ну что скажешь брат, Сулима? – играя желваками, спросил Орлов.

– Ваши люди все не так истолковали, – криво усмехнувшись, проговорил монах. – Я ведь и впрямь решил, что вас погубили туземцы. Вот я и стал размышлять вслух о различных вариантах спасения.

– Что ты, Константин Петрович, эту крысу церковную слушаешь? – выпалил с негодованием Неплюев. – Ишь как запел, гнида! А я предупреждал, что все они себе на уме! Весь мир просвещенный ненавидит их пароду подлую!

– Разум тебе, инженер, труды господина Маркса разъедают! – с ненавистью выкрикнул Сулима.

– Я знаю, что все ваше племя трепещет, от одного «Коммунистического манифеста»! В котором вашего папу он клеймит позором, за то, что он всегда связан с самыми реакционными силами.

– Почему вы молчите господин, офицер? – с ужасом, прошептал Сулима. – Почему позволяете такие речи крамольные сказывать? Почему вы его в железо не забьете?

– Но ты, сын божий, – покачав головой, выдавил Орлов, – не расходись шибко – то, не забывайся, что под арестом.

– Видишь, ваше благородие, какую гадюку мы на груди пригрели, – буркнул инженер. – Вот про таких и говорил господин Бруно, что они мрак и мракобесие, а ведь он между прочим монахом был!

– Он еретиком был! – закричал монах, с пеной на губах. Выпучив при этом свои безумные глаза. – Его и сожгли за это! Почему вы позволяете, офицер, наводить хулу на всю церковную власть? Как вы можете все это терпеть?

– Господин инженер просто начитался сказок казака Луганского, – прорычал кузнец, проходя мимо. – Он где надо ответит за свои слова, а ты пес инквизиторской, за свои отвечай. Верно, я говорю, ваше благородие?

– Все верно ты говоришь, Василь, – кивнул поручик. – Все, в сторону разговоры, лодку на воду!

– Сей труд у вас под запретом, – зло прошипел, Сулима, шагая к лодке. – Он запрещен и вашим Сенатом и вашим Синодом!

– Однако какая осведомленность, – усмехнувшись, буркнул Орлов, – усаживаясь за спиной монаха.

– Зря смеешься, офицер, – прошептал тот тихо. Повернувшись к поручику в пол оборота. – Думаешь поймал меня? Я тебя еще в телегу запрягу вместо мерина!

– Нет, это ты меня послушай, как там тебя на самом деле! – выпалил Орлов, хватая монаха за капюшон. – Слы-

шишь, как завыли свою колыбельную койоты? Полевые волки очень умны и осторожны, они не только питаются падалью, но и с удовольствием сожрут миссионера. Ты все понял, раб божий? Хочешь, давай попробуем!

– Ты чего это удумал? – выпалил монах, вжав голову в плечи.

– Боишься, Сулима? – продолжал Орлов ледяным голосом. – Решайся пока мы рядом с берегом! Они, видать, уже учуяли запах человечины и скоро будут здесь, для них это ведь игра, а не работа. Развлекаются, а заодно и территорию осматривают – прямо как мы с тобой, Сулима. Может и впрямь оставить тебя здесь?

– Не губи, офицер, – выдавил тот осипшим голосом, – не оставляй на погибель.

– А, зачем ты мне нужен, монах? У меня не конвойная рота и я не офицер из сыскного ведомства! Ты за моей спиной измену замышляешь и это заметь за наш хлеб и соль.

– Не губи, офицер, ради Христа не губи, – с жаром шептал тот. Косясь на удаляющейся берег. – На весла посади, грести буду до изнеможения!

– А что, ваше благородие, пушай подсобит! – воскликнул Неплюев. – И конокраду железо снять и тоже на весла, пусть хлеб обрабатывает.

– Степанов, освободи ты их и впрямь, путь дальний, пусть подсобят, распорядился Орлов. – А если они злодейство, какое удумают, то мы их просто пристрелим! Вы меня хорошо

слышали, милейшие вы мои?

* * *

Сидя на носу лодки, который – то взлетал на гребне очередной волны, то резко опускался в низ, поручик напряженно думал, всматриваясь в темные контуры береговой линии, о том все ли он правильно делает. Пока, по его мнению, он не сделал каких – то ошибок, а завладев лодкой, они смогут значительно сократить путь. Удалось понять, кто такие Сулима с Ламбером. Это были враги, коварные и готовые в любой момент своими действиями или бездействиями поставить под сомнение успех их перехода. И хотя еще не были точно ясны их мотивы, по которым они увязались за караваном, ясно было, что их как впрочем и беглого каторжанина стоит остерегаться. Кутаясь в воротнике своего старенького овчинного полушубка, от холодных порывов студеного ветра, Орлов прислушался к вялотекущему спору, между Неплюевым и Сулимой. Которые яростно при помощи весел боролись с волной, продолжая при этом выяснять отношения.

– Я не могу смиренно слушать такую ересь, – хрипел, Сулима. С перекошенным от злости лицом. – Права папы божественного происхождения и никто не может ставить их под сомнения! Сам Бог возложил на его плечи заботу о церкви и сделал его не ограниченным владыкою ею.

– Очень смешно! – воскликнул инженер, давясь от смеха. – Скажи еще, что ваш папа – это живой закон.

– И скажу! – взорвался монах. Трясаясь всем телом, от негодования, с перекошенным от злости лицом. – Его слово – это слово божье, а его дело – это божье дело! И вообще христианские императоры нуждаются в папе!

– С чего бы это? – уточнил Неплюев. – Ради вечной жизни, что ли? Это скорее ваш папа нуждается в королях и императорах. Через статус и волю которых он может управлять делами земными.

– Почему вы молчите, офицер? – выпалил монах, качая головой.

– У меня нет не малейшего желания становиться судьей, в ваших постоянных спорах, – буркнул, поморщившись Орлов. – Тем более по поводу поиска истины в вашей вере.

– Но ведь ваш инженер хулит власть!

– Власть вашего папы и вашего ордена! – оборвал монаха поручик. – И запомните, Сулима, на будущее, что для меня именно варвары из Брюсселя и Лондона расшатали устои древней Византии. В которой по моему разумению было все – архитектура, банковская система, право и дипломатия, разумеется. И у меня нет никакого желания защищать вашего папу и тем более ваш орден.

– Разве не турецкие янычары, превратили Византийский Константинополь, в Османский Стамбул? – с негодованием выкрикнул Сулима.

– Турки лишь довершили начатое вашими братьями, имя которым варвары – латиняне! Именно ваши единоверцы, предали наших православных братьев, для того что бы стать твердой ногой на Востоке, для того что бы навязать свое влияние и воспользоваться чужими богатствами, – возразил с негодованием Орлов.

– Да папа лишь стремился создать единый и неделимый христианский мир! – выпалил истерично Сулима. – В который вошла бы и Византийская империя, этого, между прочим, желали и рыцари и крестьяне.

– Эту сказку ты нашему конокраду расскажи, – рассмеявшись, отозвался Неплюев. – Все правильно говорит Константин Петрович! Это ваши неудачи на Западе принудили вас к корыстным поискам на Востоке, это ваши бесконечные междоусобицы толкали ваших крестьян и феодалов в походы на Восток. Которые, разумеется, охотно благословлял ваш папа.

– Вас послушать, так можно подумать, что на землях российской короны все и всегда делается правильно, – отмахнувшись, выдавил монах. – Под своими православными знаменами вы проиграли Крымскую компанию! Да что там компанию! Вы здесь на кромке империи до сих пор не смогли усмирить даже темных аборигенов.

– Ничего, придет время, – проговорил поручик, – мы заключим мирные договора не только с окраинными народами, но и с самой Японией.

– Что – то до сих пор, у вас это не очень то получалось, –

буркнул, Сулима. Налегая с остервенением на весло.

– Нет ну вы, посмотрите, что же это за холера такая, – возмутился кузнец. Показывая монаху огромный кулак. – Тебе сказано, что заключим – значит заключим! Тебя и впрямь надобно было на съедение оставить, прости Господи, за все прегрешения наши вольные и невольные. Благодаря нашим православным священникам, мы и так уже подружились с аулетами! В отличие от вас латинян наши святые отцы не проповедают огнем и мечем. Они выучили местные языки и даже придумали для них грамоту.

– Все верно, Василий, говоришь, – поддержал инженер, – и грамота у них теперь есть и словари разные. Теперь они знают, что кроме шаманов, есть еще и лекари с микстурами горькими, а мыться можно не только в реках да озерах, но и в банях, под хвойные веники. А ты, Сулима, говоришь, что мы дружить не умеем!

– Все еще надеетесь в лице дикарей, увидеть новых российских верноподданных?

– Именно так, – проговорил Орлов. Всматриваясь в черную бездну океана.

– Странные вы все-таки русские, – буркнул монах. – Вам с трудом удастся кормить своих колонистов, а вы ведете речи о словарях для каких-то туземцев, от которых за милю воняет псиной и рыбой. Видать, вы уже забыли, какую бойню они вам учинили в вашем Ново – Архангельске, а тогда ведь Господь призвал к себе более двухсот ваших соотечествен-

ников.

– Что поделаешь, – кивнув, буркнул поручик. Играя с остервинением желваками. – Такова участь первопроходцев. Но ничего, заканчивается уже наше затруднительное положение. Помощь уже близко, она уже идет к нам.

– О какой помощи говорит, офицер? – улыбнувшись, уточнил Сулима. – Ваши корабли плывут из Петербурга до Аляски шесть месяцев!

– Тебе никогда не понять русскую душу, Сулима, – проговорил Орлов. – Мы знаем, что уже совсем рядом, испытывая нужду и трудности, осваивает новые земли Геннадий Иванович со своими людьми. Они уже сумели обойти Сахалин с севера, открывая при этом множество неизвестных территорий. Мы уже присутствуем в низовьях Амура, где твердо встал Николаевский пост. Так что, хоть мы и находимся за океаном Великим, но знаем – помощь близка.

– То, что весь мир узнал от вашего Невельского про Сахалин – это заслуга его великая, – буркнул монах. – Да, ваш Невельской доказал миру, что Сахалин не соединяется с материком, а является островом и что Татарский пролив – это именно пролив. Похвально! Только я насчет помощи ничего не понял, у Невельского своих неприятностей девать некуда.

– Вы так, Сулима, ничего и не поняли, – выдавил сквозь зубы Орлов. – Наши поселенцы активно заселяют Сахалин и Курильские острова, скоро там появятся современные порты, а через это решиться вопрос снабжения наших фортов.

– Надежда весьма спорная, – отозвался монах, покачав головой. – Вы думаете, что вам до бесконечности позволят укрепляться на этих землях? Флот английской короны уже ставится на паровые машины, а значит, ему будет еще проще в случае необходимости перерезать ваши коммуникации. А высадив десант, сбросить ваши жалкие, плохо вооруженные гарнизоны в океан!

– Вы как всегда недооцениваете нас, – усмехнувшись, пробормотал казак, – и адмирал Невельской, и генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев, да и наш правитель Максудов – люди грамотные, да серьезные.

– Что ты этим хочешь сказать? – озадаченно, уточнил монах.

– А то, что для охраны и закрепления новых земель, уже создано Забайкальское и Амурское войско, а надо будет, и здесь полчаны высадутся. Да и флот парусный на пар поставим, зря сумлеваешься.

– И сколько лет пройдет, прежде чем сие чудо свершится?

– Ничего мы народ терпеливый и работы не чураемся, – отозвался урядник, налегая на весла.

– Правильно говоришь, урядник, – подхватил Орлов, – не в первой нам. Наперекор воли держав заглавных, свои интересы отстаивать. Вон сколько шуму было в свое время, а мы вошли в бухту Золотой Рог и там уже порт заложен Владивостоком нареченный.

Вскоре из-за усиливающейся волны все споры в лодке прекратились, а люди меняя друг – друга налегали на весла, понимая, что путь по воде – это скорый выход к форту. Лишь уже под утро, инженер, менявший, в очередной раз казака спросил:

– Может, уже к берегу пристанем, да у костра обсохнем, под чаек горячий? Что скажешь, Константин Петрович? Вон сколько верст отмахали, все нормы перекрыли.

– И впрямь, ваше благородие, – поддакнув, поддержал кузнец. – Волна крепчает, да и у костра подкрепиться в самый раз будет.

– Ну, что же православные и латиняне, – вымолвил Орлов, задумавшись на мгновение, – путь мы и впрямь проделали не малый. Давайте к берегу!

* * *

Прыгая среди вспененных гребней волн, лодка стала быстро приближаться к темной полосе скалистого берега. И вскоре на каменистой отмели, в защищенной от ветров ложбине весело затрещал костер, давший, наконец уставшим людям возможность обогреться и перевести дух. Но желанный отдых после сытного, раннего завтрака оказался не долгим. Не прошло и часа как дежуривший у костра Степанов, разбудил Орлова, горячо прошептал:

– Ваше благородие, наверху скалы шумит кто – то.

– Кто там может шуметь? – пробормотал тот хрипло.

– Не знаю, да вы сами послушайте.

Откуда – то сверху действительно доносился, какой – то странный шум, который был явно не связан ни с грохотом прибоя, ни с шумом леса.

– Неужто, опять индейцы? – затравленно прошептал, проснувшийся инженер. – За что же такое наказание?

– Тоже нехристей боишься? – вымученно улыбнувшись, прошептал конокрад. – Кожу с головы резать! Это же надо такое придумать!

– Замолчал бы ты, братец, – рыкнул поручик, вскакивая. – Быстро тушим костер! Ты, Степанов и ты, кузнец со мной в поиск, а тебе, Иван Иванович, караул держать над арестантами. Все понятно?

– А вы надолго? – растеряно пробормотал Неплюев, озираясь по сторонам. – А то может, прыгнули бы в лодочку, да навалились на весла?

– В лодочку – это конечно хорошо, – вымолвил Орлов, торопливо проверяя оружие. – Только светает уже и сверху мы для стрелков, станем мишенью очень даже замечательной. Не дрейфь, инженер, лучше караулом озадачься и ежели что – то стреляй без сомнения, а мы скоро. Нам лишь глянуть, да разобраться, кто в такую рань там шумит.

В этот момент все отчетливо слышали конное ржание и глухие удары по металлу.

– Похоже, как тарантас чинят, – предположил кузнец,

вслушиваясь в звуки.

– На все воля Божья, – крестясь, прошептал урядник.

– Какой еще тарантас? – спросил поручик. – Все! Все разговоры отставить! Поднимаемся тихо, в бой не вступаем, оценим лишь обстановку и возвращаемся. Все понятно? Ну, тогда с богом, господа.

* * *

Поднявшись осторожно по скользким камням к кромке обрыва, они затаились среди камней, пытаясь рассмотреть в темноте тех, кто прервал их отдых.

– Говорю же, что рессоры на тарантасе чинят, – пробормотал кузнец, отдуваясь после подъема.

– Да, господь с тобой! – с жаром, проговорил казак крестясь. – Откуда здесь каретам взяться? Что с вами, ваше благородие?

– Все в порядке, – тихо хрипя, выдавил Орлов. Уткнувшись лицом в холодный камень. – Это, это..., сердце защемило..., сейчас все пройдет.

– Давайте я помогу вниз спуститься, – испуганно прошептал казак. – А потом, вернусь и мы с Василем разберемся, кто это зверье пугает.

– И то правильно, – поддержал кузнец, – с сердцем шутить нельзя.

– Спасибо, братцы, – прошептал поручик, рванув ворот

полушубка. – Пожалуй, и впрямь я не помощник вам, сам я спущусь потихоньку, а вас прошу, осмотритесь тихонько и сразу спускайтесь. Там уже и решим, что дальше делать будем.

– Не сомлевайтесь, – прошептал Степанов, – все сделаем. – По разговорам четверо их, осталось понять, кто они и что здесь забыли.

– Вот мой бинокль, а я спущусь в низ.

Расстегнув полушубок и верхние пуговицы гимнастерки, Орлов спотыкаясь и падая, с трудом спустился вниз. Молча сел у еще дымящегося кострища. Неплюев, наблюдавший за внезапно вернувшимся поручиком, судорожно сглотнул слюну и тихо пробормотал:

– Ну и, кто там по металлу колотит?

– Пока ясно только одно, – отозвался офицер, сидя с закрытыми глазами, – что это вроде американцы и их четверо. Хотя двое говорят с ирландским акцентом. Как только Степанов с кузнецом разглядят их получше – так и решение примем.

– Смотрю я на тебя, офицер, и вижу, что не хорошо тебе, – буркнул Сулима. – Никак сердечко защемило?

– Тебе то, что печалиться обо мне? – спросил Орлов.

– Да так, не перестаю удивляться, с каким отчаянием вы служите империи! С какой самоотдачей вы жертвуете собой, сгорая, зачастую как сгорает восковая свеча. И никак не пойму ради чего все ваши жертвы и лишения?

– Я может быть тоже, удивляюсь тому, что здесь делает на православной земле, хоть и слуга Господа, но все, же латинянин, – вымученно улыбнувшись, отозвался поручик. – Да еще под пулями и стрелами.

– Со мной – то, все просто. Я через долг пасторский, муки и лишения в заграничных мытарствах принимаю, неся по мере сил слово христово.

– А брат твой Ламберт, какое слово несет? – с подозрением, уточнил инженер.

– И он, несет своими поступками смиренными, веру в Бога!

– И давно вы в наших землях трудитесь? – уточнил Орлов, массируя рукой грудь.

– С момента создания американцами своих Соединенных Штатов, мы обратили свои взоры на эти земли.

– Не обижают вас американцы? – спросил инженер. С тревогой поглядывая наверх.

– Янки, народ веротерпимый, – покачав головой, отозвался Сулима. – У нас на сегодняшний день в их штатах уже имеется несколько епископов, за сотню священников, есть даже несколько высших учебных заведений и несколько средних. Мы не встречаем на их землях никаких ограничений и притеснений.

– Почему же американцы столь лояльны к вам? – спросил Орлов. С тревогой вслушиваясь в стуки по металлу.

– Потому что у американцев в отличие от вашей империи,

принцип выборности должностных лиц распространяется и на католическое духовенство!

– А я думал, что число католиков у американцев растет из-за многочисленной миграции ирландцев, – буркнул инженер. – Впрочем, мне все равно какой численностью ваши банды осадят американские штаты, для меня все одно с каким умыслом и лукавством вы входите в дома американцев.

– В чем наше лукавство состоит? – с жаром, прошипел Сулима. Сжимая свои кулаки.

– Выгоду вы как всегда себе ищите! – отрезал инженер. – Думаешь нам неведомо, что за жадность вашу, громят ваши церкви и в Бостоне и в Филадельфии! И правильно ковбои местные делают, что гоняют ваших алчных до денег братьев! Скажешь, нет? Мы с Константином Петровичем сами читали в газетах! Вон недавно, из-за попытки назначить вашего попа, разгорелись выступления народа аж в самом Вашингтоне.

– Не попа, а папского нунция! И только в Вашингтоне! – взорвался Сулима. – Миссионеры святого Павла уже во многих штатах укрепили свое влияние, неся правдивое слово божие!

– Это правда, – пробормотал Орлов, – только не надо кричать. – Этак вы на всех нас беду накличете. А, что касемо вашего влияния... Ну что же, бесплатные школы и все такое, действительно настраивают людей на разговор с вашими братьями.

– Вот, вот! Думаю, что господин, офицер, согласится и с тем, что мы прекрасно организованны, в отличие от ваших священников и многочисленных протестантских сект. Которые к тому же враждуют друг с другом.

– Вы хотите сказать, что нам никогда не удастся вести дела в этих землях как вам? – уточнил поручик.

– Конечно! Даже если на это будут приказы из вашего Сената или предписания Синода! – самодавольно, подитожил Сулима.

– Недооценка противника всегда ведет поражению, – проговорил Орлов, усмехнувшись. – Когда – то ваши единоверцы не верили, что граница Русской империи с Китаем, ляжет по реке Амур, до впадения в него реки Уссури. Теперь Уссурийский край наш по Пекинскому договору. Это ли не успех подданных Российской империи?

– Эти земли далеко не Уссурийский край, – буркнул, Сулима. – Это Аляска! Вам не хватает доходов для содержания Русской Америки! Ваши купцы, организовавшие Российско-Американскую компанию, так и не смогли заставить ее работать с прибылью. Разве это не так?

– Ничего придет время и прибыль появиться непременно, – отозвался Неплюев, озираясь по сторонам.

– О какой прибыли идет речь? Уж не от пушного ли промысла? И потом не забывайте о американцах! Вы их явно недооцениваете. Когда они твердо встанут после своей войны, в своих южных штатах на ноги, то вряд ли согласятся с

тем, что на севере Америке хозяйничают русские.

– У нас, Сулима, с Соединенными Штатами нормальные дипломатические отношения, – проговорил Орлов. Всматриваясь в перекошенное лицо монаха. А наши народы желают жить в мире и дружбе. Так, что мы не собираемся уходить с этих земель.

– Да вы уже уходите отсюда! – воскликнул тот, брызгая слюной. – Американцы вас уже выдавили из форта Росс! В свое время ваш Александр первый подписал манифест об исключительных правах России на Аляску севернее пятидесяти первой параллели! И, что с того? Ваши интересы вошли в противоречие не только с американскими интересами, но и английская корона была не довольна вашей активностью. Именно поэтому ваш император заключил новый договор с американцами, по которому Берингово море становилось уже не внутренним морем России.

– Я как погляжу, Илья Сулима, хоть и монах, а зело начитанный и в делах светских и просвещен не по чину, – задумчиво, проговорил Орлов. Играя при этом желваками. – Все верно..., по новому договору была вновь открыта свобода мореплавания и рыбной ловли в Беринговом море, а наши владения ограничены пятьдесят четвертой параллелью. Но это был тактический шаг и шаг сей, не дает право наглецам различных мастей, входить в наши воды и творить безобразия различные. Я уже не говорю о высадке на берег без специальной грамоты. Это касается всех гостей заморских, ведь

все знают, что нельзя приближаться к берегу на расстоянии пушечного выстрела.

– Может, кто измену чинит? – предположил робко конокрад. – Вон испанцы вами убиенные, не сильно – то с законами нашими считаются.

– Не тебе, про дела государственные размышлять! – оборвал его Орлов.

– А ведь каторжанин по-своему прав, – буркнув, поддержал инженер. – Передовая часть общества в империи не довольна состоянием дел и вполне может препятствия в отдельных делах чинить.

– Тебе бы, инженер, к словам офицера прислушаться, – пробормотал Сулима. – В своих университетах видать Жуковского начитался, до умопомрачения! А если по возвращению в Родину угодишь в третье отделение царской канцелярии?

– А тебе то, что с того за печаль? – огрызнулся Неплюев. – Главное, что здесь нет генерала Бенкендорфа со своими людьми, кои облечены особым доверием самого государя.

– Я же говорил господин, офицер, что ваш инженер есть еретик и якобинец! – с возмущением выпалил Сулима, вскакивая. – Его Жуковский и Писарев с «Русским словом» „впридачу, проповедуют освобождение личности от бытовых и семейных пут – это путь в никуда. У нас тоже случались конфликты между теми кто несет слово папы и его противниками, но наша буржуазия всегда шла на конфликт

с пониманием того, что необходимо сохранить религию для защиты своих интересов.

– Успокойтесь, святой отец! – оборвал его Орлов. – Сядьте и не кричите! Не то я и впрямь решу, что вы нас хотите обнаружить. Да и вам – то чего печалиться? У вас труды перечисленных вами господ находятся в „Индексе запрещенных книг“.

– Просто я со своими братьями знаю, что такое якобинцы – это чума для любой империи, – неохотно сядясь, буркнул монах. – Поэтому у нас все подозрительные книги и проверяются в цензурной коллегии, из-за чего зараза и не попадет на улицы к толпам плебеев.

– Чем же тогда вашей банде, не угодили труды Жанны Гюйон? – съязвил Неплюев. – Ведь она проповедовала преданность и любовь к Богу, призывала презрительно относиться к добру и злу так как – это одинаковое проявление божественной воли.

– Да, ее книги в начале имели успех, и их содержание даже публично одобрял епископ Фенелон, – скривившись, проворчал монах.

– Вот видите! Зачем же ее труды запрещать? Вашим братьям нужно быть последовательными!

– Мы всегда последовательны в отстаивании интересов Вечного Рима, – скрипя зубами и часто крестясь. Прошептал Сулима с ненавистью. – В книгах Гюйон было обнаружено до тридцати еретических положений, а речи Фенилона на-

ши официальные представители осудили. Чему это инженер улыбается?

– Просто вспомнил, что труды этой госпожи, имеют в нашей империи множество поклонников, – невозмутимо, отозвался инженер, – даже в лице господина Голицына.

– Через такие разговоры, к власти в вашей империи придут якобинцы! Которые залиют улицы ваших городов кровью и вам уже не будет дела ни до этих земель, ни до самой империи.

– Вам – то тогда что печалиться? – проговорил Орлов, вставая. – Вроде идет кто-то...

– Зараза из вашей империи, может перекинуться и на наши земли, – процедил монах.

– Идет кто – то, все быстро за камни! – с жаром зашептал поручик. Выхватывая из-за пояса револьверы.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем в осторожно спускающейся фигуре, они смогли разглядеть урядника.

– Ну, что там, братец? – спросил поручик, выходя из укрытия.

– Там, ваше благородие, дилижанс в каменюках застрял, – доложил тот. Смахивая рукавом пот со лба. – Как ваше самочувствие?

– Все в порядке со мной, благодарствую, – озадаченно, проговорил офицер. – А дилижанс-то откуда взялся? Дорог тут вроде нет никаких.

– Не знаю, но мы с кузнецом его в вашу биноклю, хорошо разглядели – под четыре лошадки удуманный. Может они, по каким – то малозаметным дорогам его сюда пригнали.

– Ничего не понимаю, – озадаченно пробормотал Орлов. Приложив холодный револьвер ко лбу. – Откуда ему здесь взяться? Здесь же нет дорог! А ездовые? Вы их рассмотрели?

– Так, а ездовые лошадок распрягли, да к лесу подались, – растерянно, прошептал казак. Разведя руки в стороны. – Но не индейцы они – это точно.

– Ничего не понимаю! А где кузнец?

– Так схоронился он в каменюках, наблюдение ведет скрытое, я ему и биноклю оставил.

– Ладно, пойдем, глянем, что это за карета здесь объявилась, а ты, инженер, про караул не забывай.

* * *

Какого же было их удивление, когда поднявшись, они не обнаружили на месте кузнеца.

– Вот – те раз, – растерянно, пробормотал казак. С тревогой озираясь по сторонам. – Куды он мог подеваться?

– Я кажется знаю, куда он мог податься, – поморщившись, проговорил Орлов. Глядя на стоящий дилижанс. – Идем.

– Вот ведь неслух, – сокрушался Степанов. Едва поспевая за офицером. – Я же запретил ему ходить к тарантасу одному. Вот ведь душа металлическая!

– Что же его так припекло? – со злостью, спросил поручик.

Внимательно осматриваясь по сторонам.

– Так он все гадал, из какой стали рессоры сделаны, да на какой манер крепятся. Все уши мне прожужжал, а один остался, да видать и не усидел.

– Видать, видать, – передразнил его Орлов. – Что-то его не видать нигде! Уж не в полон ли он попал?

Лишь подойдя к дилижансу, они обнаружили кузнеца. Он лежал в неестественной позе, у заднего колеса, уткнувшись лицом в камни, которые были залиты его темной кровью. Орлов держа револьверы наготове, резко опустил на левое колено, заглянув под дилижанс. Затем запрыгнул на подножку, заглянув внутрь экипажа и только после этого, медленно обошел его вокруг, озираясь по сторонам.

– Ну, что с ним? – спросил он, подходя. Глядя на ошеломленное лицо казака.

– Отошел раб божий..., не исповедавшись..., в одиночестве, – прошептал тот. Закрывая убитому глаза. – Кинжалом в спину ударили, прямо в сердце угодили. Эх, какой мужик был, а мастеровой какой отменный!

– Он хоть, что – то успел сказать?

– Прохрипел только тихо, что добрый каретник делал эн-тот тарантас и отошел, – смахнув слезу, прошептал урядник.

– И все?

– Все, ваше благородие... Какой же злодей на него руку поднял?

– Не знаю, братец, – пожав плечами, прошептал Орлов. – Наверное, один из тех, кто эту карету сюда пригнал. Может внутри экипажа остался дружков своих дожидаться, а тут наш Василь объявился.

– Упокой, Господи, душу усопшего раба твоего и прости ему все согрешения вольные и не вольные, – бормотал казак подавлено. Отчаянно крестясь при этом. – Какого человека работного сгубили! Какие ножи и шашки он делал! У него в станице, за его татаурами всегда очередь была.

– Послушай меня, урядник, – проговорил тихо Орлов, – лиходей, не мог уйти далеко. – Наверняка где – то рядом схоронился поганец.

– Может, поищем? – встрепенулся казак. – Он ведь и биноклю упер!

– Уходить нам надобно, – со вздохом, отозвался поручик. – Не ровен час, вернуться сюда дружки лиходея. У них вон и тонкомер наготовлен, чтобы колеса из камней вытащить.

– Откуда они только взялись на нашу беду? Откуда дилижанс этот пригнали, а главное зачем? – недоумевал казак.

– Да, ты прав..., на такой телеге здесь не поедешь далеко, – кивнув, буркнул поручик. – Наверное, они этот дилижанс спрятать здесь хотели.

– Но почему?

– Я так смекаю, что принадлежит он китобойной компании, видимо американской. Они на таких дилижансах деньги

возят, чтобы с китобоями рассчитываться прямо на берегу.

– Какие же здесь китобои могут быть? – озираясь по сторонам, прошептал Степанов.

– Отбили телегу эту, наверное, у почтовиков. Вон и корпус весь пулями изъеден, внутри все в крови. Глянь, что у них там, в рундуке и уходим отсюда.

– Это мы мигом, – кивнув, отозвался казак. Со вздохом одевая свою папаху.

* * *

Орлов медленно опустился у колеса, рядом с телом убитого и, сняв фуражку, тихо проговорил:

– Эх, Василь! И зачем ты только подался, эти чертовы рессоры смотреть? А впрочем, откуда ты знать мог, что в этом месте поганом, самим Богом забытым, найдешь ты свою смерть.

Он знал этого грубоватого, немногословного кузнеца еще по Крымской компании. Именно благодаря таким простым работным людям коих были тысячи, вооруженных лопатами и кирками, молотом и наковальней, работавших день и ночь для удержания обороны Севастополя и удавалось сдерживать врага целых одиннадцать месяцев. Именно благодаря таким простым людям город оцетинился в короткий срок могучими бастионами и батареями. Но тогда все было просто и понятно, даже частичное затопление кораблей Черно-

морского флота было воспринято всеми хоть и болезненно, но с пониманием – это препятствовало заходу вражеских судов в Севастопольскую бухту.

Да тогда было все понятно и все от простого солдата или жителя города до адмирала Нахимова, показали всему миру мужество и отвагу русских людей. Но все это было там, в далеком Севастополе, а здесь на кромке империи, не было ни войны, ни мира в полном смысле этих слов...

– Ваше благородие, – проговорил Степанов растерянно. – Тут у них в рундуке..., в мешке, пуда два мыла лежит кускового. Возьмем или как?

– Какое еще мыло? – пробормотал рассеяно Орлов, одевая фуражку.

– Да вот, сами полюбопытствуйте, – отозвался казак. Протягивая темно-коричневый кусок.

Поручик, продолжал сидеть у колеса, ошеломленный неожиданной находкой, не веря глазам, не веря, что Бог посылает им такой подарок.

– Это..., Это же..., это же артиллерия! Давай сюда мешок! Это же динамит!

– Избавь нас от бед, Богородица Чистая, – с ужасом прошептал казак. Протягивая старый льняной мешок.

– Что с тобой, голубчик? – не поняв, буркнул Орлов.

– Это же та хреновина, которой дороги в горах прокладываю, – с жаром, зашептал тот. С остервенением, вытирая шапкой пот с лица.

– Им можно не только дороги прокладывать, пути в скалах рубить. Его можно и как бомбу с фитилем использовать!

– О, Господи, помилуй, – крестясь, бормотал казак. С ужасом, боязливо спрыгивая на землю.

– Да, что ты все причитаешь? Нам Господь артиллерию карманную послал, а ты вроде, как и не рад вовсе.

– Неплюев говорил, что энта штука взрывается от малейшего сотрясения.

– Это изначально так было, а теперь..., тот самый инженер шведский, что его изобрел, довел его до безопасного состояния, – отозвался поручик. Сосредоточенно пересчитывая взрывчатку. – Теперь он взрываться будет, лишь, когда мы вот этот пороховой шнур подожжем.

– Или когда стрельнем в него?

– Или когда стрельнем, – проговорил Орлов, улыбнувшись. – Ну, спасибо тебе, Господи, за твой подарок королевский! Теперь, казак, нам сам черт не страшен.

– Может из-за него тот лиходей, что кузнеца убил и возвращался? Может, забыл впопыхах, да в темноте, а тут Василь наш объявился, да и мы вскоре появились.

– Может, братец, все может быть, давай уходить отсюда.

Но внезапный выстрел из-за деревьев, разорвавший тишину утра, спутав все планы.

– Ложись! – крикнул поручик. Прячься за одним из валунов.

– Никак наш злодей зубы показывает? – с удовлетворением

ем проговорил казак. Не добро, улыбаясь при этом. – Теперь – то грех уйти, не поквитавшись.

– Давай смекнем, откуда он палить изволит, – буркнул поручик. Вслушиваясь как вторая пуля, ударив в корпус дилижанса, рикошетом ушла в каменную гряду, противно цокая.

– Сейчас разберемся, – деловито проговорил Степанов. Неторопливо занимая оборону. – Уже понятно, что палит наудачу. Индейцы так не стреляют, да еще из нарезного кавалерийского штуцера.

– Не у наших ли казачков, отбит сей штуцер, – отозвался Орлов.

– Это же Америка, – тихо, прошептал урядник, – здесь все покупается и все продается. Ага! Вижу злодея, только далековато для верного выстрела, боюсь, глаз сфальшивит.

– Тогда порох не жги, я его хорошо вижу.

Несмотря на приличное расстояние и сумерки утра, первым же выстрелом поручику удалось поразить цель. Стрелок занявший позицию в огромных камнях, выронил штуцер и замер.

– Ох, и хорош выстрел! – воскликнул казак. – Дозвольте, я мигом сбегаяю. Биноклю принесу, да и штуцер с припасами, опять же подмогой будет.

– А если он там не один, или ездвые вернуться, – засомневавшись, предположил поручик. – Шуму вон сколько наделали!

– А я его с фланга обойду, а если его дружки объявятся,

то вы отсюда меня поддержите. Да и не впервой ведь! Вон под Севастополем, какие рейды чинили, а ведь бывало соотношение и один к двадцати!

– Не нравится мне твоя идея, – проворчал, покачав головой офицер. С беспокойством осматриваясь по сторонам. – Но ты прав, уж больно бинокль нужен, да и штуцер лишним не будет. Ладно, давай, пробуем, храни тебя Бог и помни, что уходить нам отсюда надобно и спешно.

Дождавшись возвращения казака, который действительно принес похищенный бинокль и штуцер с припасами, они подхватили грузное тело кузнеца и пригнувшись поспешили к обрыву. Спотыкаясь и падая, торопливо спустились к месту их стоянки и только тут заметили, что произошло нечто ужасное – пропала их лодка. А вместе с нею исчезли и Сулима с конокрадом, прихватившие кроме револьвера который дал инженеру Орлов, корзину с остатками провизии и ранец с образцами. Тело самого Неплюева они обнаружили, за одним из валунов. Озираясь по сторонам, поручик бросился к нему, осторожно перевернул на спину и тихо спросил:

– Что? Что случилось? Где они? Где лодка? Степанов, глянь сверху лодку! Они не могли далеко уйти!

Орлов с ужасом осознал, что произошло. Понимая, что с потерей лодки они теряют скорость продвижения к своей цели, а самое главное ранец с минералами, которые они должны были доставить в Петербург.

– Вот сучье вымя! – с яростью, выпалил урядник. – Хоро-

шо я мигом!

Какое – то время инженер с трудом приходил в себя, кричась от боли, держась руками за разбитую голову, перевязанную Орловым. Который молча, с остервенением курил папиросу, сидя на валуне рядом.

– Извини, Константин Петрович, – выдавил, наконец инженер. Вымученно улыбнувшись при этом. – Не углядел я этих прохвостов.

– Успокойся, Иван Иванович, – со вздохом проговорил Орлов. С тоскою смотря на хмурую, сереющую полосу горизонта. – В живых остался и, слава Богу! Кто же это тебя так приложил?

– Сулима, сука! Камнем сзади саданул, как только вы наверх поднялись. Как только черепок не проломил, поганец!

– Ранец с образцами я так понимаю, он прихватил?

– И ранец спер проходимец? – давясь тихо от смеха. Проговорил инженер с трудом вставая.

– Чего же тут смешного? – глухо, спросил поручик. Глядя на струйки крови, текущие по бледному лицу инженера. – Там ведь образцы с золотоносных жил были, цифирью к местам привязаны! Другие минералы разные. Чего же здесь смешного, братец?

– Минералы конечно жалко..., а золото... Там, там..., – захлебываясь от смеха, бормотал Неплюев, – было золото для глупцов!

– В каком смысле? Я ничего не понимаю! Да, можешь ты

объяснить толком, наконец?

– Там была порода с пиритом! – выпалил, инженер. Вытирая рукавом лицо. – А пирит очень похож на золото.

– Ты хочешь сказать, что там были не настоящие образцы? – прошептал ошеломленный Орлов. – А в поясе, что ты мне дал?

– У тебя, Константин Петрович, как раз настоящие образцы, – пробормотал Неплюев. Успокоившись наконец. – У полковника Калязина были сомнения насчет этих миссионеров, вот он и придумал такой ход. А эта гнида церковная и клюнула на пустышку! Уволок ранец с пустой породой.

– Умно, придумано, – кивнув, выдавил офицер. – А меня чего же, господин полковник в известность не поставил?

– Это ведь только сомнения были, – отозвался инженер, пожав плечами. – Значит, не хотел, чтобы поручик Орлов в пути, на домыслы разные отвлекался.

– Понятно, – кивнув, буркнул офицер. Глядя на подбегающего урядника.

Из доклада которого стало ясно, что лодка находится уже в не зоны выстрела и, что они лишились своего средства передвижения. А это означало только одно – теперь они были лишены возможности маневра, теперь они целиком зависели от обстановки которая складывалась в прибойной полосе. Успокоив с трудом Неплюева, который был буквально ошеломлен новостью о гибели кузнеца, они перетащили тело покойного Василя подальше от линии прибоя. Затем обложи-

ли труп камнями, с тем, чтобы ни звери, ни птицы, не смогли потревожить вечный сон простого рабочего человека, до последнего вздоха верой и правдой служившего интересам империи.

– Прости нас, Василь, – проговорил Орлов, снимая фуражку. – Что хороним тебя по воровски, без креста и священника. Но я тебе обещаю, что как только представится возможность, как только мы дойдем до Ново – Архангельска, я закажу службу и по тебе и по всем безвременно сгинувшим в Русской Америке. Прости нас за все, а за гибель твою мы уже отомстили.

– Пусть земля тебе эта каменная, будет пухом, – хмурясь, прошептал казак. С остервенением крестясь при этом.

* * *

Простившись с кузнецом, они спешно двинулись по кромке океана, в сторону форта есаула. То углубляясь в хвойный лес, подступавший почти вплотную к линии прибоя, то вновь выходя на открытые каменные пляжи. Шли в основном молча, из-за всего произошедшего, а так же из – за бессонной ночи проведенной в качающейся лодке. Короткие привалы, которые устраивал Орлов, не давали им возможности полноценно отдохнуть. Именно поэтому, кода они в очередной раз пробираясь через заросли кустарника, наткнулись на огромного медведя, а винтовки в руках предательски отказыва-

лись замирать на точке прицеливания – Орлов принял решение перевести дух основательно.

– Все правильно, ваше благородие, – бормотал казак, разводя костер, – медведя просто так не добудешь. Пущай идет себе косолапый, он крепок на рану и живуч уж больно. Бить его наверняка надобно, на повал! Либо чуть выше глаз, либо в ухо, либо под левую лопатку, а как тут его выцелить, ежели руки трусятся.

– Для нас – это был шанс добыть себе провизию, – устало проговорил Орлов, закуривая. – Без еды мы так и ноги протянем.

– Ничего, – бормотал урядник, – заварки трошки есть – значит и чаек будет. Почаевничаем, отлежимся не много, а там я в пихтач сбегая, может какую птаху добуду или зайца. Плохова-то конечно, что снег еще не лег, а то бы по следам, плевое дело провиант найти. А с медведем пораненным нам сходить сейчас никак нельзя, отомстить за обиду ему нанесенную он может крепко. Да и на кой нам столько мяса!

– Октябрь уже, а он все бродит по лесу, – лежа в изнеможении у костра, пробормотал Неплюев. – И чего ему не спится?

– Вот сразу видать, Иван Иванович, что городской ты человек, – усмехнувшись, вымолвил урядник. С усердием ломая ветки. – У медведя ведь тоже все в жизни случается по предписанию. Ежели ли, например он нагуляет жиру за лето для спячки, то завалится в берлогу во второй половине но-

ября. А ежели мало жиру нагуляет, из-за нехватки кормов к примеру, то может завалиться и в конце октября. Нынче ему, вон сколько пищи было! И брусники, и клюквы, и ореха опять же, да и снег еще не лег.

– Как голова, не болит? – спросил Орлов закуривая.

– Все в порядке, – криво усмехнувшись, буркнул инженер, – заживет до сводьбы. Сам виноват, не надо было рот разевать.

– Ну и, слава Богу, терпеть уже немного осталось. Думаю, к вечеру в форте будем чай гонять.

– Эх, жалко этот проходимец Сулима, сбежал, – со вздохом пробормотал инженер. – Посмотрел бы с удовольствием на его рожу, в острог заключенную.

– Что уже про него говорить, коли ему сбежать удалось, – покачав головой, отозвался Орлов. – Ты лучше в форте думай, прежде чем сказать, что либо. Эта уже территория, где к твоим вольным высказываниям отнесутся серьезно, где за разговоры твои и в железо угодить можно запросто.

– Я помню, Константин Петрович, что институт жандармов, незримо присутствует даже здесь, на кромке империи. Можешь не сомневаться.

– И вообще, читал бы ты, братец, лучше Гоголя, чем своих утопистов-марксистов.

– Признаться меня не сильно трогают его религиозные изыскания, – поморщившись, отозвался тот.

– Но он же обращает свои взоры к религии, не в отрыве

от культуры, а для того что бы найти решение конкретных проблем. Тебе так не кажется?

– Нет, его религиозные размышления меня решительно не волнуют! Хотя отдаю ему должное за то, что господин Гоголь, определил во многом характер русской литературы, ее так сказать мессианство. Вы же знаете, что мне ближе Писарев, журнал „Русское слово“.

– За то, что он на страницах сего журнала, выдвигают свою сумасшедшую идею, не призывая к революции достигнуть социального равенства, через техническое развитие?

– Зря смеешься, Константин Петрович, – отозвался инженер. – В кругах разночинной интеллигенции его ценят, за смелые высмеивания всех сторон нашей жизни, в империи.

– Смотри, Иван Иванович, с огнем играешь, я тебя предупредил, – с сожалением, проговорил Орлов.

* * *

Выспавшись и утолив голод зайчатиной, запеченной в глине на углях, они вновь продолжили свой путь. Пожалуй, единственное, что омрачало радость скорой встречи с единовверцами кроме гибели кузнеца и побега Сулимы с конокрадом, были два выстрела, прозвучавших хотя и на большом удалении, но говорившие за то, что это могли быть и враги, идущие по их следу. Именно поэтому Орлов пошел с людьми не по пологому склону, а через хребет одной из

скал. Откуда можно было спокойно исследовать прилегающую местность в бинокль, а значит, избежать внезапных неприятностей. И вскоре его худшие опасения подтвердились. Он отчетливо разглядел как из лесного массива на каменистый пляж, стала выходить колонна индейцев, шедшая, на некотором удалении от них.

– Проклятие! – чертыхнулся поручик. Протягивая бинокль уряднику. Почувствовав как вновь защемило сердце. – Кажется в гости к есаулу, направляемся не одни мы.

– Разрази меня гром, – прошептал тот в сердцах. Внимательно глядя в бинокль. – Верст пять расстояние до них, может чуть и более.

– Что? Что там такое? – забормотал инженер, озираясь по сторонам.

– Ничего особенного, – проговорил Орлов. С остервенением жуя спичку. – По нашим следам идут индейцы, числом примерно в сотню, если не больше стволов! А ведет всю эту милейшую компанию, наш добрый самолитянин Ламберт, собственной персоной. Как же они успели так лихо сократить дистанцию? Видимо идут без отдыха.

Поручик озадаченно посмотрел на красные, обветренные лица товарищей и подавленно признал:

– Где – то они переиграли нас. Теперь идти придется на пределе возможностей, не останавливаясь и не отдыхая, с тем, чтобы людей в форте предупредить.

– Может они и не за нами идут вовсе? – робко, предполо-

жил инженер.

– Да нет, Иван Иванович, – отозвался казак, опуская бинокль, – тут как не крути, а дорога лишь через форт идет.

– Я говорил, что этим латинянам верить нельзя! – выпалил Неплюев. – Успеем мы вперед их добраться?

– Если поспешаем крепко, то все мы успеем, – проговорил тихо Орлов. Внимательно изучая противника в бинокль. – И никакой этот Ламберт преподобный не глухонемой, болтает гад не умолкая, ему смотрю и коня доброго дали. Ай да, Ламберт! Зачем же столько времени глухонемым прикидывался?

– Значит, интерес был тайный, – отозвался Степанов. – Значит изначально с Сулимой, что – то поганое умышляли. А ежели они форт в круговую осадят? Как тогда подмогу к отряду отправим?

– Что же ты, голубчик, предлагаешь? В штыковую, что ли ударить?

– Может, вы пойдете, а я в арьергарде останусь? – прошептал Степанов.

– Что это ты удумал? – насторожился поручик. – Хочешь Ламберта попросить к форту не ходить?

– Закачу этой суки пулю в голову, а там, в сторону попробую оттянуть своей стрельбой. Глядишь и у вас лишний час появиться.

– А потом тебя аборигены на ремни порежут, за своих соплеменников убиенных или покалеченных. Нет, казак, не

для того мы столько лишений приняли, чтобы в самом конце погибнуть по глупостям, да и у нас каждый ствол винтовой на вес золота. Встречать гостей будем не в чистом поле, а через бойницы форта! Давайте скажем, спасибо, Господу за его помощь нам, что от ночевки отвел, где испанцы у костра пировали, что лодку дал, которая нам так подсобила. Не будем более его терпение испытывать. Все, все за мной!

* * *

Какое – то время люди молча шли друг за другом, думая обовсем произошедшем, внимательно смотря по сторонам. Наконец шедший за поручиком инженер не выдержал и тихо проговорил:

– Как же ему удалось, так быстро собрать целую сотню воинов?

– Это же индейцы, – отмахнувшись, отозвался Орлов. – Они тебе без почтовой связи и телеграфа, весть передадут за десятки миль, не хуже этого самого телеграфа. Где гонцом, где криком птицы, где барабаном, а где и дымом от костра. Меня сейчас другое беспокоит.

– И, что именно?

– Мне весьма любопытно, что этот Ламберт за наши головы такое пообещал, что идут эти самые аборигены вроде как без сна и отдыха. А ведь это война! Да, давненько на этих землях так страсти не накалялись. Интересно, что же

стало причиной нарушения прежних соглашений с вождями их племен? Зачем они за нами отмахали столько верст отмахали? Зачем идут к форту?

* * *

К вечеру, когда холодное осеннее солнце уже опустилось за горизонт, Орлов вывел, наконец, людей к подножью огромной скалы, макушку которой не было видно из-за густой облачности. Обильно покрытая еловыми деревьями с уже пожелтевшей буйной растительностью, она возвышалась над густым хвойным лесом во всем своем громадном величии. Где – то там наверху, в скрытой от посторонних глаз вековыми соснами, подковообразной расщелине и располагался форт есаула Черемисова. Который и являлся той самой промежуточной точкой на их опасном пути.

Об удачном местоположении именно этой гигантской скалы вулканического происхождения, возвышавшейся над грядой других менее высоких скал, говорили еще первопроходцы. Ее удачное расположение в военном и пограничном отношении, отмечал еще сам Михаил Гвоздев, в своих „путевых наблюдениях“. Именно он первым обнаружил этот природный форпост. Который мог служить укрытием и для пограничной стражи, и для солдатского гарнизона, и для проживания поселенцев. Тот самый Гвоздев, который первым добрался в начале восемнадцатого века до берегов Аляски,

на боте „Святой Гавриил“. Гвоздев был не просто геодезистом, или человеком командующим ботом – он стремился оценивать в своих путешествиях все новые возможности, дающие не только коммерческие но и военные выгоды для всей империи. Именно им первым была выдвинута мысль, что с утеса этой скалы, склоны которой были причудливо изъеденной осадками и северными ветрами, даже не большой гарнизон усиленный пушкой, мог легко контролировать вход в несколько бухт сразу. А чуть позднее, целесообразность неперемного устройства здесь сторожевого поста, отметил в своей экспедиции Витус Беренг и Алексей Чириков. Именно размещение форта на этой скале позволяло, по их мнению, контролировать значительные водные территории. Вскоре, за возведенным здесь фортом, закрепилось точное название, которое метко подчеркивало его предназначение и которое вскоре переключалось во все официальные бумаги и отчеты. Так появился хорошо укрепленный форт „Око империи“.

Близость океана наложила отпечаток на здешний ландшафт, наградив его суровым и неприветливым обликом. Из-за сурового дыхания Арктики, здесь круглый год господствовали северные ветра, свирепая сила которых особенно ощущалась во время штормов. При этом люди, размещенные за естественными скальными стенами, почти не ощущали этого. Преодолев несколько сот шагов по галечным валам, которые спускались к прибою пологими пляжами, Орлов при-

шурившись, посмотрел наверх и тихо проговорил:

– Вот оно „Око империи“. Значит пришли мы, братцы.

– Что – то я никак не пойму, – прошептал Степанов, отдуваясь, – мы дошли до самого форта почитай, а так и не встретили ни одного разъезда казачков.

– Возможно, есаул сменил тактику караульную, – предположил Орлов. Внимательно всматриваясь в контуры утеса. – Хотя ты прав, странно все это. Чего нам гадать на кофейной гуще? Поднимемся к есаулу у него и спросим.

Преодолев затяжной подъем, по вымощенной камнями не широкой дороге, они оказались, наконец, перед сторожевой избой, стоявшей у края огромной террасы и контролирующей вход во двор форта.

– Что-то здесь не так, – проговорил взволнованно Орлов. Глядя на пустые бойницы сторожевой избы. – Ночи здесь холодные, с воды опять же сыростью тянет, а все бойницы открыты, да и караула я не наблюдаю. Странно все это.

– Ты, Константин Петрович, хочешь сказать, что у есаула что-то произошло? – испуганно, прошептал инженер.

– Я хочу сказать, что у есаула даже в окнах сторожевой избы, стекло настоящее стояло, как и в жилых бараках, а сейчас даже рам нет.

– Но, что тут гутарить? – прошептал урядник. Держа наготове винтовку. – Идти надобно в сам форт, да расспросить обовсем. Да и смеркается уже, неравен час Ламберт со своими дружками пожалует.

– Верно говоришь, казак, – кивнув, буркнул поручик. – Оборону лучше с вечера занять. А при такой фортификации, нам не то, что Ламберт – сам черт не страшен будет теперь! Идемте и глянем, что в избе сторожевой твориться для начала.

Входная дверь, сделанная из бревен и обшитая выцветшими шкурами лис, с жалобным скрипом отворилась. И их взору предстали две лавки, бревенчатый стол, да не большая печь, сложенная из камня.

– Я так смекаю, что здесь уже давно караулом не стоят, – пробормотал, растерянно Степанов. Трогая с опаской холодную печь.

– Стекла с бойниц сняты, а не выбиты, – кивнув, прошептал Орлов. Садясь со вздохом, на одну из лавок.

– И, что все это значит? – затаив дыхание, прошептал инженер.

– Пока не знаю, – с прищуром, отозвался поручик. Ложа на стол фуражку. – Пока только понятно, что боем этот сруб никто не брал. А стекло как предмет дорогуший, по хозяйственным соображениям сняли. Интересно откуда его есаул брал в этой глухомани?

– В низу над пляжем, в соседней скале, пласт идет угольный, – устало, проговорил Степанов. Глядя через бойницу. – В пять, а местами и в семь сажень.

– Он, что же, уголь на стекло менял? – удивился Орлов.

– А ему сам Максutow разрешил мену делать, на любые

товары, включая мануфактуру, – кивнув, отозвался казак. – Из-за удаленности форта и трудностей по его снабжению всем необходимым. Сюда ведь только по воде что – то доставить можно, вот есаул и делал мены разнообразные. Ну, что, ваше благородие, идем в форт или осмотримся маненько?

– В самом – то деле, чего мы здесь мерзнем? – поежившись, поддержал инженер. – Идемте уже в форт!

– В форт говоришь? – переспросил Орлов. – В форт – это хорошо! Только Степанов прав, осмотреться нам надобно. Так – как не знаем мы, почему разъездов не повстречали и почему в сторожевой избе караулом никто не стоит. Понять нам надобно, кто сейчас в форте стоит – казачки наши с поселенцами, или мы уже здесь свое лицо русское потеряли и враг здесь табором встал! Правитель наш, капитан первого ранга Максутов, сотнику от Черемисова при мне приказ отдавал – врати в эти камни твердо, и держать караул прилежно. Вот мы и смекаем со Степановым, что же здесь могло произойти. Так ты говоришь, что корабли торговые, кои мимо форта шли, сюда за угольком заходили?

– Все верно, ваше благородие, – кивнув, проговорил казак. – Есть тут скрытный форватер, вот по нему народ торговый и подходил к берегу, для закупки угля значит. Сказывали даже, что есаул с некоторыми капитанами так подружился, что уголек им заранее готовил. Поговаривали, что здесь уголек Максутов планировал добывать, пристань поставить и здесь же продавать с пристани. А может, я к уголь-

нику спущусь, да и гляну, есть там уголек, приготовленный с инструментом али нет?

– Погоди, погоди, – пробормотал Орлов, поморщившись. – И что нам это даст?

– Ну как же! Казачки, когда уголь – то резали, то инструмент в угольнике оставляли, что бы его каждый раз наверх с тачками не тягать! Если там все на месте лежит – то и в форт идти можно!

– Ну, что же мысль хорошая, – кивнув, пробормотал поручик. Задумчего раскуривая папиросу. – Глянь, конечно. Может мы и впрямь на молоке обожженные, теперь на воду дуть пытаемся.

Вскоре вернувшийся урядник доложил, что весь инструмент лежит на своем месте и, что даже приготовлен уголь для обмена и для зимовки в форте. Лишь после этого Орлов принял решение заходить в форт, все жилые и хозяйственные постройки которого, включая не большую церковь, были срублены в огромной расщелине напоминающей подкову, которая надежно защищала двор форта от холодных, пронизывающих ветров севера. Просторный внутренний двор длиною в две сотни шагов в ширину и около сотни в длину, хорошо простреливался из бойниц, а узкий вход во двор форта, в котором могло разъехаться лишь двое всадников, позволял в случае необходимости держать оборону малыми силами, сколь угодно долго.

Осторожно ступая на предательски шелестевшую гальку,

держа оружие наготове, они миновали не широкий проход и оказались во внутреннем дворе форта, напротив темных силуэтов жилых барачков, угрожающе глядевших на них темными глазницами бойниц. По бокам от входа потрескивая, горели два сторожевых костра, позволявшие разглядеть защитникам всех входящих во двор, а также говоривших о том, что какая – то жизнь теплилась за этими потемневшими от времени стенами.

– Колокол на звоннице! – радостно, зашептал казак. С усердием крестясь при этом. – Здесь станичники!

– Рано радуешься, – так же тихо, отозвался Орлов. Держа винтовку наготове. – Зима почитай на дворе, а пилы не визжат как прежде, дрова никто не колет, да и песен под балабайку никто не поет. Нет..., что – то здесь не так!

Осторожно ступая на гальку и озираясь по сторонам, они подошли к крыльцу жилого барака, срубленному из огромных вековых сосен.

– Что это? – выпалил инженер. Шарахнувшись в ужасе от двери.

– Не бойся, Иван Иванович, – усмехнувшись, прошептал казак. – Это всего лишь голова барана висит у входа.

– Зачем же ее сюда повесили? – с опаской глядя на череп, выдавил Неплюев.

– Оберег это, казачьего куреня, – тихо пояснил Орлов, – от злых духов он жилище защищает.

Внезапно сзади раздался, чей-то грубый окрик:

– Чьих будите, люди?

Резко обернувшись, гости увидели в свете костров, трех незнакомцев державших винтовки наперевес. По их овчинным полушубкам, лохматым казачьим шапкам, густым бородам, стало ясно – они вышли, наконец, к своим.

– Это же наши донцы! – воскликнул урядник радостно. Закидывая за спину винтовку.

– Я поручик Орлов, а это урядник Степанов и инженер Неплюев, мы из обоза полковника Калязина, идем в Ново – Архангельск. Мне нужен есаул Черемисов. Где я могу его увидеть?

Забросив за спины винтовки, казаки медленно подошли к гостям. Даже при тусклом свете костров были видны их изможденные, обветренные лица.

– Меня Иваном при рождении окрестили, – хрипло проговорил один из них, – за старшину я здесь. Этого Петром кличут, а это Ахат – морда татарская, приبلудился с какого – то парусника. Но мы с ним дружим крепко.

– Где есаул Черемисов? – вновь уточнил поручик.

– Идем, ваше благородие, – кивнув, проговорил Иван. Беря из бочки стоящей у входа, длинную палку с обмотанной на конце просмоленной паклей.

Запалив факел у костра, Иван повел гостей на тыльную сторону двора, где зайдя за баню, поднял над головой сильно чадящий факел и хрипло произнес:

– Вот и наш гарнизон, ваше благородие, все туточки как

один упокоение нашли.

– Что случилось? – в отчаянии воскликнул Орлов. С ужасом глядя на аккуратные гряды камней с крестами.

– Из зимовки в этом годе тяжко выходили, – тихо проговорил Иван, снимая шапку. – Чахотка с цингой навалились, вот и не сдюжили братки наши православные, да придут с ними молитвы наши и молитвы наших святых отцов.

– Неужели ничего нельзя было сделать? – тихо прошептал Орлов. Сквозь стиснутые зубы.

Он мог ожидать чего угодно, но только не этого. Отправляясь в форт есаула, чтобы выслать подмогу полковнику Калязину, никто и предположить не мог, что „Око империи“ понесло такие чудовищные потери в живой силе и практически перестало существовать.

– А, что можно было сделать? – с досадой вымолвил Иван. – Ни лекаря, ни микстуры, ни бабки – шептухи с дурманом, да заговорами. Раньше – то хоть водка с чаями круто заваренными спасала, особенно в самое гадкое время – весной, а нынче и этого ничего не завезли.

– Почему? – глухо спросил поручик. Чувствуя, как у него все закипает внутри.

– Сказывали из-за заметного расстройства в делах у купцов, да и в самом Ново – Архангельске.

– Выходит, что Максutow знал о вашем отчаянном положении и ничего не сделал, для его поправки?

– Пушай, ваше благородие, люди иду, трапезничают, да

отдыхают с дороги, а мы тут погутаим, о делах наших скорбных.

– Да, конечно! Идите, согрейтесь, да много не ешьте перед боем! Это самое поганое, когда на сытый желудок в кишки пуля прилетает. Чего же ты, Иван, не спрашиваешь, с кем биться собираемся? – тихо проговорил Орлов. Чувствуя, как все клокочет внутри, от какой – то безысходности.

– А чего спрашивать? – отозвался тот, пожав плечами. – И так все понятно. Знаем уже, что чугучи идут за вами, числом за сотню штыков, что табором они встали недалече – оно не впервой ведь уже.

– Откуда же вы все знаете, еже ли разведчиков конных не имеете? – пробормотал Орлов. Продолжая смотреть на скромные ряды могил.

– Не имеем – это правда, – поддакнув, согласился тот. – Но мы с аулетами в дружбе, они – то нас и снабжают известиями свежими.

– Тогда понятно. Доскажи про ваши беды, а уж потом обороной озадачимся.

– А, что рассказывать? Чем Максutow мог помочь? Отправил он по весне, свой бот последний с провиантом, а его из-за неисправности в руле о камни разбило, никто не спасся. Он пытался патом на паруснике небольшом провизию подкинуть.

– И, что?

– Так не успели на нем обедешную склянку "отбить", как

его атаквали английские китобои, взяли на абордаж, а уж потом затопили.

– И после этого, наши корабли у вас не швартовались?

– Один раз с тех пор, от правителя нарочные депешу есаулу доставили и все. На веслах пришли, горемычные.

– И, что было в депеше? – подавлено, выдавил Орлов. Глядя на могильные холмики.

– Кто же его знает, что там было, – пожав плечами, отозвался Иван. – Есаул к тому времени уже совсем плох был, а у нас никто более ни читать, ни писать не умел. Да и, что там может быть нового? Что стоять должно твердо на кордоне! А как стоять, ежели жрать нечего? Микстур опять – же никаких от хворей здешних, на промысел далеко от форта уходить нельзя, мену угля осуществлять на товары и провиант можно только с теми, кто возле берега якорь бросает. А корабли – то не все нужную осанку имеют! Большие, которым угля много надобно, к берегу близко подойти не могут. Из-за глубин малых, да банок каменных.

– Как же вы жили все это время? – покачав головой, уточнил Орлов. С трудом сглотнув подступивший в горле комок.

– Да так и жили, – пожав плечами, отозвался казак. – Поначалу перестали разезды высылать, потом внешние посты сняли, лошадок сменяли на порох, да на дичь, которую индейцы добывают и нас снабжают. Ну, а теперь только ворота форта и стережем по очереди и в достатке у нас только сало китовое, да рыба.

– Как же так..., как же так все неправильно развернулось? – скрипнув зубами, проговорил Орлов.

– Идем, ваше благородие, озяб ведь уже совсем. Чего здесь покойников караулить?

– Послушай, Иван, а нельзя ли оборону форта организовать с помощью воинов аулетских? Пока до вас шли, чудом от беды увернулись, а теперь нужно подумать, как форт отстоять.

– У аулетов с чугучами договор мирный, так что об этом забыть можно, – отозвался Иван, идя следом.

– Что же делать с подмогой для обоза полковника? Мы ведь им на соединение от вас должны были людей отправить... Видать не судьба. Как же нам оборону форта организовать для начала, давай подумаем?

– Может не решаться в приступ пойти?

– Может и не решились бы, – кивнув, пробормотал Орлов. – Только латинянин их ведет один, не знаю уж чего он им наобещал за наши головы. Одним словом, пойдут непременно.

– Тогда все понятно. Тогда нам их ошеломить как – то надобно.

– Правильно мыслишь, казак, – проговорил поручик, изучая двор форта. – Нам их нужно не только ошеломить, но и сразу нанести максимальный урон, уже в их первой атаке. Понимаешь? Они же в первую атаку бросаются сломя голову, вот это нам и надобно использовать. Например, порохо-

вой бомбой большой мощностью, а для этого нужен порох и шрапнель.

– Ну, с порохом мы нужды не знаем, – отозвался Иван, почесав затылок, – шрапнели, правда, не густо. Всего несколько ведер, а пороха, аж бочку имеем.

– Так, так, – озадаченно проговорил поручик, – это уже очень даже не плохо. – Вон там у вас бочки лежат?

– Точно так, – поддакнул казак, – из – под селедки. Мы их на растопку натаскали, с кромки прибрежной. Видать где – то корабль на скалы налетел, вот их и прибило.

– Слушай, старшина, что сделать надобно. Берем бочку поменьше, да снаряжаем ее порохом, а потом опускаем в бочку по – больше.

– А между стенками засыпаем шрапнель?

– Верно, смекаешь, казак, – улыбнувшись, проговорил Орлов. – Только не одной шрапнелью, а шрапнелью с галькой! Шикарная у нас бомба получится, старшина.

– Спрячем ее посреди двора, а при надобности запалим с ружей винтовых!

– Только ее замаскировать хорошо надобно, чтобы шальная пуля ни угодила. Значит будем считать, что их первую атаку мы поломаем непременно. У нас еще динамит кусковой имеется, из него можно гранаты поделать.

– С фитилями быстрого прогорания? Ну что же – это можно изготовить! С ними драться до крайности можно длительное время.

– Правильно смекаешь, старшина и еще... Надобно несколько схронов сделать, куда можно динамит заложить, а при необходимости подорвать выстрелами.

– Артиллерию малого калибра тоже пристроим, не сумлевайтесь, – кивнув, проговорил казак. Задумчег оглаживая бороду. – Пойдем, ваше благородие, посмотрим, какое у нас еще вооружение имеется.

К удивлению и радости Орлова, за бараками в скальной пароде, был вырублен просторный подвал, который использовался и как пороховой погреб и как склад, где на сколоченных из досок столах лежало до сотни винтовок и ружей различных систем и калибров. На полу в деревянных ведрах хранились патроны тщательно отобранные по калибру, тут же стояли ящики с холодным оружием, от морских кортиков и шашек до острых индейских ножей с резными ручками из моржовой кости.

– Да твоему богатству цены просто нет, – прошептал поручик, проверяя оружие. – Откуда добра столько?

– Все через мену угля, ваше благородие, – усмехнувшись, отозвался Иван. – Делов – то! Это мы еще при есауле приобреталось, царствие ему небесное. Имелась у покойничка думка, что придет время и наш форт пополнят новыми поселенцами и солдатами, коим и пригодится сей арсенал. Шибко радел он за лицо империи нашей, вот и старался, как мог.

– Да, хороший был человек... Однако давай подумаем, на какой манер последующие атаки отбивать будем. Уж больно

гарнизон наш числом мал!

– Думаете, что с таким остервенением, на приступ бросаться будут?

– Столько верст за нами тащились! Значит, есть повод и весьма серьезный, ну, а раз так – мы должны показать им, как русские люди биться могут до крайности.

– А чего тут думать? – проговорил Иван, пожав плечами. – Ежели за добавкой сунутся – то их можно будет и из пушки причесать. Это ведь не пороховая бомба, на нее шрапнели гораздо меньше пойдет.

– Что – о – о? Какая пушка? А ну показывай! – выпалил Орлов.

За воротами конюшни, действительно стояла самая настоящая короткоствольная мортира, ствол которой был направлен на каменный вход во двор форта.

– Откуда она здесь? – прошептал, ошеломленный поручик. Не веря своим глазам.

– Мы еще в прошлом годе ее приперли на руках. Почитай версты три надрывались.

– Где же вы ее взяли?

– Дозоры наши, что к реке Медной выставлялись раньше, самородки там иногда находили. Вот на них есаул и поменял пушку у китобоев американских, прямо с корабля и забрали.

– Как же вы ее на скалу – то подняли? – бормотал Орлов. Внимательно изучая состояние орудия.

– С борта спустили на лодку, а уже на берегу привязали

вожжами к тонкомеру, так до форта и тащили по камням, – проговорил старшина, пожав плечами.

– Понятно! А стреляли с нее?

– Так нужды – то не было порох жечь, вот как при есауле установили, так и стоит.

Подойдя к воротам конюшни, поручик резко распахнул их и внимательно присмотрелся к возможной траектории полета заряда. Прикинув в уме зону поражения, он вновь закрыл ворота и, вернувшись к орудию уточнил:

– Есаул обучил, как с ней управляться?

– Сказывал, конечно..., только, как наводить после отката мы уже, и не помним, – признался казак. – Да и счетной мудрости мы не обучены. А зарядить – зарядим, как заправские бомбардиры, можете не сумлеваться.

– Зато у меня, пушкарская школа за плечами – значит, повоюем крепко! – бормотал Орлов. С любовью глядя холодный ствол. – Да и в южной части Севастополя на Малаховом кургане, в дуэлях пушкарем участвовать доводилось. Давай зарядим ее усиленным зарядом под шрапнель, а насчет установки – это вы умно ее поставили и маскировка, что надо. То, что она за воротами стоит и в голову никому не придет! Теперь – то знаю, что любого супостата тут одолеем. Главное, чтобы нехристи нас в приготовлениях не упредили.

– С этим конфуза не будет, – деловито, проговорил казак. Помогая заряжать мортиру. – Человек нам верный из аулетов, сигнал подаст с ружья, ежели индейцы в движение при-

дут, или разведчиков своих к нам вышлют.

– А не подведет ваш человек?

– Он давно нами прикормлен и не подводил ни разу, – проговорил Иван уверенно. – Тяжко слыхивал, под Севастополем было?

– Да, братец! Тогда нас сотни орудий неприятельских бомбардировали, ну, а после Севастополя меня на Кавказ перевели, где с турками пришлось биться.

– А ствол – то сдюжит, под двойной заряд?

– Сдюжит, братец, сдюжит, – шептал Орлов. Тщательно отмеряя меркой шрапнель. – Ствол чугунный не бронзовый, она хоть и старенькая, но терпеливая, да и баллистика у нее отменная.

– Есаул, покойничек в свое время то же самое говаривал, верил в нее. Он даже скальный грунт под хоботковой частью приказал выдолбить, говорил, что после первого выстрела, можно будет сразу заряжать и стрелять без прицеливания.

– Все верно Черемисов сказывал, – проговорил поручик. Пытаясь дыханием согреть руки. – Потому что возвысится угол ствола после выстрела, что позволит стрелять при необходимости навесом, за стену форта. Мы эту мудрость проходили под командой инженера Тотлебена, из штаба Корнилова. Это он светлая голова, наши батареи под Севастополем расставлял, да поучал как вести огонь настильным путем, да еще на малых углах к горизонту.

– Ну, держитесь теперь нехристи! – с радостью, восклик-

нул Иван. – Не было еще такого рубежа, что бы Ванька – оторви ухо, сдал!

– Какой Ванька? – не понял Орлов. Пытаясь унять пробивавшую тело дрожь.

– Так это же меня так в округе кличут! – засмеявшись, пояснил деловито старшина. Выходя следом за офицером.

Только сейчас поручик заметил, что у казака вместо левого уха торчит короткий огрызок.

– Годка два назад это было, – объяснил Иван, давясь от смеха. – Встретили мы в разъезде сынка вождя одного местного из аулетов с дружками.

– И что?

– Ну, заспорили мы с ним, значит. Он горячий воин, хватается за свой дротик, а я за кинжал в ответ! Казачки нас сразу в круг взяли, чтобы все по – честному было, ну и давай мы с ним до первой крови биться! Я ему тогда лицо рассек, а он мне ухо отхватил, так я на Ивана Купалы – Ванькой – оторви ухо и стал.

– И сейчас встречаясь когда, за ножи, хватаетесь? – спросил Орлов. Покачав головой.

– Нет, сейчас у нас отношения почтеннейшие, я бы даже сказал дружеские. Его после этого, разбойники разных держав заморских, супротив нас подбивали. Да только пустые для них хлопоты были.

– Скажи, Иван, а почему есаул не озадачился заготовкой мяса и рыбы впрок? Понятно же было, что у правителя с

флотом конфуз произошел, и оказии никакой не было! Я понимаю еще, что с хлебом и картошкой здесь беда, но ведь этого добра здесь хватает.

– Верно все гутаришь, ваше благородие, – со вздохом отозвался старшина, – с хлебушком и картошечкой здесь зело тяжко. А дичи с рыбой хватает. Только ведь для заготовок впрок соль нужна, а ее всем купцам выгодно в Калифорнию на бойни тамошние продавать. Да и приказ наш сотник от правителя привозил, аж из самого Петербурга!

– Что за приказ?

– Ну, чтобы значит, стычкам с индейцами не способствовать, то и запретить, мол надобно от прибойной линии уходить далече. А как на камнях, да среди леса ветрами поваленного зверье промышлять? Да и нет его у прибойной полосы!

* * *

Уже глубокой ночью, все приготовления к обороне были закончены. И хотя каждый элемент обороны был не идеален по отдельности, но все элементы вместе позволяли защитникам противостоять значительному превосходству противника в живой силе. Позволяли ошеломить нападавших и причинить им наибольший урон. Помимо бомбы огромной мощности, установленной в середине двора, схронов для динамита, mortarы заряженной усиленным зарядом, Орлов

приказал перенести все ружья и винтовки с револьверами из порохового погреба в жилой барак к бойницам. Что позволяло бы защитникам вести беглый, кинжальный огонь, не тратя время на перезарядку.

Система бойниц в бараках позволяла простреливать весь двор форта и самое главное, держать под прицелом узкий скальный проход. Не опасаясь при этом за фланги и тыл, которые были надежно прикрыты отвесными стенами кратера, которые к тому же с внешней стороны были почти полностью залесены еловым лесом. Уставшие и замерзшие люди смогли, наконец, вернуться в барак, бревенчатые стены которого были буквально пропитаны запахом махорки, жареного сала и потом портянок. И хотя в этом прямоугольном помещении, разделенном на две части было минимум благ цивилизации, здесь было главное – здесь было тепло, здесь теплилась жизнь.

Распределив обязанности и объяснив стратегию по защите форта, Орлов назначил время дежурства каждому, приказав всем свободным от караула отдыхать. Сам же, налив себе очередную порцию горячего чая, сел к раскаленной печки. Медленно цедя зеленый китайский чай с закрытыми глазами, он напряженно думал обовсем, что произошло с ними за последние дни. А подумать было о чем. Ведь они шли в этот форт за помощью, а нашли здесь опустевшие казармы, при этом было не понятно, чем всетаки закончится противостояние с индейцами, которые значительно превосходили

защитников по численности. Было не понятно, как и на чем добираться до Ново – Архангельска. Ход последних событий вообще ставил под сомнение успех их предприятия с инженером. А это означало только одно – результаты их секретной экспедиции, рискуют никогда не попасть на берега Невы. На фоне этих перспектив, сбежавший монах с конокрадом, которых нужно было заключить в острог для снятия допросных речей, выглядели сущей мелочью.

Теперь они с инженером сами отчаянно нуждались в помощи.

– О чем задумался, – ваше благородие? – грузно садясь напротив, спросил урядник. – Не спиться?

– Да сию и думаю, что предпринять надобно, – сонным голосом, отозвался Орлов. – Сию и пью чай, из стакана в серебряном подстаканнике, без сахара, но под жаренную, несоленую рыбу. А где – то идет по берегу Славянки наш обоз, с нашими боевыми товарищами, которые считают дни до встречи с казаками Черемисова и неведомо им, что не будет никакой подмоги и что самих нас заперли тут, как курей в птичнике.

– Не рви себе сердце, ваше благородие, – покачав головой, пробормотал казак. Сокрушенно вздохнув при этом. – На все воля божья. Тебе тридцать три годка всего, а головушка уже седая, глаза цвета хоть и голубого, да потухшие как у старика. Навоевался и натерпелся, уже значит выше края. Кто же знать мог, что беда тут такая приключилась? Ведь

и предположить невозможно было! Да, дела..., а какие тут службы раньше в храме служили! Петруха вон давеча сказывал, что даже батюшка Гавриил голову сложил тут по лету.

– В бою или хворь приключилась? – сонно, уточнил Орлов.

– Его браконьеры иноземные, через индейцев в лес заманили, яко бы на свадьбу, а по дороге напали на него и голову отрезали. Эх, мы как войско Ермака Тимофеевича, коих татары в Кашлыке без запасов еды заперли.

– Тяжко им тогда пришлось, – кивнув, буркнул поручик, – мы хоть как они собак еще не едим.

– Вот, вот! Как им тяжело было, а они духом не пали. Хотя у них тогда аж три сотни стрельцов московских с воеводою померли от истощения. – Дерзостью он тогда ту осаду прорвал, – проговорил старшина. Подходя к бойнице, через которую можно было наблюдать за всем двором.

Орлов, конечно – же, знал эту историю про отважного атамана, которому нужна была провизия, а подмога от царя запаздывала. Он сам рассказывал ее не единожды на редутах осажденного Севастополя, в перерывах между боями и позже, уже после ранения служа на Кавказе. Но он всегда поддерживал эти разговоры, которые помогали на примерах героических предков, поднимать и приумножать дух русских солдат.

– Тогда ведь Ермак отобрал самых отчаянных и пошел на стругах по Иртышу, – продолжал Степанов. Найдя в ли-

це старшины, нового собеседника. – Сумел даже победить в двух открытых сражениях, очищая путь от татар для караванов.

– Жалко, что не усмотрели казачки нехристей Кучумовских, – буркнул Иван, – которые по берегам крались.

– Вот и я говорю, что прямо как у нас, – подхватил урядник, – только мы смогли обнаружить врага вовремя. Да встречу им задушевную организовать. Хотел бы я в глаза этому Ламберту посмотреть! А как ведь убогим притворялся – сучье вымя!

– А, что тебя так удивляет? – сквозь сон, проговорил Неплюев. – Ламберт этот типичный поддонок, своей погрязшей в алчности курии. Им же мало денег, они еще и стремятся к духовному порабощению людей! Для него – это война, вот и все, а на войне и подлость за подвиг сойти может. Зачем только терпим всю эту шайку на землях империи?

– Не богохульствуй, Иван Иванович, – тряхнув головой, пробормотал поручик. – Империя у нас большая, значит, должно нам быть веротерпимыми.

– Как же тут быть веротерпимыми, Константин Петрович? – отозвался инженер. – Правда жизни в том и состоит, что большинство народа не только у нас, но и во всем мире ненавидят клиров, епископов, прочих попов и церковников, а особенно богатых. Это и у нас в империи и в державах заглавных присутствует! О какой веротерпимости говорить можно?

– Зря ты так, инженер, – покачав головой, буркнул старшина. – Офицер правильно говорит, что терпимее быть надобно. Все у нас в империи тогда сладится! Вот нас, к примеру, возьми с Петрухой – оба православные. А Ахат с нами живет – морда – татарская, исламу своему поклоняется, и ничего живем дружно.

– Давно на службе государевой вы тут? – спросил Орлов. Прижавшись спиной к горячей печи.

– Так почитай с начала войны, будь она не ладная, – отозвался тот, дымя самокруткой. – Как начались рекрутские наборы в армию, как стали изымать скот, фураж, да еще и повинности стали расти, разоряя крестьян, так и подались изначально в резервную флотилию. Так мы и оказались в морском ополчении, а потом уже и сюда занесло. Да мы и не жалеем!

– Не жалеете? – переспросил Степанов.

– А чего жалеть – то? – пробурчал Иван. – Мы же после войны, должны были согласно грамоте к своему помещику вернуться, а вскоре молва разнеслась, что мол государь – надежда призывает всех охотников на военную службу. Семья, мол, оных освобождается навсегда, не только от крепостного состояния, но и от платежа повинностей. Вот и решили мы с Петрухой судьбу свою испытать, а тут опять – же манифест вышел о наборе ратников.

Слушая сквозь сон рассказ старшины, Орлов вспомнил, как по окончании войны летом, крестьяне южных губерний

устремились в Крым. Тогда по слухам, которые поползли по всей империи, вышел царский указ. Освобождающий от крепостного права и дороги в южных губерниях запрудили толпы крестьян. В некоторых губерниях крестьяне целыми деревнями отказывались выходить на барщину, или платить оброк с государственной повинностью. Орлов хорошо помнил, как в ужасе помещики этих деревень умоляли прислать в свои имения военных...

* * *

– Здесь все равно хорошо, – донесли до поручика, слова старшины. – Хоть и места здесь дикие, и холодновато конечно, и лето короткое, а все одно привыкли уже. Мы иногда смеялись с есаулом, царствие ему небесное, что живем как койоты, приспособливаясь к любым условиям.

– В каком смысле? – растирая глаза, спросил поручик.

– Ну как же! Койот животное смекалистое, я бы даже сказал очень умное животное, которое запросто приспособляется к любым условиям. Выходит, что как и мы! У аулетов он весьма часто встречается в роли бога ихнего.

– Да, я что – то слышал про это, – зажмурившись, пробормотал Орлов. – Бога плута или проказника, какого – то.

– А оно так и есть ведь, если разобраться! Он ведь всю свою жизнь озорничает – это я из своих наблюдений знаю...

– Надо было три сосны, что у входа растут срубить, – сон-

но, проговорил Орлов.

– Зачем? – не понял старшина. Не ожидавший такого резкого перехода на другую тему.

– У нас тогда бы сектор обстрела для пушки увеличился, градусов на тридцать, – пробормотал, сонно поручик.

– Извиняйте, ваше благородие, – спохватился Иван, – вы все про серьезные вещи думаете, а я с глупостями пристаю. Надо – значит спилим! А дозвольте вопрос сурьезный задать?

– Давай, старшина, задавай свой вопрос серьезный, – кивнув, пробормотал Орлов. Сидя с закрытыми глазами.

– Может ли господин, офицер, перед правителем нашим Максutowым, за нас с Петрухой и Ахатом, словечко замолвить? Так сказать рекомендацию дать, что ли, ну если в живых конечно останемся.

– И про что конкретно рекомендация требуется?

– Есть у нас с мужиками задумка – капиталистными крестьянами хотим стать! Жизнь значит свою с другого бока спытать! Уж больно по душе пришлось нам туточки! И сапоги дорогушие носим и рубахи с портками не самотканые, а мануфактурные. А то в Родине земляки наши, окромя лаптей да косовороток домашней выделки, ничего же не видят. Тут опять же царь-надежа крепостную повинность убрал, а через энто выходит, что крестьянин свободной людиной стал! – с жаром выдохнул Иван. – Верно, мы тут себе смекаем?

– Все верно, братец вы смекаете, – со вздохом, проговорил Орлов. – Только крестьяне-то не получили землю в собственность. Землицу они теперь получают за выкуп, на особых условиях.

– Так – то оно так – это в Родине, дележка землицы идет! А у нас с мужиками думка имеется, туточки дело работное поставить! А дома – то хай себе землицу, покупают аль продают. Чего нам дома промеж соседей толкаться? Здесь – то землицы не меряно! Черт кочергой мерил, мерил – да так и не перемерил. Для энтого дела и нужна рекомендация!

– Концессию хотите взять, на постройку тут железной дороги? – устало улыбнувшись, спросил поручик.

– Зачем дорогу? – замахав руками, выпалил старшина. – На добычу угля! Есаул – покойничек сказывал, что кредит теперечи можно получить не только деньгами, но и товаром.

– Например, углем?

– А хоть бы и так! Ведь оно как не крути, а он нас одевает и обувает! А получим дозволение и приловчимся – так он нас и кормить сытно будет. Его же здесь тьма – тьмушая, ломай только не ленись и шахтенки рыть не надобно. Ну, а будет дозволение на концессию, так мы здесь и пристань сработаем! Пароходов – то все больше становиться, можно подсуетиться.

– Хорошо, старшина, – отозвался Орлов. – Расскажу капитану первого ранга Максутову, про вас и вашу затею. Расскажу, как вы здесь свой долг прилежно выполняли, до са-

мой крайности.

– А ты чего, Степанов, молчишь? – усмехнувшись, спросил инженер. – Не желаешь к дружескому кругу присоединиться?

– Нет, Иван Иванович, – отозвался тот задумчиво. – На Дону я вырос, туда и вернусь, после всех приключений нашенских. Да и не было у нас в роду копателей угля! Копатели степных колодцев были, через то и уважением пользовались у станичников, из-за труда тяжелого и опасного.

– Неуж-то, копать колодцы – это тяжесть невероятная? – буркнул, сквозь сон инженер.

– Да, колодец отрыть – это же целое дело! – воскликнул Степанов. Вскокаивая с деревянного топчана. – Копающие ни к вину, ни к деньгам не прикасаются во время работы! Опять же "Псалтырь" читать надобно непременно! Это ведь здесь кругом реки да озера, с родниками чистоты невероятной, а у нас в степи вода – это святое.

* * *

Уже ближе к утру, когда сон сморил всех защитников форта, оборвав все разговоры, старшина, стоявший в карауле, разбудил Орлова.

– Все, ваше благородие, выстрел был – это сигнал! Видать гости к нам двинули!

– Все к бою! – крикнул поручик, вскакивая с лавки. – Еще

раз напоминаю, что нам надобно дать им возможность, втянуться наибольшими силами во двор! Только после этого по моей команде, мы залпом должны зажечь пороховую бомбу! Не забывайте, что мы находимся в каменном мешке, а посему взрыв будет сильным до крайности! Чтобы нам не оглохнуть, перед залпом по mine, всем надобно открыть рот. Огонь по неприятелю ведем кинжальный, патронов не жалеем, рядом с каждым должно находиться холодное оружие и каждый должен быть готов броситься в рукопашную при надобности.

– Будет много пораненных после взрыва, – проговорил Степанов. Деловито проверяя винтовки. – Сними – то, что будем делать?

– Живы останемся – добьем всех! – скрипнув зубами, крикнул Орлов. – Мы не конвойная рота! У нас нет провианта кормить их, у нас нет перевязочных материалов и лекарств для оказания помощи. Отпустить мы их тоже не можем, потому как их подлечат соплеменники, снова вооружат и отправят мстить нашим поселенцам. Мы их сюда с оружием не звали!

– Все справедливо, ваше благородие, – поддержал Петруха. – Мороз и потеря крови, отправят их раненных к своим богам. Прикончить всех надобно кто двигается, а то очухаются, да в спину палить начнут, или еще какое злодейство учинят. Знаем мы их натуру подлую и коварную!

– Верно, говоришь, старшина! Не забудьте по моей коман-

де, занять место с Петрухой при орудии! Все! Гасим свет!

Задув все свечи, сделанные из китового жира, защитники форта стали в полной тишине ждать появления неприятеля, глядя, как в сумерках утра тихо падает первый снег. Каждый из них с волнением и тревогой ждал кровавой развязки, понимая, что силы слишком не равны. Не прошло и получаса, как блики от пламени смотровых костров, выхватили из темноты несколько крадущихся теней у входа.

– Ползунов пустили, гады, – выдавил сквозь зубы старшина.

– Ну, этих – то наглецов мы быстро умоем, – отозвался Орлов. – А ну-ка, братцы, один залп по разведчикам то-о-овсь! Пли!

Дружный залп разорвал утреннюю тишину, спрятав на мгновение за клубами сгоревшего пороха результаты стрельбы. Но уже в следующее мгновение, защитники увидели, как упал один из ползунов, и как остальные индейцы, не произведя ни одного выстрела метнулись обратно.

– Аминь, – проговорил Петруха, перекрестившись.

– Мудрит, что – то Ламберт, – покачав головой, буркнул Степанов. – По науке, что ли воевать собирается? Интересно на какой манер, они на приступ пойдут.

– Константин Петрович, – с ужасом, проговорил Неплюев, – там разведчик их шевелится.

– Раненный он, – отозвался Орлов, всматриваясь в темноту. – А это, что еще за явление?

В мерцающем свете костров, во двор форта неторопливо въезжал всадник, держа в поднятой руке кусок белой ткани.

– Ух, ты! – воскликнул Степанов. – Вы только посмотрите, как нас зауважали! Аж, целого парламентаря прислали.

– Да – это же сам Ламберт, собственной персоной! – выпалил Неплюев.

– Я его прямо сейчас в голову застрелю! – прорычал Степанов.

– Отставить, урядник, – буркнул Орлов, – это же парламентар. Послушаем, чего он хочет.

Всадник тем временем, не спеша, преодолев каменную арку, направился, медленно покачиваясь в седле к одному из костров.

– Не стреляйте! – крикнул монах. – У меня нет оружия, я хочу просто поговорить!

– Я смотрю, к тебе дар речи вернулся? – крикнул поручик, закуривая папиросу. – О чем ты хочешь поговорить?

– Я не хочу проливать кровь, – отозвался тот, останавливая коня. – Выдайте нам инженера с Сулимой и мы уйдем. Обещаю, что ни один туземец не пересечет ворота вашего форта!

– Так это ты им нужен, Иван Иванович, – с удивлением, проговорил Орлов. Глядя на испуганное лицо инженера. – Выходит, что это они из-за твоей персоны, столько верст отмахали?

– Не выдавайте меня! – с жаром, зашептал тот.

– Успокойся геология, – усмехнувшись, буркнул старшина. – Никто тебя выдавать не собирается. Мы же туточки все русские, все братья крестовые.

Тем временем парламентар спрыгнул с коня, стряхнул с чурки снег и сел к костру, грея руки.

– Зря теряешь время, Ламберт! – крикнул Степанов. – У нас туточки как на Дону – выдачи нет!

– Пускай выйдет господин офицер! Нам есть, что обсудить! Мы знаем, что весь ваш гарнизон, призвал к себе Господь! Вам не удержать форт такими силами!

– Похоже мы все у них посчитаны, – поморщившись, проговорил Орлов. – Хорошо, пойду, покалякаю с господином монахом.

– Константин Петрович..., – начал, было, инженер, дрожащим голосом.

– Успокойся ты, Иван Иванович, – поправляя фуражку, проговорил поручик. – Никто тебя выдавать не собирается. Всем внимательно следить за входом в форт! Вполне допускаю, что через разговор этот они злодейство, какое-то умышляют. Ну, а если это так и случится, то всем действовать твердо и по плану! Тебе, Степанов, приказываю тогда командование принять, а я уже по обстоятельствам буду сам к барраку пробиваться.

Тем временем, монах продолжал сидеть с безразличным видом, наблюдал за снопами искр, выбиваемых пламенем в черное небо, жуя при этом табак.

– Неплохо говоришь для глухонемого, – проговорил Орлов, садясь напротив. – Зачем весь этот маскарад, Ламберт, или как там тебя?

– Отдайте инженера с образцами, Сулиму и мы просто уйдем, – вместо ответа проговорил тот. Продолжая жевать табак с отрешенным видом.

– Не дерзи, Ламберт, – с угрозой в голосе, проговорил поручик. Презрительно глядя на парламентаря. – Инженер, подданный Российской империи, на землях которой ты находишься, милейший.

– Эти земли, никогда больше не будут вашими, впрочем – это было давно понятно! Вам больше никогда не укрепиться в Северной Америке, – с ненавистью, проговорил гость. – Это уже не ваша земля.

– Погоди, монах, – проговорил Орлов. – А чьи же тогда эти земли?

– Эти земли, наверное уже принадлежат американцам! Поэтому я и предлагаю выдать инженера, пропажу которого на берегах Невы даже не заметят, а вы взамен останетесь здесь, сохранив своих людей! Соглашайтесь, черт вас подери!

– Чудные вещи ты говоришь, монах, – усмехнувшись, проговорил Орлов. – Думаешь, что твоя ложь будет производить до бесконечности впечатление?

– Значит господин, офицер, ничего не знает? – криво усмехнувшись, выдавил Ламберт.

– Может, растолкуешь, чего это я не знаю?

– Ваша империя продала эти земли американцам! Но думаю, что очень скоро, над этими землями взметнется флаг моей империи!

– Я не верю тебе! – отозвался Орлов. Морщась от табачного дыма. – И какой же флаг тут будет реять?

– Флаг моей империи! Империи, над колониями которой никогда не садиться солнце, по всему миру!

– Так вот оно что! – воскликнул Орлов, играя желваками. – Я считал, что латинянин Ламберт принадлежит к ляхам, а в действительности он служит английской короне.

* * *

Поручику многократно приходилось слышать этот лозунг, который для англичан был более чем лозунг – эта фраза являлась символом и источником гордости всех англичан. Она наполняла их души превосходством над другими государствами и народами – ведь владения английской короны действительно находились во всех частях света. И англичане не останавливались на достигнутом, продолжая захватывать все новые территории, расширяя, таким образом территорию для торговли. Орлов знал и о существовании другого лозунга, который уже существовал в те времена – это "русская угроза" Индии, которую англичане считали своей жемчужиной.

– Да, я капитан ее Величества, Артур Каноли, а не святой отец. Маскарад закончен господин, Орлов, я жду ответа.

– Ну, здесь нет, Сулимы, он сбежал по дороге сюда и странно, что вы с ним до сих пор не встретились. Где он находится сейчас мне неизвестно, да и не интересно! А что инженера касается, так я уже сказал, что он подданный Российской империи и выдачи не подлежит.

– Империи? – засмеялся капитан. – Мои граждане знают, что такое метро, а ваши только узнали – что жить можно без крепостного права.

– Это потому что моя Россия, является крупнейшей страной в мире, большая часть территории которой не освоена, но уверяю вас – это временно! – с ожесточением выпалил Орлов.

– Ваша самая большая страна в мире, не внесла в отличие от моей, никакого вклада в развитие человечества! – выкрикнул Артур. – Ваша загнивающая империя, уж простите за прямоту, обречена, как и Византия, православие которой вы переняли. С каждым годом ваша империя будет все дальше отдаляться, от широкой столбовой дороги, идущей из Вечного города.

– Уж не Рима ли?

– Да Рима! Хотя и не скрою, что не все мои соотечественники согласны с этим.

– У нас на сей счет есть свои мысли!

– Не смешите меня, господин Орлов!

– Чем это я интересно так рассмешил? – выдавил поручик, сквозь зубы.

– Для вашей православной империи, император – это божий помазанник. Так сказать зеркало русской души и святости.

– Но, но! – перебил Орлов. – Знаю я все ваши мысли наперед, только не вам судить и оценивать духовность или святость нашего императора! И вообще, что – то я не пойму, к чему это вы клоните.

– Ну, – это же просто, – усмехнувшись, проговорил англичанин. – Вы православные, а особенно русские, сентиментальны, через это и упорствуете, например, в выдачи какого – то инженера. Про которого уже наверняка никто и не вспомнит в вашей империи. Вы готовы подвергнуть разорению форт, из-за его персоны, погубить оставшихся людей и все это ради каких-то высоких идеалов, или ревностного служения своему императору. Репутация, которого в Европе далеко не безупречная и он такой же грешный человек, как и мы с вами.

– Я не собираюсь обсуждать с вами европейские сплетни! А, что касается инженера – так вы не в Персии, где жизнь человеческая не стоит и ломаного гроша. Вам тяжело меня понять, потому что для вас человеческая жизнь ничего не стоит. Потому что вы лишили независимости многие народы, частенько заливая кровью их земли. Только не думайте, что те же ирландцы простят вас когда-нибудь за свои унижения!

Вы завоевываете новые рынки для своей шерсти или говядины, проливая кровь людей и вам наплевать, где она льется, в Турции, Индии или России. Именно поэтому вам, никогда и не понять, почему один русский не выдает другого русского, даже под угрозой смерти или разорения. Моя империя – это стомиллионный медведь! Разгромивший армию самого Наполеона! Вот вам мой ответ, Ламберт. Честь имею!

С этими словами Орлов резко встал и, отдав честь, направился к бараку, едва сдерживая кипевшую внутри ярость. Ярость, которая кипела и накапливалась еще с Крымской компании.

– Вам все равно придется выдать вашего инженера! – закричал, в бешенстве англичанин. Резко вскакивая при этом. – Я знаю, что почти весь ваш гарнизон вымер! С Ванькой, у которого оторвано ухо, оборону держать будете? Или с урядником в штыковую атаку двинете? У меня у ворот вашего форта, ждут приказа полторы сотни обозленных туземцев, готовых разорвать вас на куски, а форт сжечь дотла!

– Тебе уже дали наш ответ – у нас как на Дону, выдачи нет! – крикнул поручик уходя. – И не попадайся мне в бою! Мы тоже обозлены до крайности и пленных брать не будем! Можешь так и передать своим аборигенам!

– Они рвутся в бой, и они не собираются сдаваться! – закричал в след англичанин. С перекошенным от ярости лицом. – Я сказал им, что это именно вы принесли на землю их предков оспу!

– Ах ты, иуда! – воскликнул Орлов, остановившись. – А ты не боишься, мистер, что я не посмотрю на твой статус парламентаря, да наколочу тебе морду до безобразия?

– Ну, что вы, господин офицер, – недобро отозвался тот, вскакивая в седло, – вы же целый поручик. А ругаетесь как биндюжник! Мы первой же атакой сметем вашу оборону, только тогда не ждите пощады!

Орлов медленно повернулся и, глядя на танцующего под англичанином коня усмехнувшись, крикнул:

– Знаешь, Ламберт, мы хоть и одного примерно возраста, но я тебе дам один бесплатный совет. Наполеоном быть хорошо, а вот быть битым Наполеоном – это неразумно! Думаешь, я боюсь твоих угроз? Я боевой русский офицер, многократно ходивший в поиск за неприятельские линии! Так что пошел вон отсюда!

– У вас один час, чтобы выдать инженера! – закричал парламентар. С перекошенным от ярости лицом. – Сейчас я прикажу выдать туземцам по две порции водки, и они раскатают по бревнышку, ваш чертов форт!

* * *

Зайдя в барак, Орлов неспешно стряхнул с полушубка снег и лишь, потом, посмотрев, на защитников произнес:

– Наш монах оказался глупым англичанином, который считает, что русских людей можно принудить к капитуляции

и продажности. А посему мы должны будем, огорчить его до невозможности.

– Надо было застрелить его в голову, – пробурчал Степанов.

– Ладно, мы не гордые. Подождем, пока он в атаку кинется, со всей своей шайкой, – махнув рукой, отозвался поручик.

– А может еще и обойдется все? – тихо, предположил инженер.

– Нет, Иван Иванович, этот кинется на приступ, – прошептал офицер. Садясь у одной из бойниц. – Он пока со мной говорил, чуть зубы свои не съел от злости. Теперь только ждать остается, час примерно времени у нас.

– И чего они к инженеру прицепились? – проговорил старшина, дымя самокруткой.

– Смекнули они, что мы в районе Клондайка, скрытые изыскания вели, на минералы разные, – отозвался Неплюев, сидя у печи. – Вот и прибились к обозу нашему, чтобы результаты выведать, или образцами завладеть.

* * *

Рассеяно слушая задушевный рассказ Неплюева, обо всех злоключениях, происходивших за время их странствий, Орлов напряженно думал об услышанном от англичанина. Конечно же, он не поверил врагу, не поверил очередной лжи,

о продаже Аляски американцам. Подлость, на которую шли англичане частенько, не была для него новостью, а вот весть о коварстве русских, которые заражали индейские племена, высказанную англичанином, могла действительно озлобить туземцев и представляла серьезную опасность. Это могло объединить самые разные племена перед страшной угрозой, толкнуть их на нападения не только на простых промысловиков, но и заготовительные участки и даже форты. Что конечно же, могло серьезно осложнить положение не только заготовителей, но и колонистов, живущих за стенами частоколов. Это могло вызвать эффект домино, когда падающая костяшка понуждает к падению другие. Для этого было достаточно, чтобы один из шаманов, ударив в бубен, объявил русских врагами. И тогда, земля могла загореться под ногами поселенцев. Орлов понимал, что из-за своего шаткого положения в Индии, где англичане держались исключительно на силе оружия, они и дальше будут умышлять различные конфузы и злодейства, против России. Опасаясь продвижения русских войск в сторону Индии, что могло вызвать волну восстаний, которые могли бы перекинуться на берега самой метрополии. Англичане хорошо помнили Синапские восстания, из-за которых едва не была потеряна их самая большая колония – Индия. Конечно же, были и другие причины подлости и коварства англичан, корни которых уходили как в далекое прошлое, так и в суровое настоящее.

Медленно тянувшееся время, наконец, разорвал моно-

тонный бой барабана, который мог означать только одно – штурм начался. Едва успели защитники занять свои позиции у бойниц, как сонную тишину утра разорвали гортанные крики и улюлюканья, а во двор форта, словно талая вода при наводнении, хлынула людская масса. Бросок нападавших, с разукрашенными боевой раскраской лицами, был столь стремительным, что уже через несколько мгновений, защитникам форта стало невозможным вести прицельный огонь. Ни по пороховой бомбе, ни по схронам, куда был заложен динамит. Эти цели просто растворились в людской массе индейцев, бросившихся на бревенчатые стены форта, с перекошенными от ярости лицами. А еще через несколько секунд, помещение барака заполнилось пороховым дымом, из-за яростного огня, который вели защитники по нападавшим практически не целясь.

– Огонь! Огонь! – хрипел Орлов. Стреляя из двух револьверов сразу.

Сдерживать отчаянный порыв наподдавших, позволяло лишь то, что защитников надежно укрывали бревенчатые стены с бойницами, которые размещались выше человеческого роста. И которые позволяли вести огонь по нападавшим, не опасаясь, что те, подбежав, откроют ответный огонь. Бревенчатые двери с металлическими засовами, заходившие ходуном под градом ударов, так же надежно блокировали попадание нападавших внутрь.

Внезапно все вокруг утонуло в страшном грохоте и огром-

ной яркой вспышке, яростно вращающаяся волна серого, с кислым запахом сгоревшего пороха дыма, мгновенно накрыла весь двор. И уже в следующую секунду, в небо над фортом, поднялось невероятных размеров грибовидное облако. Так стремительно начавшаяся атака, мгновенно оборвалась, утонув в страшном стоне раненых и контуженных. Ударная волна возникшая при взрыве бомбы, сбила с ног и оглушила не только наподдавших индейцев, но и защитников форта, которые были отброшены от бойниц к противоположной стене барака.

Очнувшись на полу, Орлов долго тряс головой, пытаясь прийти в чувство. Затем с трудом поднялся по бревенчатой стене. Качаясь словно пьяный, сдавливая руками уши, он доковылял до бойницы. И какое – то время стоял, шатаясь и ничего не понимая, с жадностью хватая ртом чистый воздух. Которого небыло в бараке из-за порохового тумана, все еще висевшего в помещении. Словно рыба оказавшаяся на берегу, он судорожно глотал воздух, треся головой, морщился, сдавливая руками уши, пытаясь избавиться от звона.

Картина внутреннего двора, еще недавно припорошенная первым снегом, изменилась, словно по взмаху волшебной палочки до неузнаваемости. И хотя утренний рассвет еще не позволял разглядеть все детали, Орлову было понятно, что первый элемент обороны – пороховая бомба, сделала свое коварное дело. Весь двор был завален телами убитых и искалеченных, оторванными руками и ногами, бесформенными

кусками человеческой плоти и внутренних органов. Все это кровавое месиво еще шевелилось и билось в агонии, парило, источая жуткий запах внутренностей – запах смерти. Весь выпавший снег стал алым от крови, брызги которой покрыли и все бревенчатые стены строений.

Подобрав опаленную вспышкой фуражку, Орлов приказал всем занять свои места у бойниц. С тем, чтобы довершить начатое – добить всех раненых и контуженых индейцев, пока те не пришли в себя и не стали оказывать сопротивление.

В то время на конференции в Женеве, еще только обсуждались общие принципы, дающие шанс военнопленным и раненым воинам, рассчитывать на гуманное отношение к себе. Еще не собиралась в Париже первая международная конференция Общества Красного Креста, получившая позже название Международного комитета Красного Креста. Поэтому, приказ отданный Орловым – расстрелять раненных, не вызвал у защитников и тени смутения. Хладнокровно добив искалеченных и обожженных взрывом нападавших, защитники еще, какое – то время, молча, смотрели на кровавое, парившее месиво человеческих останков. Наконец зловещую тишину, повисшую в бараке, нарушил поручик:

– Все живы? Никто не поранен?

– Вроде все, – хрипло отозвался Степанов. Усердно крестясь приэтом. – Сколько же мы их наколотили? Не уж – то

всех положили?

– Ну, всех или нет, пока не ясно, – выдавил старшина. – Но я так смекаю, что большая часть нехристей, навсегда слегла под стенами форта нашего. Это хороший мы им урок преподали!

– Не знаю даже, двинут ли они еще на один приступ, – громко проговорил Орлов. Все еще страдая от звона в ушах, массируя руками виски. – Всем оставаться на своих местах. А ты, старшина, с Петрухой займите место у пушки. Пойду я поищу англичанина среди убиенных. Глядишь еще живой окажется, да через речи расспросные, сможем хоть какие – то ответы получить... Ежели вновь в штыковую ударят, то выстрел из пушки производить только по моему сигналу! Как только сниму фуражку – сразу фитиль запаливайте! Но не раньше! Все понятно?

– Ты же погибнешь, Константин Петрович! – выпалил, с ужасом инженер. – Как же мы без тебя до Ново – Архангельска доберемся?

– Не дрейфь, Иван Иванович, – устало, проговорил Орлов. Закуривая дрожащими руками папиросу. – Я знаю время прогорания фитиля, раньше времени не пальните и все будет в порядке! Упаду я перед выстрелом..., Бог даст заряд верхом пройдет, а вы огнем мое возвращение поддержите. Да и не думаю я, что они вновь с такой резвостью в приступ пойдут, вон скольких за секунду искромсали.

С трудом открыв входную дверь, которая оказалась зава-

ленной труппами нападавших, Орлов вышел на крыльцо и, достав из-за ремня револьверы, осторожно двинулся на поиск англичанина, старательно обходя и перешагивая через человеческие останки. Ему нужен был Артур, которого он увидел за секунду до взрыва и которого он хотел непременно допросить. Прекрасно понимая, что рискует получить пулю в спину от одного из притаившихся раненных врагов, Орлов продолжал свои поиски. У него просто не было выбора. Англичанин явно знал многое и это многое, в случае удачи, несомненно помогло бы принять верное решение, о том, что делать дальше.

Осторожно пробираясь к обезглавленной взрывом лошади, он выстрелами из револьверов, обрывал страдания умирающих от ран. Расстреляв патроны, внимательно осматриваясь по сторонам, он сунул их машинально за ремень и достав шашку, добрался наконец до убитого коня. Однако к его огромному удивлению, тела англичанина нигде не было видно.

– Где же вы, мистер? – закричал он. С прищуром осматривая искалеченные взрывом трупы. – Отчего же прячется храбрый англичанин? Что – то я не вижу рвения как у Моисея, который в один день, мог уничтожить десятки тысяч язычников! Слышишь меня, капитан? В твоём лице, я думал увидеть усердие первосвященника Финиеса! Который одним копьём мог поразить иудеев и моавитян! Ты слышишь меня или нет, Артур? Ты же с таким усердием и злостью хотел

уничтожить нас, а теперь прячешься! Наверное, ты вспомнил мои слова, что быть битым Наполеоном не разумно?

Внезапно утреннюю тишину нарушил крик Степанова:

– Ваше благородие! Поостерегитесь сзади!

Резко обернувшись, Орлов увидел едва стоящего на ногах индейца, сжимавшего в руках дротик.

– Ты все еще не навоевался? – зло, процедил поручик.

С перекошенным от злости лицом, помахивая кривой шашкой. – Видишь, какой у меня шамшир? Из дамасской стали кованный, как раз для твоей пустой башки!

Вместо ответа, израненный, едва стоявший на ногах воин замахнулся, с тем, чтобы вложить всю свою ненависть в последний бросок, но получив смертельный удар шашкой по лицу, свалился как подкошенный.

– Все? – пробормотал Орлов. Смахивая рукавом полубубка, с лица, брызнувшую кровь. – Или еще кто – то хочет судьбу испытать?

В этот момент, словно по команде, еще несколько индейцев очнувшихся от взрыва, в лохмотьях верхней одежды, с трудом встали на ноги. Затем стали медленно приближаться к русскому офицеру, поигрывая холодным оружием.

– Святые угодники, – пробормотал Орлов, поморщившись, – простите их. Ибо они не ведают, что творят. – Вы как я посмотрю, все еще хотите убивать русских? Хорошо подходите, господа! Вот он я!

С этими словами, Орлов сделал несколько стремительных

шагов на встречу, и не дожидаясь, сам атаковал их, хрипло крича при этом на выдохе:

– За Веру! За Царя! За Отечество!

Расправившись с нападавшими, он остановился и, оглядев поле боя проговорил:

– Ну, вот кажется и все, господа. Надеюсь уроки полученные вами, у стен этого форта, вразумят ваших соплеменников и они поймут наконец, что терпение нашенское не беспредельно и если надобно, то мы бьемся до самой крайности. Теперь осталось найти вашего предводителя английского и озадачить его расспросными речами.

В этот момент, во двор форта ворвалось десятка три индейцев, которые по всей видимости не принимали участие в атаке и которые мгновенно окружили Орлова. Держа под прицелом плененного. Поручик видел по их растерянными лицам, что они не были готовы к такому повороту событий. Прошло еще несколько минут, этого молчаливого противостояния, прежде чем Орлов понял, чего ждут индейцы. Во двор форта, прихрамывая на левую ногу, вошел англичанин. Его перепачканная и обожженная ряса, гнев и отчаяние, застывшие на вдруг осунувшимся сером лице, говорили сами за себя – он не ожидал получить такого отпора и понести такие потери уже в первой атаке.

– Не трогайте его! – крикнул англичанин.

– Так вот вы где, мистер, – тихо, прохрипел поручик. Облизнув обветренные губы. – А я уже думал..., что сбежал

Ламберт или Артур, как там тебя. Ногу смотрю поранил – это хорошо, это лучше чем голову!

– Хватит юродствовать! – оборвал его Артур. – Ногу конь придавил. А вам смотрю, тоже досталось. Интересно, что вы тут взорвали? Все лицо смотрю опалино, да и контузило наверное, если разговариваете так громко? Но может оно и к лучшему, может теперь, господин офицер, поведет себя более разумно и выдаст мне инженера.

В этот момент бревенчатые двери барака с шумом распахнулись и на крыльцо выскочили старшина с урядником, держа винтовки наперевес. По всему было видно, что они были готовы кинуться на помощь.

– Все по местам! – закричал Орлов. С яростью замахав рукой.

– У вас господин, Орлов, отчаянные воины, – криво усмехнувшись, проговорил англичанин. Глядя, как поспешно казаки вновь укрылись за дверью. – Только против силы и превосходства идти глупо! Неужели вы до сих пор не поняли этого? Все наши союзники, а это заметьте все заглавные страны, никогда не терпели, вашего стремления к господству или превосходству.

– Да, – кивнув, проговорил Орлов. Массируя себе висок. – Объединяться в стаю – это вы научились. Толку вот только мало, от всех потуг ваших! Вон в прошедшую компанию, ваши корабли совместно с французами атаковали Одессу, Архангельск с Петропавловском, Кольский залив. И что? Все

ваши нападения мы отбили, а ваш десант всегда сбрасывался в море! Удумали через янычар турецких выгоду поиметь? А мы и их поколотили в Закавказье! Здесь думаете у вас, что – то получится, через племена неграмотные? Коих вы подстрекаете и вооружаете супротив нас! Так и здесь, Артур, вас ждет глубокое разочарование.

– Еще ничего не закончено! – выпалил англичанин с остервенением. – Выдайте инженера и мы уйдем, иначе мы используем господина Орлова как живой щит и сами войдем в барак.

– Да оглянитесь по сторонам, сэр! Кругом горы убиенных, которые ничему вас не учат! Я же говорю, что у вас никогда не получится чинить злодейства.

– У нас все получится! – взорвался Каноли. С перекошенным от ярости лицом, сжимая в руке револьвер. – Мы брали и ваш Севастополь, и Керчь, и Анапу! Вы не можете иметь военный флот на Черном море и фортификацию по его берегам! А Сербия с Молдавией и Валахией перешли под верховную власть султана!

– Вы, Каноли, не видите самого главного, – горько усмехнувшись, проговорил Орлов. – Мы устояли перед вашей бешеной стаей гиен и вышли из этой компании с минимальным уроном. А, что касемо флота и фортификаций на Черном море..., вы видать, сударь, слишком долго жили вдали от почты и не читали газет.

– Что этим хочет сказать, офицер? – закричал англичанин,

нахмурившись.

– В посольства всех европейских стран, уже разослан циркуляр нашего Горчакова.

– И, что же интересного сообщил ваш князь? – буркнул Каноли.

– Он объявил, что Россия, более не считает себя связанной, статьями Парижского мира, – давась от смеха, проговорил поручик. – Это касается и военного флота и крепостей по Черноморскому побережью.

– Вы воспользовались слабостью этих лягушатников французов! – с негодованием, выпалил англичанин. – Эта беззубость главных гарантов, позволила вашему министру иностранных дел заявить такое! Но это лишь доказывает, вашу извечную агрессивность и коварство, в лице вашего императора! Желаящего поработать Европу и в первую очередь Балканы.

Орлов сознательно дразнил и затягивал спор, давая возможность защитникам перезарядить оружие и подготовиться к отражению новой атаки. Он знал о том, что огромная Россия на востоке не внушала европейцем ничего кроме страха. Практически все правители и политики в Европе стремились кто в открытую, а кто через своих союзников сопротивляться этой угрозе. Кто – то искал себе союзников, а кто – то пытался уйти в иллюзию собственного национального превосходства. Относясь ко всему русскому с пренебрежением и осмеянием...

– Так, что решил, господин офицер? – донеслось до Орлова. – Я приказал взять вас живым, у вас не отняли ваше оружие на глазах ваших людей, так что не разочаровывайте меня. Проигрывать нужно достойно!

– Конечно, вы правы, Артур, – буркнул поручик, – проигрывать нужно достойно. Идемте за мной, господа.

С этими словами он бесцеремонно растолкал плечами винтовки индейцев и медленно, пошатываясь, двинулся к барраку, старательно перешагивая через останки уничтоженных врагов. И вскоре, все шедшие за ним, оказались сами того не подозревая в секторе обстрела орудия. Орлову оставалось только непринужденно снять с головы фуражку и, схватив англичанина за рясу, мгновенно рухнуть на землю, к удивлению своих конвоиров.

Еще мгновение и страшный, раскаленный смерч шрапнели, буквально смел всех идущих за поручиком, расшвыряв обезображенные тела. Прошла минута и уже следующий выстрел из мортиры, произведенный старшиной, по предполагаемому скоплению противника за стеной форта, разорвал наступившую тишину.

Пройдет еще несколько десятков лет, прежде чем этот весьма эффективный метод стрельбы с закрытых позиций, получит свое широкое распространение, станет со временем важным элементом заградительного огня. Именно за этот прием стрельбы настильной шрапнелью, Германская пехота назовет русскую полевую пушку "косой смерти".

С трудом, оттолкнув от себя обмякшее тело англичанина, которым он прикрылся при падении, Орлов встал и, тряся головой, посмотрел на подбегающего, Степанова.

– Жив, ваше благородие! – радостно кричал тот. Помогая прихрамывающему офицеру, дойти до бревна коновязи. – А мы как увидели, что нехристи в полон взяли, так с горяча, хотели в штыковую ударить! Забыли по началу, что шрапнелью окаянных бить надобно.

– Все вы правильно сделали, молодцы, – выдохнув, прошептал поручик. Закуривая дрожащими руками. – Это их последняя атака была, я так думаю. Отправь старшина человека за ворота, пусть глянет, что там и как. Ежели все тихо, то обратите внимание на стены барака. Видимо от взрыва бомбы, мох меж бревен тлеть начинает, как бы ветром не растянуло, да и крыша вон покосилась.

– Это мы сейчас все исправим, – проговорил, подошедший старшина, – самое главное, что выстояли! Слава тебе Господи!

– Это ты правильно сказал, – вымученно улыбнувшись, отозвался Орлов. Вытирая лицо рукавом полушубка. – Главное, что выстояли. Теперь меры примем, чтобы пожара не было, оружие все соберем, да все останки неприятельские с обрыва сбросим.

– Прямо с обрыва? – ужаснувшись, уточнил Неплюев. Все еще не пришедший в себя от всего произошедшего.

– Именно так! – рявкнул поручик. Ударив кулаком по

бrevну. – Пусть все корабли, что мимо проходят, видят, что с гарнизоном "Око империи" воевать не стоит, пусть весть эту передают из уст в уста. Петруха, что там с англичанином?

– Не поверите, ваше благородие! В живых остался, – отозвался тот, подходя. – Вот револьвер его с кинжалом, насилиу отнял.

– Да ну? – воскликнул Орлов не добро.

– Ей богу! Застрелиться гад хотел! Да, вон он к стене отползает, в ноги поражен сильно.

– Ты старшина с разведкой поспешай, – проговорил поручик. Сосредоточенно раскуривая папиросу. – И вот еще что..., там у входа в форт лошадь лежит англичанина, а к седлу колита приторочена. Ее осколком видать распорол, все что в ней найдете – это твое с Петрухой и Ахатом.

– А что там? – перейдя на шепот, уточнил старшина.

– Золото там, в самородках. Почитай на несколько тысяч долларов потянет – оно теперь ваше. Я так смекаю, что это будет справедливо, за все ваши муки и страдания. Да и концессию теперь сподручнее затевать вам тут будет.

– Спасибо, ваше благородие, – прошептал Иван, дрогнувшим голосом. Стягивая с головы шапку.

– Да это не мне, спасибо, голубчик – это вам, спасибо, за службу царю и отечеству. Стараниями вашими скорбными, форт стоял и еще стоять будет! Ладно, ступай полчан порадуи, а я с англичанином покалякаю, пока не помер сердешный.

Каноли сидел у скальной стены форта, с бледным, безразличным лицом. Перетянув себе ремнями ноги выше колен, пытаясь таким способом, остановить обильное кровотечение в конечностях.

– У нас нет ни морфина, ни атропина, ни бинтов, – проговорил поручик подходя. – Помочь ничем не могу.

– Я знаю, что умру, – тихо ответил тот. – Умереть в бою за корону – эта прекрасная смерть. Господь свидетель, что я до последнего вздоха верой и правдой служил старушке Англии.

– Все мы, так или иначе, служим своим империям, – кивнул, пробормотал поручик. – Я могу, что – то сделать для вас?

– Ваш казак забрал у меня револьвер, если можно верните его мне с одним патроном, думаю – это облегчит мои страдания лучше морфина.

– Услуга за услугу, капитан, – проговорил Орлов. Вытаскивая из – за пояса один из своих револьверов. – Мне знать надобно, про вас и Сулему. Вы прибились к нам из-за наших изысканий на Клондайке?

– Все верно, – тихо прошептал англичанин. – Перед нами стояла задача, завладеть картой, с нанесенными на нее координатами золотоносных жил. Или образцами золотоносной породы, цифирью к карте привязанными, а в идеале захватить горного инженера, с картами и образцами.

– А Сулима, получается у вас на побегушках был?

– Сулима наш союзник, – кивнув, подтвердил Артур. Морщась от нестерпимой боли в конечностях. – Против вас, мы готовы объединиться хоть с самим сатаной.

– Хотите обратить дикарей в католическую веру, а потом, прячась за кресты и речи церковные, попытаться завладеть уж ежели не всей Аляской, так какой – то частью?

– За Сулимой стоят серьезные силы, которые так же ненавидят вас русских.

– Я сочувствую вам обоим, ибо конец этой затеи очевиден.

– Вы делаете ошибку. Когда пытаетесь рассмотреть в вере, лишь тайну воплощения, поэтому и трактуете неверно все происходящее, – отозвался тихо англичанин. С грустью наблюдая, как защитники форта собирают оружие.

– И, что же я должен рассмотреть в первую очередь, в вашей религии? – спросил Орлов, закуривая.

– Не только в нашей, но и в своей православной..., старайтесь видеть тайну социального порядка.

– Вот оно, что?

– Да, именно так! Религия связывает идею равенства с небом..., как у христиан по всему миру..., так и туземцев. Такие, как Сулима, внушают мысль о небесном равенстве..., которое доставляет вечное блаженство для человека не только в Европе, но и среди туземцев, которые через это готовы совершать поступки. А это главное! Главное, чтобы был результат.

– Значит такие как Сулима, нужны вам для достижения

ваших целей? С нами проще совладать, когда за вами идут племена дикарей!

Артур смахнув с лица крупные капли пота произнес:

– Это так и есть. – Туземцы или крестьяне с бурбонами... должны всегда помнить..., что трон всегда крепок, пока крепка церковь. Вы господин, Орлов, дали мне револьвер, а в нем все патроны стреляны.

– Да, это я израсходовал их, добывая ваших туземцев. Вот держите свой морфин.

С этими словами он достал из кармана патрон и небрежно бросил его пленнику. После чего повернулся и прихрамывая зашагал к бараку.

– Что вы собираетесь делать с трупами аборигенов? – крикнул вслед англичанин. – Вы их будите хоронить в братской могиле?

– Много чести! – выпалил со злостью Орлов. Играя при этом желваками. – Мы их просто сбросим с утеса, за не надобностью, на потеху койотам и чайкам, пусть все проходящие мимо иноземные корабли видят, что с нами лучше торговать, а не воевать!

– Могу ли я попросить вас об еще одной любезности?

– Какой? – уточнил поручик, останавливаясь.

– Могли бы вы меня похоронить по христиански? Уж больно не хочется кормить койотов с чайками..., да еще в таком соседстве.

– Ну, что ж, можно и по христиански, – кивнув, прогово-

рил офицер. Поправляя на голове фуражку. – Только тогда ответе искренне на мой вопрос.

– Какой?

– Вы, что – то говорили о продаже Аляски, что вам жаль всех наших усилий, которые мы прилагаем по ее защите.

– Мне действительно жаль..., что вы, рискуя своими жизнями..., радуете за интересы империи на ее кромке, в то время как на берегах Невы, уже принято решение о продаже этих земель...

– Все это вздор! – оборвал его Орлов. – Вы хоть сами – то верите в то, о чем говорите? Больше ста лет мы осваиваем эту землю, которая считается "царевой гордостью", а вы говорите о какой – то продаже.

– К сожалению это так господин, Орлов! Секретные переговоры на сей счет уже идут и вполне возможно..., что идут в этот самый момент!

– Я не верю вам, Конели! Этого просто не может быть!

– Вы задали вопрос, а я вам на него ответил! Именно поэтому нас и отправили под видом миссионеров к вам. С тем, чтобы озадачиться вашими изысканиями, понять истинные координаты залегания золота, а так же каковы их запасы. История с продажей уже не является секретом даже для газетчиков! поверте..., я говорю правду.

– Я все равно не верю вам, Артур, – процедил поручик, покачивая головой. – Эта чудовищная ложь! Не для того мы здесь, принимали многотрудные испытания и лишения, что-

бы эту землю продали за ненадобностью, как в лавке старьевщика поношенный сюртук.

– Это ваше дело..., верить мне или нет, – пожав плечами, прошептал англичанин. – Добавлю только, что главным переговорщиком от вашей империи..., выступает чрезвычайный посланник в Вашингтоне.

– И кто же он?

– Не знаю его..., какой – то барон и эти сведения верны, потому что переданы нам из верных источников Петербурга. От людей знающих секреты вашей империи и нами давно прикормленных. Не спрашивайте меня, их фамилии я их просто не знаю.

– Все это слишком, – покачав головой, буркнул Орлов, – чтобы походить на правду. – Я вам не верю, Конели, честь имею!

С этими словами поручик, отдав честь, развернулся и быстро зашагал, прихрамывая к звоннице, где на земле лежал сбитый взрывом колокол.

* * *

– Горе, какое, ваше благородие, – прошептал Степанов. Стоя с не покрытой головой. – От взрыва бомбы, аж колокол сорвало. Ох, и дурной это знак!

– Новый справим, – стиснув зубы, проговорил офицер. – Думаю, правитель наш подсобит, в столь богоугодном деле.

– Константин Петрович, – проговорил инженер. Проходя мимо с охапкой винтовок. – Есть раненные обездвиженные, может, их не будем добивать? Сами преставятся!

– Ишь, как ты заговорил, – пробурчал Орлов. – Мы их как раз из чувства милосердия и добиваем! К тому же они сюда, по твою душу пришли в первую очередь. Так ведь, Иван Иванович, договориться можно и до отправки парламентаря к их вигвамам! А, что? Так, мол, и так, мы все такие великодушные, заберите своих пораненных. Только смекаю я, что парламентаря нашего, они заставят смерть принять лютую. Как ты не поймешь, инженер, что идет супротив нас война коварная и подлая? Нету у нас силенок пока в благородство играть!

В этот момент к ним подбежал старшина и тяжело дыша, выпалил:

– Ваше благородие! Татарин, каких – то чужаков привел! Видать где – то у входа в форт хоронились!

Орлов глянул на вход во двор форта, где под сводами арки, на коне восседал всадник. В типичном американском полупальто, с широкополой шляпой на голове. Рядом стояло трое иноземных матросов, в бескозырках с бубонами, в грубой парусиновой робе, которые с ужасом глядели на изувеченные взрывом трупы. Чуть поодаль виднелась фигура Ахата, стоявшего с винтовкой на перевес.

– Это еще, что за явление? – буркнул Орлов. Доставая из-за ремня револьвер. – Все за бревна к бойницам! Пушку за-

ряжаем на старый манер!

Подождав пока люди, укроются за стенами барака, поручик достал из ножен шашку и, обходя все еще парившие останки нападавших, направился к арке.

– Я поручик Орлов, – проговорил он. Остановившись на безопасном расстоянии. – Представьтесь, пожалуйста.

Всаднику в темном полупальто в клетку, в дорогих сапогах красного цвета, было далеко за пятьдесят. Его уставшие глаза, внимательно, с прищуром изучали все вокруг, словно оценивая масштаб всего произошедшего здесь. Наконец попыхивая окурком сигары, он неторопливо отдал честь, двумя пальцами проговорив при этом:

– А я Джон, американец. Хорошо воюешь поручик, как генерал настоящий! Если срубишь эти три сосенки, то получишь для своего артиллерийского гнезда дополнительный сектор обстрела, я так думаю градусов в тридцать.

– Мы учтем ваше предложение. Это тоже американские матросы?

– Нет, бог миловал, – отозвался Джон, спрыгивая с коня. – Это испанцы, с какого – то парусника! Зачем туземцы их сюда притащили, я не знаю, к дереву они были привязаны, недалеко отсюда. После бойни, которую вы тут устроили, я думаю, что они аборигенам за ненадобностью уже. Вот я их и отвязал, чтобы ни померли от страха.

– Ну что же, благородно, – кивнув, выдавил Орлов. – Джон воевал бомбардиром?

– Да, пришлось участвовать за компанию, – пробормотал тот. Подтягивая ремни притороченных к седлу пехотных ранцев. – Шестая артиллерийская рота.

– Дрались за Юг или за Север?

– За Капитолию, Генерал, – со вздохом, отозвался новый знакомый. Доставая из ранца квадратную бутылку виски.

– Я пока поручик, а не генерал, – поправил Орлов. – А с матросами мне, что делать прикажите?

– Ничего раз так воюешь, то генералом станешь непременно! Ну, а матросов..., я думаю можно использовать как чернорабочих, у вас вон, сколько во дворе мяса нарублено. Ну, в самом – то деле, не твоим же солдатам в говнище ковыряться! А матросики в знак благодарности, да за миску супа, вам здесь такой порядок наведут! А там отправишь их с оказией какой в их солнечную Испанию, ну или пристрелите. Для них это намного лучше будет поверь. Да и потом им лучше у вас быть в неволе, чем у аборигенов! Прикажи своим озадачить матросов, а у меня к тебе дело есть. Заодно и познакомимся, под хорошие хлебные виски!

Позвав Степанова и объяснив, что должны делать испанцы, поручик повернулся к матросам и тихо проговорил:

– Могу отправить вас обратно, однако боюсь, что не дойдете – заблудитесь или опять в полон попадете. Ктому же на паруснике наверняка вас уже посчитали погибшими, а корабль уже наверняка выбрал якорь и лег на обратный курс. Предлагаю потому временно поступить на службу Россий-

ской короне, а как только представиться возможность, мы отправим вас в родину. Что скажете?

Переглянувшись между собой, матросы дружно закивали, угодливо стянув свои бескозырки.

– Тогда давай те знакомиться! Кто такой я вы знаете, а вот вас мы не знаем, как звать.

– Я Санчес, – пробормотал, крупного телосложения матрос. Которому на вид можно было дать не больше сорока лет. – А это Мурилье и Пако! Мы все с одного парусника, промышляли китобойным промыслом. Я всю свою жизнь, с малолетства по морям да океанам хаживал, а они в свой первый дальней рейс пошли и в такую историю попали.

– Понятно, – буркнул Орлов. Глядя на молодых испуганных матросов. – Вас взяли в полон вчера?

– У острова Кадьяк, на внутреннем рейде! – зачастил Санчес. Вытирая лицо бескозыркой. – На нас налетела вначале английская шхуна...

– Они вас атаквали в наших водах? – нахмурившись, уточнил поручик.

– Именно так господин, офицер! Подкрались как гиены в ночи и ударили с носового орудия, хотели даже на абордаж взять, да благо волна крутая была, одним словом, насилу отбились.

– А в полоне – то как оказались? – усмехнувшись, проговорил американец.

– Так я и говорю, что пока ремонт паруснику учинили,

помощник капитана со шкипером на берег сошли. А когда мы за ними после ремонта на лодке подошли, чтобы забрать, они уже мертвы были, тогда – то нас и захватили аборигены.

– Смекаю я, про что ты, Санчес, рассказываешь, – кивнув, пробурчал Орлов. – Мы тоже там были и насилу ноги унесли. Ладно, забирай их, Степанов, на работы.

Подождав пока матросы отойдут на приличное расстояние, Джон, кивнув, проговорил:

– Будь с ними начеку, Генерал, они не слишком – то отличаются по коварству от англичан.

– Из-за того, что им не удалось застолбить здесь ни одного акра земли?

– Вот именно!

– По весне, одна из их посудин, причалила милях в трехстах от сюда, под нашим флагом, судовая команда была одета в морскую одежду нашу.

– И зачем им этот спектакль нужен был?

– Они отгрузили несколько бочек водки кенайцам.

– То, что индейцев все спаивают для меня не новость! Зачем так мудрено?

– Водку ту, как потом оказалось, лили по специальному рецепту! После ее употребления, человек желтел и умирал в страшных муках, из-за полного развала печени.

– Чтобы вас русских, потом обвинили в смерти этих несчастных?

– Вот именно! Ну что, где разговоры разговаривать будем?

– В тихом месте, где нет посторонних ушей, – улыбнувшись, проговорил американец.

– Тогда милости просим в наши скромные апартаменты.

* * *

Оставив лошадь у коновязи, американец зашел следом за Орловым в жилой барак. И стоя какое – то время у порога, оценивающе осматривал спартанскую обстановку сруба. Затем подошел к бревенчатому столу и, поставив бутылку, проговорил:

– Живете скромно, питаетесь тоже, а воюете как черти! Это ведь я так понимаю, все твое войско, Генерал?

– Остальных Господь к себе призвал. Садись, Джон, к столу, за беспорядок не взыщи..., сам понимаешь, только воевать закончили, да и разносолов, предложить сейчас не могу – бедствуем с провиантом. Но обещаю, если в живых останемся, то в следующий раз встретим со всей русской гостеприимностью!

– Ловлю на слове, Генерал! – воскликнул американец, садясь к столу. – У меня вот шербет есть английский, думаю, нам закусить хватит, давай кружки.

Смахнув рукавом полушубка со стола землю, осыпавшуюся с потолка при взрыве бомбы, Орлов поставил на стол две закопченные металлические кружки и, сняв фуражку, проговорил:

– Ну, за что пить будем? За знакомство?

– И за знакомство выпьем, и за дружбу между нашими народами, и за гибель врагов наших, – крикнул американец, разливая виски.

Заев шерbetом обжигающий глоток напитка, поручик внимательно посмотрел на гостя и тихо спросил:

– Ну, рассказывай, Джон, что привело тебя, в эти Богом забытые места. Я тебя давно в свой бинокль уже наблюдаю, правда у тебя еще дружки были.

Усевшись удобнее, на бревенчатой лавке, американец проглотил закуску, раскурил окурки сигары и только после этого произнес:

– Я, работаю по контракту на фирму Пинкертон, а милях в пяти отсюда меня ждут еще трое охотников за головами.

– Значит я не ошибся и именно вас в бинокль свой видел, – проговорил Орлов. Закуривая папиросу. – И чьи же головы вы здесь ищите?

– Есть такой бандит – Чарли! Он ирландец, так вот этот самый Чарли, сюда бежал из наших нижних штатов, со своими дружками, а мы по их следам идем. Скрываются они на вашей земле от Закона, парохода ждут, чтобы в Англию отбыть.

– Что же они у вас натворили такого, что вы аж границу, в погоне за ними пересекли?

– Ограбление банков, – со вздохом, проговорил Джон. Наливая новую порцию виски. – Дилижансов и поездов, кото-

рые перевозят деньги. Они уже и на вашей земле успели отличиться, ограбив дилижанс, перевозивший деньги, одной нашей китобойной компании.

– Знаю я, где они его спрятали, – кивнув, отозвался Орлов. – Один из этих негодяев, нашего кузнеца зарезал, по мне с урядником палил!

– Я же говорю, что подонки они законченные! – горячо, поддержал Джон. – И что же вы сделали с этим уродом?

– Застрелил лично.

– Ну и правильно! Нам меньше работы будет. Довай выпьем за вас..., за храбрых русских!

– За людей наших, терпеливых и в бою бесстрашных, выпью с превеликим удовольствием, – кивнув, проговорил Орлов. С улыбкой поднимая кружку. – За наших поселенцев! Чьими стараниями, знамя империи реет над этими дикими землями.

– Я некоторое время назад, работал по контракту в штате Техас, – морщась от выпитого, признался американец. – И видел, как зверствуют апачи, из-за своих поганых скальпов. С тех пор, я и извожу их желто-лицее племя как диких собак. Поэтому я хорошо понимаю вас русских!

– А, о каких делах, Джон, хотел поговорить со мной?

Дымя сигарой, американец встал и, подойдя к одной из бойниц, стал, молча рассматривать лежащее на полу и стоящее у стены оружие. Затем вернулся за стол и тихо проговорил:

– Милях в десяти отсюда, браконьеры английские безобразничают, на шхуне "Мария". По ночам, их судовая команда высаживается на берег и совершает мену своих товаров на пушнину, нарушая при этом все пограничные приличия. Мы точно знаем, что Чарли с дружками идут навстречу именно к ним!

– Что ты предлагаешь конкретно? – нахмурившись, проговорил Орлов. Задумчего жуя шербет. – Уж не захватить ли эту чертову шхуну?

– А почему нет?

– Мы же не корсары и соблюдаем международное право, которое признает за нашей империей полосу воды, на расстоянии пушечного выстрела.

– Именно поэтому я и предлагаю объединить наши силы, тем более, что англичане постоянно плюют на это самое право, бросая якорь почти у берега! – Ты – как воевода пограничный, поднимешься на борт, ну например, чтобы проверить "судовую роль", а я со своими людьми поднимусь, чтобы поддержать числом.

– Мне сегодня один англичанин, нами подстреленный, рассказывал, что земли эти вами куплены. Если это так, то нет у меня таких прав, корабли иноземные досматривать.

– И ты, Генерал, ему поверил? Зачем они нам нужны?

– Стало быть, врет?

– Нашел, кого слушать!

– Ну..., я ему тоже не поверил! А тебе не приходит в голо-

ву такая мысль, что они могут оказать нам сопротивление? Например силами судовой команды..., просто расстрелять нас на воде?

– Так в том то все и дело! Мы нагрянем, к ним в гости, когда они сойдут ночью на берег и углубятся в лес, по коммерческой надобности! – с жаром, зашептал американец. Отобьем у них их же лодку и на ней подойдем к шхуне! Там останется несколько человек, включая капитана, а это даст нам возможность, диктовать в итоге свои условия. Мы арестуем Чарли с его дружками, а ты, Генерал, удержишь нарушителей.

– Почему ты думаешь, что они выдадут вам Чарли с дружками? – с сомнением, проговорил Орлов.

– Да потому что шхуна – это единственная ниточка, которая связывает судовую команду с Англией! Ведь только на ней, они могут вернуться к берегам Темзы! За это они выдадут кого угодно!

– Угроза конфискации судна или его потопления – мера действительно весомая, – пробормотал Орлов. Глядя как американец, разливает виски.

– А я, что говорю? Они сдадут, кого угодно и еще будут просить взять отступные, за свое освобождение! Ну, что, Генерал, пьем за успех нашего предприятия?

– Всегда поражался вашей американской предприимчивостью, – проговорил поручик. Залпом осушив кружку. – Шхуна, шхуна... А ведь это, пожалуй, шанс добраться до Ново

– Архангельска...

– Так вам нужно до вашей столицы добраться? – воскликнул Джон, с удивлением. – Тогда вообще чего тут думать! Прямо на этом кораблике и пребудете, в свою столицу героями!

– А кто вместо судовой команды, этот кораблик поведет? – уточнил поручик. – Матросы – то их все в лесу будут.

– А я вон тебе испанцев в помощь пригнал! – рассмеявшись, выпалил американец. Дымя отчаянно, огрызком сигары. – Я с охотниками, прибавь своих людей – это же уже целое войско получается. Как знал, что мы поладим! Да и нам, в случае успеха, вернуться домой будет проще! Так сказать с комфортом, на борту какой-нибудь посудине, идущей в нижние штаты, а может быть и до самой Калифорнии. Думай, Генерал, если что..., мы тут недалеко остановились, на лесопилке вашей.

* * *

Поговорив с гостем, о жизни в этих суровых краях, поручик проводил Джона, пообещав крепко подумать над предложением. Вернувшись за бревенчатый стол, он задумался, уставившись на не допитую бутылку виски, принесенную Джоном. То, что четверо неизвестных всадников, оказались американцами, да еще предложившими объединить усилия на определенном этапе, Орлов воспринял как подарок неба.

Его нисколько не удивило их появление в этих краях. Опасная работа Джона с товарищами, которых занесло в эти дикие края, легко объяснялась отношениями, которые царили внутри полицейского аппарата американцев и поручик знал об этом не только из газет. Там царил настоящий пиратский дух, впрочем, такой – же, как и в экономике и политике этой молодой страны. Где в порядке вещей считалось, применять приемы далекие от элементарной порядочности, как на выборах, или при распределении средств, так и в борьбе за право, контролировать полицейских. Многим, из которых открыто, довались взятки, многих из них подкупали, участием в доходах от азартных игр или проституции. Тонкая, едва уловимая грань, существовавшая на тот момент в Соединенных Штатах, между правом и агрессивным беспределом, растворялась арестами не виновных и физическими устранениями нежелательных свидетелей, включая и честных полицейских.

Общаясь за последние годы с простыми американцами, читая их газеты, у Орлова создалось стойкое впечатление, что честная и эффективная работа полиции просто не возможна в этой стране. И причиной тому, были шкурные интересы политиков, отдельных городов и даже целых штатов. Все это происходило на фоне того, что шефы полиции практически повсеместно, представляли интересы своих партий. В отличие от работы полицейской машины в России, у американцев не было даже малейшего намека на сотрудниче-

ство, между полицейскими службами, что давало возможность преступникам всех мастей, безнаказанно совершать преступления. Зная, что от правосудия можно укрыться уже в соседнем штате, где тебя уже никто не будет искать. Все эти обстоятельства, усугублялись чрезвычайной беспомощностью и крайней не эффективностью, в работе федеральных органов, включая и само министерство юстиции в Вашингтоне.

Именно из-за всего этого вместе взятого и можно было объяснить то, что не подкупное частное детективное агентства Аллана Пинкертона, стремительно прославилось не только на территории между Атлантическим и Тихим океаном, но и достигло мировой славы. Это был поистине звездный час для агентства, которое на тот момент приобрело репутацию очень честного и надежного партнера, в отличие от самого мощного в стране Чикагского управления полиции. Которое, насчитывало одиннадцать полицейских сомнительного вида и явно ведущих не здоровый образ жизни. Эмблемой агентства стал открытый глаз, а девизом слова: "Мы никогда не спим". Своими делами и поступками сам Пинкертон как и десяток его сотрудников, очень быстро доказали верность избранного ими девиза. Во всех штатах знали их как деловых и порядочных людей, неподкупных и неутомимых детективов. Которые могли преследовать беглых преступников дни и ночи напролет, не только неделями верхом на лошадях, но и на поездах и пароходах. Кроме того они

были прекрасными наблюдателями, могли прекрасно маскироваться и перевоплощаться, отлично стреляя из всех видов огнестрельного оружия.

Для Орлова, поступившее предложение об объединении усилий, с человеком из такой знаменитой организации, давало шанс, тот самый один из ста, который позволял выйти из тупика, в котором они оказались. Появлялась реальная возможность добраться до Ново – Архангельска и доложить самому Максутову про обоз, отправить, на помощь полковнику Калязину людей. Появлялась возможность отправиться с Неплюевым в Петербург, где можно было наконец, обстоятельно доложить о ходе их изысканий. Форт "Око империи" в кратчайшие сроки пополнился бы людьми и провиантом.

Закурив папиросу, Орлов встал и, выйдя на воздух, стал наблюдать за тем, как защитники форта, с иноземными матросами освобождали двор от убитых. Заметив его, старшина вытер руки о полушубок и, подойдя к офицеру спросил:

– Ваше благородие, а что с англичанином делать?

– Застрелился разве? – отозвался поручик. – Что – то я выстрела не слышал.

– Кровью он изошел, – отмахнулся Иван, закуривая самокрутку. – Сидел, сидел с револьвером, да и завалился на бок. Видать от поранений своих помер.

– Похороните его рядом с нашими могилками, – тихо, проговорил Орлов. – Я ему это обещал.

– За что же такие почести? – с удивлением, спросил стар-

шина. – Он ведь сюда все это войско привел.

– Обещал я ему это, за сведения важные, – поморщившись, проговорил поручик.

– Как на духу сказывал?

Орлов внимательно посмотрел на красное, обветренное лицо Сибирского казака, из славного рода тех потомков запорожцев, кои были сосланы в Сибирь после разгрома Сечи. В ком текла кровь участников восстания Железняка и Гонты, плененных после резни у Умани и тех двух тысячах малолетних сыновей, отставных солдат из Тобольской губернии, которые и составили костяк казачий общины в Сибирском Войске.

– Как на духу все выдал! С таким выражением, старшина, что я до сих пор понять не могу, что вокруг нас творится. Хотя если честно... то это непонимание возникло еще раньше, еще в форте Росс. Где к нам прибился этот англичанин с монахом! Непонятно кто садил их с нами на парусник, который должен был дойти до самого Ново – Архангельска. Не понятно почему нас на половине пути высадили на берег, и мы получили приказ идти с мукой караваном. Нас отправил к вам за подмогой полковник Калязин, а мы застали здесь полный упадок! Ваш форт давно не пополнялся людьми и провиантом, наравне с другими припасами. Непонятно почему лесопилка, что в пяти верстах отсюда и где встали на постой американцы, стоит брошенной. Там нет ни солдат, ни работных людей, хотя лес приготовлен, даже доска есть пи-

ленная и новая почти, паровая машина стоит, еще в хомуты одетая. Вот и спрашиваю я сам себя, что же такое вокруг нас происходит?

– Что тут можно сказать, ваше благородие, – пожав плечами, пробормотал старшина. – Ежели все происходящее вам не ведомо, то уж нам тем более. О том, что наши люди покинули лесопилку, нам аулеты поведали, недели три назад. Мы тогда смекнули, что это наш правитель их отозвал приказом, а может и нарочный был с пакетом каким.

– А к вам Максутов гонцов не посылал?

– Не было никого, лодку мы правда у своего берега находили, в аккурат неделю назад. На каменюки выкинуло ее, наполовину забортной водой притопленную, без весел. Может, кто к нам путь держал, а может и с парусника какого сорвало, нам это не ведомо. Да и ежели даже пакет какой нарочные доставили бы, мы бы прочитать его не смогли, так как ни счетной мудрости, ни грамоте не обучены, да и есаула уже нет покойничка.

– Все ясно, – стиснув зубы, пробурчал Орлов, – Истопиты, голубчик, баньку позлее, а то мы все как черти в саже, да кишках с кровью перепачканы.

– Это можно! Это мы мигом! – с удовольствием, крикнул старшина. – Банька на войне – это первое дело! У нас и одежда найдется, фабричными мастерами сделанная и белье нательное новое. Приготовим вам комнату есаула, с кроватью металлической, отдохнете хоть по царски, а то вон сколь-

ко дней и ночей кочевали!

– Смотрю я на тебя, братец и диву даюсь! – признался Орлов, качая головой. – Уж, какие вы тут только скорби не принимали, а не тускнеет в вас жилка русского человека! Через все муки живете и жизни радуетесь и нет конца и края нет этому терпению.

– Так нам русским, да православным, завсегда легче жить с Богом в душе и с верой в царя – надежу! Каждый день просим, дай, Господи, нам душевное спокойствие, чтобы смиренно и с достоинством смогли встретить все, что сулит день грядущий. И Господь способствует, позволяет пережить все тягости и мытарства!

* * *

На следующее утро, Орлов построил всех у стен храма и глядя на хмурые но уже посвежевши лица боевых товарищей произнес:

– Победа, одержанная вами, на этих скалах..., дорогого стоит! Теперь неприятели всех мастей и недруги нашей империи, крепко подумают над тем, стоит ли супротив нас подлость замышлять! И гора трупов индейских воинов, коими вы весь утес усыпали, будет им хорошим напоминанием об этом. Однако не стоит после этого ждать, каких-то милостей и послаблений..., возможно, нас ждут испытания еще более суровые и к ним надобно быть готовыми. Всегда должно

помнить, что англичане подстрекали и далее подстрекать будут, первостепенные народы на вооруженные столкновения с нами. Опаивая их водкой, вооружая современным нарезным оружием, сплетнями и наговорами на наших поселенцев, сея в их сердцах ненависть к нам. Приказ капитана первого ранга МаксUTOва, никто не отменял. Посему тебе, Иван с Петрухой и Ахатом продолжать стоять на этой скале, пока мы не придем вам подмогу из столицы! Все остальные идут со мной, на соединение с американцами и что нас ждет впереди – одному Богу известно. Предупреждаю, что живем мы по артиклям военным, и я не потерплю ни трусости, ни послаблений в выполнении приказов! Это касается и вас испанцы! Нам крайне важно добраться до нашего заглавного гарнизона, для этого нам еще предстоит отбить шхуну у англичан. Все, полчане..., давайте прощаться! Бог даст, еще послужим империи плечом к плечу!

Обнявшись с каждым из остающихся, Орлов сняв фуражку, посмотрел на гордо трепещущийся флаг империи, потемневший от порохового дыма, пробитый в нескольких местах пулями, успевшим изрядно выцвести под северным солнцем и, перекрестившись, проговорил:

– От вас, старшина, ныне стоящих здесь караулом, зависит как успешно и долго, будет реять наше знамя.

– Не сумлевайтесь, ваше благородие, – с грустью проговорил Иван. – Раньше не посрамили святыню и далее для этого все силы приложим. Ежели придется драться, то драться бу-

дем до самой крайности! Лишь перешагнув через наши тела бездыханные, злодеи смогут до него добраться.

– Храни вас Бог, – кивнув, вымолвил поручик. И повернувшись, быстро зашагал к выходу из форта.

* * *

Орлов уходил со своим не большим отрядом, со смешанным чувством тревоги и надежды одновременно. С надеждой на то, что объединив силы с американцами, удастся захватить английскую шхуну, что позволит быстро добраться до столицы и отправить помощь как в форт, так и полковнику Калязину, идущему по берегам Славянки. Тревога же не покидала за судьбу людей оставшихся в форте. У которых были весьма ограниченные запасы продуктов, они имели в своем арсенале, значительное количество винтовок и револьверов с патронами разного калибра, имелась даже пушка с запасами пороха, но у них было мало шрапнели, а самое главное – их самих было слишком мало. Отряд Орлова тоже был не многочисленным, и он это прекрасно понимал, но теперь все были прекрасно вооружены и несли с собой солидный запас патронов. Люди получили хоть и не продолжительный, но все – таки отдых и не под открытым небом, а в жарко натопленном бараке. К тому же после парной, всем была выдана чистая одежда, каждый получил чулки из оленьей шкуры, которые надежно защищали от холода. Кроме

того, каждый получил по заячьему полушубку, хотя и не новому, но хорошо держащему тепло, а главное все полушубки были белого цвета, что позволяло слиться с выпавшим снегом, не демаскируя себя при встрече с неприятелем.

– О чем задумался, Константин Петрович? – спросил Неплюев, шагая рядом. – За людей в форте переживаешь?

– Слишком мало их там осталось, – со вздохом, отозвался тот. – Да и Петруха смотрю, кровью кашляет, хотя и скрывает это.

– Ничего, у них вон какой фокус бомбой на вооружении имеется! Да и пушка, вон как врага на куски рвет.

– Мы всем табором, свою победу еле вырвали, а их трое всего, оборону держать теперь будут. И это заметь, мы не знаем, насколько сильно аборигены столь значительными потерями огорчатся!

– Ничего, ваше благородие, сдюжат, – отозвался Степанов. – Они такую победу с нами одержали, а это дорогого стоит! Да и остаться они здесь хотят, с тем, чтобы дело угольное поставить. Деньжата на первое время есть, глядишь со временем и семьями обзаведутся. Дай им Бог перенести все утомления, да подмоги дождаться!

– На него только вся надежда, – прошептал поручик.

– Обойдется все, ваше благородие, – проговорил Степанов, улыбаясь. – У нас дома такие деньжищи, что вы им отвалили из сумки англичанина, они за всю жизнь бы не заработали, а тут в Русской Америке, буते любезны! Дай то Бог

полчанам, стать капиталистскими людьми!

– Ничего, Степанов, у вас в южных губерниях, тоже жизнь понемногу перестраивается, как впрочем, и по всей России – матушке, – успокоил поручик. – Цены за границей на зерно, я читал, повысились значительно, а это на руку нашему производителю.

– Неужели и впрямь веришь, Константин Петрович, что заживет безбедно наш человек работный? – усмехнувшись, проговорил инженер. – Аренда же земли неподъемная! Она же привязывает крестьян к помещику! Народ работный хоть и получил наделы по реформе, но они ведь не великие! Цена на хлеб в рост идет – это правда, только не забывай и плата за землю у помещика растет значительно. А сколько на крестьянах, еще всяческих сборов навешено?

– Про выкупные платежи толкуешь? – буркнул Орлов, осматриваясь по сторонам. – Ничего, налоги государевы, как и земские, сокращаться будут – это точно!

– А подушную подать на их сословие наложенную? – не унимался инженер. Едва поспевая за офицером.

– Вечно ты, Иван Иванович, только чернуху видеть желаешь, – с досадой, отозвался поручик. – Реформа всеравно, укрепит крестьянскую общину, поможет и подати выплачивать и достаток меж членами соблюсти. Я верю, что все у нас в империи наладится! Уж больно большая мы держава, чтобы у нас все быстро получилось. У нас вон нарочный из Петербурга, с письмом каким до Камчатки, аж три месяца

скачет!

– А я тоже так же кумекаю, – кивнув, потдакнул Степанов. – Что жизнь в России, как и в станицах моих, наладится.

– Правильно кумекаешь, урядник, – улыбнувшись, проговорил Орлов. – Уже набрал силу Государственный банк, который "содействует силою кредита" металлургической промышленности, сахарной, да и текстильной тоже. Верю, что не за горами то время, когда такие как Ванька – безухий, будут в складчину или на кредит ложить тут дорогу железную, изменяя эти дикие края до невозможности.

– Это если хоть кому – то, в нашей империи будет все интересно, – возразил Неплюев.

– А тут прямой интерес для всех! – Сам военный министр Милютин, неспроста назвал наше время "железнодорожной горячкой". Встанут тут со временем в прибойной черте порты морские, потянутся к ним железные дороги, а в вагонах тех повезут руду, уголь, торф, лес. И все это благодаря таким инженерам как ты, Иван Иванович! Прибудем Бог даст в Петербург, доложим в кабинетах начальствующих, что кроме пушнины, богатства тут несметные в минералах таяться и изменения придут в эти дикие земли. Вот помянешь мое слово, инженер.

– Тогда и полчане наши заживут в фортах! – воскликнул урядник. – Уголек – то не только пароходам нужен будет.

– Все правильно, – оглядываясь по сторонам, проговорил Орлов. – Тогда обязательно вырастет спрос на металл, ко-

торый и для вагонов нужен будет, и для рельсов, и для паровозов новых! Пока у нас в империи, такие как старшина, с Ванькой – безухим служить будут, ни черта нам никакие враги не сделают!

– Все это хорошо на словах говориться, – со вздохом, проговорил инженер. – Да как бы все эти помыслы радужные, в песок не утекли. Вон после зимовки, в форт к есаулу никто кроме нарочного не заявлялся и не способствовал его усилению. Чугучи в нарушение договоренностей, в прибойной полосе вооруженные безобразия творят, а иноземцы свое злодейство меховое и никому до этого дела нет.

– Потому и идем в союз к американцам, – проговорил Орлов. Поднимая воротник полушубка. – Чтобы быстрее подмогу отрядить, да ясность во многие вопросы внести.

– А может и не нужны мы вовсе, со своими изысканиями на берегах Невы? – предположил инженер, озираясь по сторонам. – Что – то не вижу я усердия, которое должно проявлять в этих землях чиновникам нашим, одно захиренее ведь здесь и упадок кругом. Может нашим чиновникам на руку все это? Может специально они все здесь забросить хотят? Для того, чтобы забросить и уйти с этой земли!

– Ну, что ты такое гутаришь, прости Господи! – проговорил с укором казак. – Бросить все и уйти отсюда – это же значит, предать все усердия и старания, начиная с наших первых землепроходцев и путешественников. Ну как ты можешь так говорить?

– Все верно говоришь казак! – поддержал Орлов. – Это значит предать их труды, не только по описанию здешней природы – это значит предать вообще все их усилия по освоению земель этих. А ведь благодаря их стараниям, империя наша вывела свои корабли в воды океана Великого.

– Я так говорю, потому что вельможам паркетным, нет никакого дела, до того, как здесь на кромке империи, живут их подданные! Вон у есаула, микстур никаких не было, но ведь водку – то ему с чаем можно было отправить!

Орлов ничего не ответил, а лишь быстрее зашагал вперед, стиснув зубы. Во многом он был согласен с инженером, многое у него у самого вызывало непонимание и раздражение. Он вдруг вспомнил слова капитана Конели, нашедшего свою смерть во дворе форта, о том, что ведутся секретные переговоры с американцами, о продаже этой земли. Успокаивая себя тем, что этого просто не может быть! Он шел по словому лесу, не сбавляя темпа, думая о том, что вести такие переговоры означает только одно – предавать интересы империи. Предавать память тех каргопольских купцов, тех великих первооткрывателей и путешественников, к коим он относил и самого легендарного Баранова. Который, в поисках новых районов охоты, изучал эти далекие земли, искал на этих просторах минералы и осваивал новые поселения. Снабжал всем необходимым новых поселенцев. Который по настоящему и закрепил за империей, все эти дикие земли на берегу Океана Великого, на берегу Северной Америки.

– Не для того наши предки, столбили эти земли за державой Российской, – проговорил Орлов. Сквозь стиснутые зубы. – Не для того они и мы – их потомки, принимали здесь беды и испытания, чтобы вот так все просто здесь бросить. Ничего и при правителе Баранове, нашим поселенцам приходилось биться с индейцами, не на жизнь, а насмерть. Тогда нашим первооткрывателем, приходилось биться лишь с народами окраинными, а нам еще и с англичанами, которые заметьте, имеют мощнейший флот. Да и союзникам нашим – американцем, мы тоже вроде как помеха. Не даем их китобойцам развернуться!

Не заметно за спорами и разговорами, они вышли к лесопилке купца Самойлова, скрытой от злых ветров и дурного глаза в распадке, окруженного со всех сторон высокими соснами. К той самой лесопилке, которая исправно снабжала русских колонистов деловой доской и брусом, поставляла все необходимые материалы, для проведения корабельных работ, на своих и иноземных судах, бросивших якорь на верфи. С первого взгляда стало понятно, что на ее территории уже не ведется никаких работ, как раньше – не визжат пилы, не рычит паровая машина, не стучат топоры лесорубов. Не было на флагштоке и флага империи, который гордо реял здесь с первых дней основания лесопилки. Тягостная тишина и безмолвие повисли над двухэтажным домом, который для людей Самойлова был и конторой и местом жительства. Огромная территория лесопилки, огражденная высоким ча-

стоколом, надежно защищала когда – то рабочих людей от стрел и пуль недоброжелателей – была брошена.

– Что – то не нравится мне эта тишина, – проговорил Степанов. Снимая с плеча винтовку. – Да и снег кругом не тронутый. Не уж – то съехали американцы?

– Как же так? – скрипнув зубами, прошептал Орлов. – Уговор ведь был, что мы подойдем к океану сегодня после обеда.

– Давайте я в поиск схожу, – прошептал урядник, – может, случилось чего.

– Все пойдем, – покачав головой, отозвался поручик. – Чего уж тут. Все одно привал надобно делать за сторожевым частоколом.

Спустившись к бревенчатому частоколу, который надежно закрывал всю территорию лесопилки, они обошли его весь и только после того как убедились, что он не поврежден, зашли в приоткрытые ворота. Обследовав все хозяйственные постройки и убедившись в том, что американцы, по каким – то причинам покинули лесопилку, Орлов собрав всех на первом этаже конторы проговорил:

– Американцы здесь были и ушли совсем не давно, по каким причина пока не знаю. Предлагаю подождать их до вечера, а если уж к вечеру не воротятся, тогда мы вернемся обратно в форт. Люди Самойлова покинули лесопилку без боя, впрочем, как и американцы. Почему они ушли, мы не знаем и то, что нет следов боя не о чем не говорит. Поэтому,

озадачимся караулом с привлечением испанцев, свободным от караула отдыхать, но только за стенами этого дома. Все, что нам остается так это ждать.

Поднявшись на второй этаж в пустой кабинет управляющего, Орлов медленно прошел к огромному письменному столу и сев на стул проверил содержимое ящиков. Не найдя никаких документов, он положил свою выцветшую на солнце, выдавшую виды фуражку на столешницу и скрестив руки на груди задумался. Все говорило о том, что не нападение явилось причиной ухода работных людей Самойлова и американцев, хотя было видно, что и те и другие, покидали лесопилку в спешке. Орлов окинул взглядом потемневшие от времени бревенчатые стены кабинета, клочки бумаг, валявшиеся на добротно подогнанном полу, пустые полки книжного шкафа. Самого Самойлова, как и его людей, невозможно было упрекнуть за недостаток бодрости в делах, или в расточительстве. Он и его люди всегда славились трудолюбием и рачительностью, а тут – брошенная паровая машина, с огромными запасами пиленых досок и корабельного бруса, огромный запас кругляка, приготовленного для работы на всю зиму. Бросить все это они могли только в силу, каких – то чрезвычайных обстоятельств.

– Что же могло послужить причиной столь поспешного ухода? – устало, спросил поручик самого себя.

Он делал все, что мог, но злодейка судьба, словно смеялась над его усилиями, посылая все новые и новые испыта-

ния, из-за которых он все еще так и не смог отправить помощь каравану полковника, он все еще не мог добраться до Ново – Архангельска. Орлов понимал, что все это происходит из-за того, что на протяжении всего своего существования, Русская Америка так и не смогла обеспечить своих поселенцев, в первую очередь сельскохозяйственными продуктами. Катастрофическая нехватка провизии, не позволяла укреплять эти земли большим числом колонистов, которых просто нечем было кормить. Постоянно ощущалась острая нехватка судов, не хватало и мастеровых людей, которые бы строили и обслуживали при необходимости эти самые корабли на верфи. Но, несмотря на все это, русские поселенцы самоотверженно трудились и сражались за заморские территории империи, жертвуя своим здоровьем и самой жизнью. Принимая православную истину о том, что жизнь человека, как и его смерть зависят порою от того, о ком даже и не ведаешь.

Кто-то поднялся по скрипучей лестнице на второй этаж и постучал в массивную дверь.

– Кто там? – крикнул Орлов.

Дверь, жалобно скрипнув, отворилась, и на пороге появился урядник, который бойко проговорил:

– Караул со сторожевой вышки ведем, ваше благородие! Оттуда все подходы просматриваются хорошо! Дозвольте, пока время есть, в столовом бараке очаг запалить? Мы по скорому снежку натопим, да чайку заварим – старшина уго-

стиль китайским.

– Затопите непременно, – кивнув, сказал поручик. – Неизвестно как день сложится.

– Так и вы бы присоединились к нам! Чего в холодной хате сидеть? Мы и кашу сварганим маисовую!

– Хорошо, я скоро спущусь, готовьте пока. Подумать мне надобно крепко!

* * *

Отправив казака, Орлов надел фуражку и, подняв воротник полушубка, вновь погрузился в раздумья. Он все еще пытался понять, почему американцы ушли. Имея таких союзников по захвату шхуны англичан, чинивших меховое злодейство, появлялась реальная возможность осуществить эту дерзкую затею. Поручик терялся в догадках, зная, что у Пинкертоня работают люди на слово крепкие. Да и за плечами у каждого из них был опыт, полученный в гражданской войне, во время которой организация Аллана, выступала как разведывательная организация Северных Штатов. Орлов вспомнил, что слава организации Пинкертоня, вызывавшая у одних злобу, а у других надежду, родилась благодаря одному случаю. Когда самому Аллану пришлось, переодевшись биржевым маклером, идти по следам шайки фальшивомонетчиков, преследование которых закончилось, раскрытием заговора против их президента Линкольна.

Спустившись наконец в низ, Орлов принял участие в скромной трапезе, после которой время стало тянуться еще медленнее. Шел час за часом их томительного ожидания, но ничего не менялось. Сидя у потрескивающей печи, поручик сквозь дрему, слушал неторопливые разговоры Степанова с инженером. Которые обсуждали и будущие земель станичного юрта, которая почиталась неприкасаемой собственностью, о том в каких губерниях лучше сеять пшеницу и рожь, а в каких ячмень и табак. Про то, как перед началом работ в поле, святители его святой водой, помогая в работе родственникам и соседям. Рассказы испанцев про то, как у них собирают виноград и делают затем вино, которое хранят в больших бочках. О странном увлечении испанцев кровавой каридой, приводящий их народ в какой – то животный экстаз и совершенно не понятный подданным Российской империи. Которые в отличие от испанцев, восхищались бескровной джигитовкой. Где о мастерстве наездника, судили по точности выполняемых им гимнастических приемах, на скачущей лошади. Когда казак должен был уверенно держаться на коне и сидя, и стоя, и перемахивая на одном дыхании под животом лошади с одного бока на другой на полном скоку.

Но все темы, так или иначе, сводились к предстоящему захвату шхуны англичан, к их подлости и коварству. И связано это было, с еще недавно пережитой Крымской компанией, об итогах которой никто не мог сказать, что этот мир тверд и, что он надолго. Все понимали, что заключенный мир между

Россией и Англией, никак не решал исхода их противоборства, которое проходило вдоль всех границ и самых дальних владений двух империй.

Когда уже стал приближаться вечер и Орлов стал подумывать о возвращении в форт, в столовый барак буквально влетел Степанов, выпаливший с порога:

– Ваше благородие! Стрелял кто – то! Пока не ведомо кто, выстрелы из-за сопки эхо несет!

– Все к бою! Оборону держать на все стороны! – крикнул Орлов, вскакивая. Почувствовав как заныло сердце.

Выскочил наружу, он бросился утопая по щиколотку в снегу, к сторожевой вышке. Буквально взлетев по скрипучим ступенькам на смотровую площадку, сорвал бинокль и стал сосредоточенно всматриваться в прилегающую к лесопилке территорию. Вскоре до них со Степановым донеслись одиночные выстрелы, топот копыт и фырканье лошадей. Орлов в напряженном ожидании замер с биноклем, сосредоточив свое внимание на соседней сопке, откуда и доносились выстрелы. Прошло еще несколько томительных минут и на каменистой осыпи, у подножия сопки, заросшей высоким еловым лесом, появился всадник. Который скакал во весь опор, на черном как смоль коне, ведя за собой еще трех лошадей.

– Это американец, – со вздохом облегчения, проговорил поручик, – который с Джоном, охотится за головами. Вот только не пойму, почему он один и где его товарищи?

– Кто же за ним так гонится? – пробормотал урядник, кре-

стять. – Так ведь и лошадок загонит!

– Кажется, я знаю, кто его преследует, – отозвался Орлов, опуская бинокль. – Койоты на него охоту решили устроить загонную! Ну, что же, давай подмогнем союзнику.

Отдав бинокль казаку, поручик не торопясь передернул затвор винтовки и стал тщательно целиться в стаю хищников. Которых американец, пытался держать на расстоянии, одиночными выстрелами из револьвера. Несколько выстрелов из винтовки внесли сумятицу и панику среди хищников, которые резко замедлили свой смертельный забег, а потом и вовсе скрылись в чаще.

– Я Харли, из Сант – Луиза, – представился всадник, тяжело дыша. – Спасибо, что помогли отогнать этих тварей. Которые на меня с лошадками, решили поохотиться.

– Поручик Орлов, – козырнув, представился офицер, – а это урядник Степанов. Где же ваши товарищи?

– В засаде они сидят с ночи! Человек верный шепнул, что готовятся англичане якорь выбирать! Вот мы выдвинулись для наблюдения за ними! Меня Джон за вами отправил, а самому с лошадками нашими приказал у вас в форте дожидаться.

– Джон так уверен, что у нас все получится? – проговорил поручик, покачав головой. – Прими, Степанов лошадок, идем, Харли, чайку горячего выпьешь, под кашу маисовую. Заморозил вас смотрю Джон, до невозможности.

Орлов внимательно посмотрел на американца средних

лет, с открытым добродушным лицом, красным от мороза. Одетым в темное шерстяное пальто, с огромным вязанным шарфом на горле и серой широкополой шляпой на голове.

– Джон уверен, что англичане стоят в наших водах и скоро действительно поднимут якоря?

– Да, сер, можете не сомневаться! – кивнув, проговорил Харли. – У нас верные источники.

– Хорошо идем в избу. В форте найдешь старшину, расскажешь ему все, фуража там правда не много, ну что – то придумаете! Я не думаю, что вся эта затея, займет много дней, идем.

– Вот ведь как койот обнаглел! – с жаром, бормотал Харли. Все еще не веря в свое спасение. – Они ведь жрут все подряд! Им ведь все равно кого сожрать, хоть птица попадетса, хоть лягушка, хоть рыба с енотом! Эти твари и на бобров нападают, а могут и на оленя охоту загонную устроить! А тут меня решили с лошадками измором взять!

– Да уж всеядные твари, – кивнув, пробормотал Орлов. Не торопливо закуривая папиросу.

– Правда, ваша, сер! У нас в южных штатах, они вообще и ягоды жрут с фруктами, а уж если есть арахисовая плантация, то их от нее за уши не оттащишь.

– Здесь на Аляске, им конечно голоднее живется, чем в ваших южных штатах, – кивнув, проговорил поручик. – Поэтому они и вынуждены, устраивать свои загонные охоты. Где на оленей, а где и на одиноких всадников вроде вас. Ме-

ня койоты не преследовали, но один раз по лету с медведем пришлось сойтись.

– Не уж – то врукопашную?

– Да нет..., шел я тогда по берегу, вижу на песчаной отмели свежие следы крупного медведя. Захожу за пригорок, а он там сидит и рыбину жует, прости Господи. Теперь во снах, частенько вижу его оскаленную пасть, с желтыми клыками. Насилу успел пальнуть с винтовки в косолапого! Благо собачка, царствие ей небесное, его придержала. Очень крупный самец был. Скажи мне вот что, Харли..., а англичане нас с воды не заметят?

– Нет, конечно, – уверенно проговорил тот. – Джон с охотниками старые воины. Они у основания скалы укрылись, среди валунов и их точно с воды не видно.

– Хорошо, чаевничай, да поспешаем!

Отправив американца с лошадьми в форт, Орлов выступил со своим отрядом на соединение с Джоном, найти которого по следам Харли, не представляло большой сложности. Весь их путь лежал среди густого хвойного леса, который покрывал остатки большого хребта, где в изрезанных эрозией местах, даже в наступающих сумерках, легко угадывались пласты галечника или глины с линзами торфяника. Лишь когда уже совсем стемнело, Орлову удалось выйти к притаившимся в засаде американцам.

– Рад видеть тебя, Генерал! – воскликнул Джон, дыхнув перегаром. – Рад, что не передумал и присоединился к на-

шей охоте! Предупредить, что уходим времени не оставалось, уж извиняй. Я смотрю, ты и испанцам винтовки выдал? Не боишься, что в спину палить начнут?

Орлов не спеша устроился на лежанке, из хвойного лапника и тихо проговорил:

– Им до дому добраться надобно, да и злые они на англичан. Ну, а получится все, так и в морском деле подсобят.

– Ну, что же разумно. Может, выпьете для разогрева?

– Зачем пить перед боем? Я бы и тебе с друзьями не советовал.

– Это, Генерал, настоящие хлебные виски! От них же захмелеть не возможно, да еще на морозе, который все выветривает.

– Ладно, рассказывай чего вы тут высмотрели, за все это время. Корабль – то с англичанами здесь или нет? Что – то я ни одного огня не вижу на мачтах.

– Маскируются, – отозвался американец. Делая глоток из бутылки. – От берега пару кабельтовых будет до шхуны.

– Хватит тебе пить, – покачав головой, проговорил Орлов. Пытаясь рассмотреть в бинокль силуэт корабля.

– Видал, Бен, какие эти русские серьезные мужики, – с улыбкой, проговорил американец. – Это, Бен, он тоже бывший фермер из Сант – Луиза, как и Хари, а тот, что самый дальний – это Тони. А, Харли, в форте примут?

– В форте все будет правильно! Найдется там место и для Харли и для лошадок ваших.

– Я так думаю, что вас нам сам Всевышний послал, как оберег! С вами – то мы и англичан захватим, и Чарли негодяя скрутим! А то ишь чего поганец удумал, в Старый Свет отбыть тихонько. Не переживай, Генерал, нам осталось только их лодку дожидаться, да когда в лес с мешками уйдут. Тогда и корабль отобьем! Обещай мне, что в Ново – Архангельске угостишь нас, вашими славными блинами с икрой и, чтобы обязательно под водку все это было сделано!

– Договорились, – кивнув, прошептал поручик, – только вначале давай все сделаем правильно. А уж потом и водку, под икру с блинами будем кушать. Скажи, где ваш Чарли прячется?

– В деревне у туземцев, с дружками он там, гнида затихорился! Ждать они там будут англичан, с ними и вернуться на судно.

– Понятно. А скажи, Джон, что ты думаешь по поводу лесопилки, где вы останавливались на ночлег? Я понять не могу, почему ее наши люди покинули.

Американец внимательно посмотрел на Орлова и, пожав плечами произнес:

– Кто его знает..., но мне тоже показалось странным, что столько добра и вдруг все брошено. Одно могу сказать, что боя не было, следов пожара тоже, похоже люди покидали лесопилку спешно, но без паники.

– Может, потому что им сообщили о продаже этой земли?

– Ну, вот началось, – пробормотал Джон, разведя рука-

ми. – Уже и ты, Генерал, с нашего госсекретаря смеешься.

– Почему смеюсь? – уточнил поручик.

– Потому что эта идея бредовая, может придти в голову только бальному человеку, вроде нашего госсекретаря! Ну, сам посуди, кому нужны все эти снега и горы? Да еще с пьяными племенами туземцев! Слышали мы краем уха эту сказку! Только запомни, что у нас еще конгресс есть, между прочим, который никогда не позволит, нашему чудаковатому старику чудить. И вообще про такие глупости я даже разговаривать не хочу!

– Тогда расскажи, давно ли работаешь на Пинкертон?

– Это можно! Уже больше двух лет.

– Не надоело, терпеть лишения вдали от дома?

– Я живу в Нью-Йорке, – отозвался тот, горько усмехнувшись. Растирая замерзшее ухо. – Надоело, Генерал, как раз жить и работать в каменных трущобах, где люди не хотят жить по законам Библии.

– В каком это смысле? Что ты имеешь в виду?

– Коррупция, будь она не ладна, – отозвался Джон. Раскуривая окурок сигары. – Я слишком хорошо познал силу этого порочного и распространенного у нас явления, как союз полицейских и политиков. Одно время я даже пытался бороться с этим, по мере сил разумеется. Ну, а когда понял всю бессмысленность этой затеи – ушел к Пинкертону и, не жалею об этом поступке.

– Отчего же у вас все это творится?

– Потому что местное управление у нас осуществляется не так как в остальном мире, или как у вас в России. У нас избирательные компании, ведутся не ради городов или людей, а во имя двух партий толстосумов.

– Ты хотел сказать, во имя политических партий? – уточнил поручик. Вслушиваясь в шум прибоя.

– Конечно! Только до тех пор пока эти самые политики, будут оказывать влияние на полицию, где я служил до недавнего времени, нашу полицию как впрочем и наше общество, будут разъедать взятки и продажность. Когда существует такой институт как взятки – тогда полицейские не принадлежат себе и своей присяге, им тогда повсеместно чихать на охрану имущества и чести граждан.

– Думаешь дело только во взятках? Я много раз читал, что твой родной город находится во власти тех, кто торгует должностями.

– И это конечно имеет место быть! Порядочных джентльменов оттесняют от участия в политике. В ней не увидишь честных коммерсантов, ученых или журналистов с писателями, я уже не говорю о простых гражданах.

– Получается так, что твоим родным городом, правят проходимцы всех мастей?

– Вот именно! – выпалил, с жаром Джон. – Моим городом, правят те, кто пришел во власть или политику через насилие или взятки! Хотя народу, конечно, внушают через газетчиков, что мы имеем правительство избранное народом.

– Это, что же получается? Ваши полицейские, в основной своей массе выдвигаются и назначаются теми, кого должны задерживать для дальнейшего осуждения?

– Все верно понимаешь, Генерал! Чиновники в моем родном Нью-Йорке, да и не только в нем одном, не трогают тех, от кого зависит их сытая жизнь.

– Это все, потому что многие полицейские и судья не имеют образования, – прогудел простуженным голосом Бен. – Многие из них не грамотны настолько, что не могут написать и нескольких слов.

– Да, представляю себе, что у вас твориться, – покачав головой, пробурчал Орлов. – Представляю, как у вас вершится правосудие.

– А вот так и вершится! В зависимости от того за кого воевал человек, за Юг или за Север, – поддакнул Джон.

– Ничего себе демократия! – воскликнул Неплюев. – Не дай Бог, если и у нас так будут решать в судах, виновен человек или нет.

– Да, наша демократия пока не совершенна, – согласился американец. – Пока у нас политики могут приказать освободить преступников, уже признанных виновными. Но ничего..., придет время и правосудие будут вершить честные люди, мы все верим в это.

– Слышал, Иван Иванович, что в других державах творится? – проговорил поручик. Всматриваясь в неясные очертания лица инженера. – А ты еще ропчишь, по поводу нашего

уклада жизни в империи! Чего трясешься всем телом? Замерз что ли?

– Пусть виски хлебнет, – проговорил Бен. Пытаясь согреть себе дыханием замерзшие пальцы. – Мороз вон крепчает!

– На корабле согреться буду, – отмахнувшись, буркнул Неплюев. Кутаясь в воротник заячьего полушубка. – Неуж – то вот так беспардонно и освобождают?

– Точно! – кивнув, подтвердил Джон. Сделав глоток из бутылки. – У нас частенько арестованные мерзавцы, покидают зал суда свободными людьми, хотя их и приговорили к заключению. У нас ни один миллионер никогда не был повешен, какое бы он преступление не совершал, даже за жестокое убийство.

– Значит все кого у вас казнят, не имеют денег? – проговорил Орлов. С напряжением вглядываясь в темноту.

– Верно! Или не имеют друзей среди политиков. Поэтому я и не хочу больше работать и жить, во всем этом и мириться с системой, где живут по волчьим законам. Пока наша общественность так запугана, что в полицейском, простые граждане видят не защитника их интересов, а граждане наших свободных штатов, видят в нем врага общества. Именно поэтому я все бросил и работаю теперь на порядочного человека.

– Смекаешь, Иван Иванович, что у людей творится? – проговорил Орлов. Натягивая на руки перчатки.

– У нас народ, тоже не жалуется третье отделение царской

канцелярии, с их вооруженным корпусом жандармов, – возразил тот. Пряча лицо в поднятый воротник.

– Не жалуют те, кто не дружит с законом, или суется в политику, – возразил поручик. – Те, кому хочется притащить на нашу землю смуту революционную, разного разлива! А к полиции народ в основном относится терпимо. Даже если это касается тех случаев, когда по поводу коронации, объявляется амнистия политическим. И не важно, декабристы это, или участники польского восстания, никто не осложняет работу полицейским.

– Это спорный вопрос, – буркнул инженер. Растирая снегом замерзшие щеки.

– Ладно, Иван Иванович, спорить будем в другом месте. А, что касаето вашей демократии и всего того, что у вас сейчас твориться..., я тебе, Америка, так скажу... Думаю, пройдет какое – то время и все у вас с божьей помощью получится, встанет так сказать на свои места. Полицейские будут верны присяге, судьи чинить справедливый суд, ну, а такие как ваш Чарли, будут сидеть в тюрьме.

– Твои бы слова, Генерал, да Богу в уши! Я и сам себя этим тешу..., хочу верить в то, что приличные люди нашего общества, к которым принадлежат не только граждане, но и духовное руководство, поймут наконец всю опасность происходящего у нас в обществе. Положат конец издевательствам над законом и погонят поганой метлой, все это жулье и ворье, начиная от городских управ и заканчивая самим сена-

Все безобразия, о которых с болью говорил Джон, были отчасти известны Орлову. Единственное чего он не предполагал, что они приобрели у американцев, такие чудовищные размеры и формы. И, что эти язвы, касались всех Соединенных Штатов Америки. Где не только города, но и целые штаты этой бурлящей, огромной страны, еще явно не созревшей до конца, варились, словно в гигантском котле, приправленные чудовищными пороками.

Американцам нужно было выстрадать свое очищение, пройти через кровавые годы беспредела, прежде чем общество отчетливо осознало, что оно катится в пропасть. Только после этого придет прозрение и понимание того, что идеал свободы для всех, может легко оборачиваться опасностью для каждого. Придет время и, прикрываясь свободой экономической и политической, в жизнь каждого американца ворвется уродливая гримаса уголовного гангстеризма, который заставит ужаснуться всех американцев.

– Пусть офицер, даст своему Ивану хлебнуть виски, – проговорил товарищ Джона. – Лежащий рядом с инженером. – Заболеет ведь человек! Вон как озноб его бьет.

– Эх, Тони, – проговорил Джон. – Пусть хлебнет, я ведь уже предлагал. Только у него Генерал уж больно серьезный.

– Послушай меня, Джон... , я не генерал, а всего лишь поручик. Если будешь называть меня генералом, то я буду называть тебя Америкой. Идет?

– Значит договорились! – хохотнув, выпалил Джон.

– Ну хорошо, пусть инженер хлебнет, – кивнув, буркнул поручик. Пытаясь в темноте рассмотреть, молчаливого товарища Джона. – А Тони не из Англии родом? Говорю у него, какой – то лондонский.

– Так и есть! – хохотнув, воскликнул американец. – Из самого Лондона.

– И чего же твоему товарищу не сидится в Англии? Как же он оказался с тобой, в столь опасном путешествии? И как он себя поведет, если нам окажут сопротивление его соотечественники?

– Не переживай, Генерал, – отозвался англичанин, со вздохом. – Я не подведу, если стрельба начнется. А здесь я по приглашению моего друга Джона.

– Послушай, Америка! Он, что же, самый лучший охотник за головами во всей Англии?

– Да чего ты разозлился, Генерал? Он работает в уголовном розыске у себя, а точнее в его научном отделе, при Скотланд-Ярде. У моего босса, есть идея – поставить сыск на научную основу. Тони как раз и занимается у себя этим. Вот его и пригласили.

– Твой босс считает, что преступников можно ловить с помощью ученых? – искренне, удивился Орлов.

– Именно так! И я, например согласен с Пинкертоном, потому и пригласил Тони, поучаствовать в захвате этого Чарли. Вот увидишь, что будущее полиции всех стран, будет покоится, на фундаменте множества научных направлений! Тони, между прочим, до этого, служил в Индии, где и познакомился с теорией, поиска преступника по отпечаткам пальцев.

– Это что же, гадание на кофейной гуще? – усмехнувшись, уточнил поручик.

– У каждого человека, на пальцах есть свой узор линий, – проговорил англичанин, задумчегю. – Именно это и позволяет обнаруживать человека, который оставляет свои отпечатки пальцев на месте преступлений.

– И как же прикажите, ловить преступников? Будете перед арестом, у каждого пальчики рассматривать? У бандитов, вроде вашего Чарли и оружие имеется, и дружки головорезы, и плевать они хотели на вашу систему.

– Ну, вот захватим Чарли, офицер, тогда я вам и покажу, как работает этот метод. Пока скажу лишь, что мы уже давно, научились с помощью паров йода, закреплять отпечаток руки и пальцев. Именно это и позволяет сохранять, папиллярные линии рисунка. Еще не так давно, такие как вы, поднимали на смех тех, кто пытался обнаружить яды в теле убитых. А теперь мы уже знаем, как найти в теле свинец или сурьму, фосфор или ртуть, серу или мышьяк. Над трудягой Зертюнером, в свое время многие посмеивались, а он в сво-

ей аптеке выделил из опиума морфий, который теперь знает весь просвещенный мир.

Что же касается меня лично, то я далек от политики, если офицера волнует эта сторона, он может не волноваться на мой счет. Мое дело способствовать сыску, так что пусть вас не коробит мое происхождение, да и дело – то у нас общее. Мы ловим разбойников, а вы нарушителей своих рубежей и давайте отложим до лучших времен, все наши симпатии или предрассудки.

– Хорошая мысль! – с яростью, прошипел Орлов. – Только как можно забыть про то, любезный, что еще вчера, на этой земле, английский офицер Артур Каноли, командовал нападением на наш форт? В ультимативной форме, требовал выдать ему нашего подданного! И это замете на нашей земле происходило, только вчера.

– Я не одобряю эту политику и эти нападки, – покачав головой, проговорил Тони. – Если вас конечно, интересует мое мнение. Здесь я на вашей стороне и я рад, что вами не выдан ваш подданный, а туземцев постиг такой бесславный конец.

– В Русской Америке, как и на Дону-батюшке, выдачи нет! – пьяно, выкрикнул инженер.

– Э, э, Иван Иванович, – взорвался поручик, отбирая бутылку. – Хватит пить! Еще неизвестно, как там на воде все обернется. А, что касается моего отношения к полицейскому Томи – лично я, не имею претензий к вам. У меня есть пре-

тензии к вашим соотечественникам, которым надобно вести себя скромнее, чай не в Англии.

– Вы сами виноваты во многом, – буркнул в ответ англичанин.

– Чем же это мы, перед вами провинились? – выдохнул с негодованием Орлов. Сделав несколько крупных глотков из бутылки.

– Вы слишком дерзко..., впрочем, как и мы, появились на политическом горизонте, – хохотнув, пробормотал Джон. – Они увидели такую бородатую глыбу и ужаснулись! Как впрочем и вся Европа, которая была потрясена вашими походами, победами и прочими свершениями. Не злись, Генерал, чего вы еще хотели ожидать от них? Они же видели, какие вы сильные армии разоряли, да территории захватывали! И вообще..., давайте прекратим все споры, а то всех бандитов распугаем.

– Ничего мы не завоевывали, – со злостью, буркнул поручик. – Мы в штыковую шли, потому что империя задыхалась. Империи нужны были выходы к морям и океанам.

* * *

Для Орлова, как участника Крымской компании, как простого русского патриота, жившего в государстве Российском, все сказанное было далеко не пустым звуком. Горечь и череда неудач в Крымской компании, заставила изменить ат-

мосферу во всем российском обществе. Трагедия и разочарование под Севастополем, ударила не только по престижу империи – она значительно приумножила сторонников перемен. Произошла отмена крепостного права, после чего последовали другие преобразования в империи. Одной из которых, стало создание органов местного самоуправления – появились земства. Была проведена судебная реформа, на основе новых судебных уставов, начались преобразования и в военной сфере, где изменился порядок пополнения армии. И вместо рекрутских наборов, которые существовали со времен Петра, вводилась всеобщая воинская повинность. Хоть и со скрипом, но шло перевооружение армии и флота, где вместо гладкоствольного оружия вводилось нарезное, а чугунные и бронзовые орудия, заменялись стальными. Реформы пошли и в образовании, и в печати, и в культуре.

Прошло еще около двух часов, томительного ожидания. Прежде чем Бен, наблюдавший за океаном, заметил как среди темноты, из которой выкатывались величаво волны, появилась светящаяся точка. Которая, то появлялась, то пропадала, среди вспененных гребней волн.

– А вот и наши гости пожаловали, – прогудел он басом.

– Тогда командуй, Генерал, – проговорил Джон. – Земля ваша, право на досмотр имеешь.

– Ходко, однако, идут, – пробормотал урядник, всматриваясь в темноту. – Даже промеров с носу лодки не делают!

Я так смекаю, что дорожку – то, они туточки давно протоптали.

– Правильно смекаешь, казак, – кивнув, отозвался Орлов. Всматриваясь в приближающийся свет керосиновой лампы. – Не впервой видать, они тут межу нарушают. Интересно сколько их в лодке сидит, а сколько на борту судна осталось.

– А чего тут гадать, – буркнул Джон. – Захватим кораблик, тогда и посчитаем.

– Может, попробуем с ними договориться? – озадаченно, пробормотал англичанин. – Я готов сходить попробовать.

– Ну, уж нет, мистер! – возразил Орлов. – Пусть все идет по плану! Нам корабль отбить надобно с первой попытки... , второго шанса нам никто не даст, только фактор внезапности потеряем. Да и веселее будет торговаться с ними, когда шхуна нашей будет. Верно, я говорю, Джон?

– Согласен с Генералом, – кивнув, пробормотал тот. – Черт его знает, как они себя поведут! Терять – то им не чего.

Не прошло и получаса как лодка, шурша галькой, уткнулась в берег. С нее быстро спрыгнуло до двух десятков матросов. Взвалив на плечи, какие – то мешки, они в сдержанном молчании, направились колонной в сторону леса, оставив у лодки лишь одного часового.

– Таскают товары для обмена, как у себя дома, – скрипнув зубами, процедил поручик. – Значиться так, господа! Мы сейчас идем на приступ судна, случиться там могут конфузы самые разные, поэтому ежили, кого сомнения гложут или

страх чрезмерный... , лучше вернитесь в форт. Мы находимся на русской земле, где супротив нас, войну ведут самую настоящую, потому и живем мы, по законам воинских артиклей. Кто на захват пойдет, а потом помехи чинить будет, того лично в лицо застрелю! Я всех предупреждаю!

– Мы же даже не знаем, сколько их осталось на борту, – тихо, пробурчал англичанин.

– Я, все сказал! – отрезал Орлов. С прищуром глядя на полицейского.

– Да, ладно тебе, Генерал, – разведя руками, проговорил американец. – Нам эта посуда не меньше твоего нужна. Просто Тони, как и всем нам, не хочется зазря получить шальную пулю и умереть в прибойной волне.

– Я потому и предлагаю, кого сомнения гложут, вернуться в форт! Для всех остальных напоминаю, что как только нарушители углубятся в лес, держа путь к индейским вигвамам, я с урядником собью их часового. Пушай нам через сказку допросную, обскажет сколько их на берег сошло, а сколько на борту осталось. Степанов!

– Я, ваше благородие.

– Ну, что за один бросок, одолеем расстояние до лодки?

– Дозвольте мне одному, управиться по стариковски, – отозвался тот. Закидывая за спину винтовку. – Негоже вам как под Севастополем, сызнава в поиск ходить.

– Хорошо, управляйся сам. Дождись только пока все в лес зайдут.

– А вы уверены, офицер, что ваш человек справиться? – усомнился англичанин. Глядя в след казаку.

– Урядник в войну, не штаны протирал в тылу, – возразил поручик. – На переднем крае ее принимал. . . , да и в поиск не раз хаживал, говорунов вражеских, через позиции таскал.

– Мы же и так знаем, что это английская шхуна "Мария", наш человек рассказал, что из-за каменных банок и мелей, здесь мало кто появляется, только эта шхуна.

– Хорошие у вас осведомители, Тони, – отозвался поручик. Пытаясь в бинокль разглядеть, что происходит на берегу. – Живете, черт знает где, а все – то вы знаете.

– Работа у всех нас такая, – пробурчал американец. Пряча бутылку в карман пальто. – Мы же, как мыши полевые, должны в любом месте, уметь выжить и работать. Сам босс нам такой пример показывает, за это нас, те же железнодорожные компании ценят и уважают.

– Это почему?

– Потому что они находятся, постоянно под угрозой ограбления и как не крути, а мы единственная сила, на которую они могут полагаться.

– Не бойтесь, что доносчики могут обмануть? – буркнув, уточнил Орлов.

– Услугами лиц из преступного мира, мы не пользуемся, – проговорил Джон. Отряхивая от снега одежду. – Работаем только с хорошо проверенными людьми. Ну, а если надо – то и сами частенько, в сотнях обличей проникаем в логова

бандитов.

Обезвреженный Степановым часовой, оказался совершенно пьяным. Все, что смогли от него добиться поручик с Джоном при допросе, что якорь у берега отдала английская шхуна "Марии" и что его товарищи вернуться из деревни, лишь к утру. Сколько же человек осталось на борту судна, пленник не знал.

– Ну, что, господа, – проговорил поручик. Натягивая фуражку на голову. – Давайте уже швартовые отдавать!

– Дай, Господи, мне душевное спокойствие, чтобы встретить спокойно, все наши ночные мытарства, – бормотал Степанов, усердно крестясь.

– Что, казак..., морской болезни забоялся опять? – нервно хохотнув, уточнил инженер.

– Да уж! Не могу я никак, на воде проклятой спокойствие иметь, – отозвался тот. Затравленно, глядя на волны. – Всю душу наизнанку качка выворачивает. По тверди меня Всевышний сподобил ходить, а не в качестве поплавок на волнах болтаться.

Бросив на камнях за ненадобностью пьяного матроса, они спешно заняли места в лодке и дружно налегли на весла, растворяясь в сумраке ночи. Держа курс на скрип карабельных мачт, да едва заметный, темный силуэт шхуны, качающийся на волнах с одного борта на другой, без единого сигнального огня. Подплыв к одной из якорных цепей, они с трудом поднялись по скользкому и холодному металлу на палубу, опа-

саясь быть обнаруженными раньше времени.

– Вот ведь наглецы, – сплюнув, пробурчал Орлов. Вслушиваясь в скрип мачт да тяжелое дыхание океана. – Так уверены в своей безнаказанности, что даже караул не держат. Давай, Америка, с англичанином, по левому борту всю палубу проверь, а ты, Степанов, с испанцами по правому. Ну, а я с инженером в трюм спущусь. Выполнять! А ты это чего, Иван Иванович, лицо – то так морщишь? Захмелел что ли от виски американских?

– Да нет..., укачало видать, – отозвался тот, хриплым голосом.

– Вижу я, из-за чего тебя укачало! Следуй за мной и не отставай, а то еще не ровен час за борт свалишься! Что я тогда Максутову скажу? Да и на Неве тебе доклад держать надобно, так что будь всегда у меня за спиной, для верности.

Осторожно ступая по обледеневшей палубе, держась за корабельные постройки, они добрались до двери и стали в кромешной темноте спускаться по трапу в низ. Зажженная Орловом спичка, выхватила из темноты контуры грязного коридора, с обшарпанными деревянными переборками. В спертом воздухе тесного коридора, буквально висел тяжелый запах табака, человеческого пота, сырости и жареного кофе. От этого адского коктейля, к горлу мгновенно подступил рвотный комок.

– Как они здесь могут жить? – вымученно, прошептал инженер.

– Каждому свое в этой жизни отмерено, – тихо отозвался поручик. Прислушиваясь к стуку своего сердца. – Сейчас и посмотрим, кто здесь и как живет. Идем!

Медленно они обходили кубрик за кубриком, в поисках оставшихся моряков, но все они были пусты. Лишь качающиеся гамаки с не хитрыми личными вещами свидетельствовали о том, что еще недавно, здесь всюду теплилась жизнь.

– Что же они, всей судовой командой на берег сошли? – пробормотал, озадаченно Орлов. Тяжело дыша спертым воздухом.

– Вон за той перегородкой, вроде кто – то говорит, – шепнул Неплюев. Обливаясь крупными каплями пота.

Прислушавшись, поручик наконец едва различил чью – то речь, приглушенную толстой стенкой.

– В карты кажись, они играют..., на интерес..., идем там видимо котельное отделение.

Выбив пинком двери, Орлов ворвался в котельную, держа револьверы наготове и щурясь от света керосиновой лампы, истошно закричал:

– Именем Российской империи! А ну, все руки на бочку! И чтобы без глупостей!

Сидевшие у бочки двое не молодых моряков, в потных тельняшках, были настолько ошеломлены, этим поздним визитом неизвестных, что поручику пришлось повторить команду. Лишь после этого, кочегары с черными от угля и пы-

ли лицами, как по команде бросили карты и положили руки на дно бочки, которая заменяла им стол.

– Вы кочегары? – проговорил Орлов. Заглянув в угольный бункер.

– Верно! Мы, мы, кочегары! – выпалил один из матросов. – Я Бен, а это Филип.

– Где капитан и шкипер? Отвечать быстро!

– Так ведь на берег все сошли, а нас оставили пары держать.

– Зачем пришли к нашему берегу и стали на якоря ночью? За какой надобностью, экипаж сошел на берег, да еще под покровом ночи? Почему судно держит маскировку, стоя в наших водах, без сигнальных огней на мачтах? Отвечать быстро! А не то головы продырявлю! – ревел поручик. Не давая пленникам опомниться.

– Мы только знаем, что команда, произведет какую – то мену и заберет от аборигенов, каких – то людей, чтобы доставить их до Англии! – зачистил испуганно Бен. С ужасом глядя на дрожащие стволы револьверов. – Пощадите! Мы маленькие люди!

– Хорошо, маленькие люди, – процедил, сквозь зубы офицер. – Будите вести себя смирно и с вами ничего не случится. Это вам гарантирует поручик Орлов!

– Так вы, сэр, пограничный воевода? – с ужасом, пробормотал Филип.

– Считай, что так и есть. – Потому хочу я глянуть, на ам-

барные книги вашего капитана, на его судовой журнал, на карты с проложенными маршрутами.

– Мы и не знали, что русские здесь пограничный залом поставили, – с ужасом, проговорил Бен.

– Значит вы со своим капитаном, крепко сели на мель! – отрезал Орлов. – Веди меня в каюту капитана, а товарищ твой пусть за парами присмотрит. Держи, Иван Иванович, револьвер и если, что – то не так этот Филип сделает, пристрели его как собаку! Я скоро вернусь.

Кочегар, держа над головой большую сальную свечу, проводил незваного гостя в каюту капитана. Усадив пленника на пол, Орлов окинул взглядом тесное помещение с многочисленными полками, которые были забиты разными мешками, рулонами мануфактуры, ящиками и какими – то коробками.

– Черт знает что! – буркнул он. Осматривая содержимое полок. – Не капитанская каюта, а лавка какая – то. Ему что места в трюме не хватает?

– Не знаю, господин офицер, – затравленно, пробормотал кочегар. Вжав голову в плечи.

– Как зовут твоего капитана? – уточнил Орлов. Отодвигая с карты, лежащей на столе линейку с циркулем.

– Бернс! Александр Бернс! – испуганно, выпалил пленник.

– И как часто вы приходите сюда?

– Я, я, точно не знаю! – прошептал пленник, испуганно. – Я первый раз нанялся на эту шхуну.

– Хорошо, Бен, я тебе верю. Но только запомни, ежели ты мне врать удумаешь, или время тянуть, то я ведь ждать офицера сыскными делами ведающего не буду. Никто кроме меня, опросы снимать не будет. Ежели заартачишься – то я просто вот этой шашкой, голову тебе разобью и прикажу за борт бросить, за ненадобностью. Ты меня хорошо понял?

– Да, сэр! – воскликнул тот испуганно. – У капитана Бернса два экипажа, – один основной, а другой подменный. Еще я слышал, что наша шхуна частенько отдает якорь у здешних берегов.

– Для меня с племенами первостепенными?

– Да, да! Все верно! Соль, порох, винтовки, виски, местные жители очень ценят наши товары.

– Молодец, Бен! – улыбнувшись, проговорил Орлов. Глядя на затравленного кочегара. – А не знаешь случаем, что это у капитана на карте, за цифирь на полях означает?

– Я не знаю! Богом клянусь! – зашептал матрос, с ужасом. – Что пишет капитан нам не ведомо!

– Не бойся, Бен, я верю тебе. А, что капитан сказывал, о времени возвращения судовой команды?

– До наступления рассвета, мы должны покинуть эти воды.

– Умно, однако! А я вот читаю карту, вашего капитана и вижу, что вы к нам из Китайского моря пожаловали. А там чем же промышляли?

– Господин, офицер, не знаю! Отпустите меня! Мы ведь

кроме котельного помещения, ничего не видим, наша задача пары держать, да за углем в бункере следить, чтобы ни загорелся! А, что капитан делает нам неизвестно, об этом мы частенько узнаем от кока на камбузе.

В этот момент входная дверь со скрипом отворилась, и в каюту зашел Джон, который недобро посмотрел на кочегара и тихо произнес:

– Кажется я знаю, что в Китайском море они поделывали, всей своей судовой командой! У них в трюме полно шкур, табака, какао, а есть и кандалы для пленников к борту прикрученные. Им на флагштоке, Генерал, только флага с "Веселым Роджером" не хватает! Верно, матрос?

– Ты, думаешь...?

– А чего тут думать, – перебил американец, изучая карту. – Все правильно! Точками на карте видимо, обозначены места их нападений на торговые корабли. Верно, я говорю, матрос? А ну встать!

– Я, я, просто кочегар нанятый! – с ужасом выпалил тот. Вжав голову в плечи.

– Ты, простачком не прикидывайся! За такое поведение, русский воевода тебя в Англию не отправит для суда, тебя с дружками не повесят в Лондоне, в том самом знаменитом доке на берегу Темзы. Всю вашу банду вздернут здесь, на первом подходящем суку!

– Что скажешь, рыцарь абордажного топора? – сурово, проговорил поручик. Устало сядься за стол.

Перепуганное лицо кочегара, еще больше исказил страх, он словно задыхаясь от спертого воздуха в каюте, рванув трясущимися руками нашейный платок и выпалил, упав на колени:

– Не убивайте! Мы не корсары! Мы "каперы", а не разбойники!

– Вот оно что, – недобро проговорил, американец. Бросая шляпу на стол. – Морские партизаны значит? Охотитесь, значит с разрешения властей? А у берегов русских на кого охотитесь, можно полюбопытствовать?

– Говорю же, для меня тут якорь отдали, – бормотал, затравленно кочегар. Трясаясь всем телом, – Не губите, прошу вас! У меня в Англии, деточки... Кто их кормить будет? А капитан Бернс произведет мену, заберет попутчиков и мы уже к рассвету, покинем эти воды. Клянусь, капитан именно так и говорил!

Позвав товарища стоявшего за дверями, Джон приказал запереть пленников в котельной и не спускать с них глаз. Затем подошел к столу, и сев напротив Орлова, устало проговорил:

– Кажется, Генерал, я втянул тебя в скверную историю..., тебя и твоих людей, извини... Даже не знаю, как и выбирать-ся теперь из этого дерьма! Никто и предположить не мог, что капитан со шкипером на берег двинут.

– Выбора у нас, никакого не было, – со вздохом, отозвался Орлов, – так что не извиняйся. Вам бандиты нужны были,

а нам кораблик, чтобы до столицы добраться. Так что у меня претензий нет, давай лучше думать, как из конфуза этого выходить с потерями наименьшими. Все, что мы сумеем сделать, с помощью кочегаров, да испанцев, так это пары поднять и якорь выбрать. Уверен, что никто из них капитана со шкипером не заменит!

– Все верно, Генерал, – тяжело вздохнув, проговорил американец. – Форватера мы не знаем, посудиною управлять не умеем и как теперь капитана на борт заманить не ясно. Положение хуже не куда!

В этот момент двери с шумом распахнулись, и на пороге появился запыхавшийся Степанов, который доложил, что осмотр шхуны закончен. И, что он лично заколол ножом одного матроса, напавшего на него. Затем поправил шапку на голове и уже тихо произнес:

– Там это..., одним словом, наш инженер, напился, кажись.

– Как это напился? – скрипнув зубами, выдавил Орлов. – А кто же ему дал?

– Не могу знать, ваше благородие, – пожав плечами, пробормотал урядник. – Заперся в одном из кубриков с бутылкой и не открывает, паршивец.

Внезапно до них донеслось пьяное пение Неплюева, который с каким – то надрывом, хрипло тянул:

"Какое барина различье с мужиком?"

И тот и тот земли единый ком.

И коли не острей ум барский мужикова,
Так я различия не вижу никакого..."

– Может двери взломать? – сокрушенно вздохнув, предложил казак.

– Черт с ним, пусть поет, – стиснув зубы, выдавил поручик. Махнув с досадой рукой. – Проследи, голубчик, чтобы он на палубу не выполз, а то соскользнет еще за борт.

Дождавшись когда за казаком закроется дверь, Джон тяжело вздохнул и, уставившись на карту капитана пробормотал:

– Что же нам делать? И шхуну взяли, а проку никакого. Управлять ею не можем, до бандита Чарли не дотянуться. И как ни крути, выходит на то, что оборону держать придется. А как ее держать при такой качке? Волна и прицелится толком не даст.

– Нам терять теперь нечего, – отозвался Орлов. Вытирая рукавом капли пота на лице. – Давай рассуждать, что нам делать надобно, для того, чтобы и шхуну отстоять, и капитана со шкипером на борт заманить.

– И Чарли! – уточнил Джон, погрозив пальцем.

– И Чарли, – кивнул, согласился поручик. – Вот и давай думать, что мы им такого предложить можем, от чего они отказаться не смогут. Все-таки как не крути, а шхуна – то теперь наша, и добра на ней, как ты говоришь, мерить не перемеришь.

– И что это нам дает?

– Ну..., в крайнем случае, мы их припугнуть можем..., что мол взорвем ее например.

– А, что! Это хорошая мысль!

– Вот и я говорю! Шлюпку мы у них забрали, кораблик отняли и если плохо себя вести будут, то взорвем его к чертовой матери. И придется им тогда, до своей Англии, на перекладных добираться, а удовольствие ведь это может не на один год растянуться. Так что погоди, Америка, нас хоронить! Сдается мне, что не все наши карты биты.

– Вот не зря я тебя Генералом прозвал! – оживился американец, потирая руки. – С лодкой – то им их друзья туземцы помогут, они на своих каноэ шустро по воде бегают, а вот шхуна у них действительно одна. И товару здесь в трюме, навалено под самую палубу – это верно.

– Вот мы и предложим им, выдать нам твоего Чарли и доставить нас до нашей столицы.

– А мы им взамен гарантируем свободу! И возврат судна!

– Верно, мыслишь, Америка, – проговорил Орлов, покачивая головой.

– А если на abordаж двинут, да еще с разных сторон? Им – то тоже терять нечего! Или пуля в бою, или петля в порту, а выживут так весь товар их опять!

Внезапно откуда-то сверху до них донесся топот ног и глухие крики. Выхватив оружие, поручик с американцем бросились по коридору к трапу, ведущему на палубу.

– Что случилось, урядник? – крикнул Орлов. Держа ору-

жие наготове. – Неужто матросы, на приступ пошли так скоро?

– Да нет, ваше благородие, на берегу все тихо! Тут кто – то на мачте лампу зажег, – отозвался тот, озираясь по сторонам. – Сигнал на берег, наверное, подан!

– Как лампу? – остолбенев от неожиданности, выпалил поручик. Бросив тревожный взгляд на мачты.

На самом верху грот – мачты, на фоне черного неба, действительно предательски мерцал огонек.

– Значит, кто – то на борту еще есть! – перекосившись от ярости, закричал американец.

– Лампу быстро сбить! – выпалил Орлов, с остервенением. Почувствовав как заныло сердце. – Корабль весь перевернуть! Кто в карауле был? Может кочегары, конфуз нам подложить удумали?

– Запертые они, в котельной своей, – отозвался урядник. Придерживая веревочную лестницу, по которой один из испанцев стал проворно подниматься на мачту. – А в карауле Санчес их стоял – зарезал его злодей ножом, в горло прямо. Только сейчас нашли, вон у борта лежит.

– Джон!

– Я все понял, Генерал! – с ненавистью, крикнул американец. – За мной, Тони!

– Как же мы, урядник, так осрамиться могли? – глядя наверх, проговорил офицер. – Кто же это мог сделать?

– Моя туточки вина наверное, – поморщившись, прогово-

рил казак. – Помните я про матроса докладал, который на меня кинулся и которого я ножом ударил?

– Ну и, что?

– Видать рука у меня дрогнула в последний момент, или из-за волны качнуло... , одним словом, видать в потемках попал в пуговицу или пряжку. Нет его тела за палубными постройками теперь. Ничего, ваше благородие, не сумлевайтесь, сейчас лампу притушим и поисками озадачимся, никуда он не денется.

– Он – то не денется, – с досадой, проговорил Орлов. Всматриваясь в темный силуэт берега. – Только сдается мне, что дело свое подлое, он уже сделал. Слышишь, в барабан ударили? Наблюдатели тревогу уже сыграли в деревне у индейцев, а это значит, что гостей ждать не к утру надобно. Это значит, что они значительно раньше к нам пожалуют.

– Как же оборону держать будем, ежели не видать ничего? – затравлено, прошептал казак. – Ведь одно дело на земле драться и совсем другое, когда вся эта хреновина качается!

– Не робей, урядник, – зловеще, проговорил поручик. – У нас есть динамит, что мы у бандитов отбили! Им ведь по воде подходить придется, да еще и на борт подняться надобно, да и шхуну беречь будут – это ведь их единственная возможность, домой вернуться. Так, что пусть попробуют еще с нами совладать!

– Удивляюсь я всегда вам русским, – проговорил Пако, спрыгивая на палубу. – Вы всегда деретесь, господин офи-

цер, даже если противник многократно сильнее вас.

– Это ты, верно, подметил, – отозвался Орлов. С ожесточением натягивая перчатки. – Именно поэтому мы и били всегда своих врагов! А я лично до англичан уж больно не равнодушен, обозлен ими до невозможности.

– Скажите лучше, господин офицер, кто их в мире любит?

– Ну, у нас – то к ним нелюбовь давняя! Хотя мы им дружбу давно предлагали, еще со времен Ивана Грозного, когда они нас для себя открыли. Пути они тогда прокладывали посуху, к своей Индии. Еще с тех времен, их сенат одурманенный мыслью, о мировом господстве, пожелал сделать из нашей Московии, что – то вроде второй Ост – Индийской компании. Только не вышло у них ничего, вот с тех пор супротив нас злодейства они и чинят.

– Их можно понять, господин офицер, – проговорил испанец. Глядя с тревогой, в сторону берега. – Наши предки тоже, когда открыли для себя Россию, как Колумб Америку, опьянели как от вина доброго!

– Чего же это они опьянели? – усмехнувшись, уточнил поручик.

– Ну, а как не опьянеть? Все такое огромное, бородатое, с норовом суровым, во многом не понятным.

– Империя наша, непобедима народом нашим, Пако..., духом православным, который выковывает при надобности, из наших людей героев былинных. Запомни это, Пако! И последняя компания показала все это. Даже во времена древ-

ней Греции, не было столько героев, сколько их было в Крымскую компанию. Ладно, хватит разговоры разговаривать, ставь караульного к борту, казак, и все на поиски злодея! А я внизу гранаты вязать буду.

Спустившись по трапу вниз, Орлов подошел к двери, из-за которой доносилось пьяное пение инженера. В это момент Неплюев, словно почувствовав чье – то присутствие, заголозил еще громче, простуженным голосом:

– ...Она давно прошла и нет, уже тех глаз
И той улыбки нет, что молча, выражали
То тень любви, то и тень печали...

Поручик, покачав головой, постучал кулаком в двери и не громко спросил:

– Может, запустишь, Иван Иванович?

Пьяное пение оборвалось, за дверью повисла тишина, затем через несколько секунд, Орлов услышал сдавленный шепот за дверью:

– Что, Константин Петрович, подохнем мы все здесь, на этом корыте? Да?

– Ну, что ты такое говоришь, инженер? Как тебе не совестно? Открой двери!

– Нет, – буркнул тот, шмыгая носом. – Я сразу все понял, как только узнал, что капитан вместе с судовой командой, на берег сошел... Сразу смекнул, что погибель мы тут найдем!

– Открой двери и не сходи с ума! Совсем ты смотрю в

разнос пошел, как старая паровая машина.

– Я открою, а ты, Константин Петрович, у меня бутылку отберешь! Знаю я тебя! Лучше уж я смерть в беспамятстве встречу.

– Ну и черт с тобой! Без тебя нам спокойнее будет, англичанам отпор дать! Думаешь, я не понимаю, чего ты пьешь? Ты уже всеми мыслями в Петербурге, а тут одно препятствие за другим! Об одном прошу – пей только на палубу не выползай, а то смочет за борт. Ну, а как проспиться, тогда и поговорим.

С этими словами Орлов развернулся и, придерживаясь руками за стены качающегося коридора, направился в каюту капитана. Где достав из ранца, оставшиеся куски динамита, стал готовить гранаты, отодвинув в сторону карту капитана Бернса. Готовясь, может быть к своему последнему бою, он с остервенением вязал запальные фитили. Вспоминая как когда – то сам Корнилов, объезжая войска, кричал: "Нужно умирать ребята! Умрете?". И все защитники дружно, в едином порыве кричали как один: "Умрем, ваше превосходительство, ура-а-а!".

– Нет, – проговорил поручик. С яростью прикручивая очередной запальный фитиль. – Нас так просто не возьмешь! С таким народом как наш, держава Российская стояла и стоять будет! Нас так просто не возьмешь на испуг! Пока рубежи империи, будут защищать такие как Ванька-безухий, нас не победить. Мы в последнюю компанию сражались на два

фронта, в крови захлебывались, но ничего сдюжили!

– С кем это ты разговариваешь, Константин Петрович? – раздался за спиной, голос инженера.

Орлов медленно обернулся, с укором посмотрел на Неплюева и спросил:

– Очухался, что ли? Войну я вспоминаю, как на Кавказе с турками бились, как на Балканах супротив всей Европы сражались. Тогда ведь так тяжело было, что для предотвращения захода кораблей неприятельских в Севастопольскую бухту, затопили часть кораблей Черноморского флота. Все мы делали для победы честно, от солдата с матросом до адмиралов Корнилова и Нахимова. Мы всегда отчаянно дрались, Иван Иванович, показывая силу и мощь русского оружия, силу и мощь духа нашего солдата и никогда мы не смотрели на превосходство противника. Любого противника, Иван Иванович! Так было всегда и так будет!

Инженер, покачиваясь, прошел мимо Орлова и грузно сев к столу проговорил:

– Вся Европа трепещет от нашей империи. А все почему? Стремимся поработить мы всю Европу..., все это видят, вот и объединяются супротив нас! Они же просто в ужасе от нас!

– Ну и черт с ними! Пусть трепещут! Уважать больше будут! – отрезал поручик. – Вон наш князь Горчаков заявил, что мы выходим из Парижского договора о Черноморском флоте и фортификациях по берегам и правильно все сделано. Твоя Европа думала, что мы вот так просто молча, про-

глотим этот позорный мирный договор? Они думали, что навсегда решили восточный вопрос в свою пользу? А вот это они видали?

Инженер посмотрел на фигуру из трех пальцев и, усмехнувшись, пьяно проговорил:

– Я же не против, Константин Петрович! Мне точно так же наплевать, на всю их истерию насчет коварства русских. А, что Горчаков им не нравится – так он для меня честнейший человек.

– Вот именно! Александр Михайлович через это и уважение в мире имеет, и связи среди многих политиков. И плевали мы на тех, кому не нравится роль Российской империи в мире. У нас тоже есть свои интересы, кои мы отстаивали, и отстаивать будем впредь. Погоди, а ты чего пришел – то? Ты же вроде как помирать собирался!

– Да, я это..., неправ я наверное был..., ну насчет того, что про смерть нашу ляпнул. Да, уж больно на душе скверно у меня..., одним словом не обращай внимания, Константин Петрович. И ежели помощь, нужна какая-то можешь на меня рассчитывать.

– Ну, вот и хорошо. Иди, отдохни, Иван Иванович, а то скоро уже нас на прочность проверять начнут, иди.

Не прошло и получаса после ухода инженера, как в каюту капитана ввалились американец с урядником, держа за руки упирающегося матроса, с разбитым лицом, в черном пальто.

– Вот, ваше благородие! За мешками с какавой, схоронил-

ся гад! – выпалил казак. – Это про него я гутарил.

– Зачем же вы его так крепко отделали? – проговорил поручик. Глядя на разбитое лицо пленника, средних лет. – Он же едва на ногах стоит!

– Так то не мы, – усмехнувшись, проговорил Джон, – это испанцы его забить хотели, за Санчеса зарезанного.

– Это Америка правду говорит, едва отняли, – подтвердил казак. – Это он на меня напал, его я ножом не достал у борта.

– Ну и кто ты таков, мил человек? – медленно, проговорил Орлов. Скрестив руки на груди.

Пленник поднял качающуюся голову и с ненавистью выдал, едва шевеля разбитыми губами:

– Я простой матрос и состою в судовой команде капитана Бернса.

– Посмотри внимательно, офицер, на этого простого моряка! – крикнул из коридора Тони. – У него под одежкой, железо одето! Поэтому твой казак его и не достал кинжалом.

Орлов медленно подошел к пленнику, рванул ворот пальто и, покачав головой, проговорил:

– А ты молодец, Тони! У него и впрямь байдана кольчатая надета! Стяните с него одежонку, да глянем мы, что за вещицу дорогую, простой матрос носит.

Уже через несколько минут, с сопротивляющегося пленника, сняли пальто с камзолом. И взору присутствующих, предстал пленник в великолепной противопульной защите.

– И от пули защита и от ножа, – проговорил Орлов. Внимательно глядя на пленника. – Дороговатая защита для простого матроса! Что скажешь?

Пленник зло сплюнул кровь на пол, посмотрел заплывшими глазами на офицера и выдавил:

– А кто ты такой, чтобы я с тобою разговаривал?

– По-доброму не хочешь, значит? – скрипнув зубами, уточнил поручик. – Тащите его в трюм и допросите, как следует! Смотрю я под личиной простого матроса, кто – то другой скрывается. И ты иди, Иван Иванович, потом договорим.

– Это мы в раз сделаем! – воскликнул американец. Вытаскивая в коридор упирающегося англичанина. – Заодно и кочегарам для опознания предъявим!

– А ежели заупрямиться или дерзить начнет? – уточнил казак. Едва поспевая за Джоном.

– Тогда пристрелите его просто и бросьте за борт! – крикнул в след Орлов.

Тони молча наблюдавший за всем происходящим, посторонился пропуская пойманного соотечественника, которого заломив руки, тащили по коридору. Лишь после этого зашел в каюту капитана, плотно закрыв за собой двери.

– Не помешаю?

Орлов внимательно посмотрел на уставшее лицо англичанина, его щегольские усы, густые бакенбарды, которые никак не шли к грязному пальто, с таким же грязным нашейным платком и тихо проговорил:

– Садись, Тони, что – то сказать хочешь?

– Бомбы смотрю, делаешь, офицер? Думаешь с их помощью абордаж пережить?

– Ежели Господь поспособствует, то и переживем. Спросить чего – то хочешь?

– Что офицер хочет с пленными матросами делать?

– Судьбой соотечественников озадачиваешься? – спросил Орлов. Набивая самокрутку табаком, взятым из коробки капитана Бернса.

– Это естественное любопытство, – пожав плечами, проговорил англичанин. – Зачем лить кровь зря?

– Зазря говоришь? Твой единоведец только что зарезал нашего часового, подал фонарем с мачты на берег сигнал тревоги и уже очень скоро, нам предстоит принять тяжелый бой. И знаешь, Тони, ежели честно – то я не знаю, устоим мы или нет. Идет война, а на войне сам знаешь – надобно выжить. И тут не до сантиментов, да и судовая команда твоих соотечественников – это не кисельные барышни. Не я англичанин, с казачками под покровом ночи, на берег Темзы выползаю, а совсем наоборот – это английские моряки, злодейства чинят у берегов Русской Америки. Взгляни на карту капитана и поймешь, откуда в трюме шхуны все это добро взялось.

– Хочешь сказать, офицер, что моряки на этой шхуне пиратствуют? Джон сказал, что они обыкновенные партизаны.

– А я говорю, что они обыкновенные пираты!

– Даже если это и так, то сам знаешь, разбойники всегда были, во все времена и во всех морях. Среди них, между прочим, и дворян хватало!

– Дворянам – то зачем партизанить?

– Разные могут быть причины, – пожал плечами, буркнул Тони. Нервно теребя в руках, не большую полевую сумку с бумагами. – Из-за преследования по политическим, или религиозным соображениям, например.

– Может ты конечно и прав, – со вздохом, проговорил Орлов. – Только, что это меняет? Что с того, что ваш знаменитый пират Генри имел диплом юриста, который он получил после окончания Оксфорда, или Бельвиль которая была баронессой? Или ты намекаешь, что капитан этой шхуны может оказаться джентльменом?

– Но ведь можно попробовать договориться! И потом среди партизан могут быть не только англичане, но и французы или португальцы с голландцами.

– Все это для меня не новость, – отозвался поручик. Щурясь от табачного дыма. – В прошлом году, у берегов нашей столицы, была арестована бригантина разбойников. А на ее борту были и шведы с ирландцами. Кто кстати ваш бандит Чарли по происхождению?

– Он ирландец, выходец из Новой Англии, связи имеет как с бандитами на суше, так и с корсарами на воде. Он всеяден и жаден до доброй наживы. . . , его интересует не только золото, но и дорогие товары. Именно поэтому он и исполь-

зует, возможности флота партизан ее Величества, впрочем, как и возможности железнодорожных компаний.

– Он, что же и акции у них скушает?

– С помощью одних он ускользает от погони, у других он покупает динамит, для того чтобы вскрывать вагоны с почтой.

– Теперь понятно, почему ему так долго удастся не попасться в руки правосудия, как впрочем и то, почему он водит дружбу с такими как Бернс.

– Конечно, ему проще договориться с партизанами, чем с моряками на торговых или военных судах. У партизан жизнь вольная, вот он с ними дружбу и водит.

– Да уж, чего, а вольности у корсаров хватает, – кивнув, проговорил Орлов. – Все должности выборные, все решения принимают на сходке большинством голосов. Только вот, что я хочу сказать тебе, Тони... Прежде чем озадачиваться о судьбах своих единоверцев, посмотри внимательно на карту и тогда ты все поймешь, а самое главное решишь, стоит ли заступаться за капитана Бернса и его команду.

– Сожалею, офицер, но я не изучал новигатских наук и ничего в этом не понимаю. Но я готов внимательно послушать, что там написано.

– На карте написано, что от этой шхуны страдали в основном не китайские или арабские купцы!

– Кто же тогда?

– Они захватывали корабли и ост – индийских компаний!

Да, да! Чего так смотришь на меня? Изволь убедиться сам, а коль мне не веришь, то можешь пригласить Джона. Они разорвали корабли своих соотечественников! Твоих единоверцев, Тони.

В каюте повисло напряженное молчание, Орлов видел, что сказанное повергло англичанина в шок.

– Может офицер, что – то неверно прочитал? – выдавил тот наконец. Сквозь стиснутые зубы.

– Что тут писано – то и прочитал! – отрезал поручик. Хлопнув ладонью по карте. – У каждого крестика и точки стоит название корабля и его порт приписки! А в сносках расписано в цефире, сколько фунтов золота, серебра, камней, шкур, мешков с табаком или какао захвачено при abordage! Судовая команда этого Бернса, такие же бандиты, как и Чарли, а ты Тони полицейский.

– Мне понятно негодование офицера, – после тяжелой паузы, проговорил англичанин. – Только хочу напомнить, что между разбойниками и партизанами ее Величества, лежит громадная пропасть. Я сейчас спущусь к Джону и приму участие в допросе, где и задам вопросы насчет всего услышанного. В этой сумке у меня десятки фотографий пальцев преступников, а точнее их узоров, возможно и это прольет свет на то, что я услышал сейчас.

– Тони всерьез думает ловить преступников, по фотографиям пальцев? – усмехнувшись, проговорил Орлов. – Думаю, что на этом пути, тебя ждет множество разочарований.

– Ничего, я умею ждать, терпеливо работая над этой теорией. Точно так же как и Кванту и Полетье, которые, через свой каторжный труд, выделили из рвотного ореха, смертельный стрихнин. И это они сделали, не смотря на насмешки своих коллег. Точно так же как и Десое, который нашел хинин в коре хинного дерева, как Рунге, который обнаружил кофеин в кофе, или как Пуселье с Райманом нашедшие никотин в табаке. Атропин из белладонны получил Майн, а над ним тоже посмеивались в свое время. Все они умели работать и терпеливо ждать.

– Ну, дай – то Бог, чтобы у тебя все получилось, – проговорил Орлов. – Кто знает, может когда – то криминальная наука, преодолев все взлеты и падения, действительно поможет в поиске и поимке преступников. Желая, чтобы твои скромные изыскания тоже легли в учебники, по которым будут учить полицейских.

Англичанин покачал головой, затем резко встал, и уже закрывая за собой двери, проговорил:

– Почему у вас нет военного флота у берегов Аляски? Почему вы позволяете разбойничать всяким проходимцам и браконьерам?

Орлов выдохнув табачный дым, посмотрел на англичанина и произнес:

– Извини, Тони, но у меня нет ответа на твой вопрос.

Оставшись один в каюте, поручик сел к столу и погрузился в свои мрачные мысли. Конечно же, он знал ответ на этот вопрос – империя просто не могла себе позволить, держать здесь значительные силы. После Крымской компании, у державы с расстроеными финансами, не было возможности организовать морскую охрану столь удаленных земель.

В те времена морские державы и различные компании, пытались как могли бороться с пиратством. Торговые суда объединялись во флотилии, а судовые команды вооружались, в то время как военные корабли, патрулировали торговые пути. Лишь изредка высаживая на берег хорошо вооруженный десант, который устраивал опустошительные набеги на базы морских бандитов. Что позволяло, на какое – то время снижать активность корсаров на важнейших океанских коммуникациях. Однако полностью искоренить это явление не представлялось возможным, даже заглавным морским державам, активно переводившим свой флот на паровые машины.

Орлов осознавал, что у берегов Русской Америки не проходят важные торговые пути, как и то, что русские военные корабли, могут появиться в этих водах не скоро. Все, что оставалось, так это надеяться на силы поселенцев, которые были крайне скромны и сосредоточены в основном в

нескольких фортах. И где общая численность которых, едва доходила до тысячи винтовок, что не представляло никакой угрозы ни для пиратов, ни для разношерстной братии браконьеров. Русские колонисты практически ничего не могли противопоставить лихому люду, а империя не могла усилить численность гарнизонов в фортах – людей не чем было кормить.

– Ну, ничего... , придет время, и заломы пограничные поставим по берегу и с кораблями все разрешим! Главное есть удобные бухты, где эти самые корабли размещать можно, – проговорил поручик, вставая.

Выйдя в коридор и придерживаясь из-за качки за его стены, он направился к камбузу, из-за дверей которого вновь раздавалось пьяное пение Неплюева.

– Отворяй, Иван Иванович! – крикнул он. Постучав в массивную дверь.

Пьяное пение мгновенно оборвалось, послышалось бряканье металлической посуды и все стихло.

– Не дури, говорю, открывай! Что мне двери ломать?

Наконец брякнул засов, дверь со скрипом отворилась. Взору поручика предстал жалкого вида человек с красным, осунувшимся, давно не бритым лицом. Который едва держался на ногах и подслеповато шурясь, пытался понять, кто перед ним стоит.

Шагнув через порог Орлов, осмотрел не большое помещение, заставленное столами, лавками, стеллажами с метал-

лической посудой и только после этого строго спросил:

– Все гуляешь, Иван Иванович? Мы же вроде договорились, что ты спать пойдешь! У меня каждый человек на счету, а ты гулять изволишь!

– Прости меня, Константин Петрович, – прошептал тот затравлено. – Ничего сделать с собой не могу. Сон не идет и душа болит спасу нет! Думаешь, я не понимаю, что кораблик этот станет для нас могилой? Никогда они нас в покое не оставят, эти бандиты проклятые, а сами – то мы морскому делу не обучены! Я это сразу смекнул, что на этом проклятом корыте закончится наша дорога в Родину.

– Ну, зачем же ты нас раньше времени хоронишь? – устало, проговорил поручик. Натянув фуражку на глаза. – Бог даст, прорвемся! Впервой нам, что ли?

– Что – то твой Бог, Константин Петрович, не шибко – то хочет нам помогать, – всхлипнув, пролепетал инженер. С трудом садясь за стол. – Запер нас на этой хреновине, как тараканов в банке!

– Это не ты говоришь, инженер, – это вино в тебе говорит, – проговорил Орлов. Вздыхая, садясь напротив. – А Всевышний, нам вон как с лодкой подсобил, что мы у испанцев отбили! На ней ведь почти до форта добрались, сократив при этом расстояние значительно, да и динамитом разжились по дороге, а через это теперь гранаты имеем. Форт вон опять же отстояли Черемисова. Про "Око империи" теперь все в округе знать будут..., а ведь отстояли на пределе сил сво-

их..., верю, что только благодаря помощи Господа нашего, удержали рубеж. Он опять же способствовал союзников нам найти, в этих землях диких, в лице американцев. Дозволил и шхуну отбить и матросов испанских для подмоги дал! Не горюй, инженер, прорвемся я думаю и на этот раз..., на то мы и православные, на то мы и русские!

– А, что же нам делать, если никто из нас школ морских не заканчивал? – выпалил Неплюев. – Ради чего мы столько мук тут приняли и испытаний? Сдается мне, что этим гусям петербургским, не нужны не мы со своими изысканиями, ни поселенцы наши с их бедами. Ни черта им не надо! Брошены мы тут, как котята слепые на выживание.

Поручик внимательно посмотрел на качающегося инженера, глядевшего в одну точку, на его глаза со слезами и тихо проговорил:

– Пока снабжать наших колонистов всем необходимым не просто – это верно. Дорогое это удовольствие..., держава еще от войны не оправилась. Да, голодуют пока тут наши люди, от болезней мрут и на помощь пока надеяться не приходится. Из Сибири сюда провиант везти пока возможности нет, слишком слабы мы там, да и дорог опять же нет никаких. В приморье дела еще хуже обстоят, портов нормальных нет, с дорогами такая же история. Железных дорог нет, а земляные раскисают от не большого дождика. Через это и все беды наши! Снабжать эти земли пока можно только морским путем, а сие занятие требует времени и больших расходов из

казны. Сам посуди, корабли наши огибают Африку и плывут сюда по полгода.

– Тогда почему из Петербурга приказ пришел покинуть Калифорнию? – взорвался Неплюев. С негодованием посмотрев на Орлова. – Ну, разве это не измена? Всем ведь понятно, что именно в южном поселении надобно было корни пускать глубже, земледелие тоже осваивать. Живут ведь там первоначальные народы в сытости! Пшеницу выращивают, фрукты, скот, виноград, а вино какое делают! Мы же первоначально там, в форте Росс крепко встали, ну и развивали бы там базу кормовую. Ведь от земель – то Калифорнии сюда рукой подать! Это ведь не по полгода по океанам болтаться! Чего молчишь, Константин Петрович?

– Речи твои слушаю, – проговорил поручик, прикуривая папиросу.

– Ну, скажи еще, что я не прав!

– Отчего же... Все правильно говоришь, Иван Иванович... Только ты одну малость упускаешь...

– Какую еще малость? – выдавил, сквозь зубы инженер. Подавшись вперед всем телом.

– А малость, заключается в том, что на земли Калифорнии, предъявили претензии испанцы. Это я заметь, не напоминаю, сколько с ними до этого хлопот было, про возникшее государство Мексика не забудь. Которая нас вначале, беспардонно выдавливала с земель наших, а потом и вовсе уступила Калифорнию американцем. Это политика, Иван Ива-

нович, которая сплелась вокруг земель наших в тугие узлы, и рубить здесь с плеча нельзя. И это заметь только то, что мы знаем, что так сказать сверху лежит. Одно я тебе скажу – каждый должен свое дело делать. Политик свое, геологический мастер свое, а военный свое – тогда только порядок и будет в империи.

– Что тут могут сделать наши поселенцы, без твердой и последовательной поступи Петербурга? – со злостью, выпалил Неплюев. – На наших землях безобразничают англичане с испанцами, китобойный промысел почитай полностью отошел к американцам! И все это с молчаливого согласия Петербурга и бездействия Максutowa!

– Ну, Максutowa я как раз понимаю, – пробормотал поручик. Подходя к зашторенному окну. – Нет у него сил, а главное средств, охватить все эти земли своей заботой и вниманием..., людей нет как впрочем и флота. Нет у нас тут пока сил! А правителю и так тут приходится ужом виться, чтобы ни громыхнула в этих землях война, чтобы хоть как – то людей прокормить. Как ему это удастся с его маломерными лодками добиваться, я право не знаю и парк артиллерийский у него только в Ново – Архангельске. Ты только представь, как ему приходится связь с отдаленными фортами держать! С помощью оказии, да нарочными, которым иногда грести приходится до изнеможения, потому как даже наши маломерные суда не везде к берегу подойти могут. Ну, а почему молчат начальствующие кабинеты, у нас на Неве

– это мне неведомо. Хотя там должно быть понимания, что на многие безобразия, которые здесь творятся, ответы найти можно лишь в Петербурге.

– Вот и я говорю, что измена эта! Здесь же все на краю разорения и упадка! И я уверен, что об этом знают и в правлении этих земель в Петербурге. А, ведь, сколько денег сюда только нашими купцами вложено! И что? А, ведь акционерами здешней компании, являются не только рядовые деятели империи, но и сам Александр с великими князьями!

– Пушной ясак истощился – это верно, вот и должны мы с тобой в Родину вернуться, да в этих самых кабинетах начальствующих, всю правду о богатствах этого края рассказать. А учитывая то, что война может грянуть новая, поспешать нам надобно. Земля здешняя всегда будет интересовать врагов наших и конкурентов. Неспроста тут сам Кук несколько раз появлялся, да и Лаперуза бывал. Так, что не мы одни тут карты рисуем, да проливы с бухтами к ним привязываем.

– Как тут еще французы до кучи общей не появились? – пьяно засмеявшись, выкрикнул Неплюев.

– Они тоже пытались тут, что – то застолбить! Экспедицию даже послали к нашим берегам, – проговорил Орлов. Глядя сквозь штору на небо. – Вот только не заладилось у них – конфуз с революцией приключился!

– Почему же революция это конфуз?

– Потому что милейший, Иван Иванович, революция –

это всегда насилие и кровь с разрушениями.

– А я убежден, что революция – это всегда перемены! И нашей державе они нужны уже давно.

– Нашей державе нужны перемены через внутренние реформы, – со вздохом, отозвался Орлов. – На них сосредоточиться надобно, а их успех во многом зависит от обстановки, как внутренней, так и внешней. И уверяю тебя, что новая война или революционная смута будут способствовать срыву преобразований.

– И что же для этого делать надобно? Продолжать оставаться "жандармом Европы"?

– Для начала, нам надобно выйти из международной изоляции, восстановить роль России как великой империи, – отозвался поручик. – Развить промышленность непременно, чтобы вновь стать сильными.

– Я же говорю, чтобы опять боялись, – криво усмехнувшись, пробормотал Неплюев. Глядя на пламя керосиновой лампы.

– В политике всегда была одна сила – это военное и экономическое могущество! – отрезал Орлов. Настороженно вслушиваясь в топот ног по коридору.

Двери камбуза резко распахнулись, и на пороге появился запыхавшийся урядник.

– Вот, ваше благородие, полюбопытствуйте, что у этого проходимца под камзолом, было! – выпалил он. – Лата металлическая! Из-за нее я его кинжалом – то и не достал.

– Да, что и говорить знатная вещица, – кивнув, отозвался поручик. Взяв из рук казака металлический панцирь. – Таковую не то, что кинжалом ее и пулей не возьмешь, особенно если она хорошо подогнана к телу. Точно такая спасла Дантеса от ответной пули Пушкина.

– Не уж – то барон был так низок, что пришел на дуэль в лате? – пробормотал, растерянно казак.

– Да, уж офицером был негодным, из домашних арестов и гауптвахты не вылезал. Из-за этого и был переведен из строевого эскадрона в запасной. Скажи мне, что там у нас с караулом? Что на берегу?

– Испанцы стоят в дозоре, а на берегу тихо покудова.

– Отчего же вдвоем стоят?

– Так они за жизнь гутарят, ну я им и не мешаю, – пожав плечами, отозвался урядник.

– Главное, чтобы за берегом следили. А с пленником как дела? Разговорил его американец с товарищем?

– Так я же в языках не силен! Заковали они его в железо, за руки к потолку подвесили и дубасят по морде, аж извиняюсь, сопатка трещит. А англичанин этот ему перед этим руки чернилами измазал и отпечатки рук на папирус зачем – то сделал, а теперь сидит и в стеклышко разглядывает. Станный он, какой – то.

– Ну, это их дела полицейские, – вымолвил Орлов. – Хотя я посмотрю пожалуй, на это действие, а то не ровен час забьют его до смерти. А тебе, Иван Иванович, моя просьба и приказ

будет. Найди себе любой гамак и вздремни, чтобы достойно предстоящие испытания принять. Не в кабаке мы! Сделаем дело, жалованье получишь за все годы, вот тогда и отводи душу!

Проверив караул, Орлов спустился по скрипучим ступенькам в трюм. Найдя среди штабелей из ящиков и мешков, огонек лампы, осторожно двинулся по хлюпающей под ногами воде на свет. Подойдя к телу англичанина, подвешенного за руки к потолку, он внимательно посмотрел на его разбитое в кровь лицо и поморщившись, спросил:

– Ну, сказал он хоть что – то? Тебе, Америка, в пыточных дел мастера бы податься.

– Я его вначале кочегарам показал, – буркнул тот. Обмытая в воде, просочившейся в трюм руки. – Вижу, темнят что – то! Ну, я его, сюда и спросил убедительно! А тут еще Тони у него с рук рисунки снял, а как глянул внимательно – это же наш знакомый старый. Представляешь, Генерал? Ну чего так смотришь? У Тони спроси!

– Я вначале думал, что ошибся в темноте, – отозвался англичанин. Вытирая рукавом пот с лица. – А потом присмотрелся – нет, уж больно рисунок характерный.

– Тогда я ему еще всыпал от всей души! – выпалил Джон. Брезгливо вытирая руки, о рулон мануфактуры. – Он и прикинулся, что служит здесь не матросом, а шкипером!

– Шкипером? – ошарашено, уточнил Орлов. – Зачем же ты его так отделал? Он же знает, как с этим корытом управ-

ляться! Да и фарватер наверняка знает!

– Ну, извини, не сдержался! Очухается к утру, никуда не денется! – почти крикнул Джон. Раскуривая огрызок сигары. – Мой друг лежит под камнем, на кладбище в Сант – Луизе, из-за этой гниды и его дружков. Так, что извиняй, не сдержался.

– Ты же мог его забить до смерти, – с досадой, проговорил поручик. Глядя на кровавые пузыри, появляющиеся на опухших губах шкипера.

– Ну, подай на меня в суд! – разозлившись, выпалил Джон. Доставая из ящика бутылку рома. – Не смотри так, Генерал, на меня! Я только два глотка глотну, за упокой души моего друга, от рук этих уродов погибшего.

– Что случилось с твоим другом?

– Несколько лет назад это было, в центре Сеймура – там была вотчина банды Рино, с которой дружили и люди Чарли. Они частенько вместе совершали налеты на дилижансы, поезда перевозившие ценности. От них, кстати, страдали и банки и страховые компании, да и нетолько они. Тогда – то Аллан и поселил моего друга, под видом бармена в одну из пивнушек, где он удачно подружился вскоре с членами шайки этого самого Рино.

– И чем все это закончилось?

– Самого Рино, мой друг заманил на железнодорожную станцию Сеймура, – проговорил американец. Делая несколько крупных глотков из бутылки. – Как раз когда туда при-

был в специальном вагоне Аллан, с несколькими помощниками. Они арестовали, Джона Рино и поезд отбыл со станции, прежде чем бандиты обнаружили, что произошло. Моему другу тогда удалось уйти из города..., если бы не новое задание он был бы жив. Через пару месяцев, Аллан внедрил его в одно из опаснейших и кровавых тайных обществ Пенсильвании..., никто и предположить не мог, что там окажется один из шайки Рино, знавший моего друга еще по Сеймуру.

– Что это было за тайное общество? – спросил Орлов, закуривая.

– Ирландцы создали общество "Молли Магвайрс"! Мой друг стал членом этого общества..., где проработал под угрозой смерти несколько месяцев..., пока его не предали. Моего друга убили кием в бильярдной..., только прежде чем эти уроды проткнули ему горло кием, они выкололи глаза этим же кием. Мы не знали, кто именно принимал участие в расправе над нашим товарищем! На месте происшествия, в качестве улики нам достался только тот самый кий, с кровавыми отпечатками пальцев. На похоронах Аллан Пинкертон, поклялся от нашего имени родственникам погибшего, что мы найдем преступников. Именно тогда то мы и пригласили к сотрудничеству Тони, который сумел определить, что отпечатки пальцев принадлежат, троим уродам. Тогда мы лишь примерно знали, кто это мог быть.

– Сегодня Господь услышал наши молитвы, – кивнув, про-

говорил англичанин. – Именно этот шкипер один из тех, кто принимал участие в расправе.

– Невероятно, – озадаченно, пробормотал Орлов. Глядя на заляпанную кровью тельняшку англичанина. – А не может здесь быть какой – то ошибки?

– У этого подонка, слишком характерный резаный шрам, на большом пальце правой руки, который полностью совпадает с тем, что мы обнаружили на кие в бильярдной. Господин офицер, может сам увидеть его, в увеличительное стекло. Нет, ошибка исключена!

– Эта наука, Генерал, – буркнул Джон. Ставя бутылку с ромом обратно в ящик. – Дай – то Бог, чтобы эта теория заработала в сыске! Тогда земля загорится под ногами всех подонков, не только в наших Свободных Штатах, но и по всему миру. У Аллана вообще есть идея, сделать альбомы с преступниками всех штатов, распространить их во всех полицейских участках! Представляете, как это осложнит жизнь бандитам? Тогда им не спрятаться от Закона, не под какой личиной. Идем, Генерал на палубу, разговор есть, а то тут дышать вообще нечем!

* * *

Разговоры о методах поиска преступников, в том числе и об опознании личности по отпечаткам пальцев, изучались на тот момент многими современниками. Но потребовалось

еще почти двадцать лет прежде, чем один из последователей англичанина, его соотечественник, привлек внимание посетителей на Международной выставке в Сент – Луизе странным аттракционом, привезенным из Лондона. Этим человеком был полицейским из Скотланд – Ярда, сержант Фурье. В отчетах тех лет, он затерялся со своим аттракционом, никто уже и не помнит, кто и зачем послал его в штат Миссисипи, но именно благодаря этому аттракциону, многочисленная толпа зевак узнала о странном методе поиска людей. Следует отметить, что ни репортеры, ни полицейские, на тот момент не оценили какие практические возможности, открывает этот метод. И лишь спустя еще несколько лет, его стал применять американский инженер железнодорожник Томпсон. Который для того, что бы избежать подделок, стал ставить отпечаток своего большого пальца на ведомостях выдачи жалования рабочим. И уже следом за ним, фотограф в Сан – Франциско по имени Тейбор, предложил регистрировать китайских переселенцев, при помощи отпечатков пальцев. Пройдет еще некоторое время и дактилоскопические альбомы с фотографиями преступников и их отпечатками пальцев, станут неотъемлемой частью любого полицейского ведомства по всему миру. Дактилоскопия начнет свое триумфальное шествие по странам и континентам.

Надев пальто, американец поднялся на палубу и, подойдя к борту, тихо проговорил:

– Тут такое дело, генерал..., одним словом помимо того,

что шкипер сознался в убийстве нашего товарища, он сообщил о каком – то секретном предписании... Которое яко – бы получил их капитан, перед этим рейсом у губернатора Индийской колонии.

– И, что это за предписание? – уточнил, насторожившись Орлов. Всмотриваясь в темные контуры береговой линии.

– Он, к сожалению, не знает, но сдается мне, что у берегов ваших, их не только меха интересуют или доставка пассажиров. Затевают они здесь, что – то! В разговоре при прокладке очередного курса, капитан Бернс обронил, что они должны еще кого – то повстречать на внешнем рейде.

– Корабль?

– Похоже, что не один пароход! И они яко бы уже на подходе к вашим берегам.

– Пароходы военные?

– Да кто же их знает! Это надобно у капитана Бернса спросить. Думай, Генерал – это ведь ваша земля.

– Может, блефует? Может цену себе набивает?

– Ты мне сейчас напоминаешь наших, уж не обижайся полицейских Нового Света, которые не желают видеть, очевидных вещей. Которые надели свои жилеты со значками шерифов и надув щеки от своей значимости, пытаются бороться с преступностью, древними методами. Хотя их – то я понять могу..., потому что они малообразованны и многие из них еще недавно торговали лимонадом или жевательной резинкой. Ты же в отличие от них боевой, образованный офицер.

– Думаешь, шкипер говорит правду? Неужели все опять идет к войне?

– Знаю пока одно, что затевают они у ваших берегов, что – то! Сам посуди, морские партизаны ждут какой – то караван, наверняка, чтобы провести его к берегу! Они ведь уже изучили здесь, все мели и каменные банки и для них это не составит труда.

– Возможно ты прав и тогда английский офицер, под личиной миссионера не случайно оказался здесь, организовал наше преследование и штурм форта. Обозлил против нас индейцев, – задумчего проговорил Орлов. Кутаясь в воротнике полушубка от пронизывающего ветра.

– Прибавь обнаглевших туземцев, которые стали нагло вести себя уже и в прибойной полосе! Я не удивлюсь кстати, если они кинутся на приступ шхуны, вместе, с судовой командой этого Бернса.

– Неужто англичане, только выйдя из войны, сызнова с нами воевать, удумали? – пробормотал поручик. Стиснув зубы от волнения.

– Тут, Генерал, не надо быть великим стратегом, чтобы понять – ваши владения здесь на Аляске, очень уязвимы. Тут даже серьезных военных действий предпринимать против вашего маломерного флота не надо, тут и несколько военных пароходов с парком артиллерийским, да обслугой проворной, легко высадят десант в любой точки ваших владений.

– Однако во время последней Крымской компании, они

ни разу не посмели чинить нападки на нашу колонию, ни разу не атаковали наши форты по берегу океана Великого, – отозвался поручик.

– Ты не забывай, что Русско – Американская компания, работающая на этих землях, заключила договор о не нападении с Компанией Гудзонова залива.

– Согласен, Америка, хорошо, что слово купеческое в наше время еще чего-то стоит. Эх...! Когда же у нас здесь, как и вдоль границы с Китаем, для защиты земель этих окраинных, твердо свое Семиреченское казачье войско встанет?

– Ну ты, Генерал, хватил! Сейчас, что нам делать прикажешь? Ведь если это, правда и они встанут на внутреннем рейде в ваших водах – тяжело придется вашим колонистам. У вас ведь тут не фортификаций, ни орудий вдоль береговой линии.

– Ничего, господство на море еще не о чем не говорит! Пусть только на берег попробуют десантом сунуться! – выпалил поручик, с ожесточением. – В начальствующих кабинетах наших, могли бы это давно предвидеть и упредить усилением. Англичане ведь не впервой уже ищут повод задраться, что здесь на кромке империи, что во время польского восстания, когда пытались совместно с французами вмешаться в дела наши внутренние.

– Мы, Генерал, тоже от англичан натерпелись..., они не только ваши враги, но и наши тоже. У нас сегодня мир с ними не прочный, так что воевать придется и вам и нам.

– Значит, на том и порешим, что враг у нас общий и управу на него искать надобно совместно будет. Сейчас давай озадачимся, как и чем с судовой командой совладать? Как условия свои выставить и отстоять их твердо, ну и конечно не дать им, под любым предлогом объединится с караваном кораблей. И сделать все это надобно при любых условиях!

– У тебя, Генерал, никак план какой – то созрел? Давай выкладывай, не томи уже.

– Все просто, Америка..., я из того исхожу, что ежели и пойдут они на приступ, то атаковать с воды будут. А атаковать с воды, да еще при такой волне, дело неудобственное. Прицельно не выстрелить, а просто так палить они не будут – им шхуну беречь надобно, да и про гранаты наши они пока ничего не знают.

– Ты хочешь сказать, что мы все их лодки гранатами перевернуть можем? – подхватил с жаром американец.

– Верно, смекаешь, Америка! А за бортом водица уж больно злая, да и ветер с Арктики дует суровый.

– А ведь ты правильно говоришь, – со злостью, прошептал Джон. – В мокрой одежде, да еще под огнем нашим, подняться на борт очень даже не просто будет. Ох и хитер ты, Генерал!

– Видишь, Америка..., мы уже их победили, а они еще об этом не знают, – усмехнувшись, проговорил Орлов. Выбрасывая окурки за борт.

– Выберемся из этой истории, приглашу тебя в гости. По-

знакомлю с писателем нашим Джеймсом Купером! Расскажешь ему о наших приключениях, глядишь, еще и в книжку попадем. А что?

– Про что же он пишет? – проговорил поручик. Всматриваясь в огоньки факелов, мечущиеся по берегу.

– Про нашу войну с индейцами, про жизнь и подвиги наших поселенцев и военных. Ему сюжет про наши приключения понравится, вот увидишь!

– Хорошо, приглашение принимаю, только давай вначале отсюда выберемся. Степанов!

– Я, ваше благородие!

– Видишь, англичане по берегу заметались?

– Видать судовая команда вернулась, – отозвался тот, стоя у борта. – Я так смекаю, что и индейцы с ними пришли, вон сколько факелов образовалось. Значит скоро в приступ, кинутся!

– Только им еще каное притащить надобно, – прошептал поручик. Наблюдая за суматохой возникшей на берегу. – Пойду я подремлю часок, а то что – то глаз соловеет совсем, да и ты время караула раздели и дай возможность свободным отдохнуть. Смекаю, что испытания нас ждут многотрудные, навряд ли потом время для отдыха выкроем. Да и провиант найдите какой-нибудь, а то скоро не до еды будет!

Спустившись в низ, Орлов зашел в один из кубриков и в изнеможении повалился в гамак. Но не прошло и часа, как его тревожный сон, нарушил вошедший в кубрик Неплюев.

Держа над головой керосиновую лампу, он тихо пробор-мотал:

– Вот ты где, Константин Петрович..., а у меня урядник револьвер отобрал и не отдает холера.

– Ну и правильно сделал, – буркнул поручик, – а то себя бы поранил. Или пристрелил кого-нибудь. – Что там враг поделывает?

– Враг костры зажег на берегу, наверное утра дожидаются. А наган казак зря отнял, я ведь уже как огурец! Я может тоже, хочу в защите участие принять! Защищать так, сказать интересы нашей империи.

– Послушай, огурец! – выпалил Орлов, не открывая глаз. – Дай поспать! И сам бы проспался, для начала.

– Спят все кроме караула, а мне страшно, если честно..., вот я и пришел поговорить. Ты, Константин Петрович, во мне не сомневайся! Я всей душой за Родину, только в толк никак не возьму, зачем мы здесь жилы рвем, да муки такие принимаем. Оценит ли кто старания наши, как думаешь?

– Я здесь не ради крестов и почестей нахожусь, – со вздохом, проговорил Орлов. – Я здесь выполняю свой долг на кромке империи.

– Да тут врагов если начать считать, то окажется, что они не только на границах усердствуют супротив нас, но и в тылу нашенском засели.

– О чем это ты, Иван Иванович?

– Ну как же! Не может величие и могущество державы

преумножаться, если в самой державе противники перемен идут в атаку яростную.

– Заблуждаешься, инженер, никто нынче открыто не рискнет защищать старое.

– Это я заблуждаюсь? – ужаснулся Неплюев. – Разве не видно, что из правительства постепенно удаляют основных разработчиков крестьянской реформы.

– Темный ты человек, Иван Иванович! Государь просто старается и надеется искренне, что сие приведет к примирению сословий.

– Для смягчения негодования, со стороны дворян значит? Уж не такие ли как граф Шувалов, согласятся идти на это самое примирение? – усмехнувшись, проговорил инженер. – Таких противников не десятки и даже не сотни!

– Чего ты, Иван Иванович, наводишь тень на плетень? Шувалов просто начальник жандармов и как заглавный начальник третьего Отделения, он выполняет свой долг!

– А я считаю, что он просто воспользовался покушением на жизнь государя и через это сосредоточил в своих руках громадную власть. Или взять к примеру того же Каткова! А к его мнению, между прочим, прислушивается не только император, но и министры.

– Катков – то вам чем не угодил, любезный? – сонно, уточнил Орлов. – Хотя я, кажется, понимаю – за его жесткую критику нигилистов и либералов. А они же ваши любимцы.

– Да ему же уже под силу, смещать и назначать мини-

стров! – с раздражением, выпалил инженер. – Он уже всю влияет на политику и заметь, Константин Петрович, не только на внутреннюю, но и внешнюю! Разве это правильно?

– Зря ты на человека наговариваешь. Он просто считает, что углубление реформ приведет к отрыву интеллигенции от народной жизни, в основе которой лежит идеал единения народа с царем. И если это произойдет, то привести это может к росту революционных брожений в обществе. Такие как Катков придают устойчивость всему нашему обществу, да и не предлагает он возвращаться к крепостной России.

– Да такие как он, отражают только интересы дворянства! Уж извини, Константин Петрович, за прямоту.

– Эх, инженер..., плачет по тебе Сибирь – матушка, ей Богу. Разговоры такие крамольные не доведут тебя до добра. Неужели ты этого не понимаешь? – сонно, проговорил Орлов.

– Я просто уверен, что пройдет совсем не много времени и либеральное движение в России будет иметь огромный вес и влияние во всей империи! Да, да! И будет влиять значимо на политику не только правительства. Терпеть и ждать не много осталось.

– Да наше общество в империи, еще зело шатко и сыромяжно! – с раздражением, возразил поручик. – О чем ты говоришь? О каком либерализме ты говоришь?

– Время нас рассудит, Константин Петрович, и пробужденное общество увидит такие высоты и дали, о которых мы,

и помышлять не можем теперь.

– Дай мне поспать! Бессмысленно спорить о твоих либералах, которые даже не имеют поддержки в обществе. Иди я хочу спать, заодно и сам поспи!

Не прошло и нескольких часов тревожного сна, в который погрузился Орлов после ухода инженера, как в кубрик ввалился запыхавшийся урядник, выпаливший с порога:

– Все, ваше благородие, кажись на лодки грузиться стали! Не иначе как на приступ теперь двинут!

– Всех живо на палубу! – хрипло выкрикнул Орлов, вскакивая.

– Всех уже поднял кроме вас и инженера.

– Инженера не трогай, все правильно, – буркнул поручик, – с него воин один черт никакой. Много лодок нагнали?

– У меня пальцев на руках не хватило, а американец сказывает, что более десяти.

– Проверь всех на рубеже, чтобы у каждого патроны под свой калибр были и вот сумку возьми, гранаты раздашь. Да напомни, чтобы фителя запальные не замочили!

Поднявшись не торопясь по трапу на качающуюся палубу, Орлов натянул на глаза козырек фуражки и прищурившись, осмотрелся по сторонам. Снежная крупа сыпавшая наискосок смазывала и без того неясные контуры лодок, движение которых можно было угадать лишь по мерцающим точкам факелов наступающего противника. В воздухе уже висело гортанное улюлюканье и характерные крики наступающих,

которые почему – то приближались к шхуне с двух сторон.

– Все, по местам, господа! – крикнул поручик, с остервенением. Направляясь с винтовкой к правому борту. – Наша задача одна – дырявим их лодки! Патронов не жалеть! А там волны океана Великого, завершат нами начатое! Следите, чтобы брызги забортной воды не намочили запальные фитили гранат! Огонь из винтовок открываем только по моей команде! Ну, что, Америка, приступим, пожалуй?

– Ох, и орут черти, – отозвался тот. Наблюдая за противником из-за борта.

– Это они на нас ужас нагоняют и себя заодно заводят, – пробурчал Орлов. Занимая оборону чуть поодаль.

Подпустив наподдавших на верный выстрел, поручик дал команду, и крики наступающих мгновенно утонули в ружейном грохоте. Боковой ветер сносил в сторону пороховые газы, что позволяло вести довольно беглый огонь по лодкам неприятеля. Но, не смотря на непрерывный огонь, лишь одна из каноэ замедлила ход, легла в дрейф, а затем, повернув, стала возвращаться. Расстояние продолжало сокращаться, из-за чего ответный огонь наподдавших становился все более точным.

– Хорошо гребут! – крикнул Джон. С яростью передергивая затвор.

– Да уж, гребут дружно, – отозвался Орлов. Ведя огонь по головной лодке. – Понять не могу, почему они на нас с двух сторон выгребают! Словно стараются в мертвой зоне

оставаться, относительно носа!

В ту же секунду, словно по команде, поручик с американцем перестали стрелять и несколько мгновений смотрели друг на друга, словно боясь спугнуть хрупкую догадку.

– Пушка! Они боятся носового орудия! – выпалил, Джон вскакивая.

– Быстро на нос! – крикнул Орлов, бросаясь к носу шхуны. Под противное щелканье пуль неприятеля, по бортам и судовым постройкам.

Скинув за борт огромную кучу сетей, которые отлично маскировали дальнобойную, палубную пушку, с несколькими ящиками боеприпасов, заботливо завернутых парусиной.

– Удачливый ты, Генерал! – закричал американец. Пытаясь перекрычать грохот боя. – Эта капризная дама – удача, опять воюет на твоей стороне!

– Это господь способствует нам и дозволяет вершить дела праведные, – отозвался Орлов. – Заряжаем двойным усиленным!

Мощная вспышка выстрела, осветила на мгновение промозглый воздух, мелькнула бликами во вспененных гребнях черных волн, неспешно катившихся навстречу лодкам противника. Которые мгновенно, как по команде, легли в дрейф. Слабая надежда нападавших на то, что захватившие судно не найдут в темноте спрятанное орудие. И уж тем более не смогут вести из него стрельбу не оправдалась. Огромный белый, вспененный столб воды, взметнувшийся в черное небо,

перевернул несколько каноэ, поставив под серьезное сомнение успех атаки.

– Еще разок, на такой же манер! – крикнул поручик. Сбрасывая на палубу полушубок, который сковывал его движения. – Стреляем, когда волна поднимет нос корабля! Берем на два градуса левее!

Второй выстрел оказался более успешным, бешено шипящий столб воды вздыбился в самом центре лодок, нападавших по левую сторону. Две, утонули сразу, получив обширные пробоины, еще две лодки были перевернуты, а brave крики и визг наподдавших сменился воплями о помощи. С палубы было хорошо видно, что противник уже не сушил весла, а вовсю налегал на них, стремясь быстрее добраться до берега.

– Ну..., примерно вот так, – устало, проговорил Орлов. Смахивая с лица пот рукавом полушубка. – Все, господа! Хватит патроны жечь, пусть убираются!

– Чертовски приятно воевать под командой, такого удачливого генерала, – выдохнул американец. Усаживаясь на лафет пушки. – Как бы теперь капитана на шхуну заманить с Чарли? Да наши условия объявить.

– А может, ваше благородие, попробуем успех развить? – с жаром, пробормотал Степанов.

– А что? Это мысль хорошая, – оживившись, поддержал Джон. – У них там вон, какая неразбериха образовалась! Все ведь перемешалось, не поймешь где свои, а где пришлые, кто

утоп или кто пораненный. В такой неразберихе можно и капитана с Чарли на борт притащить!

– Авантюра это, – покачав головой, буркнул поручик, – которую мы себе позволить не можем. – Дождаться надо, когда парламентаров пришлют..., тогда и решим, что делать далее.

– А сколько ждать придется! – спросил американец. Глядя на уходящие к берегу лодки. – Да еще и неизвестно, парламентаров они пришлют или опять в атаку кинутся. Казак твой дело предлагает, пока среди них суета, да неразбериха, на берег высадится можно без приключений.

– Опасна сия затея, да и сил у нас мало. Перестреляют и это в лучшем случае, а то и смерть заставят принять лютую.

– Эх, жалко! – воскликнул урядник. – А то бы на их плечах свалились, да осмотрелись, а там глядишь капитана или Чарли закрутили бы! Не впервой ведь, ваше благородие!

– Не знаю, не знаю, – пробормотал офицер, застегивая полушубок, – подумать надобно, крепко подумать.

– Да, чего тут думать? – воскликнул американец. – Время ведь драгоценное теряем! Сам посуди, пока они осмотрятся и от неприятности в себя придут, у нас же время будет! Возьмем с собой испанцев на весла, у меня два помощника и денщика прибавь своего – это же уже силища.

– Тони оставить хочешь? – спросил поручик. Всматриваясь в темный силуэт берега.

– Ну..., в разведке то он, как впрочем и инженер твой,

нам не помощник. Они тут тебе за кочегарами помогут при-
смотреть со шкипером.

– Меня тоже в расчет не берешь?

– Нет, Генерал, тобой мы рисковать не можем..., ты здесь оборону держи. Если, что – то не так пойдет, мы, хоть знать будем, что ты здесь все контролируешь, – отозвался американец. Всматриваясь в темный берег. – Если нас вдруг обнаружат, то навесным огнем с пушки поддержишь, как сможешь.

– Хорошо, давай попробуем! – согласился наконец Орлов. Которого все еще терзали сомнения, насчет этой дерзкой вылазки. – Только обещай, что дерзить не будите, а ежели приключиться конфуз..., то держитесь от костров подальше – они для меня ориентиром для стрельбы будут. Попробую хоть и волна крепкая добить навесной стрельбой. И не забывайте, что там индейцы, а они тоже разведчики хорошие.

– Там бухточка есть, не далеко от нашей лежке, там и высадимся! – с жаром, отозвался американец. Вскакивая как ужаленный.

– Опасно конечно, – покачав головой, пробормотал Орлов, – но попробовать стоит. Гранаты возьмите, если что – то не так пойдет, то хоть ужасу нагоните.

* * *

Вскоре лодка, спущенная с борта шхуны, растворилась

в ночной мгле, а у Орлова, как и в Крымскую компанию, нестерпимо заныло в груди. Это щемящее чувство возникало каждый раз, когда он уходил сам, или отправлял в поиск за неприятельские линии своих боевых товарищей. Впервые оно появилось, когда он с небольшим отрядом своих товарищей увидел в глубоком турецком тылу, красные головы своих полчан, надетые на турецкие пики. Это уже потом он узнал, что прежде чем отрезать лазутчику или попавшему в плен голову, янычары сдирали с еще живого человека кожу.

Медленно потянулось время ожидания результата, того самого результата, от которого зависит как сложится жизнь. Причем не только его жизнь, поручика Орлова, но и жизнь тех людей которых он отправил в поиск. Всмотриваясь с напряжением, в темные контуры береговой линии, он и не заметил, как на палубе появился инженер.

– А куда все подевались? – проговорил инженер. С трудом шагая по скользкой палубе, он добрался до стоящего у борта Орлова, растерянно озираясь по сторонам.

Поручик посмотрел на съездившегося от холодного ветра Неплюева. Едва державшего равновесие из-за качки и тихо проговорил:

– В поиск ушли.

– А не схватят их там? – пробормотал сонно инженер.

– Будем надеяться, что все обойдется и Господь дозволит совершить нам задуманное. Нам ускорять ход событий надобно... мы до сих пор полчанам нашим, подмогу отправить

не можем. Полковник считает, что к нему на соединение помощь идет..., а мы как щенки слепые, мордами тычемся в различные обстоятельства и все выхода никак не найдем!

– Мне в прошлом году, – пробормотал Неплюев, с трудом держась за борт, – один американец сказывал историю. Как их парусник сорвало с якоря во время шторма, и они оказались в открытом океане.

– И, что?

– Через две недели у них кончилась провизия, они ничего не могли поймать из-за шторма, поэтому вынуждены были собирать и пить дождевую воду. А для того, чтобы ни умереть от голода..., они через некоторое время стали есть друг друга..., по очереди, чтобы выжить.

– Ну и для чего ты мне все это рассказываешь? – поморщившись, проговорил Орлов. – Боишься, что нас унесет в океан? Так на этой шхуне провизии на год хватит, от голодной смерти не помрем. Ничего, Господь видит, что мы тут не за кресты или почести, свой крест несем! Он видит, что за землю свою русскую, мы тут муки принимаем, чтобы по нашим следам уверенно, в будущем промышленники пошли, да дело рудное ставить стали как и на Урале. Не позволит Всевышний, чтобы труды наши скромные, просто среди волн сгинули, не оказав помощи в развитии и преуспевании в империи.

– Эх, Константин Петрович! – воскликнул Неплюев. – Нету у нас тут силенок никаких и когда они появятся, не ве-

домо! От этого у нас тут все неприятности и невзгоды. Вон на Верхнем Юконе..., англичане проникли к нам через Канаду, учредили там себе факторию. А, что же мы? А мы с этим вторжением вынуждены мириться, потому что нету у нас тут силы!

– Вся здешняя сила наша, начинается с реформ, Иван Иванович! С тех самых реформ, которые сейчас идут в Родине и результат которых не заставит себя долго ждать. Я уверен в этом! Уже стал свободным наш крестьянин, меняются суды и местное самоуправление в губерниях, перевооружается армия, наконец. Крепко ставится система земских учреждений, а это непременно вызовет спрос на образованных рабочих и инженеров. На таких как ты, Иван Иванович! Скоро, очень скоро они появятся вместе с нашим флотом, и будет в этом событии частичка нашего труда.

– То, что народ грамоте наберется – это хорошо, – пробормотал инженер, натягивая перчатки. – А не забоится власть, что этому просвещенному народу, будет легче скovyрнуть прогнившее самодержавие?

– Вот через разговоры такие и покушения на нашего государя организуются! Тут я, пожалуй, с проходимцем Сулеймой соглашусь! Залить кровью людской державу, как это было во Франции – дело не хитрое. Через реформы двигаться надобно к процветанию и к преуспеванию, а не через кровь! Бунт – это не наш путь.

– Еще Пушкин сказал, что наш народ бунтарь по духу сво-

ему! – со злостью, возразил Неплюев. Кутаясь в поднятом воротнике, от пронизывающего ветра. – Его только разбудить надобно и сделать это может интеллигенция.

– Да, русский народ на войне жизнь отдавал за царя, за отечество, за процветание империи, а не за идею бредовую о бунте! – взорвался Орлов. – И бился, заметь не на жизнь, а на смерть за то, чтобы земля Русская новыми владениями прирастала, да крепла.

– Вот и получается, что наш народ за рубежи империи бьется, за ее процветания, а чиновники и бездельники себе рожу наедают, да на балах развлекаются! Ты, Константин Петрович, говоришь, что крестьяне наши свободными стали? Так ведь те же вельможи, что в начальствующих кабинетах сидят, не очень – то с этим согласны! И они поверь, еще столько заломов на этом пути соорудят, что сам черт ноги в этих залах переломает. Через такое отношение наплевательское и в здешних землях царит упадок и запустение. Почему в этих землях нет серьезных перемен? Почему молчит Петербург? Почему молчат и ничего не предпринимают для серьезных перемен здесь, важные акционеры Российской – Американской компании?

– Для этого мы с тобой, Иван Иванович, здесь и прожили почти два года, – со вздохом отозвался Орлов. – Чтобы тем же самым акционерам доказать – не только пушнину здесь добывать надобно! Чтобы они озаботились добычей и переработкой местных минералов. Чтобы имели ввиду, что

здесь миллионы пудов угля, золота, леса, торфа! Что здесь в непомерных объемах качественная руда и огнеупорная глина. Ведь все печи здесь мы ложем из нашего кирпича, а его и продавать можно как и лед, который у нас берут мясо – бойни в Сан – Франциско. Вот по возвращению и поведаешь об этих соображениях, а я не промышленник и не политик, я лишь приказы выполняю как человек военный.

– И расскажу, и вопросы задам! – выпалил с остервенением инженер. – А чего это по палубе столько патронов стрелянных валяется? Как гороху насыпали! Что – то я в толк не возьму..., проспал, что ли я что – то?

– Ничего ты не проспал, Иван Иванович, ты свое дело добросовестно сделал в разведки руды. Теперь твою голову, нам как никогда беречь надобно, чтобы зазвучали твои речи правильные на берегах Невы. Ведь почитай с подачи самого Сената нашу особую экспедицию отрядили секретным образом, для определения золотоносных жил и объемов этого самого золота. Значит, знают на самом верху об оном! А вот почему глубокую разведку и добычу вести не торопятся – сие для меня загадка великая. Возможно, есть на пути к этому золоту, препятствия серьезные, которые мы здесь разглядеть не можем.

– Что же это за препятствия такие могут быть, да еще которые мы не видим?

– Ну, нам это не ведомо. Возможно, не хотят возбуждать алчность у тех же американцев и англичан! Вон они в пого-

не за китовой наживой, чего на воде вытворяют, а если про золото прознают, то не трудно смекнуть, что тут твориться будет. Сходи на камбуз, Иван Иванович, да принеси, однако мяса вяленного с сухарями, а я пока пушку заряжу. Неизвестно сколько у лафета дежурить придется, да и англичанину скажи, пусть за кочегарами присматривает, не забывает.

– А за шкипером?

– Шкипер в железо закован, в трюме пусть и сидит, за жизнь свою непутевую думу думает.

* * *

Оставшись наедине со своими мыслями, Орлов зарядил орудие и, закурив сел у борта, думая обо всем произошедшем за последнее время. Во многом он был согласен с Неплюевым и по поводу как бездарно ведет хозяйственную деятельность Русско – Американская компания, и по поводу того, что на такую огромную территорию нужны значительные силы, включая флот и не только маломерный. Ему как человеку военному давно было понятно, что горстка поселенцев, рассыпанная по фортам и заготовительным базам, не могла физически контролировать эти земли. Было очевидно, что в этих землях нужно было проводить жесткую политику, которая опиралась бы на реальную силу и которая позволяла бы при необходимости принуждать или наоборот обласкивать и принимать на службу. Все это великолепно по-

лучалось на Кавказе, где правительство, стремясь завершить присоединение, действовало твердо и решительно и главное дальновидно. Главнокомандующий Кавказской армией Баратинский, также как и начинавший боевые действия Ермолов, твердо сжимал кольцо блокад с последующим твердым закреплением территорий. И когда, наконец, пала ставка самого Шамиля, ему и его семье с охраной было предоставлено жилье с денежным содержанием в Калуге. Сыновьям имама была дана возможность учиться в военных училищах России и служить в русской армии. Орлов не понимал, почему тоже – самое нельзя было применять и здесь в Русской Америке, где к тому же не было кровопролитных боевых действий как на Кавказе. Прошло более ста лет с момента открытия этих далеких земель, но их развитие так и оставалось делом будущего.

"– Баранов, наверное, и предположить не мог, – подумал Орлов, скрипнув зубами, – Что его потомки будут так бездарно править этими землями. Да, пожалуй, лишь при Александре Андреевиче, освоение Аляски было самым успешным! Не случайно его назначили одним из первых правителей Российско – Американской компании и он занимал эту должность до своей смерти...".

Внезапно ход его мыслей оборвал, какой – то утробный, сдавленный звук, словно кто – то хотел крикнуть и не смог. Подозрительно осмотрев через плечо корабельные постройки, Орлов крикнул:

– Иван Иванович! Упал, что ли?

Тишину нарушали лишь шум океана, да скрип мачт, на которых, то и дело хлопали под порывами ветра куски парусины. Не получив ответа, он достал из-за поясного ремня револьверы и осторожно двинулся по скользкой, качающейся палубе к двери, за которой по трапу можно было спуститься в низ. Добравшись до металлической двери, он оглянулся в сторону берега и, не обнаружив ничего подозрительного, стал спускаться вниз. Горящая керосиновая лампа, висевшая на стене, тускло освещала мрачные своды коридора, давая возможность видеть лишь его контуры.

В сыром, спертom от резких, чужих запахов коридоре, его лицо вновь покрылось крупными каплями пота, а чувство опасности, которое он всегда испытывал уходя в поиск, вдруг неожиданно навалилось, стуча противными молоточками в висках. Он так и не успел спуститься по трапу в низ, внезапный, мощный удар прикладом, нанесенный между ступенек в затылок, буквально швырнул его на грязный пол. Уже в следующую секунду несколько человек навалились на него, выкручивая за спину руки. Последнее, что он осознал, теряя сознание – это были неизвестно откуда появившиеся индейцы.

Очнувшись, он долго не мог понять, где находится, перед глазами крутилась какая-то дьявольская карусель, состоящая из не знакомых лиц. Наконец Орлов осознал, что его притащили в трюм, где и подвесили за руки к потолку, рядом

с инженером и англичанином.

Поморщившись от головной боли, Орлов горько усмехнулся и тихо проговорил:

– Как же это им удалось нас в полон взять? Никого же за бортом не было! Все каное отчалившие от берега вернулись обратно, за исключением затопленных. Ну как им удалось такой конфуз учинить? Вам смотрю, досталось еще больше чем мне.

– Какая теперь разница? – тихо, прохрипел инженер. Уставившись, безучастно в пол.

Поручик внимательно посмотрел на его опухшее от побоев лицо и так же тихо проговорил:

– Ты носа – то не вешай, Иван Иванович! Ну, перехитрили нас каким – то образом, но это еще не все. Может еще, и выберемся из этого конфуза.

– Господин, офицер, еще надеется на что – то? – глухо, спросил англичанин. Едва шевеля разбитыми губами.

Орлов повернул качающуюся голову в сторону Тони и, посмотрев на его разбитое лицо, проговорил с металлом в голосе:

– Господин Орлов всегда верит в победу и всегда дерется до самой крайности! Причем при любых..., даже самых скверных обстоятельствах.

– Ты хоть слышишь себя, офицер? Теперь все на стороне туземцев и судовой команды, этого капитана Бернса! Наши люди, по возвращению даже не узнают, кто их расстреляет

с борта шхуны, еще на подходе. Надо дожждаться капитана и вступать в переговоры!

– Ну, ну, – выдавил поручик, сплюнув, – что – то до сих пор как я посмотрю, у тебя не очень – то получалось милейший с ними договариваться!

Вскоре томительное ожидание пленников, нарушил лязг металла, и в открывшуюся входную дверь вошло несколько человек. Это были индейцы, в своих серых оленьих полушубках с непокрытыми головами, которые привели, держа под руки шкипера. Именно эти длинные, черные волосы перехваченные цветастыми лентами на голове, спадающими на плечи, Орлов увидел после того как получил сильный удар по голове.

– Ну, узнаешь кого? – рявкнул, один из них. С перекошенным от ярости лицом.

– Меня в плен бородатый брал, с американцем вроде... – с хрипом, пробормотал шкипер. – Бородатый, на казака русского походил..., а это воевода пограничный. С ними еще испанцы были! Только куда они все подевались, я не знаю!

– Так не бывает, – со злостью, прошипел индеец. – Что же они подобно чайкам, упорхнули с утеса? Вспоминай, давай! Это тебя пока я спрашиваю, сейчас придет капитан Бернс, и лучше будет, если ты до его появления, все в точности вспомнишь.

– Послушай, Лис..., меня пытал американец, вон с тем англичанином..., был еще русский казак и испанские матро-

сы...но я точно не знаю куда они все подевались и сколько их всего было! Этого я вообще первый раз вижу, а этот с американцем меня допрашивал, сука! Рисунки с ладоней снимал!

– А ты все-таки подумай, как следует! – рявкнул кто – то, прокуренным голосом.

Орлов посмотрел на спускающегося по трапу, круглого как шар, в полосатых штанах, заправленных в желтые ботфорты человека, с густыми бакенбардами и треуголкой на голове. Который тяжело сопя, спустился наконец в трюм по лестнице и подойдя к пленникам проговорил, внимательно вглядываясь в их лица:

– Старых знакомых вроде бы нет. Как они оказались на шхуне?

– Я, я..., правда, не знаю! – выпалил шкипер. – Поверь мне, капитан, когда я их обнаружил, они уже досмотр палубных построек проводили!

– Это они лодку твою отбили, – буркнул, один из чугучей. Сунув руки за расшитый камнями ремень. – На ней и корабль захватили! И атаку они отбили, только их было больше. А вот куда остальные подевались, пока загадка?

– Ну, время – то у нас есть, я думаю, что мы найдем ответы на все загадки! А с вас со всех спрошу сурово, за то, что корабль проспали! – рявкнул толстяк, сжимая рукоятку сабли.

– Виноват, сер, – пробормотал шкипер. Смахивая рукавом пот с лица. – Они так внезапно появились...

– Хватит! – оборвал его толстяк. – Мозги вы все свои пропили уже. Так этот говоришь тебя, допрашивал хиромант – вонючка?

– Он, сер! Он как оказалось на Пинкертона работает!

– Вот как? Не люблю я этих выскочек! Вздерните его на рее, пока вся шхуна не пропахла псиной! А ты кто таков?

Орлов внимательно посмотрел в красное, круглое лицо капитана, на его треуголку, с которой тонкими струйками, стекал тающий снег, прямо на клеенчатый плащ, накиннутый на плечи. Поморщился от сильного перегара, который в сочетании с запахом чеснока, довал какой-то невероятный букет тяжелых запахов. И хрипло проговорил:

– Я русский офицер. Поднялся на борт, чтобы проверить судовые документы и карты капитана.

– Ну и как... , все посмотрел, офицер? – недобро улыбнувшись, выдавил капитан. Сквозь стиснутые зубы.

– Думаю, что да! Вас с командой, уже давно арестовать надобно капитан, Бернс!

– Не говори так, а то я испугаюсь! – давясь от смеха, выпалил тот. – У тебя будет время, рассказать о твоём открытии, либо ветру, когда будешь болтаться на рее, либо рыбам когда тебя сбросят за борт. Сказывай лучше по добру, сколько вас человек тут было, куда остальные подевались и кто за бомбардира у орудия стоял?

– За все я в ответе, – отозвался Орлов, – все мой приказ выполняли и у пушки я командовал. Это человек работный,

а тот ваш земляк. Ну, а куда остальные подевались – так их Господь к себе призвал, твои люди капитан, в нас тоже стреляли, между прочим.

– Дерзок ты, как я посмотрю, офицер, – с презрением, процедил капитан. – Впрочем, у вас у русских – это в крови! Все вы до драки крепкой охотники. Мне нужно знать численность ваших гарнизонов, чем вооружены колонисты, сколько запасов провизии в вашей столице, и когда ждете ближайший пароход с купцами?

Орлов молча, выслушал брызгающего слюной толстяка и со вздохом проговорил:

– Я не генеральный штаб, капитан. Откуда мне знать такие подробности?

– Не огорчай меня, офицер! – рявкнул тот. – Вернется команда на борт и тогда мои люди нарежут тебя на ремни, если не дашь мне ответы!

Молчавшие до сих пор индейцы, внезапно заспорили между собой, бросая взгляды то на капитана, то на пленников.

– Ты обещал, после того как мы поможем тебе вернуть корабль, отдать всех урусов мне, – проговорил с раздражением, один из индейцев. Блеснув ослепительно белыми зубами.

– Я капитан и я помню, что и кому я обещал, Лис! – выпалил Бернс, с раздражением. – Все наверх! Готовимся к приему судовой команды и выбираем якоря! Этих русских привязать на палубе к мачте, а этого пса вздернуть!

О казавшись привязанными к мачте на палубе, пленники какое – то время, молча наблюдали за приготовлениями англичан к отплытию.

– Извини, Константин Петрович, – всхлипнув, прошептал инженер, – что предупредить не смог. Дух выбили мгновенно.

– Брось ты, Иван Иванович, – попытался успокоить его поручик, – это же индейцы. Они разведчики хорошие, меня тоже вон как в полон взяли красиво. Мы даже и не поняли, как это им удалось. Остается лишь гадать, как эти нехристи нас перехитрили, хотя я так смекаю, что мы их атаки с берега ждали..., а они со стороны океана к нам подкрались. Ну, а на корме у нас никого и не было..., выходит, что недооценили мы их смекалку военную.

– Неужели на этом корыте..., свои дни закончим? Неужели это конец? – давясь от слез, бормотал инженер.

– Да, погоди ты нас хоронить, – отозвался Орлов, морщась от боли в груди. Наблюдая за тем, как индейцы крепят веревку с петлей на мачте, как подвели к поставленной бочке Тони, который безучастно наблюдал за всем происходящим. – У них еще вопросы к нам имеются..., а к этому времени, глядишь и наши возвратятся. На берегу – то тишина! Значит, не обнаружили лазутчиков наших, значит, не все еще потеряно.

Капитан Бернс тем временем, поднявшись на ходовой мостик, в рупор командовал своими не многочисленными людьми, прибывшими на шхуну вместе с индейцами, тоном,

не терпящим никаких возражений.

– Зажечь все фонари! Белый наверху фок – мачты, на вантах справа зеленый, слева красный! Один живо на нос с лампой! Сигнал подавать непрерывно, круговыми движениями!

– Усиливается бортовая качка! – крикнул кто – то в темноте.

– Ничего, бросьте по бортам дополнительные веревочные лестницы! Принимаем всех на борт и сразу выбираем якорь!

Тем временем, индейцы, веселясь и улюлюкая выбили бочку из под ног англичанина. И его тело, несколько раз дернувшись, замерло, раскачиваясь из стороны в сторону.

– Прощай, англичанин, – со вздохом, прошептал Орлов. Сквозь стиснутые зубы. – Не получилось уберечь тебя..., прости.

– Ну, что, урусы, страшно умирать? – раздался рядом, чей – то шипящий голос.

Только тут Орлов с молча плакавшим Неплюевым, заметили выросшую из темноты фигуру Лиса. Крепкого телосложения, он твердо стоял на обледеневшей палубе, сжимая в руках винчестер, и был явно доволен всем происходящим вокруг.

– Чего тебе от нас надобно? – буркнул поручик. – Никак не дожدهшься, когда и нас вздернут на рее?

– Пусть собака, на Пинкертона работающая, берет след и гавкает у костров своих богов – это капитан решает. А мне по соглашению у костра, достанетесь вы, урусы!

– Ну и к чему мы понадобились, сыну народа Чугучей? – прищурившись, проговорил Орлов. – По-моему ты продешевил, Лис! Какая с нас цена?

– Ты, урус, стрелял из пушки в моих братьев! – выпалил индеец. Хватаясь за рукоятку огромного кинжала в ножах. – Многие из них, погибли в холодных водах океана. И народ моей деревни, никогда не простится с ними, не проводит в последний путь к нашим предкам.

– А ты всерьез думал, что можно вот так просто, сесть в каноэ со своими братьями и налететь на русских? Значит, ты до сих пор так и не понял, кто такие русские поселенцы и как они могут драться до крайности? Твой дружек капитан, нарушил водную межу со своими матросами, и он знает об этом. Потому – то он и торопиться как вор, под покровом ночи, выбрать якорь и лечь на обратный курс! Возьми мою жизнь – это ведь я стрелял в твоих братьев! Отпусти моего товарища, он еще слишком молод, чтобы спешить к кострам наших предков и тебе за его голову, в нашем Большом городе, дадут щедрый выкуп. Ведь мы, столько лет живем по соседству с твоим народом! Нам дружбу водить надобно, резать у костра мясо одним ножом, а не целиться друг в друга.

– Наши друзья англичане, – покачав головой, проговорил тот. – Они помогают моему народу жить, вооружают его скорострельными ружьями, дают порох и соль.

– Мы тоже можем быть вашими друзьями! – выпалил сквозь слезы инженер. С широко раскрытыми от ужаса гла-

зами. – Это ведь хорошо когда много друзей!

– Вы не можете быть нашими друзьями, – с презрением, процедил индеец. – Ваши люди воруют у наших умерших отцов их души, а вор не может быть другом.

– О чем это он, Константин Петрович? – стуча зубами и дрожа всем телом, выдавил Неплюев.

– Да погоди ты, Иван Иванович! Разъясни мил человек, чего это мы у вас крадем и где? Что – то слова твои, мы никак в толк не возьмем.

– Ваши люди роют нашу землю, жгут ее в печах, а вместе с дымом улетают оскверненные души наших предков! – со злостью выкрикнул Лис. – Мы много раз просили ваших вождей, не делать этого! Не осквернять память нашу! Ведь прах наших предков покоится в этой земле! Ваши старейшины обещали нам это, но вы продолжаете беспокоить прах наших умерших. Наш Инук-Чук рассержен, он просто в ярости! Он шлет на наших людей болезни, из-за которых мы едва успеваем оплакивать наших родственников.

– Ага, я, кажется, смекнул, про что это ты говоришь, – покачав головой, проговорил Орлов. – Ты говоришь, про работу нашего кирпичного завода, что в низовьях реки Медной? Знаешь храбрый воин..., нам, как и вам, нужно отапливать свои вигвамы, в холодное время, готовить на печах пищу. Именно поэтому наши люди, добывают там огнеупорную глину. Но они не помышляют об осквернении праха ваших предков. Они же не роют землю возле ваших деревень!

– Вы, урусы, ответите за своих братьев! Я все сказал!

– Ну, что, Лис, – проговорил капитан Бернс, подходя к пленникам, – нашел ты с ними общий язык? Давай их вздернем как и того пса! Они русские народ упрямый, ничего кроме хлопот они тебе не принесут. Верно, я говорю, воевода пограничный?

– Ты, капитан в своих плаваньях, видать совсем мозги простудил! – выпалил Орлов, с ненавистью. – Эта наша земля, а ты как вор залез за водную межу, и творишь беззаконие! Ты получишь все по заслугам со своими головорезами!

– Моя земля! – передразнил, капитан, криво улыбаясь. Попыхивая при этом трубкой. – Ты, видать, забылся, что это ты с дружкой привязан к мачте, а не наоборот! Сейчас на борт поднимется судовая команда, и мои люди нарежут вас на ремни!

– Ты обещал мне отдать урусов, – проговорил, сквозь зубы Лис. – Ты забрал своего единоверца, а урусы должны предстать перед судом моего племени!

– Ну, посмотри на них, Хитрый Лис, – улыбаясь, буркнул толстяк. Беря индейца под руку. – Они стреляли в моих людей, если я их отдам тебе, то меня не поймут мои люди, которых мы скоро примем на борт.

– Ты обещал, что если на борту окажутся урусы, то ты отдашь их мне, – упрямо, повторил индеец. – Я же отбил твою шхуну как и обещал!

– Кто же мог предположить, что на борт заберется сам по-

граничный воевода! – выпалил капитан. – Ну, хорошо! Пусть будет по-твоему. Только прежде чем твои люди их заберут, мы их крепко допросим. Хорошо?

– Думаю, что старейшины моего племени, не будут против, – проговорил индеец. Уходя на корму шхуны.

– Вот и хорошо, что договорились! – крикнул, в след капитан. – Если я понадоблюсь, то я буду в котельной, беседовать с кочегарами, заодно и гляну, как пары держат!

Продолжая дрожать всем телом, инженер с ненавистью посмотрел вслед капитану и затравленно прошептал:

– Что же нам теперь делать? Что они хотят с нами сделать на кирпичном заводе? Лучше уж долю англичанина разделить здесь, чем с этими варварами, которые могут придумать любую гнусность.

– Помоги его душе, Пресвятая Богородица, Матерь Господа нашего, – прошептал Орлов. Глядя на раскачивающееся тело полицейского. – погоди, Иван Иванович, хоронить нас, мы еще повоюем! Подумаешь, в полон взяли! Лису еще нас до кирпичного завода дотащить надобно, а это уже целая жизнь. Да и про ползунов наших не забывай, они же огни сигнальные на шхуне уже заметили и смекнули, что беда у нас приключилась.

– Это если они еще живы, – закусив нижнюю губу, выдавил инженер сквозь слезы.

– Типун, тебе на язык! Шума на берегу не было, а это значит, что не обнаружены они.

Тем временем тело англичанина было снято с веревки и сброшено за борт, под радостные возгласы индейцев. От которых отделился один, и с самодовольной улыбкой, покачиваясь на скользкой палубе, приблизившись к пленникам – это был Лис.

– Ваш дружек, уже на пути к своим предкам, – ядовито, процедил он сквозь зубы. – Только вы не думайте, что ваша смерть будет такой же легкой под этой луной.

– Ну да! Ты убьешь нас, два раза! – разозлившись, выпалил Орлов.

– Ошибаешься, урус, – зловеще, прошептал индеец. – Мы не будем вас просто убивать. Мы сожжем вас в ваших печах! В тех самых, в которых вы обжигаете свои кирпичи, тревожа души наших предков. Именно об этом, просил Инук – Чук нас через шамана.

– Так вот, что вы удумали, – проговорил поручик, покачав головой. – А почему ты так уверен, что наши работные люди, позволят тебе все это проделать с нами?

– Потому что на вашем заводе, больше никого нет! – отрезал Лис. Перекосившись от злости. – В бараках вашего завода, поселился ветер, а ваши проклятые печи остыли.

– Как это никого нет? – сквозь слезы, прошептал инженер.

– Да, что ты его слушаешь... – начал было, Орлов и осекся. Увидев вдруг показавшиеся из-за борта чьи-то тени. Которые словно по команде, открыли ураганный огонь из револьверов, по толпившимся у противоположного борта ин-

дейцам. И которые были буквально сметены, раскаленным металлом, рухнув как подкошенные на палубу.

– Живы? – закричал Джон. Стреляя в след убегающему Лису.

– Живы! Живы! – истошно закричал инженер, с широко раскрытыми глазами. – Развяжите нас! Нас хотели сжечь заживо!

– Погоди, инженер! – крикнул американец. Помогая товарищам забраться на палубу.

– Сейчас, ваше благородие, – тяжело дыша, пробормотал Степанов. Идя к пленникам вдоль борта, озираясь при этом по сторонам. – Сейчас развяжу! Дыхание сперло от весел..., насилу ушли!

– Лодки судовой команды идут следом за вами? – выпалил Орлов.

– Шагов двести, Генерал, нас разделяет, – отозвался американец. Струдом помогая Бену подняться на борт. – Нас спасло то, что мы первыми огни на шхуне увидели, едва к берегу причалили.

– Америка, к орудию! – закричал поручик. – К орудию, урядник! Пока они еще в секторе обстрела! Попадут в мертвую зону, нам же не отбиться!

– Да, понял я, понял, – пробормотал Джон. Бросаясь на нос шхуны.

– Помогай ему, Степанов! Орудие заряжено! Бен, возьми под прицел двери! Пали, Америка! Пали! – ревел Орлов, по-

виснув на веревках.

– Они все за сектором, – озадаченно отозвался Джон. Напряженно всматриваясь в темноту.

– Все равно стреляй! Они убоятся и повернут!

Яркая вспышка, с оглушительным грохотом выстрела, на мгновение расколола, неспешный рокот бегущих за бортом волн, а уже в следующую секунду раздался иступленный вопль инженера, который с перекошенным от ужаса лицом завопил:

– Убива-а-а-ают!

Только тут Орлов заметил, в тусклом свете сигнальной лампы, крадущегося с перекошенным от ярости лицом Лиса, с занесенным над головой кинжалом. Мгновенно сгруппировавшись, поручик, повиснув на веревках и со всей силой, ударил двумя ногами противника в грудь. Вложив в этот удар, всю свою ненависть и остервенение. Получив столь мощный, а главное столь неожиданный удар, индеец отлетел к борту, и уже в падении за борт, успел все же метнуть свой нож в сторону пленников. Который с противным дребезжанием воткнулся в мачту, между голов Орлова и инженера, с характерным звуком.

– Дэ-э-э-эн!

– Вот ведь чертов туземец! – выкрикнул, подбежавший казак. Стреляя за борт из револьвера.

– Сейчас, сейчас, Генерал, я ремни обрежу, – бормотал американец, подбегая к мачте.

– Где лодки наступающих? – выпалил поручик. – Где испанцы? Они же с вами уходили?

– Потерялись они в потемках, – отозвался американец. С остервенением перерезая веревки. – А лодки к берегу повернули, не хотят видать, в воде замерзать!

– Как же мы теперь без матросов..., с этой посудиною справимся? – озадаченно, пробормотал Орлов. Растирая освобожденные от возжей, запястья своих рук. – Как это получилось?

– Шли вроде сзади! А как до лодки добрались, то их и не оказалось! То ли отстали и заблудились, то ли специально спрятались, чтобы судьбу не испытывать.

– Значит, мы теперь без матросиков остались, – с досадой, проговорил Орлов, – а жаль. Про Чарли с капитаном не спрашиваю и так все понятно. Степанов, озадачься кормой и присмотри за инженером, в кубрик его пока нельзя отправлять, капитан Бернс у нас там теперь, оборону я так смекаю, занял. Давай, Америка, быстро за мной к пушке! Глянем, что мы там имеем.

– Заряд ложится за лодками! – крикнул Джон. Укрываясь за бортом, от шелкающих пуль. – Да и волна при такой дистанции мешает выцеливать.

– Волна говоришь? – пробормотал поручик, оценивая обстановку. – А ну давай заряжаем! Выстрел делаем, когда нос шхуны на волне опускаться начнет! Они уже и так поняли, что мы пушку контролируем, потому и выгребают поспеш-

но к берегу. Это ведь не в лесу, где можно в любой момент укрытие найти – это почитай как в открытом поле.

– Погоди, Генерал... ты говоришь, что капитан на борту оказался?

– Потом, Америка, потом поговорим! Давай для начала поколотим напоследок этих проходимцев!

Выстрел, произведенный из пушки, превзошел все смелые ожидания. Смертоносный столб воды, клокоча и угрожающе шипя, взвился в черное небо, посреди индейских каноэ. Мгновенно утопив и перевернув добрую их половину. Ответная стрельба отступающих, мгновенно оборвалась, и они дружно налегли на весла, стараясь как можно быстрее выйти из зоны обстрела.

– Опять удача на твоей стороне, генерал, – проговорил Джон. Вытирая шляпой лицо. – А я уже думал, что заряд как надо не положим. Ей богу думал, что придется с гранатами драться, а они вишь, как к берегу рванули.

– Гранаты нам еще пригодятся, – отозвался поручик. Внимательно осматриваясь по сторонам.

– Может, добавим им еще вдогонку разок?

– Погоди маленько, неизвестно, сколько нам на этой посудине, придется оборону держать.

– Тоже верно! Как думаешь, доберутся до берега те, кто в воде оказался?

– Ну, кого подберут – тот у костра отойдет, а вплавь, кто решит двинуть..., не знаю, вода уж больно злая, да и волна

не слабая, наверняка ко дну камнем пойдут.

– Хитер ты, Генерал, все ведь верно рассчитал! А как же получилось, что они вас в полон взяли?

– Все просто, Америка. Мы их с берега на носу ждали, а капитан с индейцами с кормы высадился. Со стороны океана они зашли, без единого огонька, вот мы их и не углядели. Если не вы бы, то и не знаю, чем бы все закончилось.

– А где же Тони? – встрепенулся Джон. – Он, что же внизу с капитаном?

– Погоди, Америка, дружек твой..., я ничего не смог сделать..., извини.

– Как это случилось? Где его тело? – стиснув зубы, выпалил американец вскакивая.

– Его повесили по приказу Бернса на рее, а тело сбросили в океан..., извини. Что у тебя с ногой? Ты ранен?

– Ерунда! Чиркнуло чуть ниже колена. Эх, лучше бы я взял его с собой на вылазку! Тебе вон самому в голову прилетело, вся щека в кровище. Кто там говоришь, оборону внизу держит? Капитан с кочегарами?

– И шкипер еще, которого ты допрашивал. Кочегары как мыши сидят и вряд ли окажут серьезное сопротивление, а вот капитану со шкипером, как понимаешь, есть, что терять. К тому же там может оказаться кто – то из индейцев, мы с инженером точно не скажем.

– Голосистый у тебя инженер, – кивнув, проговорил американец. – Кричит душевно..., аж, все в нутрии переворачи-

вается. Ладно, давай в глаза этой свинье, капитану посмотрим.

– Погоди, Америка, – проговорил Орлов. Хватая союзника за руку. – Не забудь, что он нам живым нужен.

– Я ему пока лицо сломаю, а дело сделает – лично пристрелю гниду!

С этими словами, американец подошел к металлической двери и, поняв, что она закрыта изнутри, стал с яростью стучать кулаками по ней, выкрикивая одно проклятие страшнее другого.

– Вот ведь неудача, – прошептал урядник, крестясь при этом. – Двери изнутри заперты. Припасы съестные там опять – же..., там они долго оборону держать могут.

– Открывайте, крысы корабельные! – ревел американец, пиная двери. – С вас и так будет смеяться вся Англия!

– Мы же здесь околеем, – пробормотал, подходя инженер. Дрожжа при этом всем телом.

Орлов не спеша подошел к Джону и, закурив, проговорил с усталым видом:

– Погоди, Америка, дай я с ним поговорю. Ну чего ты конечности об металл ломаешь?

– Они убили моего друга! Да я сейчас взорву гранатами их к чертовой матери!

– Эй, капитан! – крикнул офицер. Глядя, как американец стал разматывать парусину, где хранились гранаты. – Ты меня слышишь?

– Кто это там еще верещит, как детеныш тюленя? – глухо отозвался тот, из-за двери. – Никак воевода пограничный?

– Да, это я! Давай договариваться, пока мой боевой товарищ не взорвал эту чертову дверь.

– Скажи ему, что для этого потребуется много взрывчатки! У нас тут много угля и провизии, я подожду, пока вы издохнете от холода. Нам останется лишь сбросить ваши трупы за борт, а взрывать эту дверь бесполезно. Эта шхуна сделана на совесть и способна выдержать даже прямое попадание из пушки!

– Отходи, генерал! Сейчас мы поджарим эту задницу!

– Послушай, Америка, дай мне договориться с ним, – с жаром, зашептал Орлов. – Ну, снесешь ты эту дверь, а дальше что? Без плотной двери, эта посуда начнет черпать забортную воду от волны, мы начнем терять ход и затонем, да и тепло внутри нам не удержать. Оно ведь будет выскакивать все через двери. Дай мне принудить его к сдаче!

– Хорошо, Генерал, попробуй..., а я посмотрю, как у тебя это получится, – покачав головой, проговорил Джон.

– Вот и ладно. Степанов! Наблюдать во все стороны, чтобы опять конфуза не приключилось! Чего так нахохлился, голубчик? Замерз что ли?

– Шапку в двух местах прострелили, да молохай ножом порезали поганцы, – отозвался тот подходя.

– Ну, эта беда поправимая, – усмехнувшись, воскликнул поручик. – Мы сейчас у капитана возьмем проценты, за на-

несенный ущерб. Слышишь меня, капитан?

– Говори, воевода, чего хотел, – прогудел тот, за дверью.

– Капитан видимо не знает, что уже произошло и еще произойти должно, – с сочувствием, проговорил Орлов. Кутаясь в воротнике полушубка.

– И, чего же это я не знаю такого?

– А то, что на шхуне уже высадился мой десант, что твои дружки индейцы, уже кормят рыбу за бортом, а твоя судовая команда, испугавшись пушки, удрала на берег. Утром сюда прибудет наш военный пароход и отбуксирует твою посудину, в нашу столицу, а твоих матросов перебыют казачки. Которые без джигитовки, у меня засиделись и которые с удовольствием, разомнутся на берегу, изводя твоих матросиков под корень. Ну, а ты, капитан, как понимаешь уже никогда не увидишь своей Англии, потому как вздернут тебе без особого сожаления, а тело отдадут на потеху койотам и чайкам.

– Что ты предлагаешь, пограничник? – после не большой паузы, уже не уверенным голосом спросил Бернс.

– Вот это уже деловой разговор, – кивнув, проговорил Орлов. – Ты отворяешь двери, сдаешь оружие, а заодно и своего дружка, который сейчас томится на берегу.

– Какого еще дружка? – настороженно, уточнил капитан.

– Бандита Чарли! – рявкнул Джон, пиная двери.

– Никакой он мне не дружек! – выпалил пленник. – Забирать можете этого ирландца, хоть задаром! Только нет его уже на берегу, в ваш Ново – Архангельск он подался!

– Отчего же он передумал воспользоваться твоей "Марией"? – переглянувшись с американцем, уточнил поручик.

– Он со своими дружками, только с дилижансами почтовыми воевать может! А как в открытом бою интересы отстаивать – так у них и желание пропадает! Ловите его на постоялом дворе, в своей столице, хотя дожидаясь своей okazji, они могут на постояю у кого – то из местных встать.

– Вот видишь, как все ладненько складывается! Нам тоже до Ново – Архангельска добраться надобно. Доставишь нас туда, а после вернешься за своими дружками, и плывите куда хотите! Ну как тебе мое предложение?

– Это дерьмо плавает, а моряк ходит! – истерично, закричал Бернс.

– Так вот и я говорю, – засмеялся поручик, – ходи себе на здоровье.

– Какие у меня гарантии? – после некоторой паузы, проговорил пленник. – Откуда мне знать, выполните вы свои обещания или нет?

– Я тебе сейчас устрою гарантии! – выпалил Джон, пиная двери.

– Ну, погоди ты, Америка. Даю тебе слово русского офицера, что отпущу на все четыре стороны! Никого из вас трогать не будем, если все правильно сделаете, и вести себя будете прилично. Ну как тебе такие гарантии?

За дверью повисла напряженная тишина, лишь изредка нарушаемая перебранкой между пленниками. Наконец из-за

двери донесся голос капитана:

– Хорошо, принимайте оружие! Мы сдаемся, но гляди во-
евода, слово офицера дал!

Прошло еще несколько томительных минут, прежде чем за дверью хрустнули металлические запоры, и она со скрипом отворилась. В ту же секунду на палубу полетели револьверы с винтовками и кинжалами.

– Урядник, смотреть в оба глаза! И подберите оружие.

– Иди сюда жирная задница! – закричал американец. Хватая капитана за шиворот.

– Я обещал, что мы никого не тронем! – оборвал его поручик. – Отпусти его, я слово дал.

– И ты ему веришь? Да такие как он, в спину пальнут, или ножом ударят из-под тяжка!

– Вот если злодейство, какое учинят, тогда и поквитаешься с ними, – твердо, проговорил Орлов. – Не дури, отпусти его. Нам еще вместе, столько верст отмахать придется, да и не забывай, что тебя твой Чарли в гостинице дожидается.

– Убедил, Генерал, – кивнув, буркнул американец. С неохотой отпуская Бернса.

– Вот и хорошо, тогда идемте все в тепло.

Спустившись вниз, Орлов внимательно посмотрел на пленников и тихо спросил:

– Все слышали наши договоренности с капитаном Бернсом?

Пленники дружно закивали головами, с опаской поглядыва-

вая на американца.

– Ну, вот и замечательно! Кочегары идут и держат пары, чтобы при первой необходимости их можно было поднять без труда, капитан идет к себе в кубрик и отдыхает там до утра, думаю. Думаю, что мы прекрасно проведем время, на вашей шхуне и у нас найдется куча интересных историй, которые мы и обсудим во время нашего путешествия. Шкипер идет в ходовую рубку и прокладывает курс до Ново – Архангельска, чтобы утром мы могли выбрать якоря и лечь на этот курс. И запомните, ежели будите себя вести прилично, то все вернетесь к себе в Родину, а ежели саботаж какой учините, то я лично пристрелю любого за не подчинение. Все свободны!

– Я хотел кое-что уточнить, – пробормотал шкипер. Опасливо косясь на Джона.

– Что еще не так? – сквозь зубы, прорычал американец.

– Здесь очень скверные течения, к тому же приближается шторм. Сами посмотрите, как ведет себя барометр, стрелка запала на бурю.

– Ну и, что из этого? – уточнил поручик. – Значит надобно поторопиться, с прокладкой курса тем более.

– На наших картах, плохо прописаны песчаные мели и каменные банки, да мы и не ходили никогда до вашей столицы, – покачав головой, отозвался шкипер.

– Ты хочешь сказать, что мы не сможем, пройти до нашего заглавного форта? И это притом, что наши корабли ходят в этих водах, американские ходят, а ваша шхуна идти не мо-

жет? – разозлившись, выпалил Орлов.

– Шкипер прав, – буркнул капитан. Дыхнув на присутствующих перегаром. – Мы сильно рискуем. Мы можем за просто распороть себе брюхо!

– Ты предлагаешь нам сбежать за картой? – взорвался американец, выхватывая револьвер.

– Я все понял! – выпалил шкипер. – Я все сделаю к утру!

– Значится всем по местам! А ты, Америка, лично за их поведением следи.

– Уж поверь, я этим займусь самым серьезным образом, потому как я не верю им! – буркнул американец, в след уходящим пленникам.

– Только ты не забывай, что они нам живые нужны и, что тебя у нас в форте человек с лошадами дожидается. А, чтобы встреча ваша состоялась, нам до Ново – Архангельска добраться надобно для начала.

– Да помню я все, Генерал! Просто эти твари убили моего друга, и я как подумаю, что мы их отпустить должны, то у меня внутри все переворачивается!

– Не суетись, Америка, – проговорил поручик. Похлопывая по плечу союзника. – Нам еще до столицы добраться надобно, для начало. Пообещай мне, что до нашего форта с тобой никаких трудностей не будет.

– Ну, обещаю, обещаю, – вымученно, выдавил американец.

– Вот и договорились, значит.

Поднявшись на палубу, Орлов лично проверил обстановку за бортами и только после этого подошел к стоящему у пушки казаку.

– Не зайдут они к нам сызнова с тылу, через корму?

– Да нет, ваше благородие, – отозвался тот. Уверенно покачав головой. – Ветер окреп, вон какую волну поднял. Тут не только на лодке не справишься, тут и паровая машина не сдюжит.

– С этой стрельбой и переговорами, все некогда спросить было, что в поиске, не сложилась охота?

– Там у них такой гомон стоял, такая суета была, что подобраться не было никакой возможности, – отозвался Степанов. – Да и не видели мы близко, не капитана ни этого Чарли, за которым американцы охотятся. Ежели еще бы времени было побольше осмотреться, а то вскоре и фонарь сигнальный на мачтах увидели, ну и смекнули, что беда у вас тут приключилась. Снялись и обратно двинули на корабль. Матросиков жалко конечно испанских, наверняка сгинут там, а ждать уже времени не было.

– Да, нам бы они здесь пригодились, посудиною этой управлять, – проговорил поручик. Глядя на костры, разгорающиеся с новой силой. – Кто тебя менять будет?

– Бен скоро подойдет.

– А шкипер смотрю, в ходовой рубке с картой меркует?

– Точно, там сидит, курс нам прокладывает.

– Пусть прокладывает, глаз с него не спускайте и Бена об

этом предупреди. А я пойду капитана навещу, да поспрошаю через расспросную речь кое о чем.

Едва Орлов закрыл за собой двери и стал спускаться по трапу в низ, как до его слуха донеслось какое – то сопение и не понятная возня в коридоре. Вскоре его взору в свете керосиновой лампы, предстала удручающая картина. Плененный капитан лежал без движения на полу, а рядом с ним сопя и бормоча, что – то не внятное, боролись друг с другом Джон с Беном. Было видно, что Бен с трудом удерживал Джона, с перекошенным от злости лицом. И охотник за головами прикладывал для этого все свои силы.

– Может, хватит уже? – крикнул, с раздражением поручик. Вглядываясь в разбитое лицо капитана. – Ты, что убил его?

Товарищи как по команде прекратили борьбу, и, вскочив стали молча отряхиваться, отдуваясь при этом.

– Не, – буркнул, наконец Джон. Тяжело дыша при этом. – Притворяется сука! Он, Генерал, между прочим первый начал.

– Напал что ли? – не доверчиво, уточнил Орлов. Поднимая с пола свою фуражку, потерянную при своем внезапном пленении.

– Вижу, что он на камбуз подался, ну я ему и напомнил, что приказано в кубрике сидеть. А он рожа обнаглевшая заявил, что не намерен, подчинятся янки паршивому – за это и получил по морде.

– Давайте отнесем его в кубрик, мне его допросить надобно.

Когда тело стонущего капитана уложили на гамак в его кубрике, а американцы вышли в коридор, Орлов сел на стул и, сняв фуражку, стал внимательно осматривать апартаменты Бернса, с многочисленными полками. Которые были буквально забиты рулонами первоклассного сукна, перетянутые бечевкой, китайские ковры с циновками. Все это изобилие хранилось на фоне давно некрашенных стен с облупившейся местами краской, но, что больше всего угнетало и раздражало Орлова – это был спертый воздух. Он был настолько тяжел и влажен, что казалось в нем из-за его плотности, висят запахи табака и кофе, разбавленные запахами тканевых красителей и чеснока.

Внезапно капитан перестал стонать и довольно проворно поднявшись, сел напротив гостя, массируя и морщась от боли свой нос.

– Надо было вздернуть вас всех на рее, – уныло, пробормотал он. Не переставая массировать свой нос. – Этот чертов янки, чуть нос мне не сломал!

– Не забывай, капитан, о нашем уговоре..., а еще о том, что ты приказал повесить его друга, тоже англичанина, между прочим, – с негодованием, отозвался Орлов. Рассматривая помятое лицо собеседника. – Не стоит, и забывать, Бернс, про твоего шкипера, которого уличили в убийстве товарища американца. Ему, что же тебя в маковку, за все эти

злодейства целовать? Да и потом зачем заедаться? Мы же заключили соглашение! Может лучше нам познакомится надобно? Я, русский офицер, Орлов Константин Петрович.

– А я Александр Бернс, капитан на этой шхуне и английский подданный! Скажи, почему этот сумасшедший янки называет тебя генералом? Жидковатый ты для такого чина.

– Это тебе лучше у него самого спросить, – проговорил поручик, пожав плечами. – Я же хочу еще раз про нашу договоренность тебе напомнить.

– Да хватит тебе тараторить, одно и то же! – с раздражением, отмахнулся Бернс. – Доставлю я вас к вашему Ново – Архангельску! Но шкипер прав, у нас нет точных данных о мелях и банках, поэтому придется идти на малых оборотах. Можно спросить?

– Слушаю тебя, капитан, – кивнув, буркнул Орлов.

– Я бы хотел отправить, не много провизии и водки моим парням на берег, – прохрипел, простуженным голосом Бернс. – А то они околеют от холода, или просто умрут без спиртного. Это возможно сделать, пока мы не выбрали якоря?

– Думаю, что вашу банду, напоят и накормят аборигены и о них не стоит волноваться! – категоричным тоном, отрезал поручик.

– Не называй, офицер, мою судовую команду бандой! – выкрикнул Бернс, вскакивая. – Нашел бандитов! Мы морские партизаны и точка! А теперь проводи меня на камбуз,

я хочу выпить вашей водки! Это, пожалуй – то не многое, что есть в вашей империи, что греет хорошо душу в дали, от старушки Англии.

– Нас ждет сложный переход, – проворчал Орлов. – Может пьянствовать, будем потом?

– Разве же это пьянство? – дыхнув перегаром, возмутился Бернс. – Это мое нормальное состояние, да и потом, я по вашей милости промерз как сосулька! Ты хочешь, чтобы я простудился и слег? А кто поведет "Марию"? А так я буду как новенький уже к утру! Сон опять же будет крепким, да и шторм сюда идет, возможно, пережить придется.

Пропустив капитана вперед, поручик двинулся следом, молча слушая монолог пленника.

– Вот ты, воевода, обзываешь моих парней бандитами! – хрипел, с возмущением Бернс. Погрозив указательным пальцем. – А, что ваши казаки, до жирной и легкой добычи не жадны? У меня, между прочим, есть каперское свидетельство, выданное самими лордами. Ты, наверное, думаешь, что я с ними одного поля ягода? А оно так и есть! Между нами есть лишь очень маленькая разница – за ними стоит мощный флот нашей империи, а я имею лишь одну шхуну и малое число людей. Тех самых бедолаг, которых я должен оставить на берегу без припасов, по вашей милости.

– Мне надобно расплакаться от умиления? – буркнул Орлов. Заходя следом на камбуз.

– Если бы я мог, то сам бы расплакался. И за тех, кого

придется оставить на берегу, и за всех тобою убиенных.

С этими словами Бернс подошел к огромному сундуку, стоящему в углу не большого помещения, заставленного столами, стульями, шкафами с посудой и кастрюлями. Не спеша и явно смакуя сам процесс, достал из кармана своих полосатых штанов ключ и гордо проговорил, открывая замок:

– Это мой золотой запас.

Когда огромный замок был снят, а массивная крышка поднята, то взору Орлова предстали ряды литровых бутылок водки, заботливо переложенных стружкой.

– Ничего себе запасы! – вырвалось у него. – Капитан не боится, что судовая команда сопьется в пути?

– Без этого в океане, как впрочем и без чеснока – не выжить, – проговорил Бернс. Покачав головой и неторопливо сбил с горлышка сургучную пробку. – Если выдавать команде в меру, лишь тем, кто освобожден от вахты, то это только здоровье правит.

Поручик, молча, наблюдал за тем как капитан взял со стола огромную металлическую кружку, с безразличным видом, вылил под стол, недопитый кем – то чай и стал наливать себе водку.

– Э-э-э-э... – начал, было, Орлов. Глядя, как стремительно наполняется кружка. – Мы еще до форта не добрались!

– Успокойся, воевода, я свою норму знаю, – буркнул капитан. – Я с малолетства брожу по морям.

Опустошив на одном дыхании содержимое кружки, Бернс

долго морщился, закрыв глаза, затем взял со стола не доеденный кем-то кусок вяленого мяса, бросил его в рот и стал с остервенением жевать.

– Столько водки при abordage взяли, или закупали специально? – усмехнувшись, спросил Орлов. Раскуривая подаренную американцем сигару.

– Нет, – покачав головой, пробормотал пленник. – Это я у ваших заготовителей выменял, на соль и спички.

– Теперь я понимаю, как вы мену с первостепенными народами держите.

– Нашим лордам нужны воины в здешних землях, – пробормотал капитан, со вздохом – Это политика, воевода, а я со своей командой, здесь лишь маленькая пешка, в большой игре.

– Для нас важно то, что вы спаиваете и вооружаете здешние окраинные народы, – с металлом в голосе, проговорил поручик. – И делаете это специально, чтобы проще было натравливать их на наших поселенцев, чтобы они стреляли нам в спину.

– Что поделаешь, – буркнул Бернс. – Война как видишь, продолжается и не мы все это придумали.

– А не надоело воевать, да кровушку лить? Может уже пора успокоиться, да замириться? – выдохнув табачный дым, проговорил Орлов с укором.

– Поверь мне на слово, воевода..., наши лорды и пэры, делают все, чтобы столкнуть вас в океан! Делали и делать бу-

дут. И это совсем не важно, что закончилась Крымская компания. Всеравно все будет по их!

– А вот это твои пэры и лорды видели? – проговорил поручик. Показывая фигуру из трех пальцев, морщась при этом от табачного дыма. – Русская Америка уже сто двадцать лет, стоит под флагом моей империи и далее стоять будет! Можешь так и передать своим хозяевам. Наших колонистов не запугать вашими интригами и злодейством!

– Пустые это хлопоты, – буркнул капитан. Наливая очередную порцию водки. – Мои лорды и пэры, как впрочем и весь мой народ, всегда будут помнить, как самого Наполеона из Парижа поколотили москвиты! Вы, воевода, всегда будите для нас опасны и мы всегда будем с вами воевать. Это неважно, где и как, но это будет именно так! Помини мои слова!

– За свою жемчужину волнуетесь? Все спите и видите, как бы мы туда не зашли?

– Все правильно и за нее, – проговорил капитан. – Если вас не остановить на окраине, то вы и туда залезете как слоны! Вам же все земли мало!

– Невероятно!

– Что именно? – насторожился пленник. Занюхивая выпитое сухарем.

– Никак не ожидал, услышать такие речи от флибустьера! Вам потому и свидетельства навверное выдают, чтобы вы как можно больше, здесь злодейства умышляли?

– Я же сказал, что это политика! – рявкнул Бернс. Грохнув ладонь по столу. – А, что касается флибустьерства..., так ты, офицер, зря меня обидеть пытаешься. У меня в роду все были мореходами, мои предки даже участвовали в создании братства Святого Стефана. А его, между прочим основал тосканский герцог! И все мои предки служили интересам старушки Англии.

– Так капитану, слава своих предков покоя не дает? Теперь понятно, почему капитан Бернс, с такой любовью рисует на карте свои победы. Только судя по грузу в трюме, от вас страдания принимали не только китайцы, но и ваши соотечественники. Не жалко своих – то было?

– Это всего лишь жалкие торгаши! И потом, самые удобные акватории для любого абордажа, на протяжении тысячелетий, остаются воды Желтого моря! Вот тебе мой ответ, воевода.

– Хватит пить! – рявкнул поручик. – А то я смеаю, что при такой скорости питания мы никуда завтра не двинемся.

– Этому может помешать не водка, а только погода и то, что у нас нет описания мелей и банок! – выкрикнул Бернс. Пряча бутылку под стол. – Это же только вы и ваши сумасшедшие друзья янки, ходите здесь, не имея точно прописанных карт с глубинами. Это только вы можете гордиться, что эти земли принадлежат вам более ста лет! И вас словно не касается, что за все это время, вы не поставили ни одного сигнального семафора, ни одного маяка, ни одного бакена.

– А ты принимай это, капитан, за военную хитрость русских, – усмехнувшись, отозвался поручик. – А ежели так переживаешь, что конфуз какой в пути может произойти – так идите по бурунам, с промерами в опасных местах.

Бернс с нескрываемым интересом посмотрел на собеседника и помолчав не много произнес:

– Можно конечно и по бурунам... , но для этого нужна видимость, хотя бы на пару кабельтовых. Только в этом случае, мы сможем своевременно заметить, где закипает вода у рифов, только тогда можно будет обойти препятствие на малых оборотах.

В этот момент в коридоре послышался, какой – то шум, а в дверях появился раскрасневшийся инженер, который с порога выпалил:

– Там Джон с урядником сцепились!

– Этого еще не хватало, – сплюнув, проговорил Орлов. – Ладно, идем, а ты, капитан, допивай свою водку и иди к себе спать, а ключ от твоего хранилища у меня пока побудет на хранении.

– Когда же ты его успел умыкнуть? – растерянно, пробормотал Бернс. Шаря в пустом кармане. – Не доверяешь, значит?

– Переживаю, что потерять можешь. Ты же его уже выронил и не заметил даже, идем инженер. Где они сейчас?

– В грузовом трюме! Сцепились не растащить никак.

– А чего не поделили?

– Так они в бочке пустой, какого – то китайца нашли, вот из-за него и заспорили.

– Погоди! Какого еще китайца?

– Ей богу, Константин Петрович, китайца самого настоящего! Он шельма, видать с самого начала в бочку дубовую спрятался и там затихорился.

– Ладно, я драчунов сейчас гляну, а ты присмотри за капитаном, чтобы по пьяному делу не натворил он чего. Схоронись в соседнем кубрике, за стеной камбуза, а как он водку свою допьет, то помоги ему до своего гомака дойти.

* * *

Спустившись в грузовой трюм, Орлов какое – то время смотрел на катающиеся по полу тела. Затем сел на один из ящичков рядом, устало разглядывая нового желтолицего пленника с длинной косой. Который лежал на мешках с зерном какао, в цветастом, стеганном халате и трясясь всем телом, с ужасом наблюдая за всем происходящим.

– Я вам не сильно мешаю? – буркнул наконец поручик.

Боровшиеся замерли на мгновение, затем поспешно вскочили, отряхивая одежду.

– Ваше благородие, это не я начал, – пробормотал Степанов, тяжело дыша. – Это все американец затеял. Призываю в свидетели всех пророков, святителей, мучеников и проповедников! Мы этого китайца, на палубе обнаружили в од-

ной из бочек. Он, видать, туда со страху залез, а может и по пьяному делу.

– А задрались зачем? – сплунув, спросил Орлов.

– Я, Америке, говорю, что, мол допросить его надобно, глядишь он что – то интересное поведает нам. А, Америка, знай кричит, что мол за борт его кидать надобно.

– Да эта чертова кукла, Генерал, даже разговаривать с нами не хочет! – взорвался Джон.

– Так я же и гутарю, что замлел он маненько от холода! Его в чувство привести надобно, для начало! А ты заладил, что за борт и все тут. Ох и здоровый же ты братец!

– Не велика потеря, – отмахнулся американец, буркнув с ожесточением. – Нам в южных штатах, эти сыны Небесной империи, уже и так в печенках сидят! И тут они опять! Ну как тараканы честное слово! Ну, ты казак зла на меня не держи, это я из-за товарища убиенного в себя никак не приду.

– Ладно, забыли уже, – отмахнувшись пробормотал тот. Сосредоточенно одевая шапку.

– Тащите его в один из кубриков, – покачав головой, проговорил поручик. Массируя себе виски. – Дайте ему водки, может и впрямь чего интересного поведает. А ты, Америка, держи себя в руках! Нам сейчас не раздоры промеж себя выстраивать надобно, а едиными и монолитными быть как никогда. Атаковать ведь в любую минуту могут! Вот ключ возьмите от сундука, что на камбузе стоит – запасы Бернс там хранит водочные. Думаю, он не будет возражать, что одну

бутылку возьмем для дела. Но только одну и только для дела!

– Извиняй, Генерал, больше такого не повторится... , обида это все за товарищей убиенных, душу гложет. А за нападения голову не ломай, сейчас ветер вон как окреп, волну такую поднял, что даже каноэ туземцев, от берега далеко не отойдет. Бери, казак, этого сына желтолицего под руку с другой стороны, будем его вашей водкой отпаивать.

– Да и капитана там не трогайте! – крикнул им в след Орлов. Направляясь следом на палубу.

* * *

Ему была понятна не любовь американца к выходцам из Китая. Он со своими соотечественниками не понаслышке знал, что такое китайские иммигранты, которые съезжались в Соединенные Штаты, особенно в западную часть страны. Из-за чего не только эти самые западные штаты вроде Невады, Калифорнии, Юты или Орегоны были на тот момент озадачены массовым нашествием китайцев. Из-за этого нашествия бурлил даже Конгресс, которого всерьез беспокоила, эта обвальная миграция, ставившая серьезные проблемы перед американским обществом. Не только конгрессменов, но и простых граждан беспокоило то, что население Китая возросло на тот момент до трех сот миллионов человек, в то время как население самих Свободных Соединенных Штатов, составляло лишь тридцать миллионов человек.

Этот трудолюбивый народ, повсеместно отличался огромной работоспособностью, довольствуясь при этом и скудным питанием и не высокой зарплатой, что становилось для простых американцев серьезной проблемой. Именно из-за этих проблем, а также страха за то, что ураганное переселение в американские города, даст им возможность со временем получать голоса в Конгрессе, заставило американских конгрессменов пойти на не популярные меры. И они вопреки американской конституции, особым законом ввели искусственные ограничения на иммигрантов из Китая – им перестали повсеместно давать гражданство. Что впрочем, особенно не повлияло на желание сынов Небесной империи, умерить свои желания и, что законно вызывало раздражение не только у простых американцев. На бытовом уровне к ним относились как к индейцам или неграм, стараясь выдать правдами и не правдами в своеобразные гетто.

Все эти тревоги американцев по понятным причинам, не касались поселенцев Русской Америки.

* * *

Поднявшись на палубу, Орлов обошел всю шхуну вдоль борта, внимательно всматриваясь в огромные волны, несущиеся с каким – то зловещим ревом к черному берегу. Он в очередной раз в полной мере, почувствовал всю свою беспомощность перед сложившимися обстоятельствами, которые

по разным причинам, были выше его желаний и упорства. Орлов понимал, что усилившаяся волна, позволит хоть на какое – то время перевести дух и полноценно отдохнуть. Но, та же самая крепкая волна, усилившая боковую качку, могла заставить надолго отложить их от выхода на открытую воду, а значит заставить находиться в непосредственной близости от лагеря обозленного неприятеля.

Словно ржавчина металл, сознание Орлова разъедала мысль о том, что уходит драгоценное время, а он так и не смог до сих пор отправить помощь навстречу обозу. Все складывалось так, что ему возглавившему не большой отряд смельчаков, тоже требовалась помощь. Болела душа и за людей, оставленных в форте "Око империи", которые верили, что подмога уже скоро придет, что правитель Русской Америки незамедлительно поможет и провиантом, и пополнит их форт людьми. Поручик прекрасно понимал и делал все, что только можно было предпринять, но обстоятельства снова и снова были выше его возможностей. И если у стен форта, вновь появлялся очередной капитан Конели, с сотней озверевших от водки индейцев, то защитники форта были бы обречены.

Всем его надеждам на встречу, с кем – то из людей Самойлова на лесопилке, тоже не суждено было сбыться – все говорило о том, что работные люди в спешке покинули ее. Бросив и паровое оборудование, и заготовленное сырье, и сложенный штабелями готовый материал. Был брошен даже

тонкомер, уже затесанный под пику с одной стороны и всегда считавшийся неприкосновенным запасом. Тот самый тонкомер, который колонисты использовали для частокола, который надежной стеной, ограждал поселенцев от любых неприятностей. Орлов никак не мог понять, почему люди Самойлова покинули лесопилку, в спешке, бросая даже личные вещи.

В цепи всех этих событий, каким – то зловещим образом, всплывали слова утонувшего Лиса, который хотел придать огню – его поручика Орлова с инженером, в печи опустевшего кирпичного завода.

– Куда смотрит правитель Максутов? – стиснув зубы, пробормотал Орлов. Глядя на костры неприятеля, горевшие на берегу. – Почему молчит Нева? Что за приказ пытался передать с нарочным Максутов, уже умершему есаулу Черемисову? Может прав был погибший под стенами форта, английский офицер Конели, и вокруг этих земель идет какая – то не понятная возня? Да нет! Этого просто не может быть! Не могут на берегах Невы предать усилия и старания наших великих предшественников Чирикова, Гвоздева и Беринга, которые наряду с другими в подвигах закрепляли эти земли за империей. Нет... Петербург никогда не отдаст эти земли, и они всегда будут считаться "царевой" гордостью. Эх, Петербург, Петербург, как же ты далек от этих берегов. Как уже давно я не гулял по твоим улицам, любуясь красотами нашего русского зодчества и изобразительного искусства...

– С кем это ты, Константин Петрович, разговариваешь? – проговорил Неплюев. Появившийся из-за палубных надстроек. – Сам с собой что ли?

– Что – то случилось? – насторожившись, уточнил поручик.

– Да нет, – отозвался тот, пожав плечами.

– Выветрился, смотрю хмель – то? Не соскользнешь за борт?

– Обижаешь, Константин Петрович! Я уже как огурец на грядке!

– Это радует, что в здравом уме теперь будешь. А, что там капитан Бернс подделывает?

– А, что капитан? Уснул прямо за столом на камбузе! За ним урядник присмотрит. Я все хочу про образцы спросить, не отняли благородный металл разбойники, когда нас в полон взяли?

– Ну, что ты такое говоришь, – проговорил Орлов, со вздохом. – Уж слишком большой ценой мы добыли эти пробы, чтобы вот так просто, можно было их у нас отнять. Нет, Иван Иванович, их теперь можно только снять с убитого раба божьего.

– Типун тебе на язык, Константин Петрович! – воскликнул инженер. – Мы еще всех их переживем! Ну, а раз унции на месте, отчего тогда загрустил?

– Про Петербург я вспомнил..., вспомнил о том, что давно я там не был! Не хаживал по его заснеженным улицам, не

посещал Александрійский театр... Я бы сейчас с превеликим удовольствием, сходил в рубленую баньку, одел бы цивильное платье, да махнул бы на представление того же Каратыгина.

– Хороший трагик, – кивнув, проговорил Неплюев. Ежась от порывов холодного ветра. – Исторические образы у него просто не отразимы, что и говорить. Только мне ближе по духу, творчество московского актера Молчанова, который всегда блистал в трагедиях Шекспира и Шиллера. Впрочем, от задушевных произведений Глинки, я бы тоже не отказался. Так уже хочется, отвлечься от суровой действительности, которая нас окружает!

– А давай, как выберемся в Родину, Иван Иванович, да все свои дела в Петербурге переделаем и сходим на "Руслана с Людмилой"!

– Или на "Ивана Сусанина"! – улыбнувшись, отозвался инженер. – Только ведь, когда это еще будет! Отсюда, еще выбраться надобно.

– Выберемся, – твердо, проговорил Орлов. – Пока конечно все супротив нас складывается, но это пока. Я уже признаюсь тебе все мозги "сломаю", а сдвинуть чашу весов, в нашу сторону никак не могу. Уже сам с собой разговаривать начал.

– Не рви себе душу, Константин Петрович. Ты и так делаешь все сверх меры и я об этом по прибытию непременно доложу.

– Проку пока с наших стараний маловато, – со вздохом, отозвался поручик. Растирая замерзшее ухо. – Стыдно вспомнить, как меня боевого офицера, взяли в полон как мальчишку..., да еще, и зажарить хотели в печи заводской. Срамота, да и только!

– Погоди, я вспомнил! – выпалил инженер, с ужасом. – Как я раньше об этом не догадался! Этот индеец как там его? Хотел нам суд устроить на территории кирпичного завода!

– Лисом его звали поганца! Жаль я его на последок не успел в мужское место пнуть.

– Вот, вот Лис! Это, что же получается? Получается, что и на кирпичном заводе, наших людей нет уже? – с ужасом, выпалил Неплюев. – Что же здесь происходит? Что твориться вокруг нас, а мы в толк никак не возьмем?

– Покуда не знаю, – отозвался Орлов, играя желваками. – Одно смекаю точно, что дела у нас тут идут многотрудно, из-за того, что сила не на нашей стороне. Через это мы тут и все хлопоты имеем. Хорошо еще, что у нас с американцами интересы совпадают, хорошо, что объединились.

– Да без них нам бы совсем тяжело пришлось, что и говорить. Они ведь и как люди хорошие и союзники смелые, не чета нашим "друзьям" европейским. Вон как во время последней компании на Россию накинудись всей сворой!

– Это ты точно подметил, лишь американцы на весь мир заявили, что дружат они с нами, что торговали и торговать далее будут. Что оружие и снаряжение поставлять будут как

и обещали. Соседи они добрые и нам с ними дружить надобно!

– Я слыхивал, что они и добровольцев нам отправлять хотели.

– Вот и я говорю, дай нам Бог мудрости, жить с этим народом, всегда в мире и согласии. Да и враги у нас общие.

– Я верю, что именно так и будет, – со вздохом, проговорил Неплюе. – Когда у них гражданская война шла, лишь наша империя выступила за целостность и неделимость их страны и я уверен, что они это помнить будут.

В этот момент в дверном проеме показалась голова урядника, который подслеповато щурясь, доложил:

– Ваше благородие, китаец очухался маненько! Он не поверите, коком капитана Бернса оказался! Как смекнул, что мы шхуну захватили, так и спрятаться решил в бочке из – под селедки. От него теперечи за версту рыбой тянет!

– И чего же он там поведал интересного? – уточнил Орлов. С трудом подходя к двери из-за качки.

– Он как водки выпил, так и решил, что его везут на корабле по морю хоронить! Упал на колени перед Америкой, и стал просить не торопиться его хоронить, потому – как жив он еще и совсем не спешит в свою Небесную империю. У них, оказывается, по китайским обычаям, захоронение надобно произвести на родной земле.

– Слыхивал я про эти обычаи, – кивнув, проговорил поручик. – У них даже суда есть специальные, для перевозки

умерших китайцев.

– Вот ведь сыны солнца, – горько усмехнувшись, прошептал Степанов, – азиаты, а ишь как за своих земляков радеют. А мы своих поселенцев никуда не отправляем, всех в землю эту суровую ложем.

– Ну, будет тебе, казак! Русская Америка – земляца – то шашенская, – покачав головой, проговорил Орлов.

Разговор прервал, вышедшей на палубу Джон. По выражению лица, которого было видно, что он чем – то взволнован.

– Разговор есть, Генерал, – проговорил американец. Нервно, дымя сигарой.

– Что – то случилось?

– Тут такое дело..., даже не знаю с чего начать.

– Да говори уже, Америка.

– Мы же этого китайца водкой напоили, чтобы согрелся он побыстрее...

– Ему, что же плохо стало? – буркнул Орлов. С трудом держа равновесие из-за усиливающейся качки.

– Да нет! Заговорил сын солнца, как только казак ушел, и мы одни остались.

– Он поведал, о кулинарных пристрастиях капитана Бернса? – усмехнувшись, спросил поручик.

– Зря смеешься, Генерал, – с досадой, буркнул Джон. Сосредоточенно рассматривая, в тусклом свете луны мачты шхуны. – Ничего не замечаешь?

– А, что там можно разглядеть? Мачты с трубами, да говори ты уже, не томи.

– Китаец действительно коком оказался. Готовил он всегда капитану, а через это, оказывается, много слышал, как от самого капитана..., так и от его гостей иноземных.

– И что же такого он слышал особенного? – уточнил Орлов, сдержанно. Чувствуя, как застучало сердце, от какого – то не хорошего предчувствия.

– Это не простой кораблик, Генерал, – это связная шхуна. Ктому же очень быстроходная. Неспроста они здесь трут-ся возле берега, неспроста они тут якоря бросают. А у этой жирной свиньи – Бернса, даже приказ какой – то есть секретный, а получил он его, на званом обеде в их Индийской колонии, причем совсем недавно.

– Что это за приказ? – подавшись вперед, выпалил поручик.

– Китаец детали не знает, сказал только с гордостью, что им доверили провести какую – то встречу очень важную. Вроде бы караван какой-то, их будет поджидать на внешнем рейде скоро.

– Корабли в караване военные?

– Да, кто же их знает, – отозвался Джон. – Китаец говорит, что капитану приказ ставился, сопроводить их до берега, чтобы они могли гарантированно обойти все мели.

– А сам – то ты, что думаешь по поводу этого каравана? – озадаченно, уточнил поручик.

– Неужели опять войну задумали? – с ужасом, вымолвил урядник. Крестьясь при этом.

– Кто же их знает, что у них на уме? Может десант хотят высадить, а может и еще чего, – пожав плечами, пробормотал Джон.

– А у нас в фортах, у людей в основном все вооружение стрелковое, – стиснув зубы, выдавил Орлов. – Полнокровная батарея лишь Ново – Архангельск прикрывает! А, что он там говорил о конструкции этой шхуны? Я признаться на флоте не служил и весьма смутно представляю, о чем может идти речь.

– Я тоже не служил, а потому и попросил рассказать попроще, – отозвался Джон. Держась за один из канатов. – На этой шхуне стоит две паровые машины и здесь же добротное парусное хозяйство. А это значит, что при добротном ветре, шесть сот квадратных ярдов парусины, могут значительно увеличить скорость этой шхуны.

– Поэтому она и обладает повышенной скоростью? – уточнил поручик.

– Верно, мыслишь, Генерал, а при необходимости, эта посудина может тихо, как парусник, приблизится к любой цели. Да и вообще, здешняя парусная оснастка позволяет двигаться и на одних парусах, с приличной скоростью заметить.

– Однако умно придумано, – покачав головой, прошептал офицер. – Это же идеальное оружие на воде, такая всепогодная шхуна.

– И это еще не все! Оказывается, что кораблик этот, строился на специальной верфи в Англии, по специальному проекту. Так, что шхуна эта, должна применяться исключительно в очень важных делах.

– А, что это за проект такой особый? Кок не сказывал?

– Ну, детали – то он не знает по понятным причинам, сказал, что эта шхуна имеет повышенную остойчивость.

– Вот черт! – чертыхнувшись, выпалил Орлов. – Но за счет чего она может хорошо держаться на воде?

– Ты не поверишь, Генерал! Но если эта посудина попадает в шторм, то ее остойчивость увеличивается за счет забортной воды.

– Как это? – с ужасом, прошептал казак. – Ее, что же закачивают специально внутрь? Почему же она не тонет?

– Потому что забортная вода, поступает в потайные водобалластные отсеки! – крикнул американец.

– Мать честная, – прошептал Орлов. Ошарашенный услышанной новостью. – Я так смекаю, что при надобности они могут опустить судно ниже ватерлинии.

– Да хоть до самой палубы! А оно будет держаться на плаву как поплавок!

– Выходит так, что они не простые партизаны, а выполняют, судя по всему, какие – то очень важные задачи, – прищурившись, пробормотал поручик.

– Да тут и думать нечего! – с жаром, выпалил американец. – Ну, а заодно и разбойничают конечно, ведь на таком

кораблике мародерствовать – это же одно удовольствие.

– Проклятье, какое – то! Мы никак не можем добраться до столицы, словно черти выстроились вокруг нас и водят свои хороводы. Даже природа против нас, вон барометры все о шторме предупреждают. Никогда не мог понять этих моряков, их страсть и жажду странствий, от которой у меня уже лишь при мысли об этом, кишки начинают болеть. Что же удумали эти англичане?

– Кто же их знает, – отозвался Джон, глядя на костры. Горящие на далеком берегу. – Одно понятно, что не на чай с блинами они к вашим берегам двигают. Чего вы с ними никак не замиритеесь?

– Они стали для нас противниками, еще задолго до того как пересеклись наши интересы, – отмахнувшись, буркнул Орлов. – Идем в тепло, а я заодно и с китайцем потолкую.

– Пустое это – спит он. Я его в гамак уложил. А насчет англичан, мне кажется, что они просто бояться вас и ваших завоеваний. Да и президенты у вас вон какие были! Один Иван Грозный с вашим Петром чего стоили!

– Только не забывай, что соперничать мы с ними стали со времен Петра, а теперь вон даже капитан Бернс боится, что мы в их Индию придем, и где нас поддержат местные жители с превеликой радостью. Да и про грустную историю с Наполеоном, англичане конечно помнят и выводы сделали правильные. У нас у русских одна беда – не можем мы выгоду иметь став победителями. Любую войну переживем и по-

бедим, не мытьем так катанием, а вот использовать преимущество победителей после войны не можем.

– Это почему же? – не понял американец. Спускаясь следом за офицером.

– Во время войны мы становимся смекалистыми, деремся, объединив все сословия до самой крайности, а вот между войнами мы начинаем растекаться как студень по столу. Отдыхай, урядник, только про караул не забывай! Не смотри, что непогода волну подняла, индейцы воины добрые и коварные, хотя – это ты и без меня знаешь.

– Ваше превосходительство, а можно нам тоже трошки водочки принять, исключительно для сугреву и поднятию так сказать духа?

– Нельзя, братец..., пока нельзя, а то дело загубим, а значит и людей наших в обозе. Отъедайтесь лучше на харчах английских, ну а дело сделаем – тогда и гулять будем. Упрощу МаксUTOва, чтобы трактир отдал нам на сутки, а там и Давид Маркович, со своими людьми на балалайках да мандолинах в удовольствии не откажет. И ты иди, Америка, отдохни, уж больно испытаний на нас много выпало, а я пока с капитаном потолкую.

– Так спит он на камбузе.

– Ничего, я его разбужу! У меня к нему теперь много вопросов появилось, а ты отдыхай, пока есть возможность. Сдается мне, что все наши хлопоты, только начинаются.

Сняв фуражку, поручик прошел по коридору к камбузу и, толкнув плечом двери, шагнул за порог. Бернс спал на стуле, уткнувшись лицом в столешницу, сотрясая мощным храпом небольшое помещение. Окинув камбуз с нехитрой обстановкой, гость сел напротив и взяв пустую кружку, постукал ей по столу. Вздвогнув, Бернс медленно поднял качающуюся голову с красным лицом, включенной шевелюрой и посмотрел на визитера ничего не понимающим взглядом. По мере того, как он тряс головой всматривался в лицо гостя, его лицо стало приобретать осмысленное выражение и он наконец пьяно проговорил:

– Воевода? Где ключи от сундука? Не было у нас с тобой уговору, что ты ключи от моего амбара заберешь!

– Разговор у меня к тебе есть, очень серьезный, – проговорил Орлов. Играя перед капитаном ключом от заветного сундука. – После разговора капитану будет выдана, еще одна бутылка водки. Идет?

– А не соврешь, воевода? – прохрипел тот. Глядя на ключ в руках поручика.

– Слово тебе даю офицера! Достаточно?

– Ну, гляди, воевода..., слово дал. А, о чем ты говорить хочешь..., с пиратом? – криво усмехнувшись, уточнил Бернс. Сунув в рот мундштук трубки. – Я, между прочим,

многих знал лордов и военных, которые считали разговор со мной ниже своего достоинства – они все были глупцами. Потому что я знаком, со многими интересными и очень влиятельными людьми, многих знаю великих каперов между прочим.

– Представляю, что это за колоритные персонажи.

– А ты зря смеешься! Я и московитов знал, и турок, и татар, одним словом, людей разного языка. На вашу империю, между прочим, тоже служили известные разбойники.

– Не имел чести знать этих господ, – рассеяно, отозвался Орлов. Думая о том, как бы лучше перевести разговор в нужную сторону.

– Да хотя бы датчанина Корстена возьми! – выпалил Бернс. Подавшись вперед, всем своим грузным телом. – А у кого, он свое каперское свидетельство получал?

– Понятие не имею.

– А получал он его из рук, самого Ивана Грозного, – погрозив кому – то указательным пальцем, проговорил Бернс. С многозначительным видом. – Ваш Грозный был не глупым человеком и делал, между прочим, много для людей нашего ремесла. Он дальновидно рассуждал о том, что лучше чужими руками..., руками людей отчаянных и вольных, корабли врагов разорять согласно грамоте, да еще и прибыль получать для державы.

– Тебя послушать капитан, так можно подумать, что во многих державах морских, только так и сколачивается капи-

тал державный.

– Зря ты, воевода, недооцениваешь доходность нашего ремесла. Да в нашей Ост – Индийской компании, более половины капиталов, получается, от разбоя! – выпалил Бернс. – И лишь остальная часть, приходится на торговлю. Все, выдавай водку!

Орлов встал и, подойдя к сундуку, выдал очередную бутылку со словами:

– Пей, капитан, покуда шторм позволяет. А вообще – то я первый раз слышу, что в вашей компании разбой в таком почитании.

– Благодарю, сэр, – расплылся в улыбке Бернс, принимая бутылку, – да дело это почтенное. Может и тебе, воевода, налить вашего вина казенного? Не побрезгуешь выпить, со старым морским волком?

– В другой раз, капитан, в другой раз непременно..., а сейчас извиняй, – проговорил поручик. Садясь на свое место. – Боюсь, как бы твои дружки вновь, не удумали корабль атаковать.

– Это ты правильно опасаясь, – хмыкнул Бернс, открывая бутылку. – Мои парни отчаянные и в покое вас не оставят, потому как у них эта шхуна и есть последняя надежда в этой жизни. Она кормит их и их семьи, на ней они могут повидать мир и вернуться к туманным берегам Англии.

– Отчего же старушка – Англия, не предложит им более почтенного занятия? Разве у судовой команды нет другого

выбора, кроме как мародерствовать вдали от своих семей?

– Много ты в этом понимаешь, – отозвался Бернс. Кри-
ваясь от выпитого. – У нас фабриканты постоянно понижа-
ют заработную плату! Беспардонно ставя рабочих на колени,
делая из них безликую массу, а попросту рабов!

– Они же могут идти в торговый флот или к рыбакам.

– У нас на флоте рыболовном, дела обстоят не лучше, –
отозвался капитан. Махнув с остервенением рукой. – Ничего
не изменилось с той поры, как я мальчишкой пришел на ры-
бачий баркас. До самых своих последних дней буду помнить,
как я, стол по пояс в холодной камбале, которую мы все с
яростью швыряли в бадью, опущенную краном с берега.

– Отчего же с яростью? – спросил Орлов. Раскуривая оку-
рок сигары.

– Да потому что на рейде, стояли другие баркасы в ожида-
нии своей очереди! Все наши рыбаки получают за свой труд
ничтожно мало..., как впрочем и девятилетние мальчиш-
ки, которые работают в угольных шахтах. А знаешь, кем они
там работают? Они там работают вместо осликов, впряжен-
ные в угольные тележки! У нас, воевода, дети стали дешевле
осликов! Так что уж лучше я, со своими парнями, буду ды-
шать свежим морским воздухом! И играть в "орлянку" в да-
ли от дома. Да и потом, должен же кто – то делать эту гряз-
ную работу!

– Проливая кровь невинных людей?

– Не мы придумали этот мир! И я не собираюсь извинять-

ся за то, что льется, чья – то кровь.

– Можно узнать, что кроме наживы, привело к нашим берегам капитана Бернса? Я так смекаю, что вы уже не первый раз бросаете здесь якоря. А еще я думаю, что шхуна "Мария" преследует своими стоянками, какие – то еще цели, помимо коммерческих. Разве я не прав? Возможно вы делаете скрытые промеры глубин.

– Мы никогда не смиримся с тем, что вы стоите на этой земле! Это просто недоразумение, что Аляска еще до сих пор ваша.

– Это отчего же? – с деланным безразличием, уточнил поручик. Наблюдая за Бернсом через облако табачного дыма.

– За нами мощный флот! Причем самый лучший в мире! Все в Англии, от политиков и промышленников до таких простых моряков как я, считают, что эти земли должны принадлежать нам по праву. И помяни мое слово, воевода, мы добьемся того, чтобы эти земли стали нашей колонией, ключи от которой будут храниться в Лондоне.

– Ну, что – то до сих пор, у вас не очень – то это получалось, – нахмурившись, отозвался Орлов. Сквозь стиснутые зубы.

– Надо было вздернуть тебя на рее! – выпалил, вскакивая Бернс. С перекошенным от злости лицом.

– Сядь и успокойся! – рявкнул поручик. – А то ведь не посмотрю, что ты капитан. Эти земли никогда не будут вашими! И знаешь почему?

– Почему? – выдавил Бернс. Грузно садясь на место.

– Потому что вы забываете слова Наполеона, о непрочности ваших владений, со всем своим могучим флотом. Вы забыли, что достаточно только коснуться шпагой Ганга и вся ваша Британская империя рухнет? Именно поэтому вы и боитесь нас! Именно поэтому и конфузы разные творить пытаетесь, на землях наших. Подстрекаете первостепенные племена индейцев супротив нас выступать.

– Это ты, воевода, забыл видимо, что все ваши форты, вся ваша колония зависит от поставок провианта, – тихо, прохрипел Бернс. Сквозь стиснутые зубы. – Флот у вас здесь маломерный лишь, все форты кроме заглавного, укреплены крайне плохо, да и с туземцами вы не со всеми сдружились. Не-е-ет, воевода, очень скоро, мы столкнем вас в океан Великий.

– Уж не с помощью ли того каравана, что идет сюда на всех порах? И который вы должны провести, через мели к берегу?

Задав эти вопросы с невозмутимым видом, Орлов видел, как мгновенно вытянулось лицо англичанина, как на нем выступили капли пота, как напряглось его тело и сжались кулаки. По всему было видно, что Бернс не ожидал такого поворота в разговоре и был явно не готов к нему. Поручик понял, что своими вопросами угодил в самое яблочко и, что все, о чем он спросил, было известно капитану.

– Кто рассказал об этом? – прошипел капитан, сквозь зу-

бы. С каким – то невероятным надрывом.

– Разве это важно, Бернс? Предлагаю открыть карты, если капитан любит конечно, играть в покер.

– Мне надо подумать, – скрипя зубами, прорычал Бернс, – нам больше не о чем говорить.

– Ну, нет, так нет, – проговорил Орлов, вставая. – Думай, капитан, только не долго. Если не захочешь говорить по душам, то я найду способ как сообщить в Лондон, что про караван нам поведал капитан Бернс.

– Это бесчестно! – взорвался тот, вскакивая.

– Ничего, на войне и подлость, может запросто сойти за удачный маневр. Разве это не так? Я так смекаю, что за захват английской шхуны, над вами просто будут смеяться во всех портах Англии, а вот за подсказку насчет каравана, тебя просто вздернут в первом же порту. Соображай, капитан, пока мы тут одни и нет твоей судовой команды.

Орлов видел, что все сказанное им, просто раздавило Бернса. Не смотря на то, что им было выпито приличное количество водки, затуманенный мозг лихорадочно искал выход.

– Я тебя ненавижу, – выдавил он, наконец. Вцепившись руками в стол.

– Ну, капитан, нужно уметь проигрывать! Да и потом, умные люди всегда могут договориться. Пей, капитан, покуда шторм позволяет и думай.

– О чем это ты говоришь? – прохрипел тот. Уставившись

в одну точку.

– Ну, договорились же мы, что "Мария" доставит нас в нашу столицу, а судовая команда вновь увидит берега Темзы. Если никто из вас, никакого кренделя не выкинет, конечно.

– Ну, договорились.

– Вот видишь! Я и далее предлагаю договариваться.

– О чем?

– Капитан рассказывает мне, зачем это так поспешает сюда ваш караван, а я обязуюсь забыть, обо всем услышанном. И тогда никто не узнает, что детали мне поведал Бернс. Ну как предложение?

– И это ты, воевода, предлагаешь мне? – прохрипел Бернс. Рванув ворот черного бушлата. – Ты предлагаешь это мне? Старому морскому волку, который избороздил все океаны и моря! Который побывал, под всеми широтами! Моряку, привыкшему к штормам и торнадо! Да я сорок лет отдал навигации, и служению Англии! Мне легче лечь в дрейф посреди шторма, чем согласиться на такое!

– Это означает, нет?

– Это означает, что мне надо подумать! – выкрикнул Бернс.

– Я не тороплю, шторм пока позволяет. Об одном прошу капитана – не пить без закуски.

– Да я ведро могу выпить без закуски! Это только вы считаете, что русские лишь могут много выпить! – истерично выкрикнул Бернс. В след выходящему из каюты офицеру.

Выйдя в тускло освещенный, качающийся коридор, Орлов достал сигару и, прикурив ее от керосиновой лампы, уединился в одном из кубриков. Ему нужно было подумать, осмыслить все происходящее. Он как человек военный, прекрасно понимал, что такое внезапная высадка хорошо вооруженного десанта. Который высаживают для проведения подрывных работ, или стремительных наступательных операций. Он в полной мере отдавал себе отчет в том, что малочисленные и слабо вооруженные колонисты, мало, что могут противопоставить дерзости англичан. Которые весьма успешно, проделывали такие дерзкие атаки не единожды, в том числе и на территории союзников – американцев. Тогда к началу семилетней войны, большая часть территории являлась французской колонией, значительная часть переселенцев была французами, которые разговаривали по-французски. В ходе той войны англичане, благодаря, в том числе и удачными рейдами своего десанта, присоединили к своей империи значительные владения. Тогда для Англии и Франции – это была борьба за их морские колонии в Северной Америке и Индии, сейчас же интересы англичан, проходили по землям которые в империи считались "царевой гордостью".

Не прошло и получаса, как дверь в кубрик со скрипом от-

крылась, а на пороге появился Джон с керосиновой лампой в руках.

– Не спишь, Генерал? – спросил он. Поднимая лампу над головой. – А чего в потемках сидишь?

– Заходи, Америка, подумать надобно было.

– Ну и, что же там, этот проходимец наговорил?

– Я его насчет каравана спросил, предложил карты раскрыть.

– А он, что ответил?

– Пока водку пьет, да с мыслями собирается, – отозвался Орлов, пожав плечами.

– Не верь ему, Генерал, – проговорил американец, садясь напротив. – Я знаю эту подлую породу всем своим нутром, можно сказать за милю чую ее. Он из тех, кто обязательно обманет, а при возможности и нож воткнет в спину. Мне за шкуру таких подонков, как этот Бернс, платили в полиции по три доллара за арест, а задерживал я их десятками, так что опыт у меня большой. Им никогда нельзя верить и с ними никогда не договоришься, их подлую натуру я хорошо изучил в самых мрачных кварталах Нью – Йорка.

– И, что?

– А то, что во всех этих районах, в этих рассадниках пороков и притонов, где нашли себе приют воры, грабители и убийцы, верховодят такие же типы. Которые превратили мой город, после гражданской войны, в современную Гоморру. Для которых обмануть, или забрать жизнь другого человека

ради наживы, дело их "поганой чести".

– Я знаю. А, что там у нас подельывает шкипер?

– Сидит, над картой колдует, я был у него.

– Не пьет?

– Да нет вроде, трезвым был.

– А кочегары?

– Тоже проверял, в котельном отсеке они, пары держат.

– Китаец тоже спит?

– Как убитый! – воскликнул американец.

– Ну и пусть пока спит..., проснется, тогда я с ним потолкую. Пойду, все отсеки проверю, да шкипера навещу, как бы он нам, какое злодейство не учинил. А ты отдыхай, Америка, пока время есть.

Орлов не спеша обошел все палубные постройки, проверил грузовой трюм и лишь после этого поднялся на мостик. Шкипер стоял у лобового стекла, в дрожащем свете керосиновой лампы и с тоской глядел в темноту.

– Погода скверная, – проговорил поручик, садясь к столу. – Ты не находишь, Ричард?

– Да, килевая качка усиливается вместе с ветром, – отозвался тот, – и снег смотрю, срывается. Совсем рядом с нами свирепствует шторм.

– Нам надобно поговорить, – проговорил Орлову Прикуривая окурок сигары.

– Если о курсе, до вашего заглавного форта, то он еще полностью не проложен, – отозвался тот. Продолжая смот-

реть в темноту. Я сейчас, как раз думаю об этом.

– Надеюсь, эта головоломка будет решена?

Шкипер повернулся к офицеру, потрогал рукой опухшее от побоев лицо и, пожав плечами проговорил:

– Дождемся ясной погоды и двинем на самых малых оборотах, с промерами опасных мест.

– Ну что же, звучит обнадеживающе, а что – то можно сделать для того, что бы двигаться побыстрее?

– Это же не дилижанс, – усмехнувшись, отозвался англичанин. Скрестив руки на груди. – Здесь лишних гнедых не запрядешь. Мы же не хотим налететь на каменную банку?

– Да уж, этого не хотелось бы допустить. И как вам морякам, может нравится такая жизнь?

– О чем это говорит, офицер?

– Вы с капитаном Бернсом уже не молоды, вам наверняка за пятьдесят. Не надоело рисковать жизнью, подставляя лоб под пули, жить в тесных кубриках, терпеть эту проклятую качку, из – за которой выворачивает все внутренности?

Шкипер внимательно посмотрел на собеседника, и, показав головой, сказал:

– Мы действительно частенько рискуем..., особенно когда преследуем свою жертву. Нет ведь никакой гарантии, что тебя не подстрелят при abordage, или рядом окажется военный корабль, который расстреляет шхуну, из своего артиллерийского парка. Но это все равно лучше, чем рвать свои жилы в каком-нибудь порту грузчиком. Или гнуть спину на

торговом судне, который могут взять на абордаж в любых водах... Нет, лучше уж быть охотниками, чем жертвами, да и свыклись мы уже с этой вольной жизнью, которая полна опасностей и приключений, а кому она становится в тягость, тот остается на берегу. Быть морским партизаном – это дело добровольное.

– Красиво говоришь, шкипер, – кивнув, пробормотал поручик. Морщась от дыма сигары. – Получать прибыль от разбоя, да еще и за оказание тайных услуг старушке Англии, дело наверное, крайне выгодное? Кстати это не ее берега, шкипер пытался разглядеть во тьме?

– Я смотрел в сторону океана, потому что заметил огни на мачтах, какой – то корабль прятался от шторма и совсем близко. А, что касается платных услуг за тайные дела..., то я не знаю, о чем идет речь. Мы исправно платим за каперское свидетельство, а если мы и оказываем еще какие – то услуги, то об этом знает лишь капитан.

– Да брось ты, Ричард! Не надо быть прожженным моряком, чтобы увидеть, что "Мария" отличается от любой шхуны торгового флота. Я даже не удивлюсь, ежели окажется, что ваш корабль применяется в основном, в специальных операциях или употребляется в шпионских делах.

– Я не понимаю, к чему клонит офицер, – пробормотал шкипер. Сосредоточенно раскуривая трубку.

– Вы с капитаном, пытаетесь убедить меня, что вы обычные морские партизаны, платящие за свой промысел, ведь

так?

– Это так и есть, – пожав плечами, буркнул Ричард. Настороженно глядя, на позднего гостя.

– Да, построить такую быстроходную шхуну, можно только по специальному державному заказу! Стало быть, и миссию ваша шхуна несет особенную, потому как не все шхуны ее Величества, строятся по такому проекту. Разве я не прав?

– О чем это офицер говорит? Видит Бог, я не понимаю!

– Да, все ты знаешь и пони маешь, шкипер! Как и про специальный проект, по которому построена эта шхуна. Так и про те корабли к слову, что идут сюда на всех парах караваном и которые именно вам доверено провести к нашим берегам. Такое можно доверить, лишь хорошо проверенным людям. Не так ли? Что скажешь, Ричард?

– Господин офицер льстит мне? – Если кто и знает все тайны, так это наш капитан, а мы всего лишь исполнители, которые если и принимают участие в тайных операциях то, не ведая об этом.

– Значит, шкипер ничего не знает, как и кочегары? – проговорил Орлов, играя желваками. – И я должен в это поверить?

– Помилосердствуйте, офицер, нам не за это платят. Да и потом, чем меньше знаешь – тем крепче спишь! Я уверен, что и сам капитан не знает всех подробностей, ему наверняка, бывает, известна лишь точка встречи. Кроме широты и долготы, я уверен Бернс ничего не знает, а я уж и тем более.

Мы знаем о многих кораблях, которые идут с дорогим грузом из портов Индии, к примеру – это наш хлеб и не более. А все остальное..., конечно, мы всегда рады помочь флоту ее Величества.

– Ну что же, можно только порадоваться, за подданных вашей королевы. Одно только не могу понять, чего вы все лезете за нашу межу?

– Видимо из чувства самосохранения, – отозвался шкипер, раскуривая трубку. – Мы с молоком матери впитываем, что от вашей империи исходит опасность. Опасность нашим заморским колониям.

– Неужели, появление сильного Русского государства, так напугало ваших предков, что вы теперь пугаете нами своих детей?

– А как иначе? Появление вашей империи, как мирового игрока, перевернуло и изменило весь политический климат в Европе. Ваше появление спутало все европейские карты, все правила игры.

– Да уж, с нами можно либо торговать, либо воевать, что вы и пытаетесь делать. Ладно, пойду я, пожалуй, и запомни..., к утру должен быть курс на Ново – Архангельск! И не дай тебе Бог, что-то напутать в своих расчетах. Я помню, что ты принимал участие в убийстве, товарища нашего американца. Поэтому ежели конфуз какой за тобой прознаю..., одним словом, ты меня понял.

– Конечно, Генерал, – кивнув, пробормотал пленник. –

Меня дома ждет больная мать и мне нужно только одно – побыстрее вернуться в Англию.

– Значит будем считать, что мы договорились.

* * *

Спустившись на скользкую палубу, поручик подошел к борту и, вцепившись руками в холодный металл, подставил лицо холодному, обжигающему ветру Арктики. Все, о чем пытались умолчать капитан со шкипером, Орлов знал не понаслышке, не трудно было додумать за противника, что ему с боевыми товарищами приходилось не раз делать. Кроме того, точно такими же методами, работала Русская секретная служба, в орбиту интересов которой уже давно входили не только тактические задачи, но и стратегические. С детальным просчетом ближайших и отдаленных событий. С многочисленной армией конфиденентов и "прикормленных" людей по всему миру, точно так же, работавших под чужой личиной, на приумножение и преуспевания империи. Используя где тайно, а где и явно, свои связи и знакомства для сбора военно-политических сведений. Чтобы на берегах Невы, имели полную картину происходящих в мире событий. Сбор ценной информации отдельными разведчиками, уже не отвечал требованиям стремительно меняющегося мира, и она уже собиралась на всех уровнях, начиная от дипломатов и купцов, заканчивая простыми моряками и работными людьми,

которым дозволялось радеть на благо государства Российского. Кто – то работал в наем, кому-то прощались какие-то грехи его подлые, и человека не "забивали в железо", а предлагали помогать усердно в делах секретных.

* * *

– Ваше благородие! – донесся до Орлова, крик урядника. – У нас беда стряслась! Горе лютое!

– Что случилось? – выпалил поручик, озираясь по сторонам. – Опять в приступ пошли?

– Атака при такой волне не возможна! – крикнул Степанов, держась руками за живот. – У нас китайца кто – то зарезал!

– Как это зарезали? – выпалил Орлов. Бросаясь по трапу вниз. – Кто же это сделать посмел?

– Не могу знать, ваше благородие, – частил казак. Едва поспевая за офицером. – Я от их харчей, с "позорного стула" никак сойти не мог, а его так смекаю, в этот самый момент и зарезали.

Китаец лежал в том же самом кубрике, в одном из гамаков, с открытым ртом и стеклянными глазами, смотрящими в одну точку на потолке. Огромный кинжал воткнутый в область сердца, не оставил бедняге ни малейшего шанса.

– Кто же его это так? Прими, господи, его китайскую душу, – прошептал Орлов. Смахивая испарину со лба.

– Да, тут как раз все понятно, – пробормотал Джон, сонным голосом.

– И, что же тебе понятно? – уточнил поручик, снимая фуражку.

– Капитан его зарезал!

– Почему ты так решил, что это он злодейство учинил?

– Я, Генерал, полицейский хоть и бывший, но дело свое знаю. Да и предупреждал я, что от этого проходимца, всякое коварство можно ожидать.

– А ели энто не он? – с сомнением, проговорил урядник. Отчаянно крестясь при этом.

– В самом – то деле, Америка, ... нужны факты, – поддакнул поручик. Внимательно разглядывая убитого, при свете керосиновой лампы.

– Хотите факты? Пожалуйста, вот вам факты! Казак из гальяона не вылезал, шкипер карту рисовал, я с инженером в соседнем кубрике спал, кочегары в котельной заперты, товарищи мои в карауле стоят наверху. Кто здесь оставался?

– А ведь и правду Америка говорит! Только у капитана и была возможность злодейство учинить, – прошептал урядник.

– Может на борту еще кто – то прячется? – предположил Орлов, поморщившись.

– Брось, Генерал, мы же здесь все несколько раз обыскивали! Ну, ничего, я сейчас с этим мереным жирным, по душам побеседую! Я из него правду вместе с жилами вытяну!

– Нет уж, Америка, – покачав головой, отозвался Орлов, – ты его поломаешь ненароком. А шхуной кто управлять будет? Или ты к штурвалу встанешь? Лучше я уж сам с ним побеседую, эх жаль, не успел я с китайцем потолковать. А где сейчас капитан?

– Все там же на камбузе, – отозвался американец.

Зайдя на камбуз, поручик застал Бернса сидящим за столом и с отрешенным видом, смотревшим, на пустую бутылку. Судя по его взъерошенному виду, он был явно чем – то озадачен.

– Я все понял, – тихо прохрипел он. Повернув качающуюся голову в сторону вошедшего. – Меня продал мой раб! Только мой кок мог слышать, наш разговор у губернатора Индии! И он меня продал! Он все слышал, когда мы после обеда, сидели на палубе "Марии "перед отплытием сюда. Именно он тогда нас обслуживал на палубе. А ведь я его, когда – то спас от верной смерти! А он меня продал...

– И как же его спас капитан Бернс? – спросил Орлов, садясь напротив.

– Много лет назад, на широте Мальстрима! Тогда дул свирепый зюйд – вест..., мы легли в дрейф, из-за поломки в машине... Тогда – то наш сигнальщик и доложил, что им замечены сигналы бедствия, которые подавали с какой – то шхуны. Она попала в скверное течение, у нее была сбита фок – мачта и паруса, а сама она давала крен на правый борт. Я тогда приказал догнать ее на запасной машине..., но спасти

нам удалось только этого китайца... А он гад, меня продал...

– Значит, капитан признает, что зарезал своего кока?

– Эта была моя вещь! И я его зарезал, вот этой самой рукой как поросенка! – выпалил капитан, с пеной на губах. – Он был моим личным рабом, и я мог сделать с ним все что угодно.

– Может, поговорим? – спросил Орлов, расстегивая полушубок.

– О чем? – сразу насторожившись, уточнил Бернс. – О китайце?

– О вашем секретном задании. Я хочу знать, зачем вы здесь оказались.

– Ты, воевода, опять про свое? Ну, давай поговорим, только ты не забывай о своих обещаниях.

– Я же дал слово капитану Бернсу и сдержу его, если капитан не будет чинить нам препятствий. Ни судовая команда, ни ваши лорды отправившие вас сюда ни чего не узнают.

– Черт с тобой, воевода! В конце концов, своя, рубашка ближе к телу, а вся эта мышьяная возня чистоплюев, которые хотят въехать в рай на горбу моих парней, мне не нужна. Что тебя интересует?

– Меня интересует, что это за караван идет сюда на всех парах? Что у них на борту и военные ли это корабли?

– Они должны доставить, какой – то груз, а я должен провести их к берегу, минуя все мели. Что за корабли мне не ведомо, что за груз у них на борту я не знаю. Меня не посвя-

щали в эти тайны, я просто капитан.

– Это оружие для индейцев или десант?

– Очень может быть, точно я не знаю. Мое дело осуществить проводку судов, по фарватерам и точка, – с остервенением, прохрипел капитан.

– Как же капитан хотел осуществить проводку кораблей, если у него нет карт с подробным описанием прибрежной полосы?

– В том – то весь фокус и заключался, – самодовольно улыбнувшись, проговорил Бернс. Показав редкие, желтые зубы. – На головном корабле, у капитана есть новые карты всей прибойной полосы Аляски. Я с его лоцманом и должен был согласовать маршрут судов.

– У них новые карты, а у вас промеренные вами фарватеры, – пробормотал Орлов, задумчегю. Ну, что же умно. А откуда же у капитана, оказались эти самые новые карты? Их еще нет даже в нашем заглавном форте.

– Не знаю точно..., вроде они переданы каким – то служащим, из вашего адмиралтейства в Петербурге.

– И кто таков этот служащий?

– Ну, этого я как раз не знаю! Да и зачем мне это знать? Знаю только, что карты срисованы профессионально, на них каждый остров, каждый риф, каждая бухта, привязаны по широте и долготе.

– Хороший значит, у нас служащий работает в адмиралтействе, – буркнул поручик, со вздохом.

– Деньги! Деньги на этом свете, все решают! Я не удивлюсь, если и на том свете все решают они.

– И где же у вас точка встречи?

– Ее можно найти на моей карте, которую забрал шкипер для работы на мостик – это на внешнем рейде, не далеко отсюда. Они по прибытию отдадут якоря и будут ждать нас, а больше я ничего не знаю.

– Ну и ради чего все это? – спросил Орлов. – Должны же быть веские доводы, для этого рейда, ведь это может перерасти в новую войну.

– Эх, воевода, – со вздохом, проговорил Бернс. – Мы все любим старушку Англию. Мы верой и правдой служим ее Величеству, не зависимо от того кто мы в этой жизни. Мы все радеем за то, чтобы наши фабриканты, свободно торговали не только с Индией, но и со всем миром. Причем торговали не, только беспошлинно, но и беспрепятственно!

– А Россия для вас на этом пути, заглавным врагом получается? Угрозой так сказать на Востоке?

– А оно так и есть! – выпалил Бернс, задохнувшись от возбуждения. – Как – никак стомиллионный медведь! Мы помним, как сам Наполеон свернул себе шею, на вашей Московии, а мы умеем делать выводы.

– Тебе не смешно, Бернс? – усмехнувшись, уточнил поручик. – Ты всерьез считаешь, современную Россию конкурентом Англии? Мы никак не можем управиться с кавказскими делами, одни турки чего стоят, не без вашей помощи конеч-

но, а тут еще вы. Тебе не смешно?

– Лишь наступление – это основа победы, – прохрипел сонно Бернс. – Нападаешь первым – значит, имеешь шанс на первый удар.

– Это же опять война! Снова будут гибнуть и ваши и наши солдаты.

– Это уже будет не моя война, воевода, – промычал капитан. – Если она и начнется..., то я со своими парнями буду уже далеко.

* * *

Сказав это, Бернс внезапно повалился на стол и, уткнувшись лицом, в металлическую миску захрапел. Какое – то время Орлов, молча, сидел в прокуренном камбузе, думая об услышанном. Теперь он знал главное, – английский караван был уже действительно на подходе и шел он именно к берегам Русской Америки, явно с каким – то не добрым умыслом. И именно шхуне капитана Бернса, на начальном этапе, отводилась заглавная роль – роль проводника. И это был тот самый капитан, которому поручик Орлов дал слово, что не будет чинить никаких препятствий после доставки их не большого отряда в форт Ново – Архангельск. Он вдруг остро осознал, что должен сделать все возможное, но не допустить этой встречи. Сидя на камбузе иноземного корабля, напротив храпящего капитана, он с какой – то особой

болью, прочувствовал всю свою беспомощность перед сложившимися обстоятельствами. Которые были выше его, выше русских колонистов, таких как Ванька – безухий, которые из последних сил пытались отстаивать интересы империи, не жалея себя, терпя многотрудные лишения и испытания. Его поручика Орлова, угнетало то, что все эти не человеческие усилия, происходили на фоне общего упадка колонии. Где падал пушной промысел, который составлял основу, благополучия поселенцев. И где первенство постепенно отходило к Канаде и Англии. Откуда меха хлынули в Европу в огромных количествах, причем гораздо дешевле, чем предлагали российские купцы. Китобойный промысел постепенно перешел в руки американских китобоев, суда которых были более современными, обладали хорошей скоростью и маневренностью, а самое главное эти суда могли очень быстро возвращаться в свои порты. Что давало возможность американцам, поставлять дешевый, а самое главное качественный, океанский продукт в порты своих южных штатов. В то время как флот самой России у берегов Русской Америки был малочисленным, маломерным и явно устаревшим – парусным.

Правителю Русской Америки, приходилось фрахтовать чужие корабли, не только для доставки в отдаленные форты провизии и прочих припасов, но и для доставки служебных депеш. Уже в который раз Орлова стали терзать догадки, об истинных, причинах бездействия и упорном молчании Петербурга. В котором находилась штаб – квартира ку-

печеской компании, которая занималась управлением делами колонии. Колонии, где колонисты буквально ходили по минеральным богатствам. Орлов с болью подумал, что все это кому – то выгодно. Выгодно, чтобы в этих землях все пришло в упадок.

Сидя в чреве иноземной шхуны, он с какой-то острой тоской, вспомнил зимний Петербург. По улицам которого мчатся санные экипажи, мелькающие окна магазинов и многочисленных кофеен, бойкие крики коробейников и смех питерских барышень. Все эти картинки из прошлой жизни, никак не вязались с тем, что ему довелось повидать за последние два года. Перед глазами стояли трупы убитых индейцев, безымянные могилы казаков и простых поселенцев, лица всех тех, кто верой и правдой жил и боролся на кромке империи, отстаивая из последних сил ее интересы.

Орлов медленно поднялся и, уединившись в соседнем кубрике, провалился в какой-то липкий сон. Лишь утром его разбудил урядник, который с грохотом скатился по трапу и бойко доложил:

– Ваше благородие, утро уже наступает! Корабль, чей – то по левому борту просматривается, в нескольких верстах от нас!

– Быстро всех поднимай! – крикнул Орлов. Бросаясь по коридору к трапу.

В сумерках утра, среди рваной пелены тумана, в нескольких милях от шхуны, угадывались контуры большого воен-

ного корабля. Который, судя по всему, бросил якорь еще ночью, спасаясь от не погоды.

– Ночью туман лег, да снег сыпал, – пробормотал, стоящий рядом Бернс. Дыхнув на поручика острым перегаром. – Вот мы его и не заметили.

– Интересно кому принадлежит сей корабль, – отозвался офицер озабоченно. Пытаясь разглядеть соседей в бинокль.

– Одно понятно, что это военный корабль, я бы на всякий случай, скомандовал свистать всех наверх.

– Почему? – не понял Орлов.

– На тот случай, если они, не разобравшись, решат дать залп, из своего артиллерийского парка по правому борту. У нас хоть будет слабая надежда на спасение.

– С чего это, они станут палить в нас, да еще не разобравшись?

– Похоже на то, что это американцы, а раз так – то мы с ними могли встречаться и они могли запомнить нашу шхуну. Эти янки очень злопамятны.

– Но ты аккуратнее! – рыкнул Джон, подходя к борту. – За такие слова можно и в лицо получить!

– Погоди, Америка, – остановил его Орлов, опуская бинокль. – Кажись, они нас тоже заметили. А ну-ка, Бернс, глянь, чего у них там сигнальщик семафорит?

– Ну, как я и думал, – буркнул тот, присмотревшись в бинокль. – Это американский военный корабль. Они наши опознавательные спрашивают.

– Ну, так дайте ответ им! – почти крикнул поручик.

– Хорошо, только дозвожь, воевода показать им, что мы зафрактованны вами, тогда они не отправят на борт досмотровую команду.

– Пусть будет так! – буркнул офицер. Натягивая козырек фуражки на глаза. – Только давай семафорь уже, пока они палить действительно не начали.

Подождав пока ворчащий Бернс поднимется на мостик, американец внимательно посмотрел на Орлова и тихо проговорил:

– Давай, Генерал, я к ним на лодке схожу. Узнаю, куда они путь держат, спрошу о карте глубин, заодно и последние новости узнаю. Может, окажется, что по пути нам.

– Мысль хорошая, – озадаченно, пробормотал Орлов. Глядя в бинокль на берег. – Дружки Бернса, похоже, тоже корабль заметили, на берегу – то не души, одни головешки.

– Опять госпожа Удача за тебя воюет, – усмехнувшись, проговорил американец. – Ну, так, что спускаем лодку?

– А волна вас не захлестнет?

– Ну, что ты! Шторм мимо прошел, судя по всему, да и по волне видно, что она на убыль пошла.

– Видать и впрямь, святые угодники за нас воюют, – проговорил поручик. Внимательно глядя за борт. – Давай, Америка! Поспешай, пока они якоря не выбрали, судя по дыму, кочегары пары поднимают. Кого возьмешь с собой?

– Бена с собой на весла возьму.

– Управитесь вдвоем?

– А чего гарнизон оголять, управимся, конечно.

Орлов еще долго стоял у борта, всматриваясь в то появляющуюся, то пропадающую среди волн и ключьев тумана лодку с американцами.

– Неуж – то, все наши мытарства заканчиваются? – проговорил Степанов. Отчаянно крестясь при этом. – Неужто, скоро в Ново – Архангельске окажемся? Ведь они тоже могут туда идти!

– Вот здорово бы было, если бы и они к нашей столице на самом деле шли! – воскликнул, подошедший инженер. – Как думаешь, Константин Петрович, куда они путь держат?

– Скоро все узнаем, – отозвался тот. – Может святые угодники и впрямь..., попутчиков нам ночью послали. Хотя то, что мы еще живы – уже чудо! Уже завтра мы будем в столице, а значит уже завтра, отправим подмогу, товарищам нашим боевым, доложим Максутову обо всем увиденном.

– А я уверен, что правитель со своими советниками и без нас осведомлен обо всем происходящем здесь, – горько усмехнувшись, проговорил Неплюев.

– Эх, Иван Иванович, – со вздохом отозвался поручик. Поднимая ворот полушубка. – Ну, что ты мне душу рвешь? Я пока знаю, ровно столько сколько и ты! Смекать, лишь приходится, что случилась, какая – то неприятность, из-за которой идем мы в свою столицу, по своей земле с боями, без подмоги всяческой.

– Не нужны мы по большому счету, никому здесь со своими бедами, – покачав головой, прошептал инженер. – У самодержавия нашего, видать другие думки имеются и они, к сожалению, по-важнее всех наших несчастий. Иначе бы не покидали наши люди обжитые форты, не помирали от цинги да чахотки, а народы первостепенные вели бы себя примерно и не помогали бы англичанам.

– Не говори ерунды, инженер, – поморщившись, отозвался Орлов. – С берегов Невы не рассмотреть всех наших бед и несчастий... , хотя уверен, что знают там о нашем положении и непременно исправят его. А вот за речи твои вредоносные, тебя по возвращению могут в сыскном ведомстве замордовать и в железо "забить". Ты же знаешь, что для меня царь, Всея Руси – это столбовой хребет нашей державы, чтобы там кто не говорил. Его никакие бомбисты не запугают и все эти жалкие потуги революционного народничества, которым ты симпатизируешь, останутся в истории державы нашей лишь потугами.

– А я убежден, Константин Петрович, что идеи "общинного" социализма найдут свою благодатную почву на земле Русской! – горячее, возразил Неплюев. С прищуром глядя в туманную даль. – И я не один разделяю эти взгляды. Их разделяют и чиновники, и купцы, и выходцы из мещан, и студенты с младшими офицерами и низшим духовенством.

– Ты как я погляжу, всерьез веришь этому беглому ссыльному Бакунину? Все его идеи – это же утопия!

Неплюев, подышав на замерзшие пальцы рук, внимательно посмотрел на офицера и тихо проговорил со злостью:

– А, что может быть плохого в том, ели у нас возникнет республика? Или, что может быть плохого в широком местном самоуправлении? Почему нельзя передать всю землю нашим крестьянам в управление общины?

– А сейчас им значит очень плохо жить? – разозлившись, выпалил Орлов.

– Да! Они как были угнетенными так ими и остаются!

– Отчего же они тогда не бунтуют? Где крестьянские выступления, коих так ожидали твои единомышленники? Молчишь? Вся ваша "Земля и воля" разбежалась, как свора гопников, напуганная городовым!

– Да, пришлось пережить горькое разочарование, – сквозь зубы, процедил Неплюев. Вглядываясь в контуры военного корабля. – Но выводы сделаны, уверяю тебя, Константин Петрович! Крестьяне – это реальная политическая сила, их надобно сделать организованными и сознательными. Разумеется, на это придется потратить время, но оно уже близко, уже чувствуется его горячее дыхание.

– И ты всерьез веришь в то, что крестьянство сможет управлять такой громадной державой как Россия? Тебе не смешно, ей богу? А твой Бакунин скорее анархист, коли он отрицает государство как таковое.

– Для всех просвещенных людей и мыслителей..., заглавной бедой является частная собственность, а для Бакунина

высшим злом является государство.

– Ну и чего мы с тобой, опять в эти споры ударяемся? – отмахнувшись, бросил поручик.

– Я просто хочу, что бы поручик Орлов, понимал разницу между Бакуниным и кем – то, – не унимался инженер. – И это очень важно!

– Почему это очень важно?

– Потому что он, предлагает создать свободное общество! Общество, где бы осуществлялся заглавный принцип, принцип самоуправления народа.

– Понятно, – кивнув, проговорил Орлов. – Вот вернется Америка, ты у него полюбопытствуй про их демократию! Уж он – то тебе расскажет, как их свободное общество, погрязло во лжи и коррупции.

– Американцы – это американцы! А у нас дело за малым встанет – организуя рабочие союзы, к примеру, общины или волости, наконец – разве это не путь, по которому стоит идти.

– И ты думаешь, что все это будет работать? Это же утопия! Все это никогда бы не устояло в прошедшей войне. Все твои союзы разбежались бы! Нет, для России царь, Всея Руси может быть только тем столпом, который объединял, и будет объединять наше общество. А все эти разговоры вредны для нашей империи, потому как через них рождаются уроды, которые осмеливаются поднять руку на Божьего помазанника. Вот они плоды вашего крамольного брожения, плоды эти

ядовиты для империи, потому как ведут к ее развалу, тут я, пожалуй, соглашусь с Сулемой. Дай только волю якобинцам, и они зальют улицы кровью, причем не только кровью царя или его приближенных. И давай уже, Иван Иванович, закончим этот никчемный разговор.

Неплюев хотел возразить, но осекся о взгляд Бернса, стоявшего неподалеку.

– Капитан, что – то хотел спросить? – буркнул инженер.

– Да нет, – отозвался тот, – просто смотрю на вас и думаю.

– О чем если не секрет? – уточнил Орлов. Всматриваясь в американский корабль.

– Нет никакого секрета! Я думаю о том, что вы русские все-таки сумасшедшие! Впрочем, такие же как и ваши друзья янки, с которыми вы, наверное, поэтому и сдружились.

– Это почему же? – разозлившись, выкрикнул инженер. Глядя на опухшее, красное лицо капитана.

– И вы и янки стреляете в своих президентов, молитесь каким – то бредовым идеям. Думаю, что через это вы и погибнете, хотя это ваши дела, и они меня не касаются. Я хотел узнать, когда мы будем выбирать якоря? Погода вроде позволяет.

– Вернуться наши друзья, тогда и приступим по молясь, – отозвался Орлов. – Час нашего отплытия приближается неумолимо.

– Надеюсь, мы не за американцами пойдём?

– А разве это, что – то меняет? – буркнул поручик.

– Просто учти, воевода..., что у них паровые машины сильнее наших, а на открытой воде волна будет крепкой, да и ветер сильный, хотя и рваный. Из-за нехватки людей мы не сможем поставить паруса.

– Ты хочешь сказать, что для ваших паровых машин, такая волна станет препятствием? Или капитан Бернс решил по дороге отстать, чтобы у судовой команды появился шанс отбить шхуну? Помни, капитан про уговор, я ведь шельмовать не позволю!

– Причем тут это? Просто у нас беда с одним из винтов! Мы его зацепили о риф, еще в Желтом море. Идти придется на малых узлах, чтобы не портить двигателя и не добивать винт, который при перемещении шхуны на волне, будет то погружаться в воду, то повисать над ней работая в холостую.

– Никак в толк не возьму, к чему ты клонишь? – пробормотал Орлов. Подозрительно глядя на говорившего.

– Просто хочу, что бы вы понимали, что мы не угонимся за кораблем янки! При килевой качки, лопасти винта будут подниматься выше ватерлинии, а холостое вращение на больших оборотах может привести к поломке.

– Хорошо мы учтем это, – проговорил Орлов. – Что показывает барометр?

– Стрелка показывает, что буря прошла мимо нас. Смотрю фартовый ты, воевода, тебе бы в покер играть или в рулетку на интерес.

– Я подумаю над этим предложением, а пока пусть коче-

гары поспешают с поднятием паров.

– Сейчас я дам команду, мы все сделаем, только учтите все, что я сказал.

Прошло еще около часа, в томительном ожидании, прежде чем утренний бриз разогнал остатки липкого тумана и Орлов разглядел лодку американцев, которые вскоре поднялись на борт "Марии".

* * *

– Ну как все прошло? – нетерпеливо спросил поручик, помогая подняться на борт. – Они дали карту глубин? И вообще, куда они направляются?

– Погоди, Генерал, дай отдышаться, – тяжело дыша, проговорил Джон. – Упарились мы с Беном по такой волне. Карту капитан дал, старенькая правда, но все мели и банки нанесены, Так что курс уточнить можно смело.

– Отлично! Степанов, возьми карту и быстро в ходовую рубку! Скажи шкиперу, пушай поспешает с правкой курса, время якоря выбирать. Ну, рассказывай, не томи уже.

– Давай для начала в тепло спустимся, а то ветер до костей продувает.

– Идем, идем, – улыбнувшись, проговорил Орлов. Хлопая американца по плечу. – Сейчас кофею сварим, хлебнешь горячего и вмиг согреешься.

Только спустившись в один из кубриков и сев напротив

американца, поручик заметил, что визит к соотечественникам, произвел на него удручающее впечатление.

– Чего хмуришься? – тихо уточнил он. – Случилось чего?

– Даже не знаю как и ответить, – со вздохом буркнул тот. Глядя на выглядевшего из-за двери Неплюева. – Свари нам, инженер с Беном кофе, а мы пока с, генералом посекретничаем.

– Да, не томи ты уже, – буркнул Орлов. Плотно прикрывая двери. – Что стряслось?

– У наших моряков, загрузка боекомплекта и провианта, по штату военного времени на борту. Пробормотал Джон, отчаянно дымя окурком сигары. – А еще у них на борту целая рота солдат.

– Они, что же знают про английский караван? – играя желваками, уточнил поручик.

– Капитан мне в деталях, про полученный приказ не рассказывал, – отозвался американец. – Да и не это главное.

– Что же тогда главное?

– У них приказ получен, взять под охрану все протоки в низовьях Юкона и реки Медной.

– Что? – тихо прошептал Орлов. Ошеломленный таким известием. – Ты ничего не путаешь?

– Да нет, Генерал, я все в точности тебе передал.

– Ничего не понимаю..., сеть этих протоков..., – это же ключ к нашей верфи! Где латают не только суда купеческие, но и военные и она надежно укрыта от штормов и вет-

ров. Протоки в тех местах имеют хорошие проходы и глубины. . . Ты, хочешь сказать, что наш правитель Максутов, из-за нехватки сил, обратился к вашим военным морякам за помощью?

– Ты не понял, Генерал, – медленно, проговорил Джон. Выпуская табачный дым в потолок. – Ваш правитель, вообще снял оттуда всех ваших казаков с солдатами и поселенцами в придачу!

– Да, быть такого не может, – проговорил Орлов. Сквозь стиснутые зубы, – Максутов всегда уделял должное внимание охране верфи.

– В том – то все и дело, что продали вашу верфь, с большим земельным наделом, аж не на одну сотню акров. Наш капитан даже не знает, где границы межи легли точно!

– Как это продали? – давясь от смеха, прошептал поручик. – Ты, Америка, вообще думаешь, чего сказываешь? Это же не лавка старьевщика, где тряпье распродают за ненужностью. Это же верфь!

– Да, не злись ты, Генерал, – проговорил Джон, поморщившись. – Капитан сказал, что приказ этот опущенный аж с самого госдепа. А это значит, что есть купчая с двух сторон подписанная, в том числе и с вашей стороны, с печатью под царским вензелем.

– И кто же подписант, с нашей стороны?

– Да, не знает капитан этого! Все, что ему перед отправкой спешной пояснили, что велись якобы какие – то секрет-

ные переговоры, с вашим посланником от самого царя, в Вашингтоне.

– Что – то я вообще ничего в толк не возьму, – пробормотал поручик, покачав головой.

– Ты не одинок, Генерал! Наши моряки с военными, тоже ничего понять не могут, а сюда они нырнули, чтобы шторм переждать. Скоро уже якоря поднимут и на Юкон двинут.

– Я так смекаю, что раз приказ из самого госдепа спущен..., то покупатель получается американский?

– Какой – то "саквояжник", работающий как говорят на семью Моргана, – отозвался Джон, пожав плечами.

– Как это "саквояжник"?

– Ну, мы так называем тех, кто умудрился разбогатеть на войне между нашим Севером и Югом.

– Нет, я решительно ничего не понимаю, – проговорил Орлов, качая головой. – Может это какая – то чудовищная ошибка?

– Какая ошибка? На приказе со слов капитана, стоит резолюция нашего госсекретаря, чтобы оказать всемерную поддержку покупателю сего участка. Для этого капитану в помощь к его судовой команде, придали роту солдат из шестого пехотного полка, с пушкарями в придачу. И они готовы встать на всех господствующих высотах караулом.

– Чтобы врагов на входе укрощать? – подавленно, проговорил поручик. Щурясь от табачного дыма. – Ну, что же, умно. Интересно, что собирается делать этот самый "саквояж-

ник "в этом районе.

– Трудно пока сказать, – отозвался американец, снимая пальто. – Капитан говорил, что у него свои пароходы есть.

– Ничего не понимаю... Зачем надобно было продать стратегически важный район, с действующей верфью? Неужто, в Петербурге убоялись высадки англичан и сыграли на упреждение?

– Не знаю, Генерал, задашь этот вопрос своему Максутову при встрече.

– Задам, непременно задам... Нет этого просто не может быть!

– А я думаю, что это так и есть, – со вздохом, отозвался Джон. – Ну, сам посуди, стал бы обращаться наш толстосум, за протекцией к самому госсекретарю? Стал бы он просить, что бы на Юконе, наши солдаты заняли все важные высоты, если бы там стояли ваши солдаты с казаками?

– Это наваждение, какое – то, – пробормотал Орлов, с горькой усмешкой. – От новостей твоих голова идет кругом... Ну это ведь не амбар, который один продал, а другой купил! Подробности тебе капитан не сказывал?

– В столицу к нам прибыл ваш посланник инкогнито, от самого вашего императора вроде, привез это предложение. Ну, наш старый дуралей госсекретарь и ухватился за это предложение. А уж как там наш "саквояжник" затесался – капитан не знает. Знает только, что тот за эту покупку крупную сумму выложил наличными.

– Хотел бы я знать, сколько стоит кусок Русской Америки, – с горечью, проговорил Орлов вставая.

* * *

В подавленном состоянии он вышел на палубу и, подойдя к борту, подставил лицо под обжигающий ветер с Арктики. В голове буквально звенела новость о продаже стратегического района, болью отдавая в душе и сердце офицера. Сомнения, которые зародил в его душе раненый у стен форта англичанин, нашли свое подтверждение. Теперь Орлову становилось понятно, почему ушли работные люди купца Самойлова, бросив заготовленный на зиму кругляк, пиленный лес и даже паровую машину. Теперь становилось понятно, почему нарушая соглашение, к океану вышли из леса племена окраинных народов. Почему Лис хотел, сжечь их в печах кирпичного завода – там больше не было русских поселенцев. Стала ясна нервозность англичан и поспешность американцев, спешивших занять низовья Юкона, которое являлось ключом к Русской Америки, становилась понятной суэта посланцев Рима, которые спешили застолбить золотоносные участки.

– Как же так? – прошептал поручик. Сквозь стиснутые зубы. – Ради чего тогда мы, принимаем все эти мучения многотрудные? Ради чего тогда льем кровь наших людей, которые дерутся за эту землю до крайности?

Орлов понимал, что раз в деле о продаже фигурирует сам

госсекретарь Стюарт, то решение действительно принималось на самом верху – как в Вашингтоне, так и в Петербурге.

Не веселые размышления поручика прервал подошедший урядник:

– Что – то случилось, ваше благородие? На вас прямо лица нет! Там с инженером какаву сварил, может отведаете.

– Америка вести плохие принес, – сквозь зубы, проговорил Орлов. – Говорит, что продал Петербург низовья Юкона и реки Медной. Продал американцем, потому – то вон на том кораблике, теперь торопятся американские солдаты караулом встать, взамен наших казачков с солдатами. Вот такие дела, казак.

– Вот те раз! – с ужасом, выпалил урядник. Часто крестьясь при этом. – Неужто Аляска наша, свое русское лицо терять начинает? Отчего же продали? Она же пить, или есть, не просила.

– Не знаю, голубчик..., видимо кто – то из окружения императора, убедил его, что земли эти дикие и для империи теперь в тягость стали.

– Как же так? Как же так можно? – бормотал, растерянно казак. – Для чего же тогда, нашу экспедицию отряжали в энти края? Неужто не нужны более, изыскания наших инженеров на Неве? Так ведь и про нас забудут вовсе, как про людей из форта Черемисова.

– Ладно, братец..., мы люди военные, сдюжим! Раз продали такой ломоть – значит так надобно было, значит есть

думки какие – то, о коих мы и знать не знаем. Значит это не проблема заглавная, да и кусок – это же не вся Русская Америка.

– Никак американцы с якоря снимаются, – проговорил казак. Понуро глядя на соседей. – Кочегары видать температуру в котлах нагнали.

С борта шхуны было видно, как стоящий на удалении военный пароход стал выбирать якорь, а из труб повалил густой черный дым.

– И нам стало быть пора пришла, в столицу отправляться. Скажи, казак, ты помнишь как во время Крымской компании, когда мы находились в поиске, на какой манер орудия вражеские калечили?

– Конечно, ваше благородие, разве такое забудешь! Смекаю, что иноземцы до сих пор думают, что пушки у них рвались из-за чугуна пузырчатого.

– Вот ты и проверь тихо носовое орудие на шхуне, прежде чем мы покинем это милейшее заведение.

– Все сделаем, ваше благородие, можете не сумлеваться, – пробормотал казак, крестясь.

– Значится на том и порешим..., пойду я на мостик, а то загостились мы в этой бухте.

* * *

У трапа, ведущего в ходовую рубку, Орлов подошел к ин-

женеру, который подняв воротник, с тоскою смотрел на медленно уходящий корабль американцев.

– Чего приуныл, Иван Иванович? Шел бы ты в машинное отделение, а то еще за борт соскользнешь, да и за машинами глядеть надобно с усердием. Не доверяю я этому Бернсу, скользкий он, какой – то. Справишься с машинами – то?

– Я же инженер, Константин Петрович, – буркнул тот в ответ, – знамо дело справлюсь. Я хоть и на геолога учился, но двигуны паровые, нам на кафедре толково преподавали, потому как считалось, что за ними будущее. Главное, чтобы команды в переговорное четко отдавались.

– Ну, за этим я прослежу, будь спокоен.

Не смотря на нехватку людей, Орлову с Бернсом удалось расставить людей таким образом, что каждый мог выполнять не одну, а несколько команд капитана. И вскоре "Мария" подняв якоря, осторожно двинулась следом за американским кораблем. Выйдя на открытую воду, капитан повел шхуну на средних оборотах, что позволило снизить качку и не подвергать излишней нагрузке винты корабля. Корабль американцев, тем временем очень скоро, скрылся в легкой утренней дымке.

Орлов как человек сугубо сухопутный, никогда не любил эти морские переходы, даже на не значительные расстояния и особенно при не спокойной волне. Которая по его наблюдениям могла довести даже здорового человека до синюшных губ, тошноты и смертельной бледности. Сидя в ходовой

рубке, он с тоскою смотрел на проплывающий в легкой дымке берег, берег Русской Америки, которую не известно по каким причинам стали распродавать. Какие – то не понятные посланцы из империи. Видимо, ничего не понимающие, в суровых реалиях жизни, столь далекой колонии. Зато поручик Орлов очень, даже хорошо понимал, что здесь нужно было американскому толстосуму, работающему на империю Морганов и почему он с такой поспешностью стремился взять под контроль низовье Юкона. Американцам нужна была верфь, с естественными каналами и протоками, по которым могли свободно заходить корабли для проведения ремонтных работ. Причем корабли не, только купеческие или китобойные, но и военные, не только американские, но и иноземные. Судовладельцам, которых будет выгодно произвести ремонтные работы здесь, что бы ни тратить время, а главное деньги на буксировку или перегонку кораблей в нижние штаты, где на южных верфях ремонтные работы будут куда дороже. Глядя на береговую линию, Орлов с тоскою думал о том, сколько лет славные русские мореплаватели, как и простые поселенцы, осваивали эту землю, описывали ее природу и географию, порою ценой своей жизни. И все это вдруг становилось не нужным для империи.

Ход его мыслей прервал появившийся на мостике Джон, по хмурому виду которого, стало понятно – что-то случилось.

– Только не говори мне, что нас догоняет судовая команда

Бернса, на каком-нибудь корыте, – с досадой, буркнул Орлов. – Дайка я впрочем, угадаю. Никак опять инженер напился? Или нас все же на веслах, преследует судовая команда? Ну, говори уже!

– Ветер с океана дует, – проговорил тот тихо. Нервно теребя в руках перчатки. – Потому дыма над тайгой и не видно. Меж сопок он тянется миль на десять, я его едва разглядел...

– Погоди, Америка, – пробормотал Орлов. Подходя к боковому окну. Про какой дым ты говоришь, да еще с такой тоскою в голосе? Скорее всего, это от костров индейских! Нам – то до этого, какое дело?

– Неужто и впрямь не узнаешь эти места с воды? – глухо, проговорил Джон.

– Погоди, погоди..., да это же форт Ваньки – безухого горит! – выпалил поручик. – Давай быстро на мостик! Нужно казаков с воды поддержать!

– Мы же не знаем форватера! – крикнул в след, убегающему офицеру американец.

Буквально влетев на мостик, Орлов схватил Бернса за воротник и подтащив к окну закричал:

– А ну, командуй "стоп" машинному отделению! Поворачивай телегу к берегу, а не то пристрелю!

– Ты чего удумал, воевода? – просипел, испуганно капитан. С испугом глядя на шлейф дыма. С трудом дыша при этом. – Какой еще берег? Погубить нас всех захотел? Не было у нас такого уговора! Отпусти ты меня, в конце кон-

цов..., нет вы все-таки сумасшедшие русские..., впрочем, как и американцы.

– Отпусти ты этот кусок сала! – почти крикнул Джон. С большим трудом оттесняя Орлова. – Ну, сам посмотри, какой может быть берег! Распорем днище, тогда на чем добираться будем?

– Как ты не поймешь, Америка, что там казачки наши! – выпалил Орлов, отпуская капитана. – Там, между прочим, и твой Харли находился! В беду они попали! Помочь им надобно!

– Только чем мы им теперь помочь можем? Может, вплавь кинемся? Да и потом стрельбы – то мы не слышали..., может и живы они все, а дым из-за пожара меж сопок тянет.

– Ладно, Америка, ты прав, конечно, – скрипнув зубами, проговорил поручик. – Нервы это, не взыщи. Идем, Бернс, старым курсом! И смотри не огорчай меня теперь, потому как настроение у меня в конец испортилось.

– Чего ты на нас так смотришь? – прошипел с угрозой американец. – Представление закончено, возьми лучше свою трубу подзорную, да посмотри на скалы повнимательнее. Посмотри, англичанин, как эти сумасшедшие русские воюют. Там, правда, трупы уже снежком припорошило, но по птичьему пиру, да по количеству койотов понять можно, про что я говорю.

Сняв висевшую на стене подзорную трубу, Бернс вновь подошел к боковому окну рубки и стал внимательно всмат-

риваться в прибрежные скалы, что-то бормоча при этом. Наконец он покачал головой и, опустив подзорную трубу, спросил:

– Вы, что же их, паровой сенокосилкой переехали?

– Дайте гудок, капитан..., я хочу попрощаться, с моими боевыми товарищами, – скрипнув зубами, проговорил поручик. Рванув ворот своего полушубка. – Что же там у тебя случилось, Ванька – безухий? Неуж – то, аборигены так обнаглели, что в приступ опять пошли? Не думал я, что они так быстро на штурм решаться... Прости, Иван, что нечем мне тебе помочь было.

Подавленный печальным известием, Орлов молча, наблюдал, за проплывающим в удалении берегом и напряженно думал: "– Как же удалось убедить императора, продать верфь с прилегающими к ней землями и судоходными протоками? Что могло произойти и повлиять на принятие такого решения? Почему так резко сменился курс, и сия земля вдруг стала в одночасье не нужной? Зачем тогда тут гибнут наши люди? Да, нужно быстрее добраться до берегов Невы, где незамедлительно обратиться к влиятельным особам. Настоять, чтобы доклад инженера зазвучал в самых высоких начальствующих кабинетах, глядишь и получится остановить это безобразие с продажей. Пусть на самом верху узнают и про золото, и про минералы другие, и про то, что здесь твориться, и как люди русские здесь, головы свои складывают, не ради крестов и почестей. Конечно, именно так и надоб-

но поступить и тогда Бог даст, влиятельные особы повлияют на лиц приближенных к императору, а те в свою очередь донесут озабоченность до него самого, что позволит пересмотреть уже принятое решение. Может оказаться так, что император и не знает всего, а посланника склонили к тайной наживе. Да, ну и дела у нас творятся, прости, Господи..."

– Пойду я пройдуся, Америка, что – то тошно мне до невозможности, – проговорил поручик, направляясь к трапу. – Присмотри здесь, пока я воздухом дыхну.

Спустившись на качающуюся палубу, он медленно добрался, держась за борт на нос шхуны, где особенно чувствовалась вся мощь океана. Поморщившись от обжигающего, ледяного северного ветра, швыряющего в лицо снежную крупу, запах йода и морских водорослей, Орлов внимательно посмотрел, на несущиеся мимо волны. Которые были на открытой воде гораздо больше, чем в бухте, но которые довольно легко рассекались форштевнем шхуны.

– Ну, вроде ходко идем, слава тебе, Господи, – пробормотал он, поежившись.

Спустившись по трапу в низ, поручик прошел по мрачному, душному коридору на камбуз и, достав из кармана ключ, открыл сундук Бернса. Какое – то время он смотрел на ровные ряды бутылок, заботливо переложенных стружкой, затем взял одну из них и, закрыв крышку, сел к столу. Несколько минут Орлов смотрел на стоящую бутылку, затем снял фуражку и сбив с горлышка рукояткой револьвера, сургуч-

ную пробку проговорил:

– За тебя, Ванька – безухий, за твоих полчан..., знаю, что с вами худое произошло..., простите меня и прощайте. Простите, что с помощью для вас, управиться не получилось..., Обещаю, что по прибытию в столицу нашу, службу закажу по вам непременно. Пусть молитвы наши за вас, станут помост Небесной Церкви Божией, и будут блистать для вас чистым золотом.

С этими словами, он сделал несколько крупных глотков из бутылки. Затем закупорил тщательно горлышко, спрятал бутылку во внутреннем кармане, медленно встал и отправился в машинное отделение. Где Неплюев с казаком помогали кочегарам, управляться с паровой машиной.

Едва он успел закрыть входную дверь, как мгновенно оглох от грохота, стоящего в замкнутом пространстве, в котором стук выхлопных клапанов, механизмов и рев шестеренок, сливался в какую – то адскую какофонию. Весь этот грохот и скрежет усиливался тем обстоятельством, что это была самая низшая точка на судне, где качка ощущалась значительно острее. Именно здесь в полной мере, ощущалась вся ничтожность жизни человека, который мог полагаться лишь на милость божью, то стремительно проваливаясь в какую – то бездну, а то также стремительно взлетая на гребне очередной волны.

Кивнув головой, поручик позвал переглянувшихся товарищей, в соседний угольный бункер, где шум работающего

железа, почти не было слышно.

– Не давно, прошли утес, – проговорил Орлов, подавлено. Садясь на куски угля. – На котором Ванька с полчанами, караулом стоял. Давайте помянем, рабов божьих.

– Неуж – то сгинули станичники? – прошептал казак, снимая шапку.

– Что там случилось точно не знаю, но дым от строений форта на многие мили тянется..., ну а после бойни такой, которую мы устроили, кровники коих множество образовалось, только смерти нашим полчанам желать могли. Давайте помянем станичников, принявших смерть, во имя империи нашей. По глотку примем, за упокой души их.

– Пушай земляца наша далекая, да холодная, будет для них пухом, – прошептал урядник. Беря бутылку с водкой.

– Вот видишь, Константин Петрович, – буркнул инженер. Вытирая масляные руки, о тряпку. Люди наши смерть тут принимают, а Аляску уже кусками продавать стали. Как пирожки с капустой на ярмарке!

– А вот лично я не верю во все это, – прошептал казак, кривясь от выпитого. – В свое время такие же слухи ходили про дорогу Николаевскую, что, мол, продали ее..., а оно все и по – другому обернулось. Нет, сплетни это все! Тут, какой – то маневр я так смекаю, хитрый удуман. А станищикам нашим..., пусть дано все будет по достоинству каждому, как сказано в Святом Писании об обителях святых.

– Ладно, пью за упокой души станичников, – прошеп-

тал инженер. Сделав несколько глотков из бутылки... – А, что касается продажи куска земли здешней..., все правильно. Видать посчитали, что Россия – матушка большая, начни только шагами считать, ноги по колено сотрешь, а все одно не перемеряешь. Одним куском больше, одним куском меньше, какая разница, Только мне вот не понятно вовсе, а зачем мы тогда здесь так усерствуем? Зачем головы под пули подставляем, да корабли иноземные в полон берем? Может это уже и не нужно не кому?

– Не рви душу, Иван Иванович! – оборвал его поручик. – Мне может еще тошнее, чем тебе, да я молчу.

– Ты, Константин Петрович, человек служивый, – кривясь от выпитого, отозвался инженер. – Тебе положено молчать, да выполнять, а я сугубо мирный. Оттого и возмущен до невозможности и выпью я еще за упокой нашей Русской Америки, потому как подсказывает мне что – то, что это только начало, всех безобразий кои здесь творятся.

– Ну, зачем же ты так, Иван Иванович? Бога побойся! – возмущенно, проговорил урядник. Вытирая лицо рукавом. – Ведь неизвестно еще ничего, а ты уже всех и вся хоронишь. Вот прибудем в Ново – Архангельск, там и получим ясность полную.

– Ну, ну, – отозвался инженер. – Вон как американцы припустили приказ выполнять. Не-е-ет, на правду это походит! А кто же покупатель этот?

– Американец какой – то богатый, из Сан – Франциска, –

отозвался Орлов. – У него там своя контора по улице Монтгомери, Америка говорит, что там этих контор тьма просто.

– Ишь ты, название, какое мудреное удумали, – проговорил Степанов. – Значит богатая улица, раз там этот покупатель контору держит.

– Да уж, – буркнул Неплюев, – она как для Нью – Йорка Бродвей будет. Там все бурлит и все в движении, как в муравейники добром. Трамваи ходят, дилижансы снуют запряженные мулами или лошадами, магазинов куча с кофейнями разными. Я вот думаю, а нам – то теперь что делать?

– А от нас требуется одно, – спокойно, отозвался Орлов. С трудом забирая у инженера бутылку. – Выполнить честно свой долг. Как и наши полчане из форта "Око империи".

– Я, Константин Петрович, – пробормотал Неплюев, – озадаченный таким ответом. Мы вроде, помирать пока не собираемся.

– А помирать и не надо пока, я же сказал, что честно выполнить свою работу. Все образуется, Иван Иванович, и Бог даст..., уже к вечеру мы увидим на горизонте Ново – Архангельск, а это уже пол – пути считай пройдено. Меня сейчас больше всего волнует, совладеете с машинами или нет?

– А, что машина, работает как часы, – отозвался инженер, – одно слово – английское качество.

– Ну, вот и хорошо, пойду я.

Выбросив не допитуя бутылку за борт, Орлов медленно поднялся в ходовую рубку, где обнаружил дерущихся между

собой американца с капитаном. Которые, вцепившись друг в друга, катались по полу, осыпая друг друга ударами и проклятьями, тяжело сопя при этом.

– Ну, что они, Ричард, опять не поделили? – устало, крикнул поручик. Растаскивая дерущихся.

Шкипер, стоящий у штурвала и безучастно наблюдавший за всем происходящем, махнул рукой и проговорил со вздохом:

– Да пусть развлекаются, не трогай их, офицер.

– Это все Бернс затеял! – выпалил Джон. С остервенением отплевываясь. – Эта задница, хотела остановить машину и положить шхуну в дрейф!

– Впереди буруны! – взорвался в ответ капитан. С красным, перекошенным от злости лицом. – Мы же не хотим наскочить на мель!

– Я тебе дам буруны! – закричал, угрожающе американец. Грозя при этом капитану кулаком. – Саботируешь, мать твою?

– О чем ты говоришь, капитан? – уточнил Орлов. Подходя к лобовому стеклу.

– Мы с Ричардом, когда – то ходили в этом районе, – выдохнул Бернс. Шмыгая разбитым носом. – В этом месте больше мелей, чем обозначено на карте американцев, именно поэтому я и предложил застопорить ход, отдать якорь и выдвинуться на лодке впереди шхуны. Тогда у нас появиться возможность замедлить ход при необходимости и обойти

препятствие, а этот сумасшедший мне в лицо заехал!

– Это действительно так, Ричард? – уточнил Орлов. Пытаясь разглядеть в бинокль препятствия. – Что – то я никаких бурунов не вижу.

– Рискнуть, конечно, можно, но я точно помню, что мелей тут больше чем указано на карте американцев.

– Ну! А я, что говорил! – выпалил Бернс, садясь за стол. – На лодке идти впереди надобно! Пять или шесть, а еще лучше десять кабельтовых, иначе мы рискуем не увидеть опасность, и тогда вода закипит у нас прямо под носом.

– Видал, Генерал? Я же говорю, что саботируют!

– погоди, Америка, не кричи, – покачав головой, проговорил поручик. – Скажите, капитан, а можем мы двигаться на самом малом ходу, сосредоточив все внимание по ходу движения?

– Риск, конечно, есть, но давайте пробовать, – со злостью, проговорил Бернс. – Только уберите от меня, этого сумасшедшего янки!

– Значит, на том и порешим, – удовлетворенно, отозвался Орлов. Медленно опуская бинокль. – И вообще, я предлагаю закончить все споры и склоки, уже совсем скоро, мы попросимся друг с другом. Так, что давайте потерпим, наше временное соседство.

Напряженная работа закипела как на носу судна, так и на мостике с машинным отделением, слишком высоки были ставки и каждый понимал это. И лишь когда сумерки стали сгущаться, было принято решение застопорить ход, отдать якоря, с тем чтобы уже на следующий день закончить опасное плавание.

– Вон, воевода, на горизонте дымка от печных труб вашего форта, – устало, проговорил Бернс. – Надеюсь, вы довольны тем, как мы покрыли это расстояние, не смотря на все опасности? Уже завтра, вы будите среди своих! Идем спать, Ричард, завтра будет тяжелый денек, и нам надо как следует выспаться, чего и вам советую.

– Может, проверим паруса? – отозвался шкипер. Смахивая пот со лба. – Не дай бог сорвет ночью порывами ветра, да начнет кидать нас рваными галсами.

– Ерунда, – отмахнулся Бернс, – мы их не расчехляли почти двое суток. Да и глубины здесь хорошие. Всем доброго сна, господа.

С этими словами англичане покинули мостик, оставив обессиленных, от качки и постоянного стояния Орлова и Джона, которые тут же опустились на стулья.

– Не знаю как у тебя, Генерал, а у меня ноги уже трясутся от стояния..., как у барана перед забоем. Рад за тебя с каза-

ком, еще один не большой рыбок и вы у себя дома.

– Тебя это тоже должно радовать, – пробормотал Орлов. Сидя с закрытыми глазами. – Мимо столицы нашей, ваш Чарли никак не проскачет. Там ведь все дорожки сходятся, как не крути, а ему сейчас, в его положении оказия нужна. Ему ведь с друзьями до дому добраться надобно, ну а проще всего это сделать в порту нашего Ново – Архангельска.

– Послушай, Генерал, сможешь мне этого упыря взять?

– Хорошо, Америка, – сонно, пробормотал Орлов. – Я обещаю, что сделаю все для того, чтобы ваш беглый голово-рез, оказался в железе. Жулье и ворье должно сидеть в остроге и совсем неважно, где он находится, в ваших нижних штатах или в землях Русской Америки.

– Спасибо, тебе... нам бы такое понимание в нашем больном обществе. Ты не поверишь, но у нас могут сначала любить и уважать, к примеру, писателя про которого я тебе говорил, а затем травить и ненавидеть, причем как по команде.

– Это тот, который про вашу войну с индейцами пишет?

– Да, я про Купера говорю! И знаешь с чем это связано?

– С чем?

– Потому что он открыто заявил, что наше общество, погрязло во власти доллара, где все покупается и все продается! А ведь он всего лишь сказал правду, правду о том, что наша страна, к сожалению, стала жадной и продажной, эти пороки поразили все стороны жизни нашей, включая и судебную систему.

– Извини, Америка, а как же ваша демократия, которой вы так гордитесь? Сдается мне, что устройство нашей империи хотя и имеет проблемы, но гораздо честнее, чем ваша демократия. У нас в судебной системе, нет такой вакханалии, а недавняя реформа судебная, проведенная на основе новых уставов, лишь укрепила монолитность державы.

– И она теперь служит на благо всего народа? – устало, проговорил американец. Пприкуривая окурок сигары, от кросиновой лампы.

– Во всяком случае, она за равенство всех сословий перед законом..., у нас открытость судебных слушаний, прибавь сюда не зависимость судей – это дорогого стоит. Теперь у нас и защита и обвинение состязаются друг с другом, а публика с газетчиками допускается на процессы.

– И газетчики могут спокойно писать, о проходящих судебных слушаниях?

– Конечно, – отозвался Орлов. Подходя к лобовому стеклу, за которым угадывались редкие огни в домах Ново – Архангельска. Газетчики могут свободно писать свои судебные отчеты, ежели конечно у общественности, имеется интерес к этому. Ну, а про городских на улице, как и про всю полицейскую машину, не могу сказать, что у нас считают ее прогнившей и погрязшей в мздоимстве.

– Вполне допускаю, что ваша реформа в этом смысле, является самой передовой в мире, – выдохнув облако дыма, отозвался Джон. – Здесь и нам поучиться не грех. Но и у вас,

не все идеально согласишься.

– Что ты имеешь ввиду?

– У вас я знаю, остаются волостные суды для крестьян, суды для духовенства или военных! Да и сыску вашему есть чему поучиться у нас.

– Сыску?

– Да, да сыску!

– Чему, например? Это у вас банды орудуют во всех городах и чувствуют себя вполне вольготно, ты же сам говорил.

– Да, с продажностью полицейских у нас просто беда, но мы с моими друзьями, к примеру, работаем на всей территории штатов, и у нас есть чему поучиться. Мы работаем везде как на Диком Западе, так и в городах восточного побережья, и наше агентство, между прочим, первое в Америке стало использовать фотографии в расследовании преступлений.

– Тут я соглашусь с тобой, вам повезло с босом, – проговорил Орлов. Глядя на тускнеющий горизонт.

– Да уж, Аллан Пинкертон – это находка для всей Америки! – самодовольно, проговорил Джон. – У нас сейчас создается альбом с фотографиями, для тысяч скаковых лошадей.

– Лошади – то вам зачем?

– Для того, чтобы выявлять во время скачек подставных лошадок..., тотализатор на ипподромах – это большие деньги, Генерал. И помяни мое слово, Пинкертон с сыновьями еще создаст самую большую в мире, картотеку жулья и воря! Наш бос, видит далеко вперед и хорошо чувствует все

перемены в мире. Вот и Тони покойничка, он попросил отправиться со мной за Чарли, чтобы посмотреть, как работает его теория с отпечатками пальцев. А я не уберег его... А, что ты думаешь делать с этими уголовниками Бернсом и Ричардом?

– Я обещал им, что отпущу их, как только они доставят нас к нашей столице.

– А я бы арестовал всю эту шайку, по прибытию..., да еще бы и на это корыто арест наложил, вместе со всем барахлом на борту. Потому что оно в разбое добыто, а шхуна их и в шпионских делах наверняка замарана. Прочесал бы казаками береговую линию, да перебил бы всю судовую команду.

– Тогда получится, что русский офицер Орлов, не имеет ни чести, ни совести, а сия ноша для меня не выносима.

– А-а-а-а, Генерал, не боится, что они объединятся с караваном таких же негодяев, что держат сюда путь, наверняка, для какого – то злодейства.

– Очень даже может быть, – проговорил поручик, всматриваясь в огни далекого форта. – Хотя думаю, что при божьей помощи у них это не получится.

– А я бы в таких важных делах, не очень – то надеялся на помощь Господа.

– Ну, а я все – таки положусь на проведение.

– Как знаешь, Генерал! Пойду и я пожалуй, съем чего-нибудь да выплюсь.

После ухода Джона Орлов еще долго стоял у окна, вглядываясь в далекие огни Ново – Архангельска. Он был во многом согласен с американцем – агентство Пинкертон являло миру образец для подражания. Особенно на фоне чудовищных пороков, которыми была поражена полиция Соединенных Штатов, которая погрязла во взяточничестве, как со стороны рядовых, так и со стороны высокопоставленных полицейских. Была связана с преступным миром, которому частенько помогала в сокрытии преступлений, организации побегов из тюрем, в устройстве ограблений банков, почтовых вагонов и дилижансов. Но были сферы, где полиция была бесполезна и где к ее услугам, не прибегали вовсе – это ширившееся и набирающее обороты движение рабочих. Где не давали и не брали взятки, ведя при этом принципиальную борьбу за свои права, за соблюдение законов того или иного штата. Орлову было хорошо известно, что именно по этой причине в работе агентства Пинкертон, появилось новое направление – бос Джона стал заключать договоры с хозяевами предприятий, которые обращались к нему за помощью. Именно агентство Пинкертон, одним из первых нацелило работу своего нового направления на расправу с руководителями рабочего движения. Агенты Аллана, стали проникать помимо банд уголовников, в рабочие организации, боров-

шиеся за интересы рабочих, разжигая в них национальную вражду, стараясь всячески расшатать их изнутри, совершая ради этого даже уголовные преступления. Вину за совершение которых, стали сваливать на неугодных рабочих или их руководителей. Благодаря четкой работе агентов и провокаторов, агентство сумело добиться не одного десятка смертных приговоров руководителям рабочих организаций, подрывая тем самым активность рабочего движения изнутри.

Но, об этих обстоятельствах, поручик предпочитал не начинать разговор с Джоном, боясь услышать в ответ, примеры суровой реальности из политической жизни России. Он был сыт разговорами на эту тему с инженером Неплюевым, которого ему предстояло переправить в Петербург и выходки которого ему приходилось терпеть.

* * *

Торопливый топот ног вернул поручика к действительности. Он посмотрел в окно и увидел поднимающегося на мостик урядника.

– Ваше благородие! – выпалил, тот, тяжело дыша. – Этот капитан сбил замок со своего сундука на камбузе, набрал водки, а теперь заперся у себя в каюте и никому не открывает.

Покачав головой, поручик стал быстро спускаться вниз. У каюты Бернса уже стояли Джон с инженером и Беном, кото-

рые уговаривали капитана открыть двери и отдать водку.

– Я, что не могу напиться на своем корабле? – кричал тот, из-за двери.

– Эта скотина сейчас напьется так, что завтра не сможет вести шхуну, Генерал, – проговорил Джон. – Предлагаю выбить двери и надрать ему задницу!

– Он там с Ричардом?

– Да нет, тот спать пошел вроде, – отозвался Бен.

– Думаю, что не стоит, Америка, – махнув рукой, буркнул поручик, – он много пьет, но быстро трезвеет. За ночь проспится, думаю, да и завтра дорога будет полегче, все мели и банки мы с божьей помощью миновали..., осталось совсем не много. Давайте все на покой, караул сегодня можно не выставлять, так как волна крепкая, да и отдохнуть нам всем надобно полноценно.

Зайдя в соседний кубрик, Орлов снял верхнюю одежду, и в изнеможении повалился в один из гамаков. Он мог теперь позволить себе и людям отдых, они сделали все, что могли в сложившейся ситуации. Шхуна встала на якоря, в непосредственной близости от Ново – Архангельска, уже завтра он доложит Максутову о караване англичан, идущих к берегам Аляски, уже завтра на соединение с отрядом, полковника Калязина, выступит отряд. Но все это будет делаться завтра. Безмятежно засыпая на борту "Марии", никто из его малочисленного отряда, не мог и предположить, что уже под утро, усилившийся ветер, сорвет один из плохо закреплен-

ных парусов и под напором стихии, шхуну сорвет с якорей и отправит неуправляемое судно, в свое последнее плавание к каменистому берегу.

Проснувшись от криков, Орлов, сразу понял, что проваливающаяся то в килевую, то в боковую качку судно, было сорвано с якорей. И теперь не управляемое, оно, с ужасным скрипом несло в полную неизвестность. Поручик бросился наверх, крича и стуча в двери кубриков, стараясь удержаться на ногах. С большим трудом, ему удалось добраться до ходовой рубки, где он к своему удивлению увидел шкипера, который стоял у штурвала в спасательном жилете и который пытался хоть как – то исправить положение.

– Чем помочь скажи? – выпалил Орлов. Смахивая с лица брызги. – Где капитан?

– Спит наверное! А чем теперь тут можно помочь? Кочегары уже поднимают пары! Бог даст до берега, куда нас несет, получится запустить машину. Тогда мы и уведем шхуну от камней! – отозвался тот, стараясь перекричать рев океана. – Эта отрыжка шторма, который прошел мимо нас, она его догоняет – это не так страшно. Самое главное, чтобы нам котлы водой забортной не залило. Надо дать команду, чтобы все заняли свои места и надели спасательные жилеты! А капитана не трогайте, он сам проснется от качки.

– Хорошо, сейчас все встанут по своим местам!

Столкнувшись внизу с ничего не понимающими товарищами, Орлов вместо ответов на их вопросы закричал:

– Надеть всем спасательные жилеты и встать по местам!

Едва он успел схватить в кубрике, где ночевал свой полушубок и выскочить в коридор, как вдруг чудовищная сила, вдруг подняла этот самый коридор, ему навстречу, швырнув его на грязный пол. Раздался леденящий душу треск ломающихся переборок, а одна из керосиновых ламп висевшая в коридоре, сорвавшись с крепления, взорвалась при падении как бомба. Брызнувший во все стороны керосин, который мгновенно воспламенил все вокруг.

Вскочив на ноги, Орлов с яростью стал сбивать пламя своим полушубком.

– Живой, Генерал? – донеслось до него. Через клубы черного дыма.

– Что происходит? – крикнул в ответ поручик. С яростью туша стены коридора. – У нас хоть все живы?

– Да живы то все, только вот вроде на мель мы налетели крепко, – отозвался американец. Туша огонь куском парусины. – Шкипер за котлы переживает, чтобы не взорвались как пороховые погреба из-за воды! А этот уголовник все еще спит, что ли?

– Да пускай спит! Зачем он нам сейчас под ногами?

– Что же нам делать? – пробормотал Джон. Заканчивая тушить огонь, тяжело дыша при этом. – Вот ведь невезуха! Тут ходу – то осталось, всего – ничего до вашей столицы.

– Идем на мостик к шкиперу, там смекать будем, что нам делать.

Лишь когда совсем рассвело и внезапно налетевший ветер, с мощным снежным зарядом стих, стали понятны масштабы случившегося. Шхуна правым бортом прочно сидела на подводной каменной гряде, и все попытки снять ее ни к чему не привели, а только усиливали течь в двух носовых отсеках.

– Нам ничего не остается, как ждать, или идти за помощью, – устало проговорил Ричард. Медленно садясь за стол.

– Неужели ничего нельзя сделать? – с отчаянием, уточнил Орлов. Глядя через окно ходовой рубки на покосившуюся палубу.

– Можно попробовать снять судно при сильном ветре, – отозвался шкипер. Вытирая лицо цветастым шейным платком. – Поднять одновременно паруса и соскочить со скалы. Но у нас не хватает людей, поэтому мы не сможем предпринять этого..., но в любом случае нам требуется ремонт в доке. С такой пробоиной мы до вашего форта не дойдем.

– Я все понял, – проговорил поручик. – Надо идти к форту по берегу. Ждать у моря погоды, у нас нет времени.

– Все правильно говоришь, Генерал, – поддакнул Джон, с остервенением. – Берегом идти надо. Да тут и пути на пару дней, а помощь прождать можно и до зимы. Ну, а зимовать с такой милейшей компанией, если честно нет никакого же-

лания.

– Значит, на том и порешим, – прошептал Орлов, играя желваками. – На сборы всем двадцать минут! Берем лишь самое необходимое, патроны и харчи на два дня ходу, все стрелковое оружие забираем с собой, чтобы в спину нам палить не начали. Часть арсенала оставим для вас шкипер на берегу, чтобы могли постоять за себя, при необходимости. Где оставим, увидите с борта в подзорную трубу.

Спустившись на палубу, американец, озираясь по сторонам, тихо проговорил:

– Послушай, Генерал, бандиты есть бандиты, может, возьмем с собой в заложники шкипера, например? А что? Посидит на веслах до берега, а после отпустим его. Ну, сам посуди, в шкипера – то они стрелять не будут!

– В хранилище с десятков винтовок стоит, заберем их с собой, разве это не гарантия?

– А пушка? Только не говори мне, что тебе сам Бернс слово дал! Они же с неё нас как куропаток подстрелят, сам знаешь, тут и прямого попадания не требуется.

– Не горячись, Америка, ничего они нам не сделают, идем собираться.

Шкипер с кочегарами молча наблюдали с палубы шхуны, за тем как незваные гости спустили лодку и налегая на весла направились к каменистому берегу.

– Надо было этого бандита Ричарда, с собой взять для страховки, – бурчал Джон, налегая на весла. – Ведь если из

пушки палить, начнут, погибнем все!

– Да не погибнем мы, Америка, – отозвался Степанов, работая веслом. – У них ведь и чугуны может оказаться пузырячатым.

– Какой еще чугуны? – уточнил тот. Морщась как от зубной боли. – У них пушка стальная! Чего ты несешь?

Орлов, наблюдавший в бинокль за палубой шхуны, медленно повернул голову и тихо проговорил:

– Далась тебе эта пушка, выгребай лучше проворнее, с версту еще веслами работать надобно.

Когда до берега оставалось несколько десятков сажень, на палубе шхуны возникло какое – то движение, в ту же секунду, над водой раздался пьяный голос Бернса, усиленный металлическим рупором:

– Сто – о-о-о-ой, воевода! Кому говорю сто-о-о-ой! Иначе с пушки палить прикажу! Приказываю вернуться и сдать оружие!

– Я же предупреждал! – выпалил Джон. Хватаясь за винтовку.

– Успокойся, Америка, – это всего лишь мечты пьяного капитана, – отозвался Орлов, поморщившись.

– Сейчас эта пьянь стрельнет с орудия, а за бортом вода такая, что в сосульку за пару минут превратишься! – с остервенением, возразил Джон.

– Сто-о-о-ой, воевода! – ревел Бернс. – Я приказываю стрелять!

– Нет, я не могу в роли дичи находиться, – с жаром, прошептал американец. Быстро вскидывая винтовку.

– Говорю же, ничего они нам не сделают, – проговорил поручик, покачав головой.

– Это тебе так кажется, – пробормотал американец, нажимая на курок.

Внезапно на носу шхуны мелькнула ярко – красная вспышка, затем страшный грохот разорвал утреннюю тишину. Все находившиеся в лодке, как по команде посмотрели в сторону шхуны, носовая часть которой на мгновение скрылась в огромном черно-белом облаке. Которое уже в следующую секунду, было сдернуто в сторону ветром, который словно заправский фокусник, представил взору зрителей, развороченный нос корабля, да подающие поодаль куски человеческих тел и палубной обшивки.

– Прими, Господи, души рабов твоих, – пробормотал Орлов, перекрестившись.

– Я же говорил, что у них чугун пузырчатый, – прошептал урядник. Хитро улыбаясь в бороду.

– Ничего не понимаю, – проговорил тихо, обескураженный американец. – В ствол я им попал что ли?

– Это тебе, Бернс, за нарушение уговора, – со злостью, выдавил поручик. – Ну, чего рты разинули? Сушите весла, прибыли уже!

Добравшись до берега, они все дружно навалились на лодку, оттащив ее по дальше от воды и стали в сдержанном мол-

чании, выгружать взятое с собой.

Урядник подошел к Орлову и тихо спросил:

– Ваше благородие, а винтовки с собой таскать будем или здесь где припрячем? Идти то еще далече.

– Пусть каждый возьмет по одной, – предложил Джон. Глядя на черный столб дыма поднимающегося над шхуной. – Чего их за собой тянуть?

– Верно, говоришь, Америка, – кивнув, согласился поручик, – главное патрон побольше берите. Неизвестно получится ли без конфузов, до столицы дойти, а все остальное под лодкой перевернутой спрячем, вон в том буреломе.

* * *

Замаскировав сделанный в буреломе схрон и взяв лишь самое не обходимое, отряд, вновь двинулся в сторону Ново – Архангельска. Первым шагал Орлов, держа винтовку наперевес, что – то тихонько насвистывая себе под нос – у него было прекрасное настроение. Взрыв на борту шхуны, позволил ему вздохнуть с облегчением – первая часть плана, по нейтрализации англичан прошла как по нотам. Он не нарушил данное слово, и при этом лишил караван кораблей проводников. Теперь англичане будут вынуждены, отдать якоря на внешнем рейде и какое то время ждать "Марию", которая уже не придет им на помощь. А значит, появлялась время, появлялась реальная возможность добраться до столицы и

доложить о происходящем. Правда для этого еще предстояло отмахать, не одну версту, но это уже были мелочи, теперь уже никто и ничто не могло помешать им на пути к форту.

Внезапно над припорошенной снегом прибрежной полосой, раздался тягучий, протяжный вой койота, а вскоре послышалось пение еще нескольких его собратьев.

– Вот ведь подлая животина, – процедил Неплюев. Опасливо всматриваясь в стену леса, подступающего почти к самой воде. – Никак в нас добычу учуяли?

– Зря ты так, Иван Иванович, – смахнув рукавом испарины со лба, отозвался Степанов. – Это умное животное, к тому же веселое и озорное.

– Смеешься, что ли? – передернув плечами, буркнул инженер. – Это когда она человечину жрет веселится, что ли?

– А ты разве не замечал, что они как вечные дети? Все делают резво, я бы даже сказал с озорством каким – то. Хоть на мышей охотятся, или оленя загоняют, хоть когда общаются промеж себя, или щенков своих уму поучают, всегда с озорством все делают.

– Видал я, как они трупы людей жрут, – поморщившись, буркнул инженер, – без озорства и с остервенением.

– Ну..., падальщики они и что теперь? Они же природу чистят! Вот, к примеру, зимой возьми, ходят за копытными, а нападают лишь на хворых, да на убогих. Загонные охоты на здоровых копытных, лишь во время голодухи сильной устраивают. Я за ними с удовольствием всегда наблюдаю, они су-

рзбно лишь к своим деткам относятся.

– Тебя послушать, так решить можно, что это милейшие животные, а самое главное безобидное и беззлобное, – буркнул инженер.

– Конечно! Они шельмы, даже свою территорию охраняют без остервенения, не то, что наши волки. Скажи, Бен, прав я али нет?

– Койотами их аборигены прозвали, – отозвался тот. Шагая рядом с казаком. – Это вроде как на их языке означает "божественные собаки". А насчет их миролюбивого норова, так я так скажу..., у нас в нижних штатах, особенно в скотоводческих районах – это настоящая беда для ковбоев. Вы не поверите, но его когда-то завозили в Джоржию и Флориду как дичь редкую.

– Ну, теперь – то койот не дичь – это точно, – усмехнувшись, проговорил Степанов. Разглядывая замысловатые следы на снегу.

– Это точно! Теперь они обжились и с легкостью осваивают все новые территории, вот и до ваших земель добрались.

– Сейчас эти божественные собаки, возможно трупы наших казачков жрут, – со злостью, проговорил инженер. – В форте "Око империи". Да, жалко, что с полчанами все так случилось..., а все из-за каких – то паршивых индейцев и латинян. Я как чувствовал натуру их подлую.

– Это ты про Конели, или про Сулему? – уточнил Орлов.

– Да они, что один, что другой – одного поля ягоды! – с

негодованием, выпалил инженер. – Ползают по земле нашей, да еще и злодейство учинить норовят!

– Ох и не любишь ты, Иван Иванович, служителей культа. Или обиду на Сулему затаил, за то, что по голове камнем ударил? – усмехнувшись, проговорил поручик.

– Причем здесь все это? Да и любить мне их за что! Рабочий класс сейчас во всем мире, складывается в самостоятельную силу, а церковники для них, как и для крестьян – это же злейший враг. Они же с властями повсеместно ведут борьбу супротив движения рабочих, да и крестьян тоже обидеть норовят.

– А им – то это для чего? – с сомнением, прошептал Степанов.

– Как это для чего! Ну, ты даешь, казак! Чтобы ни развивалось более революционное движение повсеместно, чтобы наука не развивалась – ее развитие ведь для церковников смерти подобно. Они наивные считают, что все это можно остановить!

– Ох, и плачет по тебе острог, Иван Иванович, – испуганно, проговорил урядник. Отчаянно крестясь при этом.

– А ты всерьез считаешь, что они все искренние и глубоко набожные люди? – рассмеявшись, уточнил инженер.

– А как же иначе – то? Они же, как помосты между землей и небом, а помосты Небесной Церкви Божией, будут всегда блестеть чистым золотом и светлыми посылами для всех нас.

– Да-а-а-а? – протянул инженер, с удивлением. – А разве

богоугодным делом, они занимаются в наших землях? Впрочем, как и в других частях света! Не-е-е-т милейший, сказывают они одно, а делают совсем другое – это же ростовщики первейшие и контрабандисты наглые. Причем зло умышляющие и творящие не только в наших землях, но и в Африке, и в Азии, и в Южной Америке. Среди них ежели повнимательней присмотреться, порядочных и истинно верующих людей единицы!

– Ох и грешно гутаришь, Иван Иванович, – пробормотал, казак испуганно. – Не суди, да не судим будешь! Кто же они тогда по твоему?

– Да кто угодно! Купцы, политические интриганы, – жулье одним словом. Которое храбриться лишь перед безвольными и угнетенными рабами. Ну да ничего, придет время, народы прозреют и припомнят им их подлое нутро, которое они под рясами прячут.

– Тихо всем! – горячо, прошептал Джон. Внезапно остановившись. – Вроде говорят, где – то.

В наступившей тишине все стали напряженно вслушиваться, пытаясь уловить в шуме прибоя человеческую речь.

– Это белка, Америка, – проговорил, наконец урядник. Кивнув головой на одну из елей. – Вот ведь дитя природы, одна у нее думка, в отличие от нас, как бы год был поуроджайнее.

Все посмотрели в указанном направлении на зверька, который с любопытством разглядывал людей, положив свой

пушистый хвост на спину, цокая и стуча лапками по ветке при этом.

– Ну, что, Америка, показалось или как? – тихо, спросил Орлов. Внимательно изучая в бинокль, подступающий к берегу хвойный лес.

– Да черт его знает, – сплюнув, отозвался тот, – посмотри на скалы. Может там, кто бормотал.

Поручик перевел взгляд на склоны гор, с припорошенными снегом ельником, затем на долину между скал, которая терялась в синей дымке, из-за больших расстояний и тихо проговорил:

– Нет вроде никого, но на всякий случай, давайте пойдем по кромке леса, а то на открытой прибойной полосе, нас с любой стороны увидеть можно.

Зайдя в лес, они долго шли по старой звериной тропе, и лишь когда та свернула в чащу, двинулись напрямик через заросли березового молодняка. Слабый морозец слегка пощипывал лицо и уши, морозный воздух пьянил людей своей свежестью, а первые лучи солнца заискрившиеся на легком пушистом налете снега, позволили не большому отряду уверенней двигаться к своей цели.

– Ох, и благодатные же здесь места, – проговорил Степанов. Вдыхая полной грудью пьянящий воздух. – Это не то, что у Бернса покойничка на шхуне, где от спертого воздуха и влажности, удушиться можно! Туточки находиться одно удовольствие, вон и следы дичи на каждом шагу встречают-

ся. Мать честная! Кто здесь только по утру не пробежал..., зайцы с лисой и койот с горностаем...

– Да уж, дикие еще земли здесь, – отозвался Орлов. Внимательно осматриваясь по сторонам. – Но ничего и сюда скоро придут люди работные. Лес начнут готовить, руду добывать – будущее за краем этим для империи, помяните мои слова.

– Я же говорил, что бормотал, кто – то, – прошептал Джон. Показывая рукой на один из склонов скалы.

Все подняли головы и увидели отчетливо, на фоне каменной одинокую фигуру человека, стоящего на краю утеса, в заячьем полупальто.

– Аулет это, – отозвался Орлов, опуская бинокль, – похоже, нас не видит.

– Может снять его с винтовки? – с жаром, зашептал Джон. – Это же явно дозорный! Он если не сейчас так чуть позже, все равно нас увидит, и сигнал своим подаст.

– Это воин аулетов, а у нас с ними мирные отношения, – покачав головой, проговорил поручик. Медленно опуская бинокль. – Идем далее, все внимательно по сторонам смотрим.

– И ты, Генерал, веришь в порядочность этих аборигенов? Я по войне с апачами знаю, если встретил разведчика или дозорного – то лучше убить его, иначе через пару миль, тебя будет ждать засада.

– Это аулеты, а не апачи, Америка, да и до форта нам дойд-

ти надобно, без лишнего шума и боя. Смотрим по сторонам с особой прилежностью!

* * *

С этого момента, люди стал двигаться с еще большей предосторожностью, теперь каждый еще внимательней приглядывался к каждой складке в скале или каменной осыпи. Между тем отряд все дальше уходил от наблюдательного поста индейцев, то забираясь на крутые склоны, то обходя отроги гор, то прыгая по валунам, вновь спускался к океану. Несколько раз в течение дня они делали короткие привалы, не разводя огня, ели сухое мясо с сухарями и вновь двигались дальше. Лишь когда на землю опустились сумерки, измотанные переходом люди, остановились на ночлег. Лагерь решено было разбить не далеко от воды, у подножья двух скал, которые закрывали стоянку от пронизывающих ветров, а главное это было сухое место, с большим количеством сухих коряг, выкинутых, когда – то штормами. Палатку поставили прямо на галечнике покрытым белым лишайником, из-за которого огонь развели с особой предосторожностью. Хорошо понимая, что загоревшийся лишайник мог вызвать большой пожар, потушить который при таком ветре было делом безнадежным. Когда костер хорошо прогрел камни, они в сдержанном молчании, собрали большие угли для небольшого костра рядом, а на горячую золу бросили наломанных

еловых веток, которые вполне заменили обыкновенные матрацы. Каждому из них не раз приходилось ночевать, таким образом, на постели с подогревом, которая не давала человеку простудиться.

Уставшие от тяжелого перехода, по пересеченной местности люди, перекусив наскоро сухарями с заваренным в котелке кофе, с наслаждением повалились на теплую постель. Установленное Орловым дежурство у костра, ровно по два часа, давало возможность всем полноценно отдохнуть, что было важно для дальнейшего продвижения. Первым в караул Орлов определил себя, отмерив для дежурства не два, а четыре часа, давая возможность людям на дополнительное время отдыха.

У костра, рядом с поручиком остался лишь Степанов.

– Чего не спишь, казак? – устало, спросил офицер. Глядя на языки пламени.

– Да, видать кости застудил, – тихо, признался урядник. Морщась и крехтя при этом. – На посудине энтого Бернса – покойничка, будь она неладна. – Ревматизм окаянный, стал ломать не жалеючи, уж больно, ваше благородие, не подходящая болезнь для таких приключений, да переходов дальних.

– Вот тебе в аккурат, на нашей лежанке теплой отлежаться надобно, косточки свои прогреть.

– Да зимовище доброе получилось, сейчас кофею выпью, погутарю, маненько и ложиться буду. У нас раньше казаки

такие зимовища в землянках устраивали, бывало, что и зимовали.

– А на следующий год переходили на другое место?

– Верно, так и было, – отозвался урядник. Наливая горячий кофе в кружку. – Это теперь зимовища разрастаются до станиц, рядом с укусами и скотом.

– Скучаешь по станичникам, поди? – сонно, уточнил Орлов.

– Да-а-а-а, давненько я не был в Родине, – с грустью, отозвался казак. – Родина – она ведь как корень для любого человека, а я все так получается, что из одной ботальницы в другую попадаю. Ну, а промеж них служу все, по мере сил своих... А может и потому так получается, что близких – то у меня уже не осталось, почти все под крестами на погосте лежат... Может на такой манер судьбу свою обмануть хочу, время оттянуть хочу от сборов за ними в след.

– Чего это ты себя, раньше времени хоронить вздумал? Вот вернемся, еще свадьбу тебе сыграем! А что? Ты вон как в переходах идешь бодренько, любого молодого обскачешь еще.

– Поздно мне уже, ваше благородие, о свадьбе – то думать, – проговорил урядник, с грустью. – Жизнь как миг пролетела! Таким как я, уже к встречи надобно готовиться, с нашим Господом. Думать, как и с чем предстать пред его очами, как поклониться к его пречистым стопам.

– Неужели на тебе ваш род обрывается? – щурясь от дыма

костра, спросил Орлов.

– Так у меня ведь в роду родственники, акромья рытья колдцев и мореходами умелыми были, в походы смелые хаживали. Ей богу не вру, – отозвался Степанов, перекрестившись.

– По Черному морю или еще куда?

– Да они не только в свару лезли у берегов Крыма и Турции, но и по Каспийскому морю хаживали, к берегам Персии. Так, что они не только в погромах городов Турецких участвовали, но и Персов потрошили. Трофеи как водится, богатые брали, да, что там трофеи, флот турецкий колотили частенько... Так и получилось, что косточки их по всему миру разбросаны.

Орлов молча, слушал рассказ старого казака, глядя на снопы искр, вылетающих из костра в черное небо, и думал о том, что вот на таких простых мужиках, служащих империи не за кресты и почести, держится государство Российское. Именно такие урядники и Ваньки – безухие еще с незапамятных времен, вступали в кровопролитные баталии и на Куликовом поле, и в "Азовском сидении", в Крымских походах и в войне с Персией. Не знали от них пощады и прусаки со шведами, а так же французы и воины Кокандского и Бухарского ханства.

" – Наверяд ли история сохранит, в своём очередном витке память, о тебе казак, – с сожалением подумал Орлов. – Что был такой казак Степанов, один из многих сынов этого слав-

ного сословия. Который сидел когда – то у костра и буднично жаловался на ревматизму, словно и не было позади тяжелой, экспедиции, которая умышлялась изначально, для блага государства Российского. Словно и не пролегал их путь под пулями и кознями недругов, в их затянувшемся возвращении в Родину..."

– ...а вообще – то семьи у нас многодетные, – продолжал казак, свой неспешный рассказ. Суша свои портянки у костра. – Ну, а у меня с семьей не заладилось... Как померла в молодости жинка при родах, так с тех пор бобылем и шагаю по свету. Да-а-а, жизнь такая! Эх, сейчас бы картошечки нашей отведать, да под квашеную капусту!

– Я бы тоже не отказался, – кивнув, проговорил поручик. – Добрый продукт, жалко, что здесь не родится. У вас – то, его станичники сразу приняли, или как?

– А как же! Сажать стали проворно, как только в Войсковую канцелярию прислали из Военного министерства поучения по разведению. Станичники сразу смекнули, что продукт сурьезный, хотя поначалу сумлевались многие на сей счет. А теперь сажают и в больших количествах, отварную употребляют, крахмал с горилкой делают.

– У вас на юге, завсегда столовались гораздо сытнее, чем в наших губерниях, – проговорил поручик. Подкидывая в костер хвороста. – У вас сама природа – матушка позволяет, весь год на столе иметь фрукты и овощи.

– Оно конечно так, – со вздохом, согласился казак. Нето-

ропливо меняя портянки. – Но у нас ведь, как и у всех русских людей, стол был скромным всегда и постным, в зависимости от церковных установлений и праздников. А в другие дни конечно мясо готовили.

– А мне всегда ваша уха нравилась с рассольником, – улыбнувшись, проговорил Орлов закуривая. – Да и каша ваша гречневая с пирогами гороховыми.

– Вот Бог даст, когда-нибудь и туточки семьи начнут создаваться повсеместно, а не только в столице нашей. Тогда и здесь стряпухи появятся, не век же людям нашим борьбой за пропитания колотиться. Как смекаете, ваше благородие?

– Хотелось бы мне в это очень верить, казак. Хотелось бы верить в то, что придет время и встанут здесь повсеместно дома рубленные, в которых печи будут топиться, углем "жирным", которого тут миллионы пудов, ломай только успевай. Уверен, что так и будет! Закончатся здесь все эти недразумения, с продажей кусков земли здешней. А иначе для чего же мы здесь муки принимаем, да головы кладем.

– Дай то Бог, чтобы Господь наш Вседержитель поспособствовал этому, – крестясь, прошептал казак. – Только в этом деле, одна закавыка имеется сурьезная. Для создания семей, ведь женщины требуются. Не всякая сюда на кромку империи поедет жить, в края энти дальние, да холодные.

Орлов улыбнувшись, посмотрел на старого казака и тихо проговорил:

– Ну, разве же это закавыка? Решили же эту закавыку в

Сибири, где тоже женщин не хватало.

– Неужто, завозить стали? – с изумлением, уточнил казак.

– Пару лет назад, в аккурат, когда мы сюда отправились, последовал указ правительствующего Сената. Который разрешал покупать и выменивать девочек у кочевников.

– Господи помилуй! – ужаснулся Степанов, крестясь. – А как же с ними жить с нехристями?

– И здесь, голубчик, никакой закавыки нету – предписано было, их в православие обращать, да в русских семьях размещать, чтобы в культуру нашу вращались. Между прочим, говорят, что по тому же указу, до пятнадцати лет, на каждую из них, предписано выдавать денежное содержание и хлеб. Так что и для таких семей будет веселье вечное и жизнь нескончаемая, иди спать урядник, а то смотрю, засыпаешь уже. Да и день завтра будет тяжелым.

* * *

Оставшись наедине, Орлов все продолжал сидеть и думать о том, что это лишь на бумаге все ложиться просто и ясно. Что должны пройти годы, прежде чем все сложится как планируется и последние события, происходящие на Аляске, служили для него примером. Примером того как переворачиваются и меняются истины, которые еще совсем недавно казались основными, заглавными во всем. По не понятным для него причинам, русские люди стали покидать обжитые

места, а куски земли, которая еще совсем не давно почиталась как "царева гордость" стали распродаваться каким – то посланником из Петербурга, прибывшим в Вашингтон. Сбывались худшие опасения Орлова – ему вдруг стало понятно, что в словах умирающего от ран англичанина Конели, скрывалась страшная правда.

Ранним утром, умывшись родниковой водой и наскоро перекусив, отряд Орлова продолжил свой путь. Осторожно преодолевая шаг за шагом, то трудные подъемы, то крутые спуски, продираясь, порою, сквозь густые заросли подлеска.

Иногда каменистые обрывы подступали к самой воде, и тогда людям приходилось идти по кромке прибоя. По каменным россыпям, которые были очень скользкими, и приходилось внимательно осматривать каждый камень, прежде чем наступить на него.

Когда солнце находилось уже в зените, с трудом пробиваясь сквозь пелену темно-серых кучевых облаков, отряд подошел к крутому спуску, покрытому высокоствольным ельником. В самом низу, которого угадывалась не большая гряда скал, которые вплотную подступали к прибюю. После короткого обмена мнениями, о том нужно ли спускаться, или стоит обойти эти скалы – было принято решение продолжить путь, с тем, чтобы сэкономить время. Но уже через несколько часов утомительного спуска, пробившись через бурелом, все поняли, что скалы наглухо закрывают путь, подходя в плотную к океану.

– Проклятье! – ругнулся Джон, – кажется, мы зашли в каменный мешок, Генерал.

– Сам вижу, – тяжело дыша, отозвался тот. Смахивая рукавом пот с лица.

– Константин Петрович, кажется у нас гости, – с ужасом прошептал инженер.

Только тут, все заметили стоявших на одной из каменных террас, с десятков индейцев. Которых было тяжело разглядеть на фоне леса, среди деревьев. Не дожидаясь команды все быстро заняли круговую оборону за большими валунам.

– Что же нам теперь делать? – сквозь стиснутые зубы, пробормотал Бен. – Мы же здесь как на ладони для них! Не от пуль, так от холода помрем – эти твари нас просто так не выпустят.

– Да уж, перестрелять нас при желании как куропаток можно, – буркнул казак. Деловито выкладывая из кармана патроны на камень.

– Это аулеты, – с облегчением проговорил Орлов, опуская бинокль.

– Может, Генерал, их спросит чего им надо? – проговорил Джон, устраиваясь между камней. – Как – никак союзники ваши.

– Я поднимусь к ним, – отозвался поручик. Сосредоточенно наблюдая за индейцами в бинокль. – Ну..., а если со мной что – то случится, то пробивайтесь в Ново – Архангельск, к самому Максутову на прием идите. Расскажите все, что с на-

ми по дороге приключилось, а уж он подсобит непременно.

– Может не стоит, ваше благородие? – с жаром зашептал Степанов. – Кто же их знает, что у них на уме.

– Казак правильно говорит, – прошептал Джон, глядя на индейцев. – За камушками, хоть какой – то шанс есть, а наверх поднимешься, весь в их власти будешь, будь они не ладны.

– Нет, Америка, договариваться нам надобно..., нет у нас другого пути. Все, пошел я.

С этими словами поручик поднял руки над головой и медленно вышел из-за валуна. Затем так же медленно, положил перед собой винтовку с револьверами, показывая всем своим видом, что у него мирные намерения и только после этого крикнул:

– Я русский офицер! Иду со своими друзьями в Большой город.

– Ты, урус? – крикнул один из аулетов.

– Да, я русский офицер! Могу я подняться к вам?

Вместо ответа с утеса полетела веревочная лестница, сплетенная из прочного корабельного каната.

– Может, хоть один револьвер возьмешь? – пробормотал Джон, качая головой. – Я бы на твоём месте так безрассудно, не полагался на этих аборигенов.

Отмахнувшись, поручик стал медленно подниматься по лестнице, не обращая внимания на сильные порывы ветра, который завывал, проносясь со стороны океана между скал. Медленно потянулись минуты подъема по отвесной стене, в полной неопределенности. Никто не мог гарантировать, в свете последних событий, что переговоры пройдут успешно, что аулеты будут придерживаться давних соглашений.

Поднявшись, наконец, к стоявшим не далеко от края утеса индейцам, Орлов показал пустые руки и тяжело дыша проговорил:

– Я, русский офицер... мы держим путь в Большой город.

Индейцы, молча, переглянулись и, опустив оружие, посмотрели на старого аулета, который стоял чуть поодаль, с безразличным видом смотря на все происходящее. Наконец он поднял согнутую в локте руку и тихо проговорил:

– Хао, урус... Почему вы стали с чугучами, стрелять друг в друга?

Поручик внимательно посмотрел в изрезанное морщинами, серое лицо старика и так же тихо проговорил:

– Это чугучи, подстрекаемые англичанами, стали нападать на наших людей. Иноземцы распускают слухи, что будто бы мы русские, завезли на земли ваших предков оспу, но это не так. Среди наших воинов никто не болеет оспой!

Старик покачал головой с седыми волосами, спадающими ему на плечи серой оленей шубы и многозначительно помолчал, проговорил:

– Это похоже, на подлых английских собак... Через такой же обман, им удавалось отправлять в свое время, наших детей в миссионерские школы, к своим святым отцам.

– Зачем же вы отдавали своих детей? Ведь многих из них, вы уже не увидите никогда, а те, кто вернуться к кострам своих предков, будут уже другими людьми.

– Что поделать, урус... , огненная вода, сеяла радость в голове и теле... , это уже потом, на следующее утро, глаза наполнялись печалью. Вы, урус, никогда так не поступали с нами, и мы помним это. Меня зовут Сиу.

– А я поручик Орлов. Как нам лучше выйти на дорогу, которая приведет нас к забору Большого города?

– Понимаю, – проговорил старый воин, подходя ближе. – Только вам сейчас никак нельзя идти туда берегом. Вас уже ждут у переката, что за этими горами, пули и стрелы чугучей. И ждут давно!

– Откуда это известно? – озадаченно проговорил поручик. Глядя в мутные глаза старика.

Тот медленно раскурил трубку с длинным мундштуком и выпустив струйку дыма, отозвался глядя в низ на товарищей Орлова, все еще прятавшихся среди валунов:

– Дым сигнальных костров, несет вести быстрее ветра, мы читаем их как вы читаете свои книги бумажные. За перека-

том сходятся все тропы, ведущие в Большой город, потому на вас и собрались поохотиться именно там. Наши разведчики предупредили нас о том, что вы идете и о том, что на вас готовится охота.

– Что же нам делать? Нам непременно надобно попасть за стену Большого города, – с отчаянием проговорил Орлов. – Может мудрый, Сиу, подскажет нам, как пройти не заметно к городу? Или может ваши воины, помогут пробиться нам к нашим вигвамам? Я обещаю щедро отблагодарить твоих людей!

– У нас мир с чугучами, урус, – покачав головой, отозвался старик. – Да и воинов у нашего племени не много, чтобы лить кровь. Отряд чугучей слишком велик и наши силы быстро растают в бою, как снег на солнце. Пока вы у нас в гостях – вас никто не тронет, а как попасть за стену вашего города..., тут надо подумать старому Великому Сиу.

– Может, Великий Сиу, пошлет гонца к нашим вигвамам? Может, таким образом, мы подадим сигнал, что мы у вас в гостях? И тогда наши длинные штыки, придут к нам на помощь.

Старик, какое то время, молча, курил трубку, сосредоточенно глядя куда – то в даль, потом медленно повернулся к Орлову и тихо проговорил:

– Хорошо, урус, я пошлю в Большой город человека, а пока вам нужно спрятаться в блокгаузе, что стоит не далеко отсюда. Его нам оставили ваши братья урусы, с провиантом

и запасами пороха, для людей нашего племени.

– Они, что же ушли? Но почему?

– Не знаю. . . , мы были дружны с твоими братьями, они занимались здесь заготовками меха, а потом решили уйти. Наверное, их позвали ваши предки, – пожав плечами, отозвался старик. – Они ушли на большой лодке, которая пришла за ними, сказали, что должны вернуться, но не сказали когда. Мы помогали им с заготовкой и сортировкой мехов, а урусы помогали нам. . . , особенно мы благодарны были вашему шаману, который излечивал наших людей от хвори.

– Понятно, – кивнув, проговорил Орлов, скрипнув зубами.

– Скажи, урус, кого нашему гонцу нужно найти в Большом городе?

– Пусть ваш человек, передаст через дозорных, чтобы его проводили к самому правителю Максутову. Пусть скажет Максутову, что у вас в гостях находится поручик Орлов, со своими людьми. Что мы находимся в отчаянном положении, что идем с боями и далее двигаться не можем, из-за численного превосходства чугучей. Которые вместе с англичанами, пытаются всячески препятствовать нашему продвижению.

Старик внимательно посмотрел в красное, обветренное лицо офицера, с красными от недосыпа белками глаз и, пожевав мундштук трубки проговорил:

– Знаю вашего Максутова, торговое дело справедливо ставит. Скажи своим людям, пусть поднимаются уже, а челове-

ка в ваш форт я отправлю прямо сейчас.

Вздыхнув с облегчением, Орлов крикнул товарищам, чтобы те поднимались и повернувшись к Сиу спросил:

– Где находится блокгауз?

– Дорогу покажет вот он, – проговорил старик, подзывая молодого воина. – Мы с вами встретимся чуть позже. Когда солнце уйдет на покой, а ему на смену придет луна.

Объяснив своим людям, почему они не могут идти дальше, Орлов повел свой не большой отряд по вековому еловому лесу, следом за проводником. Снежное покрывало было буквально исписано множеством звериных троп во всех направлениях. Они шагали, поэтому хрустящему под ногами, великолепию рисунков, напряженно думая обо всем происходящим с ними. Самого же Орлова терзали мысли о том, что они, в который уже раз должны были подчиниться, непреодолимым обстоятельствам и временно прекратить свое продвижение к столице, до которой осталось идти совсем не много.

Постепенно лесная панорама стала меняться, среди огромных елей и кедра, стали попадаться островки березы и тополя, кроны которых пропускали больше света, из-за чего сумрак понемногу рассеялся. Не прошло и получаса, как они вышли к добротному бревенчатому частоколу, бревна которого были затесаны в верхней части и напоминали огромные карандаши, поставленные кем – то в ряд. Подойдя к бревенчатым воротам, проводник позвал кого – то и вскоре ворота

со скрипом отворились. Зайдя во двор, гости остановились, с интересом осматривая несколько хозяйственных построек и сам двухэтажный блокгауз, ладно срубленный из толстых бревен, из трубы которого шел серый дым. Вся территория внутреннего двора, оказалась довольно просторной и представляла из себя круглую форму, шагов двести в диаметре, что позволяло простреливать ее из бойниц блокгауза практически полностью. Держа оборону продолжительное время.

Поздоровавшись с соплеменником, проводник представил его гостям, проговорив буднично:

– Это Мотори, он ведет здесь хозяйство. Именно тут вы дождетесь своих братьев из Большого города, а при необходимости укроетесь за этими стенами от пения пуль и стрел.

– Мотори управляется здесь один? – уточнил Орлов. Глядя на аулета лет тридцати, крепкого телосложения, с суровым лицом и длинными волосами, перехваченными платком на лбу.

– У нас мир со всеми, – проговорил тот. Закрывая ворота за проводником. – Мы держим этот просторный вигвам, на тот случай если нам потребуется спрятать, наших женщин и детей со стариками. Идемте к очагу в тепло.

– Скажи, а сколько нам придется ждать? Пока человек посланный Сиу дойдет до Большого города и вернется сюда с солдатами? – спросил поручик. Направляясь за индейцем к блокгаузу.

– На это уйдет один день и одна ночь, это если с нашим

воином ничего не случиться в пути, – отозвался Мотори.

Уже у самых дверей, когда все поднялись на просторное крыльцо и стали заходить внутрь, Джон придержал офицера за локоть и, запустив всех в блокгауз, спешно прикрыл ее за вошедшими. Озираясь по сторонам, он тихо проговорил:

– И, ты всерьез веришь этим туземцам? А если это ловушка и нас специально заманили сюда? Мы ведь даже не знаем, союзники они теперь вам или уже нет! А, что если они в сговоре с нашими врагами и выдадут нас сонными?

– Успокойся, Америка, – проговорил Орлов, покачав головой, – они могли весьма неспешно, перестрелять нас на камнях. Зачем было тогда городить весь этот огород? Мы живы, предупреждены об опасности, в Ново – Архангельск ушел гонец, чтобы привести нам помощь. Самое разумное, дожждаться солдат здесь! Да и потом на все воля Господа. Человек ведь живет как правило, и не понимает, почему на его долю выпадают те или иные испытания, или почему в самый последний момент, от него отводятся беды и несчастья. Пути Господа нашего – не наши пути, а его мысли не наши мысли. Идем в тепло.

– Есть, конечно, резон в твоих словах. Только уж больно ждать в гостях у туземцев не хочется.

– Ну, ждать и догонять не лучшая забава – это я согласен! Только я так смекаю, что уж лучше за оградой форта подмоги дожждаться, чем среди камней бои вести не равные.

– Твоя, правда, Генерал, – кивнув, отозвался Джон. –

Только давай осмотримся здесь и приготовимся к возможной атаке на форт. Знаю я коварство этих аборигенов!

Лишь после того как ими был проверен весь частокол по периметру, изучены все секторы обстрела из каждой бойницы. Изготовлены, установлены и замаскированы три пороховые бомбы вокруг блокгауза, только после этого гости согласились отведать ухи. Которую сварил в большом казане, молчаливый Моторити.

– Ну что, Америка, теперь у нас все правильно? – спросил Орлов. – Теперь – то мы можем ухи отведать? Давайте все в блокгауз к столу!

– Не боишься, Генерал, что траванет нас всех, этот сын леса? – прогудел американец. Глядя с ненавистью на виднеющийся за частоколом лес.

– Сколько же можно на сухомятке сидеть, да еще и живота своего не жалеть? Да и потом рыба – это же не пельмень! Ее никто жевать для фарша не будет.

Внутри, добротно сделанный сруб блокгауза, мало чем отличался от скромной обстановке любого другого форта. Вдоль потемневших бревенчатых стен, стояли деревянные кровати, которые больше напоминавшие широкие лавки. Большой деревянный стол, с хорошо подогнанными досками, вокруг которого стояли небольшие лавки. Большая русская печь, дававшая тепло для обогрева и возможность готовить пищу, на несколько десятков человек одновременно.

Полив друг другу на руки из кувшина, уставшие гости усе-

лись на лавки за длинный стол, сделанный из пожелтевших от времени досок.

Степанов, мешавший огромным черпаком уху, с нескрываемым интересом посмотрел на американцев и, усмехнувшись, спросил:

– Я так меркую, еще совсем не давно, вы и не думали, что придется на землях Аляски, плечом к плечу супротив туземцев и англичан биться с русскими?

– Враги у нас одни и те же, – буркнул Джон. Подозрительно всматриваясь в миску с парящей ухой.

– Это ты правильно говоришь, Америка, – отозвался Орлов, потирая виски. – Да и, что нам делить промеж себя? Русские с американцами только на дружбу обречены.

– Ага, попробуй с тобой, Генерал, не дружить, – пробормотал Бен. С опаской пробуя уху, налитую в миску. – Ты ведь сразу порохом с камнями посечешь, или у противников твоих, чугун пузырчатый получится при выстреле из пушки.

– Вот, вот, – подхватил Джон, – признайся уже, ведь это ты Бернса подорвал? Прознал про караван и подорвал собаку!

– Согласись, Америка, что он сам виноват в произошедшем, – устало, отозвался поручик. Хлебая ложкой наваристую уху. – Он обещал, что супротив нас ничего делать не будет, а теперь пушай их караван стоит на якорях, в ожидании "Марии", хоть до пасхи. Ну, а у нас время образовалось, чтобы правителю нашему доложить и меры принять, упреждающие врагов еще на подходе. Врагов ведь лучше на под-

ступях укрощать, не давая злодейству иноземному вглубь земель наших проникать.

– Ваше благородие, по два куска лосося отвешивать всем? – спросил Степанов, озадаченно мешая черпаком уху в казане.

– Ложи по два, если всем хватает! Мы все заслужили усиленное питание, за все наши доблести и перенесенные невзгоды.

– Хватит, конечно! Наш повар лосося на роту почитай наварил. Э-э-эх, вот у нас в станицах на Дону, тузулук готовят – вместе с ложкой проглотишь.

– Уха, что ли такая? – спросил инженер. – Так она везде одинаковая!

– Э-э-э-э, – темный ты человек, – пробурчал урядник. Добавляя каждому в миску по дополнительному куску рыбы. – У нас это как раз не просто уха! У нас в бульон закладывается по очереди две порции рыбы, которая готовится в открытом котле, а для нее специально готовится "тузулук". Приправа это значит специальная, которая состоит из горького перца, соли с чесноком и бульона. Им – то и поливают рыбу!

– Ты, Константин Петрович, посмотри на выпечку свежую, – проговорил инженер. Глядя на миску с темными лепешками. – Где муку берете, Мотори?

– Земля наших предков, много чем одаривает, – односложно пробормотал тот, сидя у печи.

– А мы без муки бедствуем, – вымолвил казак. – Может,

поделишься секретом, как вы ее делаете?

Индеец медленно выпустил струйку дыма из носа и, медленно проговорил:

– Это потому что вы, урусы, не хотите жить по законам земли нашей. Вы спрятались за заборами своих фортов и знать не желаете, чем живет земля наша, что она дарит людям кроме дичи, под этим бесконечным движением солнца и луны.

– Но ведь в этих широтах не растут злаковые, – удивленно проговорил Орлов. – Или это лепешки из корней, которые вы перетираете в муку?

– Верно, здесь достаточно корней камоса, – отозвался Мотори. – Вы, урусы, как медведи, которые вкусили мясо лосося и более не желаете потреблять, что – то другое.

– Никогда бы не подумал, что эти лепешки, сделаны из каких – то корней, – пробормотал Бен, хрустя лепешкой. – И сколько же времени у вас уходит на приготовление муки?

– Собрать корни – это еще не все, – попыхивая трубкой, вымолвил индеец, – их нужно сделать пригодными для выпечки.

– Ну-ка! Научи нас, как надо добывать муку из кустов, – давась от беззвучного смеха, выдавил Джон. – Только не говори, что их нужно жевать!

– Зачем же жевать корни? Мы просто набираем на отгелях мелкие камни, потом бросаем их в горящие угли, чтобы они хорошо прокалились. Пока камни принимают жар, на-

мечаем участок на несколько локтей во все стороны от центра. Делаем выемку на пол локтя глубиной, ложем на дно сухие ветки и зажигаем их.

– А, зачем все это вы проделываете? – уточнил инженер. С аппетитом жуя паривший кусок лосося.

– Чтобы земля сильно прогрелась, – невозмутимо отозвался индеец. – Когда сучья прогорят, мы убираем отсюда пепел, а в яму ложем очищенные корни комаса, которые сверху засыпаем раскаленными камнями.

– Погоди, – пробормотал Джон, – я, что – то не понял. А мука то откуда получается?

– И я не понял, – буркнул инженер, облизывая жирные пальцы.

Индеец внимательно посмотрел на гостей и, улыбнувшись, пояснил:

– Как только выкуриться трубка, под слоем камней уже будут лежать готовые корни, которые и можно перетирать на камнях в муку. Ну, а будут лепешки с вареным мясом – тогда и костры племен никогда не погаснут.

– Это сколько же корней насобирать надобно, чтобы зиму перезимовать? – прошептал урядник, качая головой. – У нас хлебушек по – другому добывается!

– Край наш суров – это, правда, – проговорил аулет, – но комаса наша Большая Медведица посылает нам в достатке. Нужно только собирать и не лениться.

– Наши люди иногда употребляют этот корень в пищу, –

проговорил Орлов, доедая свою порцию ухи, – но это скорее от безысходности. Мы, Мотори, привыкшие к другим разносолам... , хотя может быть ты и прав, насчет того, что мы как медведи вкусившие мясо лосося.

Поблагодарив аулета за обед, Орлов вышел с Джоном во двор, оставив товарищей отдыхать на лавках, в жарко натопленном блокгаузе.

– Тебе ничего не показалось странным? – спросил американец закуривая.

– Что ты имеешь в виду? – удивленно спросил поручик. Поправляя накинутый на плечи полушубок.

– Такое впечатление, что ваши поселенцы, покидали это милейшее заведение в большой спешке, как впрочем и лесопилку. Ну, сам посуди... , порох оставили, стекло в рамах, даже посуду с ложками и вилками. Это на бегство похоже скорее! Тебе так не кажется?

– Кто его знает, – пожав плечами, отозвался поручик. Разглядывая грациозно возвышающиеся над лесом скалы. – Прибудут скоро солдаты, тогда все и узнаем. Возможно Максутов, уже знает про англичан, что те караваном сюда идут, поэтому и людей в кулак собирает в столице, чтобы злодейству иноземному противостоять сподручнее было. Да, и индеец говорит, что наши обещали вернуться.

– Не нравится мне все это, Генерал, ох не нравится, – буркнул сквозь зубы американец. – Ваши люди покидают один форт за другим, сюда на всех парах, идут англичане ка-

раваном, наши моряки высаживают караул в низовьях Юкона, на нас охотятся какие – то туземцы. Мы же засели в этом форте и даже не знаем, отправил этот Сиу гонца в вашу столицу или нет! Может наши скальпы, уже проданы по дешевке этим самым Сиу?

Внезапно в разговор вмешался, тихо подошедший Мотори, который глядя на тяжелые темные тучи, твердо проговорил:

– Глаза Великого Сиу видели много зим и ему незачем обманывать урусов. У нас с ними давний мир, так решили наши вожди много зим назад. Наши жены с детьми часто приходили сюда и помогали урусам, сортировать и выделывать меха, а шаман урусов лечил наших людей. Зачем Сиу продавать скальпы урусов?

– Здесь была зверобойная база? – спросил американец, покачав головой.

– Верно, говоришь, американец, – отозвался аулет, попыхивая трубкой, – это был зверобойный форт. Жаль, что урусы ушли, мы с ними жили дружно.

– Вот нам и не понятно, почему они вдруг ушли, – со вздохом проговорил Орлов.

– Они нам ничего не объясняли, но мы видели в их глазах печаль. Может их, призывали духи предков, а может ваши вожди решили уйти к новым землям.

Разговор оборвал звук открывающегося окна на втором этаже блокгауза, из которого показался взволнованный Бен.

Приложив палец к губам, он тихо прошептал:

– Сюда кто – то идет.

Переглянувшись, Орлов с Джоном бросились в блокгауз и, прыгая через ступеньку, поднялись на второй этаж, у одного из окон которого стоял Бен.

– Вон на том склоне между деревьев я заметил несколько аборигенов, – проговорил тот озадаченно. – Не знаю, наблюдали они за фортом или нет, но двигаются они явно в нашу сторону.

Поручик поднял бинокль и долго всматривался в лесистые склоны, пытаясь разглядеть мелькающие тени незваных гостей. Наконец он опустил бинокль, и тихо проговорил:

– Разрази меня гром..., этого просто не может быть. Это же Хитрый Лис со своими людьми! Этого же просто не может быть! Не утонул, значит, гад! Ох и живучий же он!

– Это тот, который шхуну Бернса со своими людьми отбил? – уточнил Джон, играя желваками.

– Он родимый нас в полон, взял на шхуне! Я точно помню, что от моего удара он за борт улетел! Вот ведь живучий паршивец. Всем занять круговую оборону! Ты, как чувствовал, Америка, что вначале надобно обороной блокгауза озадачиться, а уж потом трапезничать. Все по местам!

Прошло несколько часов томительного ожидания, прежде чем из-за забора до защитников блокгауза донесся крик Лиса:

– Мотори! Это говорит Хитрый Лис! Нам нужно погово-

речь с тобой,пусти меня! Я приду один и без оружия.

– Все внимательно следим за своими секторами, – не громко скомандовал Орлов. – Стрелять без команды, лишь при пересечении частокла. А ты, Мотори, попробуй поговорить с этим Лисом, только во двор не впускай, ни под каким предлогом. У вас с ними мир, глядишь до чего – то и договоритесь.

Аулет кивнув в знак согласия и медленно приоткрыв окно, громко крикнул:

– Говори, что хотел и уходи! Великий Сиу запрещает мне говорить с теми, кто стоит за стеной.

– Ты непустишь своего брата? – удивленно уточнил Лис.

– Твоими братьями давно стали англичане! Поэтому твой нож и не режет мясо у наших костров! Говори, что хотел и уходи!

– Ты не прав, Мотори! Пусть ваша Большая Медведица будет свидетелем, что ты не прав. Англичане просто хорошо платят, в том числе золотом, оружием, порохом, солью! А, что им нужно взамен, я тебя спрашиваю? Взамен эти глупцы, просят пустые слова и обещания! Почему же не дать им того, что они просят и что вообще ничего не стоит?

– Я вижу, ты стал таким же, как и англичане, – с грустью отозвался Мотори. – Ты очень далеко ушел от могил своих предков, и я не думаю, что глядя на тебя с небес, их глаза светятся радостью.

За частоклом повисло тяжелое молчание, а занявшие в

блокгаузе оборону, стали с напряжением ждать развязку. Вскоре среди ветвей одной из елей, они заметили проворно поднимающегося индейца – это был Лис. Забравшись чуть выше частокола, он внимательно осмотрел двор и, заметив Мотори стоявшего у окна, вновь закричал:

– Эти самые англичане, хотят купить у нас несколько участков земли, которую урусы считают своею, и которая еще задолго до их появления здесь, принадлежала нашим предкам! Они готовы хорошо заплатить за эти участки и почему бы нам не продать их?

– Мне жаль тебя, Лис, – крикнул Мотори, – потому что твои глаза, затуманены алчностью. Возьми в прибойной черте океана горсть песка и попробуй пересчитать песчинки нашей земли, а я пересчитаю деньги англичан. И пускай Большая Медведица рассудит, у кого это получится быстрее.

– Ну, что же – это достойный ответ воина! Только мы не знаем, чтобы сказал на этот счет Великий Сиу, – криво усмехнувшись, отозвался Лис.

– Он ответит точно также, уходи!

– Хорошо, я спрошу у него. А ты не хочешь, познакомить меня с твоими гостями?

– С какими гостями? – уточнил аулет. Озадаченно посмотрев на Орлова.

– Я знаю, что у твоего очага нашли приют урусы и янки, мы давно идем по их следу. Это наша добыча!

– Зачем они вам?

– Они стреляли в наших братьев и многие из них закрыли свои глаза в вечном сне. Отдай их нам, и мы уйдем. Зачем нам ссориться из-за них?

– Это гости Великого Сиу, найди его и спроси об этом!

– Вот ведь гад ползучий, – со злостью прошептал Джон, зло сплюнув. – А то, что его братья вместе с ним, первыми, напали на нас, молчит.

– Ваш Сиу уже очень стар! – крикнул Лис со злостью. – Он уже плохо понимает речи своих братьев. Разве мы не можем решить сами, кто должен сидеть у наших костров, а кто нет? Ваш Сиу далек от нас, как ястреб от луны! Пускай выйдут янки с урусами за ограду, и мы уйдем. Большая Медведица видит, что мы не хотим, что бы из-за чужаков запели пули и стрелы.

– Я сказал тебе уходи! А если попробуете пойти на приступ, то гибель твоих братьев, ляжет на твои плечи. Я все сказал!

– Пусть будет по – твоему, – со злостью отозвался гость, – пусть тучи стрел и пуль закроют от вас солнце, а сами вы найдете позор, а не славу.

* * *

Уже давно скрылся Лис, а люди в блокгаузе все сидели у бойниц в тревожном ожидании, наблюдая за подступами к частоколу.

– Быстрей бы уже на приступ двинули, – нарушив молчание, проговорил Бен.

– Они пошли за своими братьями, которые ждут вас у переката, – отозвался аулет. – Уже к ночи они будут здесь, ждать осталось не долго.

– Как же он придерзок, паршивец, – прошептал с остервенением Степанов. – Чует, что сила пока на их стороне, и помощь иноземная. Не знают поганцы ужаса от атаки "казацкий лавы", вот и ходит хвост распушив.

– Что же теперь с нами будет? – подавлено проговорил инженер.

– Скверно, что они так быстро на нас вышли, – пробормотал Орлов. – Это очень скверно..., но не смертельно. Нам нужно продержаться один день и одну ночь, до прихода наших солдат с казачками. Ежели Лис может привести своих воинов лишь к ночи..., то продержаться нужно одну ночь. Я правильно меркую, Мотори? Может нам вообще как опуститься вечер, покинуть форт?

– Лис хитер, – отозвался аулет, раскуривая трубку, – он наверняка оставил наблюдателей. Которые пойдут за вами, оставляя едва приметные метки. И тогда вам придется принять бой среди деревьев.

– Все ясно, – буркнул поручик, массируя виски. – Это ты верно, казак, подметил, что не пуганы они, к сожалению, атаками вашими отчаянными.

– Про атаки ваши лихие, даже у нас в нижних штатах зна-

ют, – пробормотал Джон задумчегю.

– Вот те раз! – воскликнул урядник. – А у вас, откуда же знают?

– Один генерал ваш, учил наших солдат, во время войны, как это "лавоу" атаковать.

– Это ты, Америка, не про полковника Турчанинова сказываеть? – уточнил Орлов, наблюдая за своим сектором.

– Про него самого. Он во время войны командовал полком, в армии Линкольна. Тогда – то он и получил чин бригадного генерала, от самого Линкольна!

– Вот ведь судьба как сложилась! Сам из семьи казачьего офицера, Академию Генерального штаба закончил, а воевал у вас, и жить говорят остался. Отчего же в Родину не вернулся, не знаешь?

– Я с ним личные беседы не вел, а от других слышал, что он, таким образом, против вашего крепостного права, да самодурства при штабе выступал.

– Хороший он человек, задушевный я бы сказа, – кивнув головой, отозвался Орлов, – жив значит. Ну и слава Богу! И где же он живет теперь?

– Да, живет в штате Иллинойс, даже поселение там организовал в месте уединенном.

– Эх, Россия – матушка, – со вздохом проговорил поручик, – сколько достойных сыновей твоих, рассеяно и раскидано по всему миру. Может так сложиться, что и для нас бой предстоящий последним будет..., под этими стенами, и ни-

кто не узнает про это. Но верю, что рвем жилы мы тут из последних сил, живота своего не жалеючи не напрасно.

– Нам только и остается, уповать на волю Господа, – кивнув, пробормотал казак. Отчаянно крестясь при этом. – На то, что позволит нам вернуться в Родину. Дозволит пересилить все наши беды.

– Спасибо еще надо сказать, союзникам нашим, – отозвался поручик, – за то, что с нами все тяготы разделяют. Где вольно, а где и не вольно, где и вовсе смерти в глаза смотрят с нами вместе.

– Мы и в страшном сне себе представить не могли, что придется в такую передрыгу попасть, что наш Харли такую смерть примет, – пробормотал Бен. – Упокой, Господи его душу.

Орлов посмотрел на американца, чиркнув спичкой, прикурил окурок сигары и твердо произнес:

– Вот доберемся до Ново – Архангельска, буду хлопотать перед самим Максutowым, о денежном вашем вознаграждении, за помощь вашу неоценимую.

– Да, будет тебе, Генерал, из нас героев делать, – буркнул Джон, махнув рукой. – Так уж сложилось, что народы наши, должны помогать друг другу в лихолетье. Наш народ никогда не забудет то время, когда решалась судьба неделимости наших Штатов, и когда только Россия поддержала нашу неделимость, Только Россия, вступилась за нашу целостность, твердо и решительно.

– Верно, Джон говорит, – поддержал товарища Бен, – у нас до сих пор газетчики пишут, про нашу близость. Да и по духу мы, очень одинаковые!

– Будем надеяться, что народы наши, всегда будут жить в мире и согласии, – кивнув, вымолвил Орлов. – Ну, а теперь давайте еще раз повторим все, что мы делаем в случае нападения, на тот случай если дерзнут нас на прочность проверить.

* * *

Обсудив все возможные варианты развития событий, и еще раз проговорив о том кто, что делает в той или иной ситуации, защитники блокада стали ждать. Это все, что им оставалось в сложившейся ситуации.

Когда уже совсем стемнело, а среди хмурых туч стало угадываться звездное небо, внезапно лес за частоколом взорвался ружейным залпом. В ту же секунду из лесной чащи, используя тонкие жерди, на забор, буквально взлетело до полусотни индейцев. Под гортанные, отрывистые крики они как горох стали сыпаться во двор форта, с воплями и улюлюканьем бросаясь к блокаду.

– Пли! Пли! – закричал с ненавистью Орлов, стреляя из винтовки. – По бомбам бьем!

Залп из винтовок по блокаду, не причинил защитникам никакого вреда, и они открыли ответный огонь. Но тем-

ное время суток сделало свое дело, осложнив ведение прицельного огня, а значительный перевес в живой силе, позволил наподдавшим довольно быстро приблизиться к бойницам форта. И уже через пару минут, перекошенные лица атакующих, стали мелькать за бойницами, в клубах сторевшего пороха.

– Кто видит бомбу? Огонь по бомбе! – закричал Орлов, разряжая в наподдавших два револьвера одновременно.

Его вопрос мгновенно утонул в грохоте выстрелов и в истошных криках нападавших. Тогда расстреляв патроны, он бросил револьверы и, схватив винтовку, бросился на второй этаж. Где клубы густого порохового дыма относились боковым ветром, что позволяло прицелиться и произвести верный выстрел по схрону с пороховой бомбой. Заняв позицию, он быстро перезарядил винтовку, тщательно прицелился и выстрелил. Но к его удивлению и ужасу ничего не произошло. Он еще несколько раз перезаряжал с остервенением винтовку и нажимал на курок, не обращая никакого внимания на противно свистевшие вокруг стрелы и пули, но заложенный заряд не подрывался.

Внезапно среди грохота боя и мощных, тупых ударов чем – то массивным в двери, он уловил какое – то движение сзади. Обернувшись, он вдруг увидел одного из нападавших, неизвестно каким образом, оказавшимся на втором этаже, с занесенным над головой для броска дротиком. Едва успев увернуться от смертоносного железа, которое с характерным

хрустом воткнулось рядом, поручик тут же сцепился с напавшим на него в прыжке индейцем. Хрипя и давясь от кашля, Орлову с трудом удалось разжать вцепившиеся в горло руки, выхватить из-за голенища сапога нож и два раза нанести смертельные удары в бок оседлавшему его индейцу. Тепло, которого мгновенно обмякло и, забившись в смертельной агонии, сползло на пол.

Морщась и тяжело дыша из-за клубов сгоревшего пороха, который поднимался с первого этажа, поручик с трудом встал и, шатаясь, вернулся к бойнице. Сверху было хорошо видно, что уже все нападавшие успели пересечь двор форта, и теперь часть из них пыталась выбить бревном двери, в то время как другая вела плотный огонь по бойницам, не давая людям Орлова вести ответный огонь. Защитников блокауза спасало лишь то, что входные бревенчатые двери, имели надежные кованые запоры, а бойницы располагались гораздо выше человеческого роста.

– Сейчас, сейчас, – хрипел офицер, заряжая винтовку.

Проведя медленно ладонь по лицу, он тщательно прицелился и плавно нажал на курок. На какое – то мгновение, огромная яркая вспышка осветила все вокруг, обдав нестерпимым жаром. А уже в следующее мгновение, взрывная волна швырнула его с чудовищной силой к противоположной стене.

Придя в себя, поручик, долго жмурившись, тряс головой, пытаясь понять, почему так стало тихо. С трудом подняв-

шись по стене, опираясь на ствол винтовки как на костыль, он доковылял до ближайшей бойницы. Огромное серое облако сгоревшего пороха, медленно перемещалось в сторону скал, словно чудовище из народных сказок, сделавшее свое черное дело и теперь спешившее унести с собой чужие жизни. В целом расчет оказался верным и в очередной раз подтвердил свою эффективность. Взорванная пороховая бомба, начиненная волчьей картечью, переломила ситуацию в корне – атака индейцев захлебнулась. Большая часть напавших осталась лежать у блокауза, получив ранения и контузию различной степени тяжести. И уже не представляя реальной опасности для защитников. Десятка два уцелевших чугучей, довольно проворно бросилось обратно к частоколу, перемахнув через который растворились между деревьев.

– Аминь, прости, Господи, – прошептал Орлов перекрестившись.

На первом этаже все еще висел пороховой дым, а сами защитники с трудом приходили в себя, оглушенные и потрясенные силой взрыва. Медленно, прихрамывая на левую ногу, Орлов обошел все бойницы, внимательно осматривая территорию форта. И только убедившись в том, что опасность действительно миновала, обессилено опустился на пол, рядом с урядником.

– Злая была атака, – прохрипел тот, отплевываясь от сажи.

– Ну, мы – то с тобой и страшнее видали, – отозвался офицер, пытаясь прикурить, дрожащими руками окурок си-

гары. – Скажи... , почему бомбу не зажег, как уговаривались?

– Виноват, ваше благородие, – с жаром зашептал казак, – приказ ваш слышал, палил многократно. В толк никак не возьму, то ли глаз фальшивил, то ли палец на курок не так ложился.

– Ладно, не вини себя... , я тоже стрелял многократно, еле зажег ее окаянную. Мой это грех, не учел я, что мы здесь в низине, из-за этого дым пороховой быстро – то не выветриваться. Да и наподдавшие мелькали как на ярмарке, еле рассмотрел, куда палить надобно. Ты ранен как я посмотрю?

– Да, это ерунда, рикошетом руку зацепило, – отозвался тот, – Бену вон в голову прилетело и в живот досталось.

– Есть еще пораненные? – уточнил Орлов вставая.

Как оказалось, все защитники, кроме Бена, имели легкие и касательные ранения. Проверив ранение Бена, поручик покачал головой и, помогая Джону, делать перевязку проговорил:

– Ранение скверное, воды нельзя давать... , будем уповать на милость божью и на скорейшее прибытие наших солдат. Держись, американец, силы экономь, верю, что все у тебя будет хорошо... , немножко уже ждать осталось.

Идем, Степанов, во двор, пока нехристи от контузии не очухались, Лиса поищем. Может, подох поганец, а нет так поможем, глядишь с его гибелью и не сунуться более паршивцы.

С трудом открыв входные двери, из-за убитых тел, лежа-

щих вповалку на крыльце, поручик с казаком шагая по телам изуродованных и убитых спустились во двор. Их взору вновь предстала ужасающая картина – разорванных, разбросанных по двору тел, останки которых зловеще парили в лунном свете. Ужас всего происходящего, дополняли надрывные завывающие и глухие стоны раненых. Которые растворялись, в рвотном запахе горелого мяса и вывернутых внутренностей, буквально висевших в воздухе. Обойдя весь двор с урядником и добив около двух десятков раненых, Орлов вернулся в блокгауз, так и не найдя Лиса. Стены их крепости, срубленные из больших деревьев, помогли защитникам отбить атаку. Но потеря Бена и многочисленные легкие ранения, которые были получены при отражении атаки, значительно осложнили их положение.

– Отыскали этого уroda? – спросил Джон. С остервенением разрывая нательную рубаху на бинты.

– Как в воду канул, – отозвался поручик устало, сядясь рядом с раненым. – Либо ушел шельмец, либо в атаку вовсе не ходил.

– Эх, Бен, Бен, – бормотал американец, качая головой. – Это я не углядел, прости меня..., поздно увидел как тебя через бойницу соседнюю выщеливают с наружи.

Орлов внимательно посмотрел на бледное, покрытое крупными каплями пота, лицо американца и тихо проговорил:

– Держись, дружище, немного терпеть осталось. Скоро

уже наши солдаты придут, а в столице нашей целая больница будет в твоём распоряжении! Там и не таких как ты раненных, с того света вытаскивали.

– Ну, что, Константин Петрович, умыли мы этих уродов? – едва сдерживая слезы, спросил инженер. Прижимая к кровоточащему уху, кусок окровавленной тряпки.

– Правда твоя, инженер, как есть умыли. Надолго ли они угомонились, вот вопрос? Ты, как я посмотрю ранен?

– Ерунда все это! Главное, подмоги дождаться.

– Жалко, что этот Лис нам не попался, – пробурчал казак, заряжая очередную винтовку. – Как думаешь, Мотори, пойдут они еще на приступ?

Помогавший казаку заряжать оружие аулет, тяжело вздохнув, проговорил:

– Хитрый Лис – это умный Лис, его же поэтому так и прозвали. Но для меня он как для вас открытая книга, его я насквозь вижу. Он перед воинами своего племени, хочет иметь почет и уважение, а погибшие воины не дают почета.

– Неужто не убоится снова людей в приступ бросать? – воскликнул Степанов. – На смерть ведь гонит людей верную!

– Мы не боимся смерти, найти ее в бою, для каждого воина честь! – усмехнувшись, отозвался аулет. – Зачем ее бояться, если она приближает встречу с нашими предками? наших воинов, всегда примет Большая Медведица, а воинов Лиса всегда будет ждать их Инук – Чук!

– Вот дают дети леса! – горько воскликнул инженер. – С

таким настроем можно в атаки хаживать.

– Вера – она всегда быть должна, – буркнул Степанов. Поправляя окровавленную повязку на пальцах левой руки. – Вот, к примеру, тебя взять, Иван Иванович! Нет в тебе никакой веры... вот, ты и трясешься, как лист осинный при каждом порыве ветра по жизни. Вразумите хоть вы его, ваше благородие.

– Пусть верить или не верить, каждый решает сам, – проговорил Орлов. Помогая Джону менять повязку на животе раненного.

– Сознание, кажется, потерял, – скрипнув зубами, буркнул Джон. – Помрет он по-моему, так и не дождавшись подмоги.

– Извини, Америка, что товарищей твоих не уберег. У тебя вон у самого вся шея в крови, давай забинтуем.

Оказав друг другу помощь, и перезарядив оружие, защитники в гнетущей тишине стали ждать очередной атаки. С напряжением, вслушиваясь в завывание ветра, да стоны раненного Бена, который лежал без сознания.

– Коварно воюешь, урус, – нарушив молчание, вымолвил аулет. – Не думал Лис, что ты ему такие почести окажешь. Он со своими братьями считал, что они охоту на оленей устроили, а сами того не заметили, как стали добычей.

– Чего это ты озаботился воинами Лиса? – равнодушно спросил Орлов. – Жалеешь, что ли его соплеменников? Так ты же сам все видел, сами они в штыковую кинулись, за что

и получили.

– Какие они мне соплеменники? – усмехнувшись, отозвался тот. – Наши вигвамы никогда не стояли рядом, а наши вожди объединялись лишь в минуту опасности.

– Великий Сиу наверняка слышал, что был бой, он может придти к нам на помощь?

Индеец внимательно посмотрел на офицера и тихо проговорил:

– В нашей деревне мало воинов, привести их сюда – значит затушить костры племени... Сиу в ответе за всех нас. Одно могу сказать, что наши разведчики, внимательно наблюдают за всем, что твориться вокруг.

– Что толку с вашего наблюдения? – обозлившись, воскликнул Джон. – Это не поможет раненному Бену, да и нам тоже!

Разговор оборвал, чей – то крик за частоколом:

– Отзовись, Мотори! Если твой дух еще не отправился к предкам!

Защитники как по команде заняли свои места у бойниц, готовые в любую секунду к отражению очередной атаки.

– Уж не Лис ли это опять объявился? – проворчав, выдал поручик. – Вот ведь живучий паршивец! Заговоренный он что ли?

– Ты угадал, урус, – это действительно Лис, – улыбнувшись, отозвался аунет. – Ходит под пулями как заговоренный – это точно. Что мне ему ответить?

– Погоди с ответом! Возьми, Америка, с инженером под наблюдение двор с тыльной стороны. Ты, Степанов, присмотри за двором со второго этажа, а мы с Мотори поболтаем с этим прохвостом. Всем смотреть внимательно! Чтобы под покровом ночи, они нам конфуз какой не учинили!

– Все сделаем, ваше благородие, в лучшем виде, можете не сумлеваться, – проговорил казак, спешно поднимаясь по лестнице. – А ежели, что не так пойдет, то угощу поганца железом в его бестолковую голову!

Орлов внимательно посмотрел через бойницу во двор и, вслушиваясь, в крики Лиса проговорил:

– Спроси чего ему нужно.

– Зачем ты пришел? – крикнул аулет. – Разве ветер не донес до твоих ушей мои слова?

– Я рад, брат, что ты живой! Дай мне поговорить с офицером, который сейчас сидит у твоего очага!

– Что мне ему ответить? – спросил Мотори озадаченно.

– Нам нужно тянуть время, давай я сам с ним переговорю.

С этими словами поручик закурил окурочек сигары и, выйдя на крыльцо, громко проговорил:

– Что тебе надобно, Лис? Я думал, что купание в холодной воде, пойдет тебе на пользу и сделает твои мысли ясными, а ты опять взялся за старое. Из-за тебя уже и так погибло столько людей! Ты хочешь, чтобы и дальше лилась кровь?

– Я узнал твой голос храбрый, урус! Впусти меня, и мы поговорим с тобой как добрые соседи.

– Добрые соседи ходят в гости при свете солнца, а ты крадешься опять при свете луны, как вор. Хочешь говорить? Прыгай через забор как твои братья, заодно и посмотришь на своих храбрых воинов, которые нашли свою смерть за этим частоколом.

– А будут ли молчать ружья твоих воинов?

– Прыгай! Мы не стреляем в безоружных.

Перемахнув через забор, ночной гость замер на несколько мгновений, буквально остолбенев от увиденного. Тщательно всматриваясь в изуродованные тела, он медленно брел к блокгаузу, перешагивая через останки своих соплеменников.

– Стой, где стоишь! – крикнул, наконец, поручик. – Говори, что хотел и иди, я хочу спать.

– Ты непустишь меня в свой вигвам? – крикнул с деланным удивлением Лис. – Я же пришел один и без оружия!

Офицер сделал еще несколько затяжек, затем выбросил окурок в сторону и с безразличным видом проговорил:

– Ты не мой добрый сосед, а враг, который стрелял в моих людей. Изволь говорить и уходи, а то я боюсь, что у моего караульного, от ожидания палец занемет и он саданет по твоей размалеванной голове каленым железом.

– Говори, пес, чего хотел и уходи! – истошно закричал в бойницу американец. – А не то я тебя сейчас голыми руками в землю закопаю!

Гость криво улыбнулся и, посмотрев, на окно второго эта-

жа проговорил:

– Посмотри, урус, сколько ты убил моих братьев, а ведь многие из них были очень молоды.

– Не говори так, а то я прямо сейчас заплачу! – оборвал его Орлов. – Твои люди первыми схватились за топор войны, хотя много зим назад, мы договорились с вашими вождями в Большом Городе, о том, что будем жить в мире. Вы не будите мешать нам в прибойной полосе, а мы не будем углубляться в ваши земли. Только теперь ты, со своими людьми, нападаешь на нас. И не только в прибойной полосе, но и на воде!

– Из-за вас, в наших вигвамах поселилась оспа, – стиснув зубы, прошипел Лис. – Вы напали на Большую лодку наших друзей английских, захватили ее коварно, с припасами и товарами, которые предназначались и нашим людям. Что же нам оставалось делать? Ты, урус, смелый воин и я тебя за это уважаю..., давай договоримся! Ты скажешь мне, где спрятал Большую лодку и выдашь нам человека, который рыл наши земли. Мы возьмем свое и уйдем, нам не нужна жизнь храброго уруса.

– Ты взялся с братьями за оружие не из-за оспы, которой у нас не болеет не один поселенец, ты взялся за оружие из-за жажды наживы! – с негодованием выкрикнул поручик. – Из-за денег и товаров, которыми вас снабжают англичане, подстрекая в обмен нападать на наши форты. Шхуну твоих друзей я арестовал за шпионство в наших водах! За то, что твои дружки ведут не законные мены на нашей земле, раз-

бойничают в наших водах, занимаются браконьерством. Потому я не скажу тебе, где спрятана Большая лодка! Ну, а за слова твои, насчет выдачи подданного нашего, то я уже отвечал твоим друзьям, что ежели не перестанете требовать – значит, опять прольется кровь. И опять останки твоих братьев будут жрать койоты с муровьями!

– Ты, что – то путаешь, урус! Я стою на своей земле, а вот ваши форты нет! – обозлившись, выпалил Лис. – Англичане помогают нам – это правда. Они помогают нам вернуть наши земли, с которых вы согнали наших предков, пользуясь их доверчивостью. Мой народ тогда еще только входил в возраст, только начинал набирать силу, поэтому и не мог противостоять вашим воинам. Тогда мы еще не знали, как можно бороться с вашими Большими лодками. Только из-за этого ваши предки, стали хозяйничать в прибрежной полосе Великого океана.

– К чему ты ворошишь прошлое, Лис? – устало спросил Орлов. – И потом я не являюсь вождем из Большого города, я просто солдат, который выполняет приказы своих начальников. Мой тебе совет, не приходи больше сюда, со своими братьями! Найдете здесь свою погибель, уходи и передай мои слова своим воинам.

– Жаль, что ты упрям, урус, – проговорил гость, покачав головой. – Ты думаешь, что очень надежно укрылся за стенами этого блокауза? Мои братья уже в пути и они несут на себе оружие! Скоро от твоего форта и забора ничего не

останется!

– Ну, что же..., на все воля божья, еже ли он нас к себе призовет, то мы отправимся к нему смиренно. Мы тоже умеем умирать, а теперь уходи, я все сказал, а ты все услышал.

– Хорошо я сейчас уйду, – кивнув, проговорил Лис. – Возможно, мы уже больше никогда не встретимся под этой лунной. Скажи мне перед смертью, все ли захваченные вами на Большой лодке морские воины живы? О них беспокоятся их братья.

– Они нарушили наш договор и подняли свои ружья супротив нас, – усмехнувшись, отозвался Орлов. – Теперь я не знаю, кто из них жив, а кого принял океан! Одно никак не могу понять, чего это Лис так переживает за них? Неужели собрался в дальние страны?

– Мне хватает моей земли, урус! И в отличие от вас мне не нужны другие земли. О них и о Большой лодке, спрашивают важные люди.

– Теперь все понятно..., передай этим самым важным людям, что лодка спрятана надежно, а все морские воины убиты. Иди с Богом, индеец и больше мне не попадайся!

– Ну, что же..., думаю наш Инук – Чук согласиться принять вместе с дымом костра, прах упрямых но мертвых урусов.

Сказав это, с не добрым выражением на лице, индеец развернулся и быстро пошел к частоколу.

– Бог тебе в помощь, Лис! – крикнул ему в след поручик.

Неплюев, стоявший у входной двери с бледным лицом, с ужасом прошептал:

– Ты, Константин Петрович, зачем его дразнил? А ежели и, правда, пушку притащат?

– Думаешь я с ним, чересчур придерзок был? – устало проговорил Орлов, садясь к столу. – Я поначалу думал, что он приказ иноземный отработывает, исключительно ради своей корысти, да чтобы перед своими соплеменниками свою величину показать, ан нет. Не так тут все просто, Иван Иванович. О тебе опять разговор завели, и это заметь помимо интереса к шхуне Бернса. Стало быть, можем предположить, что помимо судовой команды, нами еще кто – то интересуется. А раз так то – пусть видят, что не гнемся мы от угроз их, и свары доброй не боимся! Ежели нужен ты им живой, то и стрелять из пушки поостерегутся, а это значит, у нас шанс появляется, своих казачков с солдатиками дождаться.

Мотори, севший напротив, внимательно посмотрел на поручика и тихо проговорил:

– Лису верить нельзя, он деньги через подлость свою от англичан получает, а раз с их рук кормиться, то под их дудку и плясать будет. Никак нам нельзя, чтобы он у нас испуг в глазах прочитал.

– Вот видишь, Иван Иванович, не одинок я в своих думках! Пускай передает своим хозяевам наш твердый привет.

– Надобно было ему башку свинцом продырявить, – про-

ворчал Степанов, спускаясь по лестнице. – Ишь прицепился как репейник к шароварам!

– Мы не варвары, казак, – со вздохом отозвался Орлов. – Раз парламентар пожаловал, наши ружья будут молчать.

– Бен дух испустил, – тихо проговорил Джон. Закрывая стеклянные глаза покойному. – Прими, Господи, еще одну душу грешную..., не дожил. Надо было попросить Сиу, отправить гонца и на нижний Юкон, к нашим солдатам, пока нас здесь всех не перебили.

– Хорошая мысль, – кивнув, проговорил поручик. – Против пехотной роты, да артиллерийского парка, что на корабле, у этого Лиса не было бы никаких шансов. Только кто же знал, что они на нас так быстро выйдут! Кто же думал, что на землях аулетов, Лис на приступ пойдет так дерзко?

– Да уж, заперли нас как пауков в банке, – прошептал казак, крестясь. – Я вот, что думаю насчет Бена покойничка..., похоронить бы его надобно, под покровом ночи. Неизвестно ведь как у нас и что с обороной далее сложится, а покуда передышка есть, можно и земле при дать, царствие ему Небесное. А я, Америка, постараюсь с погребальной молитвой, как за казаков значит, отчитаю, уж извини, не знаю как по – вашему. Но думаю, ему будет дано по достоинству, как сказано в Святом Писании об обителях святых.

– Видишь, Америка, – проговорил Орлов, играя желваками, – урядник все организует. Чтобы душа раба божьего Бена нашла свой покой. Сам – то, что думаешь насчет похорон?

– Я даже не знаю, насколько он был верующим человеком, – процедил американец, сквозь стиснутые зубы. – Думаю, что пусть будет по-вашему...., думаю, его душа не обидется. Погибель свою он на вашей земле нашел – значит пусть так и будет.

– Кто же нас хоронить будет, если помощь не поспеет? – тихо спросил инженер. Вслушиваясь в протяжный вой койотов.

– Ежели попрут опять – бой опять примем, – со злостью, проговорил Орлов вставая. – Не впервой, малыми силами цепи вражеские ломать. Ну, чего приуныл, инженер? Если господь призовет, то на все воля божья.

– Я просто смертельно устал, – признался с тихой грустью Неплюев. – И я просто хочу домой.

– Потерпеть надобно еще не много, – буркнул поручик. – Ну чего приуныл, Иван Иванович?

– Тут терпи не терпи, а все один конец просматривается! – взорвался с негодованием инженер. – Я отправлялся в эту чертову экспедицию, как инженер с товарищами своими. Никто и предположить не мог, что все закончится при столь печальных обстоятельствах! Как не крути я последний остался и на меня охота идет, как на зверя дикого, пропади оно все пропадом! И знаешь, Константин Петрович, что я тебе скажу? Все эти муки наши, на берегах Невы никто не оценит. Самодержавный строй наш прогнил настолько, что не утруждает себя в резвости да усердии, в делах не только

внутренних, но и в делах заморских.

– Ну, что ты такое говоришь, Иван Иванович? – поморщившись, отозвался поручик. – Ну как тебе не совестно?

– Это мне должно быть совестно? Да я же читал все выводы Сенатской комиссии, по прошлым экспедициям! Все первоначальные изыскания, которые проводились до нас, там поставлены под сомнения. Тогда ради чего мы здесь так усердно стараемся? К тому же и земли эти уже распродавать начали!

– Я человек военный, – отозвался Орлов с ожесточением, – мое дело приказы выполнять, да воевать если придется. Я в политику нос не сую и выводы по делам Сенатским не делаю! Признаюсь как на духу, что и у меня, накопились вопросы, аж по самое горло! И я найду ответы на свои вопросы, если не у самого Максутова, так в Петербургских кабинетах начальствующих! Только для начала, нам надобно из этой батальницы выбраться.

Инженер горько усмехнулся и, покачав, головой проговорил:

– Ты, Константин Петрович, так ничего и не понял? Ну, оглянись же по сторонам! Тут грамотеем, каким – то особым быть не надобно, чтобы понять – не нужно это никому! Ради чего мы тогда тут жилы рвем?

– Вот и зададим эти вопросы в Петербурге! А нужно будет, и до самого Красного дойдем! – выпалил с ожесточением Орлов. – Он генерал-лейтенант, человек высокообразо-

ванный, а стало быть, имеет мышление государственное. Уж он – то непременно, донесет боль нашу до самого Горчакова. А уж к словам такого человека, да еще из Главного управления, Горчаков прислушается, и Бог даст, разберется. Главное, чтобы ты на берегах Невы со своими речами крамольными дров не наломал, о чем я тебя уже не единожды предупреждал. Ну, а для начала, выжить нам просто нужно!

– Речи мои в душе выстраданы, – прошептал инженер, глядя в одну точку. – Устал просто..., извини, Константин Петрович.

– Вот и давай, закончим мы с тобой все эти разговоры и озаботимся для начала, как из этого мешка выбраться! – выпалил поручик. – Как Максutowa предупредить побыстрее, о кораблях английских, на борту которых десант может находиться. Надеюсь не надо напоминать, как в свое время англичане через рейд свой дерзкий, точно на такой же манер, Вашингтон спалили? Так – то Вашингтон был! Не то, что наш Ново – Архангельск, который с одних пушек спалить можно, даже не замочив сапог солдатских в океане. И все! Давай закончим все эти разговоры, а то ежели мы еще на потеху нехристей, меж собой свары затевать начнем – тогда точно и дело загубим и сами пропадем.

– И то, правда, Иван Иванович, – поддакнул казак. – Бомбы у нас еще две остались. Сдюжим как-нибудь!

В тревожном ожидании шел час за часом, но Лис не торопился возобновлять штурм. Уже совсем стемнело, когда Орлов посмотрев, на товарищей произнес:

– Начинай, однако, казак, отчитывать убиенного Бена. Пока луна не спряталась, придадим его тело бrenное земле. Да и тихо пока.

Степанов покачав головой, перекрестился и тихо прошептал:

– Ну, Бен, ежели, что не по – вашему будет, то извиняй. Я конечно не священник, отпеть не могу, впрочем, как и поведать все тайны Святой Церкви, перед отправкой в последний путь..., прочитаю, что смогу. Думаю, не обидишься на старика, за то, что не дал мне Спаситель уст херувимских, да разумного красноречия Серафимского. Будем все уповать на милость Господа, что примет раба божьего, оставившего нас не по своей воле.

Закончив ритуал, Степанов с Орловым и Джоном вынесли тело убиенного во двор. Оставив для наблюдения инженера с аулетом, которые в случае опасности должны были подать сигнал из винтовок. То и дело, спотыкаясь в темноте об уже успевшие закоченеть трупы, они добрались до воронки, образовавшейся от взрыва бомбы, которая и должна была принять тело убитого американца. Несмотря на то, что

могила была почти готова, им пришлось изрядно повозиться, засыпая тело комьями замерзшей земли. Не успев засыпать тело погибшего товарища, Орлов с Джоном почти одновременно, заметили две тени, вдруг отделившиеся от стены блокгауза. В ту же секунду, тишина вокруг взорвалась истошными воплями и гортанными криками. Дерзкий и коварный враг, не уступавший защитникам в хитрости и смекалке, вновь бросился в атаку. Еще несколько секунд и все смешалось в неравной схватке.

Пленив избитых и оглушенных защитников, индейцы, не теряя времени, скрутив их по рукам и ногам, погрузили на волокуши, прикрепленные к седлам, и двинулись по едва заметной тропе. Уходя все дальше и дальше от разгорающегося, на ветру блокгауза, который вскоре скрылся за ближайшим поворотом.

Едва приметная тропа, по которой шел отряд индейцев, возглавляемый довольным Лисом, уходил в глубокий распадок, скорее напоминающий ущелье, заросшее пихтачом и ельником. Вышедшая луна посеребрила бликами волны океана, которые зловеще замерцали фосфорическими брызгами.

Не прошло и получаса как горевшие, сухие бревна блокгауза, разметал сильнейший взрыв пороха, подняв к черному небу огромное облако искр. Словно стараясь побыстрее похоронить память и надежду на возвращение, живущих здесь, когда – то русских колонистов.

Тем временем индейцы в полном молчании, продолжали уходить, все дальше, направляясь к заброшенным баракам кирпичного завода. Где еще совсем недавно, русские рабочие люди делали очень качественный кирпич, снабжая им не только своих поселенцев, но и иноземных покупателей. Прошло около трех часов пути, прежде чем они, придерживая коней, осторожно ступая в ночной мгле, спустилась, наконец, по южному склону распадка, к не большой песчаной отмели. Именно от нее начиналась брошенная русскими поселенцами, территория кирпичного завода, которая по форме напоминала большой прямоугольник, с узким выходом к океану. Роль сторожевого частокола выполняли бревенчатые бараки с бойницами. Которые были срублены почти вплотную друг к другу и между которых не мог пройти человек, что позволяло караульным на двух сторожевых вышках, без особого труда контролировать все подступы. Задача по охране упрощалась еще и тем, что все подступы к заводу на двести, триста шагов были свободны от подступающего леса. Две огромные печи для обжига кирпича, находились почти в центре двора, что давало возможность работать как тем, кто готовил раствор, так и тем, кто загружал и выгружал продукцию не мешать друг другу.

Пленников бросили на земляной пол одного из бараков, куда вскоре зашел довольный собой Лис, в сопровождении нескольких соплеменников, держа в руке сильно чадающий факел. Небрежным кивком головы он приказал развязать

плененных и только после этого наклонившись к Орлову, выдал сквозь стиснутые зубы:

– Вот видишь глупый, урус, мы поймали вас как куропаток в силки, а вы даже и не поняли как. Ты думал, наверное, что только ты умеешь воевать? Ты думал, что у диких народов нет управы на вас? Скоро я приведу сюда наших людей из деревни, и мы вместе с вождями, с нашими братьями и сестрами повеселимся на славу! Наконец-то хоть кто – то из вас ответит за беспокойство, которое вы причиняли духам наших предков. Покой, которых вы постоянно оскверняли много зим и лет! Ну, а пока меня не будет, советую вам всем вспомнить, где встала на якорь Большая лодка нашего друга Бернса и тогда обещаю вам легкую смерть. Сегодня славная и очень лунная ночь! Под такой луной и оставлять этот свет не так будет грустно! Верно, я говорю, урус?

С этими словами Лис воткнул свой факел в "металлический стакан" прибитый у входа к стене и быстро вышел во двор со своей свитой.

Орлов медленно поднял качающуюся голову и с тоской окинул взглядом своих товарищей, таких же, как и он избитых до полусмерти, в изодранной и перепачканной одежде, с черными от сажи, изможденными лицами.

– Простите, братцы, – прохрипел он. Облизнув опухшие, потрескавшиеся губы. – Не углядел я, замысла врагов подлого..., простите меня.

– Не кори себя, ваше благородие, – с трудом проговорил

казак. – Мы и так под твоей командой, вон, сколько верст с боями отмахали. Кто же, как не ты от нас беду отводил? Так что не рви душу и не сумлевайся не в чем – на все воля божья. Лучше скажем ему, спасибо, за все испытания которые он нам посылает.

– В самом деле, Генерал, – скрипнув зубами, выдохнул Джон, – нет твоей вины, что скрутили нас как детей малых. Кто же мог знать, что кто – то из аборигенов этих от контузии отойдет, да в нужный момент нападет, атаку своих соплеменников поддерживая. Все мы в этом виноваты, а не ты один! А еще если по полной правде – это из-за меня все произошло... , я убедил тебя шхуну захватывать. Просто когда штыков мало, то силу не перешибешь одной смекалкой да смелостью. Остается одна надежда, хоть и слабая конечно, что ваши солдаты с казаками успеют нас отбить.

Мотори медленно повернул голову и тихо проговорил:

– Твои друзья, урус, говорят мудрые слова, нет тут твоей вины в том, что нами овладели люди Лиса. Да, много зим назад, наши предки жили в мире и согласии... , всем хватало место под вечными, солнцем и луной. Никто не ссорился и не враждовал из нас за дичь в лесах или за рыбу в океане и озерах, которых было как песчинок в прибойной кромке. Пока на наши земли не пришли ваши предки, с их ружьями и порохом, с вашей водкой, которая, обжигая, течет по жилам как вода, но от которой тускнеет сознание, внося в голову сомнения. Все мы все дальше уходим от могил своих

предков, из-за того, что многие из нас полюбили ваши глупые деньги, за которые такие глупцы как Лис, уже готовы продавать землю своих предков.

– Эх, Мотори, – отозвался Орлов, покачав головой, – напрасно ты так. Деньги – это сила и сила могучая! Вопрос лишь в том, на что она употребляется, на добрые дела или не очень.

Индеец покачал головой и тихо прошептал:

– Это в вашем далеком мире, они возможно и имеют значительную силу и влияние. Спроси сам у себя, разве подвластен вашим деньгам океан, или горы покрытые лесом? Не один олень или медведь не отдаст свою свободу за ваши бумажки, а это значит, что и цена им такая.

– Я понимаю тебя, индеец, – проговорил поручик. С трудом усаживаясь у стены. – Вам много пришлось терпеть и страдать, с тех пор как наши предки ступили на ваш берег. Из-за этого стали меняться племенные границы, сталкивая интересы одного племени с другим. Но ты не можешь не согласиться..., что мы старались сделать эти земли обжитыми лишь по кромке океана, не вторгаясь далеко от него в ваши владения. Мы строили церкви и вы познали слово божье, ваши люди ходили к нашим шаманам в больницу и получали исцеление, твой народ узнал, что такое школа и бани с паром, которые излечивают самые суровые хвори. Именно от нас вы узнали, как делается кирпич, из которого потом ложатся очаги в домах, а вместо дров вигвамы можно топить

черными камнями. Разве все это причинило твоему народу зло?

– Все так, урус, – со вздохом отозвался индеец. – Только с вашим появлением у наших костров, в наши вигвамы пришли болезни и алчность. Наши люди стали пить вашу хмельную воду и обманывать друг друга при менах. А из-за ваших кирпичей, которые вы доставали из под земли и беспокоили предков чугучей, вас сожгут еще до восхода солнца.

Внезапно их разговор оборвал смех, молчавшего до сих пор Неплюева, который закрыв глаза и, закусив нижнюю губу, стал глухо смеяться, трясясь при этом всем телом.

– Что с тобой, Иван Иванович? – пробормотал испуганно Степанов.

– Думаешь, казак, я умом тронулся? – с остервенением отозвался тот. – У меня самая заглавная рана в душу запала! Сижу сейчас и жду, когда костер для нас запалят, жду, когда мы все окажемся в Гиене огненной! Жаль, что столько усилий потрачено и нами и нашими предками впустую! На берегах Невы не понимают, что здешние первоначальные народы потеснились, но они никогда не признают господства над ними, никогда не потерпят насилие над их природой. Слова аулета лишние тому подтверждения. Мы зря строили здесь церкви – здешние народы не спешат идти к православию, они никогда не примут наш образ жизни и всегда будут не довольны тем, что мы добываем здесь глину или уголь с минералами. Какое печальное прозрение перед смертью! Не

правда ли, ваше благородие?

– Чего ты такое несешь? – возмутился казак, с трудом подползая к инженеру. – Контузило тебя видать крепко, али прикладом к голове приложились, вот ты и несешь, что не попадя.

– Что не попадя говоришь? – скрипнув зубами, пробормотал инженер, со слезами на глазах. – Хоть перед смертью взгляни правде в глаза, казак!

– Как ты не поймешь, мил – человек, – со вздохом проговорил Орлов. – Должны пройти годы, должно смениться несколько поколений, прежде чем прорастет здесь по – настоящему зерно православия. И станут тогда земли эти по праву – землями империи, землями православными, включая и принявших оное первоначальными народами, ноне здесь проживающими. Мать наша – Россия, возможно и не узнает никогда, где мы и как сгинули..., но верю, что все дела наши многотрудные не пропадут даром. Иначе это будет просто не справедливо, по отношению к нашим полчанам, голову здесь сложившим не за кресты и почести с привилегиями. Иначе, зачем умирал в форте есаул Черемисов со своими людьми? Зачем Ванька – безухий со своими товарищами, бой принимал последний в полном окружении? К чему тогда наша погибель наконец? Н-е-е-ет, не зря мы здесь жили рвали на кромке империи!

– Верно, говоришь, ваше благородие, – с жаром поддержал урядник. – Вон слышь, Иван Иванович, как койоты

опять песню свою затянули заунывную? Они ведь самые голосистые звери, для коих совместный вой – это и ритуал и способ обмениваться новыми событиями про меж себя, со своими соседями. И так будет всегда, из года в год, не смотря на гибель кого – то из их семьи. Жизнь продолжается, неспешно и размеренно, делая свой очередной бесконечный круговорот, с нами или без нас – это не важно.

– Надо бежать! – с жаром выпалил американец, – Надо попробовать бежать! Надо, что-то сделать!

Орлов внимательно посмотрел на взъерошенную фигуру Джона, одежда которого после рукопашной схватки, превратилась в какие – то лохмотья, на его опухшее от побоев лицо и тихо проговорил:

– Хорошая мысль, Америка..., я тоже про это думаю. Только прости великодушно..., но мы все поранены и едва держимся на ногах, а охраняют нас как особ дипломатических. У тебя есть план?

В этот момент до них, со стороны двора донеслись характерные окрики погонщика, послышалось повизгивание и собачий лай – это была собачья упряжка. Которая явно держала путь к баракам завода.

– Неужели индейцы так быстро обернулись? – в ужасе прошептал инженер. Втягивая голову в плечи.

– Никак на собаках в возке кто – то к нам пожаловал, – предположил Степанов. Вслушиваясь в бряцание упряжи и хруст снега.

Послышались, чьи – то не громкие команды, хруст снега, хлопнули входные двери в соседнем бараке, и лишь после этого к пленникам ввалилось несколько индейцев охранявших пленников. Постояв несколько минут в нерешительности, переводя взгляд с одного на другого пленного, один из них, наконец, спросил:

– Кто тут из вас генерал?

– А, что, ваш Лис вернулся, и костры уже зажигает? – горько усмехнувшись, уточнил Орлов.

– На костер пойдешь, когда племя решит, – со злостью проговорил один из индейцев. Буравя поручика черными угольками своих глаз. – Человек тебя, урус, ждет для разговора! Пошевеливайся, давай!

– Ну, раз такое дело, то это мы запросто, – прохрипел поручик. – Только у меня ноги побиты, ей богу едва стою! Дайте хоть палку какую, а то сам я идти не могу.

Индейцы переглянулись, потом один из них обернулся, оторвал от стены доску с гвоздями, которую до недавних пор использовали как вешалку и сунув в руки пленнику, кивнул на выход.

Опираясь как на костыль, Орлов заковылял к соседнему бараку, в окошке которого, тускло, горело, подрагивая пламя свечи. Войдя в жарко натопленный барак, пленник, прищурившись, окинул взглядом, пустой сруб и, уставившись на спину незнакомца, который сидел у печи в роскошной бобровой шубе произнес:

– Чего надобно, любезный?

Неизвестный повернулся в пол оборота и, присмотревшись внимательно, взорвался вдруг беззвучным смехом.

– Чего это ты вдруг так развеселился? – сквозь зубы, проворчал поручик. – Вид у меня смешной – это верно... так я на прием не собирался. Говори, чего звал, да пойду я..., а то ноги болят, сил нет стоять.

– Так это тебя за генерала приняли? – давясь от смеха, выдохнул неизвестный. – А я признаться разволновался сильно, из-за раздумий разных! Ну как же, целый русский генерал в этих краях объявился, а это как не крути полномочия генеральские, солдатики опять – же должны быть при чине – то таком.

– Никак ты, Сулима? – ошарашено выпалил пленник. Пытаясь рассмотреть сидевшего.

– Узнал, стало – быть, старика? Это хорошо, значит сразу, к делу перейдем. Садись на лавку у окна, генерал. У вас, кажется, говорят, что в ногах правды нет?

– Не сгинул, значит, раб божий? – буркнул Орлов, с трудом сядя на лавку. – А я уже думал, что и не свидимся на этом свете.

– Ну, это ведь человек предполагает, а Господь располагает! Скажи лучше, кто же это тебя в генералы – то произвел? Самозванствуешь? Грех же это! Даже и не знаю, как к тебе сейчас обращаться, по старинке – ваше превосходительство, или ваше сиятельство?

– Хоть и ловок ты больно, но силенок у меня еще хватит, чтобы вот этой вешалкой, по голове тебя садануть, как ты инженера. Говори, чего хотел! Жалею, что раньше не разглядел под рясой нутро твое подлое. Рясу – то смотрю, на шубу поменял богатую?

– Зря ты со мной в таком тоне, офицер, – ответил, Сулима, покачав головой. – Я ведь у вас в обозе и столовался вместе с тобой, по старой памяти и доброте душевной, и помочь могу.

– Никак совесть проснулась христианская?

– Ну, ты же уже все давно смекнул, почему я здесь и, что меня интересует? – тихо проговорил монах, бросая на стол роскошную бобровую шапку.

– Я не гадалка, ты говори, а я послушаю.

– Из-за вашей экспедиции, я тут ноги себе стаптываю, – со вздохом проговорил Сулима. – Не предполагал я, что ты поручик таким резвым окажешься, никак не предполагал. Едва вас тут успел перехватить, почти у стен вашего Ново – Архангельска, да не ожидал. Бес раньше времени попутал, за мешок схватиться! Уже потом глянул содержимое, а там парода пустая, нет ни каких проб, никаких описаний к местности привязанных. Понял я, что промашку дал, вот и пришлось за вами снова гнаться. Раз не оказалось ничего интересного в мешках – значит, думаю, что у инженера в голове все держится, вот я и прилетел сюда на собачках.

– Значит зря суетился, Сулима, – со вздохом отозвался поручик. – Контузили его дружки твои..., навряд ли он, что

– то помнит.

– Не огорчай меня, офицер, – прошептал монах, перебирая четки. – Я ведь тебя с инженером вытащить отсюда могу. От добра – добра не ищут! Так кажется вы русские говорите?

– Да мне – то все равно, веришь ты мне или нет, – вытирая рукавом лицо, пробормотал поручик. – Говорю же, не в себе он! А Сулима, смотрю на старости лет, золотишком удумал озадачиться? На небо же с собой не заберешь! Разве стоит из-за этого на старости лет, по лесам на собаках гоняться не понятно зачем?

– А я не для себя стараюсь! – выпалил тот с остервенением. – Для ордена своего силы трачу, а значит во славу Рима! Было у меня подозрение, что карта с местами нужными с основным обозом пошла, да мешки с образцами в сомнение ввели... Вот я и хочу предложить в обмен на свободу, наложить цифирь нужную на карту, где вы золото коренное нашли. Ты, офицер, с инженером мне подсобишь, а я вас из плена вызволю. Ну как тебе мое предложение?

– Предложение может быть и занятное, только с чего ты вообще взял, что мы разведку на золото вели? – с безразличием уточнил Орлов. – Руду мы здесь искали, а не золото!

– Ну, хватит уже! – рявкнул, монах вскакивая. – Я все про вашу экспедицию знаю скрытную!

Пленник внимательно посмотрел на потное лицо монаха и точно с таким же безразличием спросил:

– Я может быть, всего не знаю, а тебе – то это откуда ве-

домо?

– Из донесений наших конфидентов и приятелей, прикормленных в самом Петербурге! – со злостью выпалил тот.

– Не ведомо мне кто там тебе и чего нашептывал, зря время теряешь.

– На костер торопишься, офицер? – со злостью выдавил Сулима. – Не согласишься мне помогать, так я все одно через инженера вашего до правды докопаюсь. Он ведь хоть и взглядами якобинскими отравлен до невозможности, но под пытками с пристрастием все выдаст, как на духу. Да и строй ему ваш самодержавный, опостылел уже до крайности самой! А я ему жизнь безбедную предложу и думаю, что не откажет он мне старику. Тебе – то самому не тошно будет, как боевому офицеру, смерть принимать лютую, от вонючих аборигенов? Я ведь за голову инженера твоего, целый бочонок водки вашей привез Лису, шабаш тут скоро начнется несусветный. Ну, а согласишься на меня работать, так я тебя вместе с инженером заберу, за еще один бочонок водки. Видишь, как не дорого твоя голова стоит? Ну и каков будет ответ, Генерал?

Поручик пристально посмотрел в бегающие глазки монаха и твердо проговорил, сквозь стиснутые зубы:

– Я, Сулима, человек военный, на верность самому императору присягал. Мой долг, за интересы империи муки принимать, да врагов вроде тебя, с твоим дружкой покойным Конели, на границе империи укрощать. А ты меня в гниды записать норовишь? Ничего ты в этой жизни не понял, мо-

нах!

– Погиб, стало – быть, офицер английский? – озадаченно пробормотал, Сулима, скривив лицо. – Жаль, конечно, но на все ведь воля божья. Может, подскажешь, где сгинул офицер?

– У стен форта "Око империи", пытался с дружками вашими, гарнизон в океан сбросить.

– Жаль, конечно, ну да не зря будем считать, голову свою сложил служивый.

– Что – то я в толк не возьму, о чем это ты?

Сулима, с торжествующим видом стал расхаживать по скрипучему полу барака, улыбаясь чему – то, затем остановился напротив Орлова и, давась от смеха, проговорил:

– Одичали вы здесь, офицер, совсем. От всех событий отстали, что происходят здесь, вокруг Аляски. Все за империю сражаетесь? А ведь ее продали уже, твою Аляску, со всеми потрохами! Понимаешь, что все это значит? Продали как бочку с ржавой селедкой, за ненадобностью!

– Не верю я тебе, монах, – покачав головой, проговорил Орлов, ледяным голосом. – Все интриги плетешь, как и приятель, твой убиенный? Верфь только продали с куском земли!

– Да говорю же тебе, что продали всю колонию вашу! Вашим дружкам американским и продали! – выпалил, Сулима с пеной на губах. – У нас в ордене тоже в это не сразу поверили, в то, что Александр ваш пойдет на это..., думали он,

с несколькими важными персонами, в тайнах поупражняются, да и оставят все как есть. А оно вон как все быстро решилось, уж больно ловко ваш барон, порученное ему повернул в Вашингтоне.

– Врешь ты все, – устало проговорил поручик, – наговариваешь на императора, чтобы меня в соблазн ввести. Да для него земля сие всегда "царевой гордостью" была!

– Ох, и упрямый же ты, офицер! – почти крикнул, с раздражением монах. – Ну, сам смекай, отчего тогда все ваши форты стоят пустыми! Что могло заставить ваших колонистов уйти, да еще так поспешно? А все ведь просто, – поселенцы ушли из фортов, по приказу самого МаксUTOва. А он приказ получил из самого Петербурга, что мол, передать все американцам надобно! Смекаешь, про что я говорю?

– Врешь ты все, – играя желваками, прошептал поручик. – МаксUTOв просто людей в кулак собирал, вот и весь ответ мой тебе.

Собеседник смахнул рукавом со лба пот, провел рукой по редким жирным волосам и тихо проговорил:

– Глупец ты, ваше благородие, хоть и чин себе генеральский присвоил, говорю тебе, что продажа уже состоялась! Жаль, конечно, что мы помешать этой сделке не успели, уж больно ловок ваш барон оказался, через взятки как оказалось, дело решил шельмец.

Орлов внимательно посмотрел на говорившего и усмехнувшись произнес:

– Ты хочешь сказать, что посланник от нашего императора, не только землей торговал, но еще и взятки раздавал, чтобы на покупку согласие заиметь?

– Именно это я и хочу сказать! – воскликнул Сулима. Погрозив кому – то указательным пальцем. – Давал и конгресс-мена, чтобы дело ускорить, и газетчиков подкупал, и политиков... не удивлюсь, что и самому госсекретарю американскому "на лапу отвалил". Уж больно старик засуетился не по возрасту! Промашка у нас вышла, с вашим тайным представителем, не думали мы, что снабдили его в Петербурге, казенными средствами для этих целей. Причем заметить, выданы оные были по приказу самого Александра, по тайной статье расходной", на дела известные императору".

– Может ты, и имя знаешь, этого посланника? – пробормотал поручик. С остервенением массируя виски.

Монах, ходивший от одной стены до другой, остановился перед пленником и, скрестив, руки на груди воскликнул с усмешкой:

– Знаю, конечно! Это барон Стекль!

– Эдуард Стекль?

– Он самый! Ну, что ты теперь скажешь?

Орлов опустил руки и, уставившись на прыгающее в печи пламя проговорил устало:

– Не может Стекль быть проходимцем... не тот это человек, да и император к нему расположен, как к человеку государственному и исполнительному. Ты, что – то опять пу-

таешь, Сулима.

– А я и не говорю, офицер, что он проходимец, – отозвался монах. Вновь зайдя по бараку. – На него была возложена важная миссия..., и он ее блестяще выполнил! Ну, а то, что он после этого, себе на счет в Вашингтонском банке круглую сумму положил..., так кому это теперь интересно. Главное ведь результат!

– Не может этого быть, – упрямо прошептал Орлов. – По возвращению в Родину, ему отчет представить надобно будет, и не кому – то, а самой Сенатской комиссии. Которая уверяю тебя, дознается про его счет! Так, что этого не может быть, Сулима, плохие у тебя источники.

Ходивший монах вновь остановился около пленника, и вновь залившись смехом, прошептал:

– Так в том – то весь фокус и заключается, что барон перед убытием в Вашингтон, испросил дозволения остаться там, на постоянное проживание, в случае удачного разрешения дела. Не будет никакая Сенатская комиссия ничего считать! Потому что ваш барон теперь житель Соединенных Штатов! Гуляет ваш Стекло теперь в нижних штатах на широкую ногу, свадьбу скоро сыграет, с молоденькой американкой. Вот так – то, Генерал, а ты все с дружками воюешь за землю проданную, смерть даже готов принять лютую. Раде чего все эти твои геройства?

Орлов был буквально раздавлен всем услышанным, он как мог, сохранял спокойствие, но чувствовал, как земля ста-

ла уходить из – под ног. Сбывались его худшие опасения и предположения. Стараясь не выдать своего смятения, он тихо проговорил:

– Все это, для меня звучит просто чудовищно..., все это настолько неожиданно, что трудно просто поверить. Одного я только в толк никак не возьму..., ежели все, что ты говоришь, правда, тогда, почему тебя и твоих братьев по ордену, так волнует судьба золотиносных участков? Это ведь с твоих слов, земля – то теперь американская.

– Хороший вопрос, офицер, – нагнувшись к пленнику, зашептал, Сулима. Дыхнув на него запахом чеснока. – Тут как раз все просто. Американцы сейчас, занятые своими заботами после войны и они не слишком – то рады этому событию. Многие из них вообще считают, что это приобретение – великая глупость старика Сьюарда. Моим братьям удалось застопорить дело в нижней палате, мы уже даже решили, что дело сделано..., но мы и предполагать не могли, что ваш барон пробьет наш залом дорогой из взяток! Американцам сейчас, нет никакого дела до этих диких земель, с их медведями и аборигенами, именно сейчас нужно сдавать карты, именно сейчас нужно смотреть вдаль.

– Каштаны из огня, хочешь со своими братьями из своего ордена таскать? Да не по одному норовишь, а ведрами? Пользу хотите поиметь, покуда американцы своими внутренними проблемами озадачены?

– А почему бы и нет? Возможно, пройдут десятилетия,

прежде чем янки по достоинству оценят, свой довесок к территории, прикупленный стариком по дешевке! Эти глупые янки считают, что их сумасшедший госсекретарь, купил ящик со льдом, они уже готовят аукционы в конгрессе для распродажи этих земель. Смекаешь, генерал, про что я толкую? Представляешь, какие сейчас открываются возможности? И ты со своим инженером, можешь поучаствовать в этом деле! Заработать себе, на безбедную жизнь! Разве тебе как человеку не глупому, не хочется провести остаток дней в роскоши? В конце – концов, ты заслужил сие, за свое рвение и бескорыстное служение своей империи!

– Американцы хотят, чтобы сюда пошли деньги на освоение этих земель? Уж если нет возможности, направлять государственные средства, то они хотят направить деньги предприимчивых частников?

– Видишь, офицер, как ты смекаешь проворно! – брызгая слюной, выпалил монах. – Теперь ты понимаешь, что такой шанс может выпасть один раз в жизни?

– Теперь я понимаю, почему ваш орден, так озаботился координатами определенных участков, – пробормотал Орлов, с отрешенным видом. Глядя на игру пламени. – Вы хотите скупить нужные участки за бесценок? Застолбить, так сказать для ордена будущие прибыли, пока американцы не разобрались, что здесь и к чему.

– А почему бы и нет? – с жаром выдохнул монах. Вновь заходяв по бараку. – Именно для этого, я столько миль от-

махал по этим диким землям, следуя за вами. Когда я понял, что в мешке, который вы несли лишь пустая порода находится. Что там нет никаких карт и дневников – с ума чуть не сошел. Но Бог милостив, подсобил мне в поимке вашей!

– Надеешься, что инженер тебя к жилам золотоносным выведет? Веришь, что через это на аукционах все получится?

– А иначе и быть не может! Вон ваш якобинец, у меня уже в бараке соседнем сидит, да и с тобой мы беседуем. Больше – то не нужен никто! Инженер тебя послушает, нужно лишь офицеру слова правильные подобрать. А насчет аукционов... Ну давай себе представим, что мы в Сан – Франциско! Где на улице Сакраменто, у янки проходят шумные аукционы. Где в разноликой толпе присутствуют не только американцы из штатов Калифорния, Орегона или Юта. Где среди французов и мексиканцев в своих сарапах, китайцев в халатах с широкими рукавами и башмаках с загнутыми носками, присутствуем мы с моими братьями, в одеждах гражданских. И только мы знаем, истинную стоимость того или иного участка!

– И тогда можно будет без труда, застолбить нужные участки? – Умно, однако, придумано, ничего не скажешь.

Сулима вновь остановился и, потирая руки проговорил:

– Верно, смекаешь, офицер. Застолбить заблаговременно, чтобы потом их не превратили в караван-сарай, где будут останавливаться всякие плебеи и проходимцы, до золота падкие. И поверь, что я не для себя стараюсь, а для ор-

дена! Вот и тебе с инженером предлагаю, присоединиться и развернуть жизнь свою в другую сторону, ну, а чтобы он все правильно понял и начертал участки нужные, да цифирью их к координатам привязал, с тобою беседую в первую очередь. Чтобы ты его вразумил значит. Он тебя, Константин Петрович, уважает – значит и послушается. Ну, согласишься, офицер, что дело – то пустяшное! Я же не прошу вас с ним, взлететь выше собора Святого Петра, да и потом земли – то это уже не ваши.

– А твои братья, сами значит, золотишко поискать не хотят? – глухо проговорил Орлов.

– Не с руки нам этим заниматься, – отозвался монах, поморщившись. – Да и как его тут разглядишь быстро – то? Считаю под миллион миль квадратных, под лесами, скалами да торфяниками лежит! Вам вон самим пришлось, на это два года изысканий положить, не-е-ет, не можем мы столько времени ждать. Не известно еще как себя янки поведут, а ну кто из них случайно на жилу наскочит золотиносную. А когда золотая лихорадка начнется, тут уж и белый свет будет ни мил.

– Понятно, а я значит с инженером как тот ключик от ларца, где золотишко лежит?

– Соглашайся, офицер, – это честная сделка! Вы с яковинцем, цифирь на карту положите, а я вас от костра отведу, да еще и старость обеспеченную сделаю. По-моему стоящее предложение? Зачем возвращаться в свою холодную импе-

рию нищими? Или зачем на костре муки принимать?

– И товарищей моих отпустишь? – уточнил поручик.

– За всех говорить не могу, – развел руками Сулима, – туземцы ведь как дети малые. Им праздника хочется. Тебя с инженером забрать смогу, аулета пусть калечат – он нам с тобой не родственник, казак старый уже. Ну, а американца... его кровники жаждут видеть, вместе со своим главарем Чарли. Не любит никто пинкертоновцев, что тут поделаешь, вопросы у них есть к нему – это их дела, пусть сами и разбираются. Хотел тебя еще про шхуну спросить, которую говорят вы отбили у капитана Бернса. Верно ли, что там добра всяческого считать – не пересчитать? Может, подскажешь, где она якорь отдала? Все на троих и поделим, вот те крест.

– Не знаю я, где она на рейде стоит, – отозвался Орлов. – Капитан собирался забрать свою судовую команду и отправиться на соединение со своими.

– Ну и бог с ним, с этим Бернсом! У нас ведь теперь дела важнее имеются. Верно, я говорю?

Орлов внимательно посмотрел на монаха и тихо проговорил:

– Я еще тебе ответа никакого не давал! Мне подумать надобно.

– Ну, чего ты все дерзить пытаешься, офицер? – поморщившись, вымолвил Сулима. – Нет у нас времени много на раздумья разные! Давай я тебя кофеем напою сваренным? Выпьем напитка благородного, да и по рукам ударим. Слы-

пишь, в соседней комнате крышечка застучала?

Орлов проводил взглядом сутулую фигуру монаха и, усмехнувшись, спросил:

– Ты, что же теперь с примусом и чайником путешествуешь?

– Какой там чайник, – отмахнулся тот. Шурша газетной бумагой, в соседней комнате. – Спиртовкой разжился с кофеваркой. Уж больно я люблю, напиток сей для бодрости духа принимать.

– Скажи мне, Сулима, раз уж ты все знаешь. Что с нашими полчанами в форте "Око империи" стало? Дым мы над фортом с воды видели.

– А, что с ними могло случиться? – отозвался монах. Помешивая серебряной ложкой парящий напиток. – Аборигены им бы никогда не простили столько убиенных, не силой так хитростью извели бы все одно. Холопами жили, как холопы и померли!

– Так, что с ними случилось? На форт нападение было? – сквозь стиснутые зубы, спросил Орлов.

– Туземцы народ коварный, сам знаешь, да еще на фоне горы трупов своих соплеменников..., одним словом, хитростью они твоих казачков взяли. Под покровом ночи, без боя даже..., так что приняли казачки ваши, смертушку лютую, под исполнение собственное "Боже царя храни". Так налить кофейку – то? А то ведь без горячего, холодно нынче на дворе, фуражку смотрю потерял опять же.

– Мне подумать надобно, – отозвался пленник.

– Ну, что же, думать – это дело хорошее. Только говорю же, что времени у нас нет на это занятие. Скоро уже Лис пожалует, а при его вождях и воинах, мне вас труднее будет забрать. Думай, пока я напиток пью, да присягой своей голову не забивай зря. Вокруг нас весь мир с ума сходит, не за горами потрясения всего крестьянского мира.

– Это еще почему?

– Нашему католическому миру уже нанесен тяжелейший удар во многих государствах, – со вздохом отозвался Сулейма. Садясь с кружкой напротив. – Уже не только в среде итальянского духовенства, но и в папских кругах, затаилась смутная тревога. Из-за еретической заразы, которая висит в воздухе, словно от тлена плоти погибшей! Всюду спорят и толкуют о вреде церковных учений, всякий плебей типа вашего инженера, считает себя теперь чуть ли не теологом знающим все!

– Вы сами во многом виноваты, – поморщившись, отозвался поручик.

– Это еще почему? – пробормотал настороженно монах.

– Простые люди, впрочем, как и духовные деятели, стали, внимательно присматриваться к поведению итальянских прелатов, на случаи отступления вашего духовенства от простой порядочности. Именно из-за этого большая часть вашего низшего духовенства, стало тайно сочувствовать протестантам, допускать их к причастию. Разве нет?

– Эх, офицер, – сокрушенно вздохнув, проговорил, Сулима. Отхлебывая парящий напиток. – На этой почве у нас действительно происходят серьезные столкновения с епископатами, которые не в полной мере действуют согласно указаний Рима.

– А может все проще? Может просто ваша братия выдает, очень много авансов от имени неба? Может просто пришло время, когда святейшему престолу пора рассчитывать за эти авансы?

– Да нет господин, Орлов! Просто слишком быстро взрослеет буржуазия! Слишком быстро она стала обрастать финансовым жирком, в то время как материальные силы Рима подорваны. То там, то тут провозглашаются чудовищные идеи, о свободе мысли, слова, равенства всех людей и это, между прочим, касается вашей России. А ведь это дерзкий вызов авторитету творца, который многие просто не хотят видеть ни у нас, ни у вас.

– Ты, Сулима, сгущаешь краски? Тебе не кажется?

– Нет не, кажется! Эти якобинцы разного разлива, могут запросто уничтожить своей ересью и католицизм, и ваше православие кстати. Наш орден уже подвергается гонениям, через притеснения братьев и закрытия монастырей. Крупная буржуазия в некоторых странах, уже дерзко требует от Рима, ограничить возможности нашего ордена! И все это за труды наши праведные!

– А ведь вы боитесь этих самых плебеев, – улыбнувшись,

проговорил Орлов. – Вы чувствуете опасность в таких людях как наш инженер, боитесь их объединения?

Сулима, сделал несколько глотков из кружки. Затем поставив ее на печь и устало проговорил:

– "Призрак свободолюбия" – уже и так вольно гуляет по Европе. В вашей империи уже поднимают руку на помазанника божьего, в американских нижних штатах уже стреляют в президента! Ну и кому я спрашиваю от этого лучше?

– И, что же предлагает ваш орден? Опять террор?

– Именно в нем мы с братьями и видим выход! – брызгая слюной, с безумным взглядом, выпалил Сулима. – Только белый террор, способен навести порядок в религиозно – гражданском противостоянии, только он!

– Неужели ваши святые отцы не понимают, в какую свару, вы можете втянуть народы? – отозвался Орлов, массируя виски. – Этак опять и до сожжения книг дойдете.

– Это непременно надо делать! Все книги таких шелкопедов как Вальтер или Руссо изъять надо из всех библиотек, публичных, частных и сжечь.

– Канта тоже придать анафеме надобно?

– Конечно! – воскликнул монах вскакивая. – Это еретик, который способствует расколу духовенства! Этот безумец разрушает все догмы, и его идеи уже осуждены Римом.

Орлов незаметно помассировал грудь в районе сердца и, помолчав, проговорил:

– Как не крути, а получается, что все вокруг враги? Мо-

жет проще отказаться от идеи папской непогрешимости? Не причислять к лику святых ваших инквизиторов, как это было сделано в этом году Пием.

– Еще скажи, что нам нужно озадачиться, таинством причастия нашего клира в храмах! – рявкнул взбешенно монах. Сжав при этом кулаки.

– А почему нет? Миряне же видят, что их причащают только хлебом, а кого – то еще и вином, – отозвался поручик. С трудом подходя к входной двери.

– Причастие "кровью и телом Христовым" духовенство делает сознательно, из-за его особого положения! – взорвался Сулима. Истерично закричав в след хромающему пленнику, тряся кулаком с зажатými четками. – Если бы я не знал господина Орлова лично... То решил бы, что речи такие, ведет человек, разделяющий взгляды вашего инженера.

– Причем здесь это? – отозвался пленник. Держась за ручку входной двери. – Просто если уравниать сынов божьих, то появится равенство гражданское, без всяческих революций и крови. Разве нет?

– А дальше – то что? – выкрикнул монах с остервенением. – Уравнивать дворянство с крестьянами, а патрициев и высоко породных граждан с плебеями? Останется только отменить налоги с оброками и привилегиями! В этом истина?

Орлов опираясь на доску, посмотрел на Сулиму и твердо проговорил:

– Но ведь все это вытекает из раннего христианства.

– Рим никогда не пойдет на это! Во всем мире это воспримут как слабость, а врагов у нас хватает по всему миру. Врагов, которые клеветают на нас при помощи "продажных перьев" и не только их! И это на нас, отважных и бескорыстных миссионеров, несущих слово Господа по всему миру.

– Побойся Бога, Сулима, здесь – то вы, из-за золота объявились!

– Сюда Господь направил нас не только из-за золота! – выкрикнул, Сулима, брызгая слюной. – Нас все больше притесняют, запрещая нести слово божье, произносить проповеди и быть духовниками, особенно в пределах всего лиссабонского архиепископства. Многих наших братьев бросили в тюрьмы, а имущество монастырей конфисковано. И все это из-за того, что мы истинное, самое острое копье Рима, идеалы которого мы несем в самые отдаленные уголки мира! Но ничего, мы переживем период гонений, и мы еще заявим о себе в недрах самой курии. А если придется, то мы как Юлий опояшем себя мечом и шпагой и бросим в Тигр ключи от неба! И пусть тогда нас защитит меч, если ключи святого Петра окажутся бессильными перед притеснениями. Поверь, офицер, мы все готовы к этому как один!

– Bravo, Сулима, – проговорил Орлов. Глядя как монах, терзает четки. – Нет правда, мне понравилось с какой яростью и искренностью отстаиваются интересы ордена и Рима. Теперь я понимаю, почему вас называют "псами господа".

– А я горжусь, что нас так называют! – выкрикнул тот. –

Да мы воины христовы и именно поэтому мы бы никогда не смирились с присутствием здесь ваших православных поселений. Хотя Господь и так услышал наши молитвы! Да, да, услышал наши молитвы и эти земли уже не ваши. Думаю, что это знамение!

– Думаете, что американцы потерпят вас тут? Думаете, через скупку золотоносных участков будите контролировать эти земли?

– Ничего..., мы приноровимся к новым условиям! Точно также как мы пережили изгнание из Сардинского королевства, когда у клира отнимали привилегии и закрывали монастыри. Ничто не помешает нам закрепиться здесь на золотоносных участках, а добыча металла через подставных лиц укрепит силы нашего ордена, а значит и силы Рима.

Орлов покачал головой, глядя на безумное выражение лица собеседника, и тихо проговорил:

– Пойду я, Сулима, мне еще с инженером потолковать надобно. А ты как я посмотрю, уже напиток допиваешь.

– Иди, Генерал! Скажи ему все как есть, только помни, что времени у вас столько – сколько я буду пить кофе.

Доковыляв до своего барака, где находились его товарищи, он шагнул за порог и сев с трудом рядом с инженером проговорил:

– Сулима объявился..., хочет, чтобы ты ему места нашей разведки показал, да на карте места те, координатной цифирью привязал. Обещает тогда он из полона освободить тебя,

да еще безбедную жизнь уготовить..., думать быстро надобно, пока он кофе хлебает.

– Жив значит ублюдок, – пробормотал Неплюев, с отрешенным видом. – А, я думал конокрад брешет.

– Погоди, здесь без меня Василь побывал что ли? – растерянно проговорил поручик. – Он, что же в услужение к Сулиме подался?

– Подался, Константин Петрович, но не это главное, – глядя в одну точку, выдавил инженер.

– Что же тогда главное? – спросил Орлов. Только тут заметив, что все с каким – то обреченным видом, смотрят на него. – Ну не томи уже, сказывай!

– Он главное сказал, что продало нас твое самодержавие хваленое, Константин Петрович. Мы здесь все это время усердствовали, за земли империи радели, а она нас взяла и продала. Как сапоги стоптанные, за не надобностью! Никто не придет к нам на помощь из Ново – Архангельска..., потому как нет там уже ни солдат наших, ни поселенцев, ни казаков.

– А почему мы должны ему верить? – проговорил поручик. – А ты, что думаешь, казак? Врет беглый каторжанин, или правду сказывает?

– Похоже на правду, ваше благородие, – с мрачным видом, отозвался тот. – С болью в душе сказывал, что теперечи земля энта, нам уже не принадлежит – американцы, мол, теперь ее хозяйева. Да, и какой резон этому конокраду говорить

неправду? Что слышал – то и поведал!

– Мы в этих местах диких, два года гнили, а ради чего спрашивается? – взорвался от негодования инженер. – Разве это справедливо? Нас ведь могли предупредить заранее, чтобы мы жили не рвали!

– погоди ты, Иван Иванович, не горячись! У меня все равно к беглому конокраду веры нет, да и не за него тебе я толкую. Озаботься ответом, за которым Сулима, придет с минуты на минуту.

Инженер, сидевший с каким – то отрешенным видом, потрясенный всем происходящим вокруг, продолжал рассуждать, словно и не было никакого вопроса.

– Нет, Константин Петрович, туточки и без каторжанина все как раз понятно. Все форты на нашем пути оказались либо брошенными в спешке, либо там находилось не значительным числом казаки..., про которых попросту забыли наверняка. Туземцы обнаглели до такой степени, что чувствуя поддержку англичан, творят, что хотят! Американцы встают караулом на нижнем Юконе опять же, не-е-ет, неспроста все это...

– Послушай меня, наконец, Иван Иванович! – выпалил Орлов, глядя в глаза инженера. – Нет, у нас времени, сидеть и философствовать! Сулима все знает про нашу экспедицию, о ее целях и задачах.

– Продал кто – то! – воскликнул Степанов гневно.

– Верно, урядник, через дружков своих прикормленных

из Петербурга, он про это знает. Но теперь не это главное! Он тебя, Иван Иванович, с собой забрать хочет, чтобы ты ему результаты наших разведок поведал, где золото коренное близко к поверхности залегает. Хочет он привязать места эти на карту свою цифирью! Ты понимаешь это?

– Что же мне теперь делать? – прошептал инженер нахмурившись.

– А, чего тут думать, – проговорил поручик, – соглашаться надобно тебе. Для тебя это шанс костра избежать, смекаю я, что теперь некому это не нужно у нас в Родине. Соглашаться тебе нужно. Об одном тебя прошу, не выдавай, где коренные жилы проходят, пусть сами ищут. Ну, а там свободу получишь, глядишь и до Петербурга доберешься..., расскажешь обо всем увиденном тут..., за нас словечко замолвишь. Пусть знают в Родине, как мы тут муки на костре принимали, не предав и не изменив интересам империи, терпели лишения разные за нашу веру, за царя, за отечество.

– Не верю я этому Сулиме! – выпалил инженер, вжав голову в плечи. – Узнает чего ему надобно и все одно убьет.

– Ну чего ты заладил, убьет или не убьет, – поморщившись, прошептал Степанов. – Тут гутарить даже нечего! Соглашайся, а там глядишь, с побегом Господь поможет! И потом должны же в Родине про нас знать, про Ваньку – безухого с есаулом, про обоз, наконец. Кому у нас в империи теперечи энта руда нужна? Если земли – то проданы! Соглашайся, раз тебе Господь через предложение такое шанс дает. А

там и про нас расскажешь, как мы туточки жили рвали.

– Вот именно, – кивнув, проговорил поручик, – хватит уже землю кровью заливать. Что еще каторжанин поведал?

– Сказывал нам, как станичники в форте смерть приняли жуткую, – смахнув слезу, буркнул казак. – В полон их ползуны взяли, видать заснул кто – то из них на посту..., огнем потом пытали изверги, про нас все выведывали, куда путь держим и, где нас перехватить проще будет. Полчане смерть приняли, но так ничего и не сказали нехристям..., хотели те их заставить на коленях смерть принимать, а они отказались наотрез. Тогда эти ироды им ноги сломали в коленях...

– Что было потом? – сквозь стиснутые зубы, уточнил Орлов.

– Шаман их приказал на стене храма распять..., так что ты не сумлевайся, Иван Иванович, уходи с Сулимой, молод ты еще больно, чтобы ко встрече со Спасителем готовиться.

– Американца тоже замучили?

– Точно так, ваше благородие, вместе с нашими полчанами смерть принял Харли.

– Прости, Америка, всех твоих товарищей погубили, прости.

Американец внимательно посмотрел на офицера и отмахнувшись проговорил:

– Денщик твой правильно говорит, что на все воля Господа. Надо бежать пробовать! Хуже все равно не будет, а так хоть какойто шанс свободу обрести. И пробовать надо пока

Лис свою свору не привел, пока мало их.

– У тебя вроде план какой-то был? – уточнил поручик. – Только не забывай, что нас, когда в полон, брали вон как отделили, едва ведь на ногах держимся. Да и куда бежать опять же? А, что если Сулима с конокрадом правду говорят, и нет уже никого в столице нашинской? Что еже – ли ушли наши поселенцы с Максutowым из форта заглавного?

– На Нижний Юкон нужно пробиваться! – с жаром зашептал Джон. Подавшись вперед всем телом. – Пехотинцы шестой роты вооружены отменно, да и артиллерийский парк на борту мощный.

– Не дойти нам пехом, – пробормотал урядник, покачав головой, – снег вон как лег глубоко. Мы столько верст не пройдем...

– Ну, тогда может, на шхуну Бернса вернемся? А, что? Там провизии на два года вперед хватит, да и винтовки с револьверами на берегу надежно спрятаны.

– А ведь прав Америка, – прошептал казак озадаченно, – мысля эту, обдумать крепко надобно. Как вы смекаете, ваше благородие?

Орлов нахмурившись, покачал головой в знак согласия и тихо проговорил:

– Мысль действительно хорошая, только как нам справиться с нашей охраной? Это ведь на каждого по откормленному, обозленному гибелью своих соплеменников воину получается. И потом я со своими ногами, для вас только обузой

буду, попробуйте, наверное без меня, а отбив у нашей стражи оружие, я задержу их, насколько сил хватит.

– Это ничего, ваше благородие, что занемог ты крепко, – возбужденно проговорил казак, – мы на себе понесем по очереди.

– Спасибо конечно, братец, только по такому снегу и так ходко не пойдешь, а ты еще меня взвалить хочешь. Не-е-ет, если бежать решили, то без меня, а я лучше вам в арьергарде помогу задержать людей Лиса.

– Погоди, Генерал... , вместе шли, вместе и выбираться будем, тут твой денщик прав, – вставил Джон. – Может нам еще и воины Великого Сиу смогут подсобить! Как думаешь, Мотори? Союзники вы все – таки или нет?

Индеец, слушавший все с закрытыми глазами, покачал головой и медленно произнес:

– У Великого Сиу мало винтовых ружей и воинов мало... , война в открытом бою – это гибель нашего племени. После которой, некому будет даже оплакать тела погибших братьев, поэтому Сиу не пойдет на открытую войну и правильно делает.

– А ему, что же все равно, погибнет его воин Мотори или нет?

– Мы не боимся смерти, – спокойно проговорил индеец, – мы всегда готовы встретить ее. Встретить так, чтобы нашим предкам, не было стыдно за нас...

Разговор оборвали, чьи – то быстрые шаги во дворе, об-

рывки возгласов и нетерпеливое повизгивание ездовых собак. Хруст снега стал приближаться, двери в барак с противным скрипом распахнулись и пленники увидели Сулиму, с двумя рослыми монахами в коричневых рясах с капюшонами на голове. Каждый из них перебирал неторопливо четки, с надменным видом, демонстрируя, что они полностью контролируют ситуацию.

– Ну, что, господа, пришел час прощаться, – проговорил, Сулима не добро улыбаясь. – Тебе, инженер объявлено, о моем предложении?

– Объявлено, – буркнул тот. Глядя на стриженую голову конокрада, выглядывавшего из-за спин монахов.

– Сам пойдешь, или силу приложить надобно? – продолжал, Сулима. Поправляя массивный золотой крест, выглядывавший из-под воротника шубы.

Орлов с усталым видом посмотрел на бледное лицо инженера и, подмигнув, с ободряющей улыбкой проговорил:

– Иди, Иван Иванович, храни тебя Господь и не поминай лихом..., более уж видать не встретимся на этом свете, так что прощай и прости еже – ли, что не так было. Ты человек гражданский и незачем тебе больше в сварах голову подставлять. Езжай в возке с Сулимой, а еже – ли он тебя обижать начнет, так я его на том свете найду и поквитаюсь.

– Никто его не тронет, – скривившись, отозвался монах, – еже ли язык придерживать будет, да дело грамотно сделает. А ты, офицер, я так понимаю, нашу компанию поддержать

не желаешь?

– Уж прости великодушно, – отозвался разведя руками поручик, – видать и впрямь не судьба мне в генералах ходить. Присяга на мне, да и артикли воинские на плечи давят, не позволяют врагу способствовать. Я же русский офицер, Сулима, негоже мне в бега подаваться.

Монах со злостью запахнул свою шубу и, поигрывая четками, недобро проговорил:

– Вольному – воля, решил, значит, себя на потеху животным отдать? Я не против, развлечения их со своими друзьями, они любят такие зрелища, особенно когда водки вашей откупают.

– Ну, значит судьба такая! – крикнул поручик. Глядя в след монахам, увидившим упирающегося инженера.

– Прощайте, братцы! – закричал тот сквозь слезы.

– Храни тебя Господь, – прошептал Степанов, крестя его в след.

– Ну, что же давайте прощаться, господа хорошие, – с недоброй улыбкой, вымолвил Сулима. – Желаю вам доброго веселья в эту славную ночь.

С этими словами монах развернулся и быстро вышел во двор, оставив переминающегося каторжанина у порога.

– Ну, а ты чего мешкаешь? – спросил его Орлов сурово. – Догоняй хозяина, а то ведь он тебя здесь бросит за ненадобностью.

– Зря ты, барин, от предложения отказался, – пробормо-

мотал тот, теребя шапку. – Это они индейцу вашему башку быстро оскоблят, да конями порвут, а над вами глумиться будут долго, прежде чем глаза выдавят и в печи сожгут. Зачем, барин, смерть такую принимать? Идем пока еще не поздно с монахами, Сулима тебя уважает. Ну чего за эту землю биться, когда она уже американцам продана?

Орлов с любопытством посмотрел на беглого каторжанина, и тихо спросил хриплым голосом:

– Я в толк никак не возьму, тебе то, что за печаль об нас? Нашел ты новую родину, хозяин у тебя не бедный, малахай с шапкой вон какой из волка пошитый, сапоги опять – же с телячьей кожи. Об нас – то ты чего печалишься?

– Так – то оно конечно так, – пожевав нижнюю губу, отозвался тот. – Мне пути в Родину закрыты. Кормят опять – же сытно..., только мы же все люди русские, православные опять – же..., я ведь только вас жалеючи...

– Поспешай уже, – отмахнувшись, буркнул Орлов, – Бог тебе судья, а не я. Пригляди лучше за инженером, чтобы его Сулима, не обижал, а за слова мои злые прости.

Посмотрев воровато в окно, Василь быстро подошел к офицеру и, сунув в руку кинжал, с жаром зашептал:

– Вот возьми, барин, все чем могу, и шапку возьми не побрезгуй, свою – то фуражку смотрю, потерял где – то.

После ухода беглого каторжника, в бараке еще какое – то время слышался шум удаляющейся собачей упряжки, а когда и эти звуки растворились в морозной ночи, над пленниками повисла зловещая тишина. Каждый из оставшихся с грустью думал о своем.

Степанов с тоскою вспоминал как он в молодости, прежде чем явиться в полк, давал клятву в церкви перед Богом, верно, служить Родине. Самому государю, обещая перед святым Евангелием, что будет служить честно его императорскому величеству. Служить верой и правдой, не жалея живота своего, до самой последней капли крови. Единственное о чем он жалел в этот томительный час, ожидая смерти, так это о том, что в его родной станице на хлебосольном Дону, в установленные церковью дни, никто не придет к нему на кладбище. Потому – как и могилки то даже самой скромной не будет, и разве что вспомнят о нем, как и обо всех сгинувших и пропавших казаках в поминальном застолье, за круговой чашей.

Американец, как и его русские товарищи не раз бывал в различных переделках, не раз смотрел в глаза костлявой старухе – смерти и до войны и после нее. В его стране недавно закончилась гражданская война, у его соотечественников все большую популярность приобретали западные штаты. Которые, манили переселенцев золотом и серебром, пло-

дородными землями и пастбищами. Ему не раз приходилось бывать в этих штатах, известных как Дикий Запад, где десятилетиями царил один закон – закон сильного, и того кто умеет стрелять первым. Но он никогда не оказывался в таком отчаянном положении как сейчас, да еще с русскими. У себя на Диком Западе он знал как себя вести, сталкиваясь с такими явлениями как ограбление, нападение на почтовые дилижансы, железнодорожные поезда или банки. Там ему лично, как и другим его товарищам, приходилось рисковать, находится под угрозой смерти. Каждый знал, что в любой миг они могут поплатиться своей жизнью, за работу на агентство Аллана. Но это было в нижних штатах, а не на землях русских, которые уже вроде и не стали принадлежать им. В своих штатах все было просто и ясно, здесь же Джон просто терялся порою, во всех хитросплетениях, этой чужой для него жизни. Он работал в агентстве, которое возвышалось над всем этим послевоенным хаосом как огромный айсберг, проповедуя в своей работе упорство и неподкупность, принципиальность своих сотрудников. Несмотря на все потери, агентство продолжало работать, в таких суровых условиях, не поддаваясь никаким нападкам в противостояние с сильными мира сего. Но все это происходило на землях Соединенных Штатов, где все было иначе. И вот теперь оказавшись в этих диких землях, когда до поимки бандитов остался один шаг, кривая судьбы распорядилась совсем по – другому. Все его товарищи погибли, а он сам оказался не охот-

ником, а мишенью. Теперь, те которых он преследовал и у кого руки были в крови "по локоть" становились охотниками.

В это же самое время, когда американец мучился и не знал, что следует предпринять, Орлова переполняли другие чувства. Известие о продаже Русской Америке, буквально обрушилось на него ураганом чувств, где было все и смятение, и сомнение, и огорчение со злостью. Подтверждались его худшие опасения и мрачные прогнозы, которые он так упорно гнал от себя, но слишком многое говорило о том, что все – это правда. Его воспаленный мозг отказывался понимать все происходящее, ведь на Неве наверняка знали и о больших запасах золота, и про миллиарды пудов угля, торфа и рыбы. Он не понимал, как можно было продавать эти земли, когда на их благоустройство поселенцы потратили столько сил, когда было пролито столько крови. Еще совсем недавно он был убежден, что эти жертвы не были напрасны. Перед его глазами вставали суровые, обветренные лица защитников форта "Око империи", могилы умерших казаков есаула Черемисова, лица боевых товарищей из пропавшего обоза, идущего с мукой. Все, ради чего они все терпели многотрудные испытания и лишения, рухнуло в одночасье в никуда, оставив лишь в душе опустошенность и горечь от всего произошедшего. Он был убежден, что эта продажа бросает тень не только на империю, которая расписывалась в своей беспомощности и не дальновидности, но и на славные дела

и заслуги русских первопроходцев. Геодезиста Гвоздева, Витуса Беренга, Алексея Чирикова и многих других неизвестных героев, радеющих за интересы государства Российского. Теперь и ему самому поручику Орлову, боевому офицеру, приходилось терпеть унижение от первоначальных народов, ожидая своего сожжения из-за каких-то кирпичей, производство которых по их разумению тревожило души их предков. И все это можно было объяснить лишь одним – той не твердой и не последовательной политикой, которая проводилась в этих землях.

Посмотрев на подаренную ему шапку, поручик, усмехнувшись, проговорил:

– До чего же я дожил..., мне шапку уже каторжанин дарит. Д-а-а, фуражку – то я потерял, а жаль..., она мне вроде как за талисман была, с нею через все трудности смело шагал. Скажи, Мотори, зачем чугучи мучают своих пленников?

Индеец открыл глаза, и внимательно посмотрев, на офицера проговорил:

– Им нужно, чтобы души плененных врагов, явились к их богу Инук – Чуку униженными и ослепленными. Лишь в таком состоянии, они будут смиренно служить ему и не помышлять о побеге к вигвамам своих предков.

– Ну, что же очень разумно, – кивнув, проговорил поручик. – Чего загрустил, Америка? Мы вроде о плане побега с тобой говорили, у нас теперь даже кинжал есть. Что скажешь?

– Чего тут думать, – буркнул тот, – заманить охранников нужно, да напасть всем. Ну, а отобьем оружие тогда и дорогу себе проложим к спасению... , на шхуну Бернса двигать надо. Там мы найдем и провизию, и оружие, да и атаковать нас будет не с руки этим туземцам.

– Понятно, а давай послушаем нашего друга Мотори, спросим у него, что он думает на сей счет. Скажи нам, для чего Лису нужны его соплеменники? Разве не проще нас было убить сразу? Или ему, таким образом, покрасоваться хочется перед своими братьями?

– Все должны видеть, что за беспокойство предков, Лис заставил держать вас ответ. Шаман вызовет духов и те вместе с уважаемыми людьми племени проследят, чтобы были соблюдены все правила и законы, – монотонно проговорил индеец. Продолжая сидеть с закрытыми глазами.

– Скажи мил человек, – пробормотал Степанов. Подслеповато щурясь при этом, – а человека они рвут конями при помощи волокуш?

– Привязывают к седлу лошади тонкое дерево, а уже к нему руки или ноги человека, – отозвался тот, пожав плечами.

– Сулима, оставил за голову инженера бочонок водки, – проговорил Орлов задумчегю. – Значит, пить будут у костра... Верно, Мотори?

– Да, верно, – кивнув, буркнул тот. – Они закурят трубки у костра, дым поднимет их молитвы и мысли к небу, для того,

чтобы их бог видел всю чистоту их намерений, не лживость их желаний, что все они делают для бога и все старания идут от сердца. Огненная вода ускорит течение мыслей, придаст веселье в головах и сердцах соплеменников Лиса.

– У тебя есть свой план, Генерал? – прошептал Джон. Подавшись вперед всем телом.

Орлов посмотрел на товарища и тихо проговорил:

– Пока не уверен, но ежели нам не удастся разоружить охрану, то стоит попробовать захватить коня с волокушей. Отбить по коню на каждого у нас вряд ли получится, а вот захватить одного явно сможем, через дерзость конечно. Ну, а там остается только одному прыгнуть в седло, а другим схватиться за волокушу, тогда мы, пожалуй, сможем уйти. Пьяные воины – плохие воины.

– Ай, Генерал, ай да голова! – выпалил американец. – А ведь и правда, в коня – то они стрелять побояться, уж больно это дорогое удовольствие, а это значит, что у нас шанс будет оторваться от них.

– Верно, и водка свое дело сделает! – с жаром поддержал Степанов. – Глядишь и, правда все получится! Эх, нам бы по револьверу.

Мотори сидевший до сих пор с безучастным видом, встал и прихрамывая подойдя к окну проговорив:

– Увидев, что мы побежим, нам помогут наши разведчики.

– Думаешь, они знают, где мы находимся? – воскликнул

Джон с недоверием. – Отчего же не идут нам на помощь сейчас? Ладно, мы для них чужие, но ты то, из их племени!

– Мои братья наверняка знают, что мы здесь и наблюдают из леса, за всем, что здесь происходит.

– Погоди, погоди, – настороженно пробормотал Орлов. – Ты же говорил, что у вас в племени, слишком мало воинов, и они никогда не откроют топор войны!

Аулет продолжал внимательно осматривать через окно, подступы к баракам, не отвечая на вопросы, затем повернул голову и, посмотрев в глаза поручику, сказал:

– В открытый бой они не вступят, но увидев нашу попытку вырваться – они обязательно отвлекут, людей Лиса своими залпами.

– О, Господи! – выпалил американец. – Так чего же ты молчал все это время?

– А меня, никто и не спрашивал об этом, – со вздохом отозвался тот.

Американец на четвереньках, проворно перебрался поближе к офицеру и с жаром зашептал:

– Чего тогда время тянуть? Можно охрану заманить, можно подкоп сделать и внезапно напасть. Если разведчики поддержат, чего время тянуть?

Поручик медленно достал из рукава кинжал и с силой попытался воткнуть его в промерзшую землю. Затем покачав головой, и глядя, на кинжал сказал:

– Земля словно камень, тут и до утра времени может не

хватить. Давайте лучше к охране присмотримся, да подумаем как их половчей разоружить. Ну, а в крайнем разе, будем надеяться на суету, водку и веселье промеж чугучей – это наши союзники. Остается только решить, кто коня отобьет, да в седло ловко прыгнет. Может ты, Мотори, попробуешь?

Аулет стоявший у окна и наблюдавший за охраной, отрицательно покачав головой проговорил:

– Я бы мог это сделать, только веселье у костра, Лис с меня начнет, потому что я стрелял в их братьев, а это для них важнее, чем смерть урусов. Решайте промеж себя, кто под сегодняшней луной, когда будут убивать меня, оседлает коня с волокушей.

– Ты, предлагаешь нам всем сидеть, и ждать пока над тобой будут измываться? – буркнул Орлов. – Нет, так не должно быть..., мы вместе отражали атаки чугучей, вместе и на прорыв пойти должны. Ты, Америка, согласен со мной?

– Конечно! Я вообще поражаюсь, что наш друг Мотори, может про свою смерть так спокойно говорить и предлагать такие вещи.

– Мы так воспитаны. Наши предки, не должны видеть нашего смятения и страха перед смертью, на наших лицах – отозвался тот. Продолжая наблюдать за охранявшими их индейцами.

Казак поправил свою лохматую шапку, и сев по удобнее сказал:

– Ваше благородие, ну чего тут думать? Еже ли не удастся

охрану разоружить, то дозвольте мне стариной тряхнуть. Я ведь раньше в джигитовке одним из резвых был.

– А сможешь коня – то индейского одолеть, голубчик? Они же у них с норовом суровым.

– Мне, ваше благородие, главное за гриву ухватиться, а там – то я уже даже без упряжи управлюсь. Чем на костре гореть, я уж лучше коня оседлать постараюсь. Так что не сумлевайтесь, ради такого дела я хоть на черта скакнуть готов, главное, чтобы местный леший подножку не подставил.

– Значит, на том и порешим, – кивнув, подытожил поручик, пряча кинжал в рукав. – Не получится, с охраной совладать, тогда во время пирушки в прорыв пойдем! Всем за волокушу держаться усердно, потому как времени возвращаться за отставшим у нас не будет. Ну, что там, Мотори, твои наблюдения показывают? Сможем мы с охраной совладать?

Аулет покачал головой и тихо прошептал:

– У костра сейчас трое в дозоре стоят, а трое других в бараке укрылись от ветра... , предлагаю этих привлечь криками или стопами, ну, а когда оружие отнимем, то через бойницы сможем и с другими расправиться. У коновязи три коня стоят, так что каждому из вас в самый раз по седлу выходит.

– Ай, да, Мотори! – воскликнул американец. – Время тянуть не стоит, я думаю начинать надо.

Орлов с трудом поднялся и, подойдя, к аулету спросил:

– А ты, что же с нами уходить не собираешься?

– Меня мои братья заберут, – отозвался тот, – у вас своя дорога, а у меня своя. Так всегда ведь было.

– Хорошо я с кинжалом встану за двери..., первого кто войдет, я толкну к вам. Сам нападаю на второго, ну а ты, Мотори, отбивай у него винтовку и озадачься третьим..., еже ли надобно, то прикрывайся его телом во время стрельбы. Далее как уж сложится, но самое главное наша задача те трое, что в бараке укрылись, их обезвредить надобно. Иначе ведь они нам дорогу к коням отсекут своим огнем. Все готовы? Тогда приступим, пожалуй.

Когда все заняли свои позиции, и были готовы к своей возможно последней схватке, до них вдруг донесся звук скачущих коней, который явно приближался. Пленники растерянно переглянулись и все как один посмотрели на Орлова.

– Это еще кого к нам черти несут? – поморщившись, проговорил тот. Вслушиваясь в фыркание лошадей и стук копыт. – Все ждем! Надо понять кто это, и зачем к нам пожаловал.

Вскоре во двор кирпичного завода, буквально влетело пятеро всадников, на взмыленных конях от которых валил пар. В свете костра пленники могли разглядеть, что это были не соплеменники Лиса. Из обрывков фраз стало понятно, разговор шел о них. Наконец двое из спешившихся гостей прыгнули с коней и, путаясь в полах оленьих шуб, в сопровождении двух индейцев двинулись к их бараку.

– Этого нам еще только не хватало, – прошептал пору-

чик поморщившись. Он вдруг почувствовал, как сильно забилось в груди сердце, как оно заняло в предчувствии беды. – Все на пол, подождем, когда гости ускачут.

Вскоре дверь с шумом распахнулась, и в барак ввалились два бородатых незнакомца, с перекошенными от злости, красными от холодного ветра лицами. Поправив лисью шапку, один из них с удовлетворением осклабился, блеснув белыми зубами, и глядя на американца, зловеще проговорил:

– Ну, здравствуй, пинкертонец, меня Чарли за твоей головой отправил. Поднимайся, собака, безродная! Ты думал, что будешь ползать как вошь и тебя никто не найдет в этих лесах? Говорят, ты даже лоцмана, у Бернса на шхуне пытал? Ну, ничего, теперь ты сам пройдешь все круги ада и будешь молить, чтобы тебе по быстрее перерезали глотку, чтобы оборвать свои страдания. Вста-а-ать тебе говорят! Давно никто не веселил нашу компанию! Да и с Чарли заодно по-видаешься, ты ведь так долго искал встречи с ним. А он сам тебя нашел, видишь, как тесен этот грешный мир.

Вошедшие следом охранники, бесцеремонно схватили американца под руки и потащили к выходу. Орлов подался было вперед, готовый к последнему смертельному броску, но на какие-то секунды встретился взглядом с Джона. Который, поняв его намерения, отрицательно покачал головой и сдавлено проговорил:

– Не стоит пытаться перехитрить судьбу, Генерал, ты же видишь, что карты ложатся не так как хотелось бы. Видать,

не дано мне сыграть с вами в покер! Прощайте!

Через не большое окно, выходящее во двор, пленники видели, как бандиты жестоко избив американца, привязали его ноги веревкой к седлу, и под радостные крики, со свистом, пришпорили своих коней, унося в темноту тело стонущего пленника.

Орлов еще долго стоял у окна, с тоскою всматриваясь в темноту поглотившую американца, потом стянул подаренную конокрадом старенькую шапку и тихо прошептал:

– Прощай, Америка... , видать и впрямь не судьба нам была с тобою, вырваться из полона.

Шептавший молитвы, за упокой души американца, Степанов, перестал креститься и посмотрев, на поручика спросил:

– Так, что ваше благородие, будем пытаться охрану разоружить? Или подождем пока они водочку употребят?

– Шестеро их теперь у костра сидит, – со вздохом отозвался тот, с трудом садясь, – не одолеть нам стольких. Все, что нам остается так это ждать и полагаться на милость божью. Может опять, кто – то в барак зайдет, тогда и попробуем, а пока все, что нам остается – это ждать.

Прошло еще несколько томительных часов ожидания, которые так и не дали пленником шанса – охранявшие их индейцы продолжали сидеть у костра. А, вскоре двор кирпичного завода, заполнили идущие и едущие на конях соплеменники Лиса. Тишину ночи заполнил храп коней, бряцание оружия и упряжи, хруст снега и гортанные возгласы индей-

цев. Костер во дворе вспыхнул с новой силой, своим подрагивающим светом озаряя суровые лица, несомненно, важных людей племени, которые отличались от своих соплеменников и своим возрастом, и своими богатыми нарядами, мелькавшими под тяжелыми шубами. С десятков человек, держа наготове винтовки, встали по периметру кирпичного завода, образовав тем самым боевое охранение. Остальные, сомкнувшись вокруг костра в плотное кольцо, терпеливо наблюдали, как уважаемые люди племени степенно набивали табаком свои трубки. Затем раскурив их, какое – то время, молча, курили в полной тишине, глядя на огонь.

Орлов вместе со своими товарищами, тоже молча смотрел на все это через одно из окон барака, напряженно думая о том, что все эти не грамотные, темные люди, так и не признавшие в основной своей массе христианства, продолжали безоговорочно верить своему шаману. Бояться злых духов, не понятных явлений природы и трепетать перед своим Инук – Чуком. Все они были детьми природы и слишком зависели от ее капризов, поэтому старались так тщательно, исполнять обряды своих предков, веря, что именно в этом их ждет успех и процветание племени.

Привнесенный на эту землю поселенцами, миссионерами и авантюристами всех мастей, другой образ жизни, с другими ценностями, нанес сильнейший удар по вековым устоям, которые они пытались сохранить, как могли. Но теперь эти первоначальные народы, уже знали вкус водки и денег, в

их вигвамах стали появляться неведомые болезни, которые иногда ставили крест на жизни целых деревень. Именно поэтому их шаманы старались изо всех сил, с отчаянием обреченных, справлять большие и малые мистерии, в надежде договориться со своим богом, о благополучии. В жертву приносились охотничьи трофеи, лошади и конечно заклятые враги племени. Всеми этими ритуалами, они пытались отделить себя, насколько это было возможным, от наступавшей на них цивилизации, которая так осложняла их размеренную жизнь.

Орлов стиснув зубы, наблюдал как глубокая чаша с водкой, пущенная по кругу вернулась к одетому в лохматые ритуальные одежды шаману, который допив из нее до конца, вдруг бросил ее к ногам старейшин и стал при этом неистово молиться, произнося заклинания, обращенные к звездному небу. Все громче и громче, ударял он в бубен, выкрикивая нараспев не понятные фразы, медленно пританцовывая и двигаясь вокруг костра, перед расступившимся кругом соплеменников. Его движения и удары в бубен постепенно убыстрялись и убыстрялись, становились все громче и громче, бормотания стали срывать на гортанные крики, что придавало всему этому действию, на фоне пританцовывающих соплеменников, особенно зловебщую картину. Которые тоже, двинулись вокруг костра, притопывая и прихлопывая в такт ударов в бубен.

Поручик, наблюдавший за всем происходящим, облизнул

обветренные губы, и устало проговорил:

– Ну, вот, кажется и начался шабаш. Скажи, Мотори, а твои братья точно придут к нам на помощь в случае нашего побега?

Аулет, с нескрываемым волнением, молча смотревший на все происходящее. Под гипнотизирующий ритм ударов в бубен, медленно повернул голову и произнес:

– Мои братья, придут в нужный момент на помощь, только в случае побега. Вам нужно выждать время, пока огненная вода смутит мысли и чувства собратьев Лиса.

Внезапно двери в барак с шумом распахнулись, и внутрь буквально ввалился уже пьяный Лис, в сопровождении пятерых рослых соплеменников. Подняв свой факел над головой, дрожа всем телом от возбуждения, он пьяно выпалил:

– Хао, урусы! Какая славная лунная ночь выдалась для принятия смерти! Шаман говорит, что наш Инук – Чук ждет уже вас! Ты уже готов принять смерть, брат?

– От тебя несет огненной водой, как от горького пьяницы, – спокойно отозвался Мотори.

Услышав эти слова, Лис зашелся от истерического смеха, едва сумев выдать:

– Вяжите их вожжами! Пора начинать праздник!

Осыпав пленников градом тумачков и ударов, индейцы скрутили им руки и ноги, и под одобрительный рев толпы потащили к костру, где показав лица поверженного врага старейшинам, оттащили к одной из печей, стоявшей шагах в

тридцати от толпы. Бросив пленников в снег, чугучи вернулись к костру, у которого к тому времени, уже пошла по кругу очередная чаша с водкой, под бой бубна и гортанные крики шамана, доводившие притопывающую толпу до какого – то дикого исступления. Употребив очередную порцию водки, помощники с Лисом вернулись к пленникам и, схватив, под руки аулета потащили его к костру.

Степанов, молча наблюдавший за всем происходящем, не выдержал и, глядя на двух индейцев, таскающих к печи хвост тихо прошептал:

– О, смертушка, благодетельница ты наша, приди уже к нам и избавь нас от горькой участи.

– Рано ты, казак, костлявую барышню подзываешь, – отозвался Орлов. Пытаясь разрезать кинжалом вожжи. – Сейчас от пут освободимся, а ты покуда примечай все. Где конь стоит поближе, а где караульный службу несет. Что – то я подмоги братьев аулета не вижу и не слышу, вот, что меня беспокоит..., самим – то тяжело будет уходить от погони.

Тем временем индейцы, прижали тело аулета к земле. Лис быстрым круговым отточенным движением, снял скальп с головы пленника. Послышались стоны Мотори, которые утонули в радостных воплях толпы соплеменников, которые выражали восторг смелому Лису, идущему по кругу в ритуальном танце, держа над головой еще парящий скальп поверженного врага.

– Эх, Мотори, Мотори, – прошептал поручик, сплюнув в

сердцах. – Где же твои товарищи? Неужели не вступятся за тебя и в лесу отсилятся? Видишь, казак, где к лошади волокушу цепляют?

– Да, я уже давно смекнул, что эту конягу отбивать надобно, – прошептал Степанов. – Пущай, поближе подведут. Для нас вон смотрю уже, и печь заряжают хворостом.

– Плюнь ты на эту печь! – с жаром зашептал Орлов. – Все внимание на коня с волокушей настрой! Где там твои руки? Держи твердо, чтобы ни поранил тебя в потемках.

Тем временем до них донесся самодовольный голос Лиса, который, не останавливаясь в ритуальном танце, поднял вверх руку с деревянной ложкой и громко прокричал:

– Урусы, делают хорошие ложки! Ими хорошо выдавливать глаза тем, кто стреляет в наших братьев! Смотри, аулет, и вы смотрите, урусы, пока есть чем смотреть!

– Лютуют поганцы, – прошептал казак, поморщившись. Вслушиваясь в стоны Мотори, которые тут же утонули в гор-таных криках возбужденной толпы. – Эх, Мотори, Мотори, где – же твои разведчики?

Внезапно, словно в ответ на вопрос урядника, ночной воздух взорвался мощным ружейным залпом, за которым последовала беспорядочная стрельба, звуки которой явно приближались со стороны океана к баракам. Танцующая у костра толпа мгновенно дрогнула и распалась, рассыпаясь по территории завода в поисках укрытия, оставляя на окровавленном снегу убитых и раненых. Которых буквально смел,

через открытые ворота раскаленным свинцом.

– Слава тебе, Господи, – пробормотал Степанов с облегчением. – Неужели разведчиков аулета, так много собралось.

Орлов, сжимая в руке кинжал, озадаченно смотревший то на приближающиеся вспышки выстрелов, то на разбегающихся чугучей, ничего не понимая пробормотал:

– Индейцы в атаку цепями не ходят.

– Вы все равно подохните! – вдруг раздался совсем рядом, пьяный вопль Лиса.

Только тут пленники заметили, бегущую фигуру врага, согнутую в поясе из-за свиста пуль.

– Пусть подбежит поганец, чтобы кинжалом ухватить на-верняка можно было, – пробормотал поручик, пряча руки за спину. Чувствуя как от волнения и ненависти, сердце буквально вырывается наружу.

Когда до врага осталось несколько шагов, Орлов бросился к нему навстречу, нанеся озверевшему от крови и водки аборигену, единственный, но смертельный удар кинжалом в горло по самую рукоятку. Вложив в этот удар всю свою силу, ненависть и отвращение. Не обращая никакого внимание на свистящие пули, офицер отобрал у поверженного врага винтовку и, передав ее казаку, закричал в перекошенное от боли лицо индейца:

– Передай своему Инук – Чуку, что я плевал на него!

Шатающийся, с безумными глазами Лис, еще что – то пытался сказать, выпуская кровавые пузыри изо рта, продолжая

шагать по инерции. Но вскоре силы покинули его, и он рухнул за мертво, дергаясь в предсмертных конвульсиях.

Пригнувшись Орлов, сорвал с убитого пояс с патронами, револьвером и стал с остервенением расстреливать мечущихся вокруг индейцев. Не прошло и пяти минут скоротечного боя, походившего скорее на расстрел, как все было кончено. Толпа озверевшего неприятеля была рассеяна, и теперь Орлов, с урядником молча, смотрели на подбегающих к ним спасителей. Которые как, оказалось, были не разведчиками Великого Сиу, а простыми американскими китобоями, в своих серых парусиновых робах, из под которых выглядывали тельняшки. Это были те самые, пропахшие до корней волос запахом рыбы и виски, давно не брившиеся здоровяки с обветренными лицами, которые всегда себя вели в водах Русской Америки как отпетые бандиты, безжалостно истреблявшие китов. Которые не гнушались не только браконьерским ремеслом, но и частенько высаживались на берег под покровом ночи, для разорения и захвата деревень первоначальных народов. Орлову были хорошо известны все попытки правителей Русской Америки, через жалобы, направляемые в Вашингтон, урезонить своих моряков, но, как правило, ничего не менялось. У Вашингтона не было сил, как впрочем, и желания менять, что – либо у далеких берегов Аляски.

Еще совсем недавно и сам Орлов, искренне возмущался таким поведением союзников, но сейчас эти подбегающие

моряки, были для него столь желанны, словно он встретил здесь близких родственников.

– Ух! – выдохнул подбежавший американец, в огромной черной шляпе. – Кажись, успели! Я капитан Джексон, китобойный флот Соединенных Штатов!

– Я поручик Орлов, а это урядник Степанов, – устало проговорил офицер. Пожимая протянутую мазолистую руку. – Спасибо, капитан, успели вовремя, еще бы немного и нам бы пришлось туго. Аулета вон покалечили, скоро бы и за нас принялись. Как же вы прознали, что нас тут хотят казнить?

Джексон деловито спрятал револьверы, в кобуры, висевшие по бокам и, отряхнув черное полупальто сказал:

– Разведчик аулетов к нам на берег вышел, он то и рассказал про ваши неприятности. Ну, а мы завсегда рады помочь, да и размяться заодно. Аулет, этот говорил, что с вами еще американец находится, жив или уже с Господом беседует?

Орлов поправил шапку подаренную Василем и, глядя в глаза капитану, проговорил:

– Было четверо американцев..., трое погибли, а еще одного увезли недавно бандиты. Вон в ту сторону.

– Идите к костру погрейтесь, а мы тут пока проверим все, трофеи соберем. Бизнес есть бизнес! Кстати как вы здесь оказались? Неужели и в мороз теперь кирпич делаете?

– Это долгая история, капитан, – пробормотал поручик, – отогреемся у костра, тогда поведаю.

– О, кей, поручик, – улыбнувшись, отозвался американец.

Поддерживая друг друга, прихрамывая и спотыкаясь, Орлов со Степановым с трудом доковыляли до костра, где обнаружили истерзанное тело, застреленного аулета. Не говоря ни слова они сняли шапки и попрощавшись, все так же молча, стали освобождать себе место от трупов, с блаженством протянув руки к спасительному теплу. Оборона блокгауза, где из-за выбитых стекол гулял холодный ветер, затем пленение и заточение в не отапливаемом бараке, где они сидели на промерзшей земле в ожидании казни, все это сделало свое дело – они почти не чувствовали конечностей, а тело то и дело пробивал озноб.

– Эх, нам бы сейчас к эскулапу, хоть самому захудалому, – пробормотал Степанов, щурясь от дыма, – чтобы раны обработать. Да от хвори простудной, подлечиться микстурой какой.

– Верно, сказываешь, казак, – давясь от кашля, согласился поручик. – Совсем завоевались мы с тобой! Только меня сейчас больше всего волнует, что нам с тобой дальше делать. Если, правда, что в Ново – Архангельске наших уже нет, то, что далее делать? Добраться до него, да остаться покуда оказия какая не подвернется?

– А, что нам остается более? Можем встать на постой в гостинице, а можем и у модистке Варвары остановиться, не думаю я, что она тоже это место насиженное покинула. Д-а-а-а, не заладилась наша батальница..., хотя с другой стороны, мы – то все честно делали и винить нам себя не в чем.

Орлов нахмурившись, наблюдая за пламенем, утвердительно покачал головой и тихо произнес:

– Это ты, верно, говоришь, урядник..., нам себя упрекнуть не в чем. Мы делали все, что могли и уже не наша в том вина, что жилы свои мы рвали зазря, в одиночестве и окружении неприятельском. Господь свидетель, что мы честно бились за кромку империи, которая как оказалась уже и не наша вовсе.

– Может, ваше благородие, выпьем для сугреву по глоточку? – спросил казак. Постучав кулаком по дубовому бочонку с водкой. – Душегубы все вроде не выпили! Вроде как день ангела у нас очередной образовался?

– А, что, братец..., давай саданем и впрямь для поправки здоровья, да за упокой души товарищей наших. За то, что, Господь, все так управил, увидев наши страдания!

Подняв валяющиеся у костра глиняные кружки, они наполнили их до краев водкой, оставленной Сулимой в качестве выкупа, и осушили их, на одном дыхании не чокаясь. Они столько вытерпели и выстрадали за последние дни, принимая одно испытание за другим, что выпитая ими водка показалась холодной водой. Сидя молча у костра, они не обращали никакого внимания на одиночные выстрелы, не присматривались к снующим по территории завода американцам, они, наконец – то ощутили, что просто вновь выжили. А ведь их столько раз хотели убить только за последние сутки. Они столько пережили, что позволили налить себе еще

по кружке и выпить за свое новое рождение, которое им так внезапно подарили американские китобои.

Бывшие пленники, так увлеклись после второй чарки разговорами о том, как будут жить по возвращении в Родину, что не заметили, как к ним подошел Сиу, который тихо проговорил, глядя на убитого соплеменника:

– Хао, урусы... Празднуете, что остались в живых?

– Спасибо, Сиу, твоему разведчику, – хрипло проговорил поручик, с трудом вставая. – Спасибо, что он американских китобоев покликнул... А иначе бы нас как и твоего Мотори замучили.

Старик внимательно посмотрел на перепачканное сажей лицо офицера, на его изодранную одежду и с печалью в голосе тихо проговорил:

– На то он и воин, чтобы мужественно оставлять этот свет, но все равно, за слова теплые, спасибо и тебе. Мне тоже жаль, что двоих ваших товарищей отбить не удалось... наш разведчик летел за помощью к янки как молодой олень, да не сразу нашел их. Они бросили якорь в другом месте, о котором мы вначале не знали.

– Скажи, Сиу, а нет ли вестей от твоего гонца, которого ты посылал в Большой город? – спросил Орлов. Глядя на седую, непокрытую голову старого воина.

– Наш человек, посланный к вашим вигвамам, еще не вернулся, – отозвался старик. Провожая взглядом молодых индейцев, уносящих тело Мотори. – Но мне уже сообщили,

что ваши вигвамы опустели. Что все ваши братья уплыли на больших каноэ, вместе с вашим вождем Максutowым и его молодой женой.

– Значит все это, правда? – проговорил поручик. С жадностью допив из кружки водку. – Там, что же не осталось никого из наших братьев?

– Там много длинных американских штыков, которые пьют вашу дурман-водку с утра до ночи, да немного ваших семейных урусов, которые отказались покидать свои очаги...

– Значит, Сулима, не обманул, – сквозь стиснутые зубы, выдавил Орлов. – Ты говоришь, что там много американских солдат?

– Так и есть, урус..., но это американские солдаты.

– Значит, ушли наши поселенцы, – с тоской прошептал, ошеломленный казак. У которого еще где – то в глубине души, теплилась слабая надежда на встречу с соотечественниками. – А, Великий Сиу, не знает, почему они уплыли на больших каноэ?

Старик покачал седой головой и, глядя в изможденное лицо, старого казака произнес:

– Да, кто вас урусов поймет..., понаехали в ваш Большой город янки, ваш Максutow построил свои длинные штыки, янки построили свои напротив... Речи вели длинные и пламенные со сторожевой башни, из пушек и ружей палили..., кто – то плакал, а кто – то радовался. Наши наблюдатели так и не поняли, радость пришла в ваши вигвамы или скорбь с

печалью.

– А, что было потом? – глухо спросил офицер, стянув шапку.

– Ваши люди погрузились на Большие лодки и уплыли, наверное, их позвали к своим кострам ваши предки. Все люди, должны жить у костров своих предков, видно пришла пора и вашим братьям возвращаться к себе в Родину.

– Наверное, ты прав, Великий Сиу, – прошептал Орлов, – нам тоже надобно поспешать за своими братьями. Скажи, не знаешь ли ты, что стало с нашими братьями, которые шли обозом по берегам Славянки? Я знаю, что это не ваши земли, но может ты, что – то слышал об их судьбе?

Старик, опираясь на длинную палку, вновь внимательно посмотрел на офицера и, покачав, головой сказал:

– Мне понятны твои тревоги, урус, только ни я, ни мои братья не знаем ничего об этом обозе.

– Если бы ты помог найти их, и вывести к стенам Большого города, то я мог бы щедро заплатить твоим людям!

– Урус, богатый человек? – с удивлением проговорил старик.

– Нет, Сиу, я не богатый человек! Но я знаю, где спрятана английская Большая лодка, в трюмах которой полно провизанта, мануфактуры и пороха.

– Все мы разные под этим солнцем и луной, урус, но кровь у всех одного цвета – это земли кенайцев, а у нас с ними мир. К тому же, как охотиться на оленя, которого нет перед

тобой? И твои глаза не видят его следов? Возможно, у вас была тяжелая ночь, ты не спал и твои речи стали путаться. Мне пора идти, а ты предложи капитану Джексону заняться поисками, я знаю, что он ходит по реке, которую вы называете Славянкой на своем Большом каное.

– Это просто проклятие, какое – то, – сплюнув, пробормотал поручик. – Я готов отдать свою жизнь, ради спасения своих боевых товарищей, а судьба, словно в насмешку отдалает нашу с ними встречу!

– Не торопи в своих речах смерть, – отозвался старик. Направляясь следом за своими воинами. – Иначе она ускорит свой шаг к тебе на встречу, а тебе еще предстоит парить над землей как соколу.

– Откуда тебе про это известно? – крикнул вдогонку офицер.

– У тебя это написано на лице, как на той бумаге, которую вы называете Библией!

Степанов, стоящий за спиной, стал с остервенением креститься, приговаривая при этом:

– Пресвятая Богородица, Матерь Господа нашего, помоги нам! Что же с нами теперечи будет, ваше благородие? Кто же мы теперечи такие, ежели, правда, что землицу энту продали?

– Ну, ну, голубчик, – удрученно отозвался Орлов, растирая замерзшее ухо. – Негоже нам с тобою в уныние впадать, да в смущения разные. Попытаемся помочь товарищам на-

шим, и всем миром двинем в Ново – Архангельск... Ну, а ежели Максutow снялся с гарнизоном, как все говорят, так все одно там должен кто – то остаться! Наука счетная, как и мудрость арифметическая, спешки и суеты не любит, думаю кто – то остаться должен в конторе. Ну, а ежели про нас в Петербурге и впрямь забыли, тогда дождемся какой-нибудь оказии..., да с ней в Родину и двинем. Ничего, мы с тобой люди служивые, русские, православные, а православный всегда дорогу отыщет и путь осилит. Да и Господь где вразумит, а где и подсобит, за труды наши ревностные.

Вскоре к костру подошел капитан Джексон, и, откинув брезгливо в сторону труп, одного из вождей сел напротив, протянув поручику сигару.

– Угощайся мистер, Орлов, – буднично проговорил он. Поглаживая свою коротко стриженую бороду. – Табачок немного отсырел, но это все равно вкуснее, чем курить трубку. Это правда, что отважный поручик, отбил со своими людьми целую шхуну у англичан?

– Правда, – кивнув, отозвался Орлов, беря сигару. – Откуда это известно капитану Джексону?

– Однако, – улыбнувшись прошептал американец. – Мир слухами полниться!

– Налей-ка, Степанов, капитану нашей водки, обсудить одно предложение надобно нам. Надеюсь, капитан не будет возражать?

– Ну, отчего же не выпить с хорошими людьми! Тем более

я вашу водку, как и многие в нашей команде уважаем.

Выпив по пол кружки водки, поручик поморщившись, за-
нюхал рукавом и, глядя в глаза капитану проговорил:

– Нам помощь нужна за оплату достойную. Сиу говорил,
что вам приходилось ходить по Славянке, а у нас там берегом
идет обоз. Ежели Джексон согласился бы сходить и забрать
наших людей, то мы бы отдали шхуну этих англичан со всем
добром, что хранят ее трюмы.

Американец внимательно посмотрел на поручика, потом
на сидящего рядом казака и тихо проговорил:

– Сколько же, по-вашему, будет стоить эта затея?

– Мы отдадим все, что есть на шхуне за содействие! – с
жаром выпалил Орлов. – Храбрый капитан Джексон, вместе
со своими матросами станет очень богатыми людьми. Для
этого нужно лишь забрать наших людей и вместе с нами до-
ставить до Ново – Архангельска.

– Боевые товарищи – это святое..., понимаю ваш по-
рыв..., все это чертовски заманчего..., налейте мне еще ва-
шей водки.

Осушив очередную кружку, капитан какое – то время си-
дел, молча, внимательно глядя на прыгающее пламя костра,
затем покачал головой и проговорил:

– Все это очень интересно, только на этом пути есть се-
рьезные препятствия.

– Мне кажется, что для капитана Джексона, не может быть
серьезных заломов на этом пути. С такими отважными ки-

тобоями можно совершать любые рейды.

– Все это так, – отозвался американец, – только здесь везде полно мелей и каменных банок, а у нас нет точных карт глубин.

– Ну, а если попытаться идти на самых малых оборотах, с промерами фарватера?

– Все это возможно, но лишь когда у тебя пустые трюмы, а они у нас забиты китовой свежениной, мы уже сидим ниже ватер – линии. С такой осадкой можно лишь попробовать выйти к этой самой Славянке, по основному притоку реки Медной, но все равно – это очень опасно.

Орлов, не спеша раскурил сигару и, глядя, на тлеющий огонек спросил:

– Скажите, капитан, сколько вы имеете прибыли на каждого матроса с рейса?

– Рейс на рейс не приходится, но в среднем до ста американских долларов на брата.

– А на шхуне товара, на несколько десятков тысяч долларов – это же целое состояние!

Американец поперхнулся дымом от сигары, громко прокашлялся, затем проворно вскочил, громко крикнув:

– За такие деньги я сам выкину всю эту трепуху за борт! – Эй, джентльмены! А ну-ка все быстро сюда! Русские парни предлагают нам денежную работенку!

Зарождающийся рассвет, пароход китобоев с опустошенными трюмами, встретил хорошим ходом на всех парах, идя к тому месту, где нашла свою последнюю стоянку шхуна "Мария". Унося все дальше и дальше Орлова со Степановым, в противоположную от Ново – Архангельска сторону. Они вдвоем стояли на корме, с тоской наблюдая как на светлой полоске горизонта, исчезал дым от печных труб города, к которому они с таким упорством шли с боями, но в котором как уже оказалось, не было русского гарнизона.

– Проклятый ревматизма, – прошептал, Степанов, морщась от боли, – застудил я, видать, все кости накрепко. На дух не могу переносить ни влагу, ни холод – одна мысль о них, прямо аж в жар вгоняет.

– Ничего, терпи, казак, уже немного осталось..., совсем немного. Подмогнем нашим полчанам, а там и в Родину можно собираться, – отозвался поручик. Кутаясь от ветра в парусиновый плащ. – Тебе еще в своей станице, не на одной свадьбе танцевать и петь придется, под гармошку и балалайку.

– Сумлеваюсь я в энтот крепко, ваше благородие. Простуда кости все выламывает, мочи никакой нету... Даже и не знаю, дозволит ли Господь вернуться...

Поручик с сочувствием посмотрел на старого казака, ко-

торый явно сильно сдал за последние дни и твердо проговорил:

– Дозволит, голубчик, непременно дозволит..., потому, как за правое дело мы все эти муки принимаем. Думай лучше о том, как по возвращению в свою станицу, будешь на торжествах и посиделках песни петь, да хороводы водить со станичниками.

– Да, у нас и впрямь, не одно торжество или посиделки не обходятся без песен, даже проводы на службу или встреча служивых.

– О чем же у вас поют казачки в станицах?

– Так и про Ермака Тимофеевича и про Стеньку Разина, извиняюсь, конечно. Да много о чем, хоть под гармошку, хоть под балалайку, а хоть и под домбру..., слушай, не переслушаешь. Да-а-а, было время я ведь, и пел ладно, на скачках с джигитовкой в первых приходил, да и в стрельбе из лука или ружья спуска никому не давал. Это теперечи, глаз стал частенько фальшивить, видать годы берут свое.

– Не наговаривай на себя, ты и сейчас воин примерный, спой лучше что-нибудь.

– А, чего же спеть – то, ваше благородие?

– Ну, про Ермака того же, нас ведь тоже как и его с казачками вороги на прочность силой проверяли.

Урядник поправил опаленную в боях лохматую шапку и глядя на растворяющуюся полоску горизонта затянул старую былинку:

– Тут стал государь его спрашивать:

"Не ты, ли Ермак сын Тимофеевича?

Не ты ли донской, воровской атаманушка?

Не ты ли гулял по морю синему?

Не ты ли разбивал мои кораблики?"

И тут держал ответ добрый молодец:

"То – то я Ермак сын Тимофеевич,

То – то я тот казак атаманушка.

То – то я гулял по морю синему,

То – то я разбивал кораблики.

Но кораблики те были не орленые,

Не орленые были, да не травленные,

Не платили государю дани – пошрины..."

– Вот ведь был человечиче – этот Ермак, – со вздохом сказал Орлов. – Земли новые не только завоевывал, но и обу-страивал, царю, а стало быть, державе принес "под руку" целое Сибирское ханство. А мы тут столько лет муки принимали, да видать зря все это было, если и, правда, землю эту продали.

– Я тоже, все не перестаю про это думать, – тяжело вздохнув, проговорил казак. – Что же такое в, империи должно было приключиться, ежели земли царицы с молотка пошли?

– Не знаю, казак, пока не знаю, – отозвался поручик, пожав плечами. – Может маневр, какой – то это политический, или военный. Англичане вон все никак не угомоняться, может, чтобы упредить их в открытии очередной фактории,

или еще какого конфуза, в отношении наших владений, сей шаг сделан.

– Неуж – то опять война у порога стоит? От Крымской компании ведь еще не отдышались!

– Не знаю, урядник, я уже ничего не знаю..., ну, а если и будет война в этих землях, то я так понимаю, что это уже печаль и забота американцев.

– А может у капитана узнать, была ли продажа, какая али как? Я при погрузке, у одного матроса пытался узнать, на сей счет. Так он посчитал, что я умом тронулся, мол, не могли в Вашингтоне на такое пойти, ни при каких даже самых печальных обстоятельствах.

– Узнай, голубчик, узнай, – удрученно проговорил Орлов. С тоскою глядя на проплывающий мимо берег.

* * *

Оставшись в одиночестве, на продуваемой всеми ветрами корме, он уже в который раз задал себе вопрос: "Что делать дальше? Почему продали?"

Ведь это могло означать только одно – на самом верху пришло понимание, что Российская – Американская компания не может управлять этой территорией, даже находясь под высочайшим покровительством. Продать эти земли – значит расписаться перед всем миром в слабости империи. А ведь именно совместная компания, активно торговавшая

пушшиной, была обязана не только представлять, но и защищать интересы России на Тихом океане.

Орлов понимал, что были серьезные проблемы с англичанами, с китобойными браконьерами из нижних американских штатов, районы промысла были разделены огромными территориями, не хватало провианта и современных кораблей, но этого было явно не достаточно, чтобы так спешно продавать эту землю.

Организация РАК была действительно малоэффективным, малоповоротливым органом, из-за своей трехуровневой структуры. В ее рядах были купцы – промысловики, купцы – перекупщики и собственно само государство. Столица Ново – Архангельск, как и все не многочисленные форты, стоявшие под флагом империи, жили в постоянной тревоге из-за возможного нападения индейцев. Каждый поселенец помнил, как погибли под Ново – Архангельском более двухсот колонистов, из-за кровавого бунта первостепенных народов, которые не желали мириться с присутствием урусов на своих землях. Каждый русский хорошо чувствовал эту опасность, которую увеличивали расстояния между поселениями, когда для оказания помощи соседнему форту, попавшему в беду, нужно было потратить много времени на преодоление многих верст по бездорожью. Отсутствие элементарных дорог, а самое главное устойчивой связи между фортами и самим стольным Петербургом, обрекало малочисленные гарнизоны на гибель в случаи конфликта. Телеграф-

ное сообщение, за которое так ратовал правитель Максутов, еще находилось в самом начале своего победоносного шествия по миру, стоило очень дорого и находилось на тот момент лишь в крупных городах. Поэтому доставка сообщений любого рода, из столицы в форты и обратно, происходила по старинке через нарочных, что требовало времени и не всегда гарантировало успешную доставку до адресата.

* * *

– Ваше благородие, – окликнул Орлова казак, – капитан просит к нему в рубку подняться.

Кивнув, поручик поднялся по обледенелым ступенькам трапа в ходовую рубку и, прикрыв за собою двери, встал у бокового окна.

Капитан Джексон опустил бинокль и, посмотрев, на гостя спросил:

– Могу предложить мистеру Орлову хороший кофе с бренди.

– Спасибо, капитан, – отмахнулся тот. – Я от этой качки, словно карась, выброшенный на берег, не могу ничего ни есть, ни пить.

– Да-а-а, на это привычка нужна – это правда. Денщик меня твой рассмешил, насчет того, что будто бы мы эту землицу прикупили. Мы с вахтенным смеялись так, что чуть животы себе не порвали!

– Капитан считает, что все это сплетни?

– Ты же офицер – человек образованный, значит должен понимать, что глупости все это! Ну, сам посуди, кто в здравом уме и при памяти, может прикупить этот ящик со людом? Он же даром никому не нужен! Наш народ только вышел из гражданской войны! Нам страну поднимать надо, производство на ноги ставить, а на это нужны деньги и не малые! Моему народу не нужен этот край с его медведями и аборигенами! Мы устали от своих туземцев. И не желаем воевать с новыми племенами аборигенов... Я слышал об этой сплетне, и понимаю, почему она родилась, почему с нас американцев стали смеяться как с ума лишенных!

– Почему? – спросил Орлов. Глядя на осунувшееся, обветренное лицо капитана.

– Да, потому что наш госсекретарь, человек не далекий и к тому же авантюрист, каких свет не видывал! Но даже на такого госсекретаря, найдется всегда управа в лице конгресса, который не позволит так бездарно тратить государственные деньги.

– Значит капитан, уверен, что никакой продаже не было? – пробормотал озадаченно поручик.

– Конечно, нет! Можешь у любого из моих китобоев спросить об этом, и они рассмеются тебе в лицо. Так что идем за твоими друзьями, потом я вас доставлю в вашу столицу и стану со своими матросами богатым человеком. А насчет сплетен про продажу..., я тебе так скажу, офицер. Была у нас

какая – то шумиха в газетах, но там все говорили о том, что нам не нужен этот зоопарк с медведями и койотами. Все поднимали на смех нашего глупого госсекретаря, который хотел потратить деньги, на приобретение этого зверинца вместе с аборигенами. Насколько я знаю на этом все и закончилось.

– Выходит, что никакой покупки и не было? – переспросил Орлов, доставая окурок сигары.

– Конечно! Кому нужны местные жители? Каждый, из которых, может выпить по ведру рыбьего жира или водки на завтрак! – давясь от смеха, проговорил Джексон. – Не-е-ет, офицер, мы большая нация, а большая нация не может позволить себе капризы больного госсекретаря. Какой смысл в покупке этих земель, если здесь не возможно нормально жить или выращивать сельскохозяйственные культуры.

Орлов прикурил сигару и, посмотрев на капитана, через облако выпущенного дыма спросил:

– Ну, а если с военной точки зрения посмотреть?

– Да, хоть и с военной, – проговорил Джексон, покачав головой. – Я тоже воевал за Север и понимаю, о чем идет речь! Эта земля только по Юкону может представлять интерес, ну бухты по побережью местами хороши, только все это далеко от наших нижних штатов.

Поговорив еще какое – то время о жизни американского общества, поручик отправился спать. Слишком много событий произошло за последние дни для него и его товарищей, слишком много испытаний обрушилось на них, и он

буквально валился с ног. Но уже к полудню впередсмотрящий наблюдатель доложил, капитану Джексону, что наблюдает не далеко от берега какую – то шхуну, стоящую с креном на левый борт. Тот сразу отправил вахтенного за спящим в кубрике Орловым.

– Ну, что мистер, Орлов, не ваша ли это посудина стоит на рейде? – спросил он поручика. Когда тот появился на мостике.

Поручик подошел к окну и взяв протянутый капитаном бинокль, стал внимательно вглядываться в контуры судна. Наконец вернув, капитану бинокль сказал:

– Да, это та самая английская шхуна, ее развернуло, но я бы узнал ее из тысяч других.

– Вот и хорошо, – пробормотал капитан, изучая корабль в бинокль. – Однако какая интересная конструкция. Использовать и силу ветра, и силу пара, да еще систему как вы говорите герметичных отсеков – это что – то новенькое у судов такого класса. Ну, что, как договаривались, идем к ней и смотрим товар?

Поручик растер заspanные глаза и, пожав, плечами ответил:

– Оцениваете товар и оставляете меня с казаком на борту. Ради спасения своих товарищей, мы готовы встать там караулом и присмотреть за вашим богатством. Главное товарищей наших сыщите, а уж мы с охраной не подведем.

– Там на борту достаточно провианта с углем? Или возъ-

мете у нас?

– Я же говорю, что там есть все, и капитану Джексону не стоит волноваться, – отозвался Орлов. Со вздохом садясь к столу, на котором лежали циркули, карандаши, линейки с картами.

– А мистер, Орлов, не знает, что это так привлекает на палубе этой шхуны птицу?

– Мы подорвали там носовое орудие, – проговорил поручик. Прикуривая окурок сигары. – Наверное, на палубе остались останки погибших членов судовой команды.

Джексон опустил бинокль и, посмотрев на гостя, произнес:

– Ну, что же, все понятно. Вахтенный, лево руля! Курс на шхуну! Шкипер, готовить шлюпку!

Пришвартовавшись к борту, когда – то покинутого судна и поднявшись на палубу, все от Орлова со Степановым, до Джексона с матросами остановились в замешательстве. Их взору предстала страшная картина – вся палуба была усеяна обезображенными кусками человеческих тел. Вперемешку с внутренностями, лежали куски одежды смерзшейся с плотью, которая трепетала на ветру, создавая совместно с гононом недовольных чаек, какую – то дьявольскую какофонию. Как, оказалось, взорвался не только ствол пушки, но и боеприпасы, хранившиеся под парусиной, разворотив при этом не только нос палубы, но и изувечил до неузнаваемости стрелявших. Опознать которых, теперь можно было лишь по

остаткам одежды, которую мороз, прочно приклеил к металлу палубы.

Джексон покачал головой и, поморщившись, пробурчал:

– Вы, что же, при abordage с них скальпы вместе с потрохами снимали?

– Не обращайтесь внимание, капитан, – отозвался хрипло Орлов, простуженным голосом. Глядя на бесформенные куски человеческих тел, с желтыми ребрами и почерневшими внутренностями, которые усиленно потрошили полчища чак-ек. – Главное, что лежит в трюмах, а не на палубе.

Осмотрев товар в трюме, и оставшись чрезвычайно довольным от увиденного, Джексон по хозяйски, распорядился растопить один из котлов, затем подошел к поручику, стоявшему у борта и проговорил:

– Ну, я, в общем – то, не сомневался, что мистер Орлов говорит правду, о количестве и ценности груза. Мне надо было, чтобы это увидели матросы, тогда у китобойцев будут гореть глаза, и они будут рваться на поиски ваших товарищей. Для охраны этого плавающего сейфа, я оставлю вам вот эти нарезные ружья с припасами к ним.

С этими словами капитан подозвал к себе матроса и, сняв с его плеча две винтовки, которые на тот момент делались в штучном исполнении и имели барабанную подачу патронов, по принципу револьверов, проговорил:

– Держи, союзник, винтовки скорострельные, конструкции самого Пиппера. Думаю, с ними караул держать будет

веселее!

– Вот это вещь! – вырвалось у Степанова. – Эх, нам бы такие винтари в Крымскую компанию!

– Да, ружья надежные, – согласился Джексон, попыхивая сигарой. – Они мне признаться даже больше нравятся, чем винтовки Винчестера, с подствольным магазином и продольно-скользящим затвором. А главное лупят без осечек! Да, поможет нам всем Господь, прощайте, союзники. За товарищей своих боевых не думайте, найдем мы их и доставим, как положено, вы главное товар берегите.

* * *

Попрощавшись с американцами, Орлов со Степановым еще долго стоял на палубе, всматриваясь в растворившийся китобойный пароход, сжимая в руках ценные подарки. К тому времени, было уже создано множество различных систем револьверов, в которых весьма успешно была решена проблема скорострельности и многозарядности. Ружейники того времени, пытались использовать достижения в устройстве револьверов применительно к ружьям. Но лишь на первых порах, этот путь повышения скорострельности винтовок казался весьма перспективным.

Стоя на продуваемой палубе и Орлов, и урядник очень хорошо понимали, что возможно попытка отправить на поиски этих отважных китобоев – это последняя возможность, хоть

чем – то помочь своим товарищам. Это было то последнее дело, которое им обязательно нужно было доделать на этой земле. Которая уже была то ли продана, то ли готовилась к продаже. Именно эта не ясность тяготила их как русских людей, знающих, как осваивалась эта земля. В каких трудах и мучениях осваивалась эта колония, а ведь на тот момент уже был успешный опыт освоения новых земель. К тому времени русские войска уже заняли все Черноморское побережье Абхазии, завершилось добровольное принятие русского подданства Казахами. Обовсем этом, конечно знали колонисты в Русской Америке, как и о том, что сам Александр был не против расширения владений империи на востоке, в Средней Азии. Чьи земли сулили не только военный, но и экономический довесок в виде поставок хлопка для текстильной промышленности, а так – же в виде огромного рынка сбыта товаров, произведенного Российским производителем.

На фоне всех этих триумфов, колонистам на Аляске тяжело было понять, что же препятствует освоению именно этих земель, и почему во властвующих кабинетах на Неве, с таким упорством не стремятся к развитию этого края. Где все постепенно приходило в упадок, при полном умолчании Петербурга, который почему – то перестал интересоваться делами далекой колонии.

– Ну, вот, пожалуй, и все, – проговорил Орлов. Морщась от холодных порывов ветра. Который все сильнее с каждым дуновением бросал колючие заряды снега. – Это, пожалуй,

все, чем мы можем помочь нашим полчанам... , это последнее дело которое нам завершить надобно и которое не терпело отлагательства. Осталось теперь соединиться с нашими товарищами и двигать в Родину.

Степанов перекрестился и с тоскою в голосе проговорил:

– Будем надеяться, что Господь устроит все по справедливости, ваше благородие. Я для этого молитву читаю постоянно.

– Какую? – спросил тот. Рассматривая останки тех, кто еще совсем недавно, пытался расстрелять их из носового орудия.

– Так как положено "Перед началом всякого доброго дела", господь обязательно услышит. А ведь не за горами Рождество Христово! Жалко, что еще в пути будем, у нас ведь это один из почитаемых праздников.

– Во всех станицах почитают?

– А как же! – воскликнул казак. – Ночью под Рождество, сразу после удара церковного колокола, все семьи отправляются в храм. Это уже потом колят, да девки на суженных гадают.

Орлов покачал головой и со вздохом произнес:

– У меня в губернии тоже сей праздник всегда почитали, впрочем, как и веселые святки. И ряженные по домам всегда ходили, да и святочные гадания всегда устраивались, а еще крестным ходом ходили всегда "на иордань". Ладно, идем в тепло, я там у Бернса покойничка микстуры разные видел с

бинтами, будем раны зализывать.

– А с этими, что делать будем? Вмерзли – то намертво!

– Об этом пусть голова болит у капитана Джексона, по возвращению. Мы с тобой на роль похоронной команды не претендовали.

* * *

Медленно потянулись дни ожидания, которые сменяли не менее томительные ночи и, хотя проживание на шхуне не было обременительным и заключалось лишь в приготовлении еды, да поддержание горения угля в котле, с каждым прожитым днем, у Орлова с казаком нарастала какая – то тревога. Из-за постоянной качки и сырости все хуже становилось Степанову и поручику пришлось взять на себя решение всех бытовых забот. По всем его подсчетам, Джексон с командой должен был уже зайти в форт "Око империи" и не обнаружив там людей полковника Калязина, двинуться по притоку реки Медной к Славянке. Прошли уже все сроки, которые они определили с капитаном, но китобои словно растворились в этих диких землях.

На седьмой день заточения, рассматривая в очередной раз прибрежную полосу в бинокль, Орлов совершенно случайно обнаружил в полосе прибоя, среди коряг и пучков водорослей чье – то тело. Позвав Степанова, они вдвоем попытались определить, чей это труп двигается в прибрежной волне, но

все их усилия были тщетны. Тогда казак предложил выдвинуться к берегу на веслах и поставить, таким образом, точку в гадании. Орлов понимал, что с одной стороны покидать шхуну опасно, из-за леса, который почти вплотную подступал к песочному пляжу, что давало возможность даже одному человеку, используя фактор внезапности расстрелять сидевших в лодке. С другой стороны – это мог быть кто – то из русских колонистов. Не похоронить тело, которого, в данных обстоятельствах, было для Орлова со Степановым особенно болезненным.

– А ежели это тело нашего Ивана Ивановича? – хрипя и задыхаясь, убеждал казак с жаром. – А, может это, и Америка нашел туточки свой конец? Глянуть надобно непременно!

– А если мы столкнемся с аборигенами или с англичанами? – с сомнением отозвался поручик. Разглядывая в бинокль стену соснового леса, покрывающую соседние скалы. – Да и грести по такой волне около версты придется.

– Ваше благородие, да хоть косточки разомнем! Ведь мочи уже никакой нет! Все внутренности уже, энта качка проклятушая вытряхнула! Вон и птицы, сколько на скальных выступах вьется, может мяском свежим разживемся!

Орлов посмотрел на казака, который рвался ступить на твердый берег и проговорил:

– Ну, а если Чарли с дружками объявится? Мы по такой волне долго выгребать до шхуны будем, что этим бандитам и на руку будет.

– Ваше благородие, – частил урядник, – гляньте в биноклю! Здесь же человеку двигаться – это же одно наказание. Деревьев вон сколько повалено! А валуны опять – же? Да и вряд ли найдется охотник, по таким скалам карабкаться от-весным.

– Все это так, – проговорил Орлов, опуская бинокль. – Только я помню, как мы в блокгаузе, убиенного американца похоронить пытались. Даже не поняли, как в полоне оказались... Ладно, давай попробуем косточки размять. Может и правда кто – то из наших православных погибель свою здесь нашел, ну заодно и оружие из схрона заберем на обратном пути. Чего добру ржаветь под лодкой.

Прихватив побольше патронов к револьверам и подаренным винтовкам, они осторожно спустили шлюпку и двинулись на веслах к берегу, внимательно всматриваясь в приближающуюся стену леса. Вслушиваясь в рокот прибоя, птичий гомон, и шум леса. Причалив не далеко от качающегося в прибрежной волне тела, они вытащили лодку на берег и, держа оружие наготове двинулись к трупам. Какого же было их удивление, когда этим неизвестным покойником оказался китаец, тот самый которого убил Бернс.

– Вот ведь беда, какая, прости, Господи, – прошептал Степанов, озираясь по сторонам. – Этого бедолагу, из Поднебесной Империи даже воды океана Великого принимать не хотят. Как же он здесь оказаться мог, мы вон, сколько верст отмахали! Знак видать энто не добрый.

Орлов посмотрел на крестящегося урядника, потом на синюшно – белое лицо покойника и тихо проговорил:

– Скорее всего, когда за борт кидали тело, оно зацепилось за что – то. А уже здесь волны сделали свое дело, так он и оказался тут.

– Да, жалко бедолагу, зарезал его Бернс, как поросенка, а ведь тоже человек жил себе, на что – то надеялся. Может и семья у него была где – то.

– Ничего, их этих сыновей в Поднебесной много, – озираясь по сторонам, отозвался поручик. – Их уже так много не только у себя в Родине, но и в нижних американских штатах, что американцам приходится вытеснять их в особые районы.

– Это, что же, они так приживаются хорошо?

– Да, голубчик, не поверишь, но их там тысячи проживает. Кто на постоянном месте жительства, а кто на временном, – пробормотал Орлов. Глядя на красно – желтые грозди рябины, которые ярко выделялись на фоне хвойного леса, припорошенного снегом. – Они там буквально везде, как скорморохи наши ходят, в своих цветастых халатах с широкими рукавами, в своих смешных тапочках конической формы, в сапогах с загнутыми носами.

– Ну, а что, народ работающий, не злобливый, все стерпит, предприимчивый опять – же, вот и едет к американцам за лучшей долей.

– Верно, говоришь, казак, люди они предприимчивые и за работу любую берутся. Я их и в лавках видел, и в поварах,

и в садовниках, даже в прачечных. Ну, что хоронить никого не надо, берем оружие и на "Марию" возвращаемся?

– Дозвольте, ваше благородие, на скалу подняться? Уж больно по свежей птице соскучился, по бульончику наваристому, а заодно и осмотрюсь по сторонам. Да-а-а, летом – то можно и яиц в гнездах насобирать, не то, что сейчас.

Поручик внимательно посмотрел на скалу, потом на стоящую шхуну и, кивнув сказал:

– Давай, казак, только не сорвись. Может, и американских китобоев увидишь, чем черт не шутит. А насчет пропитания... , здесь, наверное, и малюски водятся, ежели поискать среди камней под водорослями. Аулеты говорят, их даже сырыми есть можно.

– Ну, энту хреновину пушай они сами жуют, да еще в сыром виде! Я же тогда точно с "позорного стула" не слезу.

– Держи бинокль, может наших, китобоев разглядишь.

* * *

Оставшись наедине, Орлов сел на поваленное дерево, затянутое наполовину илом, достал кисет с табаком и подаренной Джексоном трубкой. Он, как и урядник не любил морскую качку, для него гораздо приятнее и милее была земная твердь. Даже среди этой россыпи огромных валунов, на продуваемом всеми ветрами берегу, ему было приятнее сидеть и курить трубку, чем на борту шхуны, палуба которой, каж-

дую секунду норовила уйти из – под ног. Когда приторная тошнота, постоянно подступает в виде рвотного кома, который приходится судорожно сглатывать, стиснув зубы.

Водка с красным перцем сделала свое дело, и простуда отступила, но навалилась другая напасть. Из-за сырости тело стало покрываться чириями, доставляя и ему и Степанову дополнительные страдания.

Наслаждаясь тишиной, которую нарушал лишь птичий гомон, да рокот прибоя, Орлов стал осматривать припорошенный снегом лес. Дымя ароматным табаком, он думал о чудной природе этого далекого края, который помимо различных промысловых и экономических выгод, дарил великолепные бухты. Которые могли принимать не только торговые, но и военные корабли. Бухты, которые могли со временем стать великолепными портами, из которых можно было держать под контролем значительные территории океана. Для него была не понятна, позиция во всей этой истории, Великого князя Константина Николаевича, которому возможно просто не докладывали обо всех этих выгодах, его приближенные в Управлении военно – морским флотом или Морском министерстве. Никак не мог понять Орлов и позицию чиновников из Русского географического общества, руководителем которого являлся Великий князь. Это было особенно не понятно на фоне тех добрых дел, которые он делал как руководитель Географического общества, принеся много полезного для державы Российской. Ведь именно он занимался ак-

тивно и последовательно, вопросами замены парусного флота на паровой, замену деревянных кораблей на броненосные. Именно он ратовал, за присоединения к империи новых земель. Никак не мог понять Орлов и позицию самого императора Александра, который вступил на престол в возрасте тридцати шести лет, вполне сложившимся человеком и который был хорошо знаком с государственной деятельностью. Как человек военный и государственный он искренне болел за могущество империи, за ее престиж и величие в мире.

Внезапно ход его мыслей оборвал выстрел, который прозвучал, откуда – то сверху, со скалы, на которую поднимался Степанов. Теряясь в догадках, Орлов быстро занял удобную для стрельбы позицию, вновь почувствовав, как заныло и застучало сердце. Одно он знал, точно – урядник предупредил его об опасности, иначе бы он никогда не демаскировал себя, будучи опытным воином. А то, что это стрелял Степанов, у него не было не малейшего сомнения, характерный звук выстрела из винтовки, подаренной Джексонем, он узнал бы из сотни. Потянулись томительные минуты ожидания, которые очень скоро нарушили приближающиеся крики погонщиков, лай и нетерпеливое повизгивание ездовых собак. Поняв, с какой стороны, приближается предполагаемый враг, Орлов сменил позицию для ведения огня, с таким расчетом, что бы максимально увеличить сектор обстрела.

– Нотда-а-а-ай! Нотда-а-а-ай! – донеслись до него приближающиеся команды.

Прошло еще несколько томительных минут, прежде чем в сотне шагов от позиции занятой Орловым, прямо на большую поляну выскочили две собачьих упряжки.

Остановив сани и поставив их на "якорь", двое здоровенных бородачей в стареньких оленьих полушубках, взяв на перевес ружья, стали озираться по сторонам. Не увидев ничего подозрительного, один из них зло, сплюнув, проговорил:

– Кто же это такой ловкий здесь объявился? Может, ближе подойдем?

– Ты, Петруха, со своим любопытством, так и норовишь голову в вечную квартиру засунуть! – отозвался его товарищ, озираясь по сторонам. – По земле – то мороженной, могилку копать уж больно хлопотно.

– Чего ты меня все хоронишь? Ну, сам посмотри, следов нигде не видно, а энто значит, что только со стороны воды чужак прийти мог.

– Да, это ты подумай! На веслах он, что ли придти мог?

Орлов слушал родную речь, и глаза сами собой наполнялись слезами. Они так долго шли к своим, так долго терпели все тяготы и лишения, что когда этот миг настал, и осталось лишь сделать последний шаг – силы вдруг стали покидать истерзанное в переходах тело.

– Не уж – то свои? Не уж – то русские поселенцы? – шептал Орлов вставая. – Не уж – то до своих дошли? А говорили, что ушли наши. Эй! Не стреляйте я свой!

Бородачи вздрогнув, спрятались за деревья. Наконец один из них, выглянув, из – за ствола дерева крикнул:

– Кто это там голос подает? Ты, чьих будешь?

– Я, поручик Орлов, а на скале урядник Степанов! – крикнул офицер. Едва держась на ватных ногах.

– Откуда же вы здесь взялись? – отозвался незнакомец, выходя из-за дерева.

– Мы с обозом шли в Ново – Архангельск, да заминка случилась, вот теперь здесь помощи дожидаемся.

– Мать честная, – проговорил товарищ бородача, выходя из укрытия. – Кажись и, правда, русские. – А чего урядник по скалам скачет, да порох жгет?

– Это он меня, о вашем приближении предупреждал! – крикнул поручик. Неспеша направляясь к соотечественникам. – Сверху – то не понять кто вы такие.

– Да по нынешним временам, скоро от своих теней, шараться будем, – засмеялся задорно Петруха. Закидывая винтовку за спину. – А мы промысловики с Иваном, живем здесь недалече.

Поручик улыбаясь, смотрел на подходивших соотечественников и не верил своим глазам. Они прошли столько верст, подвергаясь стольким опасностям, чтобы приблизить эту встречу. Обнявшись с каждым, Орлов вышел с новыми знакомыми к лодке, с тем, чтобы наблюдавший за происходящим урядник понял – это не враги вышли к берегу.

Выслушав рассказ офицера, о том при каких обстоятель-

ствах они оказались здесь с урядником и, что им пришлось пережить, Георгий, поправив, бобровую шапку деловито проговорил:

– Да, жалко, что казачки в "Око империи" смертушку приняли, а насчет обоза..., так про это нам не ведомо. Верно, я говорю, Петруха?

Тот озадаченно посмотрел на старшего товарища и с жаром проговорил:

– Мы бы непременно знали, что обоз по Славянке идет!

– Куда же он мог подеваться? – подавленно буркнул Орлов. – Ну, не мог же он провалиться сквозь землю? Может его кенайцы в полон взяли?

– Расстояния в этом крае громадные, – проговорил Георгий. Глядя на качающуюся шхуну. – Сам черт кочергой мерил, мерил, да и плюнул. Но, об обозе мы бы всеравно знали, офицер! А уж тем более, ежели казачки в бой вступили бы, нам наши друзья кенайцы, шепнули бы непременно. Что – то тут не вяжется, а что в толк никак не возьму.

– Ничего не понимаю, – пробормотал растерянно поручик. – Куда же могло подеваться столько людей с лошадьми? Что же здесь происходит? Может, вы поведаете? Мы слышали даже, что продали Аляску американцем, а китобои говорят, что этого не может быть! Вам, что – то известно об этом?

– Значит, вы толком и не знаете еще, что за свара здесь приключилась? – со вздохом проговорил Георгий, раскуривая трубку.

– Да, мы слышали, на сей счет крайне противоречивые толкования, – отозвался Орлов. Махнув рукой осторожно спускающемуся казаку. – Со слов аулетов, правитель Максutow ушел из столицы и там теперь американцы, это подтверждают некоторые миссионеры и англичане, а американские китобои смеются над этим. Где же, правда?

Георгий посмотрел на офицера и тихо проговорил:

– Собрал нас со всех фортов и факторий, дней семь назад в Ново – Архангельске капитан первого ранга Дмитрий Петрович Максutow, да и объявил, что земля сия продана американцам, а на другой день, мол, передача земли состоится.

– Сказывали, что узнав про это, сам Максutow пришел просто в бешенство! – вставил Петруха, перебив старшего товарища.

– Так вот, – неспешно продолжил Георгий. – Переночевали, мы значит. А на утро, все кто с фортов наших собрались, встали прямо на площади, в аккурат перед резиденцией правителя. Люд служивый построили, ну а супротив нас солдат американских поставили, чиновники их были разного калибра.

– Даже из Государственного совета прикатил кто – то! – вставил опять Петруха.

– Речи там были разные, о дружбе промеж нас, потом с пушек палили..., под салют орудийный флаги и поменяли значит..., теперь там звездно-полосатый над резиденцией висит. Поселенцам нашим объявлено было, что кто хочет, мо-

жет остаться, ну а остальные с правителем бывшем на корабле погрузились, да в Родину отбыли. Вот и вся история!

– Так чьи же мы теперь подданные? – играя желваками, уточнил поручик угрюмо.

– Кто хотел в Родину уплыл, а кто – то присягу согласился американскую принять, – отозвался Петруха, пожав плечами.

– Так вы, что же теперь американцы? – с грустью проговорил Орлов.

Георгий отрицательно покачал головой и твердо проговорил:

– Мы гражданство менять не пожелали! Мы русскими были, русскими и остались..., ну, а в Родину не вернулись – так обжились мы туточки уже. Предки наши здесь жили, а значится и нас никто не ждет, в той же Сибири или в приморье. Здесь ведь у нас свой промысел, господь дозволяет – не бедствуем.

– Как же вы с индейцами уживаетесь?

– Ну, а что индейцы? – пожал плечами, хмыкнув Петруха. – Они сами по своему уставу живут, а мы сами по своему уставу живем, земли то всем хватает. Бывает, и по гостям ходим и столуемся вместе, бывает, и заботы общие вместе разрешаем. Одним словом научились ладить, годков – то уже вон, сколько живем бок обок.

Орлов внимательно посмотрел в лицо пожилого Георгия и с нескрываемой болью проговорил:

– Чугучи, подстрекаемые англичанами, разорили форт есаула Черемисова. Зверски замучили казаков, нас с урядником в полон взяли, хотели в печи кирпичного завода сжечь..., благо китобои американские с аулетами отбили. Отчего же у вас с ними мир?

– Чужие вы для них! – воскликнул Георгий. – Наши предки, обживая земли промысловые, с первых годков в лес шли от океана, и за заборами не прятались. А люду служивому, по глупости чиновничьей, запрещалось всегда углубляться в лес. Так и получилось, что мы для индейцев стали вроде как своими, а в вас они видели только длинные штыки.

– Верно, все Георгий рассказывает, – поддакнул Петруха, – англичане здесь, себя вольготно чувствуют через хитрость свою. Они в доверие к индейцам вошли не только со стороны океана, но и на Юкон попали из своей фактории. Не прячась за сторожевой забор с вышками. А все почему? Потому что не было у них предписаний глупых!

– Сколько же вы уже здесь лет промышляете? – устало спросил поручик. Глядя на подходящего Степанова.

– Так, наши предки еще сюда пришли, аж при Александре Андреевиче Баранове, царствие ему небесное, – проговорил Георгий крестясь. – Умнейший был человек. Побольше бы сюда таких людей, за дело весьма радеющих, глядишь и не повернулось бы тут все на такой манер.

– Правда твоя, – отозвался офицер, играя желваками. – Его поэтому отсюда и не отпускали видимо. Почитай до са-

мой смерти трудился, на благо земель здешних. До преклонных лет человек жилы на благо империи рвал, из-за чего видеть по дороге домой и не сдюжил.

– Вот, вот, – поддержал Георгий. – А, после смерти оказалась, как энто всегда у нас бывает, что человек, многократно умноживший капиталы колонии, радевший за расширение территорий империи, умер больным и нищим. Где же справедливость я спрашиваю? Ежели в Петербурге, чиновники к таким людям так относятся, то про нас – то я вообще молчу. Мы для них дешевле чешуи лосося получаемся!

– Что же нам с урядником делать? – подавленно проговорил офицер. – Обоз в сложившихся обстоятельствах – это единственное, что нас тут держало. Если нет его вовсе..., то нам в Родину выбираться надобно. Каким образом опять – же?

– Даже не знаю, что тебе, офицер, и присоветовать, – разведя руками, пробормотал Георгий. – Идти в столицу бывшую, резону нет никакого – это точно. Максутова нет, поселенцы почти все уехали, гарнизона нашего нет, как и флота маломерного, да и города, в общем – то нет уже.

– Как это нет города? – прошептал подошедший Степанов.

– Не город это уже, а призрак, какой – то, – вставил Петруха, шмыгнув носом. – Осталось десятка три семей наших всего, в школе теперь солдаты разместились американские. Которые пьют "по черному" свои виски, от тоски зеленой,

наверное! Контора пуста, в доме Максutowa, трое писарей чего – то пишут, да считают с утра до ночи, вот, пожалуй и все, что осталось от столицы нашей.

Орлов с надеждой, посмотрев, на Георгия спросил:

– Может вы просто, по каким – то причинам не успели еще узнать, про полчан наших с обоза? Ну не могут же они сквозь землю провалиться!

– Места у нас тут глухие и тихие – это верно, – проговорил тот. – Только у нас туточки везде свои уши и глаза имеются, чай не первый год здесь живем. Да и человек у нас только что со Славянки вернулся, а уж ему бы кенайцы про обоз, непременно шепнули. Если есть желание то можешь сам у него узнать, с нами он в слободе живет.

– Как же так? Я ведь даже китобоев американских на их поиски подрядил!

– И, что они за бесплатно искать согласились? – выпалил Петруха, переглянувшись с товарищем.

– Почему же бесплатно? – поморщившись, буркнул поручик. – Вон она оплата, на якоре стоит их дожидается.

– Энта хреновина, на иноземную похожа, – проговорил с прищуром Георгий.

– Она и есть английская, точнее было таковым, а теперь нам принадлежит по праву.

– Неужели у самих англичан, на бордаже отбили? – с восхищением выпалил Петруха.

– Угнали, пока судовая команда, по лесу мену с индейца-

ми делала, – со вздохом проговорил Орлов.

– Вот, дают православные! – воскликнул Георгий. – А ты, офицер, как я погляжу придерзок! И ловок больно не по годам! Капитана – то, что американцами командует не Джексоном кличут?

– Верно, – проговорил поручик насторожившись. – Неужели, что – то слышали о них? А то мы с урядником, заждались их на шхуне, будь она не ладна.

Георгий внимательно посмотрел, на болезненно – белое лицо Орлова и, покачав головой, сказал:

– Сели ваши друзья на мель, в одном из рукавов реки Медной, к зимовке они готовятся, чтобы весной по большой воде, обратно в океан выскочить.

– Да, крепко сели, – поддакнул Петруха, оглаживая бороду. – Так что их ждать, не стоит. Бери, ваше благородие, своего казака, да милости просим в нашу слободу. К ночи думаю, поспеем, верно, Георгий?

– Петруха, верно, рассказывает, – поддержал тот товарища. – Отлежитесь, подлечитесь, ну, а там и решите, куда вам дальше двигать. Может, приглянется у нас, да и останетесь вовсе, мы только рады будем.

– А как же быть со шхуной? – озадаченно уточнил поручик.

– Ничего с ней не будет! – отозвался Георгий, направляясь к собачьим упряжкам. – Чужие здесь не ходят, корабли не проплывают из-за мелей, так что не сумлевайся, офицер.

Всю дорогу до слободы, Орлов с грустью думал обо всем услышанном, лежа в возке, рядом со своим боевым урядником. Все, ради чего они здесь терпели все лишения и опасности рухнуло, не оставив не малейшей надежды на то, что этот дурной сон рассеется и реальность обретет наконец свои привычные очертания. Теперь они уже точно знали, что находятся на чужой земле, а все их изыскания, ради которых они столько времени, провели в этих краях, уже никому не нужны.

Словно какой – то злой рок висел над этими землями, а заодно и над всеми русскими поселенцами. Орлову вспомнились слова министра финансов, которые Рейтерн произнес в Сенате. О том, что Российско-Американская компания, оказалась несчастливой изначально и, что она сохраняется только искусственными средствами, которые не могут долго продлевать ее существования. Такой была суровая реальность, с которой приходилось считаться. Изменить ее к лучшему, не смогла совместная, Российско-Американская компания. Все хозяйственные усилия которой не окупали даже затрат, при всей валютотекущей суете, никто даже не помышлял заняться серьезной разведкой и разработкой недр. Вместо развития рудного дела, компания пыталась продавать пушнину, рыбу, даже лед в Сан-Франциско. Думал поручик и об ошибках, которые были допущены колонистами, при покорении первоначальных народов. Когда отношения с аулетами вроде и были выстроены, но другие племена находились в состоянии

войны с поселенцами.

Вся эта безысходность, никак не вязалась с началом быстрого промышленного подъема в центральной России, где в наиболее важных отраслях, завершался промышленный переворот. Набирала обороты тяжелая промышленность, шло создание металлургического района на юге России, а на Донбассе были открыты огромные залежи железной руды и угля. Стремительно увеличивалась добыча нефти в Баку...

– О чем задумался, офицер? – крикнул Георгий. Ловко управляясь с ездовыми собаками. – В живых остались и, слава Богу! Дуван вон какой захватили, радоваться надобно, а ты все хмуришься. Там ведь добра, наверное, считать начнешь, не пересчитаешь!

– Да, уж добра там много – это правда, – кивнув, отозвался поручик. – И все это добро, я обещал отдать капитану Джексону, за то, что он со своими матросами наших полчан выведет.

– Так вот и я про то же! Обоз никакой по Славянке не идет, а старина Джексон сидеть на мели будет до самой весны. Смекай, офицер, как дуваном английским распорядишься, куда его северные ветра не разбили о камни.

– Георгий дело говорит! – крикнул Петруха. – Товар забирать с посуды надобно, а не то пропадет безвозвратно! Где же это видано, чтобы такой "зипун" хоронить так бездарно.

– За товар переживаете? – усмехнувшись, уточнил Орлов.

– А как же! – выпалил Петруха. – У нас со стародавних

времен, к добыче бережно относились. Да и урядник не даст соврать, у них ведь тоже когда – то – это был главный промысел. Верно, я говорю, казак?

– Было дело, – отозвался тот. – Добычу военную делили среди казаков. Погибших тоже не обижали, отдавая их долю родственникам. Про монастыри с храмами опять же не забывали, из пушек захваченных колокола лили, дабы звенели они во славию православное.

Орлов устало посмотрел на Георгия, стоящего сзади на полозьях возка и, кивнув, проговорил:

– Ну, если правда окажется, что обоза нет никакого, то забирайте все на свою слободу, нам с урядником оно за ненадобностью. Пусть добро это иноземное, прорастет, на сей земле для нужд православных, глядишь, еще и город когда-нибудь возникнет на месте вашей слободы.

– Ну, спасибо, офицер, за подарок царский! – закричал Георгий улыбаясь. – Поспешайте, собачки, до дому с новостью доброй! Ха! Ха!

* * *

Уже ближе к вечеру, за очередным поворотом, гости увидели в распадке десятка четыре ладно рубленых домов в полтора этажа. Каждый из которых имел крытый балкон, открытое крыльцо с перилами, а во всех окнах стояло настоящее стекло. Крыши домов были двухскатными, крытые те-

сом, резные наличники на рамах за которыми угадывались нарядные занавески, которые создавали какую – то домашнюю, мирную атмосферу. Словно и не касалось, все происходящее вокруг жителей этой слободы.

Из подсобных построек, стоявших чуть поодаль от жилых домов, доносилось разноголосое блеяние коз, а на открытой воде небольшого круглого озера, теснилось и крякало огромное количество гусей и уток.

– Вот так и живем! – прокричал Георгий. Пытаясь перекричать лай и повизгивание собак.

– Ни частокола, ни сторожевых вышек? – пробормотал Степанов, качая головой.

– А к чему нам за забором прятаться? – крикнул Петруха. Остановившая свой возок у одного из домов. – Индейцы ведь, в своих деревнях так же живут, а зверье слободу из-за дыма да собачек, стороной обходит.

– Ладно тебе, Петруха, разговоры – разговаривать, – махнул рукой Георгий. – Покличь ко мне всех мужиков, кто не на промысле, да баньку пусть позлее протопят! Гостей пропарить надобно, да под еловые венички, чтобы вся хворь из них выскочила! Марфе своей скажи, чтобы разносолов наших на стол подала, да с водочкой, самой лучшей! А я покуда гостей на постой определю в гостевой дом.

Гостевой дом, с жарко протопленной печкой, куда определили на постой Орлова со Степановым, представлял собой вполне цивилизованное помещение, с дорогим буфетом, столами и

стульями на первом этаже. С самыми настоящими металлическими кроватями, с пуховыми перинами и подушками. На которых после бани и сытного ужина, переодевшись в чистое нательное белье, забылись в глубоком сне, измученные тяжелым переходом гости. Они, наконец, – то вышли к своим, к русским поселенцам, к тем не многим кто решил остаться на уже проданной, но не ставший от этого чужой земле.

Проснувшись на следующий день, Орлов спустился по скрипучим ступенькам на первый этаж, где вокруг самовара хлопотал старик Михась. Которого в слободе поставили за его преклонный возраст, служить в должности коридорного при доме для гостей. Стриженный под горшок, в старенькой косоворотке, перехваченной поясом, в шерстяных штанах, заправленных в сапоги, он хитро улыбнулся при виде гостя и кивнув в знак приветствия проговорил:

– Ох, и сладко спали, ваше благородие, почитай до обеда. Намыкались видать крепко с казаком, коли спите как младенцы.

– Это ты верно подметил, старик, – проговорил осипшим ото сна голосом поручик. Глядя на циферблат больших настенных часов.

– Ну, вот и ладненько, можете умываться и к столу. Чайку откусаете с шербетом иноземным, да я вас к Ивану в хату отведу. Он за старосту у нас тут. И он строго – настрого наказал, сразу, как почаявничаете к нему проводить вас. Вчера – то его не было, когда вы пожаловали. После парной

вчерашной, под веники еловые, смотрю, посвежели вы, да и казак сказывал, что ревматизма его ломоту свою прекратила – это хорошо. Да и микстуры наши природные с мазями вас быстро на ноги поставит. Природа она мил человек, от всех хворей излечить может, знать токмо надобно, что от чего принимать.

– Мне про это аулеты частенько говаривали, – отозвался Орлов. Застегивая широкий кожаный ремень, с револьверами в кобурах по бокам.

– Они в энтот толк знают, – кивнув, проговорил старик. Сметая с белоснежной скатерти, не видимые крошки. – Народ они конечно чудаковатый, но на дружбу способный.

Поручик внимательно посмотрел на коридорного и, одевая белоснежную косоворотку, уточнил с интересом:

– А, о чугучах коварных, такого же мнения?

– А, что чугучи? Их просто понять надобно, а так у нас в слободе некоторые жен имеют из чугучей и ничего живут дружно.

– Вот как?

– А как ты хотел, мил человек? Сюды ведь не каждая из стольного Петербурга барышня приедет, а жизнь должна идти своим чередом.

– Неужели и детишки имеются? – пробормотал сонным голосом Степанов. Неторопясь спускаясь по лестнице.

– Конечно имеются! А, как же без деток? Род людям продолжать надобно, да и слобода молодыми прирастать долж-

на. Года – то они быстро бегут! Оглянутся не успеешь как детишки в возраст войдут, свои семьи заведут.

– В православии живут или как? – спросил Орлов. Умываясь под медным, начищенным до блеска умывальником.

Старик с удивлением посмотрел на офицера и, всплеснув, руками воскликнул:

– А, как же без этого? Мы все в православии проживаем, у нас и домовый храм имеется, освященный честь по чести, с престолом и антиминсами.

– И батюшка есть? – выпалил урядник.

– Был и батюшка Гаврила, царствие ему небесное, – проговорил старик, крестясь. – Убили его лиходеи, в прошлом годе. В аккурат на пасху, понес он к индейцам куличи освященные, хотел их на крестный ход позвать... а его по дороге ножом и зарезали прямо в сердце.

– Кому же он помешать мог? – ужаснулся урядник, садясь к столу.

– Кто же его знает, – со вздохом отозвался старик. – Из латинян наверно кто – то, больше – то вроде некому. Тогда как раз недалече корабль их якорь бросал, об этом от аулетов знаем.

– Знаем мы их племя бесовское, – скрипнув зубами, прошептал казак. – Прикрываются лишь словом божьим. В обо-зе с нами двое шли, под рясами свои черные душонки прятали! Один вообще про пасторский долг сказывал, про слово божие, а сам как оказалось в крови людской замазан с ног

Поговорив со стариком, за чашкой зеленого чая, о жизни в слободе, гости, одев подаренные им оленьи полушубки с заячьими шапками, направились за стариком к дому Ивана. Который, как оказалось, был в свое время, выбран жителями старостой.

Войдя в просторную горницу, они поздоровались и сняв шапки перекрестились, глядя на "красный угол", в котором находилась икона с лампадкой. Внутренняя обстановка дома старосты, была скромнее гостевого дома, но достаток был виден во всем. На потемневших от времени бревенчатых стенах, висели картины не известных художников, которые запечатлели на полотнах красоты этого сурового края. Рядом с дорогим, явно ручной работы буфетом у окна, стоял ткацкий станок, где видимо, пряла жена хозяина. В русской печи стояли не только глиняные чугунки, но и самые настоящие заморские кастрюли. Хозяин, сидевший за огромным столом, выглянул из-за огромного самовара и, расплывшись в улыбке, направился навстречу гостям, со словами:

– Здравствуйте, здравствуйте, гости дорогие. Раздевайтесь, проходите к столу, перекусим, чем Бог послал.

Коренастый бородач, которому было явно далеко за шестьдесят, был облачен в старенькую военную форму, без

знаков различия, в скрипучих, начищенных до блеска сапогах, и скорее походил в своих галифе на отставного военного.

– Меня Иваном при рождении нарекли, сын Петра я буду, а вы столобыть и есть наши гости дорогие. Проходите, мы тут со Степаном как раз за жизнь толкуем, – проговорил хозяин. Знакомя гостей с сидевшим за столом товарищем. – Он у нас можно сказать знаменитость местная! Как – никак с казаками семиречинскими, участвовал в штурме крепостей Ур – Тюбе и Джизак! Совершал так сказать присоединение Бухарского ханства во имя трона российского, а это гости наши, поручик Орлов и урядник Степанов.

– Скажешь тоже знаменитость, – пророкотал Степан басом. Кивая гостям в знак приветствия.

– Вот энто самовар, – с восхищением проговорил урядник. Вешая полушубок на вешалку из оленьих рогов.

Хозяин расплылся в гордой улыбке и, глядя с любовью на медного, начищенного до блеска гиганта проговорил:

– Да уж, с самой Тулы через оказию доставили. Проходите к столу, за жизнь нашу потолкуем. Анастасия! Подай – ка нам шулюма горячего, да с гостями поздаровкайся – это они для слободы нашенской, товары со шхуны подарили.

Не высокого роста аулетка, лет тридцати, с черными как смоль, густыми волосами, спрятанными под косынку, с такими же черными, как угольки глазами на смуглом лице, в нарядном сарафане, пошитом из фабричной ткани, в обретенных по щиколотку валенках, появилась на пороге из со-

седней комнаты. Слегка поклонившись гостям, стала молча хлопотать у потрескивающей печи.

Орлов слушая Ивана, с нескрываемым удивлением смотрел, как на столе появлялась самая настоящая, деревенская еда. В глиняных горшках и стеклянных тарелках, жена старосты проворно ставила сметану с маслом, жареную яичницу с ломтями сала. Рядом с Орловым появилась на подносе, головка резаного сыра, с кусками отварного, парящего мяса, миски с какими – то разносолами, чашки с дымящимся жирным супом. А самое главное внушительная стопка с лепешками, и прибор из трех пузырьков с настоящими заморскими специями. Гости смотрели на все это великолепии, с нескрываемым восхищением. Им казалось, что все это сон, в бесконечной череде завтраков и обедов в сухомятку. Они с нескрываемым удивлением смотрели, как на столе появились ножи и вилки из серебра, словно они попали на званый прием к высоким начальствующим особам.

– Что, Константин Петрович, – усмехнувшись, проговорил Иван. Заметив удивление гостей. – Смотришь опять с казаком и, наверное, думаешь, как нам удастся в провианте достаток иметь?

Орлов посмотрел на хозяина, который открывал пробку с литровой бутылки заморского вина и, кивнув, сказал:

– Не скрою, удивлен как вы живете.

– А на самом деле все просто! Мы ведь живем не по приказам и распоряжениям, живем мы своей жизнью, далекой

от глупых предписаний. Держим коз, которые не бояться холодов и не требуют больших укусов, им не нужно как для коров сено косить благородное – они ведь жрут все подряд. Ну, а через это, имеем все продукты молочные, сыр, сметану, творог, масло с сывороткой, мясо опять же у них не плохое. Держим гусей с утями, которым и счета не знаем и которые круглый год на воде пасутся. . . , опять же мясо с яйцом имеем.

– К рыбалке опять – же относимся сурьезно, – вставил Степан, оглаживая бороду. Принимая из рук хозяйки большую чашку с кусками вареной рыбы. – Здесь же сами знаете, за рыбой в океан хаживать нет надобности, вон в "старицах" с протоками, ее хоть ведрами черпай.

– Да-а-а-а, – протянул хозяин. Разливая вино по стеклянным фужерам. – Жареные ленки с тайменями и лососем – это просто чудо этих мест. Их же, как селедку местную в сезон, только успевай таскать, да засаливать! Ну, давайте православные, за встречу нашу, за хлеб с солью, за знакомство значит!

Вкушая угощения, под крепкое испанское вино, они еще долго сидели за столом. Обсуждая как лучше заготавливать рыбное филе, почему аулеты не признают удочек, а используют лишь остроги на длинном древке. Которые у них всегда лежат под рукой вдоль борта каноэ, и которое они бросают, едва заметив тень рыбы.

– Таймень рыба сурьезная, – горячился Степан. Отчаянно

споря с урядником. – Особливо та, которая на десятки пудов тянет! Вытягивать его дело бесполезное сразу!

– Согласен, – кивая головой, бормотал урядник, – тут премудрость и сноровка нужны. Поэтому ударив острогой его отпустить надобно, ну, а уже когда рыбина из сил выбьется, лишь тогда его тянуть можно.

Поручик, рассеянно слушая разговор, глядел на накрытый стол. Думая о том, что интенданты в фортах, даже не пытались перенять столь удачный опыт, довольствуясь лишь тем, что должно было выдаваться по предписанию.

Заметив загрустившего Орлова, староста подсел поближе и, разливая очередную порцию вина, усмехнувшись, спросил:

– Что призадумался, Константин Петрович? Думаешь, почему так поселенцы в фортах не живут? Да все просто, офицер. Они ведь, как и солдаты с казаками, всегда были заперты в фортах предписаниями, да артиклями! А мы люди свободные, не служивые, а стало быть, к указам с Невы отношения не имеющие.

– Вот, вот, – проговорил его товарищ. – Нам от кромке океана никто удаляться не запрещал. Здесь только кажется, что среди неудобий жить нельзя.

– Как же ты здесь оказался, братец? Да еще с такой ногой, – спросил Орлов. Кивая на грубый деревянный протез Степана.

– А чему тут удивляться? – отозвался тот. Жуя кусок от-

варного мяса. – Казаки ведь всех казачьих общин, в близком родстве состоят издавна. Донская казачья кровь, она ведь течет в жилах создателей Сибирского казачьего Войска, а те в свою очередь через два полка своих полчан заложили основу Семиреченскому Войску.

– Сибиряками пополняли и Амурскую укрепленную линию, – вставил староста многозначительно.

– Вот, вот, – поддакнул Степан. – Потом на Амур и Усури переселились тысячи семей не только донских, но и оренбургских и кубанских казаков. Вот через такие переселения, так и я здесь объявился, правда, уже с обрубком ноги, да на этой деревяшке. После батальниц азиатских, в строевые, уже не годился, да и в тыловые не очень – то спешили брать..., тогда один добрый человек из нашего казачьего племени и предложил туточки жизнь новую начать. Есть, мол слобода с нашими поселенцами, кои работают для промысловых нужд РАКа, хочешь говорит, помогу с переездом. Так я здесь и оказался.

– Не пожалел? – спросил Орлов. Медленно цедя вино из бокала.

– А чего тут жалеть, – отозвался тот, пожав плечами. – Всю жизнь воевал с малолетства. Вот, наконец – то под старость и покой здесь нашел, прибил к тихому месту. Туточки ведь сама природа жизнью дышит, благодатно тут как в храме. Одно скверно, что руки под старость лет к земле потянулись, а землю здесь не распашешь, ну, а распашешь

так не вызреет ничего.

– У нас в слободе, – засмеялся староста, разливая вино, – через эту тягу, некоторые мужики всерьез хотят отправиться на Миссури. С тем, чтобы перейти ее, распахать землю, завести крупный скот. Ладно, давайте выпьем за вас, гости дорогие! Сам Господь видать вас к нам отправил, дай – то Бог, чтобы у вас все так сложилось, как вы удумали! Ну и, спасибо, за подарок ваш, который будет способствовать росту и процветанию нашей слободы Николаевской. Теперь мы и храм богатый справить сможем! Где службу можно будет справлять, и по убиенным, и по безвременно сгинувшим. Да и детишек крестить можно будет. И нету на нас тут с вами вины, что продали землю эту, да и нас получается в придачу.

Осушив залпом фужер, Иван посмотрел на Орлова и тихо спросил:

– А может ее продали из-за времен смутных, в которых нам жить выпало? Может ты нам, что-то поведаешь, Константин Петрович? А то ведь до нас новости, ох как поздно доходят. Вот я и хочу полюбопытствовать, насчет смуты, что в империи назревает, неужто и впрямь времена грядут окаянные? Ведь на самого божьего помазанника руку поднимать стали нехристи! Али мы здесь, что – то не правильно смекаем?

– Времена и впрямь настали для империи не простые, – допив вино, проговорил Орлов. – То восстание в Польше,

то студенты бузить начинают..., через это и на императора руку поднять норовят. Бунты опять же крестьянские, то в Пензенской, то в Казанской губернии..., интеллигенция не довольна ходом реформ. Одним словом, империя как котел на огне с водой, бурлить начинает.

– Ладно, офицер, поняли мы все, – махнул рукой Иван. – Пойдем лучше воздухом подышим. К человеку заглянем, насчет вашего обоза сам поспрошаешь, а полчане пока пусть за жизнь потолкуют.

Одевшись, они вышли на улицу и в сопровождении своры огромных охотничьих и ездовых собак, неспешно зашагали по скрипучему снегу к озеру.

– Хорошо тут у вас, – проговорил поручик. С наслаждением вдыхая чистый, пьянящий воздух. – Прямо как в рай попали. Тихо и безмятежно, словно и не кипят страсти разные, а ежели и кипят, то вас не касаются.

– Это верно..., места у нас дивные, – кивнув, поддакнул Иван. – Хоть дикие и малообжитые. Живем со всеми в мире и согласии, как с людьми, так и с природой – матушкой. Да и затягивает север – то, своей чистотой и непорочностью. Другой раз так устанешь на промысле, а тут тебе дятел тишину нарушит, доставая жука из сухостоя. И ты уже смотришь, на все это величие другими глазами, и уже не кажется тебе мрачными горы вокруг, поросшие ельником, и уже не кажется тебе будто ты здесь один на всем свете.

Внимание Орлова привлекло строение странной формы,

стоящее поодаль, под раскидистыми ветвями ели.

– А это, что такое? – спросил он. Кивнув на двухскатный навес из коры, ладно сложенный на не большом срубе.

– А это наш ледник, идем, сам посмотришь.

За огромной крышкой небольшого сруба, как, оказалось, лежали огромные рыбыны, в четыре, а то и пять локтей, с мощными плавниками, блестя своей чешуей. Каждая из которых, была заботливо пересыпана зернистым снегом.

– Это на тот случай, когда непогода в наших краях задержится, на несколько дней к ряду, – пояснил Иван. – На промысел в пургу не пойдешь ведь, да и спокойнее когда припасы под рукой заготовлены.

– Ух, ты! – не удержался гость. – И что же, никто не трогает из зверья богатство такое?

– Так ведь на то собачек и держим без привязи, – улыбнувшись, отозвался староста. – Поначалу было дело..., то медведь приходил лакомиться, то соболю с норкой. Ну, а потом зверье смекнуло, что соваться, сюда не стоит! Медведю ведь к примеру, лучше стельную самку загнать, а после отела приплод сожрать, чем с собаками воевать. Ладно, пойдем в гости к человечку заглянем, да про ваш обоз поспрошаем. Константин там живет, он поутру с тех краев вернулся, где ваши идти должны были.

– Отчего же этот Константин так далеко на промысел ходит?

– У него там свой интерес, – подмигнув, проговорил Иван

улыбаясь. – Дела у него там сердешные, с кенайкой молоденькой! А, что? Я не против, пушай встречаются, все к свадьбе идет, а слободе ребятишки ох как нужны, чтобы дело нашими предками начатое в надежные руки передать.

– Значит если казачки в тех краях проходили, то мы непременно узнаем?

– Обязательно узнаем, кенайцы сразу шепнут Константи-ну.

Не большого роста, коренастый бородач, в жарко натопленном доме, поздоровался с гостями кивком головы и предложил сесть к столу, на котором лежало несколько огромных рыбин хариуса, которые он деловито чистил, закатав рукава и предусмотрительно накинув коженный фартук.

– Возвращался уже в слободу, – проговорил он сиплым голосом. Ловко управляясь ножом. – Подошел к протоке воды испить. И вдруг, вижу возле берега в омутке, рядами хариус стоит как девки на посиделках. У меня аж сердце зашлось от азарта! Ну, думаю, где же наживки взять? Тут про зайца вспомнил, что недавно подстрелил в распадке. Достал косоглазого из мешка, вспорол ножом живот, нарезал кишок по длине червяка земляного – отличная я вам скажу насадка вышла! Стоило только снасть в воду закинуть – хариусы как сумасшедшие кидаться стали, а-а-аж вода закипела. Заходите попозже, уха будет знатная!

– Благодарствуем, конечно, – проговорил староста, – только мы уже отобедали. – Скажи ты нам вот, что..., не шли

ли по Славянке казачки наши обозом? Гость наш волнуется за их судьбу, говорит, что к форту они должны были выйти, что на утесе стоит, а далее аж к самому Ново – Архангельску путь продолжить.

Константин перестал, чистить рыбу и внимательно посмотрев, на гостей твердо произнес:

– Не было никакого обоза – это точно! Мне бы сразу поведали в деревне кенайцы.

– Куда же они могли запропасться? – выдавил сквозь зубы Орлов.

– Не знаю, барин, – отозвался Константин, пожав плечами. – Только никто не шел обозом, да еще с русским лицом по Славянке.

– Ничего не понимаю, – потрясенный услышанным, прошептал поручик вставая. – Идем, Иван, на воздух, больно жарко натоплено в хате.

Попрощавшись с хозяином, они вышли на улицу, и молча, пошли по одной из тропинок к дому Ивана.

– Не рви ты себе душу, офицер, – проговорил староста, раскуривая трубку. – Это ведь значит только то, что они могли пойти по другой дороге. Или вовсе передумать идти по Славянке, боя опять же не было. Может и живы твои полчане, а ты печалишься и их хоронишь! Расскажи лучше, что в империи нашей твориться? Не стал я тебя при мужиках пытать, но чует мое сердце, что хворь какая – то навалилась на империю.

– Я сам там не был почти два года, – отозвался Орлов рассеянно. – Все по лесам, да скалам хаживал, как койот местный. На перине пуховой, только у вас за все это время поспать довелось! Так что я, о многом не знаю, о многом слышал от других, или читал в американских газетах. Одно могу сказать – не спокойно стало в империи.

– Это все из-за реформ, будь они не ладны, – со вздохом проговорил Иван. – Зачем вообще их надобно было затевать? Неужели нельзя как и прежде жить было?

– Думаю, что нельзя так жить было дальше, – убежденно проговорил поручик. – Однако интеллигенции не нравиться, что реформы идут медленно и что вроде не полные они..., крестьянам не нравиться, что сохранено помещичье землевладение, что высоки условия выкупа земельного надела. В рабочей и студенческой среде вообще кипят страсти якобинские! Одним словом, настают времена не приведи Господи какие!

– Так, так, – со вздохом пробормотал Иван. – Я так смекаю, что не продажа это была земли сей.

– А, что же тогда? Ты же сам присутствовал на этом празднике.

– Так – то оно так..., только смутил ты меня крепко своими новостями..., я так смекаю, что это развал империи начался. Сам – то, как думаешь, в чем причина этой смуты?

– Не знаю, – покачав головой, проговорил поручик. – Наверное, в медлительности правительства..., в его непоследо-

вательности, да и потом на постах сохранены многие персоны, еще с николаевских времен. И они всячески препятствуют продвижению реформ. Да, Бог с ними с реформами, меня сейчас в первую очередь беспокоит судьба моих полчан. Ну, не испарились же они!

– Одно могу сказать, офицер..., не шел твой обоз этим путем, иначе бы мы знали про него. Да края у нас громадные, сам знаешь..., только научились мы здесь, вести узнавать и добрые и худые. Вот вчера к примеру, мне один аулет шепнул, что верст за пятьдесят отсюда, нашли одного православного с русским лицом.

– Может это кто – то из обоза был? – востроенувшись уточнил Орлов.

– Да нет..., в другой это стороне было.

– И кто это был? Он сказал, что – то?

– Не торопи, офицер, – пробормотал староста, раскуривая трубку. – Так вот, сегодня я уже по – утру, узнал подробности. Нашли его сильно обмороженным, с выдавленными глазами..., пытал его кто – то крепко. От мук бедняга лишился рассудка и в буйстве своем отказался идти к очагу на отрез. Умолял оставить его в снегу, где он смертушку хотел принять смиренно.

– Так он не сказал кто он такой?

Староста с сочувствием посмотрел на поручика и, покачав, головой проговорил:

– Сказывал он больно тихо, смогли лишь понять, что он

Неплюев какой – то...

Орлов остановился как вкопанный, внезапно почувствовав как заныло сердце, потом посмотрел прищурив глаза куда – то вдаль, и играя желваками, выдавил сквозь стиснутые зубы:

– Эх, Иван Иванович, замучили тебя, значит латиняне проклятые.

– Вижу, офицер, принес я тебе дурную весть, извиняй.

– Он с нами шел, а когда нас в блокгаузе в полон взяли, и сжечь хотели в печи кирпичного завода, латиняне выкупили его у индейцев за бочонок водки.

– За что же его на медленную погибель оставили в лесу? С твоего рассказа я понял, что нужен он им был.

– Эх, Иван Петрович! Как бы я знал, почему с ним так обошлись! Скорее всего, отказался он с ними идти и "привязать" на их карту результаты наших изысканий геологических. Вот они его и изуродовали, бросив умирать в лесу... А про американца, который на пинкертоне работал, ничего не слышали?

– Нет, офицер, сие нам не ведомо, – отозвался староста. – А, что инженера касаето, царствие ему небесное..., так умер он тихо и смиренно, наши друзья аулеты похоронили его по православным правилам.

– Они, что же в православии состояли?

– И даже крещеные в храме, ну да Бог с ними. Скажи мне лучше, что вы далее с урядником делать собираетесь? Ни-

какой обоз не идет в нашу сторону, в Ново – Архангельске гарнизона нашего нет уже... Может у нас в слободе останетесь? Раз уж при таких печальных обстоятельствах, все так сложилось.

– Нам, как людям служивым, – проговорил поручик, – артикли военные, предписывают идти на соединение со своими. Даже если территория занята противником. Даже если мы окажемся на многие сотни верст в отрыве от основных сил, все одно мы должны пробиваться на соединение с основными силами.

– Ну, как говориться вольному воля, – кивнув, отозвался Иван. – Но знайте, что если передумаете и останетесь, то мы будем только рады. И дома срубим добрые, и участки для промысла нарежем, и жен домовитых сыщем.

– Хорошо, будем иметь в виду... Будем знать, что если что, то у нас есть угол, где нас ждут, на сей земле. Скажи, Иван Петрович, а это озеро замерзает зимой?

Староста посмотрел с хитрым прищуром и, улыбнувшись в бороду проговорил:

– Верно, смекаешь, офицер, не замерзает оно весь год, а дело все в ключах, что фонтанируют на дне – это еще наши предки подметили. Места здесь для проживания добрые и птице раздолье и нам довесок к столу значимый.

– Я уже заметил это, трапезничаете сытно, еду под специи принимаете, да вино иноземное, серебро столовое на столе, одеты опять же все в сапоги с мехами.

– Это все, потому что работаем проворно, да непрестанно, с кораблями иноземными торговлю ведем – благо Господь способствует торгу, да обмену.

– А где же жители вашей слободы? Неужели все на промысле? Что – то я никого не вижу.

Иван остановился и, глядя, на дома слободы проговорил:

– Знал я, что нет никакого обоза на Словянке, хотел, чтобы ты лично убедился в этом от Георгия, к которому сейчас заходили. Потому и команду дал, чтобы все кто не на промысле, от мала до велика, шхуну вашу разгружали. Лодками все в схроны перевозим.

– Отчего же в слободе хранить не решаетесь? Коридорный нам сказывал, что по протоке можно от вашего озера, почти до самой шхуны добраться.

– Береженого Бог бережет, – отозвался тот со вздохом, – уж больно времена ноне не спокойные.

– Попросить тебя хотел, чтобы казачков в форте "Око империи" похоронили по христиански..., не гоже им на стене храма распятыми висеть.

– Чугучи там пока своих соплеменников вывозят, да оплакивают, но ты не сомневайся, непременно похороним. Скажи лучше, какими силами вы этот форт держали? Судя по количеству убиенных, баталии там разворачивались не шуточные!

– Шестеро нас там было..., всего шестеро, – отозвался поручик со вздохом.

Староста внимательно посмотрел в печальные глаза гостя, и тихо произнес:

– Крепко воевать умеешь, офицер, ловко уж больно ты их поколотил со своими полчанами, слов просто нет.

– Учителя были в Крымскую компанию отменными! Подскажи, как нам теперь с урядником в Ново – Архангельск попасть?

– Ну, пехом не советую. . . , непременно в какой-нибудь за-лом попадете, лучше туда по воде идти. Да вы бы не торопились с этим путешествием, отлежались бы малость, здоровье поправили, а потом мы бы вас по воде доставили. А там глядишь и с нашими мужиками вернулись бы обратно!

– Пожалуй, это самое разумное, что мы можем сейчас предпринять. На том и порешим наверное.

Вернувшись со Степановым в гостевой дом, Орлов оставил казака на первом этаже со словоохотливым коридорным, а сам, поднявшись на второй этаж, с наслаждением повалившись на свою кровать и стал напряженно думать. С одной стороны стоило действительно отлежаться, восстановить силы, поправить свое здоровье, с другой стороны их мог поджидать кто – то в Ново – Архангельске, оставленный специально для связи с ними, с инструкциями о том, что делать дальше. Но как долго будет ждать их этот человек, Орлов не знал, а перспектива остаться без весточки, на уже проданной земле, сулила лишь дополнительные трудности. Угнетало и то, что поделиться своими опасениями он не мог даже со ста-

ростой слободы. Не давала покоя и буквально терзала мысль о пропавшем обозе полковника Калязина, с которым он бок обок жил все эти последние годы, терпя все лишения и тяготы. Мучило и известие о продаже Русской Америки, которое нашло наконец внятное подтверждение. Он вспомнил, как ее уже пытались продать, во время Крымской компании, хотя и фиктивно, задним числом, опасаясь, что в начавшейся войне англичане, которые обладали более мощным флотом, смогут захватить далекую и слабо защищенную колонию. Тогда фиктивная продажа не состоялась из-за ее юридической уязвимости. Кроме этого поручик Орлов чувствовал свою вину за погибшего инженера Неплюева, которого он не уберег и который принял смерть в этих леах.

"– Эх, Иван Иванович, как же не повезло тебе, – подумал он, вспомнив ершистого инженера. – Не увези тогда с кирпичного завода тебя Сулима, наверняка был бы ты еще жив."

Его, Орлова, поразил поступок этого, в общем – то гражданского человека, который сознательно пошел на мученическую смерть, но отказался привязывать к карте латинян данные по их изысканиям.

– Беречь Сулима, тебя должен был. А, раз искалечил и на смерть бросил – значит, отказ от тебя получил, – прошептал офицер. Глядя на потемневшие доски потолка.

Лишь под утро он приняв решение, остаться на пять-шесть дней в слободе. Преследуя при этом две цели. Во-первых восстановить силы перед новыми испытаниями, которые могли обрушиться на них в свете произошедших событий. Во-вторых ему хотелось хоть чем – то помочь оставшимся в слободе старикам и женщинам с несколькими малолетними детьми. Которые, терпеливо дожидались возвращения своих мужчин, занятых на разгрузке судна.

Орлову вместе со Степановым приходилось колоть дрова, таскать воду в деревянных ведрах, таскать ивовые корзины с бельем к озеру и обратно. Доставляло удовольствие гостям и общение с карапузами – этими новыми жителями свободной слободы Николаевской.

Однако спокойная, размеренная жизнь в слободе, оборвалась уже на четвертый вечер, когда в двери дома Степана, где он после бани чаевничал с гостями, кто – то настойчиво постучал.

– Двери открыты! – крикнул хозяин.

Двери открылись, и в дом вошло двое индейцев, вооруженных винчестерами, с огромными ножами, висевшими в ножнах на широких расписных цветным бисером ремнях. Судя по их свирепым лицам, стиснутым зубам и бегающим глазам, стало понятно, что пришли они не с не добрыми мыс-

лями.

– Садитесь, гости, дорогие к столу, – попытался снять напряженное молчание Степан. – Откушаете с нами, что Бог послал. Можно чайку горячего налить, на дворе то сейчас вон как зябко, а можно и чего покрепче поднести к столу.

Один из индейцев с перекошенным от злости лицом, посмотрел на хозяина и, сжимая, рукоятку кинжала с ненавистью произнес:

– Благодарим тебя, Степан, мы знаем, что ты добрый человек, чего мы не можем сказать о твоих гостях. Мы не можем сидеть у одного костра с людьми, убившими столько наших братьев.

– Да ты, что – то путаешь мой, друг, – проговорил примирительным тоном Степан, – присмотришься к ним. Где ты их мог видеть или встречаться с ними?

– Мы знаем наших врагов в лицо! – резко отрезал индеец. – Мы узнаем их даже если они сменяют личину, или нарекут себя другими именами. Пускай они уходят из вашей деревни, мы не хотим причинять вреда вашим деревянным вигвамам. Ты слышишь меня, Генерал? Если вы храбрые воины и не хотите причинять зла своим друзьям, то уходите. Пускай в вигвамах ваших друзей царит мир и покой, пусть за стенами этого дома поет лишь ветер, а не стрелы и пули. Даем вам время, до того как встанет солнце, ты уйдешь, Генерал, из этого дома. Я все сказал!

Орлов с невозмутимым видом слушавший монолог, мед-

ленно жуя кусок мяса, был готов к любому развитию событий. Как только раздался стук в дверь, он машинально выхватил револьвер и, наведя его под скатертью на вошедших гостей, продолжал сидеть, не меняя позы. Дождавшись пока индеец закончит свои угрозы и соберется уходить, поручик с металлом в голосе произнес:

– А теперь послушай меня храбрый, воин! Послушай и передай своим братьям! Это не мы начали нападать на ваши вигвамы, это вы подстрекаемые англичанами, атаковали наш форт, что стоит на утесе. Это вы пошли на приступ наших стен, и нашли там свою погибель! И чем скорее вы поймете, что с нами надобно жить в мире и согласии, тем меньше прольется крови и с вашей и с нашей стороны.

Индеец медленно подошел к столу, немного наклонился к поручику и, скрипя зубами, зло процедил:

– Я знаю, что ты храбрый, урус, только это наша земля. Наши предки жгли костры на тех местах, где стоят теперь ваши форты! Мы жили здесь, еще задолго до того, как приплыли ваши Большие лодки. С вашим приходом у нас в деревнях появились страшные болезни, от которых нас не могут исцелить наши шаманы... Запомни, урус, что мы ждем до первых лучей солнца.

Не сказав больше ни слова, индеец развернулся и вышел со своим соплеменником на улицу, громко хлопнув дверями.

– Кто это такой? – сглотнув слюну, тихо уточнил урядник. Продолжая сжимая в потной ладони, рукоятку столового но-

жа.

– Это Тутукано, – проговорил Степан со вздохом. Садясь на лавку у окна, озадаченно потирая лоб. – Он сын убитого Лиса.

Орлов медленно положил на стол револьвер и только после этого, вытерев, о рубашку вспотевшую ладонь проговорил:

– Знали мы его папашу, отчаянный был малый, покуда я его ножом не порешил.

– Вот оно значит, как все оборачивается? – пробормотал хозяин озадаченно. – Тогда дело у меня одно срочное образовалось, а вы из дома не выходите, я мигом обернусь.

– Куда это ты, на ночь, глядя, засобирался? – настороженно спросил поручик.

– Надобно срочно, на лодке к вашей шхуне по протоке сходить, да старосту с мужиками предупредить, о гостях наших поздних. Пушай Иван по свойски разберется с этим Тутукано, а то ишь нахохлился как тетерев на току.

– Погоди, голубчик, – сказал поручик, вставая, – негоже тебя на ночь глядя, да еще с твоей деревяшкой, по протокам на веслах ходить. Из-за наших персон весь этот шум, а значит – это только нас и касается. Ваша слобода как жила в мире и согласии, так и пусть себе живет далее! Вы нам кров дали, раны подлечили и на том, спасибо, а далее мы уж сами, не дети чай.

– Все правильно сказываете, ваше благородие, – с жаром

прошептал урядник, вскакивая. – Итак мы у вас загостились, Степан! Тут толкуй не толкуй, а нам собираться надобно, куда вам все стекла не посекали, да избы не запалили.

Степан взмахнул руками и, перекрестившись, прошептал;

– Да они, же только этого и ждут, чтобы вы из дома вышли.

– Не думаю, что они так быстро все протоки перекрыли, – отозвался Орлов, надевая полушубок. – Это они только разведку провели, да убедились, что мы те, кто им нужен. А теперь им время нужно, чтобы слободу в колечко завязать. Ну, если что, то не поминай лихом!

Взяв оружие, сумку с патронами, корзинку в которую Степан заботливо положил головку сыра с лепешками, поручик с урядником покинули дом через окно. И вскоре без труда отыскали пристань, несмотря на темную, безлунную ночь. Отвязав единственную лодку, они погрузились в нее и дружно налегли на весла, все дальше уходя по протоке от слободы, отводя тем самым от нее нависшую опасность. Стараясь не шуметь они отплыли несколько верст, затаив дыхание, то и дело прислушиваясь к ночным шорохам, готовые в любую секунду принять, возможно, свой последний бой. Звуков погони не было слышно, а тишину ночи, лишь нарушало шуршание тоненькой корки льда о днище лодки, да отдаленный вой койотов.

– Вроде как обошлось, – прошептал казак. Вытирая лицо мокрое от пота.

Орлов, озиравшийся по сторонам, держа винтовку на из-

готовке, посмотрел на темный силуэт казака и так же тихо ответил:

– Твои бы слова, да Богу в уши. Вот доберемся до шхуны, тогда и перекрестимся! А пока, давай поспешаем к океану от греха.

– Опять, энта плавучая хреновина Бернса, в нашу жизнь входит, – со злостью прошептал урядник. – Ей богу, она как заколдованная вокруг нас ходит! Ну, просто спасу от нее нету никакого! Мне уже начинает казаться, что этот чертов корабль, преследует нас словно за грехи наши. Все время мы к нему возвращаемся.

Попутный ветерок вскоре сменился встречным, и им еще сильнее пришлось навалиться на весла, чтобы лодка не теряя скорости, шла к открытой воде. Порою сидевшим в ней беглецам казалось, что они стоят на месте из-за черной, лишь изредка поблескивающей воды. Несколько раз лодка налетала, на какие – то не видимые препятствия, становясь как вкопанная, но на счастье беглецов глубина протоки была не большой, и им с помощью весел удавалось сдвинуть ее с места. Наконец они достигли открытой воды, и лишь после этого вздохнув с облегчением, стали бороться с крутой волной, стараясь быстрее найти корабль, стоявший где – то в темноте на якорях. Контуры которого, показались на сереющем горизонте, лишь через несколько часов отчаянной работы веслами.

– Что – то я ни лодок, ни людей не наблюдаю, – с тревогой

пробормотал Орлов, опуская бинокль.

– Да куда им деваться? Туточки они, не сумлевайтесь! – успокоил урядник. – Кораблик у Бернса – покойничка уж больно приметный, да и один он тут, среди этих мелей и каменных банок. Добро, наверное, в трюмах покуют!

Подплыв, наконец, к левому борту шхуны, они ухватились за веревочную лестницу и борясь с волной с трудом поднялись на качающуюся палубу. Держась за борт, Орлов поправил шапку и громко крикнул:

– Эй! Православные! Есть кто живой?

Но тишину ночи, нарушало лишь тяжелое дыхание океана, хлопки оборванной парусины, трепетавшей на мачтах при каждом порыве ветра, тоскливый скрип металла, да глухие звуки катающихся от борта к борту пустых бутылок.

– Сейчас, ваше благородие, я трюмы проверю, – пробормотал казак, тяжело дыша. – Не могли они куда – то с борта уйти.

– Действуй, братец, только револьверы достань, неизвестно, что здесь в наше отсутствие происходило, а я пока за палубой присмотрю.

Минут через пятнадцать, которые показались для поручика целой вечностью, из дверей трюма показался растерянный казак, который сообщил ошеломляющую новость – на шхуне никого не было.

– Как это нет? – не понял Орлов. – А куда же они все могли подеваться?

– Не могу знать, ваше благородие, – смахивая с лица брызги, растерянно проговорил урядник, – я везде посмотрел. Ни людей, ни провианта с мануфактурой, но котел еще горячий, часов пять или шесть назад как уголек в него кидать перестали.

– Вот это конфуз у нас с тобой образовался! Раньше у нас хоть припасы съестные были, а теперь получается, что мы с тобой нищие.

– Получается так, один уголек в бункере остался.

– Ну, хоть на этом, спасибо..., значит, не замерзнем. Ничего, думаю к утру вернется Иван Петрович с мужиками, Степан ему все расскажет сам.

Привязав лодку к борту, они вновь растопили котел, и сев прямо на уголь около топки, стали ждать утра, наблюдая за игрой огня, танцующего причудливыми зайчиками по стенам котельного помещения.

– Куды же нам теперь податься? – тихо пробормотал Степанов. – Ведь ежели староста с мужиками не объявится, то без припасов мы долго не высидим. Гарнизон Максутов снял с поселенцами, в слободу нам путь заказан... Что же нам делать?

– Для начала давай дождемся утра, а там или Георгий вернется, ну или пошлет за нами кого – то. Это даже хорошо, что они уже все перевезли. Значит, уже в слободу путь держат, а там им Степан поведает все, что произошло. Староста обещал помочь с доставкой до Ново – Архангельска, думаю,

найдем мы там кого-нибудь, кто подскажет, что нам дальше делать. Одно знаю, до дома нам собираться надобно..., обоз полковника сыскать никак не получается, а более нас здесь ничто не держит.

– Ваше благородие, а нужны ли все наши изыскания теперечи в Петербурге? Землица – то уже продана! Жалко, что Иван Иванович смерть через это принял, хороший мастер по геологии был. Я так смекаю, что конфуз у Сулимы с ним вышел, раз он на погибель его бросил.

– Все верно говоришь, братец..., оставил он его без цифири нужной, не открыл изысканий наших, иначе бы с ним так не обошлись. Видать Сулима, больно много на кон поставил в этой партии, как бы теперь про нас с тобой не вспомнил. Уж больно важны для его ордена все наши изыскания.

– Нам только его морды сейчас и не хватает, – со злостью проговорил урядник.

– А, что? У нас с тобой как в той сказке, чем дальше, тем страшнее! Не успеем от одних злодеев отбиться, а тут уже другие насаждают и, похоже, конца и края этому никогда не будет.

– Ничего Господь он ведь все видит, как мы служим царю и отечеству..., он видит, что не кресты и почести у нас перед глазами, а значит и не пошлет он испытаний сверх меры.

Орлов посмотрел на усталое лицо старого казака и, кивнув, проговорил:

– Будем на это надеяться – это, пожалуй, то не многое, что

у нас осталось.

– Эх, взять бы этого Сулиму в полон, да под наше Войсковое право подвести, за все его прегрешения!

– Надеть мешок с камнями и в воду?

– Точно так! – выпалил казак. – Или еще лучше, на базарной площади вздернуть на якоре, чтобы другим неповадно было. Как только таких проходимцев, земля носит? Таких судить надобно, словесно и открыто! Через таких негодяев, подстрекающих других на дела скверные, я у блокгауза свое главное богатство потерял – ладанку с крестом нательным. Не было у меня более ничего ценней, как энта щепотка родной земли, да ладан из приходской церкви.

– Ничего, голубчик, у тебя в душе богатства не меньше, а это уже никакие нехристи отнять не смогут. Так что ежели и попадешь на Страшный суд, то все одно будешь стоять по правую руку, от Иисуса Христа, как казак православный, а значит настоящий.

– Хотелось бы, – признался тот, смахивая наверхнувшуюся слезу.

Орлов хорошо понимал боль старого казака, для которого все сказанное было не пустым звуком. Ведь в жизни каждого казака, церковь и все, что было с этим связано, имело в жизни заглавное место. Это был тот самый стержень, который спаивал и объединял казаков по всей империи, делал их крестовыми братьями на все времена.

Рано утром, Степанов разбудил поручика и шепотом до-

ложил:

– Ваше благородие, люди какие – то на берегу объявились.

– Кто такие? Мужики из слободы?

– Да, в толк никак не возьму, – развел тот руками, темно-вато еще.

Прячась за бортом, они пробрались на нос судна и, затаив дыхание стали наблюдать за неизвестными. Но уже очень скоро, оправдались их худшие предположения – это были люди Тутукано, которые уже под покровом ночи успели притащить к берегу несколько каноэ, и теперь спешно готовились отправиться на них к шхуне.

– Эх, Иван Петрович, – с тоскою проговорил поручик. – Куда же ты запропастился, со своими мужиками? Видать, что – то не заладилось у них, урядник. Значит, будем вдвоем оборону держать. Бог даст мужики стрельбу услышат да на подмогу придут.

– Как же мы их удержим? Их же там целая армия!

– Ты, чего это, братец? Никак оробел? – засмеявшись, проговорил Орлов. Доставая револьверы с патронами. – Их всего – то десятка четыре! Да и впервой что ли нам супротив армий целых биться? Ничего сдюжим!

– На какой же такой манер, их одолеть можно при такой качке? Уж больно многовато на двоих – то! Их же при такой волне не выцелить никак, да они наверняка еще по две порции водки приняли. Им же теперь не только море по калено, им теперь и океан не почем.

– Они же не знают, что нам капитан Джексон такие подарки подарил! Да, что с тобой, урядник? Вспомни, как под Севастополем десант английский топили, а их там еще больше было!

– Там дело другое, – отозвался старый казак. Ложась с трудом у развороченного взрывом металла. – Там у нас залпы полноценные были.

– Зато теперь у нас винтовки скорострельные, да и сидят они в своих лодках плотно. Ветер, боковой смотри злой какой, порох сгоревший мигом сносить будет, успевай только палец на курок положить.

– Да и за бортом вода больно злая, в сосульку вмиг обернуться.

– Вот это другой разговор, – улыбнувшись, прошептал офицер. Укладываясь у рваного металлического борта напротив. – А то в речах старого солдата сомнения, какие – то сквозить стали! Теперь я чувствую, что казак Степанов врагу спуску не даст!

– Нет, ваше благородие, у меня никаких сомнений, – грустно проговорил казак. – Просто раньше понимание было, ради чего все это. Раньше мы за Русскую Аляску живота не жалели, знали, что ежели и отойдем в мир иной, то за интересы державные... А теперь..., даже и не знаю зачем все это.

– Зря ты так, братец! Сейчас, мы с тобой головы под пули подставляем, чтобы выжить просто..., домой, чтобы вер-

нуться. Давай лучше озадачимся тем, что у нас на оборону с тобой, минуток тридцать, а может сорок имеется... ну, а ближе подпустим, да еще на абордаж пойти дозволим, то силушка конечно на их стороне будет.

Индейцы тем временем, поставили свои каноэ на воду и проворно рассевшись, налегли на весла. Успевшая ослабеть за ночь волна, позволяла им сразу набрать приличную скорость.

Орлов, внимательно наблюдавший за всем происходящем, посмотрел на казака и, не добро, улыбнувшись, сказал:

– Ну, что подпустим на верный выстрел, да озадачим для начала тех, что крайние с право двигают? Уж больно проворно выгребают!

Расчет поручика был прост – делая поправку на качку и сильный боковой ветер, нанести неприятелю беглым огнем уж если не ощутимые потери, то затруднить их продвижение пробоинами в каноэ. Оттянув тем самым время, в надежде, что люди со слободы все – таки придут им на помощь.

Подпустив противника ближе, защитники открыли яростный огонь из своих скорострельных винтовок. Однако вести прицельный огонь мешала качка, а самое главное ответный огонь, которым с не меньшей яростью ответили атакующие. Раскаленный металл, противно застучал как большие горошины по бортам и палубным постройкам, рикошетом уходя в разные стороны, высекая искры из металла, грозя нанести ранения.

– Врешь не возьмешь! – кричал Орлов. Разрезая винтовку по наподдавшим.

Ему с урядником было хорошо видно как падали за борт убитые, как одно каноэ легло в дрейф из-за полученных пробоин, но, не смотря, на это расстояние между тремя другими лодками стремительно сокращалось.

– Ох, и ветер зябкий! – крикнул казак, спешно перезаряжая винтовку.

– Ничего, Степанов, они уже кровушкой умылись! Вон и еще одна в дрейф легла, да и другие уже не так резво выгребают! – кричал поручик, подбадривая урядника.

Тем временем поняв, что в лоб цели не достигнуть, наподдавшие повернули обратно к берегу.

– Вот так – то будет лучше, – устало прохрипел Орлов. Вытирая рукавом кровь с лица. – Теперь можно и дух перевести, и итог подвести.

Итоги оказались не утешительными – отскочившая от борта пуля сбив с головы Орлова шапку, задела голову. Рана хоть и была не большая, но сильно кровоточила, получил ранения и Степанов. Пуля рикошетом от борта ударила его в правый бок, еще одна пуля разбила цевье винтовки, повредив пальцы.

– Сейчас, сейчас, потерпи, – частил Орлов. Помогая подняться раненному товарищу. – Спустимся в тепло, там и раны залижем.

Спустившись с трудом по обледеневшим ступенькам в

низ, они разорвав нательные рубахи, сделали себе перевязку. Только после этого, сидя у гудевшего котла, защитники смогли отдышаться и осознать в полной мере, что хоть и с трудом, но все же смогли отстоять свой рубеж. Тактическая победа была, несомненно, одержана – противник отступил, получив огромное количество пробоин, раненных и наверняка убитых. Но серьезный урон получили и защитники шхуны – вышла из строя одна из винтовок, они израсходовали большое количество патронов и наконец, они и сами были, хотя и легко, но ранены. Что в отсутствии медикаментов и перевязочных средств, могло создать большие проблемы.

– А ведь умыли мы их, ваше благородие, – морщась от боли, проговорил урядник, – как есть умыли.

– По – другому и быть не могло! Они же рубежи под Севастополем не держали, им все это в диковинку, хотя воины конечно храбрые, что и говорить. Где же староста с мужиками запропастился? Неужели бросили нас на растерзание нехрестей?

– Молю, чтобы они стрельбу нашу услышали, – прошептал Степанов. – Должны смекнуть, да на подмогу придти. Не верю я, что нас бросили.

– Ничего, казак, нам главное отсюда выбраться, да до конторы добраться.

– А, найдем мы там кого?

– А как иначе? Контора – это бухгалтерия, а бухгалтерия штука точная, она порядок любит. Верю, что найдем там ве-

сточку для себя, или приказ чего далее делать надобно. Ну, не может быть, чтобы про нас забыли вовсе!

– Если доберемся до Родной стороны, может, нам по медальке дадут за труды наши ревностные?

– Может, и дадут, – устало отозвался Орлов, – а может и нет. Сие одному Богу ведомо.

– Хотелось бы конечно, – сокрушенно вздохнув, признался казак. – Я ведь в Крымскую батальницу к бронзе на Георгиевской ленте был представлен, и к серебру "За защиту Севастополя"..., а не одной так и не получил. Хотя многие полчане получили.

– Отчего же так?

– Не знаю..., видать войсковая почта работала неспешно, или губернские канцелярии радели за это не шибко. Да, ежели честно, то и войсковые комиссары отвечали не за спешность движения наградных списков, а за скорую доставку пакетов.

– Понятно, ну да думаю это дело поправимое..., доберемся до родных берегов, изладим мы твои медальки. Я если надобно будет, то до самого генерала Краснова дойду, обещаю тебе, урядник.

– Спасибо, ваше благородие, – с грустью отозвался тот. – Только вот я, ежели честно, уже и не знаю, дотяну ли до родных берегов.

– Ну, ты это брось, братец! Куда же ты денешься?

Старый казак, лежа на кусках угля с закрытыми глазами,

покачал головой и тихо произнес:

– Меня от одной мысли, что для этого пол – года по волнам опять болтаться надобно будет, аж в жар кидает..., да и ревматизма достает, мочи нету. Жиру ежели выберемся, добыть надобно будет, медвежьего или барсучьего.

– Ну, меня эта качка, тоже уже до печенок достала, – признался поручик. – Я ведь тоже не горел никогда желанием, морские науки проходить, да еще за пределами империи. Давай лучше скажем, спасибо, Господу, за все испытания, выпавшие на нашу долю, за то, что до сих пор еще живы.

– Это точно! Я вот все думаю, как же нам старосту дожидаться с мужиками, да в полон не попасть?

– Я тоже про это думаю..., ну лодки то мы им продырявили, так, что по светлому думаю не сунутся..., ну а как стемнеет, придется караул держать.

– Ежели опять в приступ пойдут, вряд ли сдюжим, ваше благородие, – с тоскою пробормотал Степанов. – Винтовку одну разбили, патрон маловато осталось опять же, да и поранены мы. Как оборону держать?

Орлов с трудом встал, подошел к котлу и, бросив, несколько увесистых кусков угля в топку проговорил, вытирая пот со лба:

– Не сможем отпор давать, тогда запремся изнутри. Пущай попробуют достать..., здесь – то даже если и двери металлические вскрыют, оборону держать проще..., коридор узкий.

– А ежели двери бомбой рванут?

– Они ведь наверняка считают, что здесь добра всяческого, мерить аршином начнешь, не перемеришь. Так что не должны сильно взрывчаткой баловаться. Ну, а там пока они нас выкуривать будут, глядишь, и староста появится с мужиками! Благо шхуна у Бернса – покойничка на потопление тяжела, прорвемся как-нибудь.

* * *

Тянулись томительные часы ожидания, а помощь все не шла. Орлов, через каждые пол – часа, осторожно поднимался на палубу. И пробираясь за бортом к носу, развороченному взрывом судна, наблюдал в бинокль за неприятельской суетой на берегу. Который, не обращая никакого внимание на ледяной ветер, запалив костры, ремонтировал свои лодки, явно готовясь к новому штурму.

Поручик прекрасно понимал, что противостоять противнику они уже не могут – у них было мало патронов, они были ранены, у них осталась одна винтовка, а главное они были заперты на судне, что лишало их любого маневра.

Пробравшись в очередной раз на нос судна, он обратил внимание, что неприятель, по всей видимости, закончил конопатить пробоины и теперь сидел у костров, явно ожидая чего – то. Почувствовав не ладное, он достал револьверы и стал вслушиваться в шум катившихся за бортом волн. Ка-

кое – то не хорошее предчувствие, которое появилось еще в слободе, накануне визита Тутукано в дом Степана, внезапно усилилось, застучало в висках, отдалось болью в сердце. В какой – то момент, среди шума волн и скрипа мачт, он отчетливо различил всплески и скрип уключин – это мог быть только враг. Времени вернуться и запереться уже не оставалось – люди Тутукано могли появиться на палубе в любой момент. Прошло еще несколько томительных минут, прежде чем он увидел как, через борт перемахнуло несколько индейцев, которые тут же спрятались среди палубных построек. Враг вновь предпринял дерзкую атаку со стороны океана. Притаившись за такелажным ящиком, держа в руках револьверы, Орлов стал ждать. Тем временем еще несколько человек перемахнуло через борт и, замерев на мгновение, двинулись, пригнувшись к двери, ведущей в трюм. К ним тут же присоединились спрятавшиеся ранее. Орлов терпеливо ждал, пока все семеро ползунов окажутся рядом, в узком секторе обстрела, что позволило бы нанести им максимальный урон.

Тем временем индейцы, общаясь между собой лишь условными знаками, приблизились к двери и стали проворно скидывать с себя верхнюю одежду, явно готовясь к последнему броску в трюм шхуны. Поручик медленно прицелился в их спины и, стиснув зубы, открыл яростный огонь по неприятелю. Его модернизированные револьверы Смитта – Вессена, с патронами кругового воспламенения под боль-

шой калибр, да еще с не большого расстояния, не оставили нападавшим ни единого шанса.

Окинув взглядом поле бое, а точнее место расстрела, офицер удовлетворенно покачал головой, не спеша, перезаряжая револьверы. Услышав стрельбу, оставшийся на берегу противник, словно по команде, стал спешно грузиться на свои залатанные каноэ, явно намереваясь повторить атаку.

Заметив это, поручик зло сплюнув, подошел к двери и открыв ее крикнул:

– Урядник! Собери трофеи, а я проверю палубу!

Не дожидаясь ответа, держа наготове револьверы, он осторожно обошел шхуну и, не обнаружив больше никого, вернулся к корчившимся на скользкой палубе врагам. Не увидев казака, Орлов не спеша собрал оружие нападавших, ремни с патронами, револьверами и ножами. Только после этого, подойдя к открытой двери, вновь крикнул вниз:

– Степанов! Принимай, братец, оружие! Спишь, что ли?

Вместо ответа, до него донеслись какие – то странные звуки из трюма, похожие на какие – то хрипы. С тревогой он глянул на тела индейцев и только тут все понял – на палубе лежало лишь шестеро из незванных гостей. Бросив тревожный взгляд в сторону приближающегося врага, поручик стал спешно спускаться по лестнице в низ. Дрожащее пламя керосиновой лампы, выхватывало часть качающегося коридора, на полу которого, в смертельной схватке сцепились, раненный им индеец и старый казак. Который из последних сил,

храпя и задыхаясь от кашля, пытался скинуть с себя наподдавшего. Оказавшись внизу, поручик подошел почти вплотную и выстрелил в затылок нападшему на казака. Выстрел из тридцать второго калибра буквально разорвал голову индейца, забрызгав все вокруг студенистыми хлопьями мозга. Схватив за шиворот мгновенно обмякшее тело, Орлов брезгливо отшвырнул его в сторону и, протянув руку, помог подняться уряднику.

– Вот ведь здоровенный мерин, – тяжело дыша, выдохнул тот. – Спасибочко, ваше благородие, за малым не зарезал гад! Как коршун сверху свалился!

– Держи оружие, а я пойду, двери закрою. В приступ опять пошли нехристи.

– Разве мы оборону держать на палубе не будем? – растерянно пробормотал тот, принимая трофеи.

Поручик внимательно посмотрел на Степанова и, покачав, головой сказал:

– Качка усиливается, я едва на ногах смог стоять, не палуба, а каток настоящий, да еще и останки людей Бернса, за ноги цепляются. Теперь здесь для нас последний рубеж образовался.

Закрыв на все запоры двери, офицер вернулся, и вместе с урядником вытащил из камбуза в коридор тяжелый стол, стулья и две пустых бочки сделав в конце коридора, что – то похожее на баррикаду. Разложив рядом отбитое у неприятеля оружие, они сели на пол и стали молча ждать, своего

последнего боя, исход которого был очевиден для них. Вскоре томительное ожидание нарушили глухие удары в двери, которые еще продолжались какое – то время, но потом стихли так же внезапно, как и начались, а тишину нарушил крик Тутукано:

– Вы еще живые, урусы?

– Живые! Живые! – отозвался офицер, усмехнувшись.

– Лучше открой по-хорошему, и примите легкую смерть!

Не надейся, урус, что тебя удастся ускользнуть с этой Большой лодке! Ты заперт здесь, как барсук в норе, лучше открывай!

– Хорошо, Тутукано, я учту это! Только и ты учти, что до меня еще добраться надобно! Здесь узкий коридор и держать оборону одно удовольствие! Подумай, скольких твоих воинов, я заберу перед смертью с собой!

– Я предлагал тебе смерть легкую, как пух чайки, но ты отказался! Теперь я взорву порохом, якорные цепи и подожду, пока приближающийся шторм выкинет тебя на берег! Так что твои дела плохи, как зубы у старой лошади!

Степанов, молча слушавший этот разговор, покачал головой и тихо пробормотал:

– Помилосердствуйте, ваше благородие. Зачем вы его дразните?

– А пускай подаст на меня в суд племени, – равнодушно отозвался поручик. – Или пожалуется на меня своему Инук – Чуку. Пущай эта скотина хоть треснет от злости! Нам с

тобою, уже терять нечего, так пусть знают, как умирают русские воины, достойно, не посрамив доблести своих отважных предков.

Тем временем за дверями все стихло, а еще через несколько минут корпус шхуны содрогнулся от мощных взрывов, и судно, лишенное якорей, стало легкой добычей для океанских волн.

– Ну, вот, кажется и все, – прошептал урядник, крестясь. – Пусть придет к нам смертушка легкая. Может глянуть, что там и как?

– Мы с тобой знаем, что первоначальные народы коварны, мы это за время своих переходов усвоили, – покачав головой, пробормотал Орлов. – Пусть все идет своим чередом, как Богу угодно..., может нас еще староста с мужиками отбить успеет.

– Сумлеваюсь я, что они туточки появятся, – с досадой проговорил казак, – видать решили православные не ссориться с индейцами из-за нас.

– Может и так конечно, ну Бог им судья. Пусть живет и процветает слобода православная, им о своих семьях думать надобно. Ребятишек своих поднимать на ноги надобно, а из-за нас в свару полезут, то и на слободу беду накликают. Пушай себе живут хоть они, в мире и согласии с народами местными на этой земле!

– Тоже правильно. Что – то швыряет нас как щепку в водовороте, не затопило бы.

Поручик улыбнулся и тихо проговорил:

– Ну, затопить шхуну Бернса – дело не простое. Давай, положимся на волю Господа, пусть он и рассудит, что с нами будет. Мне лично уже все одно, воды меня примут или в открытом бою сгину...., одно знаю точно, что более в полон меня не возьмут эти нехристи. Более я им такой радости не доставлю.

– Может, ваше благородие, винца иноземного откушаем, что Степан в дорогу дал? У нас еще и сыр имеется с лепешками!

– Ну, а что, давай откушаем, пока перед судом небесным не предстали, – кивнув, отозвался поручик. – Не думаю, что на том свете такое подавать будут.

– А жаль, что вот так помирать придется, – сказал казак со вздохом. Доставая продукты из корзины. – В трюме корабля иноземного, с трупом паршивого индейца, за тысячи верст от дома, где и не узнают никогда, что с нами случилось. Одна смертушка – подруга наша, что все время за нами хаживала, и будет знать, где нашли покой мы вечный. Сколько она уже полчан наших прибрала, видать и наш черед пришел, принять смиренно батальницу нашу последнюю.

– Ну, что ты, урядник, так о нас говоришь, словно мы с тобой герои империи. Разве отличились мы с тобой, каким – то великим мужеством и героизмом, чтобы попасть в рукописные фолианты историков? Мы ведь с тобой простые солдаты империи, скромно выполняющие свой долг перед ней,

ради ее преуспевания.

Пока пленники неспешно принимали скромную пищу, припевая ее тягучим, сладким вином, ведя разговоры о жизни, шхуну, лишенную якорей, постепенно стало сносить волнами, но не к берегу, на что так надеялись люди Тутукано, а в открытый океан. Лишь глубокой ночью, когда пленники решились, наконец, открыть двери и оценить обстановку, а заодно выбросить за борт тело убитого индейца, то были буквально потрясены разгулом стихии. В открытую дверь, буквально ворвался рев огромных черных волн, которые неслись мимо с каким – то жутковатым фосфорическим отблеском, в лунном свете. Переливаясь через обледенелую палубу, швыряя и кидая судно словно игрушку. Сколько не пытались они разглядеть в черноте ночи очертания берега, кругом был лишь ревуший океан.

– О господи! – с ужасом воскликнул урядник. С трудом цепляясь за корабельные поручни. – Проклятый корабль никак не хочет отпустить нас! Когда же все это закончится?

Орлов, морщась от ледяных порывов ветра, который швырял в лицо колючие порции снега, с трудом выталкивая на палубу тело убитого индейца, прокричал в ответ:

– Это на небе видать решили, что рановато нам помирать, казак! Знать бы еще, куда нас несет!

– Эта шхуна и впрямь, какая – то заговоренная, – в ужасе шептал урядник. Помогая вытолкнуть тело убитого индейца в дверной проем. – Что же нам делать?

– Дождемся для начала утра, а там и думать будем, – отозвался поручик. С трудом закрывая двери. – Бог даст, не потонем! И на том, спасибо!

Страшной силы шторм, закончился лишь под утро следующего дня, вымотав окончательно пленников, которые едва держались на ногах из-за сильнейшей качки. Когда же они решились, наконец, открыть металлическую дверь и с трудом вышли на палубу, то с ужасом увидели, как их несет прямо на каменистый берег.

– Земля, – хрипло проговорил урядник. Глядя сквозь слезы, на приближающийся берег. – Я знал, что Бог есть и он подсобит нам в трудную минуту.

– Кажется, Господь и нам, как капитану Джексону приготовил зимовку, – отозвался Орлов. Подслеповато щурясь от дневного света, глядя на бескрайние просторы леса и камня, припорошенных снегом.

Степанов с тоскою посмотрел вокруг и, смахнув слезу спросил:

– Как же нам зимовать, ежели у нас ни продуктов, ни патронов..., да и угля до весны не хватит?

– Давай для начала на берег сойдем, а уж потом про зимовку смекать будем.

Прошло еще несколько часов ожидания, прежде чем шхуна со страшной силой и треском врезалась в каменистый берег, швырнув в своем чреве пленников в металлическую переборку.

Орлов, оказавшийся после удара на полу, схватившись, руками за разбитый лоб прокричал:

– Живой, казак? Давай быстро наверх! Вода забортная в котельное помещение поступает! Все! Закончился наш фарт, как и наше путешествие!

– Как же так? – пробормотал тот, с трудом вставая. – А как же котлы с углем? Как же нам зимовать?

– Вот и я говорю, что бежать нам надо, пока вода до котлов не добралась – это же теперь как пороховой погреб!

Каменистый берег, словно огромный нож, вспорол половину днища шхуны. И вода яростно фонтанируя в разные стороны, стала стремительно заполнять поврежденные отсеки.

Сбросив на берег свой не хитрый скарб, пленники покинули терпящий бедствие корабль, и, отойдя на безопасное расстояние, молча стали наблюдать, как шхуна медленно погружается под воду, кренясь на корму. Наконец вода добралась до топки котла и оглушительный взрыв, выбивший в небо белое грибовидное облако пара и дыма, поставил последнюю точку в жизненном пути корабля. Вода мгновенно поглотила его, оставив лишь на поверхности крестообразные макушки мачт, словно обозначив этими крестами место, где нашла свою погибели шхуна капитана Бернса.

– Ну вот, кажется и все, – прошептал урядник, крестясь. – Теперь и шхуна с останками своего капитана, нашла упокоение в водах океана Великого.

Место, где высадились офицер с урядником, представляло собой россыпи из огромных валунов, причудливых форм и размеров. Покрытые снегом и водорослями они упирались через пару сотен шагов в скалы, покрытые хвойными деревьями.

Совершенно обессиленные и опустошенные, шатаясь и падая, с отчаянием обреченных, люди с трудом преодолели скользкие валуны и, передохнув стали подниматься на скалистый выступ. В полном безмолвии, которое нарушал лишь прибой, да изредка пролетающие чайки с поморниками. Прошло несколько часов, прежде чем им удалось подняться на вершину скалы. Мокрые от пота, окончательно выбившиеся из сил, они стояли на ее вершине, потрясенные и подавленные увиденным – о присутствии в этих местах людей, на, что они так надеялись, не могло быть и речи. Скалистый берег, упирался, в воды океана с трех сторон и если эта земля являлась полуостровом на побережье океана, то на поиск людей нужно было идти только на восток.

– Куда же это нас занесло, Господи помилуй, – тяжело дыша, прохрипел Степанов, крестясь. – Даже дымка от костра не видать.

– Ничего, прорвемся, – отдуваясь, прошептал поручик, опуская бинокль. – Вон следы крупного сохатого свежие,

значит, с голодухи не помрем! Нам теперь надобно пещеру, какую – то для ночлега сыскать, или грот какой – то, а то нам с тобой ночевка под открытым небом противопоказана. Да и подстрелить, что-нибудь надобно для пропитания, а то мы все с тобой на пустой желудок путешествуем.

– Да, хорошо бы. Может, оставим себе по одному ружьишку, а другие схороним в сухом месте? Уж больно неудобно с такой кучей железа ходить, по камням да бурелому.

Орлов покачал головой и, смахнув, пот с лица сказал:

– Железо ели тяжело, давай я понесу..., у нас нет с тобой денег, а на эти винтовки в Ново – Архангельске, мы себе и харчи изладим, и проезд в Родину оплатить сможем. Нам с тобой выжить надобно и в Родину вернуться – это капитал наш с тобой теперь. Есть у меня металл благородный, что Неплюев покойничек на сохранение дал..., только казенный он. Так что придется нести вооружение с собой!

До позднего вечера, они шли, утопая по колено в снегу, останавливаясь на короткие привалы, но так и не смогли найти подходящего места для ночлега. Несколько раз Орлов стрелял на – удачу по куропаткам, но дрожавшие руки не позволили добыть дичь, и они снова шли дальше, в полном молчании, понимая друг друга без слов. Лишь когда уже совсем стемнело, они решились на ночлег в одном из распадков, среди вековых сосен. Все так же молча, выложили по всем правилам костер, используя в качестве дров ствол вывернутой непогодой сосны, на который положили кресто-

образно кусок другой валежины. С таким расчетом, чтобы когда костер разгорится, пламя равномерно обогрело их со всех сторон. Обсушившись наскоро у весело потрескивающего пламени, они повалились на хвойный лапник и, не смотря на сильный голод, забылись в тревожном сне.

Рано утром их разбудил беспокойный крик птиц, которые были явно встревожены, чьим – то появлением. С трудом отходя ото сна, люди, напряженно всматриваясь и вслушиваясь, заняли оборону, готовые к любому повороту событий. Вскоре они услышали хруст снега – кто – то шел прямо на их стоянку и этот кто-то был один. Не прошло и получаса, как они смогли разглядеть среди деревьев, идущего на ивовых снегоступах аулета. Переглянувшись люди, поняли, что в лице этого индейца, к ним шло спасение. И хотя он, как оказалась, совсем не знал их языка, для Орлова со Степановым – этот не высокого роста, коренастый аулет, в чулках из оленей шкуры, в стареньком, явно с чужого плеча овчинном полушубке, был самым желанным и самым дорогим человеком в данных обстоятельствах. При помощи жестов, им удалось договориться с гостем, что он доставит их к людям, в обмен на один из винчестеров. Но самой радостной и желанной новостью, для Орлова и Степанова было то, что Большой город был, где – то совсем рядом. И, что добраться до него, можно было на каноэ аулета. Для этого нужно было лишь пересечь бухту, до которой они еще не дошли, но которая была совсем рядом.

Всю дорогу до города, поручик с урядником не проронили ни слова. Сидя в тесном, двухместном каноэ, все еще не веря в свое спасение. Лишь когда среди снежной пелены, появились знакомые очертания пристани, урядник прохрипел осипшим голосом:

– Видать гарнизон силищу имеет невероятную, ваше благородие..., раскат совсем пустой. Все пушки сняты!

Орлов подслеповато щурясь, молча, смотрел на опустевшую насыпь, под валом за пристанью и не верил своим глазам. По всем правилам фортификации, таких городов как Ново – Архангельск, раскат являлся одним из серьезных узлов укрепления, который позволял надежно прикрывать город со стороны воды.

– Зачем нам с тобой озадачиваться по этому поводу? Пусть теперь об этом у американцев голова болит, вон на рейде ни одного корабля не стоит..., может, они и не собираются пристанью пользоваться. Может, не считают нужным и город охранять, как наши поселенцы! Да-а-а, были времена, когда в этой бухте устанавливали очередность на швартовку у причала, а каждого вошедшего в бухту встречали ударом в колокол заглавный.

Для Орлова, как и для других русских колонистов, бухта с причалом были своего рода визитной карточкой столицы Русской Америки. Понимали это и на берегах Невы, именно поэтому много лет назад под руководством двух инженеров присланных из Петербурга, колонисты из разных фор-

тов и факторий сделали для швартовки военных и торговых судов удобный причал и расширили бухту. В которой могли отдавать швартовые сразу несколько кораблей, что давало возможность значительно ускорить их погрузку и выгрузку. Производя одновременно, при необходимости верхний ремонт судна. К тому же, расширенная бухта могла надежно защитить все корабли, стоящие на внутреннем рейде, от штормов и ураганных ветров.

Рассчитавшись с аулетом и поблагодарив его за свое спасение, урядник с офицером с трудом поднялись по скользким, обледеневшим ступенькам на широкую, совершенно пустую пристань. Орлов медленно снял шапку, перекрестился, глядя на виднеющуюся макушку храма, и играя, желваками проговорил хриплым голосом:

– Ну, здравствуй, Большой город..., ты даже и представить себе не можешь, как томительно долго мы шли до тебя. Так долго, что тебя даже успели продать.

– Господи праведный, – вторил шепотом казак, с жаром крестясь, – спасибо, что услышал наши молитвы, спасибо, что от смерти отвел.

– Идем, голубчик, в контору, поспрошаем, что там к чему, – прошептал поручик, глядя на пустые сторожевые вышки. – А гарнизон видать и правда, силу свою и превосходство чувствует, даже караул у пристани не ставят.

Они медленно двинулись, по давно не чищенной улице Ново – Архангельска, то и дело, проваливаясь по щиколотку в

снег, мимо домов стоящих по обе стороны от дороги. Домов рубленых из добротной сосны "в лапу", украшенных резьбой по дереву, с декоративными водосточными трубами, с нарядными большими воротами, в которые могли, не останавливаясь въезжать лошадь с санями. Стиснув зубы Орлов, всматривался в пустые окна брошенных домов, – это уже были чужие дома, это уже был чужой город, это уже была чужая земля. Орлову, как и Степанову, было тяжело смотреть на все это добротное великолепие, и понимать, что все эти дома, под крышами из теса, уже принадлежат жителям Американских Свободных Штатов. Идя по одной из опустевших, заснеженных улиц, они вновь с болью в сердце прочувствовали всю унижительность этой поспешной продажи. Настолько поспешной, что многие жители, когда – то имевшие российское подданство, считавшие, что они живут в сторожевом форпосте Российской империи, вдруг стали американскими янки.

Орлов брел со старым, простуженным казаком и с тоскою думал о том, что когда – то в этих темных окнах вновь загорится керосиновый свет, а сами они наполнятся чужой речью. И уже никогда не будет здесь место для, когда – то дружно отмечавшихся здесь церковных праздников, с их едиными для каждого обряда традициями. Они шли по улице, где еще недавно проходили народные гуляния и каледования русских поселенцев, с исполнением песен, стихов, с последующим угощением и одариванием участников калядок. Офи-

цер с грустью вспомнил как он еще совсем не давно шел по этой улице вместе с жителями и гостями на Крещение крестным ходом, к проруби за святой водой, под колокольный звон местного храма "Святого Архангела". Как на масленицу, которая считалась первым весенним праздником, жители города, как и полагается, пекли всю неделю блины с майсовыми лепешками, искренне радуясь долгожданному приходу весны.

Вскоре они подошли к городскому храму, входные двери которого были заколочены досками, что говорило об отсутствии прихожан и самих служителей. Остановившись, они, молча сняли головные уборы и, перекрестившись постояли несколько минут, словно прощаясь с прошлой жизнью.

– Как же так, ваше благородие? Неужели и впрямь все православные уехали? – в ужасе вымолвил казак, озираясь по сторонам. – Неужели и священник с дьяконом тоже место намоленное покинули? Как же так? Это ведь значит, что и ризы, и харугвии с иконами, да архивом городским вывезли! Как же может храм Христа в запустение превратить?

Орлов с остервенением натянул шапку и, посмотрев, на урядника со злостью выдавил:

– Это значит, что главный приходской храм, стал теперь без приходным. Как и полагается кладбищенской церкви! Идем в контору.

Они без труда нашли двухэтажное здание, срубленное из корабельного бруса, лицевая стена которого была украшена двумя кирпичными колоннами, державшими на себе балкон, с точеным круглым ограждением. Вывеска все еще висевшая над большими входными дверями, гордо напоминала каждому входящему, что здесь находится контора "Российско-Американской компании".

Массивные резные двери оказались не запертыми и открылись с противным скрипом, впустив гостей в парадную. Оказавшись внутри они остановились у порога остолбенев от увиденного. Некогда бурлящее от сотрудников и посетителей, купцов и капитанов, вставших, под погрузку или выгрузку помещение было пустым. Весь пол был завален какими – то бумагами и пустыми ящиками, исчезла и мебель с картинами, висевшими на всех стенах, не было и огромной заморской люстры, которая приводила в изумление всех посетителей, и которую опускали на цепях для того, что бы зажечь свечи. Из всего убранства знакомыми остались лишь дорогие английские обои, которыми были отделаны стены, да несколько гипсовых скульптур, сиротливо стоящих в углу.

Орлов медленно подошел к окну, на подоконнике которой стоял медный подсвечник с огарком сальной свечи и хрипло с каким – то остервенением крикнул:

– Есть тут хоть кто – то живой?

В ту же секунду, за одной из дверей напротив, что – то стукнуло, она распахнулась, и к ранним визитерам вышел взъерошенный, давно не бритый человек в круглых очках. Поправляя свои подтяжки и подслеповато щурясь, он, молча, уставился на странных визитеров. Глядя, на их красные от мороза, обветренные лица, с коркой льда вокруг рта от дыхания, в какой – то рваной, перепачканной одежде, с изможденными лицами, черными от угольной пыли.

– Вы кого – то хотели видеть конкретно? – выдавил он, наконец. Испуганно, глядя на внушительный комплект оружия.

Поручик молча, подошел к выступающему из стены, круглому боку одной из печей, снял рукавицы, прижав, скрюченные от мороза пальцы к теплу и хрипло проговорил:

– Мы встречались с вами года два назад, в замке Максудова. Тогда шел разговор о ваших китобойцах, которые бросали требуху от добытых китов на входе в бухту..., ну, а ежели не помните, то давайте познакомимся заново. Я поручик Орлов, а это урядник Степанов, а вы любезный кажется, работали в компании, помощником управляющего.

– Да, да, я кажется, начинаю припоминать, мистер Орлов! – воскликнул американец. Кивая головой, пытаясь судорожно застегнуть вязаную жилетку. – Проходите, проходите к печи! Отчего же у вас такой вид? Откуда вы вообще взялись? Вы хоть знаете, что ваш правитель ушел отсюда с

гарнизонам?

– Мы? – устало прохрипел урядник, подходя к печке. – Мы спустились с того света, любезный. Про гарнизон наш знаем, а, что в таком виде заявились..., так извиняйте, через бои к вам пробивались.

– Да, да, я вас понимаю, – пробормотал американец с сочувствием, подслеповато щурясь. – Местные аборигены, мало чем отличаются от наших опачей – это правда. Меня Фреди зовут! Могу я вам чем – то помочь?

Орлов устало посмотрел на американца и с надеждой в голосе спросил:

– Все ли наши поселенцы ушли с Максutowым?

– Осталось только несколько семейных пар, да еще десятка два промысловиков..., правда я не знаю в каких они домах живут, в своих или заняли пустующие, – отозвался Фреди, услужливо кивая.

– Их, что же выселяли, или они сами в чужие хаты пошли?

– Ну, что вы, мистер Орлов! Просто, как только ушли ваши соотечественники, и отбыла наша официальная делегация, в городе начались беспорядки. У наших солдат, здесь мало развлечений. В основном они пьют и пьют сильно, вот некоторые из ваших и съехали в другие дома. У нас ведь тут из развлечений, одна пивная, назвали "Красной бочкой", бильярдный дом, да десяток девиц привезли для солдатских утех, а солдатиков целая рота. Вот они бедолаги и дерутся из-за этого по пьяному делу, а может и не только из-за это-

го, я не знаю точно. У меня отчетов целая гора, мне некогда ходить в пивную.

– Модистка Варвара тоже в Родину укатила? – прохрипел Орлов.

– Ну, что вы, мистер Орлов! Она месяцев пять назад уехала с одним из наших капитанов, в нижние штаты – любовь у них вышла. Она там хотела открыть шляпный магазин на пару с капитаном.

– Понятно, – буркнул поручик. Глядя на засыпающего и дрожащего всем телом урядника. – Отчего же гарнизон караул на пристани не держит? Пушки там не одной нет! Неужели гарнизон в роту солдат, надеется город удержать..., в случае атаки дерзкой с воды?

– Какой там гарнизон! – воскликнул Фреди. – Все солдаты гарнизона, в основном из южных штатов и как я понимаю, оказались тут за какие – то провинности. Вашему товарищу, по – моему, совсем плохо, ему нужен доктор.

– Да, это правда, – кивнув, пробормотал поручик, помогая казаку снять винтовку. – Скажите, а не отбыл ли в Родину старый лекарь Розенберг?

– Нет, что вы! Он остался и даже живет в своем доме.

– А, отчего же старый еврей..., не уехал со своей Сарой? Американец развел руками и тихо сказал:

– Жена у него померла по весне..., чахотка заела ее совсем, видать старик не хочет от могилки ее уезжать.

– Дозвольте я, ваше благородие, к Розенбергу пойду? –

просипел казак, едва шевеля губами. – Занемог я, что – то крепко..., то в жар бросает, а то в холод.

– А дойдешь? – уточнил поручик. Подозрительно глядя на шатающегося казака.

– Столько верст прошли, – прохрипел тот, со страдальческим выражением на лице, – сдюжу.

Проводив казака до двери, американец пригласил Орлова в свой кабинет, который располагался в не большой комнате, со столом у окна и металлической кроватью в углу. Большую часть комнаты от камина до подоконника занимала гора, каких – то папок с бумагами, перетянутых бечевкой. Было видно, что приказчик трудится в поте лица, совмещая работу со спарганскими условиями проживания тут же.

– Берите стул и садитесь к камину, поближе к огню. А, я сейчас кофеек сварю, – суетился хозяин у подоконника. На котором стояли какие – то чашки, кастрюли, стаканы со спиртовкой. – Не обращайтесь внимание, на беспорядок! С этой продажей – покупкой, все перевернулось в нашей размеренной жизни, сами понимаете. Раньше каждый из нас знал свою работу, отвечал так сказать только за свое, а теперь мне одному приходится отдуваться, после отъезда ваших и наших служащих. Вот, к примеру, сейчас жду корабль из нижних штатов! И груз нужно подготовить и грузчиков нанять, а самое главное бумаги подготовить. Из-за них проклятых и сию здесь! И бросить их никак нельзя, ведь в них считай вся хозяйственная деятельность компании, за послед-

ний год.

– Ну, зато теперь, ваш свободный народ можно поздравить с таким значимым приобретением, – устало проговорил поручик, садясь на стул к камину.

– Ну, хоть вы не издевайтесь над нами, – укоризненно проговорил Фреди, суетясь у окна. – Вы же понимаете, что эта земля просто обуза для моего народа! Здесь же нельзя жить нормальному человеку! Здесь же уже в августе случаются заморозки, ничего не растет из сельскохозяйственных культур. Не-е-е-т, купить эти земли, мог только наш сумасшедший госсекретарь, чтоб ему было пусто. Только наш чудаковатый Сьюард, мог выбросить деньги за медведей с аборигенами, которым место в резервации. Как будто моему народу, потратить эти деньги, да еще после такой войны, было больше некуда.

– Я думал, что эта продажа, оказалась для вас в радость, – просипел поручик. Отрешенно наблюдая за игрой огня в камине. – Как хоть прошло столь значимое событие?

– Да не было тут ничего особенного, – пожал плечами, отозвался американец. Помешивая стоящую на спиртовке огромную металлическую кружку. – Весть – то, о продаже Аляски дошла до нас еще в мае, в виде всяческих сплетен, статей в газетенках. Тогда ведь, никто особого внимания этому не предал. Ну, а сама передача состоялась недели две назад... что для вашего Максутова оказалось ударом серьезным, как впрочем, и для всех ваших поселенцев. Правитель

ваш поначалу вообще пришел в бешенство! Я, честно говоря, его таким никогда не видел злым.

– Ну, это как раз не удивительно, – сонно проговорил Орлов. – Его жизнь, как впрочем, и жизнь всех наших поселенцев здесь, была связана с освоением этих земель. Все жили, строили какие – то виды на жизнь и вдруг все перевернулось в одночасье. И, что же было дальше?

– А, что дальше, – пожав плечами, пробормотал Фреди, – запил ваш Максутов крепко. Несколько дней из замка своего не выходил, а когда появился на людях, то его словно подменили. Угрюмым стал, имущество стал распродавать. С каким – то остервенением, торговался с нашими представителями, с озлоблением. Видимо жалко было ему имущество отдавать за бесценок! Нескольких наших китобойцев избил зверски просто.

– И, что много продал?

Американец посмотрел в потолок, прикидывая, что – то, потом перевел взгляд на гостя и тихо сказал:

– Несколько баркасов маломерных с лодками, несколько домов казенных, меха, что на складе у скорняков были..., табак с мануфактурой, провизия еще была, но ее с собою на корабли забрали.

– Правитель настоящим мужиком был..., на него однажды на рыбалке медведь вышел, так он на него с ножом пошел.

– И чем все закончилось?

– Так убег медведь! Понял, что лосося ему не отдадут.

Максутов выходит, и на церемонии передачи земли обозленным был?

– Да нет, мне кажется, что к этому моменту он уже смирился с произошедшем. Смотрел на все с безразличием каким – то – это его молодая жена, принцесса Мария, сильно плакала бедняга. Впрочем, как и многие ваши колонисты. Там ведь и речи были, о нашей с вами дружбе, песни пели, из пушек палили. Поселенцам предложено было вашим, что, мол, кто хочет, может остаться, ну, а кто не хочет, чтобы готовились к отплытию... Ну остались – то не многие, хотя по началу раза в три желающих больше было. Это из-за солдат наших...

– Притеснять, что ли стали? – буркнул Орлов. Осторожно отхлебывая горячий кофе.

– Виски они стали пить ведрами, ну, а пьяный человек он ведь не ведает, что творит, да еще с оружием. Одним словом, как пошли наши солдаты по улицам песни горланить, да пустые дома обирать, большая часть ваших соотечественников, и поспешила на последний пароход.

– Отчего же, ваши солдаты так пьют? Горе, у них какое, или с радости?

Американец, сидевший за своим рабочим столом, поставил чашку с кофе и, подавшись на стуле к гостю, выпалил:

– Для них ведь служба – то здесь – это же ссылка настоящая! Они же в основном за Южан в войне воевали, а капитан их с сержантами за Капитолию. Заняться опять же, после

караула нечем, вот они и ищут себе развлечение, кто в покер играет, а кто в кулачном бою между собой бьется. У нас ведь мэр, назначенный, с делегацией укатил, для получения разъяснений по поводу управления на этих землях. Потому из Власти в городе, только капитан, что гарнизоном командует, да шериф остался, которому уже цветы поливать давно пора. Шериф кстати апартаменты вашего Максутова сторожит, прямо там и живет, мэра дожидается. Пьет тоже крепко.

– Да, весело у вас тут, – сонно пробормотал Орлов.

– Врагу такого веселья не пожелаешь! – воскликнул американец, грозя кому – то кулаком. – Это ведь теперь не город, а город приведение. И знаете почему?

– Почему?

– Потому что мы еще не умеем, как ваши поселенцы проводить ярмарки например. Конечно пройдет время и мы всему научимся – это не у кого не вызывает сомнения.

Поручик покачал головой и, посмотрев, в глаза американца проговорил:

– Дай то вам Бог, чтобы у вас все получилось тут, и получилось лучше, чем у нас. Как же теперь зовется этот город – призрак?

– Переименовали в Ситку! По – моему красиво, как вы считаете?

– Ну, Ситка так Ситка, – пожав плечами, буркнул Орлов. – Отчего же ваш капитан с шерифом не озабочены тем, что на город могут напасть?

Американец, засунув руки в карманы жилетки, удивленно спросил:

– А, кому мы нужны?

– Не знаю..., англичанам к примеру.

– Англичане с испанцами опоздали здесь, что – то столбить, я так думаю уже навсегда. Впрочем, и они знают, что близость наших портов в нижних штатах – это не далекий Петербург. После передачи этих земель под нашу юрисдикцию, на политической сцене уже совсем другая конфигурация складывается, да и наш народ, как и вся страна, уже не те, что были раньше. Нация объединена, а потому сильна как никогда.

– А как же быть с индейцами? – устало спросил поручик. – Я только что прошелся по их землям и, что – то не видел радости на их лицах. Нас пытались сбросить в океан, разорвать лошадьми, и сжечь на костре.

– Ничего мы найдем на них управу, – твердо возразил Фреди. – Наши индейцы тоже пытались хвататься за оружие, отказывались проживать на отведенных им землях. У нас богатый опыт по укрощению первоначальных народов! Меня, как и многих моих соотечественников пугает другое.

– Что именно?

– Мы боимся, как бы в нижних штатах не забыли об этой покупке! Мы даже готовы принять здесь все тюрьмы из нижних штатов, лишь бы про нас помнили. Уж слишком у многих эта покупка вызывает лишь раздражение и это все на фо-

не, когда нация с жаром и негодованием обсуждает жестокое убийство президента Линкольна, смакует повешение его убийцы с тремя пособниками. Все взахлеб обсуждают, подкинутую газетчиками историю, как убиенный Авраам стал бродить призраком по Белому дому. Граждан моей страны беспокоит, что станет с их акциями, которые упали в цене во время войны! Какая уж тут Аляска с ее аборигенами, лесами и холодом со снегом?

– Понятно, – со вздохом проговорил Орлов. – Скажите, Фреди, за последнюю неделю, никто из моих соотечественников не приходил в город? Я шел с отрядом казаков, наш караван вез муку...

– Я бы знал об этом непременно, – пожав плечами, отозвался тот, – но можно уточнить у капитана или у шерифа. Я бы, кстати, порекомендовал мистеру, Орлову, заглянуть к последнему и засвидетельствовать так, сказать свое почтение – он это любит.

– Спасибо, за совет, – сказал поручик, надевая шапку, – я так, пожалуй, и сделаю. Загляну к вашему шерифу сейчас. Где его можно сыскать?

– Так в доме Максутова. Может еще кофе?

– Спасибо, Фреди, в другой раз. У меня пожалуй будет еще вопрос..., не оставлял ли для меня кто-нибудь весточку? Или для полковника Калязина?

Американец пожал плечами и твердо проговорил:

– Нет, господин, Орлов, никто и не чего не оставлял.

– Тогда могу я попросить вас по старой дружбе, если появятся новости для меня, или придет кто – то из моих соотечественников, найдите меня у Розенберга.

– О, кей, мистер, Орлов, я непременно дам знать, если будут новости. У меня же в конторе теперь как на Восточном базаре, все новости стекаются под эту крышу. Все же по привычке сначала в контору идут!

Выйдя на улицу, поручик поправил ремни винтовок на плече, поднял воротник полушубка и медленно зашагал к бывшей резиденции МаксUTOва, подгоняемый ледяными порывами ветра, который гнал по улице колючую поземку.

"Вот он, не почетный финал этой грустной истории, – с каким – то внутренним опустошением думал Орлов, – вот он позор империи, в котором ему пришлось принять участие. Наверняка, сейчас все недруги империи, коих великое множество злорадствуют и зубоскалят. Ведь всем понятно, что продажа Аляски – это слабость России. Наверное, прав был староста, когда говорил, что это не продажа куска земли – это начало распада страны. Прав конечно был американец по своему, когда говорил об англичанах, у коих теперь здесь сложилось крайне затруднительное положение, из – за нового политического пасьянса. Ведь из – за этой сделки, их владения в Америке, попали в тиски между новыми владениями американцев и их нижними штатами. Неужели ничего нельзя было сделать как – то по – другому? Почему обязательно надобно было продавать? Да, еще с такой поспешно-

стью и скрытностью, когда даже сам Максutow ничего не знал до последнего момента. Может тут крылось чье – то личное денежное возмездие? Например того же барона Стекля или группы лиц приближенных к императору, да интересно было бы знать правду. И вот теперь, он русский офицер Орлов, должен идти чуть ли не на доклад, о своем прибытии к какому – то шерифу... Что же надобно предпринять мне с урядником? Судя по всему, нас здесь никто не ждет... Не выходили и люди из обоза полковника Калязина сюда..., мистика, какая – то. Что же с вами могло приключиться в пути, и вы словно растворились в этих чертовых лесах?... Что же нам теперь делать?..."

Наконец он добрал до площади, где еще совсем недавно, так бесславно закончилась история Русской Америки. Орлов остановился и с тоской посмотрел на каменный двухэтажный дом, в котором когда то проживал Максutow и над которым теперь гордо трепетал звездно-полосатый американский флаг.

Массивные входные двери, расположенные между четырьмя колоннами оказались, не запертыми и он без труда вошел в парадный зал, где еще совсем недавно правитель устраивал приемы иноземным гостям с торговых судов. Орлов стянул шапку и медленно огляделся. В отличие от конторы Фреди здесь мало что изменилось, лиши гвозди, в дорогих обоях напоминали, о когда – то висевших на этих местах картинах. Как и раньше с гудением горел камин, выло-

женный из декоративного красного камня, на своих местах стояли массивные, резные стулья вокруг огромного стола с резными, гнутыми ножками, чуть дальше рояль, на котором играла принцесса Мария и большой кожаный диван. На котором спал какой – то человек, укрывшись вместо одеяла китайским ковром, который когда – то висел на стене в одной из спальных комнат правителя.

Какое – то время гость стоял в нерешительности, не зная как поступить, глядя то на черную широкополую шляпу из под которой раздавался могучий храп, то на большую, бронзовую резную люстру с оплавленными огарками свечей, отлитую под осьминога с большими щупальцами.

– Где я могу найти шерифа? – произнес поручик громко.

Храп мгновенно прекратился, а из-под ковра показался подрагивающий ствол револьвера.

– Ты кто такой, сынок? – рявкнул сонный голос.

– Я поручик Орлов, подданный Российской империи, – медленно проговорил гость. – Фреди, что в конторе работает, сказывал, что надобно явиться к шерифу для доклада, если ты вновь прибывший, да еще и вооружен.

– Фреди, все правильно сказал, – отозвался полноватый, не большого роста крепыш. С трудом выбираясь из – под ковра. На вид ему было за шестьдесят, коротко стриженная седина, дряблая кожа на лице, с большими мешками под глазами. Широкие цветастые подтяжки, мятая рубашка в крупную клетку, черные штаны, делали его похожим на обыкно-

венного старика, прилегшего отдохнуть. – Так ты один прибыл к нам, или еще кто с тобой пришел?

– Со мной еще казак прибыл, только занемог он в дороге, и я отправил его сразу к лекарю.

– К Розенбергу, что ли? – уточнил шериф. Кряхтя, одевая на ноги, чулки из оленьей шкуры.

– Точно так.

– А чего видок, помятый? Тяжелый путь пришлось пройти?

– Мы с боем пробивались сюда, через земли индейцев, – устало проговорил Орлов, глядя в лицо шерифа.

– Вот оно, что? Аборигены почувствовали запах свободы? У нас в нижних штатах, с ними тоже были натянутые отношения, они тоже хватались за ружья, и не желали жить в отведенных для них резервациях. Но мы добились своего, думаю, что и этим местным жителям, мы укажем на их место под солнцем. Меня зовут Билл, рад нашему знакомству и предлагаю отметить его по глотку виски. Что скажешь?

– Ну, если только по глотку, – кивнув, отозвался поручик.

– Свой арсенал можешь поставить в угол, уверяю тебя, аборигены не посмеют войти в город.

Орлов поставил винтовки и, сняв шапку, сел на один из стульев к столу, глядя на нового знакомого, с давно не бритым красным круглым лицом, в заячьей жилетке, на груди которой красовалась звезда шерифа.

– У меня хорошие хлебные виски, – бормотал шериф. До-

ставая из буфета в соседней комнате, квадратную бутылку со стаканами. – И солонина есть с маисовыми лепешками, сейчас я тебя угощу нашими сэндвичами.

Поставив угощение на стол, шериф, крихтя, уселся напротив и, открывая, бутылку проговорил:

– Давай, сынок, выпьем не только за знакомство, а еще и за то, чтобы наши народы всегда жили в дружбе и согласии. Сына ты мне напоминаешь, так что не обижайся, что я тебя так называю.

Выпив залпом обжигающий напиток, Орлов с жадностью съел несколько сэндвичей и только после этого сказал:

– В городе должен объявиться опасный преступник Чарли, а может и уже объявился. Его преследовал пинкертонец с охотниками за головами... , к сожалению, все они погибли. Вам ничего не известно об этом негодяе?

– Что мне тебе ответить, мистер Орлов? Бандитов развелось столько, что память не способна удержать все их поганные, клички и имена, тем более со всех наших штатов. Возможно, когда-нибудь мы и создадим книги или альбомы со всеми их рожами, привлечем для этих целей ученых, и будем знать, кто и куда из них направляется, а сейчас это не возможно. Пинкертоновца жаль конечно, с его товарищами, но про этого Чарли я ничего не знаю. Ну, а за то, что подсказал, спасибо, тебе конечно, я буду иметь в виду.

– А как вы хотите собрать, коллекцию фотографий всех преступников? Их же для этого надобно сфотографировать!

Вы же не будите посылать фотографов в погоню за преступниками с треногами, самими камерами фотографическими, да еще и с магниевыми осветительными вспышками.

Шериф, разливая очередную порцию виски, посмотрел на гостя и подмигнув, ответил:

– Ничего, мы научимся делать и это, а если надо будет, привлечем серьезных ученых. Вот в прошлом году наш знаменитый сыщик с Боустрит Годдард, смог найти убийцу по пули, которую извлекли из трупа.

– Как же можно найти лиходея по пули? – с сомнением уточнил гость. Чувствуя как растекается по телу тепло от выпитого.

– А ему это подсказал один инженер, который работал в металлургическом бизнесе. Они играли, как – то в доме Годдарда и тот, показал инженеру вытащенную пулю. Инженер присмотрелся к улике, и указал сыщику на еле заметную щербинку, посоветовав найти форму для отливки свинцовых пуль с таким дефектом.

– И, что было дальше? – сонно спросил поручик.

– А то, что вскоре в одном из бандитских притонов, сыщик нашел эту самую форму, а заодно и арестовал ее хозяйна. Дефект на форме в точности совпал с отметиной на пуле! Ну, как тебе эта история?

– Потрясающе, – кивнув, пробормотал поручик.

Шериф сделал глоток из стакана и, поморщившись, сказал:

– А насчет людей, работающих на Пинкертона..., я недолюбливаю этих выскочек. Они думают, что только они способны навести порядок на улицах наших городов. Но за новости, спасибо, тебе конечно, я буду это иметь ввиду. Кстати сколько всего в банде этого Чарли головорезов?

– В банде человек пять, а может и больше. Еще мне известно, что сюда на всех парах движется английский караван, на борту головного судна, самые свежие карты глубин прибрежной полосы.

– С десантом? – насторожился шериф.

– Возможно и так, а у вас на причале нет, не одной пушки!

– Какие пушки? – воскликнул Билл. – У наших солдат из пехотной роты, только винтовки и револьверы! Какие – то умники в конгрессе посчитали, что этого будет достаточно.

– Я счел своим долгом предупредить союзников, – отозвался глухо поручик. – Спасибо, за виски, мне надобно идти. Честь имею!

Попрощавшись с шерифом, Орлов вышел на улицу и медленно побрел, утопая в снегу к дому старика Розенберга. После разговора с Биллом, у него сложилось впечатление, что американцы пока так и не решили, что нужно делать с этой далекой колонией.

Не прошло и получаса, как поручик уже обнимался с плачущим стариком, который, как и год, назад был одет в красную косоворотку, в своих домотканых штанах, заправленных в валенки.

– Здравствуй, здравствуй, Давид Маркович, – хрипел поручик, простуженным голосом, – уж и не думал, что Господь дозволит снова свидеться. Ну, чего ты плачешь?

– Это..., это я от радости, – шептал старик. Смахивая полной овчинной безрукавки слезы. – Я действительно чрезвычайно рад видеть тебя, Константин. Думал уже тоже, что на этом свете и не доведется свидеться! Ведь вы как ушли в последний раз, словно в воду канули. Какие только слухи не ходили! Я ведь из – за вас даже к правителю подходил, да он тоже ничего вразумительного насчет вас не сказал.

– Урядник мой появлялся?

– Накормил я его, микстуру дал, спит раб божий как младенец. Изможден он крепко, я бы даже сказал до крайности..., да и тебе смотрю досталось, проходи в избу.

– Есть малость, – со вздохом проговорил, Орлов заходя в дом. – И простужен малость и поранен, но самое главное Господь дозволил до вас добраться.

– Это уж точно! Сейчас и тебя начнем на ноги ставить, проходи, раздевайся, артиллерию свою можешь на кухне поставить. Скажи мне, Константин Петрович, чем же мы так империи не угодили своей? Почему нас, как стадо баранов продали?

Офицер поставил в угол винтовки, медленно снял шапку с рваным полушубком и с трудом сев к столу сказал:

– Не знаю, Давид Маркович... Смекаю так, что на поступок сей могли толкнуть только важные резоны, о коих мы

просто не знаем. Другого объяснения у меня нет... О горе твоём узнал, прими соболезнование, жена у тебя душевным человеком была, упокой господи её душу.

– Спасибо, тебе..., шесть месяцев почитай, как прошло, – отозвался старик дрожащим голосом, протягивая стакан с настойкой. – А, я не поверишь, до сих пор с ней разговариваю..., она ведь – это все, что у меня было. Деток – то нам Господь не дал..., вот так и живу, значит.

– Из-за нее значит с поселенцами не ушел?

– Конечно, – отозвался тот, всхлипнув. – Раз Сара в этой холодной землице лежит, то и я хочу рядом с ней лежать, когда Господь призовет. Меня Максутов с собою звал, обещал похлопотать о практике в родной губернии..., да поздно мне уже кататься, как шарик по жизни. Прикипел я уже к этому суровому краю, уважают опять – же и городские, и индейцы за дела мои бескорыстные. Буду здесь свой век доживать, с верой в то, что новые жители не распусят слух о "черной смерти" исходящей от евреев, замысливших истребить христиан путем отравления колодцев.

Орлов залпом выпил горькую настойку на травах и, поморщившись спросил:

– Ты про те времена говоришь, когда твоих предков вырезали целыми общинами?

– Да, Константин Петрович, про них окаянных, когда в течение года были сожжены все евреи от Кельна до Австрии. Вот и живу теперь с надеждой и упованием на Господа, что

здесь не наступит конец всему еврейству и что завершились уже все темные предсказания пророков. Да, что же это я философствую, а ты голодный сидишь? Сейчас я тебе мяска нажарю, как ты любишь.

– Думаю, что здесь тебе, это грозить не будет, – сонно пробормотал Орлов, прислонившись спиной к горячей печке.

– Почему так думает, господин офицер? – покачав головой, спросил старик, хлопоча у печки.

– Потому что истребление евреев, как и ограбление ордена храмовников, было связано с деньгами... я не думаю, что скромная и уважаемая фигура старика Розенберга озаботит кого – то здесь.

– Эх, Константин Петрович! Долго ли придумать повод? Например, обвинить меня в употреблении христианской крови в ритуальных целях, как уже было в нашей истории...

Они еще долго сидели со стариком на кухне, после злой бани с хвойным веником, при тусклом свете керосиновой лампы, вспоминая о прошлой жизни, которая так нелепо оборвалась на этих землях. Лишь глубокой ночью старик оставил заснувшего прямо за столом офицера, который наотрез отказался идти на печь.

Однако спокойно поспать, Орлову было не суждено, уже через несколько часов в окно кто – то постучал.

– Сиди здесь, – проговорил Розенберг, спешно надевая зипун, – свет не зажигай. – Я сейчас узнаю, кого там к нам

принесло.

Сжимая в потных руках рукоятки револьверов, поручик занял оборону у окна. Прислушиваясь, как стучит собственное сердце, стараясь понять, что происходит на улице. Вскоре вернувшийся старик, пожал плечами и тихо прошептал:

– Там тебя, Константин Петрович, какой – то человек спрашивает. Одет вроде простецки, на промысловика похож, но говорит как человек благородный.

– И, что ему надобно?

– Говорит, что по очень важному делу, – пожав плечами, отозвался старик. – В избу идти отказывается, просит, чтобы ты вышел к нему.

– Может американец, какой?

– В том то и дело, что лицом русский!

– Ладно, сейчас глянем, кому это я потребовался в столь поздний час. Двери за мной запири и за порог ни шагу!

Надев полушубок, и сунув в карманы по револьверу, Орлов медленно вышел на улицу, озираясь по сторонам. Недалеко от дома, действительно стоял бородатый незнакомец в коротком зипуне, огромной волчьей шапке, в оленьих чулках на ногах.

– Слушаю вас, любезный, – проговорил поручик, медленно подходя к позднему визитеру.

– Вы действительно поручик Орлов? – спросил тот, оглядываясь по сторонам.

– Ну, допустим и чем обязан?

– Тот самый, который шел с обозом полковника Калязина? – продолжал допытываться визитер.

– Да, кто вы такой, чтобы посреди ночи, ко мне с расспросными речами приставать? – разозлился офицер.

– Просто скажите – это очень важно, – прошептал неизвестный.

– Да это я! И что из этого следует?

– Тогда запомните все, что я вам сейчас скажу, – горячо зашептал незнакомец. – Скоро на внешнем рейде, отдаст якорь один парусник из Амстердама, на берег сойдет человек по купеческой надобности. Вам надобно будет с ним встретиться, например в "Красной бочке". Он скажет вам, что следует делать далее.

– Почему я вам должен верить?

– Ну, хотя бы потому, что выбора у вас нет. Встретитесь с человеком, и для вас все встанет на свои места!

– Хорошо, допустим, я вам верю... Когда придет корабль, и как я узнаю этого человека, который сойдет на берег? – медленно проговорил Орлов.

– Если меня правильно информировали, то вы не собираетесь присягать новой власти и вероятно ищите пути, как вернуться в Родину. Это так?

– Да это так, но вы не ответили на мой вопрос.

– Вот и похвально! Парусник придет в эту пятницу, а это значит, что как только вы узнаете о его прибытии, вам надлежит быть в пивной. Человек, который придет к вам на встре-

чу, положит на стол черепаховую табакерку с нюхательным табаком. Именно по этой табакерке вы и узнаете его.

– И, что далее?

– Если увидите у человека оную табакерку, а из разговора узнаете, что он держит путь на Гавайские острова, то вам надлежит вместе с урядником, перейти в его распоряжение. У него на паруснике, для вас с казаком вдруг образуется вакансия, корабельного плотника и парусных дел мастера. Вам все понятно?

Орлов стиснув зубы, смотрел, на незнакомца не зная, как следует себя вести дальше. Оглянувшись по сторонам, он посмотрел в упор на позднего визитера и с жаром прошептал:

– Почему я вам должен верить? Я вот сейчас возьму тебя под арест, да и сдам местному шерифу! И пушай он разбирается, чьих ты будешь, господин хороший!

Незнакомец улыбнулся в бороду и тихо произнес:

– Глупо, Константин Петрович! Хотя я понимаю, почему вы не доверяете мне, но сделайте, именно так как я говорю. Я знаю, что для вас выдался тяжелый переход и то, что вы вышли с казаком живыми – уже чудо. Знаю так же, что вы честно выполнили свой долг перед империей, выходя то из одного, то из другого окружения, нажив при этом много опасных недоброжелателей. Поэтому не покидайте пределы города, а еще лучше переселитесь, поближе к казармам солдатским, они стоят на постое в здании бывшей школы.

– Я знаю, где они стоят.

– Вот и ладненько! А еще лучше подружитесь с шерифом, ему сейчас, кстати, ох как нужен толковый помощник. В доме Розенберга больше не ночуйте – поверти для вас это очень опасно. Старика с урядником могут и не тронуть, а вот ваша голова как оказывается дорого стоит.

– С чего бы это вдруг, моя голова стала стоить дорого? – едва сдерживая раздражение, выпалил поручик.

– Потому что вы, ваше благородие, человек не просто казенный, а отправленный в эти края по специальному приказу, для ведения скрытных дел, кои не должны получить огласки, не при каких обстоятельствах. Урядника вашего в расчет не берем, так как он не знает всех обстоятельств.

– Кто же вы такой, черт побери?

– Рассматривайте меня, Константин Петрович, как одну из скрытых пружин Российской империи. Империи, которая как видите, помнит о вас и готовит ваше благополучное возвращение.

– Не смешите меня, – с горькой усмешкой, отозвался поручик. – Зачем нашей империи, какой – то поручик? Империя распродает земли по дешевке, как залежалый товар в лавке старьевщика. Империя продает огромные территории, вместе со своими подданными, даже не предупредив их об этом!

Незнакомец прищурившись, посмотрел на собеседника и с металлом в голосе произнес:

– Это решение политическое, а мы с вами люди военные,

посему давайте не будем обсуждать решение правительства, и уж тем более давать оценку решениям принятым государем.

– Хорошо, давайте не будем! Скажите тогда, что стало с обозом полковника Калязина, с которым я шел? – облизнув обветренные губы, выдавил офицер.

– Я этого не знаю, Константин Петрович, и боюсь, что это останется для многих тайной за семью печатями. Вы хорошо запомнили, что вам нужно будет сделать?

– Более чем! А человек этот торговый, точно придет на встречу?

– Привратник будет непременно, и хочу вам дать один совет..., будем считать по старой дружбе. Видите себя наперед по дружелюбнее – связник может оказаться в звании повыше вашего. Чтобы конфуза ни приключилось!

– Хорошо я учту это, – кивнув, буркнул офицер. – И все же мне кажется, что вы знаете, что стало с обозом полковника! Намекните хотя бы, живы они или нет!

– Я не знаю про сие, – проговорил тот, покачав головой. – Могу, если желаете подтвердить это крестным знаменем. Одно хочу сказать, что вам много придется по прибытию в Родину, объясняться на сей счет в рапортах. У Розенберга больше не ночуйте, потому, как уже завтра все вокруг будут знать, где вы встали на постой. Ну, не поминайте лихом, Константин Петрович! Искренне завидую вам, что скоро достигните родных берегов. Честь имею!

Уже давно ушел поздний визитер, уже давно стихли его шаги и скрип снега, а Орлов все продолжал стоять, нервно дымя сигарой подаренной шерифом, напряженно думая обо всем услышанном. Его терзали сомнения, но явных оснований не верить этому так и не представившемуся человеку не было – он слишком много знал. Причем знал фамилии и детали, которые говорили о его статусе. Да и из-под простенькой одежды визитера, выглядывала офицерская выправка.

Поручик знал, что уже давно в агентурную работу наряду с конфидентами и прикормленными людьми, все больше привлекались кадровые офицеры империи, со своими высокими идейными убеждениями и духовными ценностями. Многие, из которых после успешно выполненных поручений, оставлялись на секретной службе. Именно от таких людей Российская империя получала все больше ценной информации со всего мира, именно такие скрытые "пружины империи" давали возможность принимать важные политические и военные решения. Так в различных уголках мира, под различными легендами и в чужом облики, оттачивались и ковались, опыт и мастерство военного разведчика.

Взволнованный голос Розенберга вернул его к суровой действительности.

– Может подсобить чем? – крикнул тот через калитку.

Сжимая в руках двустольное ружье.

– Да нет, Давид Маркович, не стоит, – со вздохом отозвался поручик, – идем в избу, а то зябко больно.

Зайдя в дом, Орлов уговорил старика ложиться и не волноваться не о чем. Сам же сел за столом, в жарко натопленной кухне и, скрестив руки на груди, глядя на мерцающий огонек керосиновой лампы, вновь погрузился в размышления. Он снова и снова, возвращался мысленно к разговору с ночным визитером, возникшим не откуда и растворившимся в ночи.

"Значит, не бросила нас империя, значит, нужны мы еще трону, – думал он и чувствовал, как наполняется гордостью сознание, за свое Отечество".

Закончилась та не определенность, которая мучила и душила, озлобляя душу. Теперь же все вставало на свои места, обретало смысл, появились очертания мира, в котором они жили и боролись, понуждаемые не только присягой и военными артиклями.

Уже под утро ход его мыслей нарушил хозяин, который зайдя, на кухню спросил:

– Не помешаю, Константин Петрович?

– Что ты, Давид Маркович, – сонно отозвался тот, – проходи, присаживайся.

– Вижу, гость ночной важные вести принес?

– Д-а-а-а, теперь хоть, что – то стало проясняться в нашей с казаком судьбе... Теперь к отъезду будем готовить-

ся... Может, и ты с нами отправишься?

– Шутишь, ваше благородие? Кому нужен в Родине старый еврей? Вся моя жизнь сознательная прошла туточки..., вместе с Сарой, царствия ей небесного. Да и года свое уже берут – это вам молодым легко на крыло вставать, а нам уже о квартире вечной думать надобно. Это вам в империи, которая меняется стремительно себя найти легко.

– Откуда про перемены ведомо?

– Мир слухами полнится, – пробормотал старик, – купцы с мореходами про то много сказывали.

– Россия всегда была и будет Россией, что бы там купцы не говорили.

– Так – то оно конечно так, – поморщившись, проговорил Розенберг, – только ведь в умах у сословий разных, уже другие мысли бродят. Другие песни поют, другие разговоры ведут. Где же это видано было, чтобы подданные империи, на полном серьезе обсуждали нужно ли самодержавие?

– А сам считаешь, что для державы конституция не нужна?

– А, что тут думать и считать, – вздохнув, отозвался врач, – всяческая конституция для нашей империи губительна. Зло это для нас величайшее!

– Почему так считаешь?

– Да, потому что заглавную роль в этой песни, завсегда играет дворянство, а оно, уж извиняй, Константин Петрович, самое гнилое сословие. Не все конечно, но в основном.

Орлов с удивлением посмотрел на старика и озадаченно проговорил:

– Ты прямо как наш инженер покойный Неплюев заговорил.

– А, что инженер, упокой Господи его душу! Не только он один уже давно разглядел под золотом мундиров породу подлую, да гнилую.

– Но ведь как, ни крути, Давид Маркович, нет покуда никакой другой силы.

– Так и я про тоже самое говорю! – с жаром выдохнул старик. – Силушке новой вырасти надобно, на ноги крепко встать, а тогда уже и про конституцию помыслить можно.

– Давай закончим этот разговор крамольный, а то мы так и до любимого Неплюевым Бакунина или Маркса договоримся. Это ведь тот самый господин, который философствует о диктатуре пролетариата, о построении коммунистического общества и прочем мракобесии.

– Ну, я – то труды этого господина не читал, не знаю, а вот о Бакунине от нашего учителя в школе наслышан.

– И, что же говорил учитель школьный об этом господине?

– Я так смекаю, что вредны пока для империи все эти разговоры. Все эти призывы и лозунги, всколыхнут лишь бунтарские настроения в державе, ну а для усмирения", умов горячих", потребуется, как это водится армия. А разгонять народный бунт солдатами – это же последнее дело! Не-е-ет,

не время сейчас лодку раскачивать – это ведь будет концом для империи. Тревожные звоночки уже звонят по всей державе и что – то мне подсказывает, что это только начало.

– Давид Маркович, имеет в виду покушение на императора?

– И это конечно и многое другое...

– Понятно... Скажи мне, скоро ли наш урядник в строй встанет?

Розенберг пожевал губами и тихо проговорил:

– Раны не столь опасны, как хворь его простудная, да смертельная усталость на нем лежит – возраст свое берет. Режим ему нужен постельный, да и тебе отлежаться не помешало, чай не железный ведь.

Орлов покачал головой и, разведя, руками сказал:

– Я бы с удовольствием, Давид Маркович, да видать не судьба..., труба зовет, да и съезжать мне от вас надобно, чтобы беду не накликать.

– Это еще почему? Али не угодил чем старый еврей?

– Врагов я в переходе последнем много нажил, и среди иноземцев, и среди индейцев, и среди людей торговых. Если бы тут наш гарнизон стоял – это одно дело, а так... Черт его знает, что у врагов наших на уме! Одним словом, через меня в этот дом беда может войти, а я этого не желаю. Вы с казаком люди маленькие, с вас и спросу нет, а мне съезжать надобно, да к отъезду готовиться.

– А как же свои повязки менять будешь?

– Ничего сдую, да и до отъезда уже немного осталось.

Старик опять пожевал губами, что – то, прикидывая, и произнес:

– Оно, конечно, тебе виднее. Ты офицер, человек военный, а значит, в этом деле тоньше смекаешь. Раз так надобно, значит, тому и быть... Только куда же ты пойдешь?

– Не бойся, Давид Маркович, вон здесь, сколько теперь домов брошенных, поселись где-нибудь!

Рано утром, когда рассвет еще только начинал серебрить первыми лучами солнца макушки деревьев, поручик, простившись со стариками, отправился в контору к Фреди. Который уже сидел за своим столом обложившись бумагами, отчаянно щелкал костяшками на счетах.

Увидев столь раннего гостя, временный управляющий расплылся в вымученной улыбке, и устало предложил садиться поближе к теплу.

– Хорошо, что заглянули мистер, Орлов, а то я тут уже, сам с собою говорить начинаю. Сейчас я кофейку сварю, да перекусим с вами, если не возражаете.

– Завтраком меня уже Розенберг угостил, а вот от кофе вашего не откажусь, – отозвался офицер, садясь к камину. – Смотрю, дела бумажные покоя не дают?

– Задушили совсем проклятые, – признался тот, не отрываясь от бумаг. – С одной стороны акционеры отчетов ждут, с другой скотобойни отгрузку кускового льда требуют. И как мне тут разорваться, просто не знаю! Теперь ведь людей на

резку, и пересыпку льда солью, скоро не найдешь! Людей не хватает, кораблей не хватает, одним словом, с отъездом ваших соотечественников, вся работа полетела в тартарары! И когда тут теперь все наладится одному Богу известно.

– Я конечно человек военный, – проговорил гость, грея пальцы рук у огня, – но мне кажется, что дела в нашей с вами компании, надобно было устраивать по другому. Вы не находите?

Американец, отложив бумаги, подошел к окну, зажег спичкой спиртовку и сказал:

– Пожалуй, я соглашусь с вами, только не забывайте, что нам приходилось прислушиваться к планам ваших чиновников. Хотя впрочем, я не уверен, что у нас получилось бы гораздо лучше. Мне вообще кажется, что наши начальники даже не представляют себе, с чего здесь нужно начать, и что здесь должно быть, в конце концов. Одно знаю точно, что в края эти нужно вложить кучу денег, что бы хоть как – то начать развивать эти земли. Вопрос, где их взять? Какой сумасшедший будет вкладывать сюда миллионы долларов? В эти снега и скалы, в этих туземцев, воняющих псиной и холод! Не-е-ет, эта покупка, грандиозная ошибка! Или, что еще хуже – это продажность нашего госсекретаря, которой со своей бредовой идеей округления территорий, совсем сошел с ума.

– Ну как знать, – буркнул поручик, прикуривая окурок сигары. – Возможно ему с высоты своего положения, все видится по другому.

– Вы хотите сказать, что он настолько прозорлив? – уточнив, хмыкнул Фредди, позвякивая стаканами. – Это же просто смешно! Ваш посланник, этот самый барон все правильно рассчитал, в отличие от наших конгрессменов – он знал на какой мозоль надавить нашему старику. Все знают, его страсть и любовь, к бредовой доктрине Монро, привела к этой покупке. Этот не нормальный считает, что юрисдикция Соединенных Штатов должна кончаться там, где кончается Северо – Американский континент. Не-е-ет, ваш барон знал, что делает и каков будет итог! Не случайно он заявился прямо в дом к госсекретарю и, не откладывая в долгий ящик, сделал свое коварное предложение.

– Прямо домой заявился? – покачав головой, уточнил Орлов. Морщась от дыма сигары.

– Ей богу, правда! – выпалил американец, помешивая кофе. – Лично читал в газетах, что именно так все и было. Что уж он там наговорил нашему Сьюарду, конечно одному Богу известно. Только уже к вечеру, наш сумасшедший старик погнал курьеров, чтобы собрать всех работников государственного департамента.

– И, что же было дальше?

– Вы, не поверите мистер, Орлов, они собрались и работали всю ночь! Уже к четырем часам утра, тридцатого марта, договор был скреплен печатями. Ну, как вам нравится такая спешка?

– Да, резвым оказался и наш барон и ваш старик госсек-

ретарь, – буркнул поручик.

– В том – то и дело, наш – то старик как разошелся! – захохотал американец, разливая в стаканы кофе. – Нет, тут не обошлось без крупной взятки, как мне кажется!

– Интересно, за какую же цену, вы прикупили, у нас сей кусок земли?

– Газеты писали, что за семь миллионов и двести тысяч американских долларов! – выпалил Фреди. – Это же просто немыслимо!

– Всего за семь миллионов и двести тысяч американских долларов, – прошептал Орлов, беря горячий стакан с кофе. – Может еще пройдет, какое – то время и ваш народ оценит сие приобретение? Такое ведь тоже может быть?

Американец махнул рукой и криво усмехнувшись, проговорил:

– Думаете, со временем тут станет теплее, и зацветут сады? Не-е-ет, мистер, Орлов, здесь никогда не будут пахать землю, выращивать маис или виноградную лозу, точно также как и местные жители, никогда не станут высокообразованными людьми. Мы с вами знаем, что никогда и не один акр этой земли, не станет плодоносящим, а аборигены, всегда будут жить у костров своих предков. Со своими обычаями, нравами, подлым характером и они всегда будут видеть в нас своих врагов, а при удобном случае стрелять в спину.

– Может вы, просто сгущаете краски, и все не так мрачно как кажется?

– Все, обстоит именно так, как я говорю! Вот вчера ко мне заходил вечерком один солдатик и рассказал весьма поучительную историю, которая происходила у него на глазах. Хотите послушать?

– Ну, что же любопытно, не откажусь послушать свежие новости.

– Вчера ближе к вечеру к одной из сторожевых вышек, вышла делегация аборигенов. Требуя начальника гарнизона! Вы представляете наглецы?

– И чего хотели дети леса?

– А вы не поверите! Они добились того, чтобы с ними встретился наш начальник гарнизона! У которого они стали требовать выдать им русского генерала! Ну как вам это нравится?

Орлов вдруг почувствовал, как заныло в груди, словно эта безобидная история касалась напрямую его, поручика Орлова. Не показывая волнения, он с безразличным видом уточнил:

– Если я правильно вас понял, то они требовали выдать нашего бывшего правителя? Ведь только его можно было отнести к званию генерала.

– Эх, мистер, Орлов! Кто же их поймет, чего им надо на самом деле! Капитан им объясняет, что русские ушли отсюда на Больших лодках, а они знай, себе бубнят одно и то же, мол, знают, что русский генерал здесь. Как с ними можно о чем – то договариваться? Дикари – одно слово!

– И о чем договорились?

– Да, не о чем! О чем можно договариваться с этими аборигенами, если генерала все одно нет! Да, даже если бы и был – вы же наши союзники, к тому же проверенные в испытаниях и невзгодах. Так, что у этих наглецов ничего бы не получилось, при любых раскладах. Жалко, что теперь у нас с ночи военное положение капитаном объявлено – это значит, что теперь не войти в город нельзя и не выйти из него. А как теперь народ собирать на заготовку и погрузку кораблей? Придется к местным промысловикам идти, да в ноги падать.

– Понятно, – пробормотал поручик, ставя пустой стакан на стол. – Сегодня у нас четверг, по – моему?

– Точно, он самый. Может еще кофейку?

– Нет, Фреди, спасибо. А меня с казаком никто не искал?

– Нет, мистер, Орлов, я бы сказал! Я прекрасно понимаю как для вас это важно.

– Скажите, Фреди, а какие корабли должны прибыть в ближайшие дни?

– Точно знаю, что завтра будут два швартоваться у причала.

– Значит завтра... А чьи они?

– Так с Сан-Франциско ждем, за льдом они придут и деликатесами.

Орлов озадаченный услышанным, медленно одел шапку и, посмотрев на американца уточнил:

– А ваш шериф, что за человек?

– Шериф? Ему внуков нянчить надо, а его в эти снега за-садили! А так, человек он справедливый, поможет всегда если что. Сам он родом из Ирландии, из очень бедной семьи, его родители привезли в Нью-Йорк еще ребенком. В общем, хлебнул он с детства и нужду, и нищету, отца опять же бандиты убили, мать его недолго пережила. Так что он с раннего детства работал, искал так сказать свою американскую мечту.

– В итоге нашел ее в полиции? – спросил поручик, направляясь к двери.

– Да, в итоге оказался в полиции. Начинал с рядовых, работая в самом так сказать пекле – на улицах нашего славного Нью-Йорка.

– Его сослали сюда, потому что он был плохим полицейским?

– Скорее наоборот, – отозвался американец. Вновь садясь за стол. – Он слишком рьяно выполнял свои служебные обязанности. Вел так сказать борьбу, как с бандитами, так и с продажными полицейскими и политиками. Поэтому и оказался здесь!

– С политиками?

– Что поделаешь мистер, Орлов, – это в наших нижних штатах, к сожалению, очень распространенное явление. Наши политики на улицах скупают голоса избирателей как семечки или арахис, и их не смущает, если эти голоса имеют уголовное прошлое или настоящее. А ведь выборы для нас

американцев, имеют большое значение. Наш шериф, между прочим, лично знал мадам Ма – Модельбаум!

Орлов посмотрел на американца и, покачав, головой уточнил:

– Это не ту ли сто двадцати килограммовую даму, про которую писали все ваши газеты? Которая, по моему занималась скупкой краденного?

– Ее любезную! – кивнув, воскликнул Фреди. – Наш Билл с товарищами, долго охотился за ней, за этой королевой по скупке краденного. Которая, даже умудрилась держать школу воров, финансировать грабительские нападения, ну и конечно продажных политиков.

– Которые, придя к власти, прикрывали ее темные делишки?

– Вот именно! Наш шериф с коллегами, однажды сильно прижал адвокатов этой самой леди Ма, а заодно и известных негодяев Большого Хау, с Крошкой Эмба и те стали давать показания.

– На Мендельбаум?

– И не только против нее, но и против политиков, которые подкупали и шантажировали свидетелей, спасая тем самым сотни убийц, воров всех мастей и жуликов разного калибра. Наш Билл с товарищами сделали все, чтобы громыхнул скандал, чтобы народ узнал, об этих самых политиках, которые прикрывали бандитов.

– И чем же все закончилось?

– А ничем! – со злостью выкрикнул Фреди. Накидывая на плечи, свое выдавшее виды полу – пальто. – Грязные деньги сделали свое дело, вместе с продажной прессой. Продажные политики остались на свободе, а нашего шерифа перевели вначале в одну из провинций на Диком Западе, а теперь и сюда сослали.

– И это вы называете своей демократией? Такие политики могут погубить ваши Свободные Штаты!

– Согласен с вами мистер, Орлов, – кивнув, буркнул Фреди, с сожалением. – Но не забывайте, что мы молодая нация и мы должны переболеть этим. Ну, а насчет вашей империи я тоже могу заключить, что у вас зреют силы, которые могут подточить и разрушить вашу державу. А ваша империя, в отличии от нас имеет уже тысячелетнюю историю!

– Вы имеете в виду, бунт кучки прапорщиков?

– Да не только про них речь! Ваша просвещенная молодежь, заражена идеями нигилизма, разлагается в революционных всевозможных кружках и тайных организациях. А молодежь – это, как известно будущие любой страны.

– Вы всерьез считаете, что это настолько опасно для моей огромной империи? – улыбнувшись, спросил поручик. – Продажные политики куда опаснее прыщавых юнцов, которые перебесятся и успокоятся! Запомните мои слова – эти студенты никогда не смогут организовать террор, или нечто похожие по всей стране. Да, мы тоже переживаем не лучшие времена и надеемся, что тоже переболеем этой заразой.

Выйдя из конторы, Орлов поежился от пронизывающего ветра, поднял воротник и, оглядевшись по сторонам, двинулся в сторону пристани. Ему хотелось побыть одному, обдумать все услышанное и все, что произошло в последние дни. Даже здесь за тысячи миль от берегов Невы, чувствовались обжигающие ветры перемен, бушующие в империи. Даже здесь, вдали от родных берегов, чувствовались столкновения интересов в различных социальных пластах и сословиях русского общества. Это чувствовал не только он, как человек русский, любящий свою Родину, верой и правдой служивший своему Отечеству, но это чувствовали и понимали даже такие простые американцы как Фредди. Которые никогда не лезли в политику, которые всю свою жизнь выводили красивые буквы и цифры, любуясь, как сверкают чернила в свете керосиновой лампы.

Орлов прекрасно понимал, что реформы проводимые Александром уже давно назрели, однако дорогу в жизнь они проделывали слишком многотрудно. Он понимал и тех, кто стремился внести в эти самые реформы изменения консервативного толка. Что – бы уберечь державу от потрясений, чтобы перемены ни происходили стремительно, сметая все на своем пути. Ломая многовековой размеренный уклад жизни. Он прекрасно осознавал, что разрабатывали рефор-

мы молодые чиновники либерального толка, а проводить, их в жизнь было поручено старым консерваторам. Которые, осознав с ужасом для себя, что остановить крестьянскую реформу уже невозможно, с отчаянием обреченных тормозили проведение других реформ. Тем более, что и повод у них теперь был отменный – покушение на Божьего помазанника.

"Да, – подумал Орлов, кутаясь в воротнике, – головы уже полетели, старая гвардия и так неспешно радевшее за дело новое, бросилась в атаку. Стремясь упредить шатание в умах, возвеличивая свою значимость во власти. Это, что же получается? Теперь один пожалуй Милютин в правительстве, неся крест военного министра, ратует за реформы непременно! Чем же все это закончится для России? Пожалуй, продажа Аляски – это отголоски тех бурь, кои бушуют в империи. Как знать, может и правы консерваторы, полагая, что в России еще не созрели условия для введения конституции? А может, правы, такие как Неплюев или Розенберг? Ну-у-у, нет – это я хватил! Как тогда быть с такими как Нечаев? Который составил свод правил для своих сторонников, где каждый должен стать человеком, без личных интересов, семьи или собственности, даже без имени и отчества. Такие безумцы как он всерьез считают, что в человеке все должно подчинено одному – революции. Таким дай только волю и эти фанатики покроют Россию-матушку сетью своих революционных организаций, с железной дисциплиной и тогда это уже будет смертельная чума для империи, или гангрена,

которая разложит и умертвит державу. Значит должно еще пройти какое – то время, для того, чтобы страна плавно вошла в эпоху коренных политических перемен..."

Мучительно думая о происходящих в России событиях, он не заметил, как оказался у обледеневшего пирса, продуваемого со всех сторон ветрами с Арктики. Шагах в ста от него, кутаясь в стареньких тулупах, в огромных валенках, с винтовками за плечами, стояло двое американских солдат. По раскрасневшимся, давно не бритым лицам которых, не трудно было понять, что караульная служба на таком ветру, дается им с большим трудом.

Оглянувшись назад, поручик увидел странного человека, который качаясь, шел за ним следом на некотором удалении. Давно не бритое, изможденное лицо, с какими – то потухшими глазами, голова обернутая куском какой – то ткани, старенькое пальто, потрепанные оленьи чулки на ногах – все указывало на то, что человек едва держится на ногах. Орлов осмотрелся по сторонам и, не увидев ничего подозрительного, вновь посмотрел на странного человека, который явно шел к нему с какими – то расширенными от ужаса глазами.

– Это еще, что за явление? – пробормотал взволнованно поручик. Сжимая в кармане холодную рукоятку револьвера.

Между тем расстояние сокращалось, и уже можно было разглядеть, что лицо незнакомца сильно обморожено, оно было практически белым. словно человек надел на лицо белую, карнавальную маску. Орлов вновь посмотрел на амери-

канских солдат. Которые перестали подпрыгивать и стучать ногами пытаясь согреться, подозрительно наблюдали со стороны за всем происходящем.

Подойдя почти вплотную, неизвестный достал из кармана такие же белые обмороженные руки, со скрюченными пальцами и, вскинув их к небу, рухнул перед офицером на колени, шепча что – то.

Поручик сделал шаг назад и с удивлением спросил:

– Кто вы такой и что вам надобно?

Незнакомец наклонил голову на левое плечо и едва слышно произнес:

– Будьте же милосердны господин, офицер..., ради всех святых, скажите, скажите, где находится шхуна? Мы находимся в отчаянном положении..., будьте же милосердны..., нас ждут дома семьи с детишками.

– Кто вы такой, любезный? – выдавил поручик, озираясь по сторонам.

– Я..., я..., из судовой команды Бернса, сэр! Прошу вас, будьте снисходительны к нам..., мы..., мы просто умираем в этих лесах! Мы уже давно ничего не ели..., мы просто подышаем в этих снегах! Сжальтесь, прошу вас..., я не должен был приходить..., но поверти мы в отчаянном положении. Спасите нас, сэр!

– Вы ошиблись, милейший, – с досадой отозвался Орлов. Глядя на подходящих к ним солдат. – Я не знаю никакого Бернса!

Лицо незнакомца перекосилось от ужаса, он попытался выхватить из-за пояса огромный кинжал, но в изнеможении повалился на снег, шепча какие – то проклятия.

– Чего он хотел от вас? – крикнул, один из солдат подбегая.

– Понятие не имею, – покачав головой, отозвался Орлов, – обмороженный он сильно. Через это видать и рассудка лишился!

– Может он шпион, какой? – предположил второй солдат. Растирая себе замерзший нос.

– Может и шпион, – кивнув, согласился его товарищ. – Давай – ка отнесем его в казарму. Капитан вернется и пусть разбирается, коли ввел военное положение. А вы кто же такой, сэр, будите?

– Я, поручик Орлов, – представился тот, – меня можете найти через шерифа. Я как раз сейчас к нему и направляюсь.

Утопая по щиколотку в снегу, офицер отправился к шерифу, напряженно думая о произошедшем. Он и предположить не мог, что кто – то из судовой команды Бернса доберется до Ново – Архангельска, с тем, чтобы потребовать возврата судна. Он прекрасно понимал, что теперь, когда объявились остатки команды Бернса, которые хоть и находились, как оказалось в тяжелом положении, но все, же жаждали вернуть себе шхуну, его пребывание в городе значительно усложнялось. Одно дело, когда его поручика Орлова требуют выдать индейцы, требование которых пока никто не по-

нял, и совсем другое, когда его жаждут найти и индейцы, и матросы покойного Бернса. Которые к тому же, были доведены до отчаяния. А это могло толкнуть их на что угодно, чтобы вернуть себе судно.

– Значит нужно выиграть время, – бормотал поручик. Быстро шагая к "замку" где когда – то проживал Максутов. – Значит нужно объединиться с американцами – это теперь их земля, значит из этого и надобно исходить.

Двери в бывшую резиденцию правителя русской Америке, были не заперты, а ее новый обитатель шериф, сидел у одного из узких окон на стуле, скрестив руки на груди и отрешенно смотрел на полупустую бутылку виски, стоявшую на подоконнике. Полосатая рубашка, широкие подтяжки, придавали ему вид старика, проводящего время за бутылочкой доброго напитка. И лишь грозная звезда шерифа, висевшая на меховой желетке, выдавала в нем представителя власти.

– А-а-а-а, – протянул он, улыбнувшись увидев гостя. – Заходи, сынок, заходи. Присаживайся и составь старику компанию. Может, в шашки сыграем?

– Вообще – то я так рано не пью, – пробормотал поручик, снимая шапку, – но разве, что по глотку. А в шашки давайте сыграем в другой раз.

– Ну, хорошо, пусть будет в другой раз! Сейчас я угощу тебя настоящим бренди! Его можно пить и с утра, сынок.

С этими словами шериф подошел к буфету и, достав бутылку со стаканами, сел напротив гостя.

– А давай выпьем за эту землю, чтобы она для всех живущих здесь, стала землей обетованной!

– Хороший тост, за это можно и впрямь выпить, – проговорил Орлов, поднимая граненый стакан.

– Я помню, что вы русские пьете и заедаете, – пробормотал шериф, морщась от выпитого. – Есть отварная фасоль, с настоящими сухарями.

– Спасибо, Билл, не стоит, – отозвался поручик. – Я слышал, что капитан перевел город на военное положение из-за индейцев. Это действительно так?

Шериф угостил гостя сигарой, прикурил свою и, выпустив облако дыма сказал:

– Да не обращай ты на это внимание, наш начальник гарнизона, до сих пор не наигрался в солдатики. Кучка туземцев, обожравшись рыбьим жиром, потребовала выдать какого – то русского генерала! Их разведчики скоро поймут, что в городе нет никакого генерала, и они уйдут к своим кострам. А наш капитан уже решил, что нужно провести маневры со стрельбой! Хотя на него не стоит обижаться, он был тяжело ранен и контужен на войне. Да, порою мне кажется, что мы еще будем долго зализывать раны после этой чертовой войны.

– Ничего, зато через эти испытания, ваша нация получила долгожданное объединение.

– Может оно конечно и так, – отозвался шериф. – Может действительно Господь устал слушать, речи да призывы с Се-

вера и с Юга, потому и треснул нас лбами. Чтобы мы подольше зализывали раны, да поменьше кричали свои лживые лозунги.

– Вас, шериф, словно не радует, что закончилась война.

Билл медленно выпустил облако дыма и, посмотрев, на поручика проговорил:

– Меня, сынок, радует, что закончилась война, но меня совсем не радует, что стало с моей страной после войны. Ну, освободили мы негров, ну запретили мы суды Линча, ну провозгласили, что все наши штаты теперь свободны и будут жить по законам демократии. И, что же мы имеем теперь? Разве мой народ зажил счастливо? Часть общества обогатилась и стала "саквояжниками", причем заметь не лучшая часть. Мой народ стонет от засилья бандитов и продажных чиновников, а политики пользуясь недовольством граждан, скупают по дешевке их голоса. Только ведь через это порядок в стране не навести!

– Ну, неужели все так плохо? – рассеяно пробормотал Орлов. Думая о произошедшем на пирсе. – Может еще все переменится к лучшему?

Билл покачал головой и, наливая по новой порции бренди, проговорил:

– Может, конечно, и так..., может со временем конгресс прекратит потворствовать негодяем, будет создана хорошая следственная служба. И служба эта, что очень важно, будет находиться в распоряжении самого генерального атторнея.

Жаль только мне уже до этих светлых дней видать не дожить!
Давай еще выпьем?

– Мрачные однако мысли у шерифа, славного города Ситка, – пробормотал Орлов, поднимая стакан.

– А, чему мне радоваться, сынок? Я, на старости лет, оказался неудобным в нижних штатах! И вот я здесь, на краю земли! Среди медведей и аборигенов! Где же тут справедливость? В ожидании мэра стерегу, как пес, эту резиденцию, и когда мне будет замена, не знаю даже примерно. Знаешь, когда – то давно, мой учитель Джекоб Хейс, по прозвищу Старина Хейс..., говорил мне, что я со своей честностью, плохо кончу в этой стране. И он оказался прав, черт его подери! Дальновидный был, мужик я тебе доложу! Он стоял у истоков создания нью-йоркской полиции и был мудрым человеком. Он еще в те годы, был одним из немногих, кто пытался организовать службу детективов правильно, и его совсем не смущали всяческие разговоры с насмешками за спиной. Скажу тебе, что про констебля Хейса, ходило много всяческих историй, как среди полицейских, так и среди бандитов. Да-а-а, теперь на дворе, другие времена! Теперь какой-нибудь профессор органической химии, как было, лет шесть назад в Берлинской академии, получает в лаборатории барбитуровую кислоту и ему плевать на то, что он выпускает джина из бутылки. Давай выпьем!

– Почему джина и почему ее называли барбитуровой кислотой?

Шериф залпом осушил содержимое стакана и, поморщившись, сказал:

– Профессор, который ее открыл, находился в лирическом расположении духа, вот и назвал ее в честь своей подруги Барбары.

– А почему эта кислота так опасна?

– Потому что, принятие ее в больших дозах, означает одно – смерть! Это же находка для убийц и самоубийц! И Старину Хейса ко всем не приставишь! На дворе техническая революция и мы еще нахлебаемся, пожиная ее плоды.

Выпив свою порцию бренди, поручик раскурил сигару и произнес:

– Когда мы шли сюда, то с нами шел пинкертонец вместе со своим коллегой из Скотлад – Ярда, так – тот уверял, что можно ловить преступников по отпечаткам с их пальцев.

– Не верь всяким бредням! – отмахнувшись, выпалил Билл. – Оглянись и ты увидишь, сколько нас окружает людей, а особенно в больших городах. Как можно срисовать отпечатки пальцев, у огромного числа бандитов? Как отличить их от отпечатков обычных людей? Нет – это бред!

– Может быть и так, я не знаю. Одно могу сказать твердо... , когда-нибудь прибудет мэр, пройдет какое – то время и будет замена шерифу Биллу! Нужно только набраться терпения и подождать. Это у меня с казаком положение хуже некуда!

– Потому что не ушли вместе с поселенцами?

– И поэтому конечно... , только есть еще одна трудность.

– Излагай все как есть! Возможно, я вам чем – то помогу, – пробормотал Билл. Наливая новую порцию выпивки.

– Мне кажется, что индейцы требуют от начальника гарнизона моей выдачи.

Было видно, что шериф мог ожидать чего угодно, но только не этого. И тогда поручик рассказал ему обо всех своих злоключениях, о том как и почему его стали называть генералом. Почему индейцы пришли в Ситку и стали требовать выдачи русского генерала, а заодно и про историю со шхуной Бернса и судьбой его судовой команды. По окончанию монолога, который Билл выслушал, не проронив ни слова и по тому молчанию, которое повисло в воздухе, поручику стало понятно, что все сказанное произвело на Билла сильное впечатление.

– Бог ты мой, – выдавил он, наконец. – Кто бы мог подумать, что где – то совсем рядом, кипят такие страсти. Это хорошо, что ты мне все это рассказал, теперь для меня многое стало понятным... Даже не знаю, что во всей этой истории нужно предпринять.

Орлов пожал плечами и, выпустив облако, табачного дыма произнес:

– Мне кажется, если это конечно возможно, принятие меня на работу, в качестве например помощника шерифа. Теперь эта земля стала собственностью американского народа, стало быть и законы по которым живут теперь горожане аме-

риканские. Ну, а раз так, то я из русского генерала становлюсь на какое – то время помощником шерифа и даю слово офицера, что я буду стараться в меру своих сил, прилежно помогать вам.

– Встать под защиту нашего флага, мысль конечно хорошая, – пробормотал Билл. – Мне действительно нужен толковый помощник и я пожалуй соглашусь. Только есть одна проблема.

– Какая?

– Мне пока нечем платить тебе, сынок. Ты не поверишь, но я и сам нахожусь на этот счет в "подвешенном" состоянии! Раньше, чем здесь появится мэр, который сейчас получает инструкции, ясности в этом деле не будет. Разве, что я готов открыть тебе бесплатное трехразовое питание в баре. Идет?

– Я согласен, шериф, – пожав плечами, проговорил поручик.

– А, что ты думаешь делать со своим денщиком?

– Урядник пока слишком слаб, пусть залечивает свои раны с болячками у Розенберга. Да и для индейцев он интереса не представляет. На всякий случай я решил съехать от старого лекаря, чтобы ни привлекать внимание к дому старика.

– Это разумно! Где думаешь остановиться?

– Пока не знаю, – признался тот.

– Жить можно в полицейском участке! За этим замком стоит пустой дом, так вот я хочу сделать там полицейский участок. Держи ключ от дверей и можешь вселяться туда

прямо сейчас.

– Спасибо, шериф, выручили крепко, я обещаю, что не подведу.

Билл покачал головой и, попыхивая, сигарой сказал:

– Я в этом, нисколько и не сомневаюсь. Снимаю шляпу перед вашим мужеством, с которым вы выполняли свой долг перед империей. Как вам только это удалось?

– Все просто, преодолеть испытания, выпавшие на нашу долю, нам помогла вера. Вера в то, что мы бьемся за интересы империи, за интересы государевы, за свою землю... Которая к тому времени как оказывается, была уже продана.

– Да уж! Наш Сьюард превзошел сам себя, провернув такую аферу.

– Почему аферу? – не поняв, уточнил Орлов.

Шериф встал и, расхаживая по залу, заложив, руки за спину проговорил:

– Ну, сам посуди! Купить землю, на которой нет ничего кроме скал, снега, аборигенов, да медведей с койотами – это же надо изловчиться как. Добавь к этому, что земля, оторвана от основных штатов за тысячи миль, а это хочешь или не хочешь обязательно ослабит управляемость ее. Да, наверняка ваш главный переговорщик "отвалил" нашему старику за это кругленькую сумму.

– Я точно также думаю, иначе бы ваш госсекретарь так не засуетился.

– Вот именно! Ладно, черт с ними со всеми, у нас своя

жизнь, а у них своя. Да и не так это уже важно, много дал ваш барон или нет, давай еще выпьем. В конце концов, договор нужно было еще утвердить в конгрессе, для этого надо было подготовить почву там, и ваш барон сделал все очень тонко.

– О чем это вы, шериф?

– О том, что ваш посланник, как только появились сложности с оформлением сделки, стал скупать голоса за ее заключение, у чиновников и политиков разного калибра, – пояснил Билл. Наливая по очередной порции спиртного.

– Выходит, что почву под сделку готовил не госсекретарь, а наш барон? – горько усмехнувшись, пробормотал поручик.

– Именно так все и было! Ну, будем здоровы.

– Видать сразу, что стеснений в деньгах у нашего посланника не было.

– Это ты верно говоришь, сынок, – буркнул шериф, морщась от выпитого. – Барон ваш не бедствовал. В гостинице жил шикарней, обедал в лучших ресторанах, он по телеграфу с Петербургом связывался, а ведь это удовольствие дорогое. Послать телеграмму через океан – это же тысяч на десять потянет в долларах!

Орлов залпом выпил налитую порцию бренди и выдавил сквозь зубы:

– Я так смекаю, что наш барон торговался и оптом и в розницу, еще и поэтому проблем с деньгами у него не было. Продажа нашей верфи в низовьях Юкона, да еще с куском земли, какому – то "саквояжнику" тому подтверждение.

– Ну, а, что ты хочешь? У нас теперь все покупается и все продается! Наградил же нас Господь этим госсекретарем – недоумком! Мне иногда кажется, что если его не остановить, то он начнет скупать айсберги.

– Вы имеете в виду доктрину Монро?

– Ну да! Это же в ней выдвинута идея, что Америка должна принадлежать американцам, именно ей и следует наш сумасброд. А я считаю, что все должно быть в меру! Мы отхватываем, территорию у Мексики, прикупаем теперь землю у вас, этак мы потеряем управляемость своей страны. Чего загрустил мистер, Орлов?

– Да вот думаю, как это наш барон, собирается после всего этого жить в России? Ведь после этой столь непочтенной истории, с ним у нас просто здороваться не будут.

– Плевать он хотел на то, что про него будут думать в вашей империи! – воскликнул Билл садясь, напротив, к столу.

– Это почему?

– Женится ваш барон на нашей американке, уже и дата свадьбы объявлена! Счета у него в наших банках открыты! Незачем ему в Россию возвращаться, он теперь в свободных штатах проживать будет.

– Значит это, правда, – выдавил, Орлов, криво улыбнувшись. – Ну конечно, имея такого друга в лице госсекретаря, жену американку, да еще и счета в банках, можно начинать новую жизнь. Ладно, шериф, когда можно приступить к своим обязанностям?

– Так прямо сейчас и приступай! А чего тянуть? Ключ я тебе дал, иди, начинай обживаться на новом месте. Домишко приметный, стоит сразу за этим, двухэтажный, с флюгером на крыше, на окнах наличники резные, крыша железом крыта, одним словом, мимо не пройдешь.

– Я знаю этот дом, там жил купец Столетов с семьей.

– Вот и хорошо! На первом этаже у нас будет полицейский участок, а на втором жить будем, можешь занимать любую комнату. Дрова с углем там есть, обживайся до вечера, а вечером один адресок проверим, заодно и люди на тебя посмотрят.

– Бандита Чарли будем ловить? – спросил Орлов улыбувшись.

– Да, нет в городе никакого Чарли! Я уже узнавал, на сей счет. Завез тут один приятель из нижних штатов заразу одну. Спиритическими встречами называются, людей по – ночам собирает, говорят, духов умерших вызывают и общаются с ними, задавая вопросы разные. Не доводилось принимать участие?

– Впервые слышу о таком. А разве это противозаконно?

– Вот мы и посмотрим с тобой, что это за холера такая, говорят страшное дело.

– Почему?

– Так ведь духи мертвецов с людьми разговаривают, нам тут и без медиумов забот хватает, я так думаю. Одним словом, мы с тобою как представители закона должны в курсе

быть, что на нашей земле происходит.

– Как скажите, шериф, – сказал Орлов кивнув. – А из оружия, что при себе иметь надобно?

– Ну, бои – то мы с тобой вести не собираемся, пару револьверов, пожалуй. Если патронов маловато, то в кладовой на первом этаже, найдешь ведро деревянное с патронами, там и подберешь себе свой калибр.

Шагая к дому Столетова, Орлов напряженно думал обо всем произошедшем с ним. С одной стороны они всетаки смогли выйти к Ново – Архангельску. Который уже как, оказалось, стал Ситкой, они уже могли не опасаться боев в окружении с превосходящими силами противника, однако история, которая произошла на пристани утром и требования индейцев о его выдачи, наводили на грустные мысли. Он не знал, сколько людей из судовой команды Бернса вышло к городу, за сторожевым частоколом жаждали реванша люди Тутукано, а гарнизон города напоминал не боеспособную пехотную роту, а скорее клуб друзей по несчастью, у которых к тому же не было даже артиллерии. По большому счету, город с его не многочисленными жителями был практически беззащитным. Конечно, были еще и хорошие новости – о них с урядником не забыли и готовили отправку в Родину. Но до этой отправке еще нужно было дожить, часы ультиматума, о его выдачи неумолимо таяли, и хрупкое затишье могло взорваться в любой момент.

Подкинув в почти затухшую печь угля, он медленно обо-

шел весь дом, хозяева которого, судя по всему, собирались в большой спешке. Вся мебель осталась стоять на своих местах, включая, такие нужные и дорогие мелочи как посуда и фабричное постельное белье. Спустившись на первый этаж, Орлов нашел в кладовой комнате деревянное ведро с патронами и, поставив, его на подоконник стал выбирать боеприпасы нужного ему калибра. Каково же было его удивление, когда он, глянув через белоснежные занавески на улицу, увидел идущих к дому Столетова Розенберга с прихрамывающим Степановым. Идти которому было явно не просто, но он, опираясь на палку, старался не отставать от Давида Марковича, то и дело, поправляя сползающий с плеча ремень винтовки.

– Вот, Константин Петрович, доставил твоего урядника по его настоятельному требованию, так сказать, – проговорил, старик тяжело дыша.

Орлов покачал головой и, глядя укоризненно, на бледное лицо казака проговорил:

– Зачем же ты, голубчик, с кровати – то встал? Тебе же свой организм подлечить надобно!

– Так и я же ему про то говорю! – выпалил Розенберг. Смахивая рукавом пот с лица. – А он знай себе заладил, что ему лично, мол, никто приказ не давал, на кровати валяться. Вот и пришлось нам по снегу в поиск отправляться.

– Заходите, в дом коли пришли, – махнув рукой, проговорил поручик. Глядя, с каким трудом, поднимаются на крыль-

цо гости.

– Как же мне можно, ваше благородие, вас одного то оставлять? – вымученно пробормотал казак. С трудом поднимаясь по крутым ступенькам. – Сколько верст вместе отмахали, от супостатов отбиваясь, а теперь получается, что я на перине лежать должен. Как же я вас бросить – то могу? Да еще в чужом городе.

– Подлечиться тебе, братец, надобно, – отозвался Орлов. Помогая казаку подняться под руку. – Навоевались уже сверх меры. У нас с тобой дорога предстоит дальняя, тебе силы потребуются, чтобы с волной бороться, да с ветрами студенными, а ты у меня едва на ногах держишься. Будить по – утру у Давида Марковича тебя не стал специально, чтобы отдыхал ты. Через меня, в дом его беда войти может, потому и ушел на время. Садитесь к столу, сейчас сообразим чайку, правда я еще не осмотрелся тут, даже не знаю, есть ли тут чайник.

– Зря ты, Константин Петрович, все это удумал, – со вздохом пробормотал Розенберг, садясь к столу. – Ей богу зря! Тебе самому поберечься надобно, повязки на ранах менять своевременно, а ты опять за наганы свои хватаешься.

– Погодите! А как же вы меня нашли?

Розенберг положил старенькую шапку на стол и, проведя рукой по редкой седой шевелюре проговорил:

– Ну, это дело не хитрое в нашем – то городишке. Я же знал, что пошел ты, Константин Петрович, в контору по –

утру, а там Фреди подсказал, что на пристани тебя видели, ну а уже по дороге на причал узнали, что к шерифу ты подался. Вот он – то нас сюда и направил. Правда, что ты теперь помощником шерифа считаешься?

– Для дела пришлось им стать, чтобы под флагом американским от врагов до нашего отъезда укрыться.

Розенберг пожевал губами и, погрозив, пальцем проворчал:

– Помощник шерифа, как и он, сам человек публичный, а тебе, ваше благородие, схорониться бы от глаз любопытствующих надобно. Да и насчет отъезда вашего..., я вот все думаю..., в большую страну вы вернетесь, население которой взбудоражено. И, чтобы горячие головы остудить, кровушку пролить придется, по – помни мое слово и, придется непременно. Причем не аборигенов, каких – то, а своих соотечественников.

– Помоему ты, Давид Маркович, сильно сгущаешь краски, давай я вас лучше чайком напою.

– Да, плюнь ты на этот чай! Мы только что отобедали и не за этим пришли вовсе. Так вот, я так смекаю, насчет дел в империи нашей – трудные времена наступают. Сам посуди, в этом годе, значительно ограничили в правах земства, стеснили опять – же в напечатание земских отчетов и докладов.

– Зато расширили властные полномочия, предводителей дворянства! – возразил Орлов, закуривая сигару. – А это, между прочим, председатели все тех же земских собраний,

а головы горячие с возрастом поостынут.

– А чем головы рабочих остужать придется? Это ведь уже не беспорядки в Петербургском университете и не восстание в Польше. Казаков ведь пошлют с солдатами!

Орлов подошел к подоконнику, и стал машинально, отбирать себе патроны нужного калибра. Потом посмотрел на притихших гостей и с досадой сказал:

– Путаешь ты все, Давид Маркович, рабочие не такие глупые люди. Они прекрасно видят, как в империи ставится машиностроительное дело, в Петербурге вон какую громадину построили, а ведь на этом Путиловском заводе те же рабочие работают. Рельсы вон какие, стали откатывать для нужд империи! В Московской губернии вон, какое производство железнодорожных мостов отгрохали, паровозы делаем с вагонами и платформами. Думаешь, рабочие ничего этого не видят? Все они видят, потому как для них с их женами и детишками – это важно, никто ведь не придет и не накормит их с улицы. Не верю я в то, что человек наш работный бузить будет – ему детишек, на ноги ставить надобно.

Розенберг, поджав губы, покачал головой и твердо проговорил:

– Петербург и Москва – это еще не вся империя, а наш работный человек по всей империи забит и бесправен, точно так же как и наш крестьянин, находится в страшно угнетенном состоянии. Почитайте про американских рабочих или их крестьян! Они тоже борются за свои права, причем, вме-

сте со своими профсоюзами, мы же не можем не замечать всего этого. Значит, что все это ждет и нас впереди, только с одной маленькой поправкой!

– С какой? – уточнил поручик.

– У нас бунт, всегда жесток и беспощаден, потому что мы не американцы.

– А я верю, что у нас в империи все сообразуется, – возразил поручик. Продолжая отбирать патроны. – Добилась же у нас в прошлом году, свеклосахарная промышленность в черноземных губерниях успехов неслыханных! А ведь ее наш крестьянин убрал, а не иноземный! Когда дело правильно поставлено, то работному человеку бузить просто некогда, ему дело делать надобно. Цена на хлопок растет опять – же и поверь, такие как Морозов появятся не только на территории самой империи, но и на землях к оной присоединенных. И будут они не только крестьян наделами снабжать, но и семенами, а заодно и урожаи скупать будут. А сырье это уже и на мануфактуры, и на фабрики пойдет далее, обеспечивая работой человека работного. Нам в державе сейчас как никогда лишь спокойствие нужно, не все у нас плохо, верю, что все у нас получится непременно. Просто империя у нас уж слишком большая, резкие повороты нам противопоказаны. Погоди, Давид Маркович, наш крестьянин еще всю Европу хлебушком кормить будет.

– Зря ты так надеешься на крестьян, Константин Петрович, – покачав головой, отозвался Розенберг. – Задавлены

наши крестьяне выкупными платежами, да налогами с повинностями. И не от хорошей жизни, они все бросают с тем, чтобы искать долю лучшую в городах на заработках. Этак, они и вовсе оторвутся от сельского хозяйства! Буза уже началась в Эстляндии на мануфактурах, а ведь там крестьян множество.

– Не пойму я тебя никак, – признался Орлов. – К чему ты клонишь?

– К тому и клоню, что вернетесь вы в смутные для империи времена с урядником, к тому, что отправят вас как людей служивых вместе с жандармами, укрощать неудовольствие народное. Остались бы у нас, переждали бы бурю.

– Россия не Франция, – отозвался Орлов, со стервинением. – У нас якобинцам путь во власть заказан. А насчет переждать..., мы с урядником подданные империи, к тому же трону на верность присягнувшие, а раз так то и в лихолетье, со своей державой вместе будем. Живите тихо, ждать немного осталось, как только я получу весточку от нужного человека, двинем с урядником в Родину. Загостились, мы здесь уже и так сверх меры всяческой.

* * *

Попрощавшись с гостями, Орлов вернулся в дом и сев у печи задумался над словами Розенберга. Во многом он был согласен со стариком – не все так просто складывалось в им-

перии как хотелось бы. Он понимал, что отмена крепостного права – это была лишь полумера, с пережитками которого крестьяне сталкивались на каждом шагу. Многие проводимые в стране реформы, то и дело сталкивались и входили в противоречие с устоями самодержавия. Все это чувствовалось даже здесь, за тысячи верст от дома, на берегах когда – то Русской Америки. Орлов прекрасно осознавал, хотя и не говорил этого в слух, из – за чего поселенцы терпели нужду и перебои в снабжении. Для него, как и для многих других, была очевидна слабость военных и торговых флотов, что приводило к невозможности противостоять иноземным державам, в полноценном отстаивании интересов удаленной колонии. Именно из-за этого у берегов Аляски постоянно чувствовалось дыхание заглавных морских держав и в первую очередь англичан. Ему было понятно и то, почему русские колонисты с трудом противостояли иноземным орденам, с их силой и влиянием. Ордена, которые вели обширную торговлю по всему миру и которых конечно же, интересовала Аляска, с ее бухтами для стоянки и ремонта кораблей. Которая располагалась в непосредственной близости от Мексики, где находились значительные экономические интересы Папского государства. Которое к тому времени уже стало тем центром, откуда исходили незримые нити влияния во все уголки мира. Даже в этих далеких землях, вдали от Рима, ничто не ускользало от его влияния и лозунг: "Рим сказал", выполнялся такими как Сулима беспрекословно. При помо-

щи именно таких исполнителей, папство могло контролировать весь мир, превратившись в могущественную экономическую, и политическую силу. Скупка земельных участков, которую практиковал Рим даже в самых отдаленных уголках, давала возможность проникать в самые глубокие пласты народных масс, вовлекая их в сферу своего влияния. И это касалась не только экономики или политики, но и способствовало распространению религиозных течений угодных Риму. Тяжелая поступь миссионеров, которые несли "дыхание Рима", уже чувствовалось и в этих далеких краях.

Размышление Орлова прервал конский топот и фыркание лошадей. Сжав в кармане полушубка рукоятку револьвера, он подошел к окну, за занавесками которого спешили трое всадников в оленьих полушубках, из – под которых виднелась синяя форменная одежда американских солдат. Один из них спрыгнул на землю, бросив поводья товарищу и торопливо направился к дому Столетова.

Войдя в дом, давно не бритый здоровяк, козырнул небрежно двумя пальцами и, сняв, свою черную широкополую шляпу проговорил:

– Я начальник гарнизона, капитан Смит. А вы и есть тот самый русский поручик, который теперь служит помощником шерифа?

– Все верно, поручик Орлов, – кивнув, представился тот, пожимая протянутую руку. – Чем обязан?

– Да вот, зашел познакомиться поближе, – пробормотал

капитан. Осматривая внутреннее убранство дома. – Мне шериф вкратце рассказал, о ваших подвигах, не скрою, я бы тоже не отказался от такого помощника.

– Бросьте мистер, Смит, – отозвался Орлов, приглашая гостя к столу. – Какие там подвиги? Обыкновенная работа солдата и нечего больше. Жаль угостить я вас ничем не могу! Не поверите, но у меня нет пока, ни чая, ни кофе, ни чего покрепче.

– Ничего обживетесь! – воскликнул американец, прикуривая окурок сигары. – Выберите время заходите в гости в казарму! Попьем пива бутылочного с жареным маисом, поговорим о жизни.

Орлов скрестил руки на груди и, покачав, головой сказал: – Хорошо живете, капитан, я слышал, что пиво здесь слишком дорого стоит.

– Что еще здесь остается делать, поручик? На тот свет говорят, ничего не заберешь, а получить пулю или дротик между лопаток, здесь можно очень даже просто. Это вы лучше меня знаете! Расскажите, что хотели от вас аборигены? Чем вы им так насолили?

– Они всего лишь считают, что русские поселенцы, работая на кирпичном заводе, нарушали покой их предков. Потому и пытались сжечь нас в печах этого самого завода! Лишь с племенами аулетов нам удалось подружиться, со всеми другими у нас отношения подчеркнуто холодные. К сожалению конечно.

– Понятно, – пробормотал Смит, думая о чем-то своем. – Мы сегодня перестреляли кучку, каких – то оборванцев вооруженных..., они все были сильно обморожены. Но как только увидели наш разъезд, открыли огонь, благо никого не убили, пропади они пропадом. Кто только в этих лесах не бродит!

– Выходит вас можно поздравить с победой? – уточнил Орлов, раскуривая свой окурок сигары.

– Ну, разве же это победа – перестрелять с десятков голодных, обмороженных оборванцев? Это ведь не откормленные, хорошо вооруженные аборигены, которые обнаглели уже до такого края, что являются в город с ультиматумом. А у меня войско, плакать хочется, честное слово!

– Шериф говорил, что ваши солдаты обстреляны, и каждый из них принимал участие в боевых действиях.

– Он правильно все говорит, – отозвался капитан с раздражением. – Только большая часть из них воевала за Юг, а меньшая, вместе со мной за Капитолию. Каждый из них понимает, что нас сослали сюда в эти снега, а ведь у каждого в нижних штатах остались родственники. У многих кто – то погиб на этой войне, многие потеряли свои акции, а у многих они обесценились, а это значит, что они стали нищими после войны. Поэтому у меня после караулов и происходят ссоры и драки..., мне с трудом удастся сдерживать мародерство. К сожалению, такова проза нашей жизни, мистер Орлов, хорошо еще хоть женщин завезли.

– А двери в наш храм, заколочены из – за мародеров? Там была хорошая церковная библиотека, в которой кроме Библии можно было найти и "Творение святых отцов """, Беседы Иоана Златоуста", даже книгу "Благодарственных молений".

– Я далек от всего этого, – отозвался Смит, пожав плечами. – Знаю только, что ваши соотечественники при погрузке на корабль, вроде забирали все из вашего храма. Кстати! Я, хотел узнать, о вашей колокольни!

– С ней, что – то не так?

Капитан прищурился и, подавшись, вперед всем телом сказал:

– Дело в том, что у вас здесь по всей береговой линии, нет ни семафоров, не маяков, не бакенов. Вообще нет никаких подсказок для капитанов! Чтобы кораблю встать на внутреннем рейде, нужны либо карты с глубинами, либо услуги вашего лоцмана, который по понятным причинам отбыл вместе с вашим Максutowым.

– Я знаю об этом..., делалось это исходя из военных соображений.

– Поэтому мы и приняли решение, использовать на колокольне ваш главный колокол, как противотуманный.

– Ну что же, вполне разумно, – пожав плечами, сказал поручик. – Вас, что – то смущает?

– Меня смущает то, что этот чертов колокол, иногда издает звон сам по себе, – буркнув, отозвался капитан, внимательно посмотрев на собеседника.

– Как это? – удивленно уточнил поручик.

– Вот и мы не знаем как, – разведя руками, отозвался гость. – Но думаю, что ему кто – то помогает. А это, как вы сами понимаете, в условиях военного положения просто не допустимо..., этак можно и сигнал падать неприятелю при необходимости.

– Может виной всему ветер?

– Нет – это исключено! Мы даже привязали его к башне, а он все равно подает иногда голос, не поверите, караул даже ставил у колокольни. Думал, может, кто – то из наших солдат по пьяному делу развлекается.

– И, что часто звонит?

– Не часто, но голос подает. Почему – то только по ночам, – шурясь от дыма, проговорил Смит. – Брякает не громко, один или два раза, словно кто – то сигналы кому – то скрытые шлет.

– Я понимаю вашу озабоченность, в своей совместной работе с шерифом, я учту это обстоятельство.

– С вами приятно иметь дело, мистер Орлов! – воскликнул Смит вставая. – Вы как человек военный, меня понимаете лучше, чем мистер Билл! Присмотритесь к этому чертову колоколу, и может вам удастся понять природу этого звона. Может, стоит поговорить со своими соотечественниками, которые остались здесь на постоянное проживание. Может из них кто – то подскажет разгадку. Одним словом, мне нужна ясность, кто и зачем кому – то морзит!

– Хорошо, капитан, я все понял. Может, есть еще, какие – то пожелания?

– Да, пожалуй, есть еще одно... А, что если нам отобедать в пивной? Так сказать отметить наше знакомство и выпить за будущее сотрудничество! Я угощаю мистер, Орлов!

Договорившись встретиться через пару часов в пивной и отобедать вместе, Орлов проводил гостя и подкинув в печь кускового угля, задумался, глядя на игру огня в топке. По-всему выходило так, что американцы перестреляли остатки судовой команды Бернса, где – то за городским забором. Если это были, конечно, они – это значительно упрощало жизнь и ему и Степанову с Розенбергом, но были еще индейцы. Слепленные ненавистью, водкой и самое главное жаждой мести. Проверив револьверы, а так же количество патронов к ним, он запер полицейский участок и отправился к шерифу. Которого застал в гостиной за столом, все с той же початой бутылкой виски.

– А-а-а-а, это ты, сынок, – протянул тот, проходи к столу. – Ну, что нашли тебя твои старики?

– Да я виделся с ними, – кивнув, проговорил Орлов, снимая полушубок с шапкой.

– Ишь, как они переживают за тебя! Едва на ногах стоят, а о тебе, как беспокоятся. Выпьешь со мной?

– Я так сопьюсь, шериф, – отозвался поручик, садясь к столу.

– Это, между прочим, отменные хлебные виски! – вос-

кликнул тот. Разливая содержимое по стаканам.

– Разве это, что – то меняет?

– Конечно! От хорошего напитка спиться не возможно, к тому же мы пьем по одному бульку. К тебе, кстати, капитан наш не заходил?

– Уже познакомились, даже договорились, отобедать сегодня в "Красной бочке".

– Ну, а почему бы и нет? Он человек не плохой, разве, что когда выпьет..., то у него тараканы в голове шевелиться начинают.

– Это, в каком смысле?

– Говорю же, что контуженный он на войне был..., как выпьет крепко – так начинает за городским забором маневры с боевой стрельбой устраивать. Или на колокол грешит, что яко бы звонит тот по ночам, сигналы какие – то подает. Одним словом, с ним много пить не советую, а вот со мной можно.

– Зачем же его поставили командовать солдатами?

– Так для своих начальников – он же находка! Ну, сам посуди, какой нормальный здесь сможет ужиться? Главное с ним спорить не надо когда он выпьет. Чуешь, про что я говорю?

– Да уж.

– Вот и хорошо, он мне в подпитие, напоминает иногда монаха из лона ордена. Который прилежно учит греческий язык, но может и спросить посреди обучения всякую глу-

пость. Ему вдруг приходят в голову вопросы о том, что папа, который далеко не беден, строит почему – то церковь святого Петра не на свои деньги, а на деньги нищих и голодных.

– Ему, что же не дают покоя лавры Мартина Лютера?

– Да, плевать он хотел, и на папу и на Лютера! Он поклоняется только изобретению полковника Кольта! Просто он как старый рыцарь, который раньше жил войной и вдруг оказался не удел.

– У вас, наверное, таких хватает в нижних штатах?

– Да, уж хватает, сверх всякой меры я бы сказал! – поморщившись, выдавил шериф. – Мы еще с ними намучаемся! У нас ведь демократия, а значит, каждый может говорить все, что хочет.

– Даже если человек разделяет взгляды якобинцев?

– Что подделаешь, – разведя руками, пробормотал Билл.

– У нас с этим проще. На речи вредные власть отвечает облавами, арестами, да показательными судами.

– А, что же народ?

– А, что народ? Простые мужики, как правило, не воспринимают эти речи, им не понятны многие иноземные слова, доносят на пропагандистов в полицию, считая, что им не нужны речи крамольные, которые ведут только к смуте и не нужному брожению в головах. Наш народ живет своей жизнью,сообразно своим представлениям.

– И рабочие себя так ведут? – удивленно пробормотал шериф.

– Рабочий люд у нас разобщен и тоже в общем – то бесправен как и у вас..., хотя у вас все таки есть рабочие организации, профсоюзы опять же. А нашему рабочему важна заработанная плата за свой труд, на речи смутьянов семью не прокормишь. Всегда были бедные и богатые и ежели, что – то и надобно менять у нас в империи – то через реформы непременно.

В этот момент, двери с шумом распахнулись. И в гостиную, вбежал запыхавшийся человек, с перекошенным от страха лицом, в клетчатом пальто, накинутом на плечи. Который выпалил с порога:

– Шериф! Инженера убили в номере!

– Какого инженера? – нахмурившись, уточнил Билл. Хватаясь рукой за кобуру с револьвером.

– Мистера Окса убили в гостинице! – выкрикнул тот с испугом. Дыша при этом на замерзшие пальцы рук. – Он к обеде из номера не спустился, а когда горничная пошла его позвать, то нашла его в своем номере!

– Теперь понятно, – проговорил Билл, вставая. – Знакомься мистер – это Орлов, мой помощник, а это ассистент инженера убиенного Кент.

Орлов кивнул в знак приветствия, разглядывая худую фигуру гостя, с болезненно – бледным лицом. Который нервно переминался у порога, не зная как себя вести.

– А, с чего вы взяли, что его убили? – уточнил шериф, подходя к вешалке.

– Так ведь это... , нож ведь торчит прямо в сердце, – отозвался Кент всхлипывая.

– Бегите обратно в гостиницу, – проговорил поручик вставая. – Предупредите, чтобы там никто ничего не трогал.

– Ты, что не слышал, что тебе сказал мой помощник? – рявкнул Билл.

– Ага! Я все понял, сэр! Я мигом! – выпалил тот, выскакивая на улицу.

Шериф не спеша надел, свое черное пальто со шляпой и, посмотрев, на одевающегося помощника проговорил:

– Вот ведь беда какая... Кому же он мог дорогу – то перейти? Сдается мне, что ваш обед с капитаном отменяется, идем на место преступления работать.

– Откуда здесь взялся этот инженер со своим помощником?

– Они прибыли на корабле, в день, когда мы принимали здесь все хозяйство у МаксUTOва. Из нижних штатов они, остановились в гостинице по распоряжению нашего мэра, – проговорил шериф, спускаясь по ступенькам крыльца. – Дождаться они должны были нашего мэра, а оно видишь, как все повернулось.

– А чего им от мэра нужно было?

Шериф поднял воротник и, сунув, руки в карманы пальто проговорил:

– Мистер Окс идею ему подкинул, как можно Ситку, газовыми фонарями осветить, не бесплатно конечно. Я так ду-

маю, хотел инженер себе рекламу сделать, денег заработать, а уже отсюда в нижние штаты вернуться, с рекомендациями нашего мера, разумеется.

– Ну, что же хорошая идея, освещение тут действительно нужно очень. Причем не только на сторожевых вышках, что стоят вдоль охранного частотола, оно – бы не помешало и на улицах. Вот уж воистину весь исторический и житейский опыт подсказывает, что новые знания и умения могут приносить с собой новые возможности, рядом с которыми идут рука об руку добро и зло. А, что в нижних штатах, он не мог применить свои познания? Какая разница, где зарабатывать доллары и известность?

– Там конкурентов много, – попыхивая сигарой, пояснил шериф, – взятки давать надо, а тут работай, не хочу. Да и уголь тут залегаёт не глубоко, местами пласты угольные, вообще на поверхность выдавлены, а это значит, что и себестоимость производства низкая будет.

Орлов, шедший рядом, внимательно посмотрел на Билла и с удивлением спросил:

– Позвольте, но вы, же говорили, что он хотел осветить город газом, а причем, же здесь уголь?

– Все правильно... фокус в том и состоял, что покойный инженер хотел получать газ при перегонке угля. По крайней мере, мне он объяснял, что именно при перегонке получается светильный газ, который можно собирать и использовать для освещения.

– Интересно, кому этот инженер помешать мог.

– Вот это мы с тобой и должны выяснить, кто и за что убил гражданина этих Свободных Штатов. А самое главное найти и осудить негодяя или негодяев.

– Хорошо сказано, шериф, – проговорил Орлов. Окинув взглядом пустые улицы, замеченные местами снегом, на продаваемых участках, по самые окна. – И как же мы это осуществим?

– Ну, для этого есть разные способы. Помнишь, я тебе рассказывал, про констебля Хейса?

– И что?

– Так вот он, однажды умудрился раскрыть безнадежное дело, об убийстве капитана с одного парусника. И знаешь как?

– Любопытно.

– Хейс, устроил хозяину матросской гостиницы, в которой убили несчастного "очную ставку" с трупом того самого капитана в морге.

– Он что же оживил покойника? – усмехнувшись, уточнил поручик.

– Он с помощью меня, моим голосом, словно голосом покойного капитана, ввел преступника в ступор! Убийца прямо в морге и сознался в содеянном.

– Однако ваш учитель был изобретательным человеком.

– Просто он был хорошим профессионалом и очень любил свою работу.

У входа в двухэтажную гостиницу, стояло несколько солдат, в синих мундирах и черных штанах с желтыми лампасами, с жаром споривших о чем – то. Заметив шерифа, они словно по команде замолчали, хмуро глядя на Билла.

– Что, сынки, такие не веселые? – буркнул тот, проходя мимо. – Ждете своей очереди к девчатам Марлин?

Один из солдат покачал головой и зло, сплюнув, произнес:
– Она запретила все свидания, шериф, пока вы не разрешите. Вы уж постарайтесь побыстрее разобраться с этой темной историей, душа ведь просит радостей, а тут такое дело.

– Марлин, женщина умная, и она все правильно сделала, – отозвался Билл, поднимаясь по скрипучим ступенькам. – Главное, чтобы на месте преступления, следы народ не затоптал, так что придется маленько подождать, сержант.

К удивлению Орлова, гостиница, внутреннее убранство которой не изменилось с момента его последнего посещения, встретила их звенящей тишиной. Ни в прихожей, ни в коридоре не было, ни души и лишь у номера инженера, прямо на полу, сидел с жалким видом Кент. Обхватив руками свою взъерошенную голову, он тихо плакал, уставившись в одну точку. По всему было видно, что для помощника инженера – эта смерть была равнозначна личной трагедии.

Подойдя к потемневшей от времени двери номера, шериф молча похлопал его по плечу и только после этого шагнул за порог.

– Вот она маска смерти мистер, Орлов! Костлявая дама,

никого не красит своим визитом.

– Это уж точно, – буркнул поручик. Внимательно разглядывая труп инженера лет тридцати пяти. – Я за свою службу, столько повидал смертей, с ее оскалами и ужасными гримасами, что даже стал находить в этом какой – то художественный смысл, нашего бытия.

– Это очень хорошее качество при нашей работе, – проворчал шериф. Осматривая скромную обстановку номера. – Значит воротить не будет, из – за проделок этой костлявой дамы. Ну, что можешь сказать по поводу убиенного?

– Убили хорошо поставленным ударом, – проговорил Орлов. Внимательно разглядывая лежащий на спине труп. – Убийца был левшой, примерно такого же роста, как и убиенный, запор на двери не поврежден – значит, инженер сам открыл двери. Возможно он знал убийцу, потому и не ожидал, что тот ножом саданет..., следов борьбы нет, вещи вроде не тронуты – значит на ограбление не похоже. Надобно, чтобы Кент глянул, может и пропало что – то.

Шериф с интересом посмотрел на своего помощника и с удовлетворением произнес:

– Взгляд у тебя цепкий, мистер Орлов. В полиции не приходилось служить?

– В поиск, через траншеи вражьи ходил многократно, – отозвался тот, обыскивая тело убитого. – А там быстро смекаль учишься. Чуть не доглядел, или камушком хрустнул неко времени, и твоя голова уже с содранной кожей, на копье

турецком под солнышком сушится.

– Довелось как я погляжу тебе хлебнуть, сынок. Ладно, давай спросим у помощника убиенного, что он нам поведает. Скажи, Кент, у мистера Окса пропали какие – то ценности, или может вещи личные? Не похоже, чтобы искали в номере что – то.

– Все на месте, – отозвался тот, всхлипнув, продолжая сидеть у двери. – Только портфель желтый пропал.

– Там если мне память не изменяет, покойный носил свои расчеты по освещению?

– Верно, бумаги с расчетами там были, – пробормотал тот, шмыгая носом.

– Надо же было случиться такому, да еще накануне приезда мэра! Где же нам теперь этого левшу искать? Скажи, а с кем он встречался в последнее время? Может, кому – то он свои бумаги показывал?

Кент отрицательно покачал головой и, всхлипывая, выдал:

– Бумаги эти для мэра предназначались, потому он их никому и не показывал. А в номер к нему, только Хилари из борделя заходила.

– Вот оно как интересно получается, – пробормотал шериф. – Ну, что же – это уже кое-что! Бери – ка ты, мистер Орлов, нашего Кента и доставь его к нам, в полицейский участок. Он у нас пока под охраной побудет, а сам как запрешь его..., пройдишь по дворам своих оставшихся соотечествен-

ников. Пospрашивай их, может кто – то подскажет, где нам этого левшу поискать. А я пока с коридорным побеседую, к Марлин загляну, с Хиллари потолкую... , ну, а на обратном пути к капитану загляну, может среди солдат левша окажется.

– Вы думаете, что Хиллари, могла инженера ножом ударить? – с сомнением уточнил поручик.

– Не-е-ет, конечно – это маловероятно, но проверить мы с тобой должны все версии. Преступники, даже самые коварные и дерзкие, все равно оставляют следы, а люди, как правило, что – то видят, или слышат, что и дает нам шансы на раскрытия преступлений. Одним словом, нам с тобой с двух сторон зайти надо к решению этой головоломки. Ты со своими побеседуешь в доверительной обстановке, а я с нашими, глядишь на горизонте зацепка какая и появится.

Заперев номер, Орлов с помощником убитого инженера вышел на улицу, и медленно зашагал к участку.

– Эх, бедный мистер Окс, – давясь слезами, тихо причитал ассистент, – он так хотел осветить улицы и дома этого города, дешевым светильным газом. Ведь как здесь темно по ночам! Какие мы с ним планы строили, по строительству заводика, гдебы перегонялся уголь.

– Неужели надобно строить целый завод, чтобы осветить улицы и дома Ситки? – спросил поручик, кутаясь в воротнике полушубка.

Кент с тоскою посмотрел на собеседника и, шмыгнув, но-

СОМ ОТВЕТИЛ:

– Мы хотели продавать светильный газ и в нижних штатах. У нас уже были договоренности о поставках надежных газометров, специальных труб и газовых рожков, которые можно устанавливать в домах. Эх, бедный мистер Окс..., видать не судьба.

– Я так понимаю, что в случае успеха по освещению улиц Ситки, вы рассчитывали получить большие заказы, а значит и большие деньги?

– Именно таков и был план, – тихо поддакнул американец, смахивая слезы. – Мы так и хотели, в случае успеха, получить хороший финансовый толчок. Который бы позволил нам разрабатывать и внедрять, совершенно новые способы освещения домов и улиц.

– Значит можно предположить, что в похищенном портфеле лежали чертежи и черновики?

– Все верно, – тихо пробормотал Кент. – Мистер Окс работал над тем, как улучшить сгорание светильного газа. Нужно было добиться, чтобы он сгорал без малейшей копоти.

– Вот оно что. А у покойного не было случайно врагов или завистников? Может вам хотели помешать ваши конкуренты?

– Да какие завистники! – воскликнул с досадой Кент. – Над нами здесь, все только посмеивались, а конкуренты...

– Что конкуренты? – остановившись, уточнил поручик.

– Ну, разве, что фирма Тосье, так они далеко...

– Вашими конкурентами были англичане? – перебил его Орлов. – И насколько они были серьезными конкурентами?

Американец внимательно посмотрел на помощника шеф-рифа и, пожав плечами, ответил:

– За ними стоят серьезные финансы и очень влиятельные люди. Только наш метод гораздо эффективнее и дешевле, потому что мы не используем в работе, такие дорогие металлы как платина.

– Стало быть, ваш путь был экономически более выгодным?

– Именно так.

Орлов медленно достал окурок сигары, раскурил его и, глядя, в глаза американца спросил:

– А, что вы знаете про этого самого Тосье, или его компанию?

Кент рассеяно посмотрел на собеседника, потом пожал плечами и тихо проговорил:

– Эта компания тоже занимается получением светильного газа, и освещением улиц с домами..., возглавляет ее мистер Ролинг – это главный управляющий, поставленный на эту должность самим Тосье.

– Тосье, Тосье..., где – то я уже слышал о нем. Уж не тот ли это Тосье, который является членом английского парламента?

– Все именно так и есть, – шмыгнув носом, отозвался аме-

риканец. – Ему принадлежит контрольный пакет акций этой компании, и он является владельцем ее.

– А ведь шериф прав, – прищурившись, проговорил Орлов, – тебя мистер, Кент, охранять надобно, как ценного свидетеля. Ладно, идем в участок.

Орлов был наслышан о господине Тосье. И имел о нем представление не только из газет, но и от офицеров, служивших под командованием главнокомандующего Кавказской армии Баратинского. Которые не по наслышке знали, про коварство и подлость этого сэра, а самое главное про ту ненависть, которую он испытывал к России, прилежно чиня ей вред как тайно так и явно.

Начинал он свою карьеру в Ост – Индийской компании, в чине капитана, затем за прилежное и ревностное служение интересам Англии, был переведен на персидскую службу. Где после его усердия проявленного в Кандахаре, его перевели в Багдат, с повышением и где уже через два года он стал генеральным консулом. Затем была служба в Тегеране, откуда он вернулся в Англию уже в чине полковника.

Заперев ассистента инженера в полицейском участке, и приказав не подходить к окнам, Орлов вышел на улицу и, оглядевшись по сторонам, медленно побрел на окраину города. К дому, в котором жил старый промысловик Ухов, и который со слов Розенберга остался жить здесь, так и не приняв предложения об отъезде в Родину. Когда – то его родственники, спасаясь от преследований по религиозным со-

ображениям, привезли его на эти земли, когда он еще был малолетним мальчишкой. Уж он – то по разумению поручика, как коренной житель обязательно должен был знать всех, кто выцеливает дичь или врага левым глазом.

Подойдя к не большому рубленому домику, стоявшим самым последним на улице, поручик оглянулся по сторонам и тихо постучал в окно.

Через несколько минут, за дверями в сенях раздался хриплый простуженный голос:

– Кого это там нелегкая принесла?

– Я, поручик Орлов, хотел поговорить с хозяином дома Уховым, – проговорил офицер.

– Сейчас, я патронами ружьишко – то заряджу, тогда и открою, – раздалось в ответ.

Прошло еще несколько минут, затем двери с противным скрипом открылись, и на крыльце появился бородатый здоровяк, в белой расшитой рубахе на выпуск, перехваченной в поясе веревкой. Стриженный "под горшок", с густыми бровями, из – под которых на гостя смотрели карие, настороженные глаза.

– Отчего же без мундира, поручик, по улице ходишь? Или под новую власть подстраиваешься? – уточнил он, опуская двух ствольное ружье.

– Так можно в дом – то зайти? – уточнил гость.

– Заходи, коли пришел, – вымолвил тот, оглядевшись по сторонам.

– Всех с ружьем встречаешь?

– Живу на отшибе, – буркнул Ухов сиплым голосом. – А тут еще новый начальник гарнизона, объявил, что на военном положении мы теперь. Да и времена ноне уж больно смутные.

– Да, времена с их переменами и впрямь смутные, – поддакнул Орлов. Глядя на пустой угол, где обычно висели иконы.

Хозяин, заметив секундное замешательство гостя, пояснил, садясь к столу:

– Думаешь, я веру новую принял, офицер? Не дождутся янки этого от меня! Просто мне иконы без надобности, потому как у истинных христиан, Бог всегда в сердце.

Поручик понимающе кивнул, и сев за стол, покрытый, цветастой скатертью сказал:

– Я слышал, что ваш род Уховых, корнями в Сибирь уходит. Верно, сказывают или нет?

– Все правильно народ сказывает, – проговорил хозяин. Глядя из – под лобья на гостя. Летоисчисление нашенское из Сибири ведется. А что?

– И всегда у вас "красный угол" пустовал?

– А мы, как и молокане, что с Дону вольного, давно уже отказались от любого, кто промежду нас с Богом стоит. Это ведь вы православные почитаете, доски расписные, да мощи всяческие как язычники, а для нас есть один Закон в жизни – это Библия. Ее и читаем, да не так как вы в своих храмах,

в домах собственных молитвы поем.

– Поэтому в империю и не возвращаешься? – спросил поручик. С интересом глядя на большой комод, ручной работы.

Хозяин с прищуром посмотрел на гостя и играя желваками выдавил:

– Максутов разрешил, всем желающим оставаться. И потом, здесь нас никто не забижает, живем вольно, а вернуться в Родину – это значит сызново притеснения терпеть, да унижения разные. Нет, офицер, здесь теперечи наша сторона! Более обиды от Синода терпеть не будем! Видим, что наступают времена апостольские, а посему каждый истинный христианин, должен быть апостолом. Причем именно на той земле, где проживает и должен проповедовать ученье Христово. Так ты для этого пришел, что – бы на мое нутро посмотреть?

– Да, нет, – пожав плечами, отозвался гость. – Просто всегда хотел понять, почему вы в отличие от нас от православных, изначально так поиском "даров духовных" озадачены. Все одно же русские мы с вами! С одной империи родом!

– Ошибаешься, офицер! – вдруг выпалил Ухов, грохнув ладонью по столу. – Разница промеж нас очень даже глубокая! Вы всегда притесняли нас, даже здесь поначалу все норовили обидеть, даже в этих суровых землях, вы пытались мешать нам искать прозрение и пророчества. А мы, между прочим, через посты изнурительные и духовные бдения, всегда были чище вас православных!

– Ты, братец, считаешь, что мы православные, не идем как и вы по этой столбовой дороге? – с удивлением, уточнил Орлов.

Ухов с презрением на лице покачал головой и произнес со вздохом:

– Может вы, и пытаетесь идти этой дорогой, только вы непременно грешите чрезмерно, а потом свои грехи пытаетесь замолить в своих греховных храмах. Не-е-ет, офицер, только мы можем достичь истинной Богоодержимости, а нас за это в Родине притесняют! Разве же это справедливо? А виной всему ваш патриарх Никон! Который, на церковном соборе внес изменения в богословские книги, да обряды! А кто он такой? И кто ему права дал, жизнь церковную править? Видать как папа в Риме, наместником Бога себя возомнил! Чего молчишь, офицер?

Орлов внимательно посмотрел на хозяина и, пожав, плечами произнес:

– Да, понять никак не могу, слова твои. Ну, изменил Никон на соборе, к примеру, начертание имени Христа, а что это меняет?

– Да, ваш богоотступник внес значительные изменения в церковную службу! – выпалил Ухов. – Я уже не говорю, про его церковные проповеди и песнопения! Мы истинные хранители веры, а нас раскольниками обозвали, да еще и травить стали как собак безродных. И заметь, офицер, не только власть церковная, но и власть подчиняемая самому импе-

ратору всероссийскому, царю польскому и великому князю финляндскому. За что все это? Разве это справедливо?

Поручик зажмурившись, помассировал себе виски и тихо сказал:

– Послушай, Ухов, я ничего не имею против тебя и твоих единоверцев. Да и в империи уже многое меняется... , правительство, и Святейший Синод уже давно решили относиться к вам с примирением.

– После стольких гонений я никому не верю! – отрезал Ухов.

– Как же вы здесь жить станете, когда сюда американские проповедники придут?

– Ничего сдюжим, у них своя свадьба, а у нас своя будет, – буркнул хозяин, сквозь зубы. – Я ведь и плотник добрый и промысловик! Мне с ними делить нечего, а притеснять начнут, уйдем в слободу Николаевскую, а надобно будет, так и новую заложим. Земли, слава Богу, на всех хватит!

– Неужто с православными жить станните в "единоверии"?

– Поживем, увидим, слободу эту и наши предки помогали закладывать, так что нам их наследие приумножать не совестно будет. А насчет иноземных попов, я тебе так скажу... , капитан Смит их очень даже не жалует и отзывается о них очень даже скверно. И знаешь почему?

– Почему?

– Да потому что из семьи он крестьянской и с малолетства

видел, как попы эти самые, все соки вытягивали из народа работного.

Орлов покачал головой и тихо сказал:

– Контужен он на войне и водку с виски любит, потому и разговоры такие ведет.

– Ошибаешься, ваше благородие, – подавшись вперед, со злостью прошептал Ухов. – Я сам слышал речи капитана. В здравом уме он был, и не употреблял вовсе перед этим в-ски свои, или вино наше казенное. Потому я и смекаю, что найдем мы с новой властью общий язык. Если уж сам начальник гарнизона говорит, что бить попов надобно! И за то, что десятина давит люд работный, и за то, что на огромных церковных землях тянут из людей последние жилы, и за то, что духовенство благословляет любое кровавое подавление недовольных людей. Уж извини, офицер, за прямоту!

– Да, Ухов..., за прямоту такую конечно, спасибо. Понимаю почему здесь решил остаться. За речи такие крамольные, в империи железо на тебя оденут неприменно, да в Сибирь, на родину твоих предков отправят.

– Ну, за речи – то свои предерзкие я уже извинился, не в империи мы теперь, потому и позволяю себе. А сказал я тебе это к тому, чтобы ты понимал, почему мы жить туточки с радостью согласились. Мы просто хотим жить своей жизнью. Ко мне – то сказывай, зачем пожаловал? Дело, какое привело, или за жизнь поговорить?

Орлов посмотрел на хозяина и, кивнув, проговорил:

– Убийство одно сегодня приключилось в гостинице.

– Постой! Так это ты видать тот русский, который в сыск к американцем пошел?

– Верно, – кивнув, проговорил поручик, – пошел к шерифу в помощники. Осуждаешь никак?

Ухов с грустью посмотрел на гостя и махнув рукой сказал:

– Кто я такой, чтобы тебя осуждать? Всем выживать как – то надобно. Про инженера слыхивал, жалко мужика..., ведь безобидный был до невозможности. А от меня – то, что надобно?

– Узнать я у тебя хотел, поскольку ты здесь с малолетства живешь и всех знаешь, про человечка одного. Ростом такой же, как и инженер покойный, а самое главное, который может рукой левой управляться, как и правой. Сможешь подсказать?

Какое – то время Ухов сидел, молча, глядя с прищуром в одну точку, напряженно думая. Потом посмотрел на гостя и разведя руками вымолвил:

– Ежели и были леворукие, то ушли они вместе с Максутовым, а промеж американцев я пока не знаю никого. Я людей поспрашиваю и подскажу сразу, можешь не сумлеваться. Ежели разузнаю, где сыскать можно будет?

– В участке полицейском или через шерифа найдешь, – проговорил Орлов вставая. – Спасибо тебе, Ухов, за помощь, пойду я, пожалуй.

Промысловик внимательно посмотрел на гостя и со вздо-

хом произнес:

– Думка меня одна мучает, офицер, может подсобишь мне с ее разрешением?

– Какая еще думка?

– Я вот все голову "ломаю" насчет индейцев, из-за которых Смит военное положение объявил. Все смекаю на досуге, кого же они в городе искать могут так усердно? А вот сегодня тебя увидал и меня словно осенило! Не ты ли им нужен? Уж больно ты под описание их подходишь, хотя и не генерал конечно.

– Общаешься, не смотря на запрет, с первоначальным народом значит? – уточнил поручик, одевая шапку.

– А как же с ними не общаться? Они же как и мы, дети Господа, живут опять же, как и мы просто.

– Эти дети Господа, как ты их называешь, недавно казачков замучили в форте "Око империи", меня с урядником спалить хотели, в печах завода кирпичного заживо.

– Это их англичане, с попами иноземными науськивают! А так они люди не злобливые, к ним просто с душой относиться надобно.

– Понятно с тобой все, – со вздохом пробормотал поручик. – А голову свою, всякими думками не забивай.

* * *

Всю дорогу до полицейского участка, Орлов думал о со-

стоявшемся разговоре. Он вдруг с ужасом осознал, силу протеста простого рабочего человека, который как это бывает на Руси, молчит, но лишь до поры и до времени. И не образованный Ухов был очередным наглядным примером для поручика, примером того как при определенных обстоятельствах, малообразованный набожный народ, может вдруг взорваться силой всей своей ненависти к власти. Даже взяться за оружие, чтобы отстаивать свои интересы, забыв о своих традициях, про проводимые реформы, про евангелие, наконец.

Орлов искренне не понимал, зачем нужно было преследовать старообрядцев, будоражить тем самым все общество. Тем боле, что раскольники после гонений, тихо и тайно бежали в глухую тайгу, на кромку империи, или отправлялись на парусниках как простые матросы по миру в поисках лучшей доли. Где образовывали свои старообрядческие общины, со своим неспешным и размеренным укладом жизни.

Никто и никогда уже и не подсчитает, сколько сгинуло их как в самой империи, так и по всему миру, ведя свою отчаянную борьбу с властью и православным духовенством. С теми, кто разорял их раскольничьи скиты – эти простые храмовые сооружения, которые представляли собой не большой сруб с двухскатной крышей, без колоколов. В отличие от православных, которые всегда шли по жизни под колокольный звон, с самого рождения и до смерти.

Поручик медленно брел по улице припорошенной снегом,

с тоскою вспоминая как еще совсем недавно, отмечались на этих улицах престольные праздники посвященные Богу и Богородице. Как на этих самых улицах поселенцы устраивали скачки на масленицу, как бились в кулачном бою, как на заглавной площади, у "замка" Максутова, ставились столы с лавками и праздновали всем миром под выпивку и закуску. Орлов вспомнил, рассказы сторожил, о том, как первые колонисты рубили молитвенный дом вместо церкви, из-за отсутствия средств. Как торжественно ставили на престол стоящий посреди алтаря льняные антиминсы с изображением Иисуса Христа, совершая освящение. Но теперь все круто изменилось и над когда – то "царевой землей", задули другие ветры.

– Надо смиренно и до конца принять все испытания, – прошептал поручик, перекрестившись, – которые послал Господь.

Убедившись, что с Кентом, которого он запер в доме Столетова все в порядке, Орлов вернулся в "замок" Максутова. Где в тягостных раздумиях, дождался шерифа и доложив ему о своих умозаклучениях, спросил:

– Что будем делать дальше?

– Значит! Для начала можем предположить, – отозвался тот, наливая в стакан виски. – Что Окса, зарезали англичане. Ну, или кто – то по их просьбе..., значит дело теперь за малым – нужно найти этого негодяя или негодяев, а там глядишь и бумаги инженера всплывут.

– Как же мы их будем искать, если пока даже не знаем один был этот самый левша или с помощниками? К тому же я так понимаю, что допрос коридорного и дам из борделя ничего не дал?

– Пока, к сожалению. Но мы знаем с тобой, что убийца левша, что интересы инженера могли пересекаться с интересами англичан, а это уже кое-что. Вечером этим, мы будем знать, есть ли среди солдат левша, причем нужного нам роста, возможно и твой Ухов нам чем – то поможет.

– А, что Смит думает, на сей счет?

– А, что ему остается – ругается по – черному! У него сейчас главная задача город от набега оградить, а тут мы со своим трупом, да левшой "в глаза лезем".

– Ну и работенка у вас, Билл! Как в разведке, каждая мелочь имеет значение, каждую не просмотреть важно!

– Ну, когда знаешь в каком направлении искать – это уже пол – дела сделано считай! В нашем деле нет мелочей и – это суровая, правда! Каждая мелочь может подсказать, в каком направлении нужно искать. Ты не поверишь, сынок, но однажды я арестовал, убийцу опознав его по старому костюму, который был оставлен на месте ограбления магазина.

– Как это? – пробормотал Орлов, садясь к столу.

– А я вспомнил, на ком этот костюмчик прибыл из Балтимора в Нью – Йорк и где этот человек остановился. Я тогда дежурил на причале и обратил внимание на бегающие глазки этого негодяя.

– Забавно, – усмехнувшись, проговорил поручик, раскуривая сигару. – Скажите, Билл, а почему вы не рассказали капитану про то, что индейцы ищут меня?

Шериф сделал глоток из стакана и, посмотрев, на помощника сказал:

– Не хочу, чтобы у него или кого – то из его солдат, появилось желание выдать тебя аборигенам. Капитан хоть и контуженный, но дело свое знает, вот и пускай рассчитывает лишь на свои силы. Нам здесь жить на этих землях, и мы должны с первых дней уметь постоять за себя, а иначе эти туземцы поймут, что мы можем прогибаться под их дерзостью. А так быть не должно!

– А если гарнизон не удержит город? У капитана нет мира среди солдат, нет не одной пушки. А если англичане поддержат атаку индейцев со стороны океана?

– Не думаю, что англичане пойдут на город – это же война. К тому же они прекрасно понимают, что наши военные корабли, очень быстро могут прибыть на помощь или перехватить их караван в океане. А что касается аборигенов..., то капитан Смит уже провел скрытое минирование подходов к городу, и поверь, пороховые бомбы со шрапнелью сделают свое дело не хуже артиллерии.

Орлов посмотрел на Билла и, выпустив, облако табачного дыма проговорил:

– Ну, допустим, что англичане не станут в открытую дерзить, но мне кажется, мы забываем про еще одного против-

ника. Не менее коварного, дерзкого, имеющего поддержку у многих племен, опасного своими связями по всему миру.

Шериф на секунду задумался, взял со стола квадратную бутылку и, положив, ноги на стол возразил:

– Намекаешь на людей служащих Риму?

– А, почему нет? У меня была возможность убедиться в их коварстве.

– По – моему ты, сынок, слишком хватил, – отозвался Билл, поморщившись. – Эти иезуиты, никогда не решатся дерзить на земле Соединенных Штатов. Даже если и предположить, что их корыстные интересы будут совпадать с интересами "Вечного Рима".

– Дай – то Бог, только мне кажется, вам придется все – таки, еще не раз столкнуться с их подлостью и коварством. В вашей стране, где все покупается и продается, они еще скупят голоса людей и через подставных политиков поставят своего президента.

– Никогда мистер, Орлов! – выпалил шериф встрепенувшись. – Никогда мой народ, живущий в Свободных Соединенных Штатах, не согласится на президента католика! Никогда эти прелаты, издевающиеся над учением о святости нищеты и целомудрия, не будут руководить моим народом. Наши граждане, никогда не позволят сжигать на кострах людей, думающих по – другому!

– Я смотрю, вы едины с капитаном Смитом в своих желаниях.

– Потому что мы считаем с ним, и думаем примерно одинаково – нужно давать самый решительный отпор, всей этой "содомской шайки". Всем этим жалким, смердящим грешникам, пахнувшим дерьмом от награбленного ими богатства. Мы никогда им не позволим хозяйничать на наших землях!

– Грешно так говорить, о святых отцах, – улыбнувшись, произнес Орлов.

– Ничего. Господь нас поймет и простит, он все видит! – с жаром выпалил шериф. С жадностью отхлебывая из бутылки. – На наших землях, они всегда гонимы будут.

– Но ведь за ними стоят папы, кардиналы с епископами, у которых на сей счет могут быть свои интересы и мнения.

Билл презрительно усмехнулся и сделав очередной глоток из бутылки сказал:

– Нам терять нечего, окропим, значит, снежок кровушкой. Даже если сюда явится вся эта римская свора... Послушай..., я вот, что подумал..., сегодня на внешнем рейде, отдал якорь один парусник.

– Парусник? – затаив дыхание, прошептал Орлов. – Под каким он флагом был?

– Сам не видел, но солдаты говорили, что под португальским.

– А откуда и куда он идет?

Билл развел руками и, сделав, очередной глоток проговорил:

– Да, черт их знает! Я видел их мельком у Смита, когда

заходил сегодня, с ним они и договаривались о том, где им бросить якорь. Тот им и разрешил ремонтные работы произвести – штормом их сильно потрепало. Вот они и встали на якоря, чтобы грот-мачту поправить, и руль у них вроде, плохо слушает штурвала.

– Выходит, что никто не смотрел их судового журнала? Никто не проверял их "судовую роль"? – озабоченно пробормотал Орлов.

– Нет конечно!

Поручик с озабоченным видом протянул руку и, взяв бутылку, сделав, несколько крупных глотков пробормотал:

– Значит, пришли они под португальским флагом?

– Объясни же, наконец, что так тебя озадачило в этом паршивом паруснике? Или ты подумал, о чем и я?

– Ну конечно, как же это все просто, – прошептал Орлов с отрешенным взглядом. – Португалия, уже долгое время, является излюбленным местом иезуитов, ну конечно же проще всего попасть на берег, не привлекая внимания, говоря о поломках на борту.

– Ты думаешь, что убийца мог быть из их судовой команды? – пробурчал Билл нахмурившись.

– Иезуиты в Португалии, до сих пор занимают многие важные должности и ключевые посты, – устало проговорил помощник, глядя на пламя в камине. – Причем как в промышленных, так и в торговых предприятиях.

– И, что все это нам дает?

– Ну как же! Во всех заморских владениях, они держат десятки тысяч человек в полном рабстве. И вся эта армия рабов, занимается для них земледелием и скотоводством. Они же фактически захватили в свои руки всю торговлю в Южной Америке!

– Я слышал про это, – поморщившись, буркнул шериф. – И, что нам это дает?

– Я как раз к этому и веду! – воскликнул поручик взволнованно. – Что у них на борту?

– Солдаты говорили, что чай с кожей.

– Все правильно! Их корабли груженные парагвайским чаем, маисом, тростниковым сахаром, табаком и, конечно же кожей всегда шли в Перу, Бразилию, Чили. А почему они себя так уютно чувствуют на этих рынках?

– Почему?

– Да потому что они пользуются в этих землях, привилегией в торговле! Нигде во владениях Испании и Португалии иезуиты не платят десяти процентного алькабала. А, не платя этот налог, они остаются опасными конкурентами, и они пойдут на все, чтобы все оставалось по – старому.

– И, что все это значит? Я ни черта не пойму!

– Они засуетились вокруг Аляски, из-за ее приобретения вашими Соединенными Штатами. Их начали теснить с их традиционных рынков, а тут еще в Северной Америке, на сцене появился сильный игрок, который, несомненно, спутал все их карты. Может наша империя, поэтому и продала

эти земли тайно, без лишней шумихи, чтобы ни привлечь не нужного внимания. Я раньше думал, что братия этого ордена, злодейства здесь умышляют из – за нашего православия, но все оказывается куда сложнее.

– Выходит так, что раньше продажность генерал – губернаторов и удаленность той же Южной Америки, от метрополии гарантировало этим разбойникам полную безнаказанность?

– Вот именно, шериф! Метрополия уже не та, она сильно подрыхлела и ослабла, стремительно падает влияние продажных губернаторов, да и на самих "псов господа "начались гонения. А тут еще под боком, появляется новый сильный игрок, в лице ваших Соединенных Штатов, который столь стремительно расширяет свои владения. Они смекнули, что рано или поздно их торговые пути и интересы пересекутся с вашими, потому и стали проявлять свою активность. Стараясь скупить, к примеру, нужные им земельные участки.

– Купить здесь землю? Зачем им здесь земля? – пробурчал растерянно Билл. – Корабельную древесину можно брать и в других местах, расположенных гораздо ближе к их торговым путям. Скупать землю, чтобы сделать рабами местных жителей как в Южной Америке? Так здесь нет земледелия и скотоводства!

Орлов встал с задумчивым видом и, посмотрев, на собеседника сказал:

– Будущее за паровыми машинами, а здесь угля в изоби-

лии, руда высококлассная и все это рядом с бухтами, где можно укрыться от не погоды, а при необходимости и ремонт корабельный произвести. И все это они прекрасно понимают!

– Ну, допустим, – буркнул Билл. – А убийство Окса, я так понимаю, ты тоже хочешь на их счет записать?

– Конечно! – выпалил поручик. – Этим "псам господу" как никому другому выгодно, чтобы эти земли не осваивались вами! Чтобы здесь как можно дольше, не ступала нога людей познавших науку геологическую, чтобы не было тут инженеров с людьми работными, и все бы оставалось под снегами, до нужной им поры. До той поры пока ими не будут скуплены все места прибыльные, которые бы они застолбили, для себя.

– Очень даже может быть..., ведь как не крути, а если такие как Окс, станут форты освещать дешевым светильным газом, то потянутся и другие инженеры. Которые начнут рельсы ложить к залежам руды или угля, до самых бухт. Тогда конечно, цена на акр землицы местной подскочит многократно... Левшу думаешь на этом кораблике поискать стоит?

– Вот именно! – выдохнул Орлов с жаром. – Среди наших поселенцев левши нет, думаю, что и среди солдат тоже его не окажется, иначе бы солдатики капитана Смита уже бы сказали, а индейцам этот Окс, и даром не нужен. Остаются только пришлые, потому и надобно уже по утру проверить команду судовую этого парусника.

– Хорошо, но инженера убили примерно ночью, а парусник встал на якоря только сегодня. Что ты на это скажешь?

– Перед тем как якорь бросать, они могли сколько нужно, прятаться среди островов. Делая свои дела черные, шпионя например за солдатами вашего гарнизона. А лиходея, можно было и на лодке доставить, как только про вашего инженера прознали.

– Черт его знает, может ты и прав, – пробормотал шериф, – по крайней мере, звучит правдоподобно. Завтра по – утру, обязательно и самолично проверю это корыто, заодно и капитана попрошу поучаствовать. Одно знаю точно, что ассистента инженера охранять надо, пока до него не добрались. Поэтому, я пойду сейчас к медиуму один, а ты останешься его охранять в участке. Все понятно?

* * *

Проводив шерифа, поручик сел к столу и глядя на прыгающее пламя в камине, крепко задумался. О том, что происходило с ним и с людьми которые окружают его, о мировых событиях, которые происходили стремительно и так сильно меняли жизнь простых людей.

Конечно же он не мог знать обо всем, что так или иначе происходит в мире, в том числе и его католической части, но он был прав в главном – "псы господа" развили свою активность не только в Северной Америке, из – за падения свое-

го влияния в мире. Они все чаще, вынуждены были прятать свое истинное лицо, под чужие личины и названия, пытались хоть как – то спасти свое влияние. Которое все чаще, объявлялись в разных концах света, ненужными и вредоносными, потому не угодными Богу. Их монастыри и имущество с земельными участками все чаще подвергались конфискации, на радость и потеху, торговых и работных людей.

Даже в Испании и Португалии, дворянство все активнее выступало против свирепства иезуитов, в области просвещения и науки. Где мысли даже таких людей как Ньютон, считались иезуитами крамольными, а потому опасными и не совпадающие с божественным откровением. Чувствуя, как почва уходит из – под ног, братства по всему миру стремились затормозить все новое, что так пугало их, из-за чего они теряли свое могущество и вес в обществе. Они пытались распространить запреты и на прививки против оспы, и на попрошайничество, и на освящение улиц, считая это подражанием якобинской Франции. С особой жестокостью ими преследовались политически не благонадежные люди, или как они их называли политическими преступниками. В целях шпионажа за тайными обществами и прочими врагами Рима, ими поощрялся разбой и убийства. Именно ими создавались отряды, из разношерстных головорезов – "санфедистов", которые безнаказанно истребляли неугодных людей. Но все это, уже не приводило к желаемым результатам, их место немедленно заменяли другие неугодные, которые от-

носили себя к новому религиозно – этическому движению. На исторической сцене все увереннее заявляли о себе масоны.

Поднявшись рано утром, Орлов не стал будить шерифа, который вернулся глубокой ночью и который, был буквально потрясен всем увиденным в доме у медиума. Выйдя на улицу, поручик двинулся к конторе, зная, что Фреди уже должен быть на ногах. Именно у него он хотел навести справки о португальском паруснике, который так внезапно появился в этих водах и теперь стоял на внешнем рейде.

– А-а-а-а-а, – протянул американец, кивая головой в знак приветствия, – проходите мистер, Орлов. Присаживайтесь к теплу, я сейчас закончу с бумагами и угощу вас кофе, только сварил напиток богов.

– Не откажусь, пожалуй, – устало отозвался тот, садясь к камину.

– Смотрю и для вас ночка выдалась не спокойная?

– Почему вы так решили? – не понял гость.

– Говорят, что колокол опять звонил проклятый, точнее звуки издавал какие – то, – отозвался американец. Глядя на гостя поверх своих очков. – Ничего не слышали?

– Да нет вроде, – пробормотал тот, пожав плечами. – Может это просто порывы ветра?

– Кто его знает, что там с этим колоколом происходит, лично я ни разу не слышал его голоса. Некоторые из очевидцев говорят, что он так морзит кому – то. Держите кофе.

Поблагодарив американца кивком головы, поручик внимательно посмотрел на Фреди и тихо уточнил:

– А, вы то, что думаете насчет этого явления?

– Я убежден, что тут без нечистой силы не обходится, – отозвался тот. Продолжая сосредоточенно сортировать бумаги. – Я где – то читал, что в тридцатых годах в Англии, буквально началась эпидемия какая – то у механических звонков и сигнальных колокольчиков.

– Не уж – то стали звонить сами по себе?

– Именно так!

– Может так шутил кто – то?

– В том – то и дело, что искали шутников, но все тщетно. Да, что Англия! У нас в этом году, в штате Массачусет, в доме священника, помимо колокольного звона, шумные духи стали безобразничать с мебелью.

– Как это безобразничать? – рассеянно уточнил Орлов. Осторожно пробуя горячий напиток.

– Не поверите! – засмеялся Фреди. – Стали ее опрокидывать! Но и это еще не все как оказалось. В доме стали звонить все звонки и колокольчики, причем как уверяли газетчики, звонили они на глазах у всех. Разные ходили разговоры конечно на этот счет, каких только домыслов не было, а самое главное, что в доме – то этом, проживал священник, которому было уже далеко за шестьдесят, и который стал увлекаться спиритическими встречами.

– Он что же, сам устраивал спиритические встречи?

– Вот именно! Поэтому я и считаю, что всему виной нечистая сила, которая и у нас с колоколом играет.

– А не мог священник все это как – то подстроить?

– О чем вы говорите! – воскликнул Фреди. – У него же в доме собирались десятки человек! Поговаривали, что возглавлял этих шумных духов, дух бывшего коробейника! Которого убил бывший хозяин дома с целью ограбления, а труп замуровал в стене подвала. Представляете?

– Ну что же, занятная история, – улыбнувшись, проговорил поручик, – надо будет ее шерифу рассказать. Спасибо, за кофе, пойду я до причала пройду. Говорят там, где – то парусник на рейде встал, не слышали, чей он?

Фреди внимательно посмотрел на гостя и покачав головой сказал:

– Не наш – это точно! С нашими капитанами, у меня договоренности. Вот, к примеру, сегодня, два наших парохода пришли под утро – это я в курсе. А почему? Потому что я теперь, в одном лице являюсь бухгалтером, финансистом, начальником у грузчиков! То документы погрузочные готовлю, то рабочих нанимаю, а все из – за этого больного старика Сьюарта. Мне иногда кажется, что я никогда отсюда не выберусь, из этих снегов и бумаг, будь они не ладные!

– Пароходы опять за льдом пришли для скотобоен?

– За ним родимым, ну еще деликатесов приготовили, каких смогли собрать. У меня там уже грузчики работают, скоро и я подойду на погрузку.

– Не боязно в конторе одному находится, да еще быть финансистом?

– Ну, что вы! Кому я тут нужен? – искренне удивившись, проговорил американец. – Денег у меня больших тут нет, так мелочевка, чтобы грузчиков нанять или пильщиков на заготовку льда. И потом у меня же револьвер есть!

– Ну, тогда я спокоен, – улыбнувшись, вымолвил Орлов. – А то вон в гостинице инженера убили, а ведь у него если разобраться, денег – то и вовсе не было.

– Не нашли злодея? – живо уточнил американец.

– Нет пока, – отозвался гость. Ставя пустую чашку на стол. – Известно, что убийца левша, ну и росточка такого же как Окс убиенный. Нет таковых на примете?

Американец озадаченно закатил к потолку глаза, пытается припомнить, кто подходит под это описание. Постоял несколько минут, потом твердо заявил:

– Нет, мистер, Орлов, не знаю таких! Но если узнаю, то сообщу тотчас!

– Спасибо, за кофе, пойду я, пожалуй, про парусник поспрошаю заодно. Вестей для меня с казаком я так понимаю, нет никаких.

* * *

"Ситка, Ситка, – со злостью думал поручик, шагая к причалу, – уже не Ново – Архангельск, а какая – то Ситка".

Он вдруг отчетливо представил себе, какой неожиданностью и потрясением стала для русских поселенцев продажа этой земли. Большая часть, которых наверняка восприняла эту новость как личное горе, видя как в один миг разрушились все планы, как все, что они делали, уходило с молотка, по пять центов за акр, бросалось за бесценок. Ведь для многих из них, эта земля стала второй родиной, вдохнула в них веру в новую жизнь. Это было для многих простолюдинов тем местом, где они носили самые настоящие сапоги, а не лапти, во многих окнах стояло самое настоящее стекло, а во многих домах столовое серебро, как и стеклянная посуда, приобретенная через меню, не считалось роскошью.

Уже у самого причала Орлов остановился, рядом со штабелями ящиков, которые были набиты мороженными крабами, камбалой и жемчужного цвета кальмаром. По всей видимости именно эти деликатесы и готовил Фреди, для погрузки на два парохода. Стоявшие под американскими флагами, не далеко от причала. Человек десять бородатых грузчиков с красными от мороза лицами, в фартуках из красной кожи, несмотря на столь раннее время уже всю таскали ящики с мороженой продукцией к причальной стенке.

Один из них заметив поручика, перестал работать, вытер рукавом пот со лба и огляделся по сторонам, направился к Орлову – это был Ухов.

– Не угостишь табачком, ваше благородие? – проговорил он, снимая парусиновые рукавицы. – Уж больно зябко сего-

дня.

– Отчего же не угостить, – отозвался тот, доставая кисет. – Я гляжу, ты не только промысловик знатный, но и докером работать можешь.

– Так капитан же запретил за забор ходить, – шмыгнув носом, просипел тот. – Вот и приходится случайный заработок у Фреди в конторе искать.

– Скажи, Ухов, что народ говорит о паруснике, который на внешнем рейде сейчас стоит?

Бородач ловко закончил сворачивать самокрутку, раскурил ее, и только после этого, внимательно посмотрев, в глаза поручика произнес:

– Догадался или подсказал кто?

– О, чем это ты?

– Ну, ты же с шерифом лиходея искал?

– И, что?

– Вот я и спрашиваю, сам догадался про кораблик этот или подсказал кто? Подвахтенный в ту ночь с их парусника сходил на берег, его и у гостиницы видели и левша он вроде. Только я тебе ничего не говорил, мне еще жить здесь. Ты меня понял офицер?

– Спасибо, тебе, Ухов, – отозвался поручик. Глядя на американских моряков, готовящихся к швартовке. – Спасибо, что подсобил крепко. Ну, а просьбу свою мог бы и не говорить, не собирался я тебя к американским присяжным выводить в суде. Значит все-таки с португальского парусника

левша!

– Хочешь совет дам? – буркнул Ухов. – Плюнь ты на этих американцев, и озаботься своей персоной.

– Почему ты так считаешь? – насторожившись, уточнил Орлов. Внимательно оглянувшись по сторонам.

– У Смита сегодня под утро, двух солдат зарезали, не далеко от казармы в аккурат... , наверное это индейцы подступы изучали и с ними столкнулись. Солдатушки, конечно сами виноваты, пьяны они были крепко, с борделя шли... , видать кулаки почесать захотели, а оно вон как все обернулось. Но только кому сейчас нужны эти подробности?

– И, что это значит?

– Ежели, американцы прознают, что ты и есть тот самый генерал, выдачи, которого индейцы требуют, то как бы чего не вышло для тебя плохого.

– Ты никак предлагаешь, прыгнуть мне в лодочку, да на весла навалиться?

– Беги, офицер, из города, беги хоть на корабле с американцами, хоть на метле. Не протянешь ты долго в городе Ситка, потому как длинные языки – это длинные хлопоты. А, за табачок, благодарствуйте.

"Ну, нет уж, – со злостью подумал Орлов, глядя в след уходящему промысловнику, – не пристало мне русскому офицеру, как зайцу скакать. Уж лучше пусть Смит выдаст меня индейцам."

Развернувшись, он решительно зашагал в город, где про-

ходя мимо бара "Красная бочка", столкнулся с выходящим оттуда Биллом.

– Рано встал, сынок, – усмехнувшись, пробормотал тот, – зайди, перекуси. Здесь хороший кофе и сэндвичи, именно в этом заведении ты и стоишь на довольствии. А я сейчас к Смиту направляюсь, хочу солдат взять и версию твою проверить.

– Послушайте, Билл, – проговорил поручик задумчегю. – Человек который убил Окса, действительно из членов судовой команды этого самого парусника. Именно он в ночь убийства был на борту подвахтенным, и именно он сходил той ночью на берег, мне об этом сказали только что. К тому же он левша и его видели у гостиницы в ночь убийства.

– Я же говорил, что у нас получится хорошая команда! – крикнув от удовольствия, выпалил шериф. – Мы прямо сейчас двинем на борт этого парусника, и спеленаем этого левшу! Ты не хочешь составить нам компанию с капитаном?

– Я лучше отдам вам все лавры, а сам забегу к Розенбергу, если шериф конечно не возражает.

– Шериф не возражает, только не забудь покормить Кента сначала в участке. Возьми ему что-нибудь.

"Красная бочка" куда зашел поручик, открывшаяся на месте лавки, уже пользовался успехом у не многочисленных жителей города. Особенно ее полюбили солдаты капитана Смита, которые отоспавшись после караула, начинали к обеду заполнять не большое прокуренное помещение. Частень-

ко сдвигая столы, делая один большой, за которым могли сидеть до самого утра, заказывая не хитрые разносолы. Огромной популярностью здесь пользовались виски с пивом, которые расходились как горячие пирожки. Зная пристрастие служивых, а, также не желая участвовать с ними в грандиозных пьянках, которые не редко заканчивались не менее грандиозными выяснениями отношений, гражданское население старалось посетить данное заведение до обеда.

Новые колонисты и старожилы посещали бар не столько для того, что бы пропустить горячительное, сколько для общения и обмена новостями. Именно в таких не шумных застольях, новые жители Ситки узнавали последние новости, о курсах акций тех или иных компаний, цену на тот или иной мех, не редко совершая куплю или продажу прямо за столом. Новый владелец бара, купивший помещение лавки по бросовой цене, не стал менять привычный для жителей ассортимент. И теперь помимо огромного количества разнокалиберных бутылок спиртного, любой желающий мог как и раньше, купить здесь все необходимое, начиная от спичек с солью, заканчивая порохом с патронами и мануфактурой.

О приходе нового посетителя оповестил звонок, висевший над входом, после звона которого несколько посетителей сидевших за разными столиками с любопытством уставились на вошедшего.

Орлов окинул взглядом сидевших за столами и, подойдя к стойке сказал:

– Мне кофе сварите крепкого и сделайте несколько сэндвичей, да и еще несколько штук заверните с собой в бумагу.

Не молодой человек с хмурым давно не бритым лицом, в цветастом фартуке и широкополой шляпой на голове кивнул и буднично проговорил:

– Могу предложить сэндвичи с солониной или с жареным мясом, есть хорошие галеты. Что помощник шерифа желает?

– Пожалуй с жареным мясом, – буркнул Орлов. Разглядывавшая многочисленные бутылки на полках. – Разве мы с вами знакомы?

– Ну, что вы, сер! Просто Ситка город маленький и здесь даже самое тайное становится явным, причем очень быстро. Присаживайтесь за любой столик, я принесу ваш заказ.

Орлов стянул шапку, неторопливо подошел к одному из столов и, опустившись на стул окинул взглядом бревенчатые, потемневшие от времени стены, между бревен которых угадывались полоски конопаченого мха. В дальнем углу, на многочисленных полках, стояли ряды разнокалиберных бутылок, ящики с каким – то товаром, штабелем лежали рулоны добротной ткани. Рядом стоял комод, оставленный прежним хозяином, и на котором новый хозяин поставил патефон с огромной начищенной до блеска трубой. Поручик с грустью вспомнил как в этом самом углу, еще не так давно, по вечерам, посетители любили послушать выступления нескольких поселенцев, под руководством обожаемого всеми скрипача – Розенберга. Новый хозяин уже успел как ока-

залось, поменять и люстру. Теперь на цепях висело огромное заднее колесо от дилижанса с многочисленными коваными подсвечниками, в которых угадывались оплавленные огарки свечей.

Один из посетителей, сидевший в клетчатом пальто за соседним столиком, взял, свою бутылку виски со стаканом и молча, подойдя, к столику поручика спросил:

– Могу я составить вам компанию? Меня зовут Филипп и я из Сратферда.

Орлов посмотрел на американца и, кивнув, ответил:

– Я поручик Орлов, присаживайтесь.

– А я поначалу подумал, что вы из Сан – Франциска, – проговорил новый знакомый, садясь напротив. – Что – то я вас не видел раньше, да и на церемонии передачи земель, вас по – моему не было, вот и решил, что вы прибыли на одном из пароходов за льдом.

– Я прибыл вчера и служу теперь под началом шерифа Билла.

– Так вот кто у нас теперь ему помогает! – пробормотал тот, расплывшись в улыбке. – Ну, что же, ему на самом деле помощник нужен был, да. Уж если у меня, работающего на компанию, по заготовке корабельного леса есть помощник и не один, то шерифу, он просто не обходим как воздух.

– Ну, что же, приятно познакомится, – отозвался поручик, беря свой заказ.

– Может, выпьем за знакомство по глотку?

– Давайте лучше в другой раз, – пробормотал Орлов, пробуя сэндвичи. – Уж больно много дел сегодня предстоит сделать.

– Понимаю, – кивнув, проговорил тот. – Тут только с убийством этого инженера Окса, сколько у вас с шерифом забот появилось. Что-нибудь уже удалось установить?

– Думаю уже сегодня, шериф объявит, о раскрытии этого преступления, – отозвался, Орлов уминая американский бутерброд.

Филипп озадаченно посмотрел на помощника шерифа и, покачав, головой произнес:

– Однако вы молодцы с шерифом, я даже выпью за вас. А то мы ведь думали, что хоть какой – то порядок, здесь появится лишь с караванами переселенцев, сынов славного Авраама Линкольна, которые доберутся сюда лет через десять в лучшем случае. Мы ведь даже письма сейчас с нижних штатов, можем получать лишь с оказией. Нет ведь ни черта, ни почты, ни телеграфа! Я вот, к примеру, вчера получил письмо из дома, которое мне было написано женой, аж две недели на зад.

– Уж не моряк ли с парусника, что встал на ремонт на внешнем рейде, вам письмецо передал? – уточнил поручик, доедая сэндвич.

– Да нет, – кривясь от, выпитого, прохрипел американец. – Через человека торгового передали. Иваном Климовым его мне представили.

– Иван? – ошарашено прошептал Орлов. – Он, что же русский?

– Верно, он ваш соотечественник, – пожав плечами, отозвался американец.

– Откуда же он взялся – этот Климов? Ведь не было же кораблей из России за последнюю неделю точно! Климов, Климов... нет, не знаю.

– Я думал, что вы знаете об их паруснике, – растерянно проговорил американец. – Они уже две недели курсируют, где – то в районе Аулетских островов! То приходят, то вновь выбирают якорь, у них говорят полные бункеры воды с провизией, потому, наверное, в бухту и не заходят.

– А этот Климов не говорил, куда они держат курс?

– Говорил, что в Японию. Я понимаю вас мистер, Орлов – настольгия по родному берегу, скверная дама, она как ржавчина разъедает человека изнутри.

– Это правда, – скрипнув зубами, пробормотал поручик. – Могу я вас попросить об одном одолжении?

– Разумеется, я к вашим услугам.

– Если еще раз увидите этого Ивана, то пусть он меня найдет в полицейском участке, или через шерифа.

– О, кей! Будем считать, что договорились.

– Тогда я откланяюсь, пожалуй, дела знаете не ждут, а за помощь благодарю, покорно.

Прихватив сэндвичи для Кента, спрятанного в участке до выяснения всех обстоятельств, Орлов покинул "Красную

бочку". Оказавшись на улице, он огляделся по сторонам и, подняв воротник полушубка, медленно побрел к участку, размышляя обо всем услышанном. Новость о том, что где – то совсем рядом стоит русский парусник, буквально ошеломила его.

"Климов, Климов, нет, никогда не слышал о нем, – думал он, прикуривая окурок сигары. – Поздний ночной гость, явившийся к Розенбергу предупреждал о торговом человеке с черепаховой табакеркой, но он не называл этой фамилии. Что же делать? Нет отправляться на поиски парусника – это просто глупо! Где там его искать среди множества островов? Да и не говорил ночной визитер об этом..., он говорил, что встреча должна произойти в баре, после захода парусника в бухту. Значит надобно набраться терпения и ждать. Может этот парусник идет все – таки не в Японию, а к Гавайским островам? Что им делать в Японии? Или всетаки они идут по пути проложенным еще Путятиным, который первый побывал в этой закрытой стране, на своем фрегате "Паллада"? Остается только ждать! Ждать и верить в то, что империя не забудет своих солдат, верить в милость Господа..."

Внезапно он увидел двух незнакомцев, которые стояли, облокотившись на бревно коновязи, рядом с полицейским участком. О чем – то тихо разговаривали и явно кого-то ждали, надвинув свои широкополые шляпы на глаза. Орлов вдруг почувствовал какую – то опасность, исходящую от этих незнакомых ему людей, почувствовал, как застучало

сердце, отдавая противным стуком в висках. Оглянувшись по сторонам, он медленно снял перчатку и, сунув руку в карман, сжал холодную рукоятку револьвера.

Один из незнакомцев в поношенном оленьем полушубке заметил его и с деланной радостью воскликнул:

– А вот и мистер, Орлов, если не ошибаюсь!

– Допустим, – буркнул тот подходя. – Чем обязан?

– Поговорить нужно, – отозвался второй бородач, поднимая воротник своего полушубка.

– О чем?

– Ну, может, мы зайдем в участок? – криво улыбнувшись, буркнул увидевший его первым.

– Бойтесь, что ветер услышит? – уточнил поручик. – Ну, извольте зайти, коли у вас секреты имеются.

С этими словами помощник шерифа, медленно поднялся на крыльцо, также медленно достал ключ, лихорадочно думая при этом, что следует предпринять.

– Да какие там секреты, – отмахнулся второй незнакомец, озираясь по сторонам. – Просто никогда не знаешь, откуда и где могут вырасти чужие уши.

Зайдя в гостиную, визитеры переглянулись и в замешательстве остановились, растерянно глядя на сонного Кента, сидевшего в одиночестве за столом.

– Это просто свидетель, – проговорил поручик. Заметив растерянность на лицах гостей. – Надеюсь, он нам не мешает?

Незнакомцы опять переглянулись, и один из них шагнул вперед проговорил:

– Нам бы хотелось переговорить наедине. Ваш гость не мог бы зайти в другой раз?

– Тогда наш гость, подождет окончания разговора на втором этаже, – твердо проговорил Орлов. Сунув в руки Кенту пакет с сэндвичами.

– Да, да, конечно, я подожду в спальне, – засуетился ассистент.

Когда, наконец, он удалился шаркающей походкой на второй этаж и скрылся там за дверью одной из спален, поручик сел на кромку стола и, сунув, руки в карманы спросил:

– И так, о чем вы собирались поговорить? И если можно, то по быстрее изложите свои секреты, у меня мало времени.

Незнакомцы опять переглянулись, затем один из них медленно подошел к окну и, глядя, вверх занавески сказал:

– Мы русские и нас послали за вами, ваше благородие. Вас ждут на борту парохода, который стоит в двадцати милях отсюда. Уже этой ночью он выбирает якоря, так что вам надобно поспешать.

– Что – то вы не похожи на членов судовой команды. И потом кто вас послал за мной конкретно?

Говоривший медленно повернулся и сев на подоконник произнес:

– Я же говорю, что мы простые промысловики, а не матросы. А послал нас староста из слободы Николаевской, уж

очень он озабочен, что вы никак в Родину не отправитесь.

Орлов внимательно смотрел на этих давно не бритых незнакомцев, в одинаковых шляпах, в таких же одинаковых оленьих полушубках и что – то подсказывало ему не верить этим гостям.

– Однако я не видел вас в слободе, да и с Георгием или старостой, я бы переговорить не отказался, – проговорил он наконец.

– Заняты они шипко, вот нас и отправили, – прогудел стоявший у двери, явно начиная нервничать. – Да и о чем тут гутарить? Корабль вот – вот якоря поднимет, поспешать нам надобно. Сказал Георгий, покажите вот эту вещицу офицеру, он мол все и смекнет.

Орлов стараясь не выдать своего волнения, медленно выдохнул табачный дым, глядя на серебряную табакерку в руках гостя. Его терзали сомнения – ночной гость говорил о паруснике из Амстердама, о черепаховой табакерке и о том, что торговый человек встретиться с ним в "Красной бочке".

"Что – то здесь не так! – мелькнула беспокойная мысль. – Эти гости могут быть от кого угодно, только не от Георгия или старосты. Они, что – то слышали о табакерке, о корабле, но не знают деталей – они не те, за кого себя выдают! Как же их проверить?"

– А, куда направляется пароход? – равнодушно уточнил он.

– Ну, что за вопрос! – с раздражением, воскликнул сидев-

ший на подоконнике. – В Россию конечно! Собирайтесь уже, ваше благородие, лодка ждет! Ну, чего время в разговорах пустых терять?

– Лодка говоришь! – выпалил Орлов, выхватывая револьверы. – Или вы мне говорите, кто и зачем вас подослал, или я клянусь, пристрелю обоих по законам военного времени!

По всей видимости, неизвестные были готовы к такому повороту событий, так как мгновенно выхватили свои револьверы. Какое – то время, они, молча, смотрели на Орлова, а он на них. Затем сидевший, на подоконнике встал и проговорил миролюбивым тоном:

– Видишь, офицер, сила все одно за нами, собирайся лучше. Ты же человек военный и понимаешь, что четыре револьвера против твоего – это не серьезно. Поэтому предлагаю спрятать оружие и покинуть город, пока аборигены не пришли сюда за твоей головой. Так, что же мы делать то будем?

– Я не получил ответа на свои вопросы, – сквозь зубы, выдавил поручик. – Кто вы такие и зачем явились сюда?

Стоявший, у окна покачал головой и едва сдерживая раздражение сказал:

– Вот я как чувствовал, офицер, что говорить с тобой надо было в доме Розенберга, а не в полицейском околотке. Кстати, не подскажешь, куда это твои старики подевались?

– Какие еще старики? – уточнил Орлов. Почувствовав, как защемило в груди от не доброго предчувствие.

– Да, урядник твой с Розенбергом! Всю ночь прождали, а они так и не объявились.

– Чего ты тут языком мелешь? – скрипнув зубами, выдал офицер.

– Вот и я говорю, что не должны они, куда – то из дома уходить, да еще на ночь глядя. Ну, не пиво же пить они подались в "Красную бочку", да и в преферанс они вроде не играют на деньги. Не злись, офицер, но они правда не из-за нас пропали! Когда мы пришли чайник с печкой уже холодные были, да и не сделали бы мы старикам ничего плохого. Мы же простые промысловики, такие же православные, не пожелавшие оставлять свои зимовища, для того, чтобы вернуться в империю бесправными.

– И кто же послал простых промысловиков за мной? – повторил свой вопрос Орлов.

– Один добрый человек, которому ты, офицер, задолжал.

– Очень интересно! И много я задолжал этому человеку? – играя желваками, уточнил поручик.

Незнакомец, недобро улыбаясь, сделал несколько шагов к офицеру и тихо проговорил:

– Всего лишь нательный пояс, с золотыми унциями. Знаешь, поручик, мне тоже не нравится вся эта история, поэтому у меня к тебе простое предложение... Помощник шерифа отдает нам пояс, а мы доставляем господина, куда он пожелает. По – моему это хорошая сделка?

– А ваш знакомый хороший, не обидится за это на нас? –

буркнул Орлов. Лихорадочно соображая, что же следует предпринять. Почувствовав при этом, как еще сильнее заныло сердце.

– Да, пес с ним, – отмахнулся гость, – все одно иноземец он. Какой он нам указ. Думаю, что мы как православные промеж себя договоримся, без его участия. Ты нам поможешь, а мы тебе с доставкой подсобим, до кораблика. И всем хорошо будет! Землица, эта все одно к янки отошла, а раз так, то и поясок кожаный уже не нужен тебе. Ну, что молчишь? Я думаю это хорошее пред...

Внезапно открывшаяся со скрипом дверь на втором этаже, оборвала разговор на полуслове. В считанные секунды, гостиная утонула в пороховых газах и грохоте стрельбы, которую открыли незваные гости из четырех стволов.

Орлов мгновенно упал на пол и, пользуясь замешательством, спрятавшись за стол, разрядив наугад револьвер, через клубы дыма. Не прошло и минуты, как все было кончено. Стоящий рядом с поручиком незнакомец, получил смертельное ранение в грудь, его же товарищу повезло больше и он, получив ранение в ногу, смог покинуть дом, бросившись в сторону океана.

Продолжая лежать на полу, Орлов с остервенением перезарядил револьверы, не обращая внимание, на скачущие по полу как горох, стреляные гильзы. Только после этого проворно вскочил и, бросив взгляд на изрешеченную дверь спальни, подошел к корчившемуся с перекошенным от боли

лицом визитеру.

– Кто вас послал? – морщась от порохового дыма, спросил он устало. Наводя ствол револьвера на переносицу раненного.

Тот, что – то попытался прохрипеть, захлебываясь кровавыми пузырями вырвавшимися изо рта, но уронив голову на пол замер.

Поручик посмотрел на второй этаж и только после этого крикнул:

– Ты там живой, Кент?

Ответом была лишь тишина, да неспешное тиканье настенных часов. Тогда он подошел к одному из окон и, заметив хромающую фигуру незваного гостя, который, не смотря на свое ранение, довольно проворно убежал, то и дело, оглядываясь на полицейский участок. Поручик неторопливо вышел на крыльцо. Взяв револьвер двумя руками, медленно поднял дрожащий ствол и, прицелившись, выстрелил.

– Аминь, – прошептал он. Увидев как взмахнув руками, беглец уткнулся лицом в снег.

В ту же секунду до него долетела, чья – то команда, смысл которой он даже поначалу не понял. Кто – то требовал его бросить оружие и поднять руки. Медленно повернувшись, он только сейчас заметил отделение солдат Смита, в зайчих полушубках белого цвета, которые залегли чуть поодаль, держа его под прицелом.

– О господи, – прошептал Орлов, отбрасывая в снег ре-

вольвер, – вы – то откуда здесь взялись.

– Я, сказал, подними руки, а не то я дам команду на стрельбу! – крикнул сержант. Осторожно приближаясь с револьвером в вытянутой руке.

– Я, помощник шерифа, – отозвался поручик, поднимая руки, – вы меня с кем – то спутали. Я оборонял полицейский участок!

– Мне все равно кто ты такой, – буркнул сержант подходя. – Твоя фамилия Орлов?

– Точно так и я помощник шерифа!

– А мне плевать, чей ты помощник! – вдруг истерично, закричал американец. – Мне приказано тебя арестовать и я тебя арестую! Вяжите его!

На ничего не понимающего офицера налетело несколько солдат и, сбив его с ног стали связывать руки.

– Может пристрелить его? – крикнул кто – то.

– Я тебе пристрелю! – выпалил сержант. – Ясно же сказано, что арестовать и доставить на гауптвахту!

По дороге к школе, где размещались солдаты гарнизона, Орлов, пытался выяснить причину своего ареста, но получив удар прикладом в спину, решил оставить эту затею.

Оказавшись в дальней комнате за металлическими прутьями, куда его препроводили, под любопытные взгляды солдат, поручик медленно окинул взглядом побеленные толченым мелом стены и, потирая, запястья рук прошептал:

– За что же с тобой так, ваше благородие? Неужели ка-

питан Смит решился на выдачу? Ладно, тогда подождем заключительного акта.

Сев на широкую лавку, пленник сплюнул на пол и, потрогав рукой разбитые при задержании губы, в изнеможении улегся на спину.

Не прошло и часа, как в казарме раздались чьи – то крики, ругань и вскоре несколько солдат с остервенением швырнули, за решетку напротив какого – то человека, с разбитым в кровь лицом. Судя по рваной парусиновой одежде, а так же по морским проклятиям, поручик понял, что это моряк. Только после того как очередной замок был заперт, в комнату зашел с уставшим видом, капитан Смит. Он медленно снял перчатки и, подойдя к решетке за которой лежал Орлов, уставился на пленника.

– Что происходит, Смит? – усмехнувшись, спросил поручик, не поднимаясь с лавки. – Меня ударили по лицу при аресте! За что?

– Это же самодовольные янки! – выпалил сосед по камере. Тряся с остервенением руками металлическую решетку. – Будьте вы прокляты! Привыкли чинить зверства на Юге во время своей войны! Думаете, вам все дозволено?

– Заткнись! – со злостью, рявкнул Смит. – Не то сейчас солдат покличу, и они отобьют тебе охотку орать.

– Ты нечего не докажешь грязная, свинья! – истошно завопил тот в ответ. – У тебя на меня ничего нет! А команда подтвердит, что я не сходил на берег!

Капитан медленно повернулся к арестованному и громко с раздражением крикнул:

– Сержант! Объясните мистеру, что когда его просят заткнуться, то он должен заткнуться и молчать!

В ту же секунду солдаты, кутившие в коридоре, ворвались с перекошенными лицами к не трезвому пленнику и стали с остервенением избивать матроса, пока тот не затих лежа на полу.

– Ну, все, все! – крикнул Смит, продолжая смотреть на Орлова. – Подождите в коридоре, я скоро.

– Есть, сэр, – отозвался сержант, массируя пальцы рук.

Какое – то время Смит продолжал стоять и смотреть на русского офицера, потом поднял двумя пальцами надвинутую на глаза шляпу и устало спросил:

– Как самочувствие, помощник, шерифа? Уж извиняй солдатиков, нервы видишь ли у всех на пределе.

– Я не в обиде, капитан, бывало и хуже. А это тот самый предполагаемый убийца инженера Окса?

– Да, мистер, Орлов – это тот самый убийца инженера. – А вот кто такой мистер, Орлов? Я бы предпочел узнать от него лично.

– В каком смысле? – не понял тот, садясь на лавке.

– На мне лежит бремя ответственности за город, за безопасность его граждан. А сегодня под утро зарезали двух моих солдат..., я не позволю резать моих людей как свиней, причем замете на их же собственной земле.

Орлов покачал головой в знак согласия и тихо проговорил:

– Поверте, я сожалею по поводу гибели ваших солдат, но я вроде как с шерифом тоже участвовал в наведении порядка по мере сил. Вон и лиходея вы взяли с моей подачи.

– Я как раз не уверен в этом, – выдавил сквозь зубы Смит. – С вашим появлением в Ситке..., здесь стали происходить странные вещи, я бы даже сказал чрезвычайные.

– Послушайте, капитан, может, объясните, наконец, что происходит? В чем меня обвиняют? За что я арестован?

– А я именно это и делаю! – выкрикнул американец. – Какие – то люди проникают в город, являются к вам в участок, где вы устраиваете перестрелку, в которой эти неизвестные убиты, а вместе с ними погибает и американский гражданин, между прочим. До этого, какой – то несчастный пытается напасть на вас на причале, а на допросе, перед тем как умереть он уверяет, что вы с друзьями похитили у них шхуну с провизией и мануфактурой. Потом я узнаю, что те оборванцы, которых мы расстреляли в пригороде, оказывается, были остатками той самой судовой команды, шхуну которых вы похитили. Но и это еще не все! За охранным забором стоят толпы обозленных аборигенов, которые грозят штурмом взять город, если им не выдадут какого – то русского генерала. И вот сегодня я узнаю, что речь идет о вас мистер, Орлов! Хорошо если они пойдут на приступ только со стороны леса! А если они еще двинут на веслах со стороны океана?

Так, мистер Орлов, ничего не хочет мне рассказать?

– Я, хотел рассказать эту историю капитан, – отозвался поручик, пожав плечами, – да времени не хватило. И потом шерифу я об этом все рассказал, можете у него спросить.

– Вот оно, что! – выпалил капитан с яростью. – Шериф знал и молчал? Почему?

Орлов развел руками и тихо проговорил:

– Он предположил, что начальник гарнизона, ради спасения города может выдать мистера Орлова индейцам.

– Я, проливал кровь за, Капитолию! – с остервенением закричал Смит. – Я командовал снайперской ротой и мы бились против рабства, против "судов Линча", за справедливый суд присяжных, за прочие идеалы демократии. И я никогда, слышите, мистер Орлов, никогда не предавал союзников! Я никогда не пойду на поводу, у каких – то туземцев, жрущих сырое строганное мясо и воняющих псиной!

Внезапно двери с шумом распахнулись и в комнату гауптвахты буквально ввалился, тяжело дыша, шериф, с перекошенным от злости лицом.

– Что это ты себе позволяешь, капитан? – выпалил он с порога. – На каком основании арестовали, да еще и избили моего помощника?

– На том основании, что час назад он застрелил двух человек в городе, а еще один погиб в этой перестрелке. И этим погибшим оказался ассистент убитого инженера, которого вы вроде как спрятали в полицейском участке, а это, между

прочим, гражданин нашей страны. И есть еще много веских причин, почему ваш помощник арестован! А еще я бы хотел знать, почему это шериф скрывает от меня важные данные о своем помощнике?

– Чего ты несешь, капитан? – взорвался Билл. – Мне нужен помощник! А ты если бы и не выдал его аборигенам, то захотел бы судить! А нам сейчас только представлений не хватало!

– Ну, вы даете, Билл! Выполнение Закона вы называете представлением? Вы же должны быть на моей стороне! Вы, шериф, черт меня подери! А в гарнизоне, где введено военное положение, все тем более должны жить по Закону, и это касается вас со своим помощник! Все должны знать, что Закон для всех один. Поэтому мы проведем следствие, а потом присяжные решат, виновен мистер Орлов или нет.

– Значит, будем все – таки судить? – играя желваками, выдавил со злостью шериф.

– Закон для всех один! Лишь тогда в гарнизоне будет порядок!

– Надеюсь, я тоже буду участвовать в дознании?

– Разумеется, – буркнул капитан, выходя с гауптвахты. – А пока мы разберемся с туземцами, ваш помощник посидит здесь. Ему под охраной будет и безопаснее.

– Я лично буду принимать заявления от присяжных! – крикнул шериф.

Подойдя к решетке, Билл протянул арестованному по-

мошнику сигару со спичками и улыбнувшись проговорил:

– Ничего, сынок, все образуется, уж я растолкую присяжным, если конечно суд состоится, что и к чему. Тем более, у нас с тобой есть задержание на счету убийцы Окса, все ведь подтвердилось, и ты оказался прав насчет этого парусника. Ну, а на капитана зла не держи, у него больше половины солдат – это бывшие дезертиры, которые воевали за Юг. Ему нужна дисциплина в гарнизоне любой ценой, за то, что поколотили, прими извинения от старика Билла.

– Да я и не в обиде, – отмахнувшись, проговорил поручик, прикуривая сигару. – У меня просьба одна есть.

– Какая?

– Те два визитера, что пришли сегодня в полицейский участок, сказали, что ждали меня всю ночь в доме у Розенберга и, что там уже не было ни Давида Марковича, ни моего урядника.

– Вот как?

– Да, я хотел попросить шерифа озадачиться их исчезновением, если это конечно, правда.

– Считай, что я уже занимаюсь этим! – воскликнул Билл. – Да-а-а, жить в Ситке становится все интереснее. Я обязательно займусь их пропажей! А теперь скажи мне, как погиб Кент?

– Его застрелили эти самые незнакомцы.

– Ты их знал раньше и, что они хотели?

– Хотели, чтобы я пошел с ними. Сказывали, что им по-

ручили доставить меня к какому – то иноземцу.

– И кто он такой?

– Они сами не знают, – отозвался Орлов, пожав плечами. –

Их наняли, потому что они русские.

– Ладно, кто они такие будем разбираться, и выяснять позже... , сейчас главная задача отстоять город.

– Все так серьезно?

– Да, есть данные наших наблюдателей, что туземцы потягивают свои силы к окраинам Ситки.

– Но ведь срок ультиматума еще не истек.

– В том то и дело, есть вероятность того, что пойдут они на приступ, не дожидаясь срока, – со вздохом проговорил шериф.

– Удержит гарнизон город?

– Если честно, то не знаю... , на все воля Господа.

Орлов внимательно посмотрел на красное лицо Билла и твердо проговорил:

– Давайте я выйду за частокол к ним один, убедите в этом капитана.

– Не говори ерунды мистер, Орлов! – воскликнул старик. – Мы не дикари, мы граждане Свободных Соединенных Штатов и не позволим диктовать нам условия, тем более каким – то племенам. Ладно, пойду я сынок, а то меня назначили командиром ополченцев, ждут они меня одним словом. Я обязательно зайду к тебе еще и твоими друзьями займусь – быть такого не может, что бы у нас в Ситке люди вот так

пропадали.

После ухода шерифа, Орлов лег спиной на лавку и, уставившись в потемневшие от времени доски потолка, стал думать обо всем произошедшем. Но все его мысли снова и снова возвращались к родным просторам империи, к своей Родине, к своей не многочисленной родне, которую он не видел уже так долго.

Вспоминал он и о том, какое впечатление в России произвели первые суды присяжных на общество, на все сословия без исключения. Вспомнил сколько по – началу было споров перед введением этого инструмента правосудия и различных мнений, поскольку в число первых присяжных допускались и малограмотные крестьяне. Однако уже первые заседания развеяли все сомнения – все были довольны новым судом.

Тягучее течение его мыслей, оборвал стон соседа лежащего на полу, который придя в себя с трудом сел и отчаянно тряся, взлохмаченную голову закричал:

– Мы, что уже в аду?

– Нет, милейший, – отозвался поручик, продолжая лежать на лавке, – там говорят гораздо жарче. А тут мы пока под арестом.

– Я убью этих позорных янки! – истошно завопил матрос, хватаясь руками за голову. – Они еще пожалеют, что вломилась на борт капитана Себастьяна! Они, наверное, перепутали нас со своими фермерами из Сант Луиза! А ты кто такой?

– Я, поручик Орлов, – медленно проговорил тот садясь.

– Так ты русский? – удивленно пробормотал моряк.

– Точно так.

– Так это из – за вас тут завертелась вся эта "полундра"? – прохрипел матрос. С трудом садясь на лавку. – Молодцы ничего не скажешь! Всучить янки ящик со льдом, да еще когда они от своей войны не оправились – это как изловчиться надо было! Это же просто уму непостижимо!

Орлов грустно усмехнулся и, глядя, на арестованного проговорил:

– Ну, то, что англичане огорчились, я еще могу понять. А португальцы – то чем не довольны?

– Мы работаем не на Португалию, а на нашего посланника в Риме, господина Альмада! – выпалил тот.

– Тогда понятно, – буркнул Орлов, – я знаю, что ваш Альмада покровительствует иезуитскому ордену. Понятно, почему вы тут объявились!

– Сам папа выражает ему глубокую благодарность за "полезную деятельность"!

– И в чем же она заключается, позвольте полюбопытствовать?

– В деле насаждения истинных начал католической веры, вот в чем! Рим не может оставаться равнодушным к тому, что здесь объявились выскочки, из сект этих протестантов.

– И здесь вас интересует это? Или сюда еще примешиваются, какие – то торговые интересы?

– Ну, не без этого, наверное, я не знаю, – пробормотал

матрос.

– Зато я знаю, – со вздохом отозвался поручик. – Знаю, как вся ваша братия, жадна до прибыли и это не важно, в какой части света вы служите Риму. В землях австрийской короны, имения ордена оценивают в сотни тысяч гульденов, в Баварии доходы составляют сотни тысяч талеров, в Испании одни земельные владения, приносят десятки миллионов франков. Я уже про саму Португалию молчу, там я так смекаю, тоже миллионами пахнет.

– Ты еще забыл упомянуть Перу с Новой Гренадой и Альтийские острова, где доходы еще больше гораздо! – выкрикнул арестованный. Укладываясь поудобнее на лавке.

– Все верно, – буркнул Орлов, – на одной Мартинике у ордена владений на миллионы франков. Только я никак не могу понять, а где же ваши торговые интересы на Аляске лежат?

– Ордену, как и Альмаде нужна в первую очередь не ваша Аляска! – выпалил тот. – Риму важно из – за этой покупки не потерять контроль над Мексикой, по крайней мере, так говорит наш капитан. Риму важно контролировать морские пути, через которые идет товар с сахарных заводов и серебряных рудников? Это же эльдорадо!

* * *

"Сколько же интересов столкнулось у этих далеких бере-

гов? – с ужасом подумал Орлов. – Ну, конечно же, для иезуитов владеющих лучшими сахарорафинадными заводами и доходными серебряными рудниками в Мексике, расширения влияния американцев смерти подобно. Так ведь можно и контроль над торговыми путями потерять! Вот почему они так засуетились – им нужно понять, что следует делать на новых американских землях, чтобы ни допустить этого. Их устраивала слабая колония Российской империи, с малочисленным и маломерным флотом, с немногочисленными гарнизонами в фортах. Ну конечно! Для них в землях Аляски, лежит ключ к их спокойствию в Мексике. Где все будут знать, что кулак святых отцов не ослабнет, даже если американские интересы и территории значительно увеличились. Знать и помнить об этом будут не только рабочие на сахарных заводах и рудниках, об этом будут помнить и племя Чикито, которое поставляет ордену воск, и племя Махос, которое заготавливает для ордена какао..."

Орлов не знал, сколько прошло время, в неопределенности и ожидании, лишь изредка нарушаемое стонами и криками проклятий арестованного матроса. Внезапно тягучий ход мыслей прервали, чьи – то осторожные шаги в коридоре, которые заставили поручика насторожиться – это определенно не были шаги солдата охранявшего гауптвахту. Прошло еще несколько томительных минут и в комнату, освещенную тусклым светом керосиновой лампы, вошел вооруженный винчестером бородатый незнакомец. В огромной бобро-

вой шапке, в овчинном полушубке, в валенках на ногах, он был похож скорее на одного из промысловиков. Прищурившись, он несколько минут рассматривал то одного, то другого арестованного, потом закинул винтовку за плечо и глядя, на Орлова тихо прошептал:

– Ты, что ли русский офицер будешь?

– Допустим, – отозвался тот вставая. – Чем обязан?

– Меня прислал освободить вас Георгий, как только прознал про ваш арест, – пробормотал незнакомец, пытаясь открыть замок. Освободить приказано и вывести за городскую ограду.

– Из Николаевской слободы? – не веря в происходящее, уточнил поручик.

– Точно так, меня Гаврилой кличут. Поспешать нам надобно, а то Тутукано никак не угомонится, уж как только староста с мужиками нашими не старается. Не успели мы вам подмогнуть, когда нехристи на штурм шхуны пошли, сорвало вас и в океан потащило. Георгий, да и мы с мужиками извелись все от жалости, что таких людей не уберегли. А тут прознали, что вы в городе объявились, только возрадовались, а тут новая напасть – узнаем, что вокруг вас такие страсти развернулись. Вот и отправил меня староста с мужиками к вам на подмогу, все можно выходить.

– А как же вам удалось через посты американские пройти? Да еще в самую казарму заявиться для моего освобождения?

– У капитана все люди на позициях, шериф с отрядом са-

мообороны на причале, так мы дыру в частоколе проделали, отсюда недалече будет. Через нее и уйдем! А солдатик, что на крылечке на посту стоял, приморился видать. Я его легонько ударил, из него бодрость и выскочила. А где же урядник ваш? Георгий сказывал и его отбить надобно, а сосед ваш в соседней камере, на моряка вроде похож.

– Не урядник это точно, – сокрушенно вздохнув, пробормотал поручик, – где он сейчас, даже не знаю если честно.

– Так как же нам быть? Нам ведь поспешать надобно!

– Пошли, Гаврила, буду надеяться, что ему шериф поможет, ежели живы они еще с Розенбергом.

Перешагнув через обездвиженное тело караульного, Орлов со своим спасителем побежали, утопая по колено в снегу между домами к частоколу. Уже у самого лаза поручик вдруг остановился и тяжело дыша, проговорил:

– Знаешь, Гаврила, передай Георгию мою благодарность..., только я не могу пойти с тобой, извиняй за пустые хлопоты.

– Это почему еще? – растерянно пробормотал тот, озираясь по сторонам. – А, что я мужикам скажу, что на веслах нас ждут? Что я старосте скажу? Чего удумал то, ваше благородие?

Орлов поморщился и, отдуваясь, от быстрого бега проговорил:

– Не по совести это, Гаврила, солдат американских под пули да стрелы ставить..., да за спины их прятаться. Не за-

служили наши союзники такого, да и передай Георгию, что поручик Орлов всегда платил по своим счетам, и никогда не бегал как заяц от неприятеля. Передай старосте, чтобы ни поминали раба божьего лихом.

– Ну, как знаешь, офицер, – проговорил Гаврила, пожав плечами, – одно могу сказать... ежели сгинешь, в расстройстве все наши мужики будут. На вот, хоть револьвер возьми! Какая никакая, а все ж подмога будет.

Попрощавшись с посланцем из Николаевской слободы, Орлов поднял воротник полушубка и медленно побрел к виднеющейся сторожевой вышке.

– Ну, что мистер, Орлов, пожалуй, это твой последний выход, – пробормотал он, оглянувшись по сторонам. – Последняя возможность показать всем, как умирает русский офицер, дерясь в меньшинстве, с остервенением, до самой крайности, как и на Севастопольских редутах. Эх, прав был урядник – не заладилась наша батальница изначально, не ко времени земляца эта стала для империи в тягость. Жаль, что маменька с сестренкой, так и не узнают, где сгинул поручик Орлов... Хотя может это и к лучшему, итак смекнут, что погиб раб божий, как велят артикли военные.

Уже когда до сторожевой вышки осталось около сотни шагов, его остановил окрик часового:

– Стой! Кто такой?

Поручик остановился и, оглядевшись по сторонам, не громко крикнул:

– Я, поручик Орлов! Отведите меня к капитану Смиуту!

Из – за огромной кучи рубленых дров показалась фигура солдата, который медленно двинулся навстречу, держа поручика на прицеле. Подойдя поближе, солдат навел ствол винтовки на грудь задержанного и с ненавистью проговорил:

– Из – за тебя говорят, двоих наших зарезали, говорят, что ты и помощника инженера пристрелил, и аборигены из – за тебя к городу подошли, ... Может тебя пристрелить просто, при попытке к бегству, чтобы ты больше беду не приносил? Как думаешь?

Орлов прищурившись, посмотрел на красное, обветренное лицо молодого солдата и, кивнув, сказал:

– Можно конечно и пристрелить, только я за тем и пришел, чтобы от стен города беду отвести. Покличь лучше капитана Смиуту, или проводи меня к нему.

В этот момент от кучи дров отделилась фигура второго часового, который молча, подошел к товарищу и тихо буркнул:

– Давай я его к Смиуту отведу, а уж он пусть и решает, что с этим русским делать.

* * *

Капитан Смит, находившийся на сторожевой вышке, еще издали увидел, кого ведет его солдат. Он быстро спустился, вниз прыгая через ступеньку и подбежав к задержанному вы-

палил с яростью:

– Никак сбежать решил, мистер Орлов? Я ведь тебя и пристрелить могу, прямо сейчас по закону военного времени! Как из – под замка вышел? Что с часовым?

– Я, пришел сам, – устало проговорил поручик. Глядя на ствол револьвера направленного ему в лицо. – Часовой уже наверное, в себя пришел, ничего с ним не случилось. А я пришел помощь свою предложить, чтобы упредить гибель ваших людей и разорения города.

– Никак за сторожевой забор выйти хочешь? – криво усмехнувшись, уточнил Смит, пряча револьвер.

– Именно это я и хочу сделать, – отозвался Орлов. Глядя на перекошенное от злости лицо капитана.

– Невероятно! Думаешь, твое благородство аборигены или мои солдаты оценят?

Поручик внимательно посмотрел на помятый синий мундир капитана, выглядывающий из под полушубка. На его черные штаны, с желтыми лампасами и тихо сказал:

– Да, плевал я на то, что кто – то скажет о моем поступке. Для меня главное, что индейцы уйдут от стен городских, жизнь в городе вновь войдет в свое привычное русло. Не это ли главное? Я уже не говорю о жизни ваших солдат, капитан, которым тут и так приходится не сладко.

– Там ведь тебя, мистер Орлов, смерть ждет лютая!

– Ну, прежде я думаю до головы этого бесноватого Тутукано добраться, а что будет потом – это уже не столь важно.

Капитан оценивающе посмотрел на Орлова и, усмехнувшись, проговорил:

– До головы этого Тутукано, голыми руками добираться будешь?

Поручик достал из кармана револьвер и, отряхнув, его от табачных крошек сказал:

– Думаю этого хватит, чтобы продырявить одну голову, больше то мне навряд ли дадут.

Солдат, стоявший за спиной поручика, опустил винтовку и робко предложил:

– Может и правда, пусть идет себе за стену – это ведь их выяснение отношений.

– Молчать, сержант! – рявкнул в ответ Смит. – Сегодня дадим слабину, завтра уступим, тогда нам точно покою не будет. С этими туземцами нужно разговаривать только с позиции силы, как с племенами апачей.

– Смит, мы оба знаем, что это лучший выход из этой истории, давайте я просто выйду, и закончим это дело разом. К тому же два раза не убьют, лучше выполните напоследок мою просьбу.

Капитан внимательно посмотрел в глаза Орлова и, кивнув, проговорил:

– Я слушаю вас.

– В городе пропали Розенберг с моим урядником, уйти по доброй воле они не могли и я сильно опасаюсь за их жизнь. Могли бы вы посодействовать в их поисках?

– Хорошо мистер, Орлов, – кивнув, отозвался Смит, – я обязательно отыщу ваших знакомых. Может напоследок по глотку хлебных виски?

– Не откажусь, пожалуй, – проговорил поручик, беря протянутую флягу.

Сделав несколько крупных глотков, поручик покривился от выпитого и, вернув флягу буднично сказал:

– Ладно, мистер Смит, пошел я пожалуй. Честь имею.

– Один момент, сэр, – буркнул тот. Доставая, что – то из внутреннего кармана. – Возьмите вот это, здесь только нужно дернуть за вот эту бечевку.

Орлов внимательно посмотрел на кусок динамита, приспособленного для мгновенного подрыва и, кивнув, проговорил:

– Спасибо, Смит, – это королевский подарок и он мне явно не помешает.

Спрятав подарок в рукаве, Орлов направился твердой походкой к городским воротам и вскоре оказался за городской оградой. Идти было трудно из – за снега, который местами доходил до колен, а также бурелома, который захламлял лес вокруг города. Около получаса ему потребовалось, чтобы преодолеть участок из густого подлеска, заросшего молодыми елками и соснами, прежде чем он оказался на кромке поляны.

– Ну, вот кажется и все, – прошептал он. Глядя на нескольких индейцев, которые показались за деревьями. – Вот ка-

жется, подходит к концу, вся эта грустная история. – Позовите своего Тутукано! Он так желал видеть русского генерала! Я пришел к нему сам!

Ему пришлось еще несколько раз кричать эту фразу, все ближе и ближе приближаясь к врагам. Наконец, словно в ответ на его крики, послышался треск сучьев, затем шумное дыхание и к гостю лихо подъехал на широких лыжах рослый здоровяк, в заячьем полушубке, с широким европейским лицом. Он не добро улыбнулся, показав белые крепкие зубы и зловеще проговорил:

– Что – то молод ты для генеральского чина, но все равно, мы рады такому важному гостю, следуй за мной. Мы так долго ждали этой встречи! У нас к тебе накопилось столько вопросов!

– Я шел не к тебе, а к Тутукано, – отозвался поручик, внимательно осматриваясь по сторонам.

– Он уже на пути к нашим кострам, – криво улыбаясь, выдавил незнакомец, поправляя лисью шапку. – А пока мы его подождем все вместе.

– А, ты его друг, что ли?

Бородач недобро рассмеялся и, давась, от смеха выпалил:

– Верно, я его друг! Меня зовут Чарли!

Орлов медленно брел, утопая по колено в снегу, за бандитом. Который ходко шел на своих широких лыжах, подбитых оленей шкурой, которые хорошо держали его на рыхлом снегу. Поручик с ненавистью глядел ему между лопаток, едва

сдерживаясь от соблазна расправиться с негодяем, погубившим совсем недавно Джона. Ему так хотелось остановиться, окликнуть этого бандита, и всадить ему пулю прямо в переносицу. Но пока, нужно было смиренно ждать удобного случая. Пока рядом с Чарли, не появится бесноватый Тутукано.

Вскоре они вышли к старым бревенчатым строениям, покосившимся от времени, рядом с которыми горел большой костер. Вокруг которого сидело шестеро незнакомцев в оленьих полушубках, огромных лохматых шапка, с давно не бритыми, уставшими лицами. Увидев Чарли, идущего с незнакомцем, они замолчали и с недобрим выражением на хмурых лицах, уставились на гостя.

Подойдя к костру, ирландец скинул лыжи и недобро глядя на Орлова, проговорил:

– Вот, джентльмены, индейцы оказались правы, к нам пожаловал, тот самый русский генерал, из – за которого все в этом королевстве, идет не так. Пришел так сказать сам – отчаянный малый, хоть и молод еще конечно.

– Его, наверное, американцы сами выгнали! – воскликнул один из сидевших, вскакивая при этом.

– И я не верю, что он сам пришел, – просипел сидевший напротив, простуженным голосом.

Орлов с безразличным видом посмотрел на говоривших и, обернувшись к Чарли уточнил:

– Где мне найти Тутукано? Он так желал меня видеть, что думаю, не стоит откладывать нашу с ним встречу.

– А, ты не гони волну, Генерал! – выпалил бандит, стоявший рядом с Чарли. – Нет тут пока Тутукано твоего! Только у нас и без него, к тебе вопросы тоже имеются.

– Говори где шхуна-а-а! – истерично завопил, один из бандитов, выхватывая нож. – Не то на куски порвем, не дожидаясь твоего Тутукано!

– Вот именно! – закричали все разом.

Ирландец, недобро улыбаясь, похлопал Орлова по плечу и, скрипнув, зубами процедил:

– Видишь, Генерал, как не довольны эти джентльмены тобой. Ничуть не меньше косоглазых аборигенов и этого пьяницы Тутукано. Видишь ли, мы очень сильно торопимся, скажи, где вы спрятали шхуну с капитаном Бернсом, и дожидайся своего индейца – это уже не наша печаль. Мы все так не удачно застряли здесь, по твоей милости, поэтому не томи нас. Да и красть чужое – это же не по джентельменски.

Взрыв пьяного хохота, взорвал тишину леса. Поручик осмотрелся по сторонам, отметив странное поведение примерно двух десятков индейцев, которые близко не подходили к костру, предпочитая оставаться на некотором удалении. Ведя себя при этом так, словно все происходящее, их не касалось вовсе. Затем посмотрел на сидевших у костра и твердо сказал:

– Я отвечу на все ваши вопросы, но прежде вы ответите на мой.

Новый взрыв пьяного смеха, разорвал тишину леса. Друж-

ки Чарли как по команде вскочили и с недобрыми лицами двинулись к гостю.

– Нет, вы только посмотрите каков наглец, – пробормотал Чарли. Останавливая жестом своих товарищей. – У него оказывается, тоже вопрос к нам имеется! Ну, что же давай мы уважим, гость, твое любопытство. Что хочет узнать, Генерал?

– Что вы сделали с человеком, работающим на агентство Пинкертон, которого забрали с территории кирпичного завода ночью?

– Нет, вы слышали, джентльмены? – давясь от смеха, выпалил ирландец. – А кем он тебе приходится? Другом или братом?

– Скорее другом, – отозвался поручик. Сжимая в кармане, подаренный кусок динамита. – Так, что вы с ним сделали.

– Видишь ли, Генерал, – пробормотал ирландец, вытирая слезы. – Этот вонючий янки, попортил много крови, мне и моим друзьям. Он участвовал в разгроме банды Джона Рино, в штате Винконсин, братьев Уолингтонов в Нью-Йорке, загубил в перестрелке Сесара Челлу. И еще много чего совершил этот поддонок со своими дружками – охотниками за головами. Так что теперь мы с ним квиты!

– Вы убили его? – повторил свой вопрос Орлов. Глядя на обступающих его бандитов.

– Нет, к сожалению, – прошипел Чарли, давясь от смеха, – этому янки повезло. В темноте, когда его тащили за ло-

шадью, башка этого пса налетела на пень! Она лопнула как переспевший арбуз! Мы с моими друзьями, даже не успели повеселиться, но мы всеравно довольны. Теперь одна мысль о том, что этого вонючего пса, уже сожрали койоты, будет греть наши души.

– Отвечай теперь, где шхуна Бернса! – выкрикнул один из бандитов. Ударив пленника, прикладом ружья в грудь.

– Отвечай, где она отдала якоря! – закричали все вокруг.

– Слышишь, Генерал, джентльмены волнуются, – перекосившись от злости, выдавил ирландец. – Их ждут дома, а они морозят свои задницы тут.

– Да, он издевается над нами! Он, наверное, хочет, чтобы ему вспороли живот и затолкали туда его башку!

Внезапно сильный удар в спину, сбил Орлова с ног. Несколько минут, ему пришлось лежать, уткнувшись лицом в снег. Пытаясь восстановить ускользающее сознание, терпя боль от ударов и пинков. Лишь громыхнувший, где – то совсем рядом выстрел, прекратил избиение пленника. После чего до сознания Орлова донеслись крики, спорящих о чем – то подручных Чарли. Поручик поднял качающуюся голову и подслеповато щурясь, уставился на подбежавших индейцев, из криков которых он понял, что Тутукано будет лишь к вечеру. Осознав, что главного врага не будет, а дожить до вечера ему вряд ли позволят бандиты, он решил не испытывать судьбу.

Перекрестившись, пленник достал дрожащими руками,

подарок капитана Смита и, улучив момент, кинул его в костер. Не успел он уткнуться лицом в снег и закрыть голову руками, как гроыхнул сильный взрыв. Взметнувшийся выше макушек деревьев, черный столб угляй, мороженой земли, горящих головешек, и частей человеческих тел.

Во внезапно наступившей тишине, поручик открыл глаза, вновь поднял качающуюся голову и с удовлетворением отметил, что взрыв смел всех участников спора, разметав их изуродованные тела вокруг. С трудом встав, и стиснув зубы от боли в спине, он зашагал не твердой походкой, по забрызганному кровью снегу, обходя человеческие тела, корчившиеся в предсмертной агонии. Ему с трудом удалось доковылять, согнувшись в поясе, до стены ближайшей избушки. Придерживаясь руками за бревенчатую стену, он с трудом выпрямился и только после этого переведя дух, прижался к ней спиной, чтобы ни потерять равновесие. С трудом достав из рукава, прожженного во многих местах полушубка револьвер и глядя на выходивших из – за деревьев индейцев, хрипло проговорил:

– Смелее, господа..., смелее..., сейчас вы увидите, как умирает русский офицер.

Десятка полтора чугучей, медленно окружали его, явно не торопясь броситься на обессиленного врага.

– Смелее, господа! – еле слышно, закричал поручик. С перекошенным от боли и злости, черным от сажи лицом. – Вы, увидите, что человеку православному, тоже не страшно

переезжать в квартиру вечную!

Внезапно приближающийся враг остановился и, переглянувшись, спрятался за стволы деревьев. Только тут, сквозь звон, стоявший после взрыва в ушах, до Орлова донеслись звуки одиночных выстрелов, со стороны города. Едва держась на ногах, закусив нижнюю губу, ему с трудом удалось добраться по стене до угла избышки. Проморгавшись, он с удивлением увидел одинокого стрелка, который с трудом шел во весь рост, по глубокому снегу, стреляя от пояса, явно не целясь, что – то крича при этом.

– Кто же ты такой? – прохрипел, офицер. Облизнув опухшие, потрескавшиеся губы, ничего не понимая в происходящим.

Лишь по мере того как расстояние стало сокращаться, Орлов с ужасом узнал в этом одиноком стрелке, шедшим на верную гибель, его верного боевого товарища.

– Стой, – прошептал он. Ошеломленный всей бессмысленностью этого отчаянного шага. – Степанов, стой! Уходи от сюда! Уходи!

Поняв, что урядник не слышит его осипшего голоса, не в силах хоть чем – то помочь, поручик продолжал стоять, едва держась на ногах. И стиснув зубы, смотреть, как на верную гибель, шел человек, всегда верой и правдой служивший России. Из того самого отчаянного и бесшабашного, казацкого племени, боявшегося лишь черта и Бога, наводившего ужас на врага, всегда радеющего за славу своей империи.

Внезапно громыхнувший, где – то совсем рядом, одиночный выстрел, остановил старого казака, он медленно опустился на колени и также медленно повалился лицом в снег.

– Зачем? – прохрипел Орлов с трудом, выходя из укрытия. – Ну, зачем? Зачем ты вышел за ограду?

Подобрав лежащую на снегу палку и опираясь на нее, он побрел, обливаясь потом и кривясь от боли к уряднику. Не обращая никакого внимания на стоящих поодаль индейцев.

– Ну, зачем ты, братец, вышел за сторожевой частокол? – хрипел Орлов, переворачивая казака на спину.

– Живой..., ваше благородие, – тихо отозвался тот, держась окровавленными руками за живот. – А, я уже думал, что на этом свете более уж и не свидимся.

– Куда же вы подевались с Розенбергом? – уточнил поручик, отдуваясь. Сосредоточенно озираясь по сторонам. – Сейчас я тебя перевяжу..., потерпи не много.

– Человек пришел, с русским лицом..., сказал, что нам спрятаться надобно. Вот мы у него с Давидом Марковичем и схоронились на время. А, как узнал, что вы за забор пошли один..., да еще с бомбой динамитной..., сразу смекнул зачем. Как же я вас мог одного без подмоги оставить?

– Не нужно было сюда идти, – бормотал поручик. Пытаясь остановить кровь раненному. Постоянно бросая взгляды в сторону бревенчатых построек, где за деревьями угадывались фигуры индейцев.

– Как это не нужно? Мы на Севастопольских редутах...,

спину врагу не показывали, – тяжело дыша, бормотал казак. – Негоже и здесь срамиться! Пусть и здесь..., все знают..., что русские всегда дерутся до крайности, до последнего вздоха и заряда.

– Не трать зря силы, казак, они тебе еще пригодятся, – прохрипел Орлов, озираясь по сторонам. – Что – то враги наши, не рвутся в бой, ведут себя как – то странно. Похоже, что и не рады они, что я к ним сам вышел.

– Обещай мне, ваше благородие..., что застрелишь меня лично, даже если в сознании буду, если нас в, полон, брать будут. От своего, от православного хочу пулю получить свою последнюю.

Поручик посмотрел на урядника, который с тоской смотрел в хмурое небо и тихо проговорил:

– Обещаю, казак, что и тебя застрелю и на себя патрон оставлю. Ты потерпи главное, сейчас понять надобно, что нам делать. Вижу две собачьих упряжки, к избушкам подъезжают..., никак Тутукано прибыл, будь он не ладен.

Поручику было хорошо видно, как к избушкам, где ему так удачно удалось расправиться с бандитами, лихо подъехало две собачьих упряжки. Как один из погонщиков, стал о чем – то говорит с индейцами, которые показали руками в его стороны, как несколько из них сели на нарты и погонщик отдав команду ездовым собакам, направился напрямиком к ним.

– Ну..., вот кажется и все, казак, – пробормотал офицер, –

кажется по нашу с тобой душу, карету отправили.

С этими словами Орлов с тоскою посмотрел на урядника, окинул взглядом молчаливо стоящий лес, затем подул на замерзшие пальцы рук и сидя на снегу, стал медленно поднимать дрожащий револьвер, держа его двумя руками. Готовый принять смерть в своем последнем бою.

Между тем упряжка быстро приближалась, поручик уже хорошо видел несколько индейцев, молча сидевших в совке, погонщика, который продолжал кричать, что – то размахивая свободной рукой. Внезапно до Орлова долетели крики на русском языке – это был Георгий из Николаевской слободы. Поручик опустил револьвер, все еще не веря в своим глазам.

– Не стреляй, офицер! – донеслось до него. – Это я, Георгий, из слободы! Узнал или нет?

– Вот, черт, – озадаченно прохрипел поручик. Все еще не веря во все происходящее. – Слышишь, Степанов? Вроде подмога идет к нам!

Но урядник уже потерял сознание и никак не реагировал на происходящее.

– Слава Богу! Кажись, поспели! – выдохнул Георгий, останавливая упряжку. – Все, офицер, кончай воевать! Шапку – то где потерял? Вся голова в снегу, да в хвое сосновой! С деревом, что ли бодался?

– О чем ты говоришь? Какая шапка? – с трудом встав, прохрипел Орлов. – Зачем ты приехал с чугучами? Скоро сюда приедет Тутукано!

– Уходят люди Тутукано отсюда! – выпалил тот, обнимая поручика. – Все! Конец войне! Дай я тебя обниму, а то ведь думал, не успею помочь, извелся весь с мужиками. Рад, что вы живы! А с казаком – то, что? Как он здесь оказался? Ему же было сказано в городе сидеть.

– Мне на помощь торопился, да пулю в живот получил.

Георгий повернулся к индейцам и что – то сказал им, затем посмотрел на урядника и тихо сказал:

– Ничего, сейчас погрузим в возок, до зимовищ доедем, повязку наложим, чтобы кровь остановить.

– У зимовищ индейцы, – ничего не понимая, проговорил офицер.

– Давайте, грузим казака аккуратно! – поторопил староста. – Говорю же, что уходят они! Мы когда в зимовниках своих добро прятали и знать не знали, что с вами беда приключилась, а когда кинулись к вам на подмогу, то оказалось, что шхуну вашу уже в океан унесло. Поэтому и не смогли подсобить, зато сейчас постарались вам помочь, да и нашим в городе с американцами заодно.

– Что же ты с мужиками такое Тутукано сказал, что он осаду снимает? – все еще не веря в свое спасение, прохрипел поручик. Глядя, как индейцы осторожно поднимают Степанова.

– Да, ничего особенного, – отозвался тот, махнув рукой. – Капитана мы навестили американского на корабле, что якорь в низовьях Юкона отдал. Он добрейшей души человеком

оказался! Как только прознал, что гарнизону американскому в Ситке ультиматум предъявлен, да за русскими охоту устроили, сразу с нами парламентариев отправил к вигвамам. Через них и объявил, что если не угомонятся люди Тутукано, то он якоря поднимет и двинет на всех парах в район, где они проживают. Объявил, что приказ отдаст на открытие огня из всего своего артиллерийского парка. Мне говорит в этом краю медвежьем, все одно делать нечего, заставлю, говорит прислугу артиллерийскую попотеть до изнеможения. Даже калым брать отказался! Угля говорит тут дармового много, пороховые погреба полные, вот говорит, и буду кататься вдоль берега, да из пушек палить, пока все деревни не сожгу индейские.

– Так и сказал?

– Так и сказал! Тут – то соплеменники Тутукано и озаботились всем происходящим! Быстро смекнули, что с новой властью дерзить не получится. Чует мое сердце, что они тут быстро порядок наведут, вот такие дела. Так, что конец войне, садись в возок, сейчас я тебя к избушкам домчу, а там и казаку твоему перевязку сделаем.

– Разве мы не в город поедем? – насторожившись, просипел Орлов.

Георгий одел на голову офицера свою шапку и, похлопав, по плечу сказал:

– Нельзя тебе в городе показываться, да и человек тебя один дожидается.

– Что за человек?

– Едем, сейчас все узнаешь!

Зайдя в один из покосившихся срубов, Георгий приказал положить раненного на стол, доставая из сумки бинты с какими – то флакончиками. Индейцы, тем временем молча, покинули сруб и поспешили за своими соплеменниками, которые уходили все дальше и дальше в лес. Орлов продолжал смотреть стоя в дверях, на все происходящее и не верил своим глазам. Все изменилось словно по взмаху волшебной палочки.

– Пока до берега родного доберетесь, все и затянется уже, – бормотал Георгий, – ну, а дома как известно и воздух лечит.

– Родина – это хорошо, – прошептал урядник, придя в себя. – Мне она..., каждую ночь снится, то, как наши станичники, на каждый праздник Святой Троицы..., после пасхи, в каждом доме полы устилают чебрицом, а у икон березовые ветки ставят... По утру поминают усопших..., да могилки убирают...

– Не трать силы, – тихо проговорил поручик. С трудом садясь на чурку у входа. – Его врачу показать надобно.

– Сейчас кровь остановим, тогда я его в город свожу, – отозвался Георгий. – У Смита врач хороший, заодно и Розенберга позову, пусть своим глазом глянет, как по быстрее, казаку помочь. Ну, а потом на парусник доставим в лучшем виде!

– Какой парусник? – поморщившись, уточнил Орлов.

– Который вас дожидается! – воскликнул промысловик. – Все, офицер, в Родину пора отбыть! Коли с нами проживать не надумал.

Поручик поморщившись, посмотрел на него и тихо произнес:

– Повтори, что ты сказал?

– Парусник говорю, вас уже заждался! Не рад, что ли, ваше благородие? Сейчас человек с его борта прибудет, про которого я говорил, что видеть вас желает. Он уже был здесь, сейчас вернется.

Степанов медленно поднял голову и, посмотрев, на Орлова прошептал:

– Ваше благородие, а может мне здесь остаться?

– Ты, чего это удумал еще? – буркнул тот.

– Не сдюжу я перехода долгого, – выдохнул казак страдальчески, – ревматизма все кости выкрутила. А тут еще в живот поранения получил..., не сдюжу я. Дозвольте здесь остаться, не молод я уже..., мне же качка все кишки вывернет проклятая.

Поручик с трудом поднялся и, прихрамывая, подойдя, к уряднику спросил:

– А как же твои станичники? Как же твои награды, за которые я похлопотать обещал? Да и чем ты здесь заниматься будешь?

– Ну..., награды не велика потеря, – отозвался тот, со сле-

зами на глазах. – Главное ведь, что честно служил России..., а раз так, то уже душевный покой на старости лет будет.

Георгий посмотрел на офицера и тихо проговорил:

– Ему бы конечно отлежаться, с таким ранением скверным, тяжело ему будет. Здесь ведь, офицер, тоже люди живут, так что и казаку твоему место найдется. Может и правда, не стоит его по океанам таскать?

– Видишь, ваше благородие..., глядишь, и я приживусь в слободе. А то может, отлежусь, да по весне с мужиками махну к Миссури. А, что? Перейдем ее, землю распашем..., скот заведем. Холодно мне, что – то...

– Сейчас я костер запалю, – пробормотал озадаченно поручик, – к огню тебя перенесем. Сейчас, голубчик, все сделаем.

Выйдя, прихрамывая из дома, Орлов стал собирать разбросанные взрывом головешки, чтобы как можно быстрее развести костер. Проходя мимо обезображенного трупа Чарли, который лежал в неестественной позе, с оторванной ногой, он остановился. Какое – то время презрительно смотрел на перекошенное от боли и страдания лицо, думая о том, что он все же сумел отомстить за погибшего американца Джона.

В этот момент, сквозь звон стоявшей в ушах, до него донесли команды погонщика.

– Оп! Оп! Наддай! – кричал тот весело. Явно находя удовольствие в езде. – Тянем веселее, собачки! Ха! Ха!

– Русский? – прошептал поручик, глядя на подъехавшую

упряжку.

Бородатый незнакомец, в стареньком армяке и огромной бобровой шапке, лихо подрулил к избушкам и проворно спрыгнув с саней, так же проворно поставил упряжку на якорь. Убедившись, что сани надежно зафиксированы, он снял меховую рукавицу и, огладив, бороду с сосульками направился к нему.

– Георгия не видел любезный? – спросил он подходя. Озадаченно глядя на истерзанные тела людей Чарли.

Орлов покачал головой и, бросив собранные головешки в кострище тихо пробормотал:

– В избе он, Александр Федорович, помощь казаку оказывает.

– Мы с вами знакомы? – с удивлением спросил тот. Внимательно всматриваясь в странного человека. С грязным, опухшим от побоев лицом, перепачканном, прожженным во многих местах, стареньком полушубке.

Поручик тяжело вздохнул и, покачав головой, хрипло вымолвил:

– Мы, с вами когда – то были юнкерами, в артиллерийском училище, в другой жизни конечно.

Орлов узнал этого человека, одетого в простую одежду и не чем не отличающегося от обыкновенного промысловика. В отличие от него, Семенов помимо артиллерийского училища, закончил еще и Артиллерийскую академию, из – за чего жизнь развела их по разным гарнизонам и ведомствам.

– Что – то я вас не припоминаю, почтенный, – вымолвил тот, подходя ближе.

Орлов стянул шапку и, покачав, головой спросил:

– Неужели поручик Орлов так изменился, Александр Федорович?

– Боже ты мой, – тихо пробормотал тот с ужасом. Быстро оглянувшись по сторонам. – Не признал, извиняй! Но и видок у тебя! Досталось, смотрю тебе тут? Дай я тебя обниму! Черта окопного!

– Да, уж, – усмехнулся офицер, обнимая старого приятеля. – И на море пришлось драться до самой крайности, и на берегу бои принимать. Ты – то здесь как оказался?

– Так меня по распоряжению с выше, сюда откомандировали! С тем, чтобы вас всех, кто к вашей экспедиции приписан, на парусник забрать. А этих не ты порешил?

– Да, побеседовали душевно. Так ты, стало быть, нас ждал?

– Да, не только я ждал! – выпалил тот. – Целый парусник с судовой командой, вас дожидается! Ничего для вас все уже позади. О подвигах ваших самому Великому князю Константину Николаевичу будет доложено!

– О чем докладывать собрались? – поморщившись, уточнил поручик. – Ты, что не понял? Один я с обоза сюда вышел, вон казак еще лежит в живот раненный, а полковник Калязин с обозом пропал. И как я не пытался его сыскать, нету нигде его следов, словно растворились в лесах здешних.

А ты говоришь, что докладывать собрались. О чем?

Семенов хитро улыбнувшись, подмигнул и, перейдя, на шепот выпалил:

– О проведенной вами с полковником Калязиным, успешной секретной операции!

– Ты, видимо не понимаешь или не знаешь, что здесь происходит, – покачав головой, отозвался поручик.

Семенов похлопал его по плечу и так же тихо добавил:

– Ну, обо всем подробно, это ты на борту парусника изложишь на бумаге. А то, что вы приказ выполнили с полковником прекрасно, так об этом и доложено будет и поверь, я знаю, больше чем ты думаешь. Указ будет как положено, о производстве тебя в следующий чин, Константин Петрович, отпуск по прибытию получишь продолжительный. Для поправке, так сказать своего здоровья! А далее к новому месту службы по своему выбору. Ну, как?

– погоди, Александр Федорович, – зажмурившись, пробормотал Орлов. Я, что – то совсем запутался. О каких успехах ты ведешь речь? Полковник с обозом пропал! Инженер последний погиб, которого я должен был в Петербург доставить с образцами!

– Так в том – то все и дело, что жив полковник Калязин! И людей он всех своих вывел без потерь, как ему и предписывалось! – улыбаясь, проговорил Семенов. – Он сам нашему представителю в Канадском порту при отбытии в Родину и доложил.

– Как же так? Я ничего не понимаю, – потрясенный всем услышанным, пробормотал поручик. Буквально огорошенный таким поворотом событий. Как же так? Что же это за операция такая была? Здесь же столько людей погибло!

– На войне как на войне, Константин Петрович, – со вздохом отозвался Семенов. – Сейчас уже про это говорить можно. Все дело в том, что задумка насчет продажи землицы этой, давно висела в кабинетах начальствующих, да заломов на этом пути было множество.

– А, ты откуда про это знаешь? – тихо спросил поручик. Огорошенный всем услышанным.

– Вот те раз! Нас же сюда следом за вами отправили, по распоряжению секретной канцелярии. Цель была поставлена – в негласном содействии через людей прикормленных, барону в Вашингтоне, а на завершающем этапе операции вас забрать отсюда. Если конечно в живых вы бы остались. Потому и парусник торговый и одеты мы все в платье гражданское. Признаюсь честно..., сомнения, конечно были, насчет вашей миссии, обстановка ведь менялась каждый день. А вы не только дошли до форта есаула покойного, вы еще и сюда выйти смогли, притащив за собой людей ордена католического. Они ведь до сих пор считают, что через образцы ваши, можно до золота Аляски добраться. Потому кстати и нельзя тебе в городе больше появляться. Людишки их там зашевелились.

Орлов стоял несколько минут молча. Пытаясь придти в

себя от всего услышанного, глядя, как Семенов ловко разводит костер. Потом внимательно посмотрел на старого знакомого и сильным голосом спросил:

– А какое ты имеешь отношение к секретному ведомству?

– Меня туда отрядили лет пять назад, – отозвался тот. – Смотрю в сомнениях ты весь, Константин Петрович? Но я не в обиде! Все правильно, слишком много на тебя свалилось тут. На держи, чтобы все на свои места встало.

С этими словами Семенов сунул руку в карман и, достав оттуда какую – то вещицу, сунул ее в руки совершенно обескураженному поручику. Тот внимательно посмотрел на нее – это была черепаховая табакерка.

– Теперь все понятно, ваше благородие? – уточнил тот. Глядя с прищуром, как разгорается костер. – Я, должен был ее тебе передать в харчевне, представившись человеком торговым. Только не все там заладилось, в этом городе Ситка. Капитан Смит военное положение объявил, усиленные посты выставил, тут эти индейцы со своим ультиматумом..., одним словом переигрывать все пришлось на бегу. А тут и ты сам вышел за забор, пока мы тебе встречу готовили в другом месте.

– Значит, полковник жив, – пробормотал Орлов, глядя на пламя костра. – Значит и казачков он вывел?

– Да, говорю же тебе, что жив он и казачки живы! Несмотря на все трудности, выполнили вы свою задачу.

– Отчего же так все хитро закручено было?

– Зато как достоверно все получилось! Ведь все эти святоши платные, до сих пор, наверное спят и видят, как они добыв планы и карты с координатами золотиносных жил, отправят людей работных для разработки жил золотиносных. Вооружив их кирками, да лопатами с емкостями для промывки золота. Представляю, какое их ждет разочарование!

– Куда же тогда подевался обоз? Про его судьбу я у многих людей узнавал, но все отвечали, что он так и не пошел по берегам Славянки.

– Желания жадного, известны заранее, – проговорил Семенов, доставая портсигар. – Поэтому с ним легко иметь дело. Это наш прямолинейный Скобелев считает, что достаточно приблизится к индийским границам, что уже само по себе будет равносильно удару, нанесенному по Англии в самой Европе.

– К чему ты все это говоришь? – нахмурившись, уточнил поручик. Пытаясь прикурить дрожащими руками протянутую папиросу.

– К тому, Константин Петрович, что в разведке, как и в политике, все гораздо сложнее, чем в штыковой атаке. Надобно было убедить "псов господ", увязаться за твоим отрядом. Отвлечь их внимание от основного действия, которое разворачивалось в Вашингтоне, чтобы они не мешали, завершить начатое барону. И нам удалось это сделать, они поверили, что куда важнее узнать точные координаты золотиносных жил, чтобы потом скупить права на эти участки по

– дешевке. Чем тратить силы, ченя препятствия в Вашингтоне. Поэтому они и прибились к обозу вашему, а мы, разумеется, всячески способствовали этому. Ну, ничего, не за горами те времена, когда народы повсеместно будут громить все на чем стоит печать Рима, за все – то подлое, что он принес на этот свет. Кстати, инженер Неплюев точно погиб?

– Точнее не бывает, люди из слободы Николаевской подтвердили, что найден он был в лесу замерзающим и искалеченным. От помощи отказался, просил дать ему умереть смиренно..., после чего и был похоронен как хрестьянин.

– Видишь, как племя подлое во вкус вошло! Значит, верны были наши расчеты! Неспроста они зверства над ним учинили, значит все еще верят, что через карты можно к золоту придти.

Орлов покачал головой и тяжело вздохнув, проговорил:

– О чем ты говоришь, Иван Федорович? Инженер ведь не военным был, а голову сложил, да еще в муках.

– Да-а-а, жалко конечно мужика, но, к сожалению, на войне такое случается. И ты об этом знаешь не понаслышке. Частьенько гибнут и мирные граждане, как при боевых действиях так и в тайных баталиях.

В этот момент двери избы открылись, и на пороге появился Гергий, который попросил помочь ему перенести урядника в сани.

– Сейчас я его быстро домчу до врача, – бормотал Георгий, помогая укладывать раненного.

– Можно мне его сопроводить до города и вернуться обратно? – спросил поручик. Глядя на страдальческое лицо казака. – Заодно бы и простился кое с кем.

– Нет, поручик, – отозвался Семенов, покачав головой, – тебе в город нельзя уже. Не забывай, что война продолжается и там тебя уже усердно ищут. А с казаком можешь и здесь проститься, мы отойдем.

Оставшись наедине с боевым товарищем, Орлов с грустью посмотрел на его печальные глаза и тихо произнес:

– Давай прощаться, казак..., пришло значит время такое..., одно тебе хочу сказать напоследок..., не зря мы тут жили рвали, как оказывается. Товарищи наши с тобой, что обозом шли все живы!

– Вот как! – выпалил тот, с трудом улыбаясь.

– Да живы и домой уже следуют. Все мы с тобой делали правильно..., и не наша в том вина, что сложилось здесь все, так как сложилось.

– Ну и слава тебе Господи! Успокоил ты душу старика, ваше благородие. Ну, а про тех полчан, что полегли здесь, одно могу сказать..., им проще уже. Они уже слышат неизречимое пение ангелов, видят они все сверху и радуются за нас. А, меня простите, еже ли, что – то не так было.

– Что ты такое говоришь, казак? За что же мне тебя прощать?

– Так ведь у меня – то глаз фальшивил, то палец на курок не так ложился как надобно! За недостаток бодрости в теле

прощение прошу, ведь как не крути, а с молодым – то у вас глядишь и батальница бы сложилась по – другому.

– Не говори глупости, казак, – покачав головой, отозвался поручик. – Все, что мы могли мы делали, во славу Божию, во славу империи и трона. На таких как ты, голубчик, да Ванька безухий, вся Россия, держалась и держаться будет. И уже нет тут нашей вины, что пал сей бастион дальний... мы свою работу тут делали честно и примерно. Будешь в городе, передай спасибо Давиду Марковичу с шерифом за все, что они сделали. Отдельно капитану Смиту, передай мои слова благодарности, крепко он мне помог с гранатой динамитной. Я ведь этой самой гранатой Чарли с подручными взорвал.

– Значит, отомщен, Америка?

– Точно, казак, пусть теперь их кости койоты растаскивают. Винтовками, что мы в боях отбили, распорядись по своему усмотрению. И вот еще, что – возьми ты и вот это пожалуй.

С этими словами, Орлов зажмурился и, стиснув зубы от боли, с трудом сорвал с себя нательный пояс, сунув его уряднику за пазуху.

– Что это? – испуганно прошептал тот.

– Золото здесь, что инженеры собирали наши. Тебе для начала новой жизни оно ох как пригодиться здесь.

– Оно же казенное! – восторженно выпалил Степанов, пытаясь встать.

– Лежи, лежи, – успокоил его Орлов. – Для империи оно

уже за ненадобностью, а тебе здесь жить надо начинать заново. Может и правда надумаешь с мужиками за Миссури пойти..., а у тебя уже и капитал будет, на закупку того же скота. Здесь тысяч на пять в американских долларах потянет, одним словом и на дом со скотом, и на землю хватит.

– Куда же мне такие деньжищи? Я даже не знаю, что на них и по каким ценам купить можно! Да и законно ли это будет?

– А ты считай, что золото это тебе империя дала как награду, вместо крестов твоих, которые ты так и не получил. Думаю, что так будет по справедливости, за службу твою ревностную одним словом. А, что касаясь мудрости счетной..., ты мужик смекалистый, сообразишь как капиталом распорядиться. Исходи из того, что на четыре сто долларов американских, ты у канадцев на рынке, до ста голов скота можешь купить породистого. Ладно, казак, пришла нам пора прощаться, а то кровью еще изойдешь. Да и мне пора уже в Родину трогать, завоевался я здесь. Маминька с сестрой, уже, наверное, все глаза проплакали. Ну, прощай, более уж видать не встретимся.

Уже давно растворилась собачья упряжка среди деревьев, а Орлов все продолжал стоять с непокрытой головой, словно прощаясь не только с казаком, но и с частичкой себя, которая оставалась на этой дальней земле.

– Пойдем, Константин Петрович, к костру, в ногах правды нет. У меня фляга есть с коньяком французским! Давай

выпьем за встречу, за то, что когда – то были юнкерами, за то, что все закончилось, наконец.

– Разве мы не едем к паруснику? – рассеянно уточнил тот.

– Дождемся, когда вернется Георгий, тогда и двинем. Нам конфузы с тобой не нужны, а уж он обеспечит наше, сопровождение безопасное. Да и кое-что ему из продуктов нашему человечку в городе передать надобно. Остается он тут один и неизвестно насколько. Никто ведь не знает точно, что и как здесь сложится далее.

Орлов повернулся, надел шапку и медленно побрел к разгорающемуся костру.

– Я так до конца и не понял, – пробормотал он, – этого фокуса с основным обозом нашим. Как они в канадском порту оказались?

– Как только полковник убедился, что англичанин с миссионером за вами крепко пошли, то он изменил маршрут согласно приказу. Они сразу же повернули к канадской границе, где и пересекли ее в заданном месте. Ну, а как вышли к месту встречи у тотемных столбов аборигенов Дэгу, там их уже наш проводник ждал, из канадской королевской полиции.

Орлов с трудом сел у костра и помолчав, пробормотал:

– Я рад, что у казаков потерь нет, что добрались они все до порта. Этих казаков здесь и так полегло не мало... , они здесь, нужду терпели великую. Умирили от цинги и чахотки, гибли от пуль браконьеров и первостепенных народов. Из послед-

них сил радели за землицу цареву, а ее взяли и продали, как бочку с селедкой.

– Считаешь сие решение ошибкой?

– А разве нет?

Семенов пожал плечами, доставая из кармана квадратную флягу, и деловито проговорил:

– Ну, не нам с тобой решать, правильно это или не правильно. Мы с тобой не купцы и не политики, наша задача приказы выполнять, ни больше и не меньше. И мы приказ выполнили! Я с товарищами боевыми в Вашингтоне, а ты здесь врагов по ложному следу пустил на завершающем этапе. А все вместе мы помогли барону Стеклою свое дело сделать, а это значит, что облегчение ему привнесли в делах государственной важности. Держи флягу, Орлов! Все ведь хорошо закончилось!

– Можем же мы, иметь свое мнение, – отозвался тот.

– Конечно, можем! Я вот, например, считаю это очень дальновидным шагом.

– Почему?

– Эх, Константин Петрович! – воскликнул Семенов. – Ну, не может империя защищать эту колонию отдаленную! От того здесь и запустение такое..., казна в державе после войны вся в разорении. Одним, словом уж лучше продать, а то ведь и даром потерять могли.

– Супротив англичан и с американцами объединиться могли, а с представителями Рима, мы бы и сами управи-

лись, – буркнул поручик, глотая коньяк.

– Видишь ли, Орлов..., силу католического мира не стоит преуменьшать, как впрочем, и преувеличивать, – покачав головой, проговорил Семенов. – Известно ведь, что Вечный город, давно уже погряз в роскоши и богатстве, которые притекают к нему со всего мира. Во многом именно это и способствовало тому, что он стал центром торговых и финансовых операций. Однако для Рима, как и для его многочисленных орденов, сейчас наступили не лучшие времена.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурившись, спросил поручик. Медленно возвращая флягу, кривясь при этом от выпитого.

– Отношения между Римом и тронами все более осложняются. Сам Бисмарк заявил, что видит опасность в том, что католические круги и папский престол все больше влияют на политику Германии. И его тут же поддержала, независимая германская церковь. В той же Швейцарии, протестантские кантоны все активнее выступают за изгнание иезуитов, а их новая конституция вообще объявила о свободе и равенстве всех вероисповеданий.

– А, для иезуитов – это смерти подобно, – пробормотал поручик. Подкидывая в костер дымящуюся головешку.

– Вот именно! Да, что там Германия со Швейцарией? По донесениям наших конфиденгов, военно-экономический потенциал Наполеона третьего подорван! А, что это значит?

– Погоди, погоди, Иван Федорович, – прошептал Орлов. –

Ты хочешь сказать, что он будет вынужден, отозвать французский корпус из Рима?

– Именно так! – выпалил тот, хлебнув из фляги. – А, это значит, что итальянские войска займут Рим и присоединят его к Италии!

– Чудны дела твои Господи, – покачав головой, прошептал поручик. – Кто бы мог подумать, что падет сама папская область. А, что же говорит их папа?

– Он уже заявил, что в таком случае, никогда больше не покинет стен Ватикана! Понимаешь? Он теперь будет сидеть за стенами Ватикана! Так, что как только итальянские войска войдут в Рим через ворота Пия, Рим освободится от вековой зависимости папского престола. Не будет больше никогда папской области! Смекаешь, теперь, что в мире творится? А ты заладил Аляска, да Аляска!

– Да, выходит так, что весь мир стремительно меняется.

– Причем не только католический, но и православный!

– Что ты имеешь в виду?

– Наша империя православная, язвами постепенно изнутри покрывается. Революционный бред начинает набирать силу.

– Ты имеешь в виду бомбистов, поднимающих руку на самого императора? Или речь ведешь, о реформах коим препятствия чинят разные?

– И о том, и о другом, – отозвался Семенов, угощая папирисой. – Император убежден, что самодержавная власть

наиболее подходит нашей империи.

– Но ведь он прав! Такая огромная страна, со многими национальностями... Как же иначе управлять все этим хозяйством?

– Я тоже так считаю, только вот бомбисты думают по другому, – пробурчал Семенов, отхлебывая из фляги.

– Мне кажется, ерунда все это! – отрезал Орлов. – На кучку смутьянов, жандармерия всегда найдет управу.

Семенов покачал головой и, глядя, на пламя костра сказал:

– Дай то Бог. Только смутьянов становится все больше, а в рабочей среде появляются рабочие организации, которые уже начинают выдвигать политические требования. А это уже само по себе тревожно. Чего загрустил, Константин Петрович? В живых остался, дело сделал, радоваться надобно!

– Я, просто думаю..., что же с нами стало? Что стало с Россией, которая восхищала мир Жуковским и Далем, Глинкой и Пушкиным? Что стало с Россией, которая еще по указу Павла твердо встала на эту землю, через труды и подвиги таких как Беренг и Баранов и которая отказывается теперь от этих земель?

– Эх, Константин Петрович, – проговорил собеседник, возвращая флягу. – Не надо винить в этом никого! Все сложилось так, как сложилось! В воздухе пахнет новой войной, а мы еще от, старой не оправились. Куда тут еще за эти леса

да камни цепляться? Не до далеких колоний нам сейчас!

– Про турок имеешь в виду?

– Про них паршивцев, я говорю! В турецких провинциях Боснии и Герцеговины, да и в Болгарии, по данным наших конфиденентов, вот – вот полыхнут восстания супротив осман. Мы будем обречены на втягивания в эту войну, к сожалению, разумеется.

– Может еще удастся уклониться? – глотая коньяк, предположил Орлов.

– Долго уклоняться не сможем, осман поддерживает и подстрекает Англия, поэтому они и наглеют. Добавь к этому призывы к священной войне. Которые звучат из религиозных кругов Кокандского ханства. А к этому присовокупи, еще и заглавную неприятность на западных рубежах империи.

– О чем это ты? – прохрипел, поручик.

– Об объединении Германии! Которое в корне изменило соотношение сил в Европе. Теперь милый ты мой, на западных рубежах у нас, появилась мощная, а главное мощная в военном отношении держава. Для нашей империи, появление этого союза Германии и Австрии, на наших западных рубежах, представляет очень серьезную угрозу. Что хмуришься, Константин Петрович?

– Озадачил ты меня, Иван Федорович, новостями своими, – отозвался тот, – в сомнении я весь, в раздумьях и смятениях.

– Я же тебе говорил, что не все так просто. Ну, а теперь если сложить все вышесказанное мной, на одну чашу весов, а на другую положить, далекую и практически не защищенную колонию, то и будем иметь общую картину так сказать.

– Здесь можно было сделать ставку на союзников! По крайней мере, попробовать.

– Это на американцев, что ли? – уточнил Семенов вставая.

– Именно на них. Люди, между прочим, очень не плохие и храбрые! Мы с ними сюда пробивались.

Семенов осмотревшись внимательно по сторонам, кивнул головой и тихо проговорил:

– Американцы – это конечно хорошо. Только вот как быть, с их желаниями и стремлениями, безраздельно господствовать в Северной Америке?

– Но, мы же с ними прекрасно ладим!

– Это сегодня, Константин Петрович! А, что будет завтра, одному Богу известно. Вспомни Наполеона, когда тот увяз в европейских батальницах, а ему предложили продать Луизиану.

– Он не был глупым человеком – это правда, – поддакнул поручик, глотая из фляги обжигающий горло коньяк.

– Вот именно! Поэтому он и продал ее – и правильно сделал. Он понял, что если не продашь, то заберут силой и бесплатно.

– Это, как и с Мексикой, получается, – буркнул Орлов, глядя на товарища собирающего хворост возле костра. – Ко-

гда они уступили Калифорнию, после того как у них силой отняли Техас.

– Верно, смекаешь, Константин Петрович, – отозвался тот. – Потому и мы продали Аляску, заблаговременно и дружелюбно! Да и было бы из – за чего, здесь стоять твердо! Одни ветра с Арктики чего стоят! Здесь же сам знаешь, зимой даже водки выпить нельзя на улице! Ее здесь только лизать можно в кубиках или сосульках мороженную – издевательство для организма – да и только, прости Господи.

– А как же золото, наличие которого подтвердила и наша экспедиция? Разве не разумно было здесь его добывать, через него бы и империя богатела?

– Эх, Константин Петрович, – отозвался тот, бросая у коистра охапку сушняка. – Это наше счастье, что сведения, о его наличии и количествах, остаются до сих пор тайной. Об умолчании и ты бумагу на паруснике подпишешь. Иначе мы бы Аляску уже потеряли давно! Пусть теперь этот дикий край с его дикими нравами, озадачивает американцев, а не нас! Мы свое дело сделали. Кстати если будет желание, могу похлопотать за твой перевод к нам! А, что? Служба интересная, да и рост в чинах и званиях у нас не плохой. Я вон уже до подполковника дослужился! А для тебя после стольких лет служения, да еще с такими рекомендациями возьмут непременно.

Орлов горько усмехнулся и, посмотрев, на собеседника тихо сказал:

– Спасибо, Иван Федорович, конечно... , но только не для меня все это. Это ты у нас умный, потому уже и в подполковниках ходишь... , а я как был, так и останусь видимо окопным поручиком. Я лучше у маменьки отлежусь, да к генералу Баратинскому, дозволение испрошу на службу. Я же прямой как рельса металлическая, а у вас все по – другому... , у вас и негодяй может стать героем, как впрочем, и наоборот.

– Кого это ты имеешь в виду?

– Ну, к примеру барона Стекля возьми! Он ведь через выполнение поручения столь важного и сам не в накладе остался! Шикует сейчас в Вашингтоне, американец новый. Потому не для меня все это.

– Послушай, Константин Петрович, но ведь ему и впрямь пришлось ужом крутиться, меж молотом и наковальней, чтобы волю царице исполнить. И потом, об этом на берегах Невы ведомо! Все понимали, что дорога ему обратно закрыта будет. Бомбисты ему за старания столь ревностные, за "продажу Родины" приговор вынесли, так что не в чем его винить. Мог, конечно, он вернуться, но не захотел, но все это заметить, делалось по умолчанию благоразумному. К тому же решение о продаже как ты сам понимаешь, не он принимал – он лишь исполнитель способный. А само решение принималось на особом заседании, в присутствии лишь пяти человек. Барону же я слышал из казны, за сделку успешно проведенную, всего лишь двадцать пять тысяч выплачено было, американских долларов, на первое время его проживания и так ска-

зять на благоустройство первоначальное, вдали от Родины.

– Ты считаешь, что мало?

– Ну, если учесть, что за телеграмму, которую он через океан посылал он выложил десять тысяч, то думаю не много.

– А, наша экспедиция я так понимаю у барона в Вашингтоне, как козырь в рукаве держалась? Про запас?

Семенов подбросил в костер дров и со вздохом сказал:

– О золоте у нас молчали душевно – это, правда, потому что понимание было, что начнись золотая лихорадка, мы бы эти земли просто потеряли. Результаты ваших изысканий геологических, барон мог выложить лишь, в крайнем случае, лишь для того, чтобы переломить в нашу пользу последние сомнения в конгрессе. Американцы ведь и не помышляли об этой покупке, у них после войны своих забот в стране хватает.

– Умно, ничего не скажешь, – кивнув, буркнул Орлов, делая глоток из фляги. – И на конгресс при необходимости повлиять можно, и на госсекретаря, и на газетчиков, чтобы гнев сменили на милость, и за обозом "псов господа" отправить. Умом понимаю, почему и ради чего тайком от общества продали, тоже понимаю, а вот сердцем принять не могу, уж извиняй.

– Да Бог с ней, с этой землей проданной, – отозвался Семенов, садясь к костру. – Деньги как не крути, для империи ох как нужны и лишними не будут – это точно. Глядишь лягут в Сберегающий банк, а тот силою кредитов в освоении

того же Приамурья поучаствует. Так что империя от продажи ветров с медведями, выгоды тоже поимеет! Не за горами уже девятнадцатый век, все течет, все меняется.

– Да, хотел бы я знать каким он будет для России, – пробормотал поручик, возвращая флягу.

– Вот, вот! Значения и размеры всего происходящего сейчас в империи, да и во всем мире, мы с тобой при жизни вряд ли сможем оценить. Одно знаю точно..., испытания ждут империю великие. И все это заметь на фоне, стремительно меняющегося вооружения, как стрелкового, так и артиллерийского, что непременно повлияет на происходящие события, на весь их масштаб. Ну, что, Константин Петрович, вон и Георгий возвращается, пора в Родину трогаться. А то наш парусник "Святой Гавриил" застоялся уже на якорях, нас дожидаючись!

Опираясь на палку, Орлов с трудом встал, медленно стянул шапку, и подслеповато щурясь от искристого снежного великолепия, окинув взглядом, стоящий в тишине лес, сопки, и с тихой грустью проговорил:

– Ну, что же..., прощай Русская Америка..., видать и впрямь, все уж так сложилось на небе, что опустеть должны были здесь форты с русским лицом. Прощай.

Послесловие

В России, после неоднократных покушений на импера-

тора, 1 марта 1881 года был убит Александр второй. Этот террористический акт дорого обошелся всему обществу Российской империи. В которой на долгие годы власть оказалась в руках ярых реакционеров. Сложная и противоречивая действительность тех лет с их социальными потрясениями и войнами, значительно стерла такое значимое событие – как продажа Русской Америки.

Легенда о продаже земли лишь на 99 лет, специально подерживалась правительствами тех лет, для успокоения умов народных.

Свободные Соединенные Штаты Америки, не были готовы к управлению, а уж тем более к ведению активной хозяйственной деятельности на новых землях. Сказывался период восстановления и наведения порядка в южных штатах. Поэтому о новом приобретении почти забыли, на несколько десятилетий. И лишь в июне 1896 года, о ней вновь заговорили, причем не только в Америке, но и во всем мире – в Сан – Франциско на пароходе "Портленд" прибыли первые рудокопы. Которые привезли с Клондайка первые тонны золота, дав тем самым старт золотой лихорадке, сгубившей многие жизни. Добыча золота на Аляске, которая была объявлена штатом лишь в 1959 году, продолжается до настоящего времени.

До сих пор живут там и немногочисленные потомки русских поселенцев, в единственном русском поселении Николаевск на полуострове Кенай.

Именем госсекретаря Сьюарда, проклинавшего в свое время многими американцами теперь назван город и полуостров. Барон Стеклъ, которого проклинали современники за "продажу Родины" прожил в Соединенных Штатах семнадцать лет, после чего перебрался с женой в Париж. Деньги, полученные империей от продажи Аляски, были направлены, в том числе на развитие Транссиба, после чего акции железнодорожных компаний резко подскочили в цене.

Каждый год 18 октября американцами отмечается праздник День Аляски, который особенно торжественно празднуют в Ситке.

Конечно продажа столь значительной территории с позиции сегодняшних дней, выглядит полным абсурдом, но так уж сложились внутренние и международные процессы тех далеких лет, что Аляска не могла быть не проданной. Исторические процессы порою сплетаются в витиеватые узоры, они не всегда планомерные и не всегда предсказуемые.